

Гусейнов Чингиз

Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина

Чингиз Гусейнов

Не дать воде пролиться

из опрокинутого кувшина

Кораническое повествование

о пророке Мухаммеде

Кораническое повествование о пророке Мухаммеде известного писателя Чингиза Гусейнова, автора ряда произведений, изданных на многих языках мира, посвящено исламу, его взаимодействию с другими авраамическими цивилизациями - иудаизмом и христианством.

Всею логикой светский по своему характеру романа-исследования автор выступает как против тех, кто, не желая видеть гуманистической направленности ислама, связывает с ним ужас сегодняшнего терроризма, так и против тех, кто творит именем ислама чудовищные бесчинства, искажая его подлинный дух.

Замыслу подчинена трёхчастная композиция произведения.

Пророк, или Явление Книги - жизнь Мухаммеда до первых пророческих годов в Мекке, полных трудностей и драматизма.

Небошествоие - впервые предпринятое обстоятельное описание чудодейственного перенесения Мухаммеда из Мекки в Иерусалим (исра) и восхождения на семь небес (мирадж), где он, прежде чем предстать перед престолом Бога, встречается с пророками - Адамом, Ноем-Нухом, Авраамом-Ибрагимом, Моисеем-Мусой и Иисусом-Исой.

Потайное дно - попытка выстроить и рассмотреть суры Корана в хронологической последовательности, по мере ниспослания их Всевышним.

Оглавление:

Вступление ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОРОК, или ЯВЛЕНИЕ КНИГИ

1. Свиток, открывающий Книгу 2. Небесная твердь 3. Земные тропы 4. Год Слона 5. Семижды семь колен 6. Отблеск облаков кровавый 7. Красноречие повествователя 8. Полное вымя верблюдицы 9. Татуировка 10. Гадательные стрелы 11. Весомость истины 12. Махабба 13. И ты, как верблюжонок дикий 14. Век человеческий 15. Узлом завязанный язык 16. Величие числа 17. Черчение на песке 18. Сокрытый знак 19. Царапина на груди 20. Стрелы, коршуна пером оперённые 21. Курсивное письмо сасанидов 22. Круговой кубок 23. Увлекла вас охота 24. Калам из тростника 25. Волшебство заклинания 26. Сон и его разгадка 27. Чёрный камень 28. Яблоко, разрезанное пополам 29. Скорбь новолуния 30. Излучающие весть 31. Запах толчёного тмина 32. Первое из троекратного 33. Второе из троекратного 34. Ночь могущества 35. Белизна листа слепящая 36. Книга ниспослана! 37. Горсть пепла 38. Огонь сводчатый, воспламенённый 39. Высвобождённый из скалы родник 40. Ибо в тяготе молитвы лёгкость есть 41. Награда неистощимая 42. Неслышный зов 43. О, утро! 44. Дары за откровения 45. Будущее, которое прошлое 46. Убить - что есть проще? 47. Розовошёрстные верблюды 48. Обретение искомого 49. Картина читаемая 50. Звезда пронизывающая 51. Краски полумесяца 52. Три ключа 53. И дом их - пустыня 54. Тьма неведения 55. Тюки слов 56. Запретные сроки 57. Кривизна судьбы 58. Но почему ты, Мухаммед? 59. Тёмное нутро сундука 60. Выводили вас мледенцами, достигается ваша зрелость

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НЕБОШЕСТВИЕ

61. След ангела молниеносный в звёздном небе 62. И предстали предо мной пророки 63. Небо первое 64. Звучащая глина 65. Разговор мужчин 66. Удержанный от падения кувшин 67. Небо второе 68. По вас Он о людях судил, о мои земляки, и ужаснулся! 69. Небо третье 70. Ледопламенный ангел 71. Иудейских разрез твоих глаз 72. Изгнание 73. Экономить папирус! 74. Конечные круги

Первый оазис: Прибыл гостем - стал хозяином

Второй оазис: Осеннее разлитие желчи 75. Схожесть несхожестей

Третий оазис: Нетерпение ожидания

Четвёртый оазис: Ожидание нетерпения 76. Молодость, обгоняющая старость

Пятый оазис: Пусть кинет камень!

Шестой оазис: И бросил якорь

Седьмой оазис: ...а поодаль холодный бьёт источник 77. С чего началось? (восьмой оазис) 78. Пятничный сбор (девятый оазис) 79. Нет принуждения в вере! (десятый оазис) 80. Нет, не удалось! (одиннадцатый оазис) 81. Да будем состязаться в добрых делах! (двенадцатый оазис) 82. Нити расплзлись, и газель обезглавлена 83. И эхо задохнулось 84. Сиротством чувства обострённые 85. Небо четвёртое 86. Исчезнувшая могила 87. Ангел слёз 88. Небо пятое 89. Явленная тайна 90. И эхом: Не успеешь! 91. И снова эхом: Уж изгнан! 92. Расступившиеся облака 93. Чтоб к имени привыкнуть: Мухаммед 94. Словесный клубок 95. День различения 96. Всевышний разделит истину и ложь 97. Палач, облачённый в красное 98. Священная пятерица 99. Мимолётная жалость, или Гнев растаявший 100. Невыносима боль земных страстей 101. Срезаемые стебельки 102. Уползающий змеей свиток 103. Разверзлись облака 104. Перо птицы Симург 105. Нежданно в небе клич 106. Небо шестое! 107. Как разнятся ваши помыслы! 108. Небо седьмое 109. Всепрощение побеждённых 110. Очищение 111. Рухнувшая мечеть 112. Доколе?! 113. Суметь постичь возникшие виденья 114. Сто тридцать три

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПОТАЙНОЕ ДНО

Предпосланное Мекканские суры 1 (96). Ступок 2 (74). Завернувшийся 3 (105). Слон 4 (106). Курайши 5 (108). Изобилие 6 (111). Пальмовые волокна 7 (112). Искренность 8 (113). Рассвет 9 (114). Люди 10 (2, 3). Предрешённое 11 (104). Хулитель 12 (107). Милостыня 13 (102). Страсть к приумножению 14 (92). Сокрывающая ночь 15 (94). Рассечение 16 (93). Утро 17 (80). Нахмурился 18 (97). Ночь могущества 19 (51). Рассеивающие 20 (68). Калам, или Письменная трость 21 (87). Высочайший 22 (95). Смоковница 23 (103). Предвечернее время 24 (90). Город 25 (73). Упорствующие 26 (85). Созвездия (Зодиака) 27 (101). Сокрушающее 28 (99). Землетрясение 29 (82). Раскалывание 30 (81). Свёртывание 31 (84). Развернется 32 (100). Мчащиеся 33 (77). Посылаемые 34 (78). Весть великая 35 (109). Неверные 36 (83). Обвешивающие 37 (88). Покрывающее 38 (15). ал-Хиджр 39 (89). Заря 40 (75). Воскресение 41 (86). Идущий ночью 42 (91). Солнце 43 (53). Звезда 44 (20). Та Ха, или Муса 45 (79). Вырывающие 46 (69). Неотвратимое 47 (36). Иса 48 (52). Гора 49 (56). Неизбежное 50 (1). Фатиха, или Сура молитвы 51 (70). Ступени 52 (55). Всемиловитый 53 (54). Луна 54 (37). Выстроившиеся (ангелы) 55 (50). Каф 56 (26). Поэты 57 (19). Марйам 58 (38). Сад 59 (72). Джинны 60 (67). Владычество 61 (23). Верующие 62 (32). Челобитие 63 (71). Нух 64 (76). Человек 65 (44). Дым 66 (36). Йа, Син 67 (43). Украшение 68 (21). Пророки 71 (17). ал-Исра, или Ночное путешествие 72 (18). Пещера 73 (41). Разъяснённое 77 (16). Пчёлы 86 (29). Паук 87 (42). Совет 88 (10). Йунус 91 (7). Преграда (между раем и адом) 92 (13). Гром 94 (6). Скот Мединские (Йатрибские) суры 98 (2). Месяц рамадан 104. (8) Добыча 105 (47). Мухаммед 106 (3). Семейство Имрана 107 (3). Бадр 111 (4). Женщины 113 (4). Финиковая плева 114 (4). Благословение 120 (58). Пререкающаяся 130 (9). Покаяние 131 (5). Трапеза 132 (5). Печаль 133 (5). Завершение 354-360

Вступление

Не для каждого, увы, чтение подобных сочинений, тем более читателя сегодняшнего, извини меня, но это так, - моды пошли иные, но не всё ведь убегать во внешний мир, гнаться за текущим, придёт время, когда уходить будет некуда, кроме как в самого себя. Впрочем, даже я сам порой спотыкаюсь, продираясь сквозь заросли слов, имеющих как будто в отдельности смысл, а в сцеплении становящихся, зачастую независимо от тебя, запутанными, головоломными.

Для себя создавалось повествование. Чтобы услышанное во мне, ниспосылаемое неведомо откуда и порой не могущее быть ни понято, ни понятно, обрело подобие ясности, которой как не было изначально, так нет и теперь. Будто кто меня вынудил: Сядь! Возьми в руки перо! Не думай, что лист, который пред тобой и пока сохраняет белизну, не заполнен письменами. Сумей вчитаться в сокровище!

А свитки, обретенные мной в долгом пути, испещрены вязью из букв и слов, не поймёшь, где начало, где конец, ветхие и в обрывках, это как чтение начертанного на песке, а тут ещё надписи на глиняных плитках, разве не интересно воочию представить, как деревянным резцом сначала выводится строка на них, затем обжигается в печи? на воловьей или телячьей коже, лопаточной кости верблюда, какая была значимость слова!.. резцом железным с оловом на камне начертанные, запечатлённые каламом на папирусе. И вдруг хаос дорог обрёл завершённость, логика прожитого высветилась, и надо лишь язык таинственных символов перевести на язык то ли веры, к которой долго шёл, то ли согласия с самим собой, которое наконец-то обретоно, и ты, завершив труд, облегчённо вздыхаешь: Только так и должно было быть, никак иначе!

Тут придётся назвать множество мест на земле, где у меня, точно я автор, а не всего лишь переводчик свитков и сур с огузских свитков, который, не лишённый, увы, тщеславия, иногда позволяет себе дерзость выступить в заманчивой роли повествователя, возникали подсказки или озарения, основанные на знании + неумолимой логике + интуиции*:

* По исламу, интуиция - часть науки толкования Корана и даруется тому, кто, действуя на основании знания, обретает её через труд и подвижничество.

это Баку, где в угловом доме на Старой Почтовой улице, в комнате с ангелами на потолке, нарисованными масляной краской, мне выпало счастье родиться. Слышу голос бабушки моей - как тут не вспомнить мне её, мудрейшую Наргиз Алекбер кызы, которая, да будет благосклонен к ней Бог, так и не сумела научить внука (а как она старалась!) аятам Корана и чтоб запомнил имена двенадцати шиитских имамов, а главное - чтоб ничего в жизни не предпринимал, прежде не произнеся: Бисмилла', или Во имя Аллаха!

это Стамбул, глядящий красотами мечетей на Европу и обращённый великолепием садов к Азии. Недоумевали единоверцы: Повествование о Мухаммеде?! А не является ли, - нападали на меня, - наша с вами вера, изначально, может, и замечательная, кто спорит? но помехой на пути к общечеловеческому? Но чем более я их убеждал - а они перечисляли и то, и другое, и третье, что столь рьяно насаждают ортодоксы и фанатики на удивление Самому Аллаху, Который, увы, устал вмешиваться в дела людские: Доколе?!

А я уже в Медине, где покоится прах Мухаммеда, прежде - в Мекке, где он родился, и мне близка дата его рождения: двадцатое апреля, или девятое число месяца раби-авваль, которую вычислил египетский богослов аль-Худари, да будет доволен им Аллах, в книге Свет истины... - о, пески Аравийской пустыни, желтые, белые, серые, даже красные, зыбучие и сыпучие!.. ощущаешь на лице их жар, горят от сухости глаза, но вот подул ветер, приведший пески в движение, вскоре наступает жёлтая мутная мгла, небо сплошь затянуто, солнце - бледное пятно, в кожу въедаются всепроникающие песчинки, хрустят на зубах... - не уберечься! самум! гонимый ветром, я вдруг очутился на улочке, где увидел незаметный приземистый домик: не здесь ли у своей сестры, преследуемый земляками и дабы спастись

от убийц, Мухаммед услышал громовой голос ангела Джебраила:

Эй, Мухаммед!..

Пророк вздрогнул, кувшин, полный воды, который он пригнул, чтоб совершить омовение, выпал из рук, - ангел повелел ему, прежде чем пуститься в спасительное бегство, перелететь на легендарном коне Бурак, или Молния, из Мекки в священный град Йерушалаим, оттуда взойти на семь небес, встретиться с пророками и предстать перед Троном Бога. Это длилось всего лишь миг, и Мухаммед, воротясь из небошества, успел удержать выпавший у него из рук кувшин - отсюда и заголовок всего повествования: Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина.

И ещё города - Нью-Йорк., Иерусалим... И до слуха моего донеслось, оглушив меня: Джихад! Джихад!..

Постойте! - крикнул самоубийцам, которым казалось, что, убив себя, погубив ни в чём не повинных, попадут в рай.

Нет, попадёте не в рай, обманутые своими вождями-дьяволами, а в ад! в пекло! в геенну огненную! А что до джихада... - я до хрипоты и жжения в горле вопил, но кто мне внимал в гаме и стоне? И слова пророка звучали в моём голосе:

И да не будут ваши уши глухи к тому, что я скажу!

Три вида джихада есть: малый - война в защиту! но если напали! если изгоняют тебя из твоего дома! Средний - это бесстрашно говорить правду вождю, ничего не утаивая! ибо не любит вождь, когда говорят ему правду, может тебя погубить! Но есть, есть джихад большой! война постоянная! великая война! не прекращается ни на миг! внутри тебя война, во всём твоём существе между дьявольским, шайтаним, сатанинским в тебе и божественным в тебе!

И эхо волн, переводящих знаки в слова, чутко ловили антенные вершины сосен в Переделкине, устремлённые высоко вверх, в самое небо, в окружении которых, олицетворяющих несгибаемость, подвигающих к творческому уединению, есть дом, где я... - но о том уже было, и посему:

Иншалла! Да будет на то воля Всевышнего Аллаха!

А начало начал всех молитв - семь славных строк коранической суры Фатиха:

Бисмиллахи-рахмани-рахим - Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Хвала Ему, Богу миров,

Всемилоствому, Милосерднейшему,

Вершителю дня Судного!

Тебе мы поклоняемся, взывая о помощи!

Веди нас по дороге прямой,

по дороге тех, которых Ты милостью своей облагодетельствовал,

а не тех, которые под гневом Твоим, и не заблудших.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОРОК, или ЯВЛЕНИЕ КНИГИ

Поэтическая хроника пророческих свидетельств избранного Богом, но преследуемого людьми Мухаммеда, чьё имя - да не померкнет оно в веках! означает Достойный Восхваления.

1. Свиток, открывающий Книгу

И да будет Богом,

Доставляющим радость творчества,

дозволено мне, верующему в сокровенное и тайное, завершить повествование,

хотя, не успев начаться,

разве оно уже не завершилось с помощью Того, Кто

Вычисляет судьбы?

2. Небесная твердь

- ... Да, много у меня было отцов, и первый... - Мухаммед умолк. Вид мироздания с

неба, захватывающий поначалу дух, стал привычен: под ногами ощущаешь опору. Но отчего пауза? - Теперь и не вспомню, кто поведал о сказанном матерью.

- Забыть такое!

- Так ли важно, кто сказал? - Внеся смятение в юную душу!

Под ногами заколебалась небесная твердь: о ком он? Смутно помнит плачущую мать. Однажды увидел, как тонкие её губы дрогнули, беззвучно потекли слёзы по смуглым щекам - ей было обидно, а за что, теперь уже никогда он не узнает. И не понять, как уживаются кровная привязанность и зависть, переходящая во вражду. Но память вытесняет горестное: мать уже весела, глаза, вымытые слезою, поблескивают, она перебирает, соединяя и напевно произнося буквы арабские в разных сочетаниях, - только что были Алиф, Лям и Мим, но уже добавлен к Алифу Джим, а к Ляму Нун, и вяжется тайнопись. Отчего-то всё чаще возникают рядом, порой сливаясь с материнским, иные женские лики - светлые, как крупные звезды, которые сияют на ночном небе. Что-то привиделось матери? Солнце ли, собрав всю мощь, неподвижно застыло в тот день над песчаными холмами? Блеск его величия был столь ярко, что слепящий свет разлился в мире. Невесомая яркость казалась ощутимой, скользя, словно в руках переливающийся шёлк. На пороге девичества, когда ещё подросток, но уже пробуждается женское и лик озаряется загадочным светом, у будущей матери Мухаммеда Амины-хатун*, да благословит и приветствует Бог их обоих, Мать и Дитя, потрясение было, что можно родить, не будучи замужем. Непорочно. Слово, от которого замирает сердце. Что такое прежде случалось. И не раз! Но у особо отмеченных! Ни к кому не всходивши на ложе... - это про какую-то богиню.

* Хатун - слово тюркское, означает высокопоставленная госпожа. Прибавленное к имени арабки Амины, особы-де невлиятельной (что спорно, если учесть, кого она родила), может вызвать у арабов неприятие: мол, надуманная прибавка хатун противоречит исторической правде. Согласятся с ними и персы, причисляющие себя к началам Света (отсюда их представление об Иране как о царстве Света), зачастую выступают антагонистами арабского, но главным образом - тюркского мира, олицетворяющего якобы Тьму (отсюда толкование персами Турана как царства Тьмы). Но при этом персы одарили Фатиму, дочь Мухаммеда и жену Али, Наивысшего из Наивысших, именно титулом хатун, называют её не иначе как Хатуни-Дженнет, или Райская Госпожа. Наличие слова хатун естественно в свитке, чей язык среднетюркский, или *ortag turk*, в основе которого - язык огузов, и потому словосочетание Амина-хатун оставлено без изменений.

А ты сама?! - Сначала вопрос, а потом восклицание, точно игла, чтобы зашить мысль?

Явление матери было!

Явственно услышала прозвучавший в ночи неземной голос?

... Как-то ночью в нестерпимую жару, когда Амина-хатун была одна и легла спать, изнывая от жажды, то ли во сне иль наяву услышала шёпот, но прогрехотало в ушах, точно гром: - Ты беременна! - Нет, - возразила тотчас, не смея открыть глаза, - я бы знала! - Знает Он! - Кто? Шёпот был настойчив:

- Не тревожься! Ты беременна сыном - любимцем Бога! - Но... - Не перечь! - Кто смеет... - загорелась в ней бедуйская кровь.

- Молчи! - перебил. - И слушай, что говорят тебе! - Замерла от страха. - Отныне ты носишь в себе лучшее создание всех миров!

Открыла глаза и чуть не ослепла от света - солнце, собрав в пучок, будто женщина - волосы, свои лучи, устремило всю их яркость на неё. Тут же откуда ни возьмись - может, прежде, чем был услышан голос? красивый белый голубь. Он крылышком коснулся её жаркого тела. Не спеша и нежно погладил бедро. И она испытала неизведанное доселе наслаждение. Высохли губы. Горело нутро. Очень захотелось пить. И вдруг в руке у неё кто

ж преподнёс? - медная чаша с шербетом. Напиток был ледяной. Белее молока и слаще мёда. Осушила до дна и, обессиленная, счастливая, откинулась на подушку. - Сохрани эту тайну в себе, - был шёпот, и гулко застучало в груди. - И когда родишь, - наказывал голос, - промолви вслух: "Поручаю сына покровительству Единого и Всесильного!"

Повторила, чтобы запомнить. Но испугалась и забыла. А утром вспомнила и проснулась. И да защитит Он, - тут же прошептала услышанное, - сына от козней завистников, глумления недругов и вероломства врагов! И чтоб сына нарекла... - вспомнила, что было названо новое, доселе никому не известное имя: Мухаммедом назовёшь! - Что за имя? - с дрожью в голосе спросила. Прежде не слышала! - Мухаммед, или Прославляемый. Красиво и с очевидной таинственностью сказанное! Про множество отцов? Но в твоих устах красивое чудодейственно обрело реальные черты, и тропа небесной таинственности... - тотчас перебил (но кто кого?):

Не точнее ли сказать: небесная тропа таинственности?

А проще - небесная тропа.

Еле улавливаемая под ногами?

И она, эта небесная тропа*,

* Структура текста, отражающая как бы спуск с неба, сохранена по оригиналу.

незаметно и плавно

опустилась на зелёные склоны гор,

и, заглянув

как же пройти мимо, не остановиться пред пещерой?

даже вошёл в неё, где в уединении проводил дни и ночи,

и столько всего здесь передумано!..

И зашагал, твёрдо ступая, по неровной,

извилистой

земной тропе, спускаясь в сумрак ущелья,

и она вывела,

преодолев трудный подъём, на гребень горной гряды,

откуда в предутренней дымке

открылся взору Мухаммеда родной город Мекка.

И так впредь!

3. Развёрнут свиток, чьи строки - точно Земные тропы, так и назван он, исписанный крепкими чёрными чернилами.

Дабы уберечь записи?

Свиток манит чтеца, от взгляда текст оживает, ибо кому нужен, если не согрет вниманием?

Но если ты зряч и не залиты глаза чёрной водой.

И грамоте если обучен!

Когда от соединения букв образуются слова?

И каждый раз изумлённо произносишь, очарованный звучанием слов.

И постиг тайночтение?

Но и не покинуло уразумение видимого и невидимого!

Ну да, кто станет омрачать сомнением то, что произошло? Был зачавший тебя отец Абдулла, или Раб Аллаха.

Но Аллаха, уточни, дабы не было путаницы, ещё не явленного мне!

Ну да, раб не Бога, Единого и Открывающего Истину, а всего лишь идола, кого тоже звали Аллахом *, и восседает он каменной глыбой в благословенной ныне Каабе!

* До получения Мухаммедом откровений от Всевышнего Аллаха среди арабов почитался идол, которого тоже звали Аллахом, - младший брат и тесть главного идола храма Кааба - Хубала, чьи жёны Лат, Узза и Манату были дочерьми Аллаха.

И был помимо истинного отца моего - Абдуллы, но к счастью моему - меня усыновивший дед Абдул-Мутталиб.

Но и третий был отец, дядя твой по отцу Абу-Талиб, который тогда носил другое имя: Абу Манаф, или сын Манафа, в честь языческого божка.

Не скажи так быстро: никто за нами не гонится.

Годы торопят - жизнь коротка, а слово несовершенно!

Но все пути как будто пройдены.

Лишь на земле!

Жизнь разве не одна?

Что на земле - одна!

А на небе, где был я, взлетев с земли (и опасался, что не сумею воротиться), движения будто нет, и не с чем сверить поступь,

и взгляд не просто зрение пары глаз, - наделены особым свойством: приблизят малое, чтоб явственно оно предстало перед взором,

и отдалят громоздкое, чтоб охватить и разглядеть сумел его бескрайние пределы, земными мерками не измеряемые.

...Но речь не об отцах, которые названы, - о вслух не произнесённом!

Что осталось невыговоренным?

Оцарапав, однако, горло, точно рыбья кость.

И от кашля твоего я вздрогнул.

Оно у тебя всегда было слабое.

?!

Что первый - неведомый!

Тогда мог не знать.

Ты об Исе, рождённом Марьям?

Не только!

Ну да, прежде, до-до-до Исы, был Митра. А ещё прежде... - и множество новых до, выстроенных, точно верблюжий караван, прокладывающий путь из будущего в прошлое.

...О чём только не узнавали мекканцы от приезжих купцов: персидских их земли простираются от моря до моря, египетских - страны фирауна, как называют они фараонов, византийских - бизанцев, индийских - из Индостана везут корицу, мирру, золотой песок, слоновую кость, а далее - Чин, край света, где некогда из крыла вечной птицы выпало нетленное перо, не отысканное до сей поры.

Солнце как животворящий дух?

И явится вживе!

Это что же: святой луч, вносящий неземное семя в женское нутро?

Но не единожды говорилось о таком рождении!

Непорочное, как сказывают, зачатие?

Так привиделось матери!

Может, она, как Дева Марьям, созерцала Бога и даже услышала, как Он сказал ей, как некогда молвил Деве Марьям?

Ирония неуместна! Дай хоть договорить, что молвил Бог: "Блаженна ты, ибо не дрогнула при виде Меня!"

Не пора ли развернуть новый свиток?

Мелкая узорчатая вязь, отливающая позолотой, ровные меж строк просветы, сохранившие первозданную белизну.

Без начала и конца? Даже названия нет!

Ты не внимателен - заголовок спрятан в витиеватом орнаменте искусного каллиграфа:

4. Год Слона

(1) Свиток, - отмечается на полях, - первоначально имел название Нива со съеденными зёрнами*, тут же следовало:

* Коранический аят суры Слон (105/5). Дословно: И превратили в подобие нивы, изъеденной [саранчой].

- Но строки священные ещё не явлены!

- Были, если известно, что были всегда!

Орнамент составлен из арабских букв Алиф, Лям и Мим.

(2) Что в буквах спрятано - имя или псевдоним сочинителя? переводчика?*

* Всплеск недоумения странен: автор, дабы уберечься от нападок фанатиков, а то и по ложной скромности, что случается редко, мог выдать себя за переводчика или даже переписчика некоего оригинала. Заявить, что он лишь собственник свитков, которые достались ему по наследству или куплены в лавке древних манускриптов.

Далее - пробел, вклеены новые листы, сохранили первоизданную белизну, хотя местами свиток поблек и выцвел. Но крупный, чёткий по рисунку почерк куфи. Буквы, правда, несоразмерны, не равноудалены друг от друга, что наблюдалось на раннем этапе куфического письма.

Пришёл час, и Амина-хатун родила сына. Тотчас послала сказать о том свёкру, Абдул-Мутталибу: "Внук у тебя родился - не первый, но особенный, приходи посмотреть на него". Внук? Ходила тихая, даже не заметно было, что во чреве у неё новая плоть, и вдруг - ребёнок!

Абдул-Мутталиб, сидя на коврике в тени храма Кааба, молился, глядя на улицу, уходящую в пустыню, точно просил богов свершить чудо, вернуть ему сына-первенца Абдуллу. Радовался Абдул-Мутталиб, когда видел, как сын, красивый и статный, величаво шагает к дому, - всего лишь год назад сыграл ему свадьбу, красавицы Хиджаза мечтали о нём, и множество отвергнутых им девушек от ревности в одночасье умерли, - это придумали сочинители, дабы оставить память о себе, но сущая правда, что девиц опечаленных было много. Абдул-Мутталиб недавно вернулся из паломничества в священный Йерушалаим, Эль-Кудс, - кто в Мекке не мечтает о паломничестве в город, в чью сторону при молитве обращают арабы-многобожники свои взоры, ибо сказано: Городов на земле много, но Город - один, и ещё сказано: Десять мер красоты спустилось на землю: девять - на Эль-Кудс, одна - на остальной мир, то же и с мудростью: Десять мер мудрости спустилось на мир, девять - на Эль-Кудс, одна - на всех других...Иудеи, с коими общался Абдул-Мутталиб, утверждали может, они правы? - что здесь центр мироздания, точка, общая для всех: вот она, притронься рукой, краеугольный камень мироздания, святая святых... Не успел стряхнуть с себя пыль дорог, как ударила в самое сердце весть о смерти сына.

Но разве боги, коих он просил явить чудо, остались глухи? Вот же: по дороге, куда глядел в ожидании чуда, спешил гонец с вестью: "Сын умерший послал тебе внука, к тому же с признаками святости - обрезанным!" Это потрясло хашимитов, из уст в уста передавалось: не есть ли в том, что у ребёнка обрезана крайняя плоть, знак особости, избранничества?

"Не в том дело, каким родился, - заметил Абдул-Мутталиб, озадачив вестника, - а в том, как будет жить. Изначальным или поздним обрезанием, известно, свидетельствуется лишь, что родившийся воистину человек, а не бесполой дух. - И добавил, пока тот, ошарашенный, смотрел на него: - Праотец Ибрагим при обрезании края плоти своей был девяносто девяти лет, сын его Исмаил, прародитель наш, тринадцати лет. Полезно, если следуешь завету

предков, а если преступаешь, не является ли твоё обрезание необрезанием? Ибо, - потом за многословие корил себя, - не тот возвышен и правоверен, кто таков по наружности, вроде обрезания на плоти, а тот, кто по духу, у которого святость в сердце".

Абдул-Мутталиб взял внука невесомого на руки, долго глядел на него, смущаясь своим удивлением обыденному явлению; вскоре подобное испытает ещё: на старости лет боги даровали ему собственного сына, родила молодая жена. Не взамен ли первенцу явлен последыш Хамза? Некогда переживал, что ни первая, ни вторая его жена никак не родят ему сына, обет дал: родится сын - принесёт в жертву богам! А пока собирался, уже семеро сыновей!

Пора, - сказал себе однажды, достал гадательные стрелы из сундука, что хранился в храме, и стрела, помеченная как особая, выбрала первенца Абдуллу, самого красивого из сыновей. По Хиджазу распространилась весть о готовящемся человеческом жертвоприношении, и знаменитая прорицательница с мужским именем Хикмет явилась к Абдул-Мутталибу, кого помнила рассудительным юношей, и спросила: "Какова цена крови за неумышленное убийство, прекращающая кровную месть?" "Десять верблюдов или сто овец". "Предложи эту цену богам, поторгуйся, - сказала. - Откажутся если, увеличишь плату, пока не примут замены". Десять раз по десять верблюдов приводили к храму и метали в них стрелы. Но необъяснимо, что жребий девяносто девять* раз падал на

* Девяносто девять - метафора множества.

Абдуллу: боги не уступали! Смиловались лишь на сотом верблюде, согласные на замену человеческого жертвоприношения верблюжьим.

"Вот цена, - заметила прорицательница, - человеческой крови: сто верблюдов!" ...Когда дед молился в храме за внука в окружении каменных изваяний богов, глаз его пал на младенца Ису, которого держала на руках Марьям. Фигурка некогда была установлена здесь, а кем - не помнит никто: то ли паломником, поверившим в Бога-Сына, то ли хашимиты отвели ей место в храме, чтобы христиан привлечь. Чудом удалось фигурку уберечь от абиссинско-эфиопских христиан, чьи войска вторглись в священный город многобожников: военачальник Абраха явился в храм - мол, грех тягчайший, чтобы Богоматерь томилась среди идолов, к тому же дикие многобожцы закапывают живьём рождающихся девочек.

- Но когда это было! - возразил Абдул-Мутталиб. - Продолжается и теперь!

- Клевета! Кааба осуждает этот мерзкий обычай! Но разве они не правы? подумал Абдул-Мутталиб. - Признайся, что недавно именно сын твой Абу-Лахаб дерзостно ослушался тебя, небо Мекки сотряс вопль его жены, невестки твоей: сын закопал живьём твою внучку! Мол, "вправе принести в жертву Хубалу зачатое им, кровь для него невозбранна!"

"В человеческих жертвах не нуждается он отныне!" - возмутился Абдул-Мутталиб.

"Я услышал его зов!" - упрямо твердил Абу-Лахаб.

"Можешь принести в жертву овцу, а безмерно чтить - верблюда!" Не смогли унести фигурку Марьям - не входило это в намерения их, хотя затеяли поход в отмщение. Не званы и потому ненавистны. Лишь гибкостью луков расхвастались, показав, как далеко летят их стрелы. Но вторгнуться в Каабу! Сражаться с паломниками-пилигримами!..

Немало народу в эти дни скопилось здесь: сирийцы и йеменцы со слугами и телохранителями, византийцы. Явились шейхи - предводители вчера ещё враждовавших бедуинских племён бакритов и таблигитов, и абсы здесь, и зобьянцы, мекканцев не дадут в обиду, если что начнётся; прибыли на похороны Абдуллы и поздравить Абдул-Мутталиба с сыном и внуком, необычное у него имя Мухаммед, трудно запоминается... - зыбка грань меж горем и веселием; а кто зван на свадьбу щедрого купца - он женится на красавице Хиджаза, ей двенадцать, справили совершеннолетие и выдают замуж, имя ей - Хадиджа*: город празднует свадьбу уже сорок дней и ночей **, песни доносятся с крыш домов, где

установили для певцов шатры, покрытые чёрным войлоком из шерсти коз; угощают бедняков на пустырях, за которыми начинается пустыня.

* Сбоку поздняя приписка, чернила не поблекли, выделяются свежестью: Запомнить имя: будущая жена Мухаммеда!

** Сорок - всего лишь метафора, означающая закруглённые десятки.

Не стали абиссино-эфиопы, явившиеся с добрыми помыслами, в спор с хашимитами ввязываться: начнется с наиглавнейшего в Хиджазе храма Кааба, и пойдут опустошать окрестные святилища, в Аравии их множество: это менгиры, дольмены, вефили, окружённые оградой из огромных камней, в виде четырехугольника или эллипса, а то и просто отполированная наклонная плита, положенная на два стоящих камня вышиной около двух локтей, служит для возлияний, на что указывают углубления: отверстия и стоки на поверхности.

Дело уладилось миром, хотя не обошлось без крупного выкупа: долго стояла на дорогах Мекки пыль от бредущей тысячной отары - дань племени курайшей абиссино-эфиопским воинам, и они спешно покидали край, гонимые непонятной хворью.

Обратил Бог Единый козни незваных пришельцев в заблуждение!

Единый Бог?! А не боги Каабы развеяли в прах злоумыслы их?

Нет, именно Он, Всемогуший, наслал на них стаи птиц! Несли в когтях крепких, закрыв небо широкими крыльями, большие камни, бросали их на головы воинов, чтобы неповадно было никому, а пуще тем, кто первым напал, будь то христиане или иудеи, зороастрийцы или идолопоклонники, затевать кровопролитие близ священной Мекки.

Но знал ли тогда дед твой, который служил богам Каабы, что город спасен Богом Единым, а не богами?

Увы, человек мнит, что сведущ.

И бесславный конец войска укрепил престиж Мекки?

Вопрос как сомнение?

Утверждение!

Разве не с тех пор, как спаслась Кааба, курайшей стали называть Божье племя - ала-илахи?

Ну да, Бог сберёг город, в котором родился новый, но ещё не ведомый никому пророк!

...Заклинаю тебя Богом, не отвлекай меня! Не сам ли отвлекся?! Но истинно меня зачавший - это говорит во мне его текущая в жилах моих живая кровь - Абдулла! Не помню отца, ибо незадолго до моего появления на свет покинул этот мир: отправился привезти финики из Йатриба, а заодно получить в ал-Абве долги - в пути и умер.

Но видишь ли ты его в своих очах, глядя на их отражение в святом колодце Замзам, чья вода сладка?

Напоминает об отце доставшийся от него меч, висящий над моим изголовьем.

И помнишь слова отца, переданные дедом, что меч - отмститель неправды?

И родила меня Амина, дочь Вахба, внучка Абд-Манафа, правнучка Кусейя. А за ними ещё и ещё, и нескончаемо тянется нить?

5. Семижды семь колен

Начало - первочеловек Адам и его жена Хавва.

Все мы - от них, и Нух, чей дед был правнуком Адама, Ибрагим, Муса, Иса...

Только что на кругах неба встречался с ними!

И мы вместе молились!

Но не забудь, что каждое из тех семи колен - круг замкнутый от родного к чужому:

Я,

сын,

внук,
правнук,
потом итог,
за ним корень,
после - привязка,
а седьмой - чужой.

Однако для нового колена семизвенного - родной.

Не стану спорить, придумано отменно, ибо утрачена восходящая к Адаму нить,
разбросаны люди по миру, как чужие.

Не удержала память имена, но в их ряду - Адамов сын Сиф [Каинова завершилась в седьмом колене],

далее, в десятом колене, Нух, за ним - сын его Сим,
а в двадцать первом колене - Ибрагим,
и сын его, рождённый ему Хаджар, - Измаил.

У нас он Исмаил.

А у них Хаджар - Агарь.

С Исмаила и начать?

Не с него, а с неё, Хаджар!

Рабыни фирауна?

Подаренной Ибрагиму! И она родила ему сына, прародителя нашего! Впрочем, не одно
семижды семь колен пролегает меж нами.

Начни с себя, уходя вглубь:

Ты,

Твой отец Абдулла, кого не довелось увидеть.

Дед, тебя усыновивший, - Абдул-Мутталиб.

Дед твоего отца Хашим, давший имя роду, и все мы - хашимиты,

а у деда - дед Абд-Манаф, сын Манафа (и не уточнять: языческого божка), который
прародитель мамы твоей Амины.

К одному предку восходят - мать и отец.

Далее Кусейя, он же Зейд, который вернул курайшам ключи от Каабы, отнятые
вероломно родом губшанов (всего лишь за глоток вина отдал ключи пьяница Абу-Губшан), а
отец Зейда - Килаб, чей отец - Мурра, сын Ка'ба, а он - сын Лу'айя, который - сын Галиба,
далее Фихр, сын Малика, сын ан-Надра, сын Кинаны, сын Хузаймы, сын Мудрики, сын
Ильаса, сын Мудара, сын Низара, который - именно он! - положил начало роду аднанитов,
сын Ма'адда, сын Аднана... - и до этого двадцать первого славного имени Аднан в
родословном древе, где три семизвенных колена, мусульманская община, или умма,
единогласна.

И он, Мухаммед, замыкающий цепочку имён, двадцать второй.

А впереди?

Увидишь с небес!

Увижу или увидел?

Ты прав: увидел!

6. Отблеск облаков кровавый

О, если бы не видел! Разорвалось бы сердце, если то, что с небес привиделось, я б на
земле увидел! Но в небесах... - облилось сердце кровью!

И кровь в висках забилась.

Взор мой залил, - повторен заголовок, - отблеск облаков кровавый.

То был закат, быть может?

Нет, не закат - разлитое море крови на земле в небе отразилось!

А может, то вода, окрашенная красным соком дерева сакуры?!

Увы!

Живая, солоноватая кровь? Но что потом?!

Не ведаешь как будто!

Разве?!

Не видел ли с небес, где Божий престол?

Открылись мне с тех далей пути-дороги потомков!

Но о том ещё будет!

А прежде надобно сказать, что Амина при родах не испытала никаких болей! Возрадовались друзья - но кто тогдашние друзья? И недруги опечалились: собственные многобожники и те, кто изрёк: Божия кара! Дьявольское порождение!

Что... что... - и нанизаны на нить: что с криком родившегося в ночи сына всё вокруг ярко осветилось; что именно в ту ночь во дворце царя-царей, как себя именуют персидские шахи-сасаниды, почитающие пророка Зардушта-Заратустру, рухнули мраморные колонны! Погасли священные очаги в храме огнепоклонников, зажжённые от Солнца ещё самим Зардуштом, и пламя в них не одну тысячу лет поддерживалось магами;

оправдался сон, увиденный верховным жрецом: арабский всадник летит к ним на разъярённом верблюде, быстром, как выпущенная стрела;

высохло вмиг озеро Сава в Бизансе пред собором, где столько веков с пышностью, поражающей мир, короновались императоры; воды ушли к тайным источникам, обнажилось и потрескалось дно от безводья;

кресты, венчающие церкви, заколебались, задвигались, пав на землю и наводя ужас на верующих;

разбушевался Тигр, выйдя из берегов и далеко вокруг затопив земли;

рыбы морские ушли на дно;

песок пустынь столбами закрутился;

птицы небесные замертво пали;

а на Ниле солнце вдруг уменьшилось на треть, лучи стали бледны и холодны; ночь выдалась безлунная, лишь адский огонь ярким светом озарял небо, на котором сталкивались кровавые пики; река многобожников двух уродов родила, не то мужчин, не то женщин, изо дня в день они выходили из вод, диким воем устрояя рыбаков, - те, побросав сети, убегали прочь.

Что ещё?

О цифрах не забыть!

Ах да, цифры!

Арабские буквы в числовом значении выстраивались недругами так, чтобы можно было просчитать их как цепь, состоящую из дьявольского знака 666 ! Впрочем, имелись иные, боговдохновенные версии символики шестёрок: молвил однажды словоохотливый Джахм со ссылкой на мудрого Джабира, тот - на Ибн Аббаса, он, в свою очередь, отсылал к Абу-Мас'уду аль Бадри, который, подняв однажды шестипалую левую руку - правую пятипалую потерял, сражаясь за веру в битве при Бадре, - сказал: "Если собрать хадисы, достоверные рассказы о словах и поступках Мухаммеда, да пребудут с ним благословение и мир Аллаха, то составит 6 книг, а в них - 6 раз по 666 изречений Пророка".

Но то им сделано было в пику недругам: мол, если читаете цифры символом, обратим их в свою пользу! И даже... - собраться с духом, чтобы вымолвить сразу: - Не потому ли собиратели Корана решили вторгнуться в Божий замысел и общее число сур составить путём умножения священных девятнадцати на шесть?

Нет, не желают слышать дерзостные слова... - но кто с кем греховно толкует?! Тут же перевёл разговор в другое русло:

Что ещё было в ночь рождения?

Идолы в Каабе... - нет, не намерен говорить о храме!

Обидно за своих, тогдашних многобожцев?

Знал бы о том Абдул-Мутталиб, рассказал бы, как идолы в храме Кааба попадали в тот день со своих подставок! Но не вняли мекканцы предостережению: рухнувшие идолы снова были установлены на своих местах! ...Однажды Абдул-Мутталиб сказал внуку: - Мама твоя, да будут к ней милосердны боги, похожа была чем-то на Марйам. - И, помолчав, добавил, не уверенный, что внук поймет: - Кротостью ли, юным личиком или смуглостью щек, беспомощностью ли во взоре? Говорил, не ведая тогда о белом голубе, а узнав, усомнится, но промолчит. И в пояснение заключающая свиток фраза, пред тем как его свернуть, зацепив знаком вопроса: Но разве не мнит себя человек иным в подражаниях известному?

7. Новый свиток, стоило ему покинуть тёмное убежище, где долго пребывал, вдруг ожил, почувствовав свежее дуновение, и, когда развязали его, возник заголовок:

Красноречие повествователя

Абдул-Мутталиб, дабы обозначить дату рождения внука, назвал число двадцать, добавив: месяц нисан по ассиро-вавилонскому календарю. "А год, - сказал, с чего-то прибегнув к летосчислению христиан, - пятьсот семидесятый от Воплощения Христова".

(3) Отсчёт годов от Рождества Христова?! - вставка недоумения. И другой рукой добавлено: Первый составитель таблицы христианских и мусульманских годов Джабир ибн Сафар, да почтит его Бог, изрёк: "Есть тексты, в которые переключались чужеродные цифры, вписанные сюда как некий ориентир из немусульманских сочинений по исламу".

Разве не мог - ведь принято у арабов! - сказать: "Двенадцатая весна минула со времени окончания войны из-за скакового жеребца, - даже его имя назвать - Дахис, - и кобылы Габры". Или: "Двадцатая весна после войны из-за верблюдицы, чьё вымя было прострелено, и смешались кровь с молоком". Или определить знаменательное событие, как было принято, по годам правления могущественных властелинов, сказать: "Сорок второй год царствования всеславного персидского шаха-сасанида Ануширвана!" - тем более что благоволил к ним и доброе поминание имени могло быть уловлено? Или: "За семнадцать лет до начала правления всемогущего царя Хиры ан-Ну'мана ибн аль-Мунзир". А то и, назвав 20 нисана (апреля), год 570-й определить не от рождества Исы, а от 882-й эры Зуль-Карнейна Искандера (Александра Македонского).

(4) О том, - поясняется на полях, - сказано было в "Книге затмений" Ибн Джабира, сына вышеупомянутого Джабира, да почтит их обоих Бог!

Никто б не удивился! Или следуя привычному лунному исчислению годов: через каждые двенадцать лет по новому кругу, животный цикл.

Верблюду, увы, не повезло: даже именем мыши назван год в цикле, а о верблюде и не вспомнили!

Но зато полтыщи слов отдано в арабском для обозначения всех верблюжьих видов!

- Расскажи!.. Расскажи!.. - пристали родичи к Абдул-Мутталибу, но разве не знают, что запретно о паломничестве в Эль-Кудс рассказывать, каждый должен сам посетить! Даже о том не говорят, какие цены за проживание в каменных домах и шатрах: дороже, чем для паломников в Мекке, и рабы, особенно рабыни, тоже стоили вдвое дороже, чем в Аравии.

...Разговор о годе и месяце ничего в кругу семьи не прояснил, лишь запутал обозначение времени; особенно Абдул-Мутталиб - такое за ним водилось - непонятными словами прерывал собственные размышления, то ли заклинание произносил: "Случаен ли я здесь, ловец в Эль-Кудсе ваших взоров, мекканских троп искатель?" - то ли с кем из богов Каабы шептался: "Что спрашивать о дне, когда неведом год, и я - не я? - Ощущение, что говорит про себя: - На свете очевидец был, да и тот его покинул прежде времени: не вынес бремени увиденного". Жаждал выговориться: "Может быть, никого не удивлю, если замечу,

что мир необозрим, велик и нам, увы, лишь по неведению Хиджаз представляется огромным. И о горах наших никто не слышал - не так уж высоки, как с близкого видны расстояния". И, завладев вниманием, никому не уступал майдан красноречия, говоря, что мир расколот, разность годов даже у христиан, к чьему летосчислению я только что прибег. А абиссинцы не нарушили ход времён, у них 6060-й год от сотворения мира. Ещё христиане армянские: в Эль-Кудсе у них дома за высокими стенами - с Бизансом в ссоре, но поддерживаются Персией, мечтающей о господстве на земле единоличном. Учиться у них, как меж сильными сохраниться! Для них, фантазиастами названных или монофизитами, рождество Исы как человека не значимо, в Нём божественное неделимо, и земная жизнь Его лишь видимость; порвали с теми, которые толкуют о двуединстве Исы, единосущного Отцу по божеству, тут армяне согласны, единосущного людям по человечеству, кроме греха (чтоб человек - без греха?!): учредили новое летосчисление, предпочтя тщеславное одиночество, - лишь в год девятнадцатый вступили, тут я могу спутать, и молодо древнее племя. Неужто случайность, что в этом году совпали священные девятнадцать и у тех, и у них? (Отчего священные? Не знаете разве, что ад оберегается девятнадцатью ангелов?!) Но не должно Абдул-Мутталибу, почитаемому образцом добродетели, повторять услышанное в Эль-Кудсе про возмутителя христиан - еретика, камнями закиданного: отказывая Исе в человеческой природе, он обнародовал - не сам ли сочинил? - предание: мол, покрыта туманом тайны история зачатия иудейской девы Марйам, к тому ж неведомо, - глумился он пестрым и витиеватым восточным слогом, - чьего сына, человека по имени Иса, родила. Голубь ли мохнатый и белокрылый первым восторжествовал? Сатана ли с опытом обольщения девиц, прослышав о греховной страсти Бога, себя низведшего до человеческих вожделений, решил, будучи во вражде с Ним, отомстить Ему на человечьем поле блудовства? Или счастливый жребий выпал ангелу Гавриилу, который явился к Марйам с посланием от Бога, но, очарованный её красотой, не устоял пред соблазном и, - тут с новой строки, - обретя облик статного красавца, сумел покорить девичье сердце, подло и вероломно телом завладел её... Нет, не пристало пересказывать сплетни, хоть очевидцем был погребения сочинителя под камнями: Кааба чтит Ису. Но отчего не согласиться, что Иса - Бог? "Если в Нём, ответили Абдул-Мутталибу, отсутствует чаловеческое начало, и Он - лишь Бог, тогда страдание, на долю Ему выпавшее, и распятие, боль Ему причинившее, и предсмертный крик, обращённый к Богу, - всё это становится игрой".

...Ещё одна была казнь в Эль-Кудсе, но тут молодая вдова Амина внесла ребёнка в круг семьи, чтобы удостоверились в рождении именно сына. Дед, взяв его, завернутого в ярко-зелёную шаль, на руки, произнес: "Да обновит он делами, угодными богам Каабы, бренный мир, коль скоро вошёл в него с доселе неизвестным нам именем Мухаммед!"

Избыть, избыть недавнее, не скоро забудется страх, вселившийся в мекканцев в долгий, нескончаемый год Слона, когда на священную землю курайшей, где храм Кааба, ступило войско чужестранное, лес копий!.. И пошли нанизывать, что зачавшие зло рожают ложь, скверна живет на руке, которая убила. Как снять скверну? Зарезать барана или верблюда, руку, которая убила, облить кровью, обтереть насухо; известно: от крови создано море, плоть - от земли, скалы - кости окаменевшие. А бывает и зелие зависти! Смешаны грех и святость, вероломство и благородство в человеке! И часто гнев, порождаемый тьмой души, вожделением неумным, становится владыкой человека. Да, побии камнями еретика, и порой Абдул-Мутталиб вглядывался в младенца на руках Марйам, оболганного еретиком, а другая смерть... - некий выдавал себя за нового пророка и, дабы доказать, что свидетельствует истинно, вырыл яму на Храмовой горе и стал таскать туда дрова. - Сырое фиговое, - скептики кричали, - чтоб не загорелось! - Сохрани себя для эллинов! - настаивали сердобольные. - Нет, - подзадоривали третьи, - исполни задуманное, докажи, если свидетельствуешь о себе, сколь оно истинно, твоё свидетельство!

Абдул-Мутталиб не верил, что это может случиться. Но думал: что сильнее - страх или тщеславие? Отчего человек жаждет уподобиться богам? И... - нет, этому трудно было поверить: пророк (?) сжѣг себя! Никто с места не сдвинулся, чтобы броситься к костру, разбросать горящие поленья! От растерянности? По жестокосердию? Вдруг - показалось? - из середины костра взвился коршун, может, то была гарь? Услышал: Возношусь! Померещилось?!

...Ждать прихода смерти, не убегать прежде времени от жизни. Ибо есть некая грань между жизнью и смертью, переступить которую человек не вправе. Это и есть тайна, как толковывал Абдул-Мутталибу иудей, глядя в Йерушалайме на развалины храма:

- Не может человек в самосожжении своём стать... - запнулся иудей, а потом скороговоркой и невнятно произнёс: - стать Богом. Он у иудеев один-единственный. И вездесущ, ибо... - тут и усвоил Абдул-Мутталиб, славившийся в Мекке и тем, что любил говорить сам, и тем, что умел терпеливо выслушать собеседника, не перебивая: пусть выскажет, что у него в сердце скопилось, наболело, и тем успокоится. Мол, Бог един, но разные у Него скрытые имена: Адонай, Господствующее начало, Кто в первых и последних, Саваоф, Сильный земным и небесным воинством, Ягве, Элохим... - всеу не произносить! А у них в Каабе множество имен множества богов, и надобно их часто называть, но чаще - всевластного Хубала, вызывающего дождь, чтобы его благосклонность снискать. Но нет ли в многоименности бога иудеев многобожия? - подумал.

- С вас, иудеев, и началось, - заметил Абдул-Мутталиб. - Не вы ли объявляете: явится Мессия, избавит мир от насилия?

- Не мир, а нас! Не от насилия, а от чужеверного бремени!

- Вот и являются: один, второй...

Не дал договорить: - Плодятся лжепророки! Но, самосожженцем став, дав себя убить распятием, не доказываем ли мы обратное тому, в чем нас упрекают?

- Что провозгласили неизбежный приход Мессии?

Беседа как лесенка: то вниз по ступенькам в глубины веков, то вверх, приближаясь к дню нынешнему - к тому, что сегодня, и неведомо, где кончаются или во что упираются ступени в небесной или земной тверди.

И по ним вознесёшься, откроются тебе все семь* небес! И прошлое

* Цифра семь всего лишь закруглённые единицы, а также символ совершенства, полноты.

узришь! Неужто даже в будущее глянешь?

Увы!

А будущее - прошлое отныне!

Поистине вчера и случилось, когда мекканцев ужаснул боевой слон в войске абиссино-эфиопов: вот он, качающий головой и довольный произведённым впечатлением. Большой, тяжёлый, с величественными ушами и шагом огромных ало-коралловых ног. И присказка родилась, столь популярная ныне и всегда: Побольше верблюда слон есть! Но слова, обращённые к самому себе, застряли, запутавшись в густой, давно не чёсанной бороде велеречивого старца. Или ещё кому они предназначались? Неведомому сочинителю? Обладателю свитка? Может, кому ещё? Не его ли взгляд в сей миг оказался полонённым вязью букв, помогающей заглянуть в прошлое и прокладывающей нить вперёд? Важно, чтобы курайши крепили сыновьями! Известно мужьям, как это делается, чтобы сын родился: велят женам втайне провести рукой меж ног главного бога Каабы, идола Хубала, нащупав твердое - если повезёт. У арабок-многомужниц - есть ведь такие - мужчины липнут, манит тело, дурманящее, умашённое благовониями, и она может иметь до двенадцати мужей, и паломник не прочь рассчитывать, ибо мужчина имеет право на временную жену, и та, родив

сына, - о дочерях говорить не принято - собирает мужей и уверенно указывает на отца новорождённого, хотя зачастую и сама не ведаёт, от кого зачала, ибо как проследить, который? Если занята кем из мужей - флажок вывешивает на двери. И та, что обрадовала сыном мужа, в мекканской бане в женский день всего лишь за одну серебряную монету непременно поделится с непонятными ей, а то и презируемыми ею одномужницами секретом рожать мальчиков, - странное племя рабынь, имеющих на всех одного-единственного мужа, который повелевает, и не дождёшься, когда твой черёд наступит.

А секрет - чуть противиться мужу, чтобы взял силой. Но и это умения требует: станешь сопротивляться - и вовсе муж охладает! Из хитростей: в храме тайком, чтоб не видели, а то сглазят, Хубала коснуться запретным своим (как?), которое с ума сводит мужчин Хиджаза, ненасытных в своём сладострастии, - тут уж наверняка сына жди! ...Славились бедуинки как кормилицы, нечто неведомое в молоке их таилось: впитываешь ловкость наездника, мужество воина, силу богатыря.

И красноречие повествователя! - кто-то добавил сбоку, дабы обозначить выведенное в начало заглавие свитка.

...Ушла кормилица Алима из своей земли с мужем и грудным новорождённым ребёнком, а также с женщинами своего племени бану-са'д в Мекку, где обитали богатые купцы. Поклялся Джахм ибн Аби-Джахм, что сама кормилица рассказывала, в памяти моей отпечаталось, будто вернул Мухаммеду дедовскую присказку про память молодости - резьба на камне и старости - черчение на песке. И ни искорки сочинительства во взоре, мол, настолько точен, что даже клянётся в духе тех старых времён всеми богами Каабы. Отправились искать младенцев, которых можно взять выкармливать. Уточни: мальчиков! Кто ж девочек выкармливал? Живы были дурные обычаи закапывать рождающихся девочек как лишнюю обузу, заслышав их первый плач: жестокость Абу-Лахаба вошла в поговорку, заброшенное место на окраине Мекки - девичье кладбище недаром названо его именем. И заговорил Джахм языком кормилицы Алимы, что был засушливый год, всё истребивший; ехала она на серой ослице, и с ними ещё старая верблюдица, которая не давала ни капли молока, - не потому ли, что меченая, с надрезанным ухом? Впрочем, такая же, тоже меченая, была и у отца Мухаммеда; не спали целыми ночами из-за ребёнка, он плакал от голода, а в груди не было для него молока.

Укоряла себя Алима: "Как же прокормишь другого, когда и своему не можешь дать молока, чтобы напоить его утром?" - и ехала, задерживая караван, из-за слабости и истощения ослицы от голода. Но вскоре с надеждой на дождь и облегчение они добрались до Мекки; и не было ни одной среди них женщины, которой не предлагали бы новорожденного Мухаммеда, но каждая отказывалась, когда ей говорили, что он сирота. Это потому, что бедуинки рассчитывали на щедрость отца ребёнка и говорили:

- Чем может вознаградить ставшая вдовой мать или дед сироты?

И странное такое имя! Оно отпугивало! И вот не осталось ни одной женщины, что пришли со мной, которая не взяла бы себе младенца, кроме меня. И вдруг будто кто вытолкнул слова из уст моих:

- Я пойду к этому сироте и возьму его! Муж, обычно настаивавший на своём, вдруг согласился со мной:

- Может быть, боги пошлют в нём благословение?

И я, мужем напутствуемая, пошла к несчастному, думалось мне, сироте и забрала его. А побудило меня к этому, как сейчас помню, только то, что я не нашла другого и не хотела возвращаться и быть единственной среди женщин нашего племени, кто не взял младенца.

...За окном раздались крики: Кормилицы! Кормилицы! И тут же к хашимитам, чествующим рождение Мухаммеда, постучалась бедуинка.

8. Полное вымя верблюдицы

- ... Вернулась я к своей стоянке, и, когда прижала взятого ребёнка к себе, обе груди мои склонились к нему, и в них оказалось столько молока, сколько он хотел. Он пил, пока не насытился, а вместе с ним пил и его отныне молочный брат. Они оба насытились и уснули, а раньше мы не могли спать из-за моего ребёнка. Муж мой подошел к старой нашей верблюдице и - о чудо! увидел, что у неё полное вымя и ей не терпится, чтобы подоили её!.. И пил муж вместе со мной, пока мы оба не напились и не насытились. А какую прекрасную ночь мы провели! Наутро муж говорит мне: - Знай, Алима, что ты приняла благословенную душу! - Надеюсь, что так, - ответила я. Потом отправились в путь. Я ехала на своей ослице и везла детей с собой. И, клянусь богами, моя ослица обогнала весь караван, и ни один из ослов не мог тягаться с ней, так что мои спутницы стали говорить мне: - Горе тебе, о дочь Абу Зуайба, остановись и подожди нас! Разве это не та ослица, которая еле тащилась? - Та самая! - отвечала я им, и они клялись богами: - Не иначе как чудеса с ней творятся! Так и приехали мы в наши кочевья, а более бесплодной земли в Аравии, чем наша, я не знаю. Но с тех пор, как привезли сироту, мое стадо приходило ко мне по вечерам сытым, с полным выменем, мы доили животных и пили молоко. Никто другой не мог выдоить и капли молока из пустого вымени, так что сородичи наказывали пастухам:

- Горе вам, пасите там, где пасет пастух дочери Абу Зуайба! Но их скот всё так же приходил по вечерам голодным и не давал ни капли молока, а мой возвращался сытым, с полным выменем, и мы одаривали молоком голодных и нищих. И не переставали узнавать новые благоволения богов к нам: мальчик рос как никакой другой, и начал самостоятельно есть, когда ему ещё не было двух лет, и я, отняв младенца от груди, вернула его матери. - ... Такая вот история про собственное младенчество. - Но не всё вспомнил! - Разве? - А обретший дар речи мул, на котором вы с кормилицей ехали? - Не мул, а ослица! - Неважно! Но животное вдруг промолвило, что ребёнок будет велик и прославится в мире. - А луна надолго однажды остановилась на небе, зачарованно глядя на светлый лик спящего младенца.

- Ну да: в три месяца стоял на ногах, в семь бегал, в восемь говорил, в девять свободно изъяснялся, а в десять метко стрелял из лука!

- И дерево иссохшее, как встал в жару под ним, покрылось густой листвой.

9. Татуировка

Следом за отцом Мухаммеда вскоре уйдёт и мать. Богам Каабы виднее! говорили курайши: на всё воля богов. Может, какой тайный знак, словно татуировка в исчерченном венами запястье словоохотливого Абдул-Мутталиба, прочитывается как мой раб? - Не в названии дело, а в памяти младенчества. Помнит ли деда, к кому перешёл жить после смерти матери, шесть лет ему тогда было? Абдул-Мутталиб надоумил сыновей, Хамзу и приёмного Мухаммеда, стать пастухами. Не было, кажется, в мире ни одного пророка, который не пас овец. Но не каждый, кто пас, - пророк! Зато каждый пастух - грешник!

Не зарежешь овцу - не поешь! Смутен облик деда, характер - тоже. Что был строг? Резок? Вспыльчив?

Но разве Абдул-Мутталиб - не араб, не курайш? В его устах частое, когда собиралась вся многолюдная семья: - Мы, хашимиты! И удивился, когда однажды услышал из уст внука, множество народу собралось во дворе Каабы:

- Мы, курайши! Что дальше - не помнит. Ему Абу-Талиб, брат отца, единоутробный и единокровный, став после деда третьим отцом, рассказал: "Так кто мы, - бесстрашно и дерзко спросил у деда, - хашимиты или курайши? - И, не дав тому опомниться, продолжил: - То ты говоришь, что мы хашимиты, а то - курайши". Абдул-Мутталиб вспыхнул: "Ах ты! - но, глянув на внука, отчего-то смягчился: - Мал ещё, - строго заметил, - задавать мне вопросы!" И впредь... Якобы после твоей дерзости он чаще вспоминал племя курайшей, нежели собственный свой род - хашимитов. Но зато хорошо запомнил другое: однажды, усталый был очень, набегался в жаркий день по мекканским улицам, особенно любил

развилку дорог, откуда, где акация растёт, вид на гору Сафа открывается. Не акация, а тутовник. Тутовник по другую сторону, здесь - акация, поодаль - ююба, или лотус, тернистый кустарник, из его ветвей был свит венков пророка Исы! ... Прибежал в Каабу, прошел на теневую её сторону, будто впервые увидел коврик Абдул-Мутталиба. Краски излучали прохладу, особенно синие полосы на нем, как морская вода, а белые нити - как пена. Решил: сяду, будь что будет! Сел, понимая, что этого делать нельзя. Но заранее знал прибежал, чтобы сесть! Мама наказывала: сюда, где коврик, не приходи! "Ниспослан богами!.. Когда я была маленькая..."

- Как? - удивился.

- Ну да, девочкой когда была маленькой.

- И тебя!.. - Вдруг ужаснула мысль, что маму могли закопать! Тут же, перепрыгнув через мысль-ступеньку, испуганно произнёс - мать сначала не поняла, о чём я: - А как бы тогда я родился?

- Сказка спасла. Боги летящий ковер послали, не смогли закопать, улетела, обгоняя птиц. Дяди твои почтительно ждут, когда дед к ним выйдет, тогда вокруг коврика рассаживаются! - Он что же, священный? Обо всем здесь в Мекке говорится: священное! И фигуры богов, и улица, ведущая в храм, и Чёрный камень, и вода колодца Замзам. "Не подходи к колодцу близко!" - кричал дед. Страшно упасть в чёрную дыру, когда крышка колодца снята. Светится в глубине воды круг, а в нём - твоё отражение. Долго опускается пустое ведро, звонко о стены колодца ударяясь, гулко отзывается, коснувшись воды, ложится на бок, сразу наполняясь, став тяжёлым. И большие сильные руки тащат его осторожно, чтобы не расплескать - каждая капля дорога и священна. Коврик меня манил, и тут входят мои дяди. "Как посмел?" - Абу-Лахаб двинулся на меня, чтобы сбросить с ковра. Нет! Вцепился в ворс, как в гриву коня, не стащить! А взгляды! Помню, кто как смотрел из братьев отца, родных и сводных: с ужасом в глазах, недоумённо, с возмущением... Окрик деда спас: "Оставьте моего внука!" С точностью известно, что случилось это через восемь лет, два месяца и десять дней после похода Слона, когда дед поклялся, что тебе суждено великое будущее. Кто клянётся, не думая о будущем? Не счесть и ложных клятв. Как отличить истинную от ложной? Ложны, когда клянутся многими богами, опасно кого-то забыть. Но клятва деда тогда ложная: ведь поклялся богами Каабы! Не богами - Аллахом!

Не твоим: был другой, как известно, Аллах, идол, чьи дочери богини Узза, Лат и Манату были жёнами старшего его брата Хубала! Аллах един. Это - нынешняя вера! Твоя тоже!

И даже отец был назван Абдуллой, рабом Аллаха!

В знак почитания не идола, а Того, Кто Всевышен, - моего!

10. Гадательные стрелы

Благословенны Хубал и брат его Аллах! - из всегдашних молитв Абдул-Мутталиба при сборе семьи, прежде чем приступить к трапезе: мясо крупными кусками, в глубоких глиняных пиалах бараний навар, приправленный пряностями, гора риса в котлах. Но прежде - Хубал, властелин грома и дождя, главный бог в Каабе, самый большой из каменных изваяний, супруг трёх богинь: Лат, Уззы и Манату, они же дочери Аллаха (а джинны - его сыновья). Помещён внутри храма неподалеку от бесценного колодца Замзам - много воды. Вокруг - идолы поменьше, бесформенные для непосвящённого камни, да падёт кара на голову сомневающегося! И паломники приходят поклониться своим богам, будто жар они источают. Абдул-Мутталиб не уставал благодарить Хубала, что Мекке явлена Кааба, которой восторгался ещё Птолемей, макораба, или храм, говорил он. Им, хашимитам, доверено владеть ключами Каабы, множество и других обязанностей, выстроенных столбцом на свитке: судить, поминальные обряды, заключать браки, разводить; беречь священное знамя и определять знаменосца, который присягает, что в бою не выпустит из рук знамя;

дела казны, встречать и провожать караваны, чьи пути пролегают по пустыням, где ядовитые змеи, скорпионы, шакалы, встретишь и льва, лучшая пища для которого - дикий осёл;

летом караваны шли в Сирию, увозя шкуры, кожу, финики, зимой - в Южную Аравию и Йемен, страну пряностей, кофейных деревьев, благовоний и ладана, жемчуга, который вылавливается у берегов Персидского залива;

оберегать священный колодец Замзам, расчищенный в свое время Абдул-Мутталибом, чьими водами поддерживается жизнь паломников*.

_____ * На свитке автор - или переписчик? - искусно владеющий мастерством каллиграфии, соткал из букв нечто вроде кольчуги, а также изобразил рисунок из арабских букв, нарисованных симметрично или зеркально, - скачущую газель. В комментарии, приведённом тут же, поясняется: "При расчистке колодца Замзам были обнаружены кольчуга и золотая статуэтка газели".

Не все обязанности перечислены: ещё - хранение гадательных стрел! "Клянусь Аллахом, - воскликнул дед, - что..." Сказано о том, что он предрёк. Что будешь избран! Именно ты! Кто не считает себя избранным? Но каждый, кто сумел услышать Аллаха! Важен случай, хоть он часто не случаен: не здесь, так в другом месте. Случайность случая? Но есть свидетельствующие! Услышанное передаётся другому, это магическое: "Сказал я..." - и называю имя. А поведал тот, чей титул Правдивый, а тому - кто-то ещё из Истинных. И уже не отыщется тот, с кого первого пошла притча. Как искусно сочинённая быль? Но со слов очевидца, некоего, как говорится, знающего человека, обладающего к тому же хорошей памятью!.. А у каждого - своя память. И тайна тоже! И знаки требуют разгадки? А притча и есть знак! Но дна достичь не каждому дано. Это как царапина на груди. Шрама нет, но след остался: понятливый - да поймёт. А непонятливому что ни поведай - не уразумет.

11. Весомость истины

История о том, как Мухаммед с молочным братом Хамзой пасли ягнят однажды за шатрами. ...Два человека, чьи имена сокрыты, лишь буквы, высвечивающиеся в темноте, Лям и Нун, вышли из-за уступа скалы, подошли к нам в белых одеждах. Таз несли золотой, полный снега. Впервые Мухаммед видел снег: белый-белый, смотреть больно, и золото блестящее тускнело пред снегом! И не заметил, как подошли к нему и, повалив, разрезали грудь. Ахнуть не успел, но и больно не было. Вынули сердце, и Мухаммед видел, как оно трепетало и билось в руке Ляма, рассекли его, извлекли оттуда нечто чёрное - чёрный сгусток крови - и отбросили прочь, чтобы поглотила земля! Потом обмыли сердце белым снегом, вложили в грудь и зашили.

(5) Сбоку римскими цифрами обозначен год: DLXXX, или 580*.

_____ * Первые сочинения по исламу были созданы римлянами, или румами, спустя тысячу лет за вычетом двух веков после описанных здесь событий, когда мусульмане в кратчайшие сроки водрузили зелёное знамя ислама в Европе, Азии и Африке к всеобщему неудовольствию христиан, которые растерянно вопрошали: Как Бог допустить мог такое (что?!)? Мол, чем больше с исламом борешься, тем быстрее он распространяется, завоёвывая новые души. Что арабы всё более становятся богоизбранным народом. И тогда возникла потребность спокойно, без огульного отрицания разобраться в исламе, знать, как с новой религией бороться. Отсюда стремление к относительной объективности, главным образом хронологической.

И это всё? Нет! Новая притча? Другие свитки! Пока солнце в зените и мы в тени, поведай, а оно тем временем склонится к морю. Но прежде - о том, что случилось после. Те же, лишь во тьме прочитываемые буквы вместо имён? Нуну сказал Лям, очистив сердце: - Взвесь теперь его и десять человек из его народа. Тут откуда ни возьмись и люди появились,

будто за скалой прятались, рослые и крупные, а Мухаммед - хрупкий подросток, легкий, как пух. Взвесили его с ними, а весы диковинные - и видны, и не видны, свисают с небес, и он оказался равен десятистам мужчинам по весу. Тогда первый сказал: - Взвесь его и сотню его сородичей. Десять удешевилось, и Мухаммед снова был им равен по весу. Первый опять повелел: - Взвесь его и тысячу людей из его народа. Земля закачалась, и весы - как огромная чаша, вместившая сотню, которая умножилась в тысячу. Чаша Мухаммеда и на сей раз уравновесила их и даже... медленно поползла вниз, перевесив. - Оставь его, - сказал первый. - Если б возложил на чашу весь его народ, все племена курайшей - а как ты знаешь, весы, установленные Богом, Который и небо воздвиг, могут собрать не только курайшей! - он снова был бы равен им по весу, снова бы перевесил. Так же неожиданно, как появились, они исчезли, холм опять был безлюден. И тут Мухаммед увидел, что Хамза без памяти лежит, а когда в себя пришел, долго переживал, отважный впоследствии, от своей трусости. А весы? И весов будто не было! Но как же без весов? Купец-мекканец, и чтобы... Уразумей притчу, и да не будешь из тех, кто нарушает меру и вес! Но от чего очистившись, перевесил народ? Отягощён грузом грехов? Чёрными думами?

Спроси иначе: тяжесть добрых намерений или злобных помыслов людских, взваленных на тебя, перевесила чашу остального мира? ...Тогда не знал. Знаешь ли теперь? Весомость истины, - и заглавие ушло в конец свитка, уравновесив.

12. Махабба

И снова - свитки. Кажется, и здесь выцвели чернила, некогда чёрные, и вязь еле улавливается. Зато отчётливо прочитывается заглавное слово, вводящее в текст. Потому что выделено красными чернилами? Не в цвете дело! Разумеется. Мастерство приготовления чернил: неподвластны эти письма разрушительному воздействию времени! Увы, многое уже позабылось. А может, утратило первоначальный смысл? Тайна тайн, именуемая любовью? Ты зорек и успел в искусном сплетении букв на свитке, который я слегка развернул перед тобой, узреть в переплетении букв заглавное слово. Знаю твою страсть придавать арабским буквам значимость! Разве не священны они? Священно каждое наречие на земле! Но Книга... Не явлена ещё она!

Но уже существует! Не уже - существовала всегда! Язык её разве не арабский?

Ты лишь услышал на родном наречии!

Но ведь через меня арабский стал языком той Книги! Кто спорит?! Так о чём мы?! Первое моё слово - махабба, которое я произнёс, о чём мне впоследствии поведали! И всю последующую жизнь пытался постичь его объём? Или силу, в махаббе заключённую? Услышал когда - не запомнил, а повторенное, и не раз, оно долго оставалось непонятным сочетанием звуков! Но звуков беспокоящих! Не только! Потребность выразить, чтобы понять, некое состояние особенного сердцебиения, и глаза... Не для того ль было сердце твоё вынуто и очищено?! Очарованный взор мой пытался разом охватить совершенство увиденного, узреть чудо сотворённого: лишь ты, себе доселе неизвестный, и нечто неуловимое, божественное чувство, влекущее к себе. Но более воображаемые, нежели реальные, туманные эти разумения наступят, говорится далее в свитке, - не скоро, а пока о любви-махаббе напомнит, неведомо что в него вкладывая, умирающий дед, ему, слышал Мухаммед, что деду сто двадцать лет - мало или много, потом поймёт, как и то, что случаются на свете преувеличения, когда хочется предстать в более таинственном, нежели примелькавшееся, обличье (а то и возвысить кого рядом, чтоб услышали тебя, и тем - возвыситься самому). Прожить жизнь долгую, или несколько жизней. Кто-то будто - разве не знаешь, кто? - с Мухаммедом размышляет: Прими, как есть, и сто, и триста, и девятьсот, да сгинет сомнение! Собрались у деда, лежит на ковре, укрыт светло-жёлтым верблюжьим одеялом, жестом руки - иссохшая, почернела - подозвал Мухаммеда: "Ну вот, - голос чужой, - Аллах (о Хубале умолчал, дабы обессиленным хворью упоминанием не разгневать главного

бога) дал знать, что забирает меня к себе, где наши предки. - Сначала сожаление, что уходишь, потом, понимая, что смерти никому не избежать, печалишься, что твои близкие когда-нибудь уйдут. - Со всеми простился, поговорю с тобой и навсегда покину вас. И ты когда-нибудь уйдёшь, внук мой! Помни, не сиротский удел пасти коз и овец мекканцев, дело святое, согрешение от них и польза, сие угодно богам! Богов Каабы Мухаммед боялся, особенно Хубала: руки-обрубки, недавно одна с грохотом отвалилась, подняв едкую пыль, вихрилась под косыми лучами солнца, точно шайтанята резвились. В мекканцев вселился ужас, попросили ювелира-иудея отделать руку золотом, чтобы бога умиловать, закрепили на прежнем месте. Врос в землю, взор слепой, тяжелый. Войдет Мухаммед в храм, даже не глядя на Хубала, чувствует, что тот видит, знает о его страхе, нелюбви к нему. Но стоило на фигурку женщины с младенцем мельком глянуть, как сразу успокаивался. В детстве, помнит, шептал про себя: Она - моя мама, а её младенец - это я. "...И первое слово помни, - говорит между тем внуку умирающий дед, которое произнес!" Слышал Мухаммед, рассказывали не раз, и уверовал, что помнит себя девятимесячным; с Амины и пошло, что сын, до того ни слова не произнесший, однажды, когда взяла его на руки, вдруг замер, напыжился, набрав в щеки воздуха, и выпалил: Мхабб! - тут же следом как выдох: - ба! Это ж её тайное махабба, любовь! Или ослышалась, выстроив из первых ничего не значащих звуков младенца мхаб и ба. Никогда вслух не высказанное, но жило в ней всегда, и сын, будто уловив растерянность матери, чётко и сразу, не по слогам, выговорил: Махабба!

Это что же, неосознанное любовное влечение?

Состояние любви!

Вспомню, что сочинилось у тебя, когда влюбился в дочь Абу-Талиба, сестру двоюродную Фахиту: "Глаза спешили увидеть, руки дотронуться, а её губы... - не твои губы, её! - и вдруг захотелось, чтобы её губы - они манят чётким рисунком, спелые в припухлости - приблизились к твоим, соединились, и ты по мановению чуда забываешь обо всём на свете: лишь ты, себе доселе неизвестный, и она, влекущая к себе".

Сочинитель ты отменный!

Или не был влюблён?

Хамза отговаривал, мол, некрасива, приводил в пример дочь Абу Хурайра Арву, не ведая, что на ней сам вскоре женится: что у неё белая, чуть розоватая кожа, тонкая линия рта и губы изящные, а какой ровный носик, стройна, черноока, а Фахита? Она во всём уступает Арве. И не мог объяснить тому, соглашаясь, что да, избранница уступает той по всем внешним достоинствам, но почему-то именно Фахита привлекательней для сердца и глаз; это можно почувствовать, но не объяснить. Абу-Талиб отказался выдать дочь за Мухаммеда. "От наших двух бедностей, - сказал, - моей и твоей, богатство не наживётся".

Об иной любви я толкую! Ведь надобно успеть сказать о Своей любви раньше, чем услышишь о любви к Тебе!

Но о любви к Кому? И о любви Чьей?

Читай, что в свитках изрёк о махабба мудрый Абу Йакуб!

Не тот ли он Абу Йакуб, который, рассказывают, ослеп, ибо сильно горевал при виде неисчислимых пороков своего племени? И от него притчка пошла: "Кто плачет, слёзы льёт, горя за свой народ, - ослепнет!" А ещё притчу, кажется, сочинил про деда, внука и осла. Нет, её сочинил мудрец другой. Абу Йакуб сказал: "Любовь несовершенна, пока любящий не перейдёт от созерцания любви к созерцанию Возлюбленной, - живущий истинной любовью да поймёт!" А мудрец ал-Джунайда... да, он сочинил любимую твою притчку про деда, внука и осла: как им ни пойти всё не по нраву толпе! Порознь идут: "О, глупцы! - кричат. - Осла к себе приравняли!" Старик сядет, а внук - пешком: "Какой стыд! - укоряют. - Так мучить внука!" Соидет и внука посадит: "Ай, как нехорошо над старостью измываться!" Оба на осла взгромоздятся: "О, жестокие! - возмущаются. Бедное животное не жалеют!" Дед себе на

плечи осла взвалит: "Ну и дела!" смеются. - ...Так читай же! О состоянии любви спросили мудреца ал-Джунайда, и он, который некогда молвил: "Если нет любви, я - ничто!" - ответил, такой же смысл в словах Бога, Кого повторил мудрец: "Когда Я возлюблю его, Я стану глазами, которыми он видит, и слухом, которым он слышит!"

Не только это: "И стану рукой, которой он ударяет!" Бьёт всей силой и больно, за что - узнаешь скоро.

13. И ты как верблюжонок дикий

... Не более того, что сказано, мнилось в годы, когда подпаском пастушил год-другой на дальних и ближних холмах Агаба и Сафа. Тут был он один на всём свете, и внимали ему, когда поговорить хотелось и не было рядом долговязого Хамзы, молчаливые овцы и козы. И голод нипочем: подоишь послушную козу, молоко чуть горчит, но есть в нём пряность мягкая успокоения, не похоже на овечье, а верблюжье с кислинкой. От них мы питались, а вы? И холод не страшен - ляжет между ними, согреваясь их шерстью и чтоб не давила теснота, и взглядом уходит в небесную высь. А там, это часто, облака, похожие на караван верблюдов. Однажды приснилось: красное на небе, как луна полная, спрятавшаяся за тучами, вымя верблюдицы, и струится из него, словно дождь, молоко. И долго это видение его не отпускало. И ты как верблюжонок дикий... - медленно плывёт облачко по небу, меняя по ходу очертание, и срезан горб - львом стало облачко!.. Миг - и лев переливается-перетекает в дикого осла, но уже рожки на нём: облачко-антилопа в прыжке вытянулось в струну. Узнать бы: не случайны ль очертания? И чьи вы, выпущенные на волю?

Полететь по небу? Дед не удивился мечтаниям внука. "Сначала походи по земле, - сказал, - измерь её шагами, а если очень поверишь в свои силы, даже полететь сможешь! Внизу едва заметная полоска сочной земли, а далее бескрайняя желтизна пустыни, вдали пропадающая, с красноватым отливом, и чем дальше - тем земля голубее".

О разном думается в течение дня и вечером, когда стемнеет и яркий лунный свет разливается над землёй. И хорошо, когда пустыня не дышит, обжигая нутро сухим зноем. Смотришь - зверёк какой или насекомое задело лапкой всего лишь песчинку, и отозвалось на другой, передалось третьей - и осыпается, оживая, выступ. Только что виднелась пустыня, а уже исчезла, растворяясь в тёмной серой дымке, если зима, а летом - тает, исчезая, в плавающем мареве.

Опершись на локти, Мухаммед шепчется с живой землёй, слова какие-то вдруг жаркие спешат вырваться. И неважно о чём! Вокруг столько манящего: как листки на стебельке, что и врозь, и в то же время вместе - волшебно подобраны один к другому. Прикосновение облачка скользящего, тенью проплывающее по спине. И ты к земле припал, а овцы - по тебе, копытцами грудь оцарапав, и защипало от дождя - не дождь, лишь капли, что скупей сиротских слёз. И розовая нить, как вязь. Холод пробудил: ясное небо, одинокое облачко, и отара на месте, лишь ранка саднит, будто от острого стебля розовая нить. Но что проклюнется, какой росток - успокоения или зелья? Усохнет, око иссушая, или одарит взгляда остротой?

А ведь мекканский верблюжий караван уже на торговом пути! Ведом Абу-Талибом - он и дядя, и новый отец - в Сирию с дарами Хиджаза: одежда, сотканная из верблюжьей шерсти. Особенно ценилась розовая... Когда Абу-Талиб собрался уезжать, Мухаммед попросил его взять в караван, и он, дабы не огорчить племянника, сказал: "Клянусь богами, я возьму тебя с собой, и мы никогда с тобой не расстанемся!"

Ещё заметил...

14. Но о том, что заметил, прочитывается в новом свитке:

Век человеческий. Чем, как не рассказом о прошлом, коротать долгий путь? Заговорит если Абу Талиб - не остановишь, умолкает тоже надолго. Мухаммед с детства ведаёт про распри родов курайшей, даже внутри их рода - зависть и раздоры, слышал, как спорили, кому

обладать ключами от храма. А за пределами Мекки - единое племя курайшей, коим другие племена противостоят. Не потому ли славится меч? Иудеи и христиане? Но прежде о христианах. С ними, как было запечатлено у мекканцев в договоре с владельцами слона, надлежит быть в вечном мире, свой род они возводят к царю Соломону; хоть и христиане, но за благо почитают обрезание, и от прежних божков-идолов не вполне отказались, из-за чего их союз с оплотом христианства Византией, или Бизансом, мнящим себя преемником Рима, Новым Римом, неустойчив. Судьба, однако, переменчива, чаша дружбы и вражды на аравийских весах, как сказал мекканский купец, колеблется: то христиане благоволят мекканцам, а иудеи, напротив, в ссоре, то, не поймешь отчего, эти настроены миролюбиво, а те впали вдруг в озлобление, будто чем их обидели. Так не лучше ли нам, мекканцам, коль не на кого опереться, не брать себе в сподвижники ни тех, ни других? Ещё одна по соседству империя, не менее могучая, чем Бизанс: сасанидская Персия, мнит себя центром Земли, в которой будто бы семь островных стран, и все семь известных климатов, да столько же сфер на небе, за которыми неподвижные звезды и горний рай, и посреди всего мироздания, как пуп на теле человечьем, - Персия. Она покорила Священный дом - храм Соломона, Бейт-аль-мукаддас, а у иудеев - Бетха-микдаш, вывезла из Эль-Кудса святыню христиан - животворящий, как те говорят, Крест Господень. Украшенное румийской, или византийской, парчой алое, лазоревое знамя персов, кожаное, на золоте - алмазный узор, прошествовало по азиатским провинциям Бизанса, поработив их. Частые уверения в незыблемой дружбе - и постоянная война. Не пройдет с похода Слона и века человеческого, равного тридцати шести лунным годам плюс год в утробе, итого тридцать семь, роковое число, как арабы захватят и уничтожат, предав огню, знамя зороастрийцев-персов, обратят их в веру мусульмов... - не ведают они о том, что на небесах уже предрешиено: знамя сохранится лишь на монетах, значимо в них серебро и золото, долго не выйдут из обращения. Кажется Мухаммеду, что персы заполонили мир, власть шахиншаха распространяется чуть ли не дальше путей Солнца и крайних пределов земли за границами пустыни. А над небесами парит их, персов, птица Симург, чей образ запал ему в душу: крыло у неё оранжевое с металлическим оперением, а морда собачья. Видевшие птицу сказывают, что у неё человеческая голова, а хвост рыбы. И что птица служила царице Савской Билкис, которая стала женой Соломона, покорённая его умом, а когда умерла, бессмертная птица покинула дворец, угнездилась в ветвях Древа познания, что растёт в небесном раю. "Злы, как псы, и хитры, как рыбы!" - это Абу-Талиб о персах: за что не любит, объяснит не сразу - кичатся, дескать, что они - народ избранный, древнее древних! Но на людях говорит о персах с почтением, ибо несметны они воинством. И то хорошо, что веры своей, зороастризма, другим силой не навязывают, но и христианство оставили бы в покое, если б не соперничество с Бизансом. Абу-Талиб снова прибегает к слову хитрость: на руку персам враждебность любых племён христианскому Бизансу! К тому же поощряют многобожие арабов, - но разве сами персы не многобожцы, почитающие семь божеств? И что мудростью якобы превзошли все народы, определив двенадцать свойств, вокруг которых, если претендуют быть всеильными, вертится их владычество!

...В уме, чтобы не забыть, перечислял недавно Мухаммед двенадцать свойств владычества, вспоминая караванную поездку с дядей. Что-то со временем забудется. Но и пригодится ведь что-то!

Доступность чтения?

А в чтении - знание, в знании - воздействие, в воздействии - подчинение.

Что есть проще, когда свиток развёрнут?

Но и прочесть - великий дар! К чтению - умение писать, выводя алиф, бей, заключая тайну в сокрытую форму. Впрочем, писание - удел рабов, ибо труд тяжкий! Из букв назвал ещё полную загадок нун. Но сказал иначе: "Управление буквами, совокупность которых - имя великое".

Но чьё?!

Твоё собственное?

Некогда казалось, что каждое имя, любое. И что кто переплетением букв сумеет родить слова, тому откроется тайна плоти и духа. Так казалось, пока не проведал, что в нун'е - иная тайна. Что Бог, сотворив мир, воскликнул: Нун! Да будет!

Не только!

Явные и скрытые деяния?

Четыре силы: первая - здравый смысл, коим пренебрегает всяк, кто возвеличивает своё и низводит чужое; вторая - понятливость, если она не отнята богами в наказание; третья - самоутверждение: коль в мир явился, будь услышан, и четвёртая - радость: возблагодарить Бога, что дарована тебе жизнь! Иначе - тьма неведения, забвение, грубость и скорбь.

Нет, не простое перечисление свойств от первого до двенадцатого.

Что ещё?

Ирония!

Неужто над собой?

И откровенная издёвка!

Над властью упоёнными?

Того, кто мнит, что он свободен, а он - раб!

Мухаммед не торопил дядю - начав речь, тот непременно завершит, ибо обуреваем долгом поучения. Что ещё к тем трём свойствам? Несение символов, коими наводится страх: и лев, и золото, и камень. Возможность одаривания приближенных чинами, чтобы держались за твой подол и не покидали твою тень. Получение даров от подданных, и каждый состязается с другим в почитании властелина. Ублажение плоти обильной едой и одурманивающими напитками, о чём надобно знать подданным и всеми стараниями тому способствовать, тут же - влечение к запретному, ибо запрет - для других! Наказание непослушных, и выставлены казнённые напоказ, чтобы кровь не застаивалась в жилах живущих. Упреждение уловленных, заподозренных, но чаще придуманных козней - для чего? Дабы обеспечить себе, как сказано, отход ко сну и вставание по собственной прихоти. Упражнения в забавах - их немало, и надо не упустить ни одной. Путешествия, ну и, по моему, двенадцатое - это могучие стражи, оберегающие твою власть лесом вздымающихся копий, грохотом колесниц и пылью, поднимаемой конницей.

- Увы, и в ясный день, - продолжал Абу-Талиб, - когда кругом разлит свет солнца, не говоря про полнолунную ночь... - не завершил мысль, ибо впереди из-за песчаного холма возник идущий навстречу караван. В пространстве разлилась тревога тех, что эти замышляют злое, и тревога этих, что те глядят недобро, но всё же успел Абу-Талиб досказать: нигде не сыщешь мира, ибо такова природа человека. А караван всё ближе - персы! По разноцветью флажков узнал? по особой мелодии висящих на шее верблюда-вожака колокольчиков? А поодаль (не на продажу ль?) - светлой масти длинношея красноватая молодая верблюдица, ещё не сужеребая, но готовая к зародышу, определил опытный глаз Абу-Талиба, привлекла внимание и Мухаммеда: не такой ли верблюдице уподобляют хиджазские поэты красавицу? Кто дрогнет? К счастью, рассветная пора - не ночь, когда тьма нагнетает страх и неясность обоюдного вероломства - надо, если учуял опасность, успеть напасть, чтобы не застигли врасплох, но силы вроде бы равны, и белые флажки арабов как будто трепещут дружелюбно. А в воображении Мухаммеда... - вот бы и пригодились бойцовские навыки! С детства учили его и Хамзу искусству метания копья, гибкого, из тростника, а наконечник - заострённая верблюжья кость, заменённая потом на нож, который можно отвязать. Мухаммед ласково называл копьё мой джерид, а в душе: "Да не годишься ты мне!" Учили стрелять из лука - два упругих изгиба, соединённых прямым коротким перехватом, точно полумесяц, а к луку два вида стрел: длинные легкие, с

гладким железным наконечником, летят на дальние расстояния, и короткие тяжелые, он их не любил, - на расстояния недалние. В первое время - для предохранения правой руки (Мухаммед был левшой) от возможного удара при обратном отскакивании тетивы - сгиб руки прикрывали металлическим щитком или надевали на большой палец костяное кольцо в виде наперстка. Гулко застучало сердце Мухаммеда в предчувствии битвы, как представил себе блеск высоко поднятых мечей, выхваченных из ножен. Пики высекали искры, ударяясь о щиты, свистели стрелы, флажки их белые и знамена пропитались кровью, став красными, но - Мухаммеду показалось, что благодаря именно ему обошлось миром, взгляд приковал и долго держал, зацепив, не отпуская, взор впереди идущего и даже смягчил его. В напряжении, словно не замечая друг друга, караваны пошли своими путями. И, отвлекая племянника, Абу-Талиб заговорил о странной на сей раз невоинственности только что встреченных персов:

- Неужто устали проливать кровь?.. Довольно умствований, хоть поучительны знания, сказал поэт. Какой? - Абу-Талиб не вспомнил: поэты почитаемы в Аравии, наделены даром извлекать из сердец слова, вызывающие восторг и слёзы, но вслух не произнёс, думая, что уронит честь купца и предводителя рода. Но я прочёл в твоих глазах. Стихи? Цепочку слов! Нанизанных, как бусинки, на нить? Пусть так! О чём? Про сердце, что очищено от скверны! Но полное любви? Открыто существу всему и распласталось сочными лугами. Так пастбище оно? Для духов всех божеств! Вместилище, быть может? Да, скрижалей сокровенных! И капище паломника? И монастырь оно! Про Каабу не забудь - многобожников приют! Но куда б ни шли махаббы караваны - не миновать им сердца моего. ... Абу-Талиб с Мухаммедом держат путь в Сирию. Клич бедуина пробудил: вознесть иль погубить?

15.

- о хиджазских родах-племенах; - о чужих, которые сильны и могучи, властвуют над мирами; - о бедуинах пустынь, презирающих корыстолюбие и жажду обогащения; вечных в движении, ибо и Луна не стоит на месте; постоянны в дружбе, но и в ненависти; четыре высших блага у них: чалма, шатёр гостеприимный, кинжал и меткое слово; щедры, но и не прочь разбоем обогатиться, того и жди - нападут и ограбят;

- что курайши - божье племя, ибо спасены от разорения в год Слона;

- что славны Каабой, говорили с Абу-Талибом: Мухаммеду кажется, в чем-то схожи храм и он, когда пастушит: одиноки в окружении гор и холмов, но и неприкосновенны, хранимы и оберегаемы добрыми духами, ибо священна территория, на которой расположились: он - по рождению, а храм - по велению богов,

можно прочесть в свитке, слово цепляет слово, и не знающая усталости рука безымянного каллиграфа тянет нить, бывает, и растягивает. А название свитка спрятано в сплетении букв, точно в зарослях камыша зверёк - и виден, и слился с камышом: Узлом завязанный язык.

Что сказано - то сказано, будь то правда или ложь. И были долгие войны из-за пастбищ, наживы, из-за власти и подчинения, пока племя или род не поглотит своих, будто инородцев. А повод - пустячный, как были в недавние сорокалетние войны: одна - потому что вымя верблюдицы прострелили из лука и брызнула наземь кровь, смешанная с молоком; другая возгорелась из-за конных скачек: дистанция - сто полетов стрелы, скакуну по кличке Дахис завистники помешали прийти первым к водопою; приз - всего лишь двадцать верблюдов, а война унесла много жизней, и отцы хоронили сыновей, и были убийства заложников и гонцов, давались и нарушались клятвы - три тысячи верблюдов были ценой примирения. Хлынули племена в Мекку, ибо здесь - святыня Кааба, смешались они, но каждое тяготеет к своему и похоже на других. Наречие - вот стержень! И быт со своими божками, законами предков. Думы - как дикие верблюды: разве взнуздаешь? Хашимитские старейшины

избирали Абдул-Мутталиба в доме легендарного их предка Кусайя - Доме собраний, где хранится их знамя. И никто не посмел сказать (завязаны языки), что дом построен на крови: Кусайя разбогател, убив и ограбив друга-купца... Да, нравы с тех далеких времён не изменились... Но что с того, что ведомо тебе про эти распри?

И верблюдицы рёв, в чьё вымя налитое впился язычок стрелы,
и, не насытись, пьёт верблюжонок, чтобы вкус молока, что с кровью перемешано,
изведать,

и что-то про оперение стрелы. Курайши... Кем из знаменитостей они гордиться могут? Мудрецы? Полководцы? Поэты? Неужто лишь женщины?! Агарь-Хаджар, наложница Авраама-Ибрагима, подаренная ему египетским фирауном, когда покинул он Египет и вернулся в Палестину, а стала... Нет, наложницей и осталась, хотя Ибрагиму сына родила, Исмаила-первенца, прародителя курайшей! Чуть что, и вспоминают о муках Хаджар, как притесняли в доме, как попрекала законная жена Сара - без двух рр, у арабов одно, - и вздрагивает служанка при виде госпожи, которая завидует, что она зачала. И была у Хаджар обида на Бога, когда, не вынеся глумлений госпожи, бежала. Бог устами ангела молвил: "Возвратись к госпоже своей, смирись под руками её!" А в утешение передал ангел слова Бога: "Умножая, умножу потомство твоё, будет неисчислимо от множества. Вот, ты беременна, и родишь сына. Имя наречёшь ему Ишмаэль, или Измаил - Послушник Божий. Ибо услышал Я, как страдаешь ты".

...Звезды подсказывали путь: двигался караван по ночам, дабы обезопаситься от нападения кочевников - лихой народ бедуины! Есть бедуины свои: вождям-шейхам хашимиты прежде дань платили на пути следования по их землям за охрану караванов, нанимали сопровождать торговые караваны, делились с ними прибылью. А есть бедуины чужие, неведомо где обитают: только что их серо-чёрные шатры кругами или прямыми рядами надолго, казалось, расположились здесь, и возле каждого шатра, как страж, воткнуто в землю копьё, привязан у входа конь, готовый ринуться в бой, тьма-тьмущая овец, но миг - и уж нет их, кочевье с места сорвалось, из пёстротканых сумок на спинах животных выглядывают детские головки. Ночью торговый караван в движении, при свете полной луны тени верблюжьих шей покачиваются на песке, а днём отдыхают, спасаясь от жары в тени, в лёгких палатках. Устроение шатров? Ценятся войлочные, часто паломники сами и возводят их, не прибегая к помощи мастеров-шатёрников, которые много запрашивают, всё дорожает с каждым годом. - Кто спорит, - это Абу-Талиб Мухаммеду, - устроение шатров, как и пастушество, - дело достойное. А ещё шерстобитчики, валяльщики, сапожники, но занятие наше - купечество, тем и славны! А жрецы? Не является ли Кааба средоточием жречества? Назвав всех, Абу-Талиб забыл сказать о прорицателях. И о поэтах - посредниках между людьми и богами, - от одной этой мысли вдруг стало жарко в груди.

"Не в крови ли сочинительство у нас, хашимитов?" - подумал Абу-Талиб, дабы высказать боль, развязав язык.

16. Величие числа

Глянул Мухаммед на Абу-Талиба: уснул он, погружён в думы под мерную поступь верблюда? Вдруг встрепенулось животное, будто для резвости кто смазал его обжигающим взваром сока кедра, - и стремительная поступь его навязывает быстрый ритм. И зримы строки. Возьми в дорогу кожаный колчан, и лук, и стрелы! Копьё - оно остро, сработано на славу, как самхарийское,

но самхарийское оно и есть. И меч возьми, но прежде закалив клинок. Рубить он славно станет. Нет, не хочу. Уже! И льётся кровь!

И тает облачко на небе.

Помнишь? И узкий серп луны - печали символ. ...Покинь меня, нечистый дух! Но нет: я тайной вязью душу потревожу! У одних ли курайшей не было и нет мира? Или думалось о

том, что земля эта, видимая и невидимая, с морями малыми и большими, оазисами и холмами, напоена мудростью предков и нескончаемы рассказы о тайне пустынь! А сколько мудрости запрятно за облаками да горами высокими, чьи вершины никогда не открываются людям, ибо окутаны они туманами немыслимых цветов: то лёгкие и оранжевые, то тяжёлые и покрыты мраком, сквозь которые, кажется, не пробьются никакие лучи солнца! А что-то, может, запрятано в глубинах земли? Под песками тоже - занесено, и не отыщешь следов. Потому и нет мира, ибо мудрость, хоть и разлита в воздухе, улавливается лишь избранными. Не тобой ли? Но и тобой тоже! И Мухаммед вдруг, на удивление Абу-Талибу, - копилось, как вода в колодце Замзам, пробилось наружу - встрял в спор о Хаджар и Исмаиле:

- И вы, кто считает Исмаила, рождённого рабыней Хаджар, стоящим ниже истинно ваших!.. - Тут же перескочил на другое: мол, притесняли мать прародителя нашего. Но тот в ответ: зачав, стала Агарь (не Хаджар!) презирать свою бездетную госпожу Сару - грех, когда рабыня восстаёт против госпожи! А Сара возьми и зачни - дряхлая старуха от столетнего Авраама! - Но если, - Мухаммед ему, - не притесняема Хаджар, с чего бежать ей, спасаясь - сначала одной, потом с сыном?! И, раскаявшись - но раскаяние не тех, кто обидел, а той, которая обижена! - возвратилась, покорная воле Бога, чтобы снова терпеливо сносить обиды. И ещё спросил, вспомнив: "Сын твой, наш Исмаил, будет между людьми как дикий осел!" Привычно, когда до одури спорят иудей с иудеем, но где юноша наслышался историй?! У какого мудреца подмастерьем был, что уши его улавливали знание, взгляд примечал удивительное, сердце наполнилось чуткостью? Спросил даже о том Мухаммеда, каким книжником он научен?

"Мудростью здешний воздух напоён!" - Не наивный лепет, а слово мужа; выговариваешь однажды вдохновенное, и не верится, что именно ты произнёс; мысль ясна, речь льётся плавно, но вот-вот оборвётся, исчезнет, скроется в тумане, что неожиданно возник из-за уступа скалы и на тебя стремительно понёсся. Скажешь и не сумеешь больше повторить, сколь бы ни просили, не прольётся снова речь, ясная и полная глубокого смысла. Иудей вовлёл его в словесные хитросплетения, запутал пальмовые волокна речений: "Рука его на всех, - сказал Мухаммеду, - и руки всех на него! И жить будет пред лицом всех братьев своих!" Научиться бы переговорить их в споре, но как?! Мол, и он, Исмаил, на всех нападать будет, и все на него нападать будут! Но разве Исмаил не был первенцем Ибрагима? Не стал началом арабов, двенадцати их колен?! И не пошел ли великий народ от него, ибо сказано было: "Умножая, умножу потомство!"

- Достойна похвалы твоя память, юноша! - Тут же сразил, упиваясь найденным, собеседник: - Но не забывай, что то - величие числа! - А следом, не дав Мухаммеду опомниться: - К тому же идолов!

17. Черчение на песке

Когда и где, в каких кругах небесных?

За звёздами какими?

И чей-то зов, усмешкой озарённый. Это вечное чувство неравности! С иудеями? С христианами тоже!

Ещё во времена похода Слона чуть ли не сам Абраха - слоновый, как прозвали его арабы, человек - предводитель абиссинско-эфиопского воинства, предлагал деду свою веру и с ней объединиться, влившись в Бизанс, в борьбе против персов. Помнит, терзался Мухаммед в отрочестве: кто даст силу избыть эту неравность? где воля преодоления? Вглядись в иудеев и христиан, говорил себе Мухаммед, - ничто не предпримут, не установив пред собой своих священных Книг, ниспосланных им их богами. Иудеи советуются с Таврат'ом, Торой, неземной книгой, видел однажды её, излучала будто тепло, завёрнута была в мягкую, цвета каштана, кожу. А у христиан - Инджил, или Евангелие. Потому не витает над их головами страх, не ведают печали ни в этой, ни в той жизни, ибо по вере их им обещана награда на

небесах. А что дано нам? Что есть у нас? Кааба и множество богов! И звёзды. - И тут вдруг Мухаммед слышит сбоку: "Нам, сабиям, тоже обещана райская жизнь, если..." - голос умолк. Говорил знакомый по Мекке почтенный купец, чуть хромает и оттого прозван Хромой сабий, а он: "Я не хромой, я одноногий!" - Все мы, - говорит, - исмаильтяне, но каждый сам по себе вроде умён, смел, щедр, добр, а как соединимся в род или племя... о! Мы тогда не люди, а разгневанное стадо диких верблюдов, у которых опустел горб! "Ну да, - подумал Мухаммед, - озлоблен, ибо ногу потерял в той войне из-за верблюдицы или жеребца". - А что если? - спрашивает его Мухаммед. Тот не понял. - "Сабиям, сказали вы, - напоминает ему, - обещана награда на небесах, если..." И, не завершив мысль, заговорили о другом. - И о другом, и о том же! - И смотрит дерзко на Мухаммеда. Тут и поведал, ударив палкой по ноге, постучав, и она отозвалась, как деревяшка: - Прежде казалось, вера и государства разделяют людей, примкни к ясной вере, обопрись на сильное государство, а лучше - прими веру сильного государства! - Что разделяет нашу семью? Семьи других хашимитов? Роды курайшей? Нас и не похожих на нас?

Уткнув палку в землю, сабий молча стал при свете закатного солнца чертить по ней - это у нас любят! - чертит и чертит, а нарисованное тут же осыпается, ибо черчение на песке. - Вот, - говорит, - наша история, видишь? Так что не мучайся, не ты первый, не ты последний, хотя как знать, кто мучается этой загадкой. И легче, чем разгадать ее, пески Аравийской пустыни сосчитать! Потом говорили о звёздах. Которые для того, вне сомнения, и существуют, чтобы путники, находя по ним дорогу, не заблудились. Что? Не для того, чтоб поиск удался?! Ах красота! Она тут, как может кому-то показаться, вовсе ни при чём. И звёзды... Как та, что утренней зарёй алмазным синим блеском сияет над пустыней,

не счесть их, звёзд, и с каждой долгой-долгой разговор... О чём? Свиток - чей-то текст внутри - свёрнут и крепко завязан алой лентой, узлом. Но ещё слышатся голоса, и трудно различить, кто говорит: иудей или христианин? Смесь наречий арабского в разговоре слышится: первый вроде бы внятно излагает мысль, и акцент для непосвящённых неуловим, но, однако, знающий определит, что акцент - сирийский; второй словно запинаясь в поисках нужных слов, связывая их по наитию, но в голосе - явная уверенность, сабий с его мекканским, как у купцов, говором; и спорят с ними иудей и христианин о выборе веры, а самый юный из этих купцов будто возражает, перебивая то одного, то другого, и горячится. "Молод и не по годам мудр!" - скажет иудей, с ним согласятся христианин и сабий. Потом заговорили - и господствовала всецело речь мекканская - об изначально нарушенной людской природе: первородный грех, здесь спорящие единодушны. Нет, не все: молодой собственное имел суждение про грех первородный, а какое - это осталось тайной. А разве Бог не разгневался на Адама и Еву-Хавву?!

- И разгневался, и не разгневался! - говорит им молодой купец. - И терние и волчец, - сказано, - произрастит земля тебе, в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, ибо от неё ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

И, перебивая друг друга, сабий и Абу-Талиб, вторя иудеям, стали перечислять людские пороки: тщеславные и несговорчивые, завистливые и злопамятные, кичливые и вероломные... - да, велико зло человека на земле, и вся склонность мыслей сердца его только зло во всякое время. И пожалел Бог, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своём. Разве изменишь природу человека, чтобы хоть чуток поумнел? Абу-Талиб, перечисляя грехи людские, думал о пороках сородичей.

Я это уловил!

Но как?

Вкруг головы взвился вдруг чёрный дым.

От чёрных дум?

...Две крайности в сородичах: или злодей из злодеев, грудь матери своей срежет, "уфф!"

не скажет, или добряк из добряков, точно мул: садись на него верхом, никогда не взбрыкнёт (на удивление ослице, которая его родила), не пожалуется на усталость (на удивление коню, который его зачал) - мол, будь добр, сойди на миг, дай отдохнуть; ловкач из ловкачей: наденет, обманув, ошейник на шайтана и продаст на базаре пронырливых из проныр; или лентяй, каких свет не видывал. А и наговорит на тебя, пустит порочащий слух, сболтнёт что на ум взбрედёт, а потом, поверив в это, повторять будет, каждый раз что-то новое присочиняя!

*

* Перевод стилистически слегка осовременен мной.

Неужто пороки людские, или своего рода-племени, перечислять придётся до следующего привала в Босре, а это пять часов езды? А, может, и в Тайме, это по пути... - но там о Мухаммеде будет поведано нечто. Новый свиток? Новый рассказ!

18.

В честь папируса?

Угадал! И сказать непременно, что изготовлен из поросли затхлых болот?

Нежен и порист!

Мягче лозы и крепче травы. Дерево-губка с твёрдой кожурой и податливой сердцевинкой, стройное и упругое? Великолепный плод! Но вырастает из отвратительных топей!

О, бумага! Чья белоснежная поверхность - поле поэтического красноречия и пророческой мудрости! И лукавств?! Но безобидных! И лжи? Во спасение. Но к ней приходишь, идя по дороге правды.

И сворачивая на обочину, чтобы отдохнуть в царстве самообмана?

В утешение, что непременно придёшь к истине.

Горизонт, который близок и недосыгаем?

...Сохранила бумага эластичность и собрана для удобства в свиток

Сокрытый знак

(б) Вклейка в свиток, почерк этот уже был, насх среднего размера. На сей раз писчик избегает замысловато вычерченных букв, отчётливо прочитывается: "Кто перепишет текст и запомнит, чтобы пересказать другим, обретёт благо и удержится от всего губительного".

Их было двое, старцев-предсказателей, которые, взглянув на Мухаммеда, постигли то, чего не дано узреть простым смертным, - будущего пророка. С одним из прорицателей встретился Абу-Талиб, направляясь с племянником торговым караваном в Сирию; в южном городе Босре был привал, и старец неожиданно отсоветовал им продолжать поездку - почти у конечной цели, преодолев такое расстояние! - и приказал, чтобы немедля возвращались в Мекку, ибо опасается за жизнь Мухаммеда. Не послушался его Абу-Талиб! С другим судьба свела в Тайме, на границе с пустыней Нафуд, когда Абу-Талиб, как всегда почти ни с чем, домой из Сирии возвращался. "Случилось то, что случилось, - многозначительно промолвил старец, - однако неудачей в торговле вы от беды откупились!" Память современников, себе не в тягость и упрощая сложное, дала провидцам одно имя - Бахира, хоть были они: первый - христианин-монах, или отшельник, а второй - иудей, что и запечатлели два свитка - Сокрытый знак, о чём уже было, а также Царапина на груди, о чём ещё будет, не ведающие друг о друге каллиграфы арабского письма. И ни один из летописцев-арабов не задумался, что бахира - это верблюдица, объявленная священной за принесение приплода в течение пяти лет подряд, её, надрезав ухо, отпускали вольно пастись. Впрочем, Мухаммед, услышав это имя... - но не станем упреждать события! *

* Но бахира по-сирийски - надёжный, верный!

И далее. А в одной большой рукописи, чьё название не сохранило время, безымянный

сочинитель, представившийся как благочестивый правдолюбец, вовсе не счёл нужным назвать имя предсказателя: "Некий монах, - сказано в рукописи, - черпавший вдохновение в готовых легендах Аравийской пустыни, происхождение коих подозрительно. И он возвестил курайшам, что будто бы среди них находится пророк".

(7) На полях, по всей видимости, продолжение, тем же хорошо различимым насхом среднего размера: "И не пытался безымянный сей сочинитель осмыслить при этом загадочную подсказку Корана: "Разве Мы не раскрыли тебе грудь?""

Собственно свиток - бумага, выделанная из сирийского благовонного тростника, что растёт у озера Шам, тот же почерк куфи, местами стёртый. Судя по темно-желтому цвету и неравноудалённости букв, что является отличительной особенностью раннекуфического письма (это могло проистекать и от особенностей стиля писчика), свиток более древний, нежели светло-желтая вклейка. Начинается с описания:

На окраине южносирийского города Босра, откуда птица, купаясь в лучах солнца, может увидеть холмы вечного Эль-Кудса, отыскалась келья, в которой жил отшельник монах, всеми позабытый. И удивились земляки, когда узнали, что жив он, Бахира, который сведущ в науках не только христиан, но и тех, кто был прежде, - иудеев. Даже в ночных видениях проникает в начало начал, в дали времен, когда восходил питаемый мудростью Солнца Зардушт, точно идёт по канату над пропастью, а надо от одного берега к другому пройти, нельзя ни остановиться, ни вернуться, ни вдаль глянуть, ни назад взор обратить. В такие пропасти минувшего проваливается, откуда не выкарабкаешься, дабы узнать, чем стало и куда пришло то, что некогда мощно процветало. И - застрянешь.

Но сказано мудрецом: Не спеши выносить суждение о сегодняшнем, ибо завтра оно может быть ошибочным. Или чуть иначе: С расстояния времени вчерашнее видится иначе, чем тогда представлялось.

Так кто ж он? Отменный лазальщик по скалам в поисках орлиного помета для зелья, обещающего вечную молодость? Выкарабкался Бахира из дебрей, вернулся в келью, продолжив постижение ведомых и неведомых вер по рукописи, которая передавалась, как говорят, по наследству от одного к другому... Тут и Абу-Талиб явился с верблюжьим караваном.

"О Боже, - переведя дыхание, подумал (кто? - Ч.Г. *), - даруй нам облегчение, а не затруднение! Избавь от чтения того, что написано кровью, ибо кровь - самый ненадёжный свидетель истины!"

* Как читатель, я бы дерзнул сказать про облегчение и затруднение иначе: "Усложняя простое, человек совершает глупость, обезоруживая себя перед нечистой силой, а упрощая сложное, раскрепощает дух, приближаясь к Богу". И ещё: "Признак таланта - умение раскрывать в простом сложное, но свидетельство гения - переводить сложное в простое".

Что было дальше, повествует знающий, и несть числа хранителям заветов, оракулы - точно яркие звезды над Аравией, поди сосчитай! Нельзя ли без велеречивостей? Путнику - быть в пути! ...Верблюжий караван остановился неподалеку от кельи монаха Бахиры, и он (кто прежде не то что не заговаривал с купцами мекканскими, но даже не выходил к ним, не проявлял интереса), будто ожидал именно этой встречи, уже стоял у ворот. И, как они появились, пригласил, к удивлению осторожного Абу-Талиба, к себе: "Сначала, - им сказал, - отведайте моего угощения, а потом я вам скажу: случилось то, что случилось!" Находясь в келье, монах увидел приближающийся караван, заметив при этом удивительное: с караваном на синем жарком небе двигалось белое облачко, прикрывая тенью путника, некоего юношу. Караванчики остановились неподалёку в тени дерева, и облачко застыло над юношей, ветви склонились над ним, укрыв. Облаченный во власяницу, Бахира вышел к ним:

- О курайшиты, я приготовил для вас угощение, оно скромно, хотел бы, чтобы пришли

вы все, малый и великий, раб и свободный. - Клянусь богами Каабы, ты преобразился! - сказал ему Абу-Талиб. Тот ли ты монах, каким я знаю тебя давно? Прежде ты не замечал нас, хотя часто мы проезжали здесь. Что же с тобой произошло? - Ты прав, - ответил ему Бахира, - мне нечего возразить, хотя... дни искушений, признаюсь, случались прежде, но мягкосердие ложное ведёт к греху!.. А теперь - иное, будьте моими гостями и переступите порог кельи. Хоть и тесен мой кров, но почтить вас хочу, чтобы утолили жажду и голод. Все пошли за Бахирой, один лишь Мухаммед - по молодости лет или не расслышал, увлечённый думами, - остался с поклажей под деревом. Разглядев гостей, Бахира заметил: - Вы пришли не все. - Да, ты прав, - ответил один из караванщиков. - Но пришли все, - сказал другой, - кому следовало прийти. - Нет только юноши, - сказал третий. - Он самый младший из нас и потому остался с караваном. - Позовите его, пусть разделит с вами трапезу.

- Клянусь богами Каабы, - вмешался в разговор сабий, назвав при этом богинь Лат и Уззу, - мы будем достойны хулы и порицания, если сын доброго курайшита Абдуллы, внук почтенного Абдул-Мутталиба, племянник стража Каабы Абу-Талиба будет не с нами! - И, ковыляя, пошёл к Мухаммеду и привел его в келью.

Взгляд Мухаммеда, как только он вошёл, привлекла высокая камышовая корзина, из которой торчали свёрнутые трубочкой папирусы. И монах пристально разглядывал Мухаммеда, отмечая про себя разные приметы на его лице, о которых знал лишь по одному ему известному описанию. А когда люди поели овечьего сыру, попили отвару из изюма с какими-то пахучими травами и, довольные, покинули келью, и Абу-Талиб с ними, Бахира дотронулся до руки Мухаммеда:

- О юноша, останься, хочу поговорить с тобой. - Но кто ты? "Неужто, подумал Бахира, не слышал обо мне?" И тут же укорил себя за горделивость, назвал имя: - Простой монах по имени Бахира. Мухаммед еле сдержал смех, искорка мелькнула в глазах. - Понимаю, тебя рассмешило, что по-вашему бахира священная верблюдица, а я, как видишь, просто верблюд! - Старец действительно был похож на... Нет, благоразумие не позволило Мухаммеду поддаться шутке старца, и тот это оценил. - Да будет тебе известно: имя это не арабское, а сирийское, и бахира означает человек надёжный, верный. Так вот, я хотел поговорить именно с тобой, о юноша. Отдай мне твой слух и взор (мол, послушай меня)!

- Не достаточно ли разговоров, что мы уже вели?

- Странно, но мы, кажется, с тобой прежде ни о чём не говорили. - Нужно произносить слова, чтобы счесть, что мы вели беседу? - Уж ты-то молчал! - Другие, о достопочтенный отец, сполна удовлетворили, надеюсь, ваше стремление познать бедуинскую жизнь. - Не было умысла в моих вопросах. - Доброрасположение похвально. - Я пытался вас понять.

- Ну да, все, кто не мы, считают нас, когда предстаём пред ними, бедуинами-кочевниками, которые только и умеют, что красть и угонять. Но все забыли, что каждый бедуин - воин и поэт! - О да, горечь твоих слов объяснима. Но именами Лат и Уззы, а также Хубала, которыми здесь клялись твои родичи-сопутники, прошу тебя ответить, о чём спрошу. - Именами этими просить меня не надо, - сказал Мухаммед. - Почему? - Нет для меня ничего нелепее, чем клясться их именами! - Но в чём тогда твоя сила? - Ты ведь не хочешь услышать, что я метко стреляю из лука и ловко скачу на верблюде? - Да, ты угадал. Но спрошу иначе: кому ты поклоняешься или в ком черпаешь силу, юноша? Мухаммед улыбнулся: сказать ли - это придётся по душе Бахире - об особо привлекательной фигурке Марйам, она похожа на мою маму, с младенцем Исой, чей лик не обозначен, лишь продолговатый орешек, и он сам домысливает взгляд, рисуя глаза и губы. Но тогда монах - такое с Мухаммедом уже случалось - поведёт речь о привлекательности христианства: "Почему бы вам, мощному роду хашимитов, коль скоро Богоматерь с Богосыном уживаются в вашем храме с идолами, не принять, уговорив и всех курайшитов, веру Христову?!" Бахира терпеливо ждал, что Мухаммед ответит. Но тому отчетливо вдруг привиделась картина,

ожило от кого-то про Ибрагима услышанное - как рушит идолов; взял палку, разбил изготовленных отцом на продажу идолов и, оставив самого крупного, вложил палку ему в руку.

(8) Вставка: Не об идоле Хубале ли речь?

Тут появляется отец Ибрагима: "Что ты натворил?!" - "Это не я", - отвечает. И оправдывается: принесли-де паломники в жертву идолам муку, а те спор меж собой затеяли. Один кричит: "Я поем раньше!" Другой: "Нет, я!" А самый крупный разозлился, встал... - Видишь, - говорит отцу Ибрагим, - палку в его руке? Разбил он идолов!

- Ты издеваешься! - возмутился отец. - Что могут истуканы?!

- Вот ты и ответил, что ни к чему не пригодны!

Но кому поклоняться? - будто очнулся Ибрагим. И ответил себе: Солнцем очарован, но оно зашло. Луной очарован, но туча её закрыла. Туче поклонюсь, но ветер её разогнал. Ветер - вот бог, но не свалит он идущего человека! Человеку?! Кто ж слабому из слабых поклоняться станет?! Так кто Он, властвующий над всеми? Фараон?!

Картина возникла и исчезла.

- Я ещё не готов к ответу, о старец! - Но тогда именем моего Единого и Вездесущего прошу ответить: скажи, что тебе привиделось во сне этой ночью? - Летал меж звёзд. - А вчера? - Ходил по морю, и волны меня не поглотили. - Снятся ли тебе пожарища? - Прошёл однажды сквозь бушующее пламя, и оно, как дуновение прохлады, касалось щёк моих. - Видишь ли во сне земные дали? - Пески пустыни снятся, белые и шелковистые, беру в ладонь, струятся, чистые, как вода Замзама, меж пальцев.

- Ещё у меня просьба!..

Мухаммед по просьбе монаха - показалась странной - расстегнул ворот своей рубахи, и Бахира удовлетворенно вздохнул, увидев царапину на его груди. Потом просил спину показать: так и есть - меж лопатками явственно обозначена печать!* И больше ни слова Мухаммеду: сновидения юноши и шрам на груди, похожий на след кровососной банки, совпадали с описаниями, что имелись в книгах. Тут же пригласил монах Абу-Талиба, велел Мухаммеду на время покинуть их.

_____ * Скептики, коих немало в мирах этих и тех, зачастую судят друг о друге, прибегая ко всем оттенкам чувств, жестов и мимики, - от подобострастия и лести до - пройдя через иронию и ухмылку - издёвки. И они сказывают... - тут суждений не на одну книгу! - что печать на спине Мухаммеда была всего лишь огромным родимым пятном величиной с куриное, а для кого - с перепелиное, яйцо.

- Кем тебе доводится юноша? - спросил.

- Он сын мой, - ответил Абу-Талиб.

- Неправду изрекли твои уста, - возразил Бахира. - Он, как о том мне открылось, сирота. Отца его не должно быть в живых!

- Ты прав: он сын моего покойного брата. Но и тебе я молвил правду: племянник мной усыновлён. - Это ответ истинный. Теперь внимательно слушай меня! Я узрел святость в юноше! - Изумлённый Абу-Талиб растерялся, не зная, что сказать. - Да, именно то, что ты услышал, и я удивлён не меньше твоего! Монах, спеша избыть накопившееся, быстро заговорил об особом сиянии очей Мухаммеда, тайном знаке - шраме на его груди; что прихода Мухаммеда люди ожидают именно теперь, когда земля погрязла в нечисти безверия, жестокостях и разврате, а невежество поставлено на большую высоту, и что о явлении пророка сказано в древней книге. Не вставая с места, протянул руку к нише в келье, достал книгу в кожаном переплёте, приложил к губам: - Моё дело сказать правду, которую узрел, не заставляя верить в неё. Возвращаясь, настоятельно просил, - с ним домой, но опасайся, - предупредил, - иудеев! Именем Бога Единого тебя заклинаю: если приедешь с Мухаммедом в Сирию, иудеи убьют его!

- Но мы только что вели с ними мирную беседу!

- Слушай и не перебивай! - вскричал на Абу-Талиба. - Я даже знаю имена иудеев, которые вознамерятся убить, они приведены в этой книге! Запомни их имена: арабы Зурайр и Таммам, а также еврей Дарис! "Это как понять? - недоумевал Абу-Талиб. - Мухаммеда ещё не было на свете, а враги его уже названы в древней книге, так, что ли?!" Вежливо выслушал Бахиру, но, усомнившись, однако, в его предсказании, послушался монаха и продолжил свой путь.

(9) А Бахира-иудей, - дописано сбоку, - скажет, чтобы Абу-Талиб опасался христиан, названы будут те же имена, что произнёс монах Бахира: мол, если увидят юношу, замыслят против него зло, признав в Мухаммеде того, кого узрел я!

19.

О чем говорили Бахира и Абу-Талиб, так ты и не узнал тогда.

Но Абу-Талиб, кажется, подтвердил догадки Бахиры!

Сам не знает, как это у него вырвалось, сказал: "О том, что Мухаммеду, как ты изволил молвить, уготовано великое будущее, говорил и мой отец Абдул-Мутталиб".

"То - суждение деда о внуке, - ответил Бахира, - а моё исходит из знаний, которыми обладаю!"

Христианин винит иудея, а иудей...

Бахира даже, как рассказывают, встречался позже с названными им людьми Писания, о которых якобы сказано в древней книге, - Зурайром, Таммамом и Дарисом.

Пытались заманить тебя в ловушку, чтобы убить? Абу-Талиб после беседы с Бахирой был взволнован. И внимательно разглядывал твою грудь, когда по возвращении остановились в Йанбу? Я скинул рубаху, чтобы нырнуть в воды Красного моря, а он повернул меня лицом к солнцу, чтобы удостовериться. И тоже увидел царапину на твоей груди? Новая рукопись так и названа:

Царапина на груди ...Когда прошло двенадцать лет, два месяца и десять дней после похода Слона, Абу-Талиб отправился с Мухаммедом по торговым делам в Сирию, а на обратном пути остановились они в местечке Тайма, чтобы по совету соседа-сабия непременно навестить там святого, знатока всех вер. "Это наш сабий, - гордо заявил сосед, - но, увы, иудей". Учёный по имени Бахира, глянув на Мухаммеда, тут же спросил у Абу-Талиба: - Кем тебе доводится этот юноша?

- Сын моего покойного брата, - ответил Абу-Талиб. - Жалеешь ли ты его? - спросил и, услышав: "Да", изрёк, к удивлению Мухаммеда: - Береги племянника от козней христиан! И долго говорил он с Абу-Талибом. Бахира произносил изречения, вроде: "Всё, что есть сегодня, было всегда, а что будет - уже было". Однако, заметил, не скоро свершается суд над худшим, оттого сердце человеческое не страшится делать зло. Праведников порой постигает то, чего заслуживали бы нечестивые, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы праведные. Ещё о том, что именно он свыше данным ему озарением ублажил мёртвых, которые давно умерли, и они более живые, нежели те, кто жив доселе, а блаженнее тех и этих тот, кто ещё не существовал и тем самым не видел злых дел, творящихся под Луной.

- Слова одной мудрой книги, - заметил Бахира. - И каждый, кто их произнесёт, уверовав, станет их обладателем! - И тут заметил на груди Мухаммеда тонкую, чуть розоватую полоску: - Что это?! Мухаммед задумался: что-то знакомое, как бывает во сне или далекою детстве, всплыло вдруг вместе с воспоминаниями, когда подростком пас овец, уснул внезапно, а проснувшись, не сразу заметил на груди царапину - она чесалась очень.

- След! - изумлённо произнёс Бахира. - Грудь вскрыта, вынуто сердце и очищено, чёрные капли первородного греха выдавлены из него, и семя брошено, чтобы в срок взросло! - И дабы утвердиться в догадке, велел Мухаммеду показать спину. - Тайный знак! - тут же возгласил, лицо озарилось радостью, ибо на спине, - сказал Абу-Талибу, когда остались

вдвоем, - печать святости. Почувствовал жёсткие усы Бахиры? Мягкая шерсть бороды коснулась печати, что сияла на спине, там, где соединяются лопатки?

- Прочь безверие умствующего скептика, гореть ему в аду! Не поддаётся сомнению и проверке обычными смертными абсолютная достоверность! Ибо не вступит Бог в беседу с каким-нибудь сапожником - так и запечатлено, для этого у Него есть избранные Им посредники, которых Он отличил от прочих, чтобы через их посредничество люди могли обращаться к Нему! Не тогда ли Бахира, отвлекшись, заговорил вдруг про чернила? "В незапамятные времена, - сказал твёрдо, отчеканивая фразу, - чернила ученого мужа были подобны крови мучеников за веру, а ныне что? Цветная вода! И начисто стирается нестираемое! Обыкновенная подкрашенная водица, хоть и приготовлена по всем правилам!" Рассказал про утраченный секрет изготовления особых чернил? Но не лучше ли развернуть свиток, и пусть читает каждый.

Тем более что ещё светло: закатное солнце не спряталось, виден его алеющий полукруг. Время намаза? Каждый раз напоминать, пока не привыкнут, - быть вместе через пятикратную молитву: перед восходом солнца, в полдень, пополудни, при закате солнца, перед отходом ко сну.

И воздвигнуты здесь будут по числу молитв пять мечетей.

Глядящих на гавань Янбо?

С Красного моря несёт прохладой, в спину смотрит пустыня, более сухой она кажется рядом с сочной зеленью плодородных равнин Йатриба, ещё не ставшего Мединой. Столько песку! Песчинка к песчинке, сыплются с ладони, а что прилипнет - легко стряхивается, и руки чисты. Взял горсть песка, пересыпает с ладони на ладонь, песчинка будто хочет поведать о том, как некогда была прижата ко дну тяжестью вод морских, всякие рыбы, над ней плывущие, касаясь её плавником, чуток перемещали к другой песчинке; однажды ушли воды, стало жечь её, высушенную, и она стала лёгкой. Песчаные низины то волнистые, словно перья голубя, веером распластались, то ровные, и с холма, что близок, вдруг осыпается, тронутая чем-то неведомым, масса песка, обнажая гребень разлома, лишь на миг белёсую, - и сразу желтеет. Чем ближе к горизонту, тем серее песок, потом вовсе не разберёшь, что там, потому что земля сливается с небом. Да, быть, как песчинки, вместе, когда молишься, но молитва - это ведь и общение с самим собой! Но в общении при молитве - пять правил!

Назвать их снова?

Первое - находиться в ясном и полном сознании. А второе? Не спеши, а запоминай: всецело - и это всегда при нас! - обладать своими чувствами и разумом. В-третьих, знаем, что говорим и даже что собираются изречь, заговори мы, наши уста. Далее: не поражены недугом. Но есть и пятое! Да: ни в нынешний день, начатый светлой зарей, ни грядущей ночью не дотронуться до женщины. Если даже самая-самая любимая? И при виде её хочется свершить нечто необыкновенное?

Сдерживать чувства и эмоции, подавить вожеления и соблазны, готовясь к общению с Богом! Но прежде омыться водой - стать чистым, подобно нашим помыслам. А если застиг час молитвы в пустыне и нет поблизости воды, её заменит песок! Оботрём им, обожжённым зноем, лицо и руки.

Но очищение внутреннее - прежде всего!

(10) Немало и таких, - вставка в свиток, - кто не желает очищаться! Я, мол, безгрешен, пусть очищаются другие! Тем самым утрачивают чувствительность к упрекам внешним, отгораживаются и внутренне, упрямые в гордыне, не признают себя хоть в чём-то или пред кем-то виновными. Ещё строки, обведённые тонко очиненным каламом, обновляющим старую вязь букв: Лишаются способности слушать, что думают другие, взглянуть на себя чужими глазами.

И да не отвлечёт ничто, когда вершится намаз! И да получит прибыль совершающий молитву!

А там, глядишь, над этой скудной пустыней засияют звёзды.

И сосчитаем их. "... Да, утрачен секрет изготовления особых чернил!.. - не без гордости заявил Бахира (так написано в рукописи). И, не дожидаясь, когда попросят рассказать, поведал, ибо полон был невыговоренных слов, если не избудет их - беда с ним приключится: - Взять кусок смолистой сосны, положить в огонь, сверху поместить поливную чашу, чтобы там собиралась копоть. Взять можно, если нет сосны, и копоть из светильника с нефтью, собрать в ступку, растирать, пока есть сила в руках. Копоть станет как мягкий воск, но надо потереть ещё, пока не превратится в мазь. Поставить в тень просохнуть, затем смочить водным раствором, влить в чернильницу и употреблять. Но не оставлять никогда чернильницу открытой, ибо чёрная невидимая обезьяна ждёт, пока люди кончат писать, чтобы выпить оставшиеся чернила! Если хочешь, чтобы надпись стала невидимой, намажь её смесью купороса белого и сока редьки, смоченных уксусом. А захочешь сделать надпись, которую можно прочесть, пока сырая, но которая после высыхания исчезнет, возьми голубиной крови, смешай с мочой и пиши. Из секретов ещё: если не желаешь, чтобы на чернильницу или тобой написанное садились мухи, добавь в чернила немного желчи. Но непременно бычьей!

20. Свиток, чьё название: Стрелы, коршуна пером оперённые, был, как и должно быть свитку, кратким, но разросся всякого рода пояснениями, без которых, очевидно, не обойтись. События истории, часто говорил Абдул-Мутталиб, отмерены поступью слоновьей, а годы - поступью верблюжьей. Скорые они, когда войны, - ни доскакать, ни догнать, но успеть первым поразить врага стрелой, сбить пикой, вонзить кинжал, чтобы не пасть самому, истекая кровью. И медленные, как торговые поездки, - плетутся, будто верблюд упрямо примеряется к шагу черепахи, и убытки неминуемы, добавлял Абу-Талиб, частое его слово: не везло в торговле.

Но разве то, чем занимаются мекканцы, торговля?

Смотря кто!

Не умереть с голоду: продал - купил - продал, если не ограбят.

...На обратном пути из Йемена, куда ездил с дядьями (с ними был и Хамза, с кем вскормлены одной грудью), стал караван жертвой не разбойников, что часто случалось, а соседей - племени бани-хавазан, рода кайс, те вдруг с чего-то вздумали враждовать, напали на них в местечке Эказ по дороге в Таиф. Дяди велели Мухаммеду не стрелять: сунется в бой сторяча - сразят. Лишь снабжал стрелами Зубайра и Аббаса, они чуть старше Мухаммеда. Абу-Талиб, предчувствуя беду, вышел из Мекки с вооружённым отрядом навстречу каравану, развевалось знамя чёрное хашимитов - тем и спаслись, с лёгким ранением Хамзы, от истребления.

Нечестивая война, или сражение Фаджари-сани, велась в месяц паломничества, когда запрещено кровопролитие. Первая битва Мухаммеду запомнилась: копьё сплелось с копьём, будто не прямые, а гибкие, змей бы так извиваться не мог; летели стрелы, небо от множества их, звенящих над головами, точно застлано сплошным крылом, земля погрузилась во тьму, некуда спрятаться. И позавидуешь тушканчику, имеющему нору, прибежище от опасностей. Сколько ещё будет битв, рано ставить точку!

(11) Здесь знак, похожий на звёздочку, и приписано: В Коране точек нет!

И - полемически: При чём тут Коран?!

Это верно буквально - не метафорически: не может ниспосланное Богом иметь окончание, завершаемое точкой. Далее безымянный комментарий:

Автор рукописи неизвестен, то ли древняя, то ли относительно недавно сочинена, ныне существует на тюркском, точнее - языке огузов, по всей вероятности, перевод с арабского (не

с фарси, языка шиитов, ибо местами текст просуннитский*, и не европейского, хотя в свитках порой даются римские цифры**), некоторыми выдаётся за оригинал, якобы принадлежащий перу знаменитого сочинителя Гасаноглу, изобретшего, авторство тут несомненно, во имя объединения тюрок никем не принятый среднетюркский, или *ortag turk*, на базе языка огузов; добавлено, что сочинитель популярен у арабов как Ибн Гасан, а у персов как Пургасан (оглу, ибн, пур означают сын).

* Шииты - приверженцы четвёртого халифа Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда - выступали, в отличие от суннитов, ратующих за выборность халифа, или помощника Мухаммеда, за наследование халифства по линии прямого родства и первых трёх халифов - Абу-Бакра, Омара и Османа считали узурпаторами власти. Не случайно у шиитов не встретишь этих имён, как и имени жены Мухаммеда Айши, дочери Абу-Бакра. Суждение, что текст местами просуннитский, спорно, здесь даже наблюдается попытка примирить шиитов и суннитов, устранить меж ними раздоры.

** В одном из листков, точно рука упражнялась в выведении римских цифр, дата: MCXLIII, т.е. 1143 год - это год издания первого в мире перевода на латинский язык Корана, дабы знать, - сказано, - нелепую книгу сарацинской секты, сочинённую аравитянином Магометом.

До нас дошли три его газели - поэтические шедевры - на тюркском, персидском и арабском языках, имя автора заключено в последнем бейте, и так прославился*; тюркская газель лексически близка к языку огузов: тюркские слова составляют здесь треть - из 89 лишь 23, и ровно по 33 - на фарси и арабские; это то же, что спутать халифа Омара, да будет Аллах благосклонен к нему, с поэтом Омаром Хайямом, да простит ему грехи Аллах! Но разве, заключает неведомый комментатор, - имеет равную силу читаемое на языке одном и переведенное на язык другой?*

* Сохранились потому, что шедевры: могу заметить, что отличительная черта газели - виртуозность, игра слов, доведённая до высочайшей степени; это акrostих, и начальные буквы строк читаются на созданных языках как Возблагодарим Аллаха. ** Замечу, что сведения о Гасаноглу даны во многих энциклопедиях мира; год его рождения вычислен по известной системе абджад, то есть сумме числовых значений букв имени Гасан + Ибн, приблизительно 701 г. по лунному календарю хиджра, соответственно 1382 г. от Р.Х. Как поэт, включён в скандально нашумевший Lexicon "Знаменитости народов мира", выпущенный в канун третьего тысячелетия парижским издательством ARM, и помещён в разделе турецком в единственном числе: мол, лишь этой фигурой знаменит варварский тюркский, уточнение - исламский - мир. Но ни здесь, ни в других изданиях нет сведений, что он автор или переводчик каких бы то ни было коранических свитков, хотя, зная некоторые факты его полулегендарной биографии, можно предположить, что такого рода сочинения у него могли быть.

... Что говорить о битве, если она была короткой? Но какой кровавой! Была - и прошла! А что длилась короткими стычками, затухая и разгораясь, четыре года? И сколькратно, когда шёл бой, караван приходилось останавливать?

Чтобы пересест с верблюда на коня?

На коне, как известно, воевать было легче. Но ведь завершилась, кажется, мирным договором с кайсами в доме Абдуллы бин Джудан?

Хилаф ал-Фудуль.

"Вечный союз", как в нём записано было, внутри ал-мутаййабун между хашимитами - кланом мутталибов, а также зухра, тайм, харит и асад о взаимозащите и помощи незаслуженно обиженным. И да продлится время мира, когда жизнь течёт размеренно,

молодость сменяется старостью и сыновья погребают отцов.

21. Курсивное письмо сасанидов

Не подоспело ли время, - выведено курсивным письмом сасанидов, рассказать о первой любви и женитьбе Мухаммеда? Сначала была женитьба. Женитьба без любви? Нравиться ещё не означает любить. Любовь родилась потом? Всё первое: и любовь, и женитьба, которые волей случая оказались связаны с эказкой бойней. Среди жертв был Абу-Талиб - тёзка дяди, опекавший Каабу богатый мекканец, муж незабвенной Хадиджи, которая за отзывчивость почиталась в Мекке. Щедрая и добрая. Всех знала в Мекке, кто чьей ветви и кому наследует, и все знали её. Не она ли - но как это ей удалось вычислить и разузнать? составила родословное древо Мухаммеда до седьмого колена, дальше заглянуть не смогла. Но важно, что было положено начало. И умна, и красива. Сколько ни сказать о ней - будет мало. Абу-Талиб, муж её, смертельно раненный копьём, рухнул, подмятый собственной лошастью, которая - натянута уздечка и подогнуто копыто - тоже пала. Красивый был конь - золотисто-рыжий, с белыми подпалинами. Вынес Абу-Талиба - он ещё дышал - с поля боя Мухаммед, и дух испустил, когда ступили в Мекку. Спас Мухаммед и Варгу, брата Хадиджи - вот кого могло погубить удалство! Понял Мухаммед, что сражение - и это после договора о вечном мире! - проиграно, надо бежать, пока живы, оставив вероломному недругу трёх двугорбых верблюдов, нагруженных тюками тканей и кожи, а поверх - ещё гора всяческого добра: пять дней несли верблюды меж горбами груз! И чувство досады у Мухаммеда, что пал его одногорбый верблюд, дромадер, с которым немало дней провёл на путях караванных, был он беговой породы - бежать мог, не зная усталости, от этого восхода до грядущего заката. После траурной церемонии - дома вывесили синие и белые платки, цвета траура - совет старейшин Каабы отметил мужество Мухаммеда, и прибавили к его имени титул Благоразумный. Хадиджа ещё молода, но уже дважды овдовела, так и не поняв в полной мере, что означает быть замужней. Однако в первом браке родила сына и дочь - детей забрала к себе богатая родня покойного, из рода максум, и Хадидже предоставилась свобода распоряжаться собственной судьбой, и не было брата у покойного, чтобы, как это принято, взял её в жены, и она ещё юна. Вскоре второе замужество: и на этот раз вышла за богатого, из рода тамим, он был её старше, но бездетный, прожили долго, и никого ему не родила. Зато познала иное - тамим Абу-Талиб нанял ей учителя, чтобы тот научил её чтению удобных авестийских букв или новомодного тогда курсивного письма сасанидов - и в честь всего лишь этой строки назван свиток? - созданного зороастрийскими жрецами... - "О, сколько их было, которые денно и ночью трудились, чтобы запечатлеть созданное мудрецом Зардуштом, - говорил старец учитель. Двенадцать тысяч коровьих шкур на то пошло, сожжённых потом Искандером Зуль-Карнейном в Персеполисе, и память жрецов сохранила и спасла, увы, лишь часть! Складываешь буквы в уме, смешивая, и вычитывается удивительное, особенно когда стихи про чувства мужественного и благородного его - к ней, возлюбленной, нежной и верной; вслух не произнесёшь, но не уймёшь волнения, вчитавшись. Помнит, часто шептал ей муж на ложе, где от глаз завистников укрыта, - сам ли сочинил, у другого кого вычитал? - про руки её, напоминающие ляжки молодой верблюдицы, и ноги - две точёные фигуры из мрамора, украшения которых звенят нежно: муж накопил для неё множество браслетов, и для ног тоже, как это водится в Хиджазе; а груди, запретные для рук посягателей, уподобил шарам из слоновой кости, и два других шара упругие и прохладные, одно прикосновение к которым разжигает бешеную страсть, и бока нежной стройной фигуры тяжело поднимаются над тем, что около них. Снова вдова. Спросить бы у жреца, это часто делали мужчины: - Что будет завтра? Купцов, проводивших жизнь в торговых поездках, волновали прибыли: а что, если товар станет добычей разбоев? И ещё: из сыновей и братьев кто умрёт? Её преследует желание не быть одной. В последние дни эти думы о молодом Мухаммеде, кому обязана спасением брата, слишком часты. Пытается представить, и никак не соединить того

подростка и нынешнего, кто волнует, и не поймет, почему: неужели этот высокий, а она ему по плечо - тот самый хилый подросток со странным, никогда прежде не слыхивала, именем Мухаммед? Ещё недавно он пас их овец и коз - попросил её тогда Абу-Талиб, тёзка мужа, помочь сироте племяннику, мол, скромн, разумен, послушен. Пришла в Каабу жертву принести дочерям Хубала - покровительницам мекканских женщин, и удивилась, что Абу-Талиб обратился к ней вопреки обычаям не через мужа, а напрямую. "Не удивляйся, - объяснил, - я знаю о твоей доброте. К тому же мы родственники!" А родство - дед у них общий, Кусейя. И стал Мухаммед пастушить у них. И увидела она, как подросток превращается в мужчину, чудо! Хадиджа велела казначею щедро отблагодарить Мухаммеда, подарила золотой перстень покойного мужа с изображёнными на нём солнцем и львом (подношение перса купца хранила в преподнесённой, кажется, им же шкатулке из чёрного дерева, отделанной перламутром. Есть версия, что она индийская), а впридачу красиво вышитый плащ из верблюжьей шерсти, и он тут же накинул его на плечи - высокий ростом Мухаммед словно стал на голову выше.

...Помянув жертвоприношениями сороковой день, Хадиджа начала готовить торговый караван в Сирию - пятнадцать верблюдов. И уже решила Хадиджа, кому доверить караван, пока ещё небольшой, - пусть осваивается Мухаммед. С казначеем советовалась, но вовсе не для того, чтобы укрепиться в своём решении; раба Мейсара послала за Мухаммедом: пусть явится к ней. А до того уговорила в бане двух женщин, с которыми была дружна: Мухаммед должен согласиться на её предложение, оплата - четыре молодых верблюда. Обе женщины близки ей, и обе - сёстры матери Мухаммеда: одна двоюродная, Абу-Талиба жена, а другая, зовут Атика, - родная.

22. Круговой кубок

Отныне запастись терпением - Хадидже? Мухаммеду? Ваши имена, кажется, впервые рядом. Нет, было уже в свитке, приведённом в начале начал. Но не вычиталось: моё рождение и её свадьба - в год Слона. Дескать, Хадиджа противилась замужеству, томясь и предчувствуя иную судьбу. Но какую - не поймёт. Стать женой человека, что намного старше?

И сдалась! Не он ли, муж Хадиджи, спорил с владельцами слона?

Слишком много вопросов! Но рассказывали, будто именно он спас фигурку Марьям с младенцем Исой! Военачальник Абраха ему о Богоматери и Богосыне, как живых: мол, будут обитать среди нас, купаться в горячих источниках и плодов дерева хлебного отведают (?), как детей малых уговаривает, будто неведомо мекканцам, что Марьям с Исой в раю. "Ну да, а что в Аравии?" - Абрахе муж Хадиджи подыгрывает: дескать, богатым аксумцам нечем поживиться здесь, в краю бедуинов, где ни баобаба, ни шафрана, ни зебр, ни жирафов. Даже уподобил он себя айкомитам: мол, видеть их не довелось, но знает, что живут они в византийской столице, равной которой нет города в мире, и, сменяя друг друга, непрерывно молятся единому Богу. "Не то что мы, мекканцы, и нашим богам толком не молимся: все наши молитвы во славу императора Византии!" Похвала, приправленная иронией. И снова путь Мухаммеда в Сирию через Босру, но в новом качестве: доверен ему караван богатой мекканской вдовы Хадиджи. Вспомнил старца Бахиру - умер недавно, дядя в одной из своих молитв в Каабе поминал его. Решил заглянуть в келью, где новый старец - Настура. Начал рассказывать, как много лет назад... - Но Настура перебил: - Ты Мухаммед? - Но как узнали?

- Такое разве забудется? - Усомнился тогда Настура в прозорливости Бахиры, теперь, когда познакомились, сомнение не ослабло, но понял, отчего заблуждался старец: ближе к смерти нестерпимы козни, злодейства, жестокости, несущие погибель, и пороки людские особенно заметны - не такова ли природа человека, потрясшая некогда (и по сей день потрясать продолжающая) Творца? И невольно возбуждается ожидание скорого явления Мессии. Старец, ослабевший разумом - да минует меня сия напасть! - поспешил увидеть Его

в обыкновенном подростке с открытым ясным взглядом, источающим подлинно христианскую доброту, поразил рассуждениями о святости матери, похожей, как сказал, на Деву Марьям, и о том, что именно фигурка Богоматери с младенцем манит его в Каабе.

Юный муж, занятый, как и вся купеческая Мекка, караванной торговлей, нуждался - это уловил Настура - в отеческом совете: старец отговорил Мухаммеда - а вдруг Бахира прав? - держать путь в Сирию, мол, дороги опасны, торговля невыгодна, перекупщики захватили базары, и он, Настура, используя связи, поможет Мухаммеду продать товары в Босре.

Мухаммеду сопутствовала удача, и, к радости Хадиджи, он вернулся раньше обещанного срока. - Сведущие рассказывают... - Но Богу виднее! - перебил.

- ...что не ты, а Настура первым заметил тебя, вышел к твоему слуге и, как повествуют, спросил, указывая в твою сторону: "Что это за человек, остановившийся под деревом?" Майсара сказал: "Это юный курайш, из тех, что живут в Святылище". Тогда Настура заметил: "Под этим деревом никто и никогда не останавливался, кроме пророков". И не слуга ли сообщил потом своей госпоже, что видел, будто два ангела укрывали тебя тенью широких крыл, когда в полдневный зной ты ехал на верблюде? - Разве я не ответил тебе? Брат Хадиджи Варга - ханиф, произносят шёпотом, что он не верит в богов Каабы. Кто-то скажет: Приверженец веры прямоты, кто стремится от заблуждения к истине, или, как сами о себе говорят - склоняется к пути истинному. Может, отвернулся от всего, что ложно? Или иначе (а то и короче): просто честный человек? Что ханифство проповедовал - ещё не раз о том напомнит Варга! - наш праотец Ибрагим. Сказал: Он первый ханиф. Тот, кто Каабу воздвиг. Вера называется ислам! А сами - муслим'ы.

Но муслим - это предавшийся Единому Богу! А предавшийся Ему Единому не иудей ли? И христианин тоже! Но евреи и христиане-сирийцы называют ханифом еретика, безбожника! Так кто он, Варга?! Нет, не был Ибрагим ни иудеем, ни христианином, и Варга не является ни тем, ни другим, произнесение имени Варги рядом с праотцем показалось неуместным. Впрочем, слово произнесено, его не отменить. Весть о ханифах принёс однажды Абу-Талиб. И не в осуждение их, а как новость. Тем более что Кааба признает единобожцев, тоже и ханифов, нет для них понятия еретик, если явился с почтением в храм и не хулит веру других. Всем дорога в Каабу открыта: и разным христианам, а в их числе синайским подвижникам, и зороастрийцам-огнепоклонникам, иудеям тоже (но не придут). И тем из христиан, для кого пророк Иса, или Христос, - совершенный Бог, но и совершенный человек, пребывающий в двух природах неслитно, неразлучно и нераздельно при сохранении, говорят, свойства каждого естества божественного и человеческого. И тем из христиан, кто упорствует, утверждая, что земная жизнь Исы была лишь видимостью и потому, мол, божественное в Христе несовместимо с сохранением человеческого, - за такое в христианском мире - казнь! Что ж, мекканцы не спорят: христиане - и те, и другие, и третьи, войдя в Храм, сразу же направляются, как и я! минуя Хубала и главных божков, к Марьям и называют ее не иначе как Богородица с младенцем Иисусом. Иудейские колонисты не чтят Каабу, а новые единобожцы - ханифы, духом с ними близкие, и вовсе ни в какой храм не ходят. В каждом сердце, говорят, свой храм. А посещать чужое - вызвать недоумение у племени, обвинят в вероотступничестве. Когда Абу-Талиб принес услышанную весть, были одни разговоры дома, возгласы изумления, хотел удивить Мухаммеда, так, кажется? А что до их отказа приносить жертвоприношения богам, дабы умиловить идолов обильным кровопролитием, раздаривать нищим и бедным жертвенное мясо и есть его самим, - они или скупы на траты, или, что маловероятно, боятся вида крови. Поговаривают, однако, что и Мухаммед, хоть не ханиф, но вот если женится - тоже перестанет приносить жертву и есть жертвенное мясо! О ханифах потом, ещё рано. Когда? Варга сам расскажет, как вернётся из Бизанса. Так случится ли это? Уже скоро! Тут и двадцатипятилетие Мухаммеда, некогда обретшего звание почётное Благоразумный, избрание в совет старейшин.

И новое имя, точнее, качество, прибавленное к имени: Амин Справедливый. Сколько же мне?

Хадидже страшно подумать, что скоро тридцать шесть - почти век курайшский прожила! Много это или мало? Но она ещё... да разве запоминается, как было с первым мужем или со вторым? Запоминается, чего не было. Но хотелось. Мечты, в которых и себе не признавалась. Ожидание и уверенность, что непременно с нею это (но что?) будет. Хадиджа рассеянна, щеки от непонятого - понятного ей! - пылают. Слушает, как двое мужчин - брат Варга, он недавно из Бизанса прибыл, и другой, с недавних пор предводитель ее караванов, - спорят. Нет, Мухаммед молчит, слышен лишь голос Варги, и ей неважно, прав он или нет, тем более что не настаивает на своём, - лишь бы всегда были рядом с нею. И состязания поэтов, что устраивались дважды в год на мекканских торговых ярмарках, где звучат стихи о любви. Запоминала, как бы ни были они длинны, удивляя подругу: Нафиса услышит и позабудет, а Хадиджа - нет. Слова не представлялись ей выдумкой поэтов, стремящихся выиграть в споре: кто красивее скажет о возлюбленной? Было в стихах нечто иное, невыразимое, и хотелось ещё раз услышать, чтобы понять. Среди победивших на ярмарках стихотворений, что висят на стенах Каабы и образуют собой - это Варга придумал - ожерелье из семи крупных жемчужин, было одно, которое особенно тревожило: Проснись, о дева, со своею чашей (и не важно - какая она из себя, эта дева, - Хадиджа видит в ней себя), преподнеси и нам утренний напиток, не щади вин эндеринских, которые, смешаешь если с тёплой водою, становятся, как будто в них шафран, - светлее. Томление в ожидании кругового кубка, пока дойдет до нас, дабы могли отвлечься от терзаний страсти (но гасить чувства - зачем?!). Но ты от нас тот кубок отвела, лишив напитка утреннего! Клянусь и теми кубками, что в Ба'альбакке осушал, и теми, что в Дамаске и Касырине! Смерти не миновать - так насладимся тем, что нам дано, и пусть свершится то, что суждено нам! Остановись перед разлукою, красавица в носилках (уже в носилках?), чтобы спросили мы, решила ли на разлуку отчего ты? Или поспешен племени отъезд? Или, быть может, любовнику ты изменила? Отвечай! Тебя днем страшным рубящих меча ударов, в котором (день или меч?) черпали отраду пронзающие насмерть, - заклинаю! Подобны острым стрелам очи братьев двоюродных твоих! Звучит долго в душе, наполняя сердце ожиданием и предчувствиями, строка поэта Амр ибн Кюльсума - причудливая вязь в свитке: Ведь завтрашний день, как и сегодняшний, да и послезавтрашний тоже, принесут, несомненно, то, о чем и не ведаешь ты. Кажется, сердце остановится, если не увидит Мухаммеда. Нафиса, подружка ее, удивленно слушает Хадиджу:

- Ты, и чтоб чьей-то рабой была?! Да кто он такой! Только дай знать, сам прибежит к тебе! - И Нафиса пригласила к себе Мухаммеда для важного, сказала, разговора.

Не успели войти - давай расточать похвалы, говоря о его великой надёжности, честности и благородном нраве, что привлёк он внимание женщины достойной, рассудительной и богатой.

Движением головы прервать хотел, чтобы не слушать далее. Рано ему жениться, не интересуют его вовсе женщины. Одна есть, но недосыгаема. - О чём ты, Мухаммед?! Счастье летит в руки - и он, как молодой мужчина... Мухаммед в напряжении, но уже не перебить, поздно, имя она назвала: - Твоя, Мухаммед, благодетельница! Хочет, чтобы именно на ней он женился! Внезапно пред ним другая Хадиджа предстала, прежние отроческие волнения дополнились новыми.

Чувствовал тогда, когда напутствовала в первый караванный путь!

Даже обратилась: "О сын моего дяди, ты привлёк меня родством, высоким положением среди сородичей, добронравием и правдивостью". Имя её, когда впервые привели к ней, связалось со священным Чёрным камнем, что покоится в храме Кааба, по созвучию. Хаджари - Хадиджа? А ещё Хаджар (Агарь). И даже край наш Хиджаз! Чудесно

выстроились: Хадиджа - Хаджари - Хаджар - Хиджаз! Недоступная Хадиджа, миг назад чужая, вдруг стала с ним вровень. Близка и желанна? Обрёл... Но и прежде чувствовал! Или догадывался? Улавливал!

Женскую ласку? Видел женщину, которая любит!

(12) На полях рукописи - диалогическая запись: - Тут же следом испытал чувство радости. - Постоянное чувство бездомности? - Неправда!

- Дом свой искал?

- Но разве дедов дом был не родным?

- Что порывает с проклятой и унижительной бедностью!

Гостья... Точнее, он - гость, и хозяйка, куда приглашён, с ним откровенно надлежит и ему откровенным быть с нею: - Свадьба... - Скорее прервать Мухаммеда, ведь согласен (посмел бы отвергнуть!): - Да, знаю, - говорит ему Нафиса, - свадьба - это мужские расходы, и немалые, так у нас принято. - И что соблюдать традиции его обязывает принадлежность к хашимитскому роду, и - после паузы - что Хадиджа берёт на себя все свадебные расходы до дирхема! Сваты Мухаммеда - после похода Слона минуло двадцать пять лет, два месяца и десять дней - Хамза, который неизменно рядом, и Абу-Талиб, как старший в роду бани хашим - он и возглавил с вожжами других мударитских племен шествие к отцу Хадиджи Хувайлиду.

(13) Сбоку чьей-то рукой: Отец её был против третьего брака дочери! Вторая запись: Был, да согласился: напоили, беднягу, и дал согласие, а как протрезвел и узнал - озлобился! Тут же суждение, опровергающее запечатлённое в свитке: Прежде узнайте, неучи! Давно он умер!*

* Неотвязна мысль, что свитки содержались в хранилище древних рукописей, с ними могли знакомиться, даже дозволялись приписки.

Пришли сваты, взял слово Абу-Талиб, держал, как старейшине подобает, речь, расписывая благородные качества сына-племянника, его внешний облик статного мужчины, но прежде - так принято - о своём роде:

Слава богам Каабы, которые сделали нас потомками Ибрагима, отпрысками Исмаила, плодом семени Аднана, потомством Мудара и Ма'адда, попечителями Дома, дарованного нам и неприступного! И далее: Этот вот известный мекканцам мужчина - сын моего брата Мухаммед, удостоенный титулов Благоразумный и Справедливый. Если взвесить его на весах почестей с любым человеком, обязательно перетянет. Если небогат, то разве неведомо, что богатство - тень исчезающая, состояние переменчивое, или, по выражению покойного моего отца, грязь на руке человека, что легко смывается? Не красноречив он: как говорить станет - заикается, обрывает речь, и не поймешь, о чём сказать хочет, но если надо, и слово - я о том свидетельствую - веское промолвит. А какой у него ясный взгляд, полный решимости! Как красят его густые вьющиеся волосы на голове и чёрная, как мекканская ночь, борода! И сросшиеся брови как знак неразделимости дум и дел, помыслов и свершений, глаз и рук! Он отзывчив и сердечен и, говоря с собеседником, смотрит ему прямо в глаза, не отворачивая взора, с доверием. Руку в приветствии протягивая, никогда первым её не убирает, дабы не обидеть. А как шествует мой племянник! Идёт, держа голову прямо, и никогда не обернётся, если то не зов о помощи, если даже за спиной злословят, а этого у нас, увы, ещё немало. Погонщик верблюдов! - так о нём злопыхатели говорят. Но чей погонщик? Хадиджи! Самой красивой и уважаемой женщины Хиджаза! - отвечаю я им, и они умолкают. Я бы мог говорить ещё долго, но сказанного, думаю, достаточно. Так вот: Мухаммед, ваш сородич, с нашей помощью сватается к дочери Хувайлида - принёс ей брачный дар: и то, что сразу представить надобно, и то, что надлежит внести позже, из моего добра. А в будущем о нём, я верю, разойдутся великие вести, ждёт его славная судьба. И пока держал речь, думал о том,

как умно поступил всего лишь год назад, не выдав дочь за Мухаммеда, сказав, что найдёт ему богатую жену и ему подмога будет. Уже тогда была у него на примете Хадиджа, дочь Хувайлида из семьи Асада. И вот случилось: согласие получено, скоро свадьба, счастье, выпавшее на долю Хадиджи и Мухаммеда; жена подарила мужу раба Зейда, юношу из племени калб, захваченного в детстве во время набега и проданного в рабство (Мухаммед вскоре торжественно освободит его перед Каабой и объявит своим сыном).

Разница в годах? Но она совсем незаметна: будто ждали друг друга давно и долго - именно Хадидже быть женой Мухаммеда.

23. Увлекла вас охота

Имя Мухаммед - частое на устах у Хадиджи: и когда обращается к нему, и когда за произнесённым именем ничего не следует, но оно такое необычное! "Произношу, - пошутила однажды, - чтобы не забыть, как тебя зовут!" Никто ни до, ни после не вкладывал в имя столько нежности, как она. После неё всё было иначе. - Ты сильный, - сказала на рассвете, будто это у неё впервые, и у Мухаммеда покой на душе, что есть жена. Моя жена! - Мужчине и подобает быть сильным! - ответил спокойно. - Значит, я такой с тобой.

- А с другими? - ?!

- Другие были?

- Стёрлись из памяти. Недоверчиво посмотрела. В Мухаммеде есть нечто такое, чего не было ни в её мужьях, ни в тех, о ком знала или слышала, и этим дорожила, боясь, что обманется. А вдруг её только молодость его волнует? Упоминание о мужьях, уловила, неприятно ему:

- Руки у тебя ласковые! - А ты красивая, - сказал просто, но воспринялось, будто не о ней. - Мне это и раньше... - и тут же: зачем она об этом?! - И молодая.

- Правда?.. Я тебе верю. Верю, но и боюсь.

- Боишься? - удивился Мухаммед. - Но чего?

- Что ненадолго наше счастье.

- О чём ты? Что может нам грозить?

И она вдруг - не надо бы! - о годах. Нет, это не будет утаивать!

- Я не чувствую годов, будто с тобой моё первое замужество. - Был год Слона... - Не то для неё, не то для себя произнёс. - Да, ты родился тогда. - И подумала: Для меня. Любовь была щедрой, как продолжение свадьбы, нескончаемой, как праздник: Хадиджа сразу понесла, и с точностью до дня, когда подоспело время, родила сына, назвали Касымом. Всегда в Аравии - только ли здесь? - рождение мальчика событие: сын-первенец, наследник, продолжатель главной линии мужской. И в его честь соединяются имена сына и отца: Абуль Касым Мухаммед, или Мухаммед - Отец Касыма. А также матери и сына: Умм аль-Касым Хадиджа, или Мать Касыма. ...Праздник и у дяди-отца - Абу-Талиба: третий сын после Талиба (имя первенца легло в основу собственного: Абу-Талиб, Отец Талиба) и Агила от молодой и любимой жены родился, Джафар. Детей у него много, прозвали Многодетный Абу-Талиб: от двух жён шестеро сыновей и пятеро дочерей; ещё тещи, а у одной из жён бабушка жива - как прокормить всех?

(14) Абзац обведён фиолетовыми чернилами, написано: Выбивается из сюжета. Может, этот кусок - в другое место? - Ибн Гасан*.

* Вставка подписана впервые (и далее - кроме особо оговоренных): Ибн Гасан. Но на чём основана его уверенность, сродни авторской?

Недолгая у них радость: не дождалась, когда сын сможет подняться на ноги, жил лишь несколько месяцев. Кого прогневил? Ждали: родится сын, но появилась на свет дочь, дали ей имя Ругийа.

(15) Почерком Ибн Гасана, буквы слитные, ровные пропорционально: Помнить,

Хадидже, да будет к ней благосклонен Аллах, тридцать девять, а Мухаммеду, да приветствует Аллах его и его род, двадцать семь. На отдельном листке безымянный комментатор сообщает некоторые сведения о жизни Ибн Гасана: Часто, будто купец какой, Ибн Гасан подсчитывал, кому сколько лет. Купец он и есть: торговал особой сирийской бумагой, белизна которой завораживала; есть суждение, что однажды Ибн Гасан пошёл на величайшее святотатство, наущенный кяфиром (нечестивцем), а именно - затеял перевод на среднетюркский мекканских сур Корана, зная, что не должно звучать Священное Писание на ином, кроме арабского, языке. И, не завершив труд, сжёг его перед смертью. Не наступила ли она как наказание, во-первых, за грех перевода, а во-вторых, за то, что сжёг переведённое - священные строки?*

* Столь пространные - но необходимые - вставки объясняются, помимо прочего, ещё и, думается, влюблённостью Ибн Гасана в свой почерк. Однажды он написал, довольный красотой вязи: Нет, это не строки, а морские волны в штить!

От траура по сыну идут раскалёнными песками. Вглубь и вглубь того, что покрыто забвением? Добраться бы до ясных и чётких времен!

А дочь растёт. Вскоре - сын! Думали назвать... - да прожил всего лишь день! Следом - дочь Зейнаб. Крепышка! Счастье - иметь дочерей, дядя Абу-Лахаб услышал бы: живьём дочерей закапывал, яма глубокая, дабы плач заглушить, - бросали, завернув в тряпицу, на самое дно.

(16) Здесь восклицание: Дикие арабы! Те же фиолетовые чернила, подписано, очевидно в пику арабскому, тюркским именем: Гасаноглу.

И разровняли - никаких следов. В оправдание убиения дочерей - благая мысль: мол, уравновесить мужчин, ибо их убыль в боях, и женщин. У мекканцев высшая родовитость - обладание достоянием и сыновьями. Узнали в роду, когда Абу-Лахаб затеял второе погребёние, готовый в гневе живьём закопать и любимую жену, если та воспротивится. "Не отдам! Не отдам!" - кричала Умм-Джамиль. В ушах по сей день её вопль. Чтобы припугнуть, поволок он жену к краю вырытой ямы. Отпрянула, лишившись чувств. Абу-Лахаб прижал её, опустошённую после родов, к груди и, целуя в солёные губы, унёс на руках домой. "Жертвы мои окупятся!" Каждую ночь допоздна он предавался безумной, исступлённой, неуёмной страсти, доводя жену до обморока. И стали один за другим рождаться сыновья даже раньше, чем у Абу-Талиба.

(17) И после всего, что случилось, - приписано Ибн Гасаном, - Мухаммед, да пребудет с ним милость Аллаха, выдаст двух своих дочерей - Ругийю и Умм-Кюльсум за двух сыновей своего врага Абу-Лахаба - Атаба и Атиба!

Упоены наслаждением. Другие строки поэта вспомнились Мухаммеду, столь созвучные после смерти сына их настроению: Ведь смерти нам не миновать. Нет, не эти, не согласна с мужем Хадиджа. И прячет скорбь: Такого горя, что испытала я, не испытывала ни одна верблюдица, жалобным воем оглашающая мир, потеряв верблюжонка. Разве объяснишь, кем и почему подсказаны (Хадидже? Мухаммеду, может?) именно эти строки? Ищет и ищет своего детёныша, белый-белый, затоптанный, валяется в грязи: растерзан дикими волками. Нет, строки на сей раз не чужие! Но своя ли: Увлекла вас охота?! Строку обволокла другая. И прежде неё. И после: Но кто прильнёт к груди, чтоб мягкими её губами обхватить? Цепляется новая: Иссохлось молоко, горят кровоточащие соски. Меж словами витает нечто, словно птичье перо в небе качается. Кажется, впервые у Мухаммеда. В нём жить начинает странная увлекающая уверенность - вхождение в слово: И за наслаждением страстью погнались. Что ж такое прячется в женском теле, когда избранница любима? Хадиджа никак не насытится любовью, с каждым родом молодеет. Сына ждать, сына! Но так ли это важно: девочки тоже его дети! И сын родился! Не спешить с именем? День... два...

три... неделя! Не успели дать имя Тейюб, как... но отчего, кто скажет, боги уносят сыновей?! Дочь родилась, третья, Умм-Кюльсум, так и чередуются: дочь - сын! Дочь живёт, сын умирает, и нескончаем траур в семье.

Но дочери вокруг, и что бы ни случилось: ясны небеса!

...Хадиджа опять беременна. Может, на сей раз сын?

24. Калам из тростника

Новый друг у Мухаммеда на караванных дорогах - торгуют на паях кожами: мекканец Абу-Бакр. Впрочем, не новый: знакомы с подростковой поры, к тому же родственными узами соединены - из курайшского рода максум, моложе на три года, что поначалу было заметно, да ещё когда встретились в первый раз и тот представился Абу-Бакром. Мухаммеда это рассмешило: ведь абу - это отец, а бакр - верблюжонок.

"Отец верблюжонок? А где же твой верблюжонок?"

Не по возрасту сметливый Абу-Бакр (тогда ему было лет десять), поняв шутку, улыбнулся и по-взрослому ответил вполне рассудительно:

"Так меня назвали мой отец Осман Абу Куфаха и мать - тоже её полное имя произнёс - Умм аль-Хайр Сальма бинт Шакр".

Многие годы спустя Абу-Бакр услышит от Мухаммеда, в чьё пророческое избранничество сразу поверит и пойдёт рядом с ним до конца дней его, преданный его имени и делу: "Ты надежен в братстве и мудр в советах, дружба с тобой - моё богатство".

К двум друзьям присоединится потом ещё третий, почти ровесник, Варга, брат Хадиджи. О чём он, Варга?! Как будто Мухаммед уже слышал в детстве о том же, о чём вскользь сказал Варга, - смутное, далёкое... в устах, кажется, матери: Некое единое Божество. И что в уединении с Ним - высшая страсть. Но тут появился Абу-Бакр, заговорили о купеческих делах, удаче, недавно выпавшей на долю Абу-Бакра: выгодно продал кожу и шерсть, вывезя их в тюках чёрных, белых и золотистых; привёз пестрые ткани, а также бусы, серьги и кольца, которые быстро раскупили. "Но зачем тебе столько золота и серебра? не то спросил, не то укорил его Варга. - Семьи у тебя нет, детьми не обзавёлся. На что думаешь деньги свои употребить?" Мухаммед и Абу-Бакр удивлённо слушали: куда тот клонит? "Мне тут недавно купец из Бизанса подозрную трубу предлагал, богатство бедного, говорит, - это гордое одиночество с подозрной трубой, много денег за неё просит, может, купишь?" "Куплю, чтобы подарить, тебе!" Кстати, так и поступил Абу-Бакр, и Варга до конца дней своих не расставался с подозрной трубой и всё время вглядывался в ночное небо, будто желая что-то увидеть там, разглядеть, дабы избавиться от некоего сомнения, но какого?! Так и умер с подозрной трубой в руках, лежал с ней, прижав к груди бездыханной.

...Мухаммед почувствовал однажды: что-то с ним неясное ему самому происходит, и оттого тревожно на душе. Говорил как-то с Хадиджей по-особенному, вроде он - шаир-поэт, который наделён, как думалось мекканцам, тайным даром придавать словам мелодию и благозвучие. Умолкнув, Мухаммед глянул затем отрешённо на нее, произнеся всего несколько строк, которые соединились, и - тайный смысл кто отгадает? Надо запомнить! Утром Хадиджа невзначай сказала про месяц, выставленный на любование. - Сочинила? - удивился Мухаммед.

- Ты сам произнёс, в своём сердце.

- И ты услышала?

- В глазах прочла.

- Ну да, ведь научена грамоте! А дальше что было? - Забыл или меня проверить решил?

И сияние солнца, и месяц, когда, бледный, следует за ним и набирает силы, разгораясь, укрытый днём и выставленный ночью - на любование. Строки элегические - неясны и тревожат. Может, слова любви, идущие в караване иных настроений? Чаще забывает, а если произнесёт вслух, не заметив, что Хадиджа рядом, она запомнит. Или иначе: сумела

подслушать Мухаммеда, чтобы потом прочесть ему? Втайне записывает на желтоватом клочке телячьей кожи, приготовленной для письма, пергаменте, и прячет в шкатулку, благодарная старцу-учителю, который научил её месопотамскому письму, рождённому в Хире, предшественнице Куфы, что назовётся позднее письмом куфическим. Почерк (о том уже было) приземистый, с буквами прямолинейными, угловатыми. Научил также письму мекканскому, округло-криволинейному. - Письмо, - говорил старец, - это то, что может читаться, если ясно выведены буквы. А написать - то же, что постичь половину знания! Торжественно провозглашал: - Мысль! Звук! Знак! Священнодействие! С богами общение! Да, три достоинства, нам данные: мысль - то, что здесь спрятано, показал на голову, и здесь - показал на грудь; потом речь, которой выражается мысль, а третье - письмо, хранящее мысль и речь! Я служил каллиграфом в Набатейском государстве, был учителем будущего гассанидского царя Хариса, познал роскошь столичной жизни в Джиллике! - А поведав о долговечности писем на папирусе, коже оленей, овец и телят, лопаточной кости верблюжьей или бараньей, спрашивал: - Что надобно писцу? - Сам же отвечал: - Перо тростниковое, или калам... нет, я о пере обычном, не священном, или вышнем*, перочинный нож, чернильница, мешалка, чернила и пергамент. - И долго про калам, тоном наказа: - Держать всегда отточенным, кончик должен быть расщеплённым, и, если сегодня был в употреблении, завтра очинить, дабы влажность вчерашних чернил сошла с него полностью; в чернильнице перочинным ножом и каламом не помешивать, чтобы оставались острыми, иметь для этого мешалку - пластинку из кости; надобно добавить в чернильницу для благовония немного мускуса или розовой воды, иметь тряпочку для вытирания кончика калама, а чернила должны быть не густыми, а текучими и блестящими, дабы писец не утомился при письме.

* Калам в узком, земном смысле - перо, которым пишут, в широком, небесном, - всё, что включает в себе данное человеку Божье знание: узнанное, прочитанное или услышанное, и оно открывается лишь тому, кто стучится у врат сокрытого.

Услышанное от Мухаммеда - и заря с десятью ночами... - Хадиджа записывала два дня: когда долго не прикасаешься к каламу, отвыкаешь.

...Разговоры вели под гулким куполом, обращённая к собравшимся речь Мухаммеда лилась гладко, чутко внимали ему, пред сном думал: Надо запомнить! - но улетучилось на рассвете. - Я запомнила! - Ни слова, что записывает, не откладывая. - Надо, чтобы у тебя был равий - ученик, который заучивал бы твои слова. - У кого хранитель тела, если богат и опасается за жизнь, а у кого - хранитель сочинений, готовый в любой миг воспроизвести их. - Равии при больших поэтах. - Сочиняешь ради собственного удовольствия? - Чтобы тебе прочесть! Их много в Аравии, поэтов: каждый третий хиджазец, а из бедуинов каждый второй, если не первый, мнит себя шаиром, якобы владеющим тайной вещего слова, - шаир и означает вещий.

25. Волшебство заклинания

Мелодия мерной езды на верблюде. И стих подгоняется под убаюкивающий или, напротив, обрывистый, как темп скачущего всадника.

Варга нелестно отозвался о шаирах: сочинения, мол, даже вредные, ибо воспевают утеху. Мухаммед молчит, не пристало защищать своё, с детских лет, поэтическое. Лишь когда Варга снова заговорил о первом ханифе праотце Ибрагиме, Мухаммед неожиданно спросил: - Но что тебе ведомо о свитках ранних? Варга удивлённо глянул на него: - Наши ли они, эти ранние свитки, о которых ты спрашиваешь? - Чьи же? - Иудейские! - ответил, как показалось Мухаммеду, с вызовом: мол, толкуешь о предке, не ведая, что свитки его - чужие. - А что у нас?

- У нас, как известно, шаиры, которые воспевают... - а что воспевают, умолчал, лишь

рукой покрутил в воздухе, что могло означать удачу или веселье. Умеют-де пить вино, при этом не от напитка пьянея, а от любви к ней, возлюбленной. Бесстыдное описание её стана божественного, с ума сводящих бедер, завораживающей впадины пупка. Противное мужскому званию самопрославление пред возлюбленной. Частое в устах Варги слово: ислам. Или: самозабвенная вера. Их двое-трое, ханифов, собираются тайно, будто скрываясь от каабцев, дабы вручить себя, отказываясь от каких бы то ни было земных радостей, единому Богу. И приветствие салам, или душевное умиротворение, созвучное исламу. Ханиф - что иудей или христианин. Но коли так, отчего бы не назваться иудеем или христианином, не придумывая ничего нового? - Но у христиан - испорченное, - пояснил Варга, - единобожие. Ибо вера в единого Бога размыта: есть Бог-отец, Богоматерь и Бог-сын. - Ещё Бог-Дух! - К тому ж и приверженность к мирским прихотям, слабостям. А иудеи... Не хочу, чтобы меня, - шутит Варга или всерьёз? - кара постигла за нарушение святости субботнего дня. - Тут же пояснил: - Быть в обезьяну превращённым! - Резко меняет тему: вот, дескать, как звучат на арабском языке премудрости Сулеймановы; увлечён переводом Пятикнижия Моисея, старается быть точным, постоянно помня о еврейских мудрецах, которые объявили траур, сочтя перевод Торы-Таврата на какой-то из языков - Варга не помнит, на какой - неточным (ибо кто даёт буквальный перевод Писания, тот лжёт, но кто - неточный, тот кощунствует!). Так вот: подлинно суетны не ведающие о едином Боге. И почитают за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звёздный круг, или бурную воду, или небесные светила. А если, пленяясь их красотой, удивляясь силе и действию их, они почитали их за богов, то должны были бы понять и узнать, насколько лучше их и могущественнее Тот, Кто сотворил их, Виновник бытия их!

... Абу-Талиб к ним явился: жена его четвертого сына родила, ещё не обрёл имя, пусть Мухаммед назовёт.

- Будет Али! - предложил Мухаммед. - Высший?! - Даже Всевысший!.. Нет, богов дразнить не станем, всего лишь Возвышенный, мой родной, - не сказал двоюродный, - брат. Просьба ещё, чтобы богатый племянник взял на попечение Али и вырастил. Мухаммеду услышалось: Утолить тоску по сыну. Другого сына, Джафара, согласился взять в свою семью брат Аббас. Мухаммед словно примирился, что он - отец дочерей, любит их и в каждой чтит женщину. И матерью своих дочерей любим. - Чувствую себя с тобой, - Хадиджа Мухаммеду, - будто мне восемнадцать и ничего прежде не было. - И тут же: - Кто я тебе? - Ты дочь моя. - Ей нравится. - Ещё?

- Сестра и друг. - Подруга - это точнее. Даже... - подумала было сказать, что мать она ему, но смутилась и перевела разговор в шутку: - Так что, - голос звонкий, всегда слушайся меня! Скорая, вся - движение, глаза светятся радостью. - Я тебе ещё сына рожу! - убеждена. - Но надо щедро одарить, чтобы умилостивились, мекканских богов! Из давних её намерений, когда вторично замуж вышла: восстановить сообщество Каабу. Забор в человеческий рост надо расширить, укрепить и поднять: паломников порой негде разместить. Песок разьел стены, обветшали, люди не помнят, когда храм подновлялся.

А тут - буря на море, выброшен на берег потерпевший крушение византийский корабль, и решили мекканцы: разобрать и выкупить, собравшись родами курайшей и окрестными племенами, корабельные балки и мачты, привлечь к работе матросов, начать восстанавливать храм.

26. Сон и его разгадка

Приснилось Мухаммеду, что стоят у ворот Каабы понурые праотец Ибрагим и его сын Исмаил, - мекканцы часто вспоминают предков, дабы прекратить раздоры. Помнит, Мухаммед подумал: Не хотят войти в храм! - Это наша святыня Кааба?! - спрашивает Исмаил удивлённо у отца. - Да, - вздыхает Ибрагим. - Некогда построенный нами храм, шестигранник! Именно это слово: шестигранник. И такая печаль в его взоре! А показав на

Священный камень, молвил: - Увы, почернел белый яхонт, ниспосланный некогда праотцу Адаму. - Но Камень всегда был чёрный! - возражает Мухаммед. - И ты меня будешь учить?! - вскричал Ибрагим. - Я не хотел... - От людских пороков Камень почернел! - недовольно нахмурился. Мухаммед - смущён, растерян - приглашает их внутрь, умоляет, но те не двигаются с места, не слышат, казалось бы, его. - Нет, - отвечает Ибрагим, голос непреклонен, - уйдем отсюда! Здесь неуютно! - Мы вас так ждали! - говорит с обидой Мухаммед, кажется, вот-вот расплечется, что не находит нужных слов. - Мы так на вас надеялись! - Правда? - Исмаил вдруг обрадовался. А отец упорно молчит. - Ну да! - уверенно отвечает Мухаммед. - Пригласить в эдакие развалины?! - не сдержался Ибрагим. - Омрачить наш дух? - Но мы... - Даже крыши над головой нет! - Мы...

Но не даёт ему Ибрагим договорить: - А Камень, на котором отпечаток ноги моей, - где он? - Вот же! - показывает Мухаммед. - Где?! Смотрит Мухаммед - нет на месте Камня!

- Да будет тебе ведомо, - сердится Ибрагим на Мухаммеда, - что Камень служил подмостком и поднимался по мере того, как возводились стены храма! Куда вы подевали этот Камень?!

- Наши золотые монеты...

Снова прервал его Ибрагим, не стерпев: - Смеешь рассказывать, что нищи, нет у вас денег?! Я ни от кого и никогда не взял ничего, от нитки до ремешка обуви, чтобы не сказали: "Я обогатил Ибрагима!", а ты!.. - И с укором глянул на Мухаммеда. Сон как явь: то ли привиделось, то ли впрямь явились сюда Ибрагим с Исмаилом. В окно смотрел молодой месяц. Нет, надо было уговорить! Проснулся Мухаммед и уже не мог уснуть. Проснулась и Хадиджа. Мухаммед рассказал - видение или сон? Но умолчал про Чёрный камень, ибо увиденное во сне расходилось с услышанным от деда. Да и как мог не знать Ибрагим, что известно каждому мекканцу: Чёрный камень некогда был ангелом-хранителем, приставленным к Адаму в раю. И превращён, наказанный, в камень, ибо не углядел за Адамом. И был - это совпало с изгнанием Адама - низвергнут Богом на землю. Чудодейственно спасён во времена потопа и отдан затем Джебраилом Ибрагиму, и он вделал этот Камень, ярко, точно луна, светивший в ночи, в угол внешней стены. Белый и блестящий, Камень постепенно почернел от поцелуев и прикосновений грешных губ и рук.

- Кааба, - сказал Абу-Бакр, когда Мухаммед о сне поведал, - утратила первоначанный вид. - И что же? - Твой сон подсказывает выход.

- Справимся ли?

По преданию, дед рассказывал, храм имел величественные ворота на восток, туда, где Эль-Кудс. И на запад тоже. Ворота назывались Лунными и Солнечными. Поистине от ворот этих остались одни развалины. Как только Абу-Бакр ушел, Хадиджа - к Мухаммеду: - Я часто думаю про Хаджар, как она обрадовала Ибрагима, родив сына. - И ты родишь! Вот вернём Каабе первоначанный вид!.. Судьбе было угодно ускорить восстановление храма: случился пожар, потушенный ливнем, и сель завершила начатое дождём: высилась отныне Кааба полуразрушенным уродливым остовом. То - неведомо за что наказание богов. Но кто осмелится навлечь новый гнев богов, начав доламывать невысокие, в рост человека, старые стены? Эти валуны, кое-как сложенные, - их надо заново установить, возвести новые высокие стены, покрыть храм крышей. И разросшийся вокруг терновник вырубить. Кто не побоится притронуться к тому, что осталось от Каабы? Нашёлся смельчак! Кто? Валид бин Мугира: Боги, - обратил взор к небу, - мы не желаем вам зла, хотим только добра! И, взяв кирку, стал ломать стену между Чёрным камнем и йеменским углом, топором вырубил терновник. Решили ночь переждать: если будут наказаны за дерзость, перестанут ломать, пусть Кааба останется такой, какая есть. А если... Но боги, похоже, были довольны. Разрушили храм, а когда дошли до основания, взору предстали камни зеленого цвета, похожие на верблюжьи горбы.

Кто-то воскликнул: Камни, положенные Ибрагимом!

Стали возводить стены из перемежающихся рядов камней и деревянных корабельных брусьев. Вход подняли вдвое, до восемнадцати локтей, стал выше роста человеческого. Впервые храм получил крышу, которую поддерживали шесть деревянных столбов: изрядную сноровку проявил корабельный плотник. Изнутри оштукатуренные стены покрыли росписями (стёрли впоследствии, признав чужеродными, византийскими). Спор возник из-за священного Чёрного камня, который был вынесен при строительстве, надёжно укрыт в доме Мухаммеда. Камень издавна покоился внутри, считался ключом к храму Небесному: кому или чьему роду внести в храм и установить Чёрный камень? Клялись, доказывая друг другу, чей род древнее. Перессорились, осыпая друг друга выкриками оскорбительными, вот-вот начнут драться. Мухаммед подсказал, как решить спор со святыней: велел рабу Мейсару расстелить на площади широкий палас, вынес и положил на него Чёрный камень. "Теперь, - сказал, - пусть представители всех родов курайшей подойдут ко мне, возьмутся за края паласа и сообща внесут священный камень в храм!" Чёрный камень будто ожил, когда установили его. Это был шестигранник, а подставка держалась на шести колоннах. Восстановление храма совпало с рождением у Мухаммеда новой дочери. Она появилась в особенный год, - сказал он Хадидже, предложив назвать... Помолчав, торжественно произнёс: Именем божественным и звёздным - Фатимей-Зохра, или Фатима. Но чем ещё этот год особенный? Строками?!

27. Чёрный камень

(18) В свитке приписка, взята, очевидно, из другого текста, а тот... Нет, не отыскать первоисточник: Да не развеется в прах! Заголовок был иной, зачёркнут, прочитывается с трудом: Оживший Чёрный камень. А далее более авторский, нежели поясняющий текст: Строка навеяна, объясняла Хадиджа, восстановлением Каабы. А может, дочери Фатимы рождением? Какой-то ведь был знак!

Пронёсся, шипя в облаках, и пал, разломанный на куски. Я слышал! Белым обручем схвачено чёрное, подпоясано серебром, И упрятан лик, опалённый молнией. Во чреве - съеденный язык, слиплись немые губы, изнутри зазывает внутрь. И взглядом, что тоньше луча, - сквозь каменный мрак. И вышел в бездонную тьму, тьма за которой. И ещё. Ещё. Но что тебе там, где тебя не сыщешь? И ушедший - собою в себе, без себя, прочерченный грохотом вспышки. Я видел! ...Варга, когда Хадиджа прочла, был поражён прозвучавшим:

- Что это?

Мухаммеду показалось, что Варга говорит про чужое, особенно когда тот упомянул про умолкнувшую в камне тайну. - Вам с Хадиджой показалось: такое сочинить я не смог бы. - Так чьи ж тогда? - Моё - когда в сей миг я произношу. - Но ты молчишь! - Вам это кажется. Пытаюсь понять, что меня тревожит. Иду и иду! В пути... в пути... - и не поцеловать. Нет, не помогут, и взывал: когда ж, когда? И виделась мне берега. С берега, который здесь, мост брошен, тетивой изогнутый, повис. Кто-то смотрит, взгляд языкаст, но звук не пойман. Мост где-то там опущен, где берег слился с небом, уйдя в пожар заката. Иди, иди ж ко мне! Нет, не придет, услышала иль нет? Здесь его кто-то окликнул. Не раз и не два его окликали. Как впервые, когда услышал за спиной: Эй, Мухаммед!

28. Яблоко, разрезанное пополам

...Мухаммед шел в Каабу, довольный жизнью и собой в этом мире. У него есть дом, любимая жена Хадиджа, он уважаем в родном городе. Есть дочери, особенно дорога Фатима. Построили, восстановив, Солнечные и Лунные ворота Каабы. Покрыли храм крышей. Вокруг возвели ограду в рост человеческого. Но появилось впечатление, что кому-то она помеха. Кто-то постоянно её рушит, пытаюсь через неё перелезть. Никак не избавится Мухаммед от навязчивой поговорки, что родилась: Кто разрушает ограду, того непременно ужалит змея. Вдруг чей-то явственный голос:

- Время придет - и крова лишишься! - Но тут же следом: - Но времени уже не будет!
Произнёс невольно: - Но вот он я, и вот оно, время моё!

Кто-то коротко хохотнул: - Его уж нет, времени твоего!

Вперёд глянул - никого. Налево и направо - ни души. Назад повернулся пустынно.
Громко произнёс, чтобы услышал неведомый: - Что ж, все умрём, покинув этот мир. Уйдём из дому. Я тоже. Но тот же голос: - Не о смерти речь веду!

Не успел ответить... - да и кому?!

- Тебя, живого и сильного телом и духом, зрелого в мудрости, изгонят из родного города! И камни будут вслед бросать! И колючки под ноги, чтобы поранился! - Кто ты, покажись! Кто кличет мне беду?! - Согбенная старушка зашевелилась у забора! Точно с неба, из-за туч свалилась. - Ты это пророчествуешь? - Я помалкиваю, да видно мне, что ждёт тебя. - Но я слышал!

- Не знаю, что услышал ты, - тихо прошептала и закашлялась, поперхнулась, но вдруг... Преобразилась вдруг! - Да, мои слова ты слышал! Тебя изгонят, ибо взором чист! - ?! - Здесь, в Мекке, посеется семя недоброе. И произрастёт оно, это семя, гневом и злобой к тебе!

- Что скажешь ещё?! - Недоволен, что заговорил со старухой. Но и не верить ей опасается. Кто-то, принявший облик её? - За плечами твоими широкими вижу... Кого б ты думал? - Ангелов? - Они у каждого - записывают дурные и добрые дела его. - Так видишь ты кого? - Сама не знаю: такого, чтоб плечи излучали свет, припомнить мне трудно. - Всё потому, что за спиной у меня лучи закатного солнца! - Я не слепа, обычный свет не спутаю с небесным! - Свет солнца и есть обычный свет, но он и небесный. - Не запутывай меня, а слушай, что говорят тебе! - Но кто ты? Тебя не видел прежде я. Рабыня ты? Но чья?! - Я - это ты! - Старуха?! - Но кто тебе сказал, что встретил ты старуху? Старик - ты сам!

...Дрожь охватила Мухаммеда, всё нутро затряслось, заспешил он домой. И всю ночь его лихорадило. А пред глазами играли слова из причудливо сплетенных букв:

Она и Я. Но более - Она.

И буквы изображали чашу или пиалу, которой черпал Мухаммед воду из колодца Замзам. А Хадиджа... Она глядела на укрытого одеялом мужа и вспомнила, как он сказал ей (возвращались как-то с поэтической ярмарки) про живительную воду, что собирается в колодце Замзам и не иссякает с той поры, как колодец был очищен дедом Мухаммеда - Абдул-Мутталибом. "Вот и строки, - заметил, - должны копиться в душе, и, если даже изольются, не обнажат дно, а ещё больше его скроют".

И прочёл: Взойду, когда нескорый круг свершу, а ты, ты яблоко возьми и надвое разрежь. Алошекастое - твоё, а бледнолицое - моё. Ну на ж, держи! Волокна пальмовые - нити для сетей. И ни Его, и ни Её, а Нечто пополам. ...Стрела летит, в пути сгорая, и алый лик щеки горячей в губах взорвался волдырями. Хадидже услышалось: Тоска по сыну! Стало грустно. И жаль мужа.

...В полубреду, рожая нового ребёнка, Хадиджа молилась строками мужа. От них веяло тревогой. И - новой надеждой.

Мальчика родила!

Но о том, что вскоре умрет, как умер их первенец Касым, и что родившийся - последыш, Хадиджа не ведала пока. Месяц-другой сын носил имя отца Мухаммеда, да отдаст Абдулла лета свои, прожитые и непрожитые, внуку! Но снова, как и прежде, смерть... Она наступила в отсутствие Мухаммеда: он был в караванной поездке. И похоронила без него. Пусть боги объявят: за что им такое наказание? За какой грех губят её детей, обращая их в прах? И зачем дозволяют зачать, чтобы родились, и не губят во чреве, прежде чем дитя родится? Не будь многоречивой, Хадиджа, - услышала будто Мухаммеда, - ибо во множестве слов нет правды! Как сказать мужу? С каких слов начать? Когда лучше: сразу? чуть погодя? Нестерпимо горе его представить, нет, пусть остаётся в неведении. А он, не успев ступить в

дом, спрашивает: "Где сын? Где он?"

Как мне пережить твоё переживание?

"Где он?!" - уже в голосе тревога, а у неё сердце сейчас разорвётся. "Да, да, - лепечет она, - сын!" Понял! Предчувствие было! Неведомый промысл богов? - Боги видимые, - подчеркнул это слово Варга, - ни при чём: камни не ведают ни сном, ни духом о вашем горе. Это повеление Единого Бога! - Гнев Его? Но за что? - Это Его тайна. Но и некий знак! Сын не болел, стоял крепко на ногах, месяц-другой, и бегал бы здоровый. Смерть потрясла повторяющейся нелепостью. Может, Варга прав: Бог предупреждает? ...Расписывать и расписывать, а пред глазами строки, уводящие, точно ступени, в звёздное небо. Но строки... Если вслух произносишь, слышатся Мухаммеду как девичьи - его дочерей! - голоса, ими заполнен дом. Растут дочери, их трое, нет, четверо! Зейнаб, Ругийа, Умм-Кюльсум. И Фатима. А с Хадиджой - пятеро любимых женщин.

И при Мухаммеде всегда Али, ему уже десять. Смышлён, иногда скажет не по возрасту мудрёное, Мухаммед изумляется. Вчера вдруг Али возьми и скажи Мухаммеду: "Когда споришь с понятливыми, можешь их убедить, а когда с джахилом, невеждой, споришь - не пытайся убедить!"

"Да, - ответил Мухаммед, - времена джахильи продолжаются на аравийской земле!"

Рабыня Хадиджи однажды сказала госпоже, что на мекканском базаре Мухаммеда бездетным прозвали. - Как так бездетный?! - возмутилась я. - У него дочери есть! И в Али он видит сына! А они мне... - Замолчала: известно, что ей могли ответить, если нет в семье своего сына - продолжателя мужского рода. Правда, и по сию пору обращаются к Мухаммеду порой по кунье, или сыну: Эй, Абуль-Касым! - отец Касыма, хотя сын, нет в том секрета, давно умер. И потому не всегда уловишь, с каким умыслом назвали: по привычке или лишний раз уколоть бездетностью.

- ...Я больше не рожу, а тебе пора иметь наследника. - Участью своей я доволен. - Ты знаешь, что хочу тебе я предложить? - И не дав возразить: - У меня есть на примете молодая, зовут её Мария, она красива и крепка, и я ей верю, как себе. Ее и приведу к тебе! - Ты хочешь, чтобы у меня была вторая жена?! День уходит, беременный светом, оставляя в окне листопад. Сумерки нежности. Есть света ночь, есть мрака день. За тайною сокрытою вселенной чей-то взгляд. Что-то ещё, но что? Дыхание прохлады? Жар испепеляющий? Слышимость невысказанного. - Читай уж вслух! - Уловила.

- Ты и есть все мои жёны! Она и Я. Но более - Она. А всё иное - тлен. Тверди слова (и затверди!):

Ева - Хавва, Агарь - Хаджар, Хадиджа, Мария - Марйам. Кто ещё?

Христианка ли, чьё имя... - стёрто!

А может, иудейка, чьё имя... - тоже стёрто! И так тщательно, первое и второе имена, что ни прочесть, ни додумать.

- Будет, как я решила, не возражай: родит сына, но матерью буду я! ...Мягкость в обхождении с Хадиджой, о чём вскоре узнали, изумляла мекканцев. Но прежде родились строки - не были понятны ни тогда, ни теперь.

Отчего же? Всё ясно! Тебе, быть может, да. Забытый было гнев вздохнёт и улыбнётся, водой из медного кувшина*, что был задет рукой вчерашней,

_____ * Здесь впервые появляется заявленное в заглавии повествования слово кувшин, вполне закономерное, о чём вскоре узнается.

но удержан сегодня, избудет - не прольётся!

29. Скорбь новолуния

Но отвлеклись. Потому что давно не виделись, я даже поначалу не узнал тебя. Вглядишься в меня - узришь, как изменился сам! Узреть тебя, чтобы постигнуть себя? Я о другом: об одножёнстве твоём. Мол, почему не желаю обзаводиться ещё женой? У других

не две, а четыре! Поболее даже! Скуп? Или, за глаза болтали, не может? Повторяли мои же слова с ехидством, а то и глумясь: Жена, мол, не только для того, чтобы спала со мной и рожала мне детей, друг она мне! Ты женщин любил, это правда. Помню, часто говорил: Более всего на земле я любил женщин и ароматы. Не женщин, а Хадиджу! Но в ней женщину? Не только! А и праведную жену! Да, слышал, как ты говорил: Этот мир даётся во временное пользование, и лучшее, что есть в этом мире, - праведная жена! А однажды при Абу-Талибе сказал: Женщины божественны! И вызвал его удивление. Он даже спросил: "Уж не сделался ли ты поэтом?" Но ты ответил, что полное наслаждение находил всегда в молитве. Молитва тут ни при чем! Кто спорит? Да, сначала Хадиджа. Но и после Хадиджи было немало. Женитьбы твои. Как стал вдовцом! И не одна, даже не семь! Рано ещё об этом! Чем больше жён - тем более почитаем, не так ли? Хочешь услышать да или нет? Определённость красит мужчину. Не с нас пошло. И первые люди Писания, или ахлу-ль-Китаб, полагали подобное. И даже со времён фирауна! Мне довольно было одной, ты знаешь. На удивление даже той единственной, что была тебе верною женой. Недоумевала Хадиджа. И вторили ей - нетрудно домыслить - мекканцы. Впрочем... Что ещё надумал сказать? Не сам ли он и есть он сам? Знаю, давно выговориться жаждешь! Про женитьбу на Хадидже? Вот именно! Что была намного старше?! Польстился, мол, на богатство старухи! Это она, быстрая, подвижная и горячая, - старуха?! Многим молодым... Вот и купила, дескать, себе кого хотела! Даже её слова, сказанные задолго до свадьбы, были известны в Мекке: "Ты мне нравишься, потому что у тебя достойные родственники и ты сам пользуешься здесь уважением". Сделкой были истолкованы эти слова её. При покупке, добавь, молодого верблюда! Когда покупатель проявляет особый интерес к родословной и иным ценным качествам приобретаемого животного. На подобные сплетни отвечу не менее известными мекканцам словами знаменитого Джахма ибн Аби Джахма: "Уж как ни бесчувственны были каменные идолы, но и они, заслышав про сделку Хадиджи и Мухаммеда, с таким грохотом расхохотались, что новые стены Каабы, недавно восстановленные, чуть не разлетелись, обнажив Чёрный камень!" Помню: в присутствии женщин оживлялся.

Не отказываюсь: я никогда не переставал восхищаться совершенством женских тел! Ну да, что в том плохого? Эти плавные линии плеч! Гладкие руки! Изящество и гибкость стана, мягкий взгляд... Я прав? Про брови не забудь и губы, углем нарисованные будто. А ваши разговоры о женщинах в кругу семьи? Не было их никогда ни у деда, ни у приемного отца Абу-Талиба. Хочешь сказать, о женщинах говорили не иначе, как о матерях детей? Мать моих детей, и ничего более. Хашимит Абу-Лахаб тоже?! Как могут ужиться в человеке убиение собственных дочерей и любовь к женщине - матери дочерей, к своей единственной обожаемой женщине Умм-Джамиль?! Вот и старалась потому по первому же хотению мужа сбросить с себя всё, что надето, оголиться и лечь в ожидании... Пригодная лишь для этого! И довольная, заметь, судьбой: рожала ему и смирялась с участью убиенных дочерей! Но договорю за тебя: мужчина, точно животное, спешит утолить свою страсть! Без всякой ласки, восхищения совершенством, какое являет она, извлекая, разумеется, из нутра какие-то, признайся, истинно человеческие звуки! Кто из мужчин упрекнет такого?! Он наслаждается тем, что делает, а она в положенное природой время производит на свет потомство. Его потомство! Не об этом ли мечтает каждый? Чтоб родила ему сына. А как часто он взрывался и негодовал! Посмела бы! Теперь-то понятно, почему мужчины переставали говорить о женщинах при тебе.

Лишь иногда!

И то - разве что позлословить.

Может, ещё какие у тебя суждения?

...Скажешь - осмеют тебя мекканцы: мол, каждый - и мужчина, и женщина является по-

своему пастырем!

Разве нет? Мужчина - пастырь для своей семьи, а женщина - пастырь для дома и детей, и каждый ответствен за свою паству!

Женщина... Она прекрасна, когда... - перебил, словно зная, что последует далее:

Но учти - обнажаясь, женщина с одеждой совлекает с себя стыд!

И потому укрыть её с головы до ног?!

В одеянии женщина полна тайны, мужчины оказывают ей уважение!

Но всю-всю спрятать, явив лишь лик?

Велик мужской соблазн!

Как всё бывает на самом деле?

Кто знает, что испытывала Хадиджа, когда в одну из ночей, отправив в путь большой верблюжий караван с нанятыми погонщиками (в Аказе, где стоянка караванов и верблюжий рынок, должны были новых верблюдов присмотреть. Они теперь богаты и знатны, и Мухаммед избавлен от необходимости ездить по делам торговли), выпустила к мужу юную египтянку! Но прежде предупредила: "Задолго до рассвета покинешь ложе!" Чтоб Мухаммед не видел её красоты, как юна и привлекательна? "А если..." "Что бы ни случилось!" "Это у меня впервые, мне страшно!" "Он тоже не знал девиц". Вспомнила неожиданно про свой страх и первое замужество, когда ждала: явится муж и что-то случится. "Боюсь я". "Но хочешь! - Египтянка опустила глаза. - И не собираешься бежать! Молчит. - С ним тебе будет хорошо! Но покинешь ложе затемно! Отблагодарю, если родишь сына, но он будет наш!" "А если дочь?" "Я говорю, что будет сын!" "Но всё же..." Оттягивает. Неужели боится? "Будет тогда у нас не четыре, а пять дочерей". Успокоить: если она войдет со страхом, Мухаммед откажется - изучила мужа, знает: если что не так - он не сможет. Впечатлителен потому что. Искать тогда другую?

...С трудом дождалась рассвета. Почти как в притче:

И вошёл он к ней, и она зачала.

А к притче - строки: Убегающие линии лица, и заузились, точно Мим, и вздёрнулись, точно Алиф. В обернувшейся шее вскрикнет немочью боль плеча. Рукоделием сияет парча, что скинута с неба звёздного. Готовила Мухаммеда к новой жене, а о себе забыла. Только бы та родила сына, чтобы не зря ей страдать. Росток на древе. Даже не росток, завязь! И холила Марию, и заботилась о ней.

Родился сын. Назвали Ибрагимом. Да поможет ему предок! Не помог: недолго жил Ибрагим. А пока жил, Мухаммеда какое-то воодушевление охватило. Но воодушевление - без строк. Невзначай Хадиджа вслух произнесла про месяц: бледен, почти невидим, ибо рядом - солнце, и что-то про скорбь новолуния. Мухаммед не дал договорить, вскричал: - Вычеркни из памяти! - Останутся в записях. - Порви и выбрось! А ещё лучше, - Мухаммед вдруг побледнел, - сожги их в печи!

Сжечь своё?!

- ...А пепел развей по ветру! - Зацепятся на земле - прорастут!

30. Излучающие весть

Как-то говорил Мухаммед с поэтами племён, прибывшими Каабе поклониться, потом они участвовали в поэтическом состязании в местечке Аказ, неподалеку от Мекки, на расстоянии дня караванного пути. Были пред тем единоборства силачей, упражнялись в искусстве верховой езды, метания копья, игры в мяч ударить так, чтоб встретилась с мячом луна. Стрельба из лука - кто попадёт в цель. А ещё - сколько может стрел выпустить, пока тень от солнца не увеличилась ни на палец, то есть пока не сосчитаешь до тридцати. Пять стрел? Семь? Или десять?

Однажды среди победителей оказался Хамза, молочный брат Мухаммеда, а по родословной - родной дядя, чьи стрелы вонзились в сердце мишени, изображающей онагра, к

тому же выпустил десять стрел!

(19) На свитке отыскалась не занятая письменами белая полоска, хлынула в неё перепалка, разные цвета чернил. Очевидно, свиток хранился у некоего вельможи, а читал его постигший грамоту. Синими чернилами: Как часто можно указывать степень родства?! Красными: Не оставляй следы, невежа! Светло-малиновыми, цвета луковой кожицы: Да восторжествует благоразумие мудрых! - Ибн Гасан.

Мухаммеда с Хамзой учили вместе орудовать мечом, кинжалами, палицей. Стрельба из лука, чтобы все тело активно нападало и оборонялось. Скачки на коне, верблюде. Прыжки через ров, с горы. Спуск по крутому склону, почти наотвес. Верхолазание. Аркан - бросить и захватить: скольких жеребцов они с Хамзой заарканили! Точно так же, как копьеметание, состязались в искусстве слова: кто кого переговорит, поразив голосом, пронзительностью взгляда, а главное - игрой метафор, чувственностью описаний, чтобы были, в согласии с духом стихотворения, и смех, и слёзы тех, кто внимает поэту. И стихи победителей, золотыми буквами написанные, как о том уже было, вывешиваются затем на стенах Каабы, чтобы прочли паломники. Разнородные хиджазские наречия, но все как будто говорят на схожем, да и строки... Подобны чёрной ночи волосы возлюбленной, а стан - это гибкая ветвь, жемчуг - слёзы, и щёки пылают, точно отдали ей жар свой розы лепестки (а у иного - припечатались к щекам).

- Послушаем и тебя! - обратились к Мухаммеду.

- Мне говорить не о чем, - ответил. - Ну да, перевелись истинные поэты!

И вдруг Мухаммед:

- Разве ваши речения - это язык?! - Замерли. В наступившей тишине продолжил: - Хиджазский - разнородная смесь, не вполне ещё язык, надо говорить по-курайшски! - Язык бедуинов и есть поэзия! - ответил Абузар. - И сами поэты, и ценят поэзию! Не рассказать ли тебе...

Перебил его Мухаммед: - Знаю, о чём сказать хочешь, - молвил к удивлению Абузара. - Слышал однажды из твоих уст: Мой друг Ааша сочинил в честь бедуина, у которого гостил, всего лишь бейт, и наутро явились к нему восемь сватов сватать восьмерых его дочерей! Но хиджазцу надобно избрать язык курайшей! Почему? Богами с давних времён именно курайшам доверен храм Кааба!.. Впрочем, Ааша был бедуином из курайшей! - Легко отвергать чужих, яви образец! (Это снова Абузар.) Мухаммед промолчал и насупился. - Скажи! - попросила мужа Хадиджа. И Абу-Бакр стал просить. Но Варга - нет: стихи ли то, что сочиняет Мухаммед? Неловко ему: выступит зять - засмеют! Обвел Мухаммед всех взглядом, полным недоумения, будто не понимая, чего от него хотят, неспроста ведь и Варга молчит, и вдруг произнёс лишь строку, и не произнёс вовсе - она сама вырвалась: Весть излучающие! Умолкли поэты: не понимают ничего, что-то таинственное прозвучало. Ну а дальше?

И снова - лишь переставив слова - молвил Мухаммед: Излучающие весть! Кто? Какую? Сказав, молча ушел, а с ним - Хадиджа. Поэты в недоумении... Что это - вызов, глумление, тайна какая-то в молвленном? Но вскоре брошенная им одинокая строка забылась, и ещё долго продолжалось состязание: кто кого поразит неожиданностью образов, на сей раз воинственных.

Победили стихи Абузара про мечи, падающие на врага, но уподобленные гибкостью цветным платочкам в руках играющих детей. И этот контраст, как ни было Абузару странно, пришёлся внимающим, настроенным на боевой клич, по душе, особенно финальная строка: Одежды сражающихся - словно обмакнутые в кровь или вымазанные ею. Кичился впоследствии Абузар, перед персидским купцом хвастал, мол, шёлковый свиток с его победившими стихами, повешенный на воротах Каабы, точнее - на её стенах, не менее, а может, более ценен, чем такой же свиток, тоже шёлковый, на котором запечатлена грамота

персидского шаха, недавно жалованная императору Бизанса! Купец, вряд ли понимая, что тот ему втолковывает, кивал головой в знак согласия.

Вдруг забытая строка, вырвавшаяся из уст Мухаммеда, заиграла, точно крылья птицы в лучах закатного солнца, над площадью. - Может, - сказал Анис брату Абузару, - ощущение кажущееся? - Ты о чем? - удивленно спросил Абузар.

- О Мухаммеде. Ведь ты понял, а спрашиваешь! - И что же? - Она всё ещё излучает весть! - Строка? - Будто вызывает к продолжению, манит, и каждый думает о своём сокровенном, ждёт, что последует. - Но о том, что последует, не ведаёт, убеждён, даже сам Мухаммед. - Как знать! - возразил Анис. - Ведал бы если - непременно б прочёл! - Нет, он унёс невыговоренное с собой, какую-то тайну! - А может, - выразил Абузар сомнение, - и вообще это не его строка? - Чья же? - Просто нам послышалось. - Тебе и мне? Всем сразу? - Такое случается. - Кажется, сказано не всё, сокровенное утаилось, раскрыть бы. - Поэзия загадочна. В ней спрятаны слова, доступные не каждому. - Кто знает, продолжи он нанизывать строки, и, может, висеть его стихам рядом с твоими на стенах Каабы, а? Обиделся Абузар, привык быть первым:

- Весть излучают! - с иронией. - Одна фраза, и уже победа?

- Но не ты ли учил меня, о старший мой брат: где сказано мало, там сказано много! Разве нет?!

...Мухаммед, будто спасаясь от преследования строк, навеянных, помнит, зороастрийцами-огнепоклонниками, - есть в тех стихах, Хадиджа не успела прочесть, про отраженный свет любви, который красит месяц, огненно полыхающий, - выскочил из дому и заспешил к горе Харра. Зов оттуда, и всё чаще: "Уйди в пещеру, затаись!" Ищет уединения - сидит молча, погружённый в думы, а Хадиджа ждёт, не прерывает его размышлений. Но он будто и не замечает её внимания. Ничего не видит вокруг. Томится. - Сидя спит, - сказал Хадидже Али, он всегда сопровождает Мухаммеда. - Сочиняет! - успокаивает себя Хадиджа. - Нет, не сочиняю, - возразил, будто услышав ее. Что с ним происходит? Сидит столь долго, что звёзды успевают на небе переместиться, ушла луна, а он сидит неподвижно, опустив руки на колени и держа прямо голову, глаза полужакрыты... - сначала видел при свете дневном, потом луны, потом звёзд, а далее лишь угадывал видимое. ... Абу-Талиб к ним явился, давно не видел ни Мухаммеда, ни сына, переступил порог их опустевшего за год дома (Мухаммед и Хадиджа выдали дочерей замуж: сначала старшую Зейнаб за троюродного брата Мухаммеда - Лакита (по кунье - Абул-Ас), он же двоюродный племянник матери, а затем, по настоянию Абу-Талиба, за двух сыновей Абу-Лахаба выдал Ругийу и Умм-Кюльсум. И как всегда, сын Абу-Талиба Али рядом с Мухаммедом - если он дома. Но это теперь редкость - в последнее время Мухаммед чаще уходит в пещеру один. И Хамза недавно к ним наведывался, Абу-Бакр тоже спрашивал, где Мухаммед. Словно оправдываясь, Хадиджа повторяет, что Мухаммед на горе Харра. - Что он там ищет? По своим пастушьим годам истосковался? Хадиджа не знает, что сказать. Она чувствует мужа, но долго объяснять, да и не так истолкуют.

- Уединяется в пещеру? - удивился Абу-Талиб. - Но зачем? С чего ему прятаться в мёртвой пещере?

31. Запах толчёного тмина

В тот день шествовал Мухаммед с Али к горе, и странное испытал чувство, что на сей раз не скоро вернется он домой: что-то произойдёт, должно случиться! Неспроста показалось, что две смоковницы, что росли на дороге, кланяются ему ветвями. Остановился, подошёл, чтобы потрогать, и уловил пальцами некое живое тепло под корой. У подножия горы разбросаны камни, множество камней. "Ты заметил, Али?!" - спросил. "Что?" "Камни, произрастая из земли, приподнимаются в приветствии!" Племянник в знак согласия кивнул: ему и впрямь это показалось. ...А вот и пещера. Ещё светло, и солнце её освещает, но его

уход скор закатится оно за море, и сразу наступает мрак. Сухо внутри. Пахнет чем-то терпким, точно толкли тмин. Постелил овечью шкуру, сел у входа и уставился на низину, конца и края ей нет, а там - пустыня. Али проголодался и предложил Мухаммеду поесть. - Ешь сам! - Недоволен, что отвлекли. - И пока светло, возвращайся домой. Я останусь один. Лепешка манила румяным, как у закатного солнца, ликом. И посыпана сверху маковыми родинками. Молоко гулко отозвалось в кувшине. Али ел молча и не спешил, а потом и вовсе Мухаммед о нём забыл, захваченный думами.

Не ты первый, кто ушёл в пещеру, чтобы приблизиться к себе. Тлен, тлен!.. - пророчествуют хиджазские хахины: неведомо откуда пришли и уйдём неведомо куда. Вход, не имеющий выхода. Дорога без возврата. Слойми пыль от ног ушедших - словно пепел. Молитвы - точно гимны. Гремящий гнев, страстный пыл. Поучения: кто не страшится богов своих - тот, тростнику подобный, будет срезан. Сулеймановой мудростью Хадиджа и брат ее Варга были напитаны, как верблюжонок - молоком верблюдицы. Любила слушать, как поют псалмы, забур, под звуки лютни - песни царя Давуда.

Но кто мой бог? Только твой? Как дикий верблюд мы - гордый и мстительный! Дано ли Слово нам?

И он сочинял? Дьяволом наущенное нанизывал на шёлковую нить! Вскричал однажды, чтоб Хадиджа сожгла строки! Ослушалась. Берегла нити. Но пылала, подобные ало-красным углям во мраке ночи: Восходят горы, нисходят ущелья, меж гор - ручьи, луна, сверкающая в ночи, укажет время любви, солнце откроет день и уйдет в ночь, в ту, которая... Нет, любви не будет! Изнеженных утети! Или похоть? И что значит: сон, уводящий в ночь?

32. Первое из троекратного

Поодаль паслась, мирно жуя сочную траву, её много в этом году, одинокая овца. Белая курчавая шерсть густо облепила круглые её розовые глаза, голову подняла, глянув удивленно на Мухаммеда, и закивала. Кланяется мне! - Возвращайся, - сказал он Али каким-то новым, себе незнакомым тоном. Дальше я пойду один. - Но тот будто не слышит: Не оставляй его одного! наказывала Хадиджа, недовольная, что в прошлый раз он вернулся (Али тогда не удержался, рассказал Хадидже - сам видел! - о смоковницах, как Мухаммед подошел к дереву, дотронулся до него, о камнях умолчал). В ушах Мухаммеда по мере приближения к горе, где пещера, - женский голос, неясный предупреждает о перемене? А какой был голос у матери, не она ли? Голос матери! Ну да, вчера исполнилось сорок лет - не могла не явиться к нему! А утром... И лишь тут заметил, что не один, рядом Али.

- Ты ещё здесь?! Оставь меня одного! - Но...

Не дал договорить: - Знаю, что тебе наказывала Хадиджа! Нет-нет, оставь меня, и немедленно! - Насилу выпроводил Али и, когда тот уже спускался со склона горы, бросил ему вслед: - Кого встретишь в пути, идущего ко мне, вороти! И не приходите ко мне, пока сам не явлюсь!

В углу пещеры кувшин с водой из колодца Замзам. Рядом на скатёрке чаша, чтобы пить из кувшина, узелок с едой: лепешки и сыр из овечьего молока. Но у Мухаммеда пост, привык не есть весь день и голода не ощущает, приступит к трапезе, когда звёзды на небе загорятся. Серовато-красная впереди пустыня. В тишине какие-то шумы, то ли где-то воеет собака, то ли далеко-далеко кошка жалобно мяучит. Чувствует себя так, будто затерялся на необозримых просторах: куда идти? Никуда не придёшь. Но надо идти, чтобы куда-то выйти, но куда? Ближе к закату Мухаммед почувствовал озноб - волнами он прокатился по телу, охладив спину. Ушёл в глубину пещеры и там сел, укрывшись накидкой из верблюжьей шерсти. И вдруг Некто закрыл собой вход. Потемнело. Казалось - в глазах. И трудно дышать. Он заперт, не выйти ему отсюда! Видение стало явью. - Кто ты? - Свой голос раздался будто чужой. Тот назвал себя не сразу, помедлив слегка: - Джебраил я! - Человек с именем ангела? - удивился Мухаммед. - Я и есть ангел. Наиглавнейший! - Прочёл мои мысли! - Но дух ты, плоти не

имеющий! - выпалил Мухаммед, не испытывая при этом удивления, и страх вдруг отпустил его. - Только ты один видишь меня! - Но если вижу, то где ж твои шестьсот крыльев?! - вспомнил про них неожиданно. И смутился. - Ты дерзок! - Я хотел лишь... - Тот перебил: - Не задавай пустых вопросов! - Мы с тобой, кажется, прежде виделись, помнится, даже говорили.

- В воображении твоём, рождённом греховным вдохновением, дерзнул меня ты вызвать! Опасны твои мысли! Заблудшие идут за поэтами! - То дар богов. - Вот это верно! - Я рад, что ты согласен! - Но не богов, а Бога! - У кого кто! - Но молвят что поэты - следуют ли тому сами? - Зато грядущее предсказывать умеют! Снова перебил Мухаммеда:

- Тайный у них сговор с шайтанами! - Однако... - Молчи и не перебивай, мне надоело тебя слушать! - Не звал - ты сам явился! - Пророков всех наставник я! С Адама начиная! - А разве Адам... - неосторожно усомнился было, вспомнив про грех первородный, но видение исчезло. - С кем ты разговариваешь, Мухаммед? - произнёс вслух. - Не с самим ли собой? - Или... одержим греховным вдохновением? В него определенно джинн вселился! - Не с Джебраилом ли мысленный разговор? Скобки { фигурные, а внутри квадратные [открыты невесть кем и когда, дабы упрятать, точно жемчуг внутри раковины, грех первородный. На меня взгляни о себе подумай! Нечего повторять заученное: никакого первородного греха! Был! Не зря сказано Богом: "Истреблю человека на земле, которого Я сотворил, с лица земли, от человека до скота, до гадов и до птиц небесных, ибо Я раскаялся, что создал их".

Спросить у Джебраила, очевидца рождения Адама: так ли было, как представилось? Но если видение повторится! Ни слова Джебраилу про шестьсот его крыльев! Никак не избыть настойчивое: грех изначален! Есть хлеб в поте лица своего - разве это грех? И что наделён человек Его естеством?! Уснёт на миг, проснётся... - цепление слов, не раз уже бывало. Да будет тебе известно: Хавва была создана как подруга Адама! Но из левого его бока! Тут, уразумей, притча: создана из правого ребра и потому хрупка! Захочешь если силой выпрямить - сломаешь! Но в наказание Адаму и Хавве рожают детей в муках!

То величественный акт самопожертвования!

Ну да, твоё изречение, только что рождённое: Рай - под стопой матери! Запомни и это: лучший из вас не тот, который ради небесного пренебрегает земным, и не тот, который поступает наоборот - ради земного пренебрегает небесным. Не ясно? Трудно уразуметь? Ибо заключено в известные уже тогда, о чём было, фигурные скобки, но надо сначала закрыть ту, что схожа с полумесяцем, затем квадратные, похожие на ворота крепостные, и обрамить фигурной, которая } лишь волнистая линия, устремлённая ввысь, или, если легла, похожа на ладью. Знаю, что скажешь: нет большего богатства, чем мудрость. Но истина выше!

Разве приходит она обнажённой?

В образах узри её, в символах! Кому подвластно? Мудрецу! И нет большей нищеты, чем невежество!

33. Второе из троекратного

В пещере будто грозно заговорили братья родные Хубал и Аллах. Нет, бежать отсюда, не останется он здесь! Может, заболевает?

Усталый и измученный тревожными думами, Мухаммед на рассвете покинул пещеру. Хадиджа была странно спокойна - не сам ли признал, что ему привиделось? Такое в Мекке случается: никого не минует игра воображения! Даже хакамов племен: судьи-защитники порой такое насочиняют о своем племени, оспаривая его право на некие преимущества при дележе территорий, пастбищ и источников воды, что другим от обиды, что кто-то из соседей, ничем не примечательный, лучше их, а главное, умеет в этом убедить других, ничего иного не остаётся, как призывать к завершению бесплодных споров войной. И собственное превосходство утверждается силой оружия. А потерпевший поражение, опозоренный и униженный, замышляет мечь. И бесконечны распри только бы начать мстить! И наружу

извлекается недуг сокрытой злобы.

И прорицатели-кахины, жрецы, что восхваляют собственных божков, принижая тем божков других. Но пуще всех будоражат толпу поэты, разжигая распри, и каждый утверждает, что именно он заключает в своих строках истину и правду: превозносятся доблести племени, извещают и страшат: Мы пронзаем копьями, пока враг держится вдалеке от нас (копья темные, из хаттского тростника, тонкие и гибкие), мечами рубим белыми, взвивающимися, когда враг напирает, и шеи скашиваем, подобно луговой траве, и головы летят, точно вьюки с верблюдов. Разве Мухаммед, с тех пор как распространяются его строки, не причислен мекканцами к истинным шаирам? Не почитаемы разве в Аравии носители божественного дара? Но божественного ли? Торчат поэты, как одержимые, на площади перед Каабой и выкрикивают, воспаленные видениями, предсказания о небесных карах. Чаше - о Страшном суде и гибели мира, погрязшего в разврате.

Но да не уподобимся мы племени воинственному и жестокому, имя которому - йаджудж-маджудж. Ещё недавно казалось, что обитает это племя далеко на севере, где устремилась ввысь заросшая непроходимыми лесами горная гряда Каф, чёрной чертой прочертившая плоский диск земли. И неведомо, по ту или эту сторону горной гряды оно расселилось: йаджуджей-маджуджей на севере ждут с юга, а на юге опасаются, что грянут они с севера. И питаются огнём, коего здесь, на Кафе, полыхает немало. Некогда племя нападало, сказывают, на арабов, предводительствуемое их царём, кому имя - Йаджудж. Одно лишь упоминание о йаджуджах-маджуджах, о которых лишь слышали, неведомых и таинственных, наводит ужас! Но разве они исчезли, уйдя в прошлое? Не притаились, готовые нагрянуть из будущего? Ведь в будущем больше настоящего, как и в настоящем - прошлого. Ибо будущее уже было, только мы о том не знаем. Запутанные поэтические тропы - куда приведут они шаиров? Тайный сговор у них, вспомнил Мухаммед, с шайтаном! ...Явится ли ещё наставник пророков? Первым назвал Адама, кого вылепил Бог из звучащей глины собственными руками. Не только это! Дал Он ему наилучшее сложение, сотворив по образу Своему, вдохнув в него от Духа Своего! Для чего? Чтобы глядеться в него как в зеркало, видя своё отражение? Был Он сокрытым неведомым сокровищем, а стал узнаваемым в сотворённом! Кто ж пророк последний? - спросить у Джебраила, чтобы знать. ...Вихрь, загрохотало, прогремело небо. Такой силы удар обрушился на гору, что Мухаммед упал. Дрожь охватила тело. Пещера содрогнулась. Потом - беспмятство. Кто-то позвал его: "Проснись!" "Ты кто?" Снова, как в тот раз, назвался Джебраилом, что послан Богом. "Аллахом или Хубалом?" - переспросил. "Хубала никакого нет! - разгневался. - Единый есть, Единственный и Вездесущий, Начало всех начал - Бог! Аллах!" "Да, но Аллах..." - пытался Мухаммед возразить, что, мол, Аллах и Хубал братья родные. "Нет у него ни дочерей, ни сыновей, о чем заблудшие родичи твои толкуют в храме Кааба!" - вскричал Джебраил. Мухаммед в тревоге проснулся. Тут же при свете солнца успокоился, пожалев, однако, что слишком коротка была встреча. Не успел спросить о пророках! - Это твои сны, - успокаивает Хадиджа, - сказочные. Зыбка грань между сном и явью, видения продолжают беспокоить его своей реальностью. Абу-Бакр тоже не может предложить в разгадку снов что-либо, хоть славится в Мекке как искусный их толкователь. - А то сны, - сказала Хадиджа, противореча только что сказанному и видя, что не успокоить Мухаммеда, - вещие, скоро сбываются. - Сон или другая явь? - спросил Абу-Бакр. - Может, Аллах, отвергнув Хубала, дабы верховодить единолично, - высказала Хадиджа догадку, - испытывает нашу готовность поверить в Него единого? - Несговорчивость богов как козни курайшей? - Как видно, - заметил Абу-Бакр, - земные распри перекинулись и на небо. Или наоборот. - Не поймешь, шутит или говорит всерьёз.

- Нет, - упорствовал Мухаммед, не соглашаясь, - в меня вселился Джинн, сын Аллаха, дабы... Но тут Хадиджа внезапно прервала его: - Молчи! - вскричала. - Накличешь гнев

Аллаха, он Един! Чтобы Хадиджа вспылила?! Это так неожиданно! И впервые! Но вскричала, чтобы спасти! Пробудился Мухаммед - опять был сон!

Сон во сне?! И с новой силой ощутил зов, настоящий, нетерпеливый: - Уйди в пещеру!

34. НОЧЬ МОГУЩЕСТВА

Изначально ли было так задумано, переписчик ли упустил по забывчивости, но рукопись, начинающаяся словами: Скрылось, уйдя за море, солнце, не имела названия. Но по мере того как раскрывались листы, сшитые шёлковыми нитями, на полях, украшенных множеством орнаментов, возникали фразы, написанные разными почерками куфи, и порой буквы были настолько мелкими, что ими можно было уместить весь Коран в тоненькой книжечке, как это проделал в давние времена некий каллиграф Мостасеми: он переписал для великого Теймурланга, Хромого Тимура, он же Тамерлан, да будет доволен им Аллах, полный текст Священной Книги, поместив книжечку под перстень *.

* Добавить, если вспомнано предание, что Тамерлан, приняв Книгу, рассвирепел: Переписать Коран большими буквами! Каллиграф в исполнение повеления владыки, дабы избежать казни, днём и ночью трудился и переписал Коран так, что длина каждой строки составила один локоть.

Далее следовало: ...Тьма покрыла твердь земли и неба. Мухаммед, да благословит его Бог и приветствует, отпив глоток воды из кувшина, укутался в плащ, прилёг и тотчас уснул. Вдруг в полночь... В ту или в эту? И в ту, и в эту! И даже во все последующие - какие были и какие будут. Ибо явлено отныне могущество каждой ночи! На полях последняя строка с переставленными словами: Ночь могущества повторена, но без восклицания, ибо предпослано ей восклицательное: Воистину!

Сквозь грохот отчётливо услышалось - кто-то позвал его: - Мухаммед! Пещера вдруг нестерпимо ярко озарилась. Вскочил. Но тут же, будто кто ударил его, упал навзничь и лишился чувств. Снова раздался властный окрик:

- Встань, о завернувшийся! И не прячься в пещере! Открыл глаза и в темноте... - темнее тёмной ночи стало вокруг, но явственно различил очертания человека... - нет, то был великан! И не успел разглядеть, что за существо перед ним! Лишь поразился его огромным крыльям, что за плечами у того росли!

И этот Некто вдруг заговорил, и голос был его спокоен:

- На сей раз это не сон, который тебе снится, Мухаммед!

- Но кто ты?

- Спроси, не кто я, ибо ты узнал меня!

- Ты ангел Джебраил!

- Спроси, кто ты!

- Я... Но мне ведомо, кто я: Мухаммед ибн Абдулла! - Отныне ты не тот, кто прежде был. Ты - посланец Бога! Аллаха! - Я, - изумился, - пророк?! - Сразу и пророк! - Но ты сказал! - Лишь первый день в обилии тобою уже прожитых годов!

- Обилие годов, которые я прожил?!

- А разве нет?

- Вчера как будто в мир явился! - Но сорок лет немалый в жизни срок! - Да, мне исполнилось недавно. Но я, тебе признаюсь, так и не уразумел, зачем на свет родился.

- Не для того сюда я прибыл, чтобы наивные твои суждения выслушивать!

Молчи и запоминай!

Бог ждал, когда годов достигнешь этих! - Пророческие то лета?

- И не жить тебе более жизнью затворника! Через испытания пройдёшь, познаешь козны недругов, предательство родных, потери близких! Увещателем - запомни! - благовестником

ты послан в месяц рамазан! И послан, чтобы повеления объявлял Его! - Джебраил развернул перед ним шёлковый свиток, он светился, точно полная луна, был исписан видимыми, но непонятными буквами: - Читай! - повелел. - Умми, умми...аа! - воскликнул Мухаммед. Умма или умми? Звук искривился! Затемняя смысл? Так растерялся, что и не вспомнить. Как будто бы из уст сорвалось умма. Услышали иные уши умми. - Умми, умми...аа! - Я жду! - прогремел над ухом Мухаммеда прежде спокойный, но отныне властный голос Джебраила. - Я не могу прочесть! - Нет, можешь!

И, думая снова признаться, что такое ему неведомо, Мухаммед вдруг ясно увидел на гладком свитке знакомые буквы! Они складывались в необычные, но - о чудо! - понятные слова!

35. Белизна листа слепящая

Высветилось с той же отчётливостью, что и первая открывающая Книгу строка: Нет иного Божества, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его! - Обо мне?! - Читай! Узнай, чего не знал, о чём не ведал! - И чертит каламом. Перевести дух. Слепящий свет! - Читай запечатлённое! Повторяй: Веди нас по дороге прямой - тех, кого облагодетельствовал, а не заблудших! Джебраил вдруг - так же неожиданно, как появился, - в мгновение ока исчез. Пещера снова погрузилась во тьму. Мухаммед впал в полузабытьё. Всю ночь его трясло, как в лихорадке. Увиденные накануне буквы то оживали пред ним, ширясь и увеличиваясь в объёме, а то делались невидимыми, и Мухаммед силился их удержать в памяти.

А утром чуть свет... Хадиджа забеспокоилась: Мухаммеда нет который день. Спешно послала к пещере Али с рабом Мейсаром - увидели Мухаммеда лежащим на склоне горы, щеки его пылали. - Мне холодно - укройте меня! ...Они уже дома. Мухаммед еле стоял на ногах.

- Хадиджа, - сказал, - мне холодно!..

Внесли сухой верблюжий помёт, который быстро схватывает огонь и хорошо горит, затопили печь. Мухаммед лёг и неслышно прошептал:

- Хадиджа, ко мне на сей раз вправду являлся Джебраил.

- Потом расскажешь, поспи, ты устал!

- Как потом?! - Тотчас стало жарко, скинул с себя одеяло: - Явился и развернул предо мной свиток! - Но тут же, обессиленный, лёг. Вскоре позвал жену: - Шёлковый был свиток. А шёлк озарённый... Как блеск вечерней звезды. Или предрассветной! А с букв священных свет небес струился! Когда это начнётся... - Что это? - переспросила Хадиджа. - Ты приглядишься ко мне, - попросил, - когда это начнётся, может, тебе удастся увидеть в моих глазах отражение свитка, его ни с чем не сравнимый свет. Вдруг побледнел. Крупные, точно жемчуг, капли пота выступили на лбу. Затряслись руки. Вскочил и, словно в бреду, стал изрекать, глядя перед собой и будто с кем-то споря. А глаза расширились, будто пытаясь охватить увиденный мир, - теперь Хадиджа часто будет видеть этот его взгляд, прикованный к некоему чуду. Не узнаёт Хадиджу. И снова: О ты, в себя ушедший, сбрось дрему! И возглашатайствуй, Создателя восславив! - Но как? О чём сказать, с чего начать? - спросил в отчаянии у кого-то, кто был как будто с ним рядом, но Хадиджа никого, кроме Мухаммеда, не видела, но зато слышала отчётливо, как он произносил какие-то странные повеления и сам же кому-то отвечал - не своими, чужими словами: Вглядишься, что пред тобой, и повторяй: О том ли мне сказать, кто восстал и возгордился, тобой пренебрегая? И раба, что чуб лелеял, получив свободу, когда, Его благодаря, молился, убил? Что радость видел он? Хадиджа слышит. Запомнить, но как? И в гневе ты затрясся, поднял, устрашая, голову за чуб, и выскользнула, пав на тело, и чудо их соединило, как возвращение к Нему. Видал ли ты тот правый путь, или тебе приказывала богобоязненность? Не знал ли, что Он видит? Чубастые другие, но рабы, что, окружив стеной твою гордыню, и алчность, и бесчестие твои, и спесь! Так нет! Умолк и, еле дотаскившись до постели, упал навзничь. Лихорадка не отпускала. Лежал всю

ночь. И утро, следующее за нею. Слова какие-то - в бреду ли, наяву? Разговоры: то про себя, а то и вслух, будто кому отвечает. И то же знакомое Хадидже отчаяние в его голосе. Запомнить! Умми! Умма!

(20) Существует, - приписано Ибн Гасаном*, - различение конечной буквы, точнее, разнослышимость её: то ли умми, к чему склоняются многие, и тогда можно перевести: Не могу прочесть; то ли умма, и тогда смысл уже иной: Как же все? или Что же скажут все? Оба этих смысла так или иначе раскрываются в свитке**.

* Однако, судя по яркости записи, вставка поздняя. ** И ни слова о том, почему эти аяты существенно расходятся с текстом Корана.

Читай же! Не понимаю!

Но разве грамоте ты не научен?!

Лишь буквы разумею! Так читай же!

Такое прочитать не в силах. Прочесть ты можешь, должен и обязан! Я не готов! Ты несмышлён? Не знаю. Объясни! Наивен, может? Как будто тебя только что родили? Да, наг я и беспомощен!

Но ты ведь видишь знаки! Тебе ясны они! Умми! Умма! Он выше, свиток откровений, моего разума! О чём ты?! Умма - все мы, ни о чём не ведающие? Не знают они! А может, умма - невежды-идолопоклонники? Толпа и чернь? Скажи им! Но о чём? Что ангелы нисходят! Огромная фигура вдруг закрыла собой видимый впереди холм, на склонах которого росла ююба - терновый куст. Так повторяй же! И не расспрашивай ни о чём: Его Мы ниспослали в ночь могущества! Что даст мне знать, что эта ночь - могущества? Могущества ночь - мир откровений. Вижу: вот Он воздвигся на самом краю неба - горизонте вышем, потом приблизился, спустился, был на расстоянии двух луков или ближе! Узреть Его ещё раз довелось! Кому узреть?! Не обо мне ли речь? Да, о тебе - взглядишь, и ты узришь! ...Хадиджа слушала внимательно. Прервать Мухаммеда - как вскрыть ножом аорту: вот она, вздулась, наполнилась кровью. Скажи, что ты - посланник, и сердце твоё не солгало: Неужто спорить станете о том, что видел я?

Но площадь на куски расколется!

Хадиджа тихо спросила: - Ты меня слышишь? Глаза его смотрели изумлённо, будто видели нечто. Дух? О духе рассказать вам?! - Заговорил, и странные слова - его и не его, неземные. ...И видел он Его при нисхождении другом, у самой крайней ююбы (лотуса-акации?), около которой тенистый сад прибежища, и открыл тебе Он то, что открыл!

Но какое знамение?

Знамение - твоя речь: И разве сравниваются те, которые знают, с теми, кто не ведаёт? Какое-то время Мухаммед стоял, не шелохнувшись, а потом, усталый, опустился на ковёр. И тут Хадиджа под села к мужу: - Прежде, когда ты... - Не знает, как спросить. - То, что изрекал ты, были тоже откровения? - Мухаммед молчал. - И ты, - продолжала Хадиджа, - вернулся к ним?

- О чём ты?! Ночь, озарённая светом! Хадиджа не поняла, что значат слова мужа, и смутилась от своей непонятливости. Мухаммед тут же спросил:

- А послания ты запомнила?

- Строки? - Не говори так!

- Но... - Мухаммед не дал ей договорить: - Не смей впредь называть услышанное строками!

- Не хотела тебя сердить, если позволишь... - Заметила, что муж успокоился. Осмелев, достала из шкатулки листок, запись недельной давности, ещё до откровений. Тогда и записала услышанное. А записывая, с благодарностью вспоминала учителя-старца, который научил её грамоте. "Только ли чтению или и писанию тоже?" - спросил у неё старец, когда

они остались наедине. Помнит, возмутилась, мол, не пристало госпоже учиться писать, есть для этого тяжкого труда рабы, которых этому научили, а ей, госпоже, определено судьбой лишь чтение!

"О да, вы правы, - сказал учитель и усмехнулся. - Есть чудо чтения! Но и в писании есть чудо, когда выводешь буквы своей рукой! - Тут же с нескрываемым удовольствием, даже восторгом, лицо у старца помолодело, вывел... это был, как потом она узнает, Каф, и приписал к нему Лям. - И вот составилось, - воскликнул, - слово калям!" - И о почерках, особенно таком, как ныне модное курсивное письмо сасанидов, и что создано зороастрийскими жрецами: "Кто знает, а не понадобится ли вам, о юная красавица Хадиджа, записывать услышанное?" Чуть вслух не произнесла: Спасибо, понадобилось! Стало стыдно, как вспомнила про возмущение своё: мол, учиться письму то же, что и признаться, что ты - рабыня! Мухаммед изумлённо слушал, как Хадиджа читает про... Что за чистое горение?! Что это: Маревое танцующих горбов верблюжьих? - Сама сочинила? - Нет, это твоё! - И что-то про ночь, которая черней, чем чёрный уголь.

- Постой! - Мухаммед побледнел: - Прежде, запомни, я ничего не слагал! - Но застряла в голове строка, никак не отвяжется видение верблюжьих горбов, танцующих в мареве миража.

36. На полях рукописи - похожее на заголовок, и подчёркнуто волнистой линией:
Книга ниспослана!

Знак восклицания тут, по всей видимости, означает удовлетворение, что найденное - удачно.

И выйдет Мухаммед к мекканцам... Нет, это ещё не скоро! Соберёт на площадь всех, кто числит себя курайшем. И они, увидев его, вскричат: - Наконец-то видим тебя среди нас! - Снизолет к нам с горы Харра! - Покинул пещеру! - Говори же, мы внимаем тебе! И он произнесёт - прокричит в толпу: - Оставьте раздоры! - Ах как ты удивил нас! - услышит. - Да будет союз курайшей! Снова чей-то крик прервёт его: - Много раз о том говорено! Но Мухаммед как будто не слышит: - Мне явлено: Возвышены курайши за семь достоинств! - Кем возвышены?

- Да поклонимся Ему в Каабе! - Но кто он и что за семь достоинств, замеченных Им?
И Мухаммед, умолкнув на миг, назовет Его:

- Он тот, Который Един! Поклоняйтесь, явлено мне, Владыке дома сего, Каабы, - Единому Богу!

Но очевидцы его пещерных бдений уже успели разнести молву по Мекке: влюбился-де Мухаммед в некоего своего Бога Единого. - Да кто он, твой Создатель? - Аллах Единый! - Аллах?! - Не тот ли он, - слышит Мухаммед, - единственный тоскующий в одиночестве Бог, чьему изваянию мы поклоняемся в Каабе?! - Разлученный с родным братом, который - главный бог в храме, и он томился прежде, откуда ты не явился? Посыпались имена мекканских божков и богинь: - А Хубал? - кто-то ему из толпы. - А Лат? А Узза? А Манату? - Ещё и ещё, не остановить, не перекричать. Чем угомонить толпу? Придет ли на помощь Он, пославший к нему Джеббраила? Какие речи вложит в уста, чтобы убедил сородичей? А может... - от возможности, которая показалась вдруг реальной, забило сердце: просить, чтобы Джеббраил сам или... через кого же? Ису! - Его назвать! - встречу ему устроил.

"С Богом?!" - глянул Джеббраил строго на Мухаммеда, мол, как смеет? Впервые, когда раздался его властный окрик, Мухаммеда обуял страх, но уже привычный к явлениям Джеббраила, на сей раз не растерялся: "Да! Хочу без посредников удостовериться у Него!" Ещё в детстве, услышав о справедливости богов, вздумал Мухаммед вопрошать: почему так рано забрали отца на небо, не позволили узреть черты? Отчего так рано мать покинула его? Но снова Джеббраил - он читает мои мысли! - опередил: "Куда попали после смерти? Не пора ли посланнику Бога, - о нём со стороны, - забыть про своё земное, про сиротство?!"

И про мекканцев узнать! Глумятся! Не верят в ниспосылаемое! Чудо им какое явить, чтобы уверовали в избранничество?

"Но разве не явил чудо?! - И, не дав Мухаммеду опомниться: - Ты произнёс такое!" Прозвучала лишь строка: - Когда солнце будет скручено!

Сколько раз на дню молиться, вот о чём узнать! Чуть что - молились. Мухаммед убеждён: чем больше, тем лучше. И состязались. Однажды кто-то молвил: - Пятьдесят раз молиться надо! А другой: - Нет, десять по пятьдесят! Тут же третий удивлённо: - Как можно исчислить молитвы?

"Увы, - вздохнул вдруг Джебраил. - Я от себя не властен!"

"Может, через Мусу? - При имени Мусы Джебраил разгневался, жаром обдало Мухаммеда, но он успел: - Через Ису, быть может?"

Джебраил тут же успокоился: "О том, - сказал, - сам у Бога узнаешь". "Когда?" "Слишком много вопросов!" - перебил Джебраил Мухаммеда. Снова призывать восхититься сотворённым Всевеликим Богом? Месяцем да восхитимся! Звездой, когда она закатывается! Ночью, когда она густеет и покрывает! И тут, заслышав привычный поэтический зачин, умолкнут разом: что им ещё скажет Мухаммед? И зарёй, когда она показывается, и днём, когда он засиял, и городом да восхитимся - нашей Меккой! Не сбился с пути ваш товарищ, не заблудился. И говорит он не по пристрастию. Это только откровение, которое ему ниспосылает Бог Единый! Ниспослано в ночь всемогущества, Возвеличивайте Бога этого дома - Каабы, Который накормил вас после голода... Гул неприятия, ибо забыли:

- Неправда! Не ведали голода! Который обезопасил вас после страха. Неумолчные выкрики обуянных гордыней:

- Нам некого бояться! Он бросит им в лицо: - И вы не страшитесь Бога? Того, Кто дал скрижали каменные, закон и заповеди пророку, чье имя Муса? И Он сказал: Да не будет других у вас богов, кроме Меня! Кто в ярости умеет наказывать и карать нещадно? Напоминание мекканцам... Никто им не скажет, что возгордились в презрении друг к другу! Что нечего им будет взвешивать на своих весах, кроме пустых чаш! Что уповают на силу богатства, будто оно - крепость, которая защитит от казней!

37.

В просвете меж строк, образованном идущими с отступом последними строками листка, которые, о чём - ниже, предупреждают, перебрасывая тем самым мост к неведомо какому свитку, дан заголовок: Горсть пепла ...А как же быть с прочтённой тобой - но когда? - главной Записью на Престоле Бога? Вздвогнул: Престол Бога?! Но тут же: Ну да! Ведь был Там! И, явившись оттуда, возвестил!

Воистину милость Моя превыше гнева Моего! * Кто ко Мне на пядь приблизится - приближусь к нему на локоть! Кто приблизится на локоть приближусь на сажень! Кто направится ко Мне шагом, к тому Я побегу! Кто встретит Меня грехами, что покроют собою всю землю или превысят все горы, но при этом с надеждой воззрит на Меня Единого, тому Я прощу грехи его!

* Есть иные версии: Милость Моя опережает гнев Мой!

Но разве милосердие не разделено Им, как доподлинно известно, на сто частей, и всего одна лишь отдана тем, кого Он сотворил?

Но её достаточно, чтоб мать любила дитя, муж любил жену, дети чтоб любили родителей своих, а все - Всевышнего Бога! А девяносто девять частей оставлено Им Себе! Но дабы воздать это всеобъемлющее милосердие людям в Судный день! Ибо оно, Великое и Всеохватное, будет потребно тогда для прощения грехов! И всепрощения?

38.

В заголовок свитка, фрагмент без начала и конца, была вынесена кораническая фраза:

Огонь сводчатый, воспламенённый ...Закрыв глаза, укутавшись в толстое одеяло из верблюжьей шерсти, чтобы было тепло, и в голове роились буквы, принимая странные очертания. Пытался ухватиться за ручку похожего на ковш Нун'а и им зачерпнуть воды из священного источника Замзама, и много вокруг народу столпилось у врат Каабы, - напиться, утолив жажду. А то вдруг и вовсе не ковш этот нун, а огромная рыба, и она уплывает, пропадая в морских безднах. Кто-то позвал, услышал явственно: "Пора!" Дрожь сразу прошла, и наступило просветление. Встал, скинув одеяло. Первая молитва дома после явленного в пещере шёлкового свитка? Но в позе молящегося в Каабе многобожца, который просит богов в своих молитвах: прежде всего, обезопасить верблюжьи караваны на торговых путях, не дать им пасть; и не убиться всаднику во время верховой езды; и уберечь в шторм полные груза корабль или лодку; и чтоб не убывало добро в обоих мирах. Мухаммед стоял прямо, полуприкрыв глаза и обратив лицо к закатному свету, что струился из окна, - взор простирался над Меккой, устремляясь в далекую даль, где Эль-Кудс, Йерушалаим.

Потом встал на колени!.. Это было ново в молитве у мекканцев. Низко поклонился Богу!

Хадиджа потом рассказывала, как молча наблюдала за ним, чтобы не вспугнуть нечаянным словом: Будет говорить - надо запомнить! Речь лилась то быстрая, а то после долгой паузы. ...Неслышно подошел Абу-Талиб. Было неожиданно, когда в земном поклоне Мухаммед простёрся: что за поза? Почему молитва не в Каабе?

"Кому молишься?" - спросил, понимая, что нельзя отвлекать от молитвы. Но то - в Каабе!

Мухаммед молчал. Губы шептали: Чтоб не стали сердца совращёнными! И люди уверуют! Скажи: "Пришла истина, и исчезла ложь!" Воистину ложь исчезающая! Абу-Талиб прислушался: молитва необычная, пусть завершит. ...Огонь сводчатый, воспламенённый, сокрушилище на колоннах вытянутых. И снова раздражающий Абу-Талиба нелепый поклон, да ещё... лбом земли коснулся! Как принято у христиан! И не раз, не два: семь раз припал Мухаммед лбом к земле, - сосчитал Абу-Талиб. И ладони открытыми держит перед глазами - что сие значит?! Только теперь Мухаммед повернулся к Абу-Талибу:

- Я молился, - сказал. Уловил недовольство Абу-Талиба. - Давно не видел тебя в Каабе молящимся (про странные поклоны умолчал, а в пылу спора забыл спросить. И про открытые ладони тоже). - Кому там молиться? Идолам? - Это наши боги!

- Бог един. - И произнёс: Ля-иллях-иль-ляль-лях!

- Что сие значит? - Разве я сказал что-то непонятное на нашем языке?

- Странное сочетание слов!

- Свыше мне ниспослано!

- И что оно означает?

- То и означает, как сказано: нет Бога, кроме единого Аллаха, Того, Кто создал Адама, первого пророка!

- Притча иудеев!

- Да, ты прав: прежде Бог избрал их, направив к ним Мусу, но они забыли дорогу к Нему. - И кто тебе о том поведал? Не сам ли Муса? Вопрос Абу-Талиба Мухаммед оставил без ответа и продолжил: - ...Тогда Он обратил Свой взор на Ису, но те, которые назвались впоследствии христианами, тоже отступили от Его слова! - И тогда Бог... - Мухаммед понял, к чему клонит Абу-Талиб, и тут же заметил, не дав тому договорить: - Не во мне дело! А через меня возжелал Бог приобщить нас к праотцу Ибрагиму. - Глубь веков как глубь пустыни. - И начало начал! - Засыпаны песками! - Но следы на них, будто было вчера! Остановиться? Идти дальше?

- Вглубь пустыни?! - Именно здесь был некогда рай.

- Но ныне, как ты знаешь, пустыня непригодна для жизни.

- Не ты ли говорил мне, что здесь жили наши предки? И не потому ли пустыня превратилась в ад, что мы стали поклоняться идолам? - Идолы ни при чём. То работа времени. - Впрочем, иное у меня суждение про нашу пустыню: Бог удалил отсюда всё лишнее, чтобы человек мог остаться наедине с самим собой! В ниспосланных мне Богом на горе Харра свитках... - Что за свитки? - прервал его Абу-Талиб.

- Из Книги Книг!

- Уж не иудеев ли имеешь в виду?

- Даже не христиан! Впрочем, им тоже книги ниспосланы свыше. Речь я веду о Матери Книг Бога - ниспосланном нам Коране!

- Коране?! Но где она, эта книга?

Мухаммед промолчал.

Но ведь ты слышал о ней!

- Не на твоих ли ладонях, в которые ты гляделся во время молитвы, она запечатлена?

- На ладонях читается судьба, и она благополучна, если молишься Единому Всевышнему.

- И что тебе открылось на ладонях?

- Неуместна твоя ирония, Абу-Талиб! - Мухаммед впервые обратился к дяде по имени.

- Ты мне не ответил, о мой любимый племянник! - Абу-Талиб как бы намекнул на вольность его обращения.

- Легко сказать: покажи, мол, вот она, Книга! То убежденность, а то - Абу-Талиб уловил - сомнение. И как убедить, если... нет, это от прежнего поэтического, когда мучительно ищешь нужное тебе слово, и дразнят буквы, сплетаясь и обретая смысл, а то и рассыпаясь, и не соединить их! - ...В Коране есть и об Ибрагиме истина: предупреждал отца об идолопоклонстве! "Отец мой, - вопрошал он, - почему ты поклоняешься тому, что не слышит, и не видит, и не избавляет тебя ни от чего?" - Но ведомо, как отец сыну пригрозил, что тот отказывается от их собственных богов: "Если не удержишься, - сказал отец сыну, - я непременно побью тебя камнями", а потом, видя упорство сына, прогнал: "Удались от меня и подумай над тем, что я тебе сказал, и не являйся..." - Ты читаешь Коран! - прервал его Мухаммед.

- Но что с того?! Знал и прежде, как получил Ибрагим благие вести о рождении сыновей - Исмаила, Исхака и Йакуба. И про сон о жертвоприношении Исмаила, и что молился он о прощении отца! - И как брошен был в огонь? - Кто о том не ведает? - Но помнишь ли за что? - Что не поклонился огню Авраам, - назвал на манер иудеев. - Ты чуждо произнёс его имя! - Чтобы отвратить тебя от веры иудеев. - Или сомневаешься в прародителе нашем?! Не он ли, Ибрагим, размышлял со своим народом о поклонении звёздам как богам, а не излучающим мудрость? И разрушил идолов, осмеяв их никчемность! - Ты рассказываешь мне притчи иудеев.

- Притча с огнём поведана, чтобы люди не верили в идолов! - Огонь как идол? - "Поклонись огню!" - приказал фираун Ибрагиму, когда тот отказался признать в нём Бога. "Но вода тушит огонь!" - сказал Ибрагим. "Хорошо, поклонись воде!" - "Может, облаку, напоенному водой?" - "Что ж, поклонись облаку!" - "Но разве ветер не разгоняет облако?" - "Ветру поклонись!" - "Но человек преодолевает силу ветра". - "Человеку поклонись!" - "Но я сам человек, как же мне поклоняться самому себе?" И лишь тогда фираун приказал бросить его в огонь, чтобы всепожирающий идол сжёг Ибрагима. Но оказалось Нечто сильнее всего и вся: Создатель! Как надёжный дом Единого Бога строили Ибрагим с Исмаилом Каабу! - Которую ты желаешь разрушить! - Заповедано: Очистите Мой дом для паломников пребывающих, преклоняющихся, падающих ниц! И молился Ибрагим, прося Бога: Сделай страну, - говорил о нашей Аравии! - безопасной, надели плодами её обитателей - тех, кто уверовал в Тебя и в последний день. Сделай нас предавшимися Тебе, а из нашего потомства -

преданную Тебе общину! Воздвигни среди нас, - просил и услышан был! - посланника, он прочтёт им Твои речения, научит Писанию и мудрости и очистит! - Не хочешь ли сказать, что ты... - ухмыльнулся Абу-Талиб, не досказав, и лицо его вдруг стало чужое. Прости ему неведение его! Ханифы! Варга! Мухаммед не устоял перед соблазном! Но с ними заодно и Хадиджа - женщина умная, проникательная... Уберечь Али! Сказал лишь: - Не забудь про Чёрный камень, открывающий в будущее врата! Камень - наша сила, питающая дух, знак, что мы избраны богами, и я, как опекающий храм многобожцев... - Знаю, тебя община избрала стражем идолов! - Богов! И они предостерегают, утешают и дают надежду! - Всё разом? - Мы верим во множество богов, иудеи - в одного, и христиане, но и они допускают многобожие, признавая трех богов!.. И ангелы у них, как у нас, божественного происхождения. Каждому дороги обычаи его племени. - У нас ещё обычай закапывать живьем девочек! - Случалось, у иных племён родителей умерших поедали! Кто в Аравии не слышал притчи о беседе персидского шаха Дария с эллинами и калатиями: эллины ни за что не соглашались следовать обычаю калатиев поедать умерших родителей, а калатии - обычаю эллинов сжигать умерших родителей. - Нет укора тебе, Абу-Талиб, и не по пристрастию я говорю! - Но отчего Богом избран именно ты?

- Спроси, если властен, у Него! - И про семь достоинств курайшей, поведенных тебе? - Кому, как не тебе, стражу Каабы, знать, чем славны курайши! - Ты услышал, тебе и поведать! Мухаммед задумался.

- Что ж ты умолк? Или забыл?

- Такое не забывается.

- Скажи!

- Первое достоинство, что все мы курайши. - Похвально услышать это из уст твоих. - Второе, что именно курайшам велено накрывать покрывалом Каабу и жажду утолять паломников водами священного Замзама! - Мудрость в твоих словах! - Третье, что им была дарована победа над слоном! - Что ж, это ведомо всем. - Но о том явлена Богом сура! И Он особой сурой помянул, выделил нас, курайшей, среди других племён, призвав к миру и согласию, и если будем следовать этому, то не проявится ли четвёртое, наиглавнейшее достоинство курайшей как мирного племени? А пятое... Не одному ли из курайшей дарован сан пророческий? - Но где ты научен тому, о чём изрекаешь, Мухаммед? От кого знаний ненаших набрался? Мы с дедом твоим как будто учили тебя не тому, о чём ты толкуешь. - Не более вашего ведомо мне, и я всё тот же, кем и был. - Но полно учёности и дерзко миг назад тобой сказанное!

- Лишь повторяю Бога, ничего более. - Того, кто являлся, - и снова на манер иудеев, - Аврааму?! - Увы, почестей, коими был наделён Ибрагим, я не удостоен: мне повеления Бога передаются Джебраилом!.. Шестое достоинство - к тебе, увы, это не относится. Ибо нашлись славные курайши, которые сразу, без колебаний и раздумий, поклонились Превеликому и Преславному Богу, когда Ему никто не поклонялся!

- Что ж, пусть так. Но каково достоинство седьмое?

- Седьмое... Не устами ли курайша Мухаммеда ты услышал Богом ниспосланное о курайшах?

- Многие выдавали себя за посланников, не приводя доказательств.

- Они-то приводили, истинные посланники! - Стереть с богов налет древности! - Наш спор - как о тени осла! - От богов переход к осла?! -

- Неожиданности порой помогают остудить пыл. К тому же осёл - дар человеку от богов. Притча, популярная в Мекке: кому первому, когда жжёт солнце, принадлежит право укрыться в тени осла: владельцу или нанимателю? - То сказки! - Но в них поучение! - Придуманно в назидание!

- Как бы то ни было, не стану спорить, но именно мне велено созвать мекканцев на

базарную площадь и поведать о явленном откровении.

И произнести формулу пророчества, переданную Джебраилом: её первую часть ты слышал: "Нет иного Божества, кроме единого Аллаха". А вторую, что "Мухаммед - пророк Его", услышишь на площади! - Тебя спросят о наших богах!

- Отвечу откровением, которое мне ниспослано. ...Уходя от Мухаммеда, взглянул Абу-Талиб на Али - прочёл в глазах сына он отпор. И весь путь сопровождал его холодный взгляд сына. Нет, не убережёт! Не он ли, Мухаммед, и есть тот, - подумал Абу-Талиб, - в ком воплотились достоинства курайшей? Предсказания Бахиры всплыли неожиданно. Тогда изумлённый Абу-Талиб воспринял сказанное как доброе напутствие уходящего старца, который одной ногой здесь, другой - там, и словно исчезла грань, разделяющая мысль и бред, захотелось в многобожце, который приемлет символы его христианской веры, увидеть знак ее обновления.

Мухаммед, я не верю в пророческую миссию твою! - думал Абу-Талиб, направляясь в Каабу. И поза племянника при молитве - мекканцы её никогда не примут: не принято унижаться пред богами! Как отнестись к Мухаммеду новому, незнакомому? Приёмный сын, родной племянник. И сыну его Мухаммед стал как отец. Одна семья, кровью одной объединены, Аднановой! Что б ни случилось впредь - защитит, в обиду не даст! А как переступил ворота храма, несколько паломников, стоявшие тут же, почтительно его приветствовали. Вспомнились слова Бахиры про незамутнённое дарование Мухаммеда... что-то ещё тот говорил про племянника, запомнил Абу-Талиб, сокрушаясь перемене.

39. Высвобожденный из скалы родник

- ...Научи меня своей вере, - попросила Хадиджа. - Хочу быть первой, кто уверует в тебя... Я это знала. - Что? - Что ты не такой, как все. Но думала, сочтёшь признание как назойливость женщины в любви к мужу. - Мужчины остерегаются буквально понимать и потому не верят. Обидно ей за прежние строки, резко отвергнутые Мухаммедом: мол, не его! Но и откровение ни с чем иным не сравнишь. Как и стихи, что слагались недавно. Долго колебалась, как вернуться к сказанному ранее Мухаммедом; и, может, удастся спасти сочиненное им? - Столько поэтического в услышанном, строки как стихи!.. - Не называй откровения стихами, если уверуешь. Но почему? - Молчи, пусть говорит! - Тогда я сочинял, и это во мне говорил... - Но не станет повторять, кто он, этот искушающий, дабы... Умолк.

- Но веришь ли ты сам, признайся (после паузы), в то, что только что сказал?! (и снова пауза) В сей миг?

- Прочь от меня!

- Но я есть ты!

- Обретший облик мой!

- И я тебя принудил, подчинив?!

Тебя, чья прозорливость пламенной природы... - Умолкни! - Чья сила, бьющая чрез край... - Но сила неземная! - Пусть даже сила духа, что с того?!

(Умолкнув ли, исчез - или исчез, умолкнув?) Хадиджа ждала. - ...Несу ниспосылаемое теперь! - сказал Мухаммед. - Но вера в единого Бога не новая! - Да, мы много говорили о ней. - Ты спорил, не соглашался! "Отщепенцы от язычества!" - кричали ханифам. А те дразнили сородичей-язычников, что отступили от веры предка - нашего Ибрагима! Дразнили их и арабы-иудеи: хранят не свои, чужие свитки - Авраамовы. "Покажите! - это им мекканцы отвечали. - То, что у вас, Писание иудеев!" Никто ни с кем не спорил - привиделось! Ханифы верили тайком. Но какая эта вера, если боятся признаться? Даже полны сомнений: Если бы я только мог знать, какой образ угоден Богу, - говорили, - сразу б его принял. Но я этого не знаю! Какой прок в вере, если скрываешь её? Боишься? Живешь в ней как в тайне? Стыдливо созерцаешь? Почему же назвал новую веру, как ханифы, исламом, а уверовавших - преданными?

Предавшимися! Вере Ибрагима? Единому Богу! Разве Бог не один для всех живущих на земле? Много слов - нужны действия! Но были Писания. Их не читали. А если и прочли - не так поняли! И снова - Чтение? Мы уверовали в то, что ниспослано нам, - Коран! Но и в то, что ниспослано было прежде?

Таврат, или Пятикнижие Мусы, - Божественное Писание, ниспосланное иудеям. Но и христианам ниспослан Богом Инджиль, или Евангелие.

Так что же? Разделить эти Книги?

Не разделить, а соединить, ибо все эти Книги - Божественные послания!

Разве не соединили их?

Да, но лишь христиане соединили Таврат и Инджиль как единую Книгу Бога: мол, вторая сокрыта в первой, а первая раскрывается во второй.

Но с этим не согласились люди Пятикнижия, не приняли Инджиль!

И взяли грех на душу перед Богом!

А что Коран?!

А Коран явлен Богом, чтобы подтвердить истинность прежде явленных обеих Книг!

И стать третьей?

Я о другом: мне надобно нести людям явленную мне Богом истину. Спасти от греха! Всех людей?

Мы некогда были частью единого племени, дети Адама и Хаввы! Я высчитал недавно. Пра-пра-прадед Ибрагима был пра-пра-пра-правнуком Нуха, а его пра-пра-прадед был пра-пра-пра-правнуком Адама! Но как можно докричаться до всех? Начать с наших племён, объединив их. Покончить с кознями и кровью. Хватит ли жизни? Я вспашу поле, а вы засеете его. - Но что станет с божками? - спросила Хадиджа. - У каждого племени свой бог! И не один! - Ты пришла к тому, о чём я говорю: распри племён - как распри богов! Явиться, и чтоб ударом жезла - пастушьей палки, которую хранил как память одиночества, - забил высвобожденный из скалы родник, как некогда из-под ноги младенца Исмаила забил источник. Новый Замзам? - ... Дыхание Всемогущего Аллаха разумение даёт. О пророчестве ушедших рассказывали очевидцы: вдохновляемые Духом Божиим, пророки имели власть творить чудеса. ...В Мухаммеда сначала уверовала Хадиджа. Потому что жена? Мол, как убедишь других, если не убедишь жену? Но кто потом? С кого начать? Имена отовсюду раздаются - каждый спешит, чтобы именно он услышан был. Абу-Бакр? "Нет, не он, а я!" Возражает... но кто? Чей-то ещё голос: "Я раньше, чем Абу-Бакр, поверил, что Мухаммед явлен в мир пророком!" Разделяются принявшие ислам: До прихода в дом Аркама. В доме Аркама (где стали собираться сторонники Мухаммеда, чтобы его послушать, но об этом - впереди). После дома Аркама. Али? Да, у шиитов сразу после Хадиджи следует он. Приобщение малолетнего племянника к пророческой миссии Мухаммеда у суннитов в расчёт - популярное слово в купеческой Мекке - не принимается. И на первое место после Хадиджи ставится рассудительный Абу-Бакр, с чем шииты не соглашались, и нескончаем спор. Что в нём, Коране? То, что вы себе выберете! Слово решающее? Свитки почтенные, очищенные руками писцов.

Ещё скажи! Ум-ил Китаб, или Мать Книг, в скрижали хранимая! Возвышенная Книга, и она полна мудрости, благовест дающая. И для богобоязненных руководство, увещание для них! Но отчего умолк?! Откровение от Создателя небес и земли! Даёт различие между истиной и ложью, правдой и неправдой! Упомянуто в Писаниях первых!

Ведали о нём сыны ученые Израиля? Ведали - но исказили! И они, а следом другие и третьи! Другие - это кто? Тоже люди Писания! Варге будто кто приказал: Молчи и слушай!

В голосе Мухаммеда чувствовалась дрожь:

- Скажи, да не устанешь говорить: Господь - Единый Бог, нет, помимо Него, божества иного! Сотворённые небо и земля, сменяющиеся ночи и дни, корабль, который плывёт по

морю с пользой для людей, вода, что низведена Богом с неба, и оживлено ею семя после смерти его, и рассеянная на земле всякая живность, и переменчивость движения ветров, и облако, меж небом и землёй Им ведомое, - но только ль это людям, разумеющим знамения?

Скажи, да не устанешь говорить: О Боже, Ты - Владыка всех владычеств! Ты даруешь власть кому пожелаешь, и отнимаешь власть от кого пожелаешь, и возвеличиваешь кого желаешь, и унижаешь кого желаешь. Ты вводишь ночь в день, и вводишь день в ночь, и выводишь живое из мёртвого, и выводишь мёртвое из живого!

Неужто ждут, чтоб к ним явился Бог в сени облаков и ангелы чтоб с Ним явились? И тогда поверят?

И Варгу вдруг осенило: Мухаммед, возможно, и есть тот пророк, о котором говорит Библия: явится, восстав против мерзостей, какие творят народы сии, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, духов вызывающий, волшебник, вопрошающий мёртвых.

И Я воздвигну Пророка из среды братьев их, - говорил Бог Мусе, - вложу слова Мои в уста Его, Он будет говорить им всё, что Я повелю Ему. Не осуществлены ли эти Божьи слова?

"А Иса?" - спросил себя Варга. Иса знал эти библейские слова, но не претендовал на то, что он и есть тот пророк, а иудеи, отвратившиеся от Исы, пренебрегли заветом Мусы, когда он говорил, скорее всего имея в виду Ису: Слушайте его во всём, что он ни будет говорить вам.

И слова Исы, сказанные ученикам своим: Я умолю Отца, и Он пошлёт вам Предводителя [Утешителя?], который принесёт вам напоминание обо всём, что Я вам сказал, будет свидетельствовать обо Мне. И если Я не уйду, он не придёт к вам. И когда он придёт, он будет говорить вам о добре и зле, и о дне Суда. И говорить он будет не от себя, а передаст, что слышит. Он будет славить меня!

Варга, отчего-то растерянный и взволнованный, промолчал о том, что подумалось. Появилось чувство досады, будто обнажили его тайну. Но выдавать себя за посланника Единого Бога! Сестра ждёт, что скажет Варга, а Варга - недоумение вскоре сменится растерянностью - и сам не знает, что ему показалось, а что случилось на самом деле; и хотел принять за веру убеждённость Мухаммеда, что тот - Пророк, ибо услышанное полно тайн, но как и Абу-Талиб... И он, не закончив мысль, поспешил с сестрой проститься, велел лишь беречь мужа. А у самой двери: Мы ещё поговорим! - скороговоркой сказал (так и не поговорили: утром покинул Мекку). Уверовала пятилетняя дочь Мухаммеда Фатима, в будущем жена Али, - она недавно защитила отца от нападков мекканцев. - У тебя, - сказал Мухаммед жене, - святая дочь. - У нас с тобой, - поправила Хадиджа. - Три святые женщины. - Три? Кто ж они? - Ты - вторая. - А первая - это родившая тебя Амина? - Нет, Дева Марьям.

- А третья? - Тут уж точно он назовёт мать. Нет, назвал сначала не её: - Наша бесстрашная дочь Фатима, - сказал Мухаммед, - ибо встала на путь Бога. Но будь жива моя мать, она б непременно, - но откуда такая убеждённость? - уверовала!

40. Ибо в тяготе молитвы лёгкость есть

- ... Да, великая у нас армия, - признал Абу-Бакр, когда и он поверил в избранность Мухаммеда Богом.

- Если ещё включить сюда, - сказала Абу-Бакру Хадиджа, - и твоих детей: двух сыновей - спасибо, что сыну второму дал имя Мухаммед - и дочь. Они ведь наверняка будут с нами!

- Уже не трое у меня детей, а четверо: вчера жена родила дочь! - Тем более!.. И как её назвали?

- Я дал ей имя Айша.

- Айша? - переспросила Хадиджа, самой непонятно, отчего весть так её взволновала. Вспомнила! Про Айшу-разлучницу в сказке какой-то в детстве читала!.. - Хорошее имя, не

правда ли? - спросила у Мухаммеда, и он согласился, уловив при этом её волнение. Так всегда, стоит лишь при ней завести речь о чьём-то рождении: никогда уже не сбыться её желанию родить Мухаммеду сына.

...Их уже немало - тех, кто первым принял ислам.

Но пришёл-таки однажды Мухаммед в Каабу, чтобы именно там помолиться! Но встал перед храмом, не зайдя внутрь, чтобы не видеть противных Богу идолов, и поначалу никто не обратил на него внимания, может, даже не узнали его - такой, как все, в простом плаще.

Не успел, воздев руки кверху, произнести: "Во имя Аллаха!", как трое, стоявшие поодаль, узнали в нём Мухаммеда. И, решив помешать ему молиться, стали издавать непотребные звуки, кружить вокруг Каабы, затем ещё люди к ним присоединились, они были, как впоследствии скажет Зейд, голые, свистели через сложенные пальцы рук, хлопали в ладоши - и это продолжалось до тех пор, пока не вышел Абу-Талиб; тогда шуметь перестали, но кружиться - нет.

- Ты? Мухаммед?! - Но лишь на миг отразилось на его лице удивление, тут же приветствовал его: - Я рад, что ты среди молящихся!

Однако Мухаммед, показав на глумящихся - он так и назвал их, заметил: - Разве они молятся? Так ли надо молиться?!

- Но каждый молится - сам знаешь, таков наш обычай - как может, заметил Абу-Талиб, дабы успокоить племянника.

- Свистеть, будто скот созывают? Хлопать в ладоши, будто стадо баранов от посевов отгоняют? Изображать из себя петухов, вокруг кур бегающих? И это ты называешь молитвой? Ярмарочное фокусничанье это!

И больше дал слово к храму не подходить. Впрочем, доведётся Мухаммеду ещё дважды приходить сюда: сначала - это обрадовало многобожников! - явился молиться, потом пришёл прилюдно проклясть себя за то, что поддался искушению сатаны, - это вызвало новый всплеск негодования многобожников, даже их ярость! Всех, кто тайно приходил к Мухаммеду молиться, уже трудно вмещал их дом надо было искать другое место. И тут помог случай: Аркам, любимый сын сестры Абдуррахана бин Ауф, племянник его, предложил собираться в его просторном доме, что на склоне холма Сафа. ...Хадиджа записывала на листках услышанное от Мухаммеда - свод правил и, прибавив к тем, которые были прежде, складывала их, как о том рассказывают очевидцы, в блестящем ларце из чёрного дерева, подаренном ей, сказывали, купцом из далёкого Индостана (или персом, забредшем сюда из Персии?), кого, в первом ещё замужестве Хадиджи, они с мужем в доме своём приютили. Это был небольшой ящичек, крышка которого, закрывавшаяся на ключик, была украшена, точнее, инкрустирована перламутровыми девичьими фигурками, шествующими по рисованным живописным лугам, и белые-белые облака над ними тоже из перламутра. Ларец был двух уровней, в нижнем Хадиджа с давних пор хранила свои драгоценности, а в верхний стала складывать записанные откровения, называя листки лепестками.

Открыла крышку ларца, выпустив сокрытую в нём тьму, и тут же осветился лежащий сверху листок: Поклоняйся и помолись единому Богу этого дома - Каабы, когда Он в ней воцарится! И далее (листочков было много): Заповедуйте терпение и милосердие! Уверуйте в Мои знамения! Не будьте в сомнении, что именно Мы ниспослали Нашему рабу Мухаммеду: отпустить раба, помня при этом: лишь раб, им ставший против воли, сможет быть свободным! накормить в день голода сироту! бездомному - кров, а бедняку оскудевшему - пища! И одежды свои очисти! И скверны беги! Терпеливо сноси удары судьбы (ради Бога?!). Ещё: Не обогащайся! И да обратится долг должнику в милостыню!

Не придавай Богу равных, но и не произноси Его имя везде!

Не сотвори себе, помимо Бога, кумира! Не увлекайся страстью к умножению, ибо

столько выросло могил - потом вы будете навещать их, ваши могилы, - одну, и ещё, и третью, и те, под которыми тот, кто зачал, и та, что выносила и родила, и детей твоих могилы. И непременно будете спрошены в тот день, когда отойдёте, о наслаждении страстью. Просящего не отгоняй! И не оказывай милость, стремясь к большему и в ожидании вознаграждения! И с грешниками долгий разговор, из уст Мухаммеда услышанный, запечатлела: - Что завело вас в сакар - пламенем объятый ад? И грешники сокрушались:

- Не были среди молящихся! И не кормили бедняка! Ложью день Страшного суда объявляли, пока не пришла к нам достоверность! Горе же молящимся, которые о молитве своей небрегут, ибо молитва - основа веры, и лицемерят! Тут, помнит Хадиджа, спросила Мухаммеда: как же надо молиться? - Нет, не как в Каабе, - ответил Мухаммед. Но как, а главное, сколько раз на дню? - замолчал. Пока не знает, - подумала Хадиджа и больше не переспрашивала, набралась терпения.

Однажды Мухаммеду приснилось: старец показывал ему (Джебраил, представший в облике старца?), какие во время молитвы следует принимать позы и смысл, в них заключённый. Впрочем, тот лишь повторял вслед за Мухаммедом, но казалось, что за старцем повторяет он, и было неловко, что избранному пророком неведомо, как молиться. Чувство неловкости запомнилось, но оно понял, пробудившись, испытывалось не потому, что чего-то не знает и принуждён узнавать от другого, а потому, что учит старца условиям веры.

"Разве, - будто испытывая Мухаммеда, спросил старец, - есть какие условия, кроме того, что верую в Единого Аллаха?"

Мухаммед перечислил: "Верить и в ниспосланные Книги Его! В Его пророков! В Судный день!" ...Хадиджа прикрыла крышку ларца. Ей показалось, что вовсе не темно внутри ларца - тьма в нём как свет?

41. Награда неистощимая

Слова эти были аккуратно обведены, точно с помощью циркуля, кругом и тем самым могли выступить заглавием к свитку, тем более что последующая фраза это подтверждала. И перед глазами свитки - почтенные, возвышенные, очищенные руками писцов. И письменная трость, или калам, коим пишут. Но что? Откровения, коим научен Им, Богом? И - владению этим каламом?

Но если все деревья земли сделаются каламами, а моря, умноженные ещё семью морями, превратятся в чернила... - о том уже столько сказано! - то и тогда не переписать всех слов Бога! Поистине Он Всемогущ, Премудр, Всеобъемлющ! Мухаммед - пророк?! Кто-то, говорят, слышал, что осёл, на котором Мухаммед ехал, заговорил голосом человеческим: "Эй, мекканцы, я везу на себе величайшего человека!.." Абу-Лахаб, рассказав об этом в кругу семьи, высмеял племянника: не пристало-де вводить в заблуждение наших простачков, пересказывая на свой лад небылицы, слышанные от иудеев и христиан. - Но там, у иудеев, - добавил Абу-Лахаб, - это притча, а у тебя что? Обычное изложение! - Не моя та речь! - Но слышу в твоих устах! С чего бы ослу, если никто его не понуждает, вдруг обретаешь дар человеческой речи и кричать на всю Аравию, пусть он на себе тащит самого что ни на есть из величайших, и пусть им будет, если таково разумение ослиное, наш племянник, но зачем о том вопить? Если каждый осёл... - И так далее, со всякого рода колкостями и намёками, вернув ему брошенное им же, мол, "не возвышай голоса, потому что самый неблагодарный из всех голосов есть голос осла".

Абу-Галиб тотчас заступился за Мухаммеда:

- Как страж Каабы, я не позволю...

- Не прерывай - да не прерываем будешь! Ты б за меня заступился, когда именем своего Бога страшал, будто я проклят. Надо же: Единый Бог о моём существовании знает! А что до тебя, страж Каабы, то знай, что мы, хашимиты, готовы выделить в Каабе рядом с нашим Хубалом, если иудеи того пожелают, достойное место многоимённому их богу! Дать ему в

руки сочинённый им Таврат, и пусть читает, если он и вправду Создатель, а мы будем внимать его заветам!

И тут все явственно услышали доносящийся с улицы голос: то был Мухаммед, он стоял у порога дома и, глядя на небо, не замечал вышедших к нему Абу-Талиба и Абу-Лахаба.

Бледный, с горящими глазами, он изрекал непонятное им, и они лишь расслышали: Неси мекканцам слово Моё, пока не уверуют!

А потом, обессиленный, еле добрался до дерева, растущего поодаль, и прислонился к нему, будто ища защиты и чтобы не упасть. Абу-Талиб - надо же, чтобы человек, отличающийся крепким здоровьем, выглядел так, словно масло сторело у лучины! - обнял Мухаммеда и, оставив Абу-Лахаба у калитки, помог дойти до дому. А пока шли, Мухаммед очнулся, будто не понимая, что с ним произошло и почему дядя его провожает.

И, словно оправдываясь за слабость, что-то пытался сказать, чувствуя, что тот не поймёт:

Выше человеческих сил повторять ниспосылаемое!

- А ты, - дядя ему, - сбрось с себя эту ношу.

О чём ты? И не в моей это власти, пойми!

И тут им навстречу Валид, сын Мугиры, одного из курайшских старейшин. Некогда был дружен с ним: именно Валид, помнится, уговорил византийских моряков, чей корабль, как о том было, потерпел крушение у берегов Аравии, разобрать его на строительные балки, не спешить покинуть Мекку, принять участие в восстановлении Каабы, которую столетия превратили в развалины. Мухаммед поймал взгляд Валида, полный не то недоумения, не то жалости: вот, мол, до чего довёл себя!

Чтоб Мухаммед, кого Валид знает чуть ли не с детства, к тому же дальние родственники (впрочем, родственники все мекканцы), - и пророк? Дар откровений в умирающем теле? Поэтические строки - да, ибо Мухаммед вдохновлённый богами человек. ...Оказался однажды Валид у холма Сафа. Здесь, неподалёку от горы Арафат, по преданию, Адам и Хавва встретились после изгнания из рая, долгого, в двести лет, одиночного и горестного блуждания по земле: Адам оказался на островных землях Большого моря, где Индостан, - трудно вообразить эту даль, но Бог укоротил долгий путь, сделав его коротким: свернул, как кожу, земную твердь под ногами первочеловека! А Хавва очутилась в Аравии, в Дихне - меж Меккой и Таифом... С чего это вдруг о том вспомнил, и сам не поймёт. И Валид, проходя мимо дома Аркама, молодого мекканца из рода, как и Валид, максумов, увидел у дверей двух своих знакомых - Аммара и Сухайля, к их разговору прислушался: узнать, о чём они толкуют? Спросил один у другого: "Что ты здесь делаешь?" Тот ответил вопросом: "А что делаешь ты?" "Священная земля!" "Ну да, место встречи Адама и Хаввы". "Что ещё?" Чувствовалось, что они недоговаривают что-то. Может, подумал Валид, меня увидели? Отвернулся, сделав вид, что ему не до них, и тут вдруг услышал: "Хочу войти к Мухаммеду". К Мухаммеду? А разве не сражён тяжелым недугом? Сам его недавно видел передвигался с помощью своего дяди!

"Силён как никогда! Он слабеет - чтобы Валид слышал? - когда откровения являются".

Валид смекнул, что в доме Аркама скрывается Мухаммед, ведь знает он, что старейшины, если не одумается, намерены изгнать его из Мекки, во что Валиду верилось с трудом: легко сказать - изгнать из Мекки! Прежде требовалось, чтобы род хашимитов лишил его поддержки, и тогда... Но мыслимо ли это, когда в Каабе властвует Абу-Талиб?! И, поняв, что здесь затевается нечто, Валид, подождав чуток, вошёл в дом Аркама и неожиданно для себя стал свидетелем тайной встречи сторонников новой веры.

42. Неслышный зов

Просторный дом Аркама был полон. Ждали Мухаммеда. Валид с изумлением заметил, что пришли не только близкие Мухаммеду из рода абдманаф... О боги!.. даже сын его Халид

здесь!.. Вот он, Мухаммед! Легко вошёл, точно... - напрашивалось сравнение с крепким воином, даже предводителем воинства, и Валид, как все, замер, околдовали будто, и не додумал мысль, опасаясь встревожить ею наступившую тишину. Не успел произнести: О мои братья и сёстры, мусульмане и мусульманки! - как Валид сорвался с места:

- Эй, Мухаммед, умолкни! - И не дав никому опомниться: - Не один год мы знакомы. И да будет всем известно, что я первым признал тебя великим поэтом Хиджаза! Более того: я, Валид бин Мугира, готов с сегодняшнего дня пойти в добровольное услужение к тебе равием, и пусть мой сын, который прячется, чтобы я его не видел, слышит и убеждается, сколь благороден его отец - стать готов равием, носителем твоих стихов! - Чтобы стать равием, надо иметь хорошую память!

- Я помню, от чего отрёкся - от поэтического призвания! Могу, если угодно, прочесть, дабы в крепости памяти моей ты удостоверился. Мухаммед заколебался: согласиться? запретить? К удивлению его, отовсюду раздались выкрики:

- Пусть читает! И Валиду кричат:

- Читай, чего медлишь?! Выпятил грудь, устремил вдаль глаза, полуприкрытые ресницами (они густые, и потому кажется, что глаза закрыты, и полумесяцем четко очерченные брови), и чуть хриловатым голосом, не спеша и с паузами, продекламировал (а пока читал, прерываемый возгласами восторга, Мухаммеду казалось, что это очень знакомое ему, но не его): Ни ветерка, ни дуновенья. И, подождённый, ввергнут в сокрушилище, такое чистое горение. Припав к земле, услышать вулканные воспоминания пустынь обезглавленных, чтоб лавою, её уж нет, избыться. И марево танцующих горбов верблюжьих. И - розовеющая - плавится, курчавясь, шерсть шкур овечьих. И мчатся, выбиваясь, искры, что спешкой воспламенены,

куда?

с какою вестью, чтоб успеть? Вдруг Валид остановился: забыл! Тут же кто-то продолжил за него: Но что, что даст тебе, узнаешь если огонь пылающий? И что... - Стой! - прервал его Валид. - Далее я сам! И что - его гонцы, влекомые неслышным зовом неба? Лишь пепел, чтоб посыпать ранку, и крови нет на ободке кровавом, где капли испеклись золою. И ночь черней, чем чёрный уголь, - сгореть дотла, чтоб возродиться. От волнения Валид вспотел:

- Вот твоё призвание! - сказал. - Если каждый...

Мухаммед не дал договорить: - Огненный образ блещет надо мной! - Может, расскажешь, как тебе кланялись овцы? Камни, когда шёл, приподнимались, приветствуя тебя?! Не довольно ли твоих сказок? Мухаммедианцы возмутились, и Валид гордо покинул дом Аркама. Так нет! Упорен он пред Нашими знаменами!

43. О утро!

Мухаммед вскарабкался на скалу, что напротив Каабы, и, обратясь к мекканцам, что собрались на базарной площади, воскликнул:

- О утро! * - Народ замер. - Если б я вам сказал, что гигантский

* Традиционное оповещение: каждый вправе, если есть что сообщить, обратиться на базарной площади к мекканцам.

огненный шар загорелся за моей спиной в пещере, поверили б вы мне? - Да! - Что большой караван верблюдов, который шёл в Мекку, вдруг исчез, испарился в мареве пустыни, поверили б?

- Да! - И что у подножия горы Харра показались полчища врагов? - Нам не случилось испытать, чтобы ты, Мухаммед, говорил неправду, прибегал ко лжи. - Если это истинно так, то я поведаю вам об угрозе более страшной, нежели набег врага! - Какая опасность грозит нам, Мухаммед?

- Наказание за грехи! Площадь будто подменили. И люди вдруг переродились, став другими, - куда девалась их согласная вера в его правоту? Шум: - Сказки!

- И я, как посланник...

Снова не дали договорить:

- Кого-кого? - Единого нашего Бога, а я - посланник Его! Крики:

- Ложь! - ...О вы, неверные! Вот-вот его сгонят со скалы. Скажи им, Мухаммед! - Вы, обвешивающие и обмеривающие, горе вам! Власть грешников! Но кого клянёт? Не родичей ли своих? Да разве клянёт?! Он лишь весть передающий!

- Но если ты впрямь пророк, яви чудо, чтобы поверили! - Мухаммед замешкался, и Валид, поняв, что тому нечего возразить, усилил свой вопрос: Отчего б, если впрямь посланник, не уговорить Бога единого, чтобы превратил Мекканскую гору, хотя бы холмик какой в золото? Приведи нам ангела, пусть свидетельствует, что ты пророк!

И Мухаммед произнес такое, что толпа замерла: Когда солнце будет свёрнуто, и когда звезды облетят, и когда горы будут сдвинуты с мест, и когда беременные верблюдицы десять месяцев будут без присмотра, и когда животные соберутся, и когда моря перельются, и когда души соединятся,

и когда зарытая живьём будет спрошена,

за какой грех она была убита,

Да, это вы!.. Вы зарыли живьём ваших дочерей! и когда свитки развернутся, и когда небо будет сдёрнуто, и когда ад будет разожжён, и когда рай будет приближен, узнает душа, что она приготовила!.. Ни звука. Все застыли, внимая Мухаммеду. Что он скажет ещё?! Но нет! Да восхитимся движущимися обратно, текущими да восхитимся, и скрывающимися, и ночью восхитимся, когда она темнеет, и зарей, когда дышит: это - слово посланника Божьего! Да, ваш товарищ - не одержимый, он видел Его на ясном горизонте! Бровь у виска Валида изогнулась, разломав полумесяц: - Колдовство волшебника! Люди стали расходиться. Куда ж вы идете? Это - не речь сатаны, побиваемого камнями! Уходят! Разве их удержишь? О! Мы покажем им Наши знамения в них самих, пока не станет ясно, что это истина, и развеем сомнение о встрече с Богом!

...Не ты первый, не ты последний, кто счёл ложью ниспосланный Коран! Многие были погублены вихрем, ветром шумным и буйным. И ты, крови одной со мной, и ты, мой народ, - вы приняли Коран за бред, и сказали те, которые не веруют: "Но где он, твой Коран, покажи нам его! И чтоб разом было прочитано, что в нём!"

Читай, и не прочтёшь, не одолеешь, сил человеческих не хватит постичь до конца! Разделил Он Коран на части, каждую надобно читать с выдержкой. И поклоняются люди, заслышав, и смирение растёт в них. Даже тени повергаются ниц. Но не забудь: для каждого времени - своя Священная Книга, для всякого предела - своё Писание. Бог стирает что желает, и утверждает: у Него - Мать Книги, вознесена и мудра. Алиф, Лям, Ра - знамения ясного Корана. Мим, Джим - все буквы до одной! И я, посланник Бога, читаю очищенные свитки, в них Слово прямое, и не разделились те, которым было явлено Писание, иначе, как пришло к ним ясное знамение. Да прикоснутся к Корану, коль начертано, лишь очищенные, приложив прежде к губам, и убежище тайное пред чтением Корана проси у Бога.

Коран есть лечение и милость для верующих, наблюдением увещевает, размышлением, применением разума, изысканием знаний, есть свет и ведёт по пути мира и покоя, божественно охранён и мудростью неисчерпаем. И в Книге - все заповеди, что были прежде и ниспосланы ныне: свободная от сомнений, бесподобная и не сравнимая ни с какой другой, что сотворено на земле.

И да сумеешь читать Коран, истолковать его, ибо тот, кто бездумно читает Коран и не умеет его истолковать, подобен бедуину, который частит, бормоча стихи! О, искусство толкования Корана - самое достойное из искусств, ибо высокодостойны и материал

толкования - Слово Бога, и цель толкования обрести надёжную опору в мудрости и добродетели!

И хранима Им, как детище Его, ясная и дивная Книга. Раскрылась пред посланником благословенной ночью, когда Слово звучит сильнее и объёмлет Собой звездное небо.

А есть книги - что говорить о них? - сеющие семя зла, и прорастают они побегами гнева и ненависти. Мы послали вам слово тяжёлое, но читайте, что легко вам, из Корана. Да, Мы облегчили Книгу для понимания, но найдется ли хоть один припоминающий?!

...Мухаммед остался почти один. Внемлите увещанию мирам! Рядом - лишь близкие. И та, которая первой уверовала, Хадиджа. Да! Ведь хочет всякий, чтобы дали ему свитки развёрнутые! Жаждет, мечтает быть пророком и чтобы только ему ниспослано было откровение. Знать наперёд перечень своих прегрешений - что будет с ним? Всякая душа - заложница того, что приобрела сама. Но какая душа - сомнение? - стоскуется по разложившемуся телу? Божественный замысел? Но в чём? Забвение, как пыль, начиная с тебя и кончая... Кем же кончая? Достать из бездонных глубин нужное время, подолгу вглядываясь в неохватную тьму, мерцающую вспышками, и боль глазам, съедаемым слезами. - Так ли важно, - голос из чьего-то прошлого? - когда забвение? Забвение и твоего прошлого!

44.

Приписано сбоку на полях рукописи: Дары за откровения, что можно было бы счесть за название свитка, если бы не знак вопроса*,

* Но он отсутствует в рукописи!

придающий фразе оттенок сожаления, вот, дескать, какой награды невежд достоин пророк Мухаммед, да возвысится имя его!

... Сородичи облюбовали окрестности холма Сафа, и летом, когда наступает прохлада, отправляются погулять туда - может, снова Мухаммед, грозился якобы, обратится к мекканцам с проповедью, явится их потешить? Кто-то ночью разбросал у ворот дома Мухаммеда пальмовые волокна, смешанные с колючками - чертополохом, и он, выходя, не заметил их, и больно укололся. Потом узнает, что это проделки жены его родного дяди Абу-Лахаба Умм-Джамиль, сама сгоряча призналась. Мухаммед лишь промолвил, дабы обратить на себя внимание мекканцев: Во имя Бога!.. как Абу-Лахаб оборвал его: - Уймись и покайся! Хвала Владыке миров, Царю в день Суда!.. Кто-то гневно крикнул: - Не разлучай братьев - Хубала и Аллаха! - Да не возвысит несогласный голос свой, полный злобы, - ответил Мухаммед, - ибо самый неблагодарный из голосов - голос дикого осла! Что тут началось!.. - Не награды жду, ибо она у того, кто меня создал, не платы прошу, и не отягчены вы долгами!.. - Здесь не ярмарка! - перебили. И отсрочу Я им! И поистине те, которые не веруют, готовы опрокинуть тебя взорами, когда слышат поминание, и говорят они о тебе: "Он ведь одержимый!" - Но есть ли у вас Книга, которую читаете? Сокровенное, что чтите? - Ни мы, ни ты сам - никто из нас не причислен к людям Писания! Мы не иудеи, и мы не христиане! - И мы причислены отныне, у нас - Коран! - В ряду книг иных?! Где доказательство? - Доказательство - Коран! Попробует пусть кто из вас... - Голос Мухаммеда утонут в гуле голосов, но он пытался перекричать сородичей:

- ... Может, вы сотворены из ничего или сами творцы? Или есть у вас лестница, на которой вы подслушали, о чём говорят там? Пусть же слушавший придет с ясным опровержением! Или вы предпочитаете только жизнь ближайшую? А ведь последняя - лучше и длительнее! Я расскажу вам о человеке! Да, он создан в наилучших формах, и есть над каждым благородные писцы. А ещё я скажу вам про самум и про тень чёрного дыма, вдохнуть и не выдохнуть, и тень ещё с тремя разветвлениями - не тенистая и не спасает от пламени, камни - топливо, разбрасывает искры огонь пылающий, и каждая - точно желтый верблюд. И пробудут века, не вкушая ни прохлады, ни питья, кроме кипятка и гноя, -

воздаяние за сотворённое, и есть плоды с дерева закум. Видели вы его, это дерево? Серовато-коричневое, с небольшими круглыми листьями, без шипов, но запах!.. Учуешь за тысячу локтей острый смрад, от одного лишь запаха во рту разливается горечь, это смертельная пища, потому и проклято дерево в Коране, выходит из корня древа геенны, и плоды - точно головы дьяволов, и грешники едят его, оно, как медь, кипит и закипает в животах. Пить, не напиваясь, как пьют истомлённые жаждой, лакают, но едва проглатывают, и приходит к ним смерть со всех мест, но не мертвы они: состояние смерти, но без смерти, быть посреди нее, но не умереть, и когда увидит человек, что уготовили его руки, воскликнет: "О, если бы я был прахом!" Но горе злобствующему, чьи уста измышляют хулу! Богатством кичится, алчность его неумна! И мнит, что златом добудет бессмертие. Но нет! Я ввергну его в Моё сокрушилище! Вообразишь ли, что оно такое - сокрушилище? Огонь Создателя, разожжённый над сердцами, полыхает неистово, куполом вверху смыкаясь столбами клубящимися. Надоедливые угрозы адом, уготованным будто бы мекканцам за грехи, и самый тяжкий - гордыня неверия!..

Худшее жилище и ужасное место - вот что такое ад! Бог приводит притчи: тем, в душах которых отсвет Создателя, - благое, а тем, которые не ответили на Его зов, если бы даже обладали всеми богатствами земли и ещё стольким же, - не выкупить благое! Им - злой расчёт, убежище - геенна, скверно это их пристанище! И мнится: свора любопытствующих в аду! Возносятся оттуда вопли их, слышимые точно хохот! Ну да, что есть проще: знать, заполучив заранее, свитки прегрешений! Но нет: жить жизнью ближней и не страшиться жизни той, последней, дальней?! Неужто вам, жаждущим меня услышать, но тут же затыкающим уши, как только возглашатайствую, должен я привести ещё притчи, чтобы уверовали? Как зерно, засеянное даже на скале, из которого по воле Создателя вырастают семь колосьев, а в каждом колоске - сто зерен. - ...Надоел! - Вы, не владеющие весом пылинки на небе и на земле! Кто-то кинул в него камень, а следом, когда Мухаммед, пытаясь перекричать толпу, что, мол, выступает перед мекканцами не сам по себе, а лишь как посланник Бога, сын Абу-Лахаба, Атаба, уже решивший, что разведётся с Ругией, бросил в Мухаммеда по наущению отца кровавую баранью кишку:

- Вот тебе дары за пророчество! Подскочил другой брат, Атиба; тот хилый, этот рослый, сильный:

- Уйди! - зашипел Мухаммеду на ухо. - Не позорь нас! - Крепко схватил тестя за руку, оттолкнул, порвав Мухаммеду шёлковую рубашку.

И тут вдруг дочь Мухаммеда Фатима, всего лишь пять лет ей, встала рядом с отцом:

- Жестокие и злые! - И сквозь слёзы: - Отец мой ничем вас не обидел, он молится за вас. Как же Абу-Талиб допускает, что приёмный сын, родной племянник ополчается против Каабы?! Падёт Кааба, а это удар по ярмаркам и паломникам - они обнищают! И не счесть торговых убытков!

А Мухаммед - Абу-Талибу, что Кааба осквернена идолами. - Так что же, перестать защищать тебя от нападков? - Это честнее!

Новые обращаются к Абу-Талибу недовольные: на сей раз - Абу-Суфьян, а если включится он, да ещё жена за спиной, Хинда, известная в Мекке неистовой воинственностью, к тому же язвительна, лучше не попадать ей на язык!..

Так вот, сложила Хинда стихи, высмеивающие бесноватого: мол, отчего всем мекканцам следовать одному Богу, когда мир пустынь, гор и оазисов, родов, племён аравийских не перестаёт удивлять невесть из каких краёв прибывающих купцов, - разнообразен, богат и вовсе не един? Что с того, что единый бог у мусевитов-иудеев? У христиан два даже бога: Отец и Сын, нет, новая строка возникла, даже три: ещё Дух как Бог!

Но всё - одно!

У персов-зороастрийцев два божества - добра и зла, запомновала второго, а о первом

помнит: Ормузд, у кого в помощниках трёхногий осел, шерсть у него белая, питается воздухом, каждое копыто, ступив на землю, занимает столько места, сколько надобно для тысяч овец, под шишкой ноги может двигаться тысяча всадников; шесть глаз: два на обычном месте, два на макушке головы, два на затылке, - устремив на что-либо все шесть глаз, способен наказать и уничтожить; и девять пастей: по три на голове, затылке, в брюхе; а также два уха - могут накрыть большой город персов Мазандаран; один рог золотой, внутри полый, и от рога отходят тысяча отростков - осёл побеждает и рассеивает все пороки злодеев на земле; и завершила строкой: Но отчего ж тогда пороки не исчезнут?

У курайшей в Каабе не счесть богов: триста шестьдесят, каждое на земле живое и неживое сотворено своим богом, потому боги и творения так не похожи! Абу-Суфьян уполномочен говорить не сам по себе, а от имени других родов курайшей - максумов, таймитов и амавитов, которые, так же как он сам, из рода абд шамса и с давних пор претендуют на власть над Каабой. Абу-Талиб понял сразу, что вовсе не в идолах дело - стояли и ещё не один век простоят: желают избавиться от Мухаммеда как возможного соперника после моей смерти! - Дарим тебе на вечное услужение, считай, что в рабы, - говорит Абу-Суфьян и указывает на юношу, - самого привлекательного, находчивого и работающего из сыновей честного и благородного мекканца Омара! - И в пояснение: мол, Омар брат известного воина Валида ибн Мугира, одного из курайшских старейшин. - С чего такая щедрость? - Не щедрость, а в обмен! - На кого же? - Корень нашей вражды тебе ведом: мы тебе - прилежного и обладающего богатырской силой раба, а ты нам - Мухаммеда! - Но он не дитя малое, а муж почтенной Хадиджи, отец семейства! Как принять ваш торг?! - Важно твоё согласие. - Вы что же, силой возьмёте его в рабы?! - Он умолкнет, лишившись твоей опоры, и вражда сама собой уйдёт. Ибо всем очевидно, твоему брату Абу-Лахабу тоже: не будь поддержки твоей, вряд ли осмелился бы Мухаммед поднять руку на наших богов. - Увы, не ведал я, что вы так плохо думаете о предводителе Каабы! - Что желаем договориться? - Торговать приёмным сыном! - Мало ли торговых сделок в Мекке? - Но такой встречать не доводилось! Ваш приход оскорбителен. Может, самим, без посредников, минуя Абу-Талиба, уговорить Мухаммеда, следуя законам торгова, который почитаем в Мекке? Кто в Мекке не знает Амра? Прозван Мухаммедом Абу-Джахл, или Отец невежды. Неужто курайшей напугали девятнадцать ангелов Бога, якобы стерегущих ад, коих Мухаммед грозитя наслатъ на нас? Отгоню десять ангелов правой рукой, а девять - левой!.. Так и скажу этому безумцу!

Но сказалось иное:

- У тебя старая жена, не правда ли?

Мухаммед вспыхнул:

- Не смей упоминать о ней! - Не бесись! Мы ведь о том не для того, чтобы обидеть почтенную Хадиджу, а просто хотим предложить тебе вторую жену - юную красавицу, и если пожелаешь её - вмиг получишь. - Что ещё? - Власть и деньги - мечта мужчины. Деньги у тебя есть, а власти нет. Если желаешь, изберём наиглавнейшим в совет старейшин Мекки. Нет? Может, в тебя вселились шайтаны? Призовём искусных врачей Аравии, Бизанса и Абассии, исцелим, на расходы не поскупимся! Что взамен? И тут Абу-Джахл вспомнил слова Валида о поэтическом даре Мухаммеда: - Вволю сочиняй, услаждая наш слух! Но ни слова, что послан к нам пророком! Не ты первый, не ты последний, кто возгласил себя им!

- Но призовите хоть одного, пусть скажет божественное слово, подобное тому, что вкладывает в мои уста Бог! Не мной придумана заповедь, - странно прозвучала среди торгова: Нет Божества, кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк Его! И я не знаю, поверьте, когда и как рождаются эти откровения! Но через меня утвердится истина!

45. Будущее, которое прошлое

...Мухаммед, пришедший навестить больного дядю, застал у него родичей, они упрашивали Абу-Талиба: мол, если истинно дорожит Каабой, не тая вероломную мысль

посеять распри меж паломниками, пусть образумит приёмного сына Мухаммеда: - И это, - услышал Мухаммед входя, - станет ему твоим заветом!

- Зря стараетесь, отягчая грехи, - сказал им Мухаммед. - Если бы мне в правую руку вложили Солнце, а в левую Луну, чтобы миром правил, и тогда бы не смог я отказаться от призвания, возложенного Богом на меня, покуда Сам Он не повелит! А вам, которые не заботятся о душах своих...

Абу-Лахаб вдруг расхохотался, обрушив на Мухаммеда поток слов, точно самум - колючие пески:

- Душа! Душа! Кто её видел? Купцу не пристало судить о том, чего глазами не увидено, не трогал руками! Жив - живёшь, а умер - и знать не знаешь, что умер.

- Да, - Абу-Талиб, к удивлению Мухаммеда, согласился с братом. А потом добавил, вызвав новый всплеск спора: - Это как с павшим верблюдом и всякой иной тварью: жил - на что-то годился, пал - избавься, отбрось, отдай на съедение воронам, шакалам. Или закопай.

- И ты, - вскипел Абу-Лахаб, - смеешь сравнивать меня с падалью?!

- Но сам сказал, а я лишь повторил: мол, умрёшь - и нет тебя!

- Что ж, если отвергается путь к согласию - будет война!..

Но прежде... Абу-Талиб решил, хоть и понимал, что напрасна его затея, попытаться уговорить Мухаммеда. "О сын покойного любимого брата! - начал торжественно. - О том, что хочу сказать, прежде говорили. Этот разговор, кажется, третий. - Задумался и продолжил: - Да, третий, а первый - когда пришёл к тебе и застал в молитве. Но знаешь ты, что ко мне являлись наши сородичи, жаловались на тебя, просили вмешаться?"

Мухаммед, не дав ему договорить, заметил: "Неужели, о мой дядя, кого люблю и не перестану любить впредь, какое б решение ты ни принял, думаешь, что я упрямлюсь? Это не моя прихоть, а воля Божья!"

"Да, - вздохнул Абу-Талиб, - тяжкий груз лёг мне на плечи, нет сил ни сбросить, ни тащить, только ты можешь облегчить мне остаток жизни!"

Мухаммед понял, о чём тот просит, и с сожалением подумал, что дядя больше не сможет быть ему опорой.

"Но если бы мне в правую руку вложили Солнце, а в левую Луну, чтобы правил миром, я и тогда б не смог отказаться от своего призвания".

Мухаммед, отчаявшись убедить дядю, прослезился, встал, чтобы уйти. Абу-Талиб остановил его: "Подойди ко мне, о приёмный отец моего непутёвого (??! - чьи-то знаки) сына!" Мухаммед подошёл, и тогда Абу-Талиб промолвил: "Раз ты убеждён, иди и говори что хочешь, - от себя ли? от своего ли Аллаха? - и клянусь богами Каабы, я никогда и ни за что не выдам тебя, не отступлюсь от тебя".

Не вскоре ли после неудавшегося торга сородичей совершил Мухаммед исра - ночное путешествие? Перенёсся из Мекки, где храм Неприкосновенный, Кааба, в Эль-Кудс, где храм Отдалённейший, или на Храмовую гору, коим славен город городов Йерушалаим? Отсюда, сказывают, самый близкий путь к Богу.

А после исра Мухаммед перенёсся, или совершил мирадж, вознесение: взобрался по невидимой лестнице (мирадж означает лестница) на небеса, дабы... Но это ещё не скоро! И, пройдя семь небесных кругов, лицезреет ли он Создателя? Мы благословили, дабы показать из Наших знамений ему, избранному Нами.

46. Убить - что есть проще?

Первая фраза свитка была обведена синими чернилами и заявлена как заголовок. "Да, не проще ли, - повторено почерком насталик, который насаждался в мире ислама в веке восьмом хиджры* и назван "прекрасной невестой" всех форм письма, пригоден более для сочинений пиитических, нежели... Увы, почерком этим ныне выводились чудовищные слова: чем убеждать и просить отпрыска Абдул-Мутталиба, дабы выторговать благоразумие, чтобы

перестал оскорблять наших богов и предков, проще убить его, безумца, говорящего от имени неба". Тут же в тексте, но линии более тонкие безымянный автор воспользовался новым каламом, - запечатлено: "Прости, о Боже, что вынужден повторять нечестивцев: так они называли Твоего посланника, - да не померкнет его имя в веках!" Рука писца, напуганного, что выводит непотребное, дрожала, буквы были, хоть почерк насталик изящен, вкривь и вкось, как искривлённое лицо невесты, обманутой вероломным женихом: "А говорит он, имея в виду нас, что якобы кто отвергает единого Бога, находя ему замену в идолах, тот подобен пауку - устроил себе из паутины убежище, слабейшее из домов".

* Кстати, приблизительно тогда жил и творил Ибн Гасан.

Но у них ли одних множество богов? Не веруют разве обитатели Великих рек в четырёх богов, объемлющих время, пространство, душу и разум: Солнце, что проливает свет, чьи струящиеся лучи заполняют око человечье и всей иной твари; Небо, что дает воздух, наделяя нас жизнью; Землю, что щедра на плоды, которыми живёшь; и Воду - начало начал? Глядя на нас, Мухаммед вдруг в притворстве безграничном бледнеет, закатывает глаза, вслушиваясь якобы в голос Бога и жалуясь Ему на наше упрямство, что не следуем его призывам, будто повторяет за Ним, выдавая только что сочинённое за ниспосылаемое откровение. И молитвенная поза унижения в поклоне Богу, Мухаммедом от христиан, кажется, заимствованная. - Расскажи, Расскажи об аде! - пристали к Мухаммеду однажды.

- Может, прежде о рае рассказать? Про быстрое, как полёт пущенной стрелы, течение реки прохладной, что течёт в раю, - Ковсер? Вкус белых вод её слаще сахара, а запах приятнее мускуса?!

- Нет, хотим об аде слышать!

- Что ж, расскажу я вам о нём! Над бездной ада перекинут мост Сират, он тоньше паутины и острее лезвия меча, через него душа умершего проходит. Если грешен - низвергается в бездну стремительно, а если праведен - спасётся в миг единый.

Молча внимали: а ну, чем ещё нас удивить?

- Упадёт падающее, унижены будут неверные, возвысятся праведные! Небо расколется!
- А помним, говорил: Небо будет как медь расплавленная?

- Земля сотрясением сотрясётся! Горы сокрушением сокрушатся, став прахом! - А говорил: Горы будут как шерсть?

- Знаете, какое наилегчайшее в аду наказание?

- Расскажешь - знать будем!

- Под ступни два уголька, что тлеют, не истлевая, положены будут, из-за чего мозги в голове закипят, покажется, что более сильных мук, чем те, которые испытываешь, нет, а наказание это наилегчайшее! - Ещё!.. Ещё!.. - раздаются голоса нечестивцев. - Знаете ли Ему соименного? И снова говорит любопытствующий:

- Разве, когда я умру, я буду изведён живым?

И вторит ему другой избалованный, но и упорствующий в грехе неверия:

- Разве, когда стану прахом, буду воскрешён?

И третий молвит, невнятна речь его. Но сказать бы в ответ: Не Им ли он сотворён в трехкратной тьме, быв прежде ничем, из сгустка, из несущественности? Видели ли вы то, что извергается семенем? Капля крохотная, что изольётся из хребта и грудных костей в место израстания!.. Вы ли творите, или творец - Он? Во власти Его заменить вас на земле подобными и воссоздать вас в неведомом вам виде. И потому восхвалите Его, да будет Он превознесён и прославлен! - Но поклянись ещё: мы клятв твоих сегодня не слышали! Ах, как вчера ласкали слух наш восхищения твои: месяцем ты восхищался, уходящей ночью, выглядывающим восходом, что в молвленном тобой - громада яви в увещевание живущим, и что-то о дороге - напомнишь, может? - выпрашивает слушатель. - О тех, шагающих путём

прямым, и тех, кто топчется, отстав. И что душа, и всякая, заложница того, что заслужила. Ах-ах! - Помимо тех, - спешит помочь им Мухаммед, - правосторонних! Но хохот:

- Слева мы! - кричат. И справа тоже хохот:

- Нас ли разумеешь, правосторонних?! Очнись, Мухаммед!

- ...Сберите всех божков и бросьте их в огонь!

- Но прежде них тебя мы самого в огне сожжём!

Да уж пытались живьём сжечь Ибрагима - и что же? Нет, слушать бредни немоготу, а тут ещё кто-то, съев финик, бросил косточку на землю, и Мухаммед укорил его: Не кидай косточку финика куда попало! Может попасть в невидимое живое существо и убить его!

Поистине одержимый в Мекке объявился! Столькие тайно гибнут в стычках, отравленные и заколотые, а тут не справиться с одним?!

47. Розовошёрстные верблюды

Но кто без боязни родовой мести возьмётся убить Мухаммеда?

- Я, Омар, возьмусь закрыть его уста!

- Ты? Друг Хамзы, дяди Мухаммеда?! Неистовый, как и сам Хамза, многобожец. Мало ли врагов пало в сражениях от стрел моих, оперённых ястребиными перьями? Любит открыто обнажаться, натереть тело маслом - оно блестит - и всякими телесными упражнениями силу показывать, игру мускулов. Накануне Хамза, вернувшись с охоты, узнал, что Омар, как палач облачившись в красное, вышел на многолюдный базар и прилюдно ругал Мухаммеда, что лжец он и плохо кончит, назвал его, довольный находкой, канатным плясуном: мол, покажи, на что способен! Потом, когда со слугой, Али и приемным сыном Зейдом Мухаммед шел молиться на гору Сафа, измывался над ним, сопровождал шествие глумливыми выкриками, корчил немыслимые рожи: Ты предал Каабу! Убирайся из Мекки! Мухаммед велел спутникам не обращать внимания на Омара: мол, на что иное может быть способен племянник Абу-Джахла? Разъярённый Хамза, заступаясь за честь молочного брата, нашёл на площади Омара и ударил его, влепив при всех пощёчину: - Был один Абу-Джахл - твой дядя Амр, теперь второй объявился!

Омар, к удивлению свидетелей, стерпел и, потирая рукой щеку, стал Оправдываться: мол, Мухаммед - вероотступник. "Я тоже, - сгоряча воскликнул Хамза, - не верю в твоих каменных идолов, так что же - оскорблять меня?!"

А когда Хамза ушел, Омар попытался даже отшутиться: дескать, такое среди друзей водится, повздорят и помирятся. И что он на месте Хамзы поступил бы так же! - Отомстил твоему обидчику! - сказал Мухаммеду Хамза. - Больше не посмеет сказать тебе слово тяжелее лепестка розы (бедуинский образ?)! - Ждешь благодарности? - Ты как будто недоволен!

- Я вижу, что ты колеблешься, Хамза, выдвигаешь одну ногу вперёд, а другую отставляешь. Что ж, каждый выжидает, выжидайте и вы, отрицающие, но потом узнаете, кто обладатель ровного пути и шёл по прямой дороге! Если хочешь обрадовать, то не вестью, что наказал Омара, Бог ему судья! Хамза как-то сказал Мухаммеду: "Может, ты и впрямь пророк, но я останусь верен богам Каабы". - Не заступничества я жду от тебя, а признания правоты моей веры.

...Молочный брат ушел с обидой, но вскоре вернулся, будто кто его принудил воротиться: - Что надо сделать, чтобы принять ислам? - Произнести: Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк Его. - И этого достаточно, чтобы стать мусульманином?! - Но, молвив, поверить в истинность сказанного! С произнесённым словом шутить нельзя. Скажешь слово и нарушишь его - беда случится! - Что ещё?

- Что может быть превыше, Хамза? Сказать Слово, поверив в него!

- Что ж, согласен. И дабы укрепить тебя, произнесу заповедь перед всеми на площади! - Только чтобы укрепить меня? Выйдя от Мухаммеда, Хамза пошёл к Каабе и, глядя на

паломников, торжественно заявил: "... и Мухаммед - пророк Его!" - Некогда, - молвил Омар, задетый изменой Хамзы, - я предлагал Мухаммеду мир: "Признай наших богов, и мы признаем твоего единого Аллаха, и пусть судьба подаст знак, кто из нас прав: твоя правда со знаменьями - примем твою веру, наша - заяви о заблуждении и вернись к нам". Он отверг, а коли так, я принял решение! - Какое? - Отправлю его на вечный покой к единому Богу, как это некогда проделали с Исой! - Не каждому такое по плечу! - сказал Абу-Суфьян. Раззадорить? - И мы достойно вознаградим смельчака! - Ты? Троюродный брат Мухаммеда?! - Оскорблена вера! - Достойно - это сколько?

- Омар, сын Хаттаба, если вопрос твой праздный, оставлю без ответа, а если...

Омар перебил его:

- Я спрашиваю всерьёз! - Такому смельчаку, - объявил Абу-Суфьян, - я дам сотню розовошёрстных верблюдов и тысячу ваги серебром! А в каждом ваги, - уточнил ради внушительности награды, - двадцать дирхемов, итого двадцать тысяч дирхемов!

Зашли в Каабу, семикратно обошли её; заведено исстари - посетить храм перед принятием важного решения, чтобы главный идол благословил, и припасть устами к Чёрному камню; если вооружён, оставляешь у входа лук или пращу, палицу, дротик, даже щит, плетёный или кожаный, снимаешь наконечники с пик... Омар свершит подвиг во имя богов Каабы! Ножом? Нож неразлучен с мужчиной. Подкрасться и - в спину?

Нет, таиться незачем. Омар на плоском лице Хубала подглядел приветливо смотрящие глаза. Ещё лук возьмет со стрелами в колчане, кончик одной - Омар никогда не промахивался - смазан ядом гюрзы. "Эй, Мухаммед, - скажет ему Омар, - я выполняю волю богов Каабы, наказавших мне избрать мишенью именно твою грудь!"

48. Обретение искомого

...Навстречу Омару - Найим, сын Абдуллы из колена курайшей зухра интриганы, коих свет не видел! Не смог уйти незамеченным, тот окликнул его:

- Куда путь держишь, сын Хаттаба, не на охоту ли собрался?

- Убить Мухаммеда иду! - Незачем таиться, если благословили боги. Дерзкий ответ даже понравился: пусть Найим разболтает весть. - Так ли легко его убить? - Он что же, бессмертный? - Много сторонников у него! - И конечно, ты среди тех, кто поверил, что он пророк! - Что я? Уйми свою сестру и зятя, тайно исповедующих ислам! - Врёшь! - Когда ты воевал, пошли за Мухаммедом, сделались мусульманами! Станет Омар сплетням верить! ...Лицом к лицу столкнулся с Саидом, сыном Ваггаса, все они прозваны птичьеголовыми:

- Куда спешешь, Омар? - Не твоего ума дело!

- Земля слухом полнится, говорят, Мухаммеда убить вздумал? - Хоть бы и так! - Не петушись прежде времени! - Птичьи ваши повадки не по мне! - И вынул из ножен кинжал. - Не один ты с кинжалом, и у нас кое-что за пазухой есть! - Свой кинжал показывает. - А прежде чем убить, посоветуйся, - съязвил, - с сестрой и зятем, они ведь приняли веру Мухаммеда! - Чем докажешь? - Собственными ушами слышал, что не притронутся к мясу, которое принесешь им, ибо ты мурдар, то есть нечистый. Изменил путь и - к сестре, прежде купив в лавке мясо. В те дни была ниспослана сура: Когда земля сотрясётся своим сотрясением... Сестра и зять Омара пригласили к себе Хубаба, сына Саида, который обладал свитком с этой сурой, - тот и принёс, чтобы переписали. У дверей Омар услышал напевный голос: сестра непонятные слова произносила: ...земля изведёт свои ноши, и спросит человек: "Что с нею?" Увидела брата и, велев Хубабу спрятаться, осталась стоять, держа в руке свиток. Омар, будто ничего не замечая, протянул сестре мясо: - Я голоден, приготовь что-нибудь поесть. Зять развел огонь в печи, сестра, бережно положив свиток на сундук, взялась жарить мясо. "Вот и ложь, - подумал, - что считают меня нечистым, мурдаром!" - Что такие невеселые? - спросил. - А с чего радоваться? - Брат к вам пришел! - Сестра промолчала. -

Есть что попить? - Верблюжье молоко. - Вот и хорошо! Оно у вас всегда прохладное, хитрость знаете! Положила сестра перед братом еду, присела с краю скатерти. Зять в сторонке стоит, насупился, словно его только что чем-то обидели. - А вы чего не едите? - Мы сыты.

- Ах, сыты! Ну да, ведь я мурдар! В единого Бога поверили? Недостойно сидеть с человеком, у кого таких, как ваш бог, сотни?! И ты допустил, зятю, - чтоб моя сестра! - Вмиг сбил с ног, выхватил кинжал: Я тебя сейчас!.. - Сестра кинулась на брата, он оттолкнул её.

- Да, - вспыхнула сестра, - ты мурдар!

Омар опешил: родная сестра ополчилась на брата?! - Чем силой кичиться, подумай, почему уверовали мы в Мухаммеда! - В бред больного?! - Божественное слово! - Неведомый язык, на котором вы говорили? Я слышал! - Отчего ж неведомый? Язык наш, хашимитский! Омар не помнит, как вложил кинжал в ножны, но чернота во взгляде сразу сошла: - Смысла не уразумею. - Не каждому открывается послание! - Не оно ли в твоих руках? Обычная телячья кожа!.. - Но вдруг будто кто за него произнёс: - Может, позволишь взглянуть? - Власть (но чья?) крепко Омара держала и вела. - Просишь о невозможном, - ответила. - На эту священную вязь могут взирать лишь чистые глаза! И прикасаться - лишь чистые руки! - Что же мне сделать, чтобы стать, как ты говоришь, чистым? - Нашу заповедь произнести!

- Я её слышал из уст Мухаммеда. Произнесу если, позволишь взглянуть?

Мучает жажда неясная, новая, что-то толкает в грудь - нетерпение и страсть к неведомому. И сжигаемый странным любопытством, Омар, как о том рассказывал впоследствии, медленно, нехотя, словно чужими устами произнёс: Нет Бога, кроме... - но слова, слетевшие с уст, прозвучали как клятва. Кто вложил их в него, и за него кто проговорил? И это показалось ему тогда удивительным - успокоили они его. Сестра протянула ему лист. - Нет, лучше сама прочти! - Руки задрожали, пот выступил на лбу. Прочла нараспев: Когда сотрясётся земля своим сотрясением, и земля изведёт свои ноши, и спросит человек:

"Что с нею?"

Поведаёт она в тот день свои вести, и выйдут люди толпами, чтобы показаны им были их деяния, и кто на вес пылинки сделал добра - увидит его Бог, и кто на вес пылинки сделал зла - Он увидит. - Умолкла. - Мог ли сочинить человек? - подал голос зять. - Тайное и мудрое! Не мог! - подумал Омар, но сказал иное: - Ничего на земле тайного нет, всё во власти богов: дождь, засуха, мор. А мудрость, о которой говоришь, - дар сатаны! - Говорил уверенно, а смятение не покидало. - То не мудрость, а хитрость и козни! - раздалось из-за перегородки: вышел почитаемый в Мекке грамотей Хубаб, у кого Омар учился грамоте. - Ты? - удивился Омар. - Здесь?! - Дошли до меня твои намерения, Омар. Что ж, человек грешен, в сердце каждого может лежать побуждение делать и зло, и добро, что намного труднее. Услышь меня! Мухаммед мечтает, чтобы ты был с ним. - Придумал только что! - Слабеет совсем его самоуверенность. - Твёрдо знаю. Ибо я - носитель суры. - И ты? - спросил у сестры. - Я не удостоена такой чести. - Увидишь Мухаммеда и поймёшь, что говорю правду. ...Как только пришли в дом Мухаммеда, Хамза и Али обступили Омара. Беспокойство его охватило: в ловушку заманили! Хадиджа появилась, и это успокоило Омара. - Оставьте его, - сказал Мухаммед. - Омар с добрыми намерениями явился. Омар почувствовал облегчение, точно избавился от давящей тяжести. - Вижу по ясному его взгляду, что уже произнёс он нашу заповедь! - Тот, ещё не понимая, что с ним, согласно кивнул. - Не по воле собственной своей я творю, Омар! Я лишь стрела, выпущенная Богом. - Воля Бога, - добавил Али, - и есть суд Мухаммеда. - Пойдём по Мекке, - предложил Хубаб, - пусть люди удостоверятся. Выйти с ними? Медленно отпуская сопротивление. Что-то внутри открывалось, будто рос дом, светящийся разноцветными окнами. - Пусть видят,

какие богатыри, - Али показал на Хамзу и Омара, - в наши ряды вступили! - Хотел было, только что родилось, произнести: Случается, соломинка ломает хребет верблюду, но промолчал - Омар мог не так его понять и обидеться, скажет потом, и это станет поговоркой.

49. Картина читаемая

(21) Нарисована, - тут же отмечает Ибн Гасан, - неизвестным художником; по легенде, которую довелось услышать, чуть ли не Зейдом (Мухаммед однажды видел, как тот углём в точности воспроизвёл охоту в горах на тура) в пору, когда ещё не последовал запрет на воспроизведение людских лиц, точнее отличительных черт на лице человека, что, как сказано было Мухаммедом, подвластно лишь Богу.

С помощью прямых линий, вертикальных, как кипарис, горизонтальных, точно стелется лоза, след оставляя на песке, изгибов линий, точек над ними и под ними, узлов, окружностей миндалевидных внутри изогнутого ковша, из коих буквы сотканы письма, иль алифбея*,

* Арабские буквы Алиф + Бей, или Альфа + Бета, - алфавит, или алфавит.

прочтёшь и ощутишь мираж в пустыне - его водой считает тот, кто жаждою томим, а подойдёт - лишь призрак.

Про мрак прочтёшь, волною покрываемый, над которой - новая волна, ещё, ещё, а над волной - туч рваных бахромы, и поверх мрака - мрак, в морской пучине вынет руку тонущий - и руку не увидит: кому Он не устроил света света нет тому!

И в очертаньях букв упрятать тайну сжатых губ и взгляд меняющийся, тьму озаряющий в ночи.

Но чьи глаза? Твои ль? Мои*.

* Строки эти в Откровениях не обнаружены. По версии, хранились якобы в знаменитой шкатулке Хадиджи, о чём - в своё время.

...Идут, никого и ничего вокруг. Та же читаемая картина? Лишь они да неровные на горизонте блеклые контуры то ли холмов мекканских, то ли проплывающих облаков - не различишь.

А кто справа? Не узнаёшь Рассудительного, каким его считали, Абу-Бакра? Пристальный у него взгляд.

А слева - высокий и широкий в плечах Хамза, прозванный Могучим.

Впереди - Али, кого впоследствии Мечом Ислама прозовут, у него густые брови и шагает решительно, выпятив грудь, будто щит.

А возглавляет шествие Омар, и гордо поднята его голова. Омар? Впереди всех?

Даже главнее Али! - И ты с ними?! - воскликнул Абу-Суфьян, увидев Омара. - Велик Аллах, - ответил Омар, - и нет на земле человека, который бы мог изменить Его волю! Слова его вызвали смех: - Поумнел как! - Следом: - Поверил в смутьяна, несчастный! - Абу-Талиба бы сюда - поглядеть на сына Али! И о том ещё, что сами лишили себя поддержки богов Каабы и потому (?) нет им отныне доступа в храм!

- Ваше счастье, что ныне - священный месяц! И потому, мол, Мухаммед может позволить себе без страха за свою жизнь появиться среди богомольцев: никакие насилья не дозволяются в священный месяц наплыва паломников!

Что ещё?

Не довольно ль? Но те, в сердцах которых скверна, не устают вопрошать: "Что такое хотел сказать Бог этим, как притчей?" А вот что: ввести в заблуждение тех, кто этого хочет, и вести прямым путём тех, кто этого желает, - да не уподобитесь ослу, несущему Книгу в поучение себе подобным!

50.

Рукопись написана чёрными чернилами, местами выцветшими, ломкая, ветхая бумага собрана в кожаную папку, листки разномерные, пронумерованы красными цифрами, еле проглядываются, склеены в три свитка, каждый имеет название, подчеркнута блекло-красной волнистой линией, но ясно читаемо: Звезда пронизывающая

Абу-Талиб ушам не поверил, когда Мухаммед, до того и слышать не хотевший ни про каких, как он сказал, идолов, наутро заявил, что явление ему было и что отныне богини Манату, Узза и Лат, почитаемые в Мекке, благородные представительницы перед Аллахом, привеченные Им. Ибо, как сказано ему было: Они следуют божественным предположениям и тому, к чему склонны души, поверившие в Него, и к ним пришло руководство Его! Весть о долгожданном признании Мухаммедом богинь по Мекке распространилась. Явился гонец, приглашающий Мухаммеда в Каабу. И он, впущенный в Каабу, перед которой ждала, приветствуя его, толпа из бывших недругов, стоял у главного идола Каабы Хубала и молился с многобожниками, вознося хвалу богиням. Ему дозволили даже губами прикоснуться к Чёрному камню хаджари. А вернувшись домой... не успел переступить порог, как вдруг побледнел, руки затряслись, лоб покрылся потом. Хадиджа, всего лишь миг назад возрадовавшаяся единению мужа с мекканцами, встревожилась: Мухаммед - ему больно было смотреть на свет - прикрыл глаза и заговорил, повторяя ниспосылаемое:

О ты, Мухаммед! Как взбрело такое в голову, и она не раскололась?! Как ноги твои не переломились, когда шёл в Каабу?! Приблизить к Богу идолов! Молиться, глядя на Хубала! Чествовать богинь! Чуть ли не Аллаха дочери! Но тогда Хубал - брат Аллаха! Тогда богиням муж - идол Хубал! Но я... - Мухаммед задыхался. И тут же, будто самому себе: Молчи! Это только имена, которыми в слепоте своей назвали вы и родители ваши. Бог не посылал с ними никакого знамения. Не следуй за тем, о чём у тебя нет знания: о том и слух, и зрение, и сердце спрошены будут. Не вздумай, довольный мимолётным, ходить по земле горделиво: ведь не просверлишь землю! Ведь гор высотой не достигнешь! Вернись и, не переступая порога Каабы, скажи: Это - то, что внушил тебе Бог из мудрости Своей! И не сотворишь вместе с Ним другого божества, а то будешь порицаем, презренным ввергнешься в геенну! Поистине, сатана для человека - явный враг, постигло тебя от сатаны наваждение - ищи убежище у Него, Всеслышащего, Всевидящего! И Мухаммед пошёл к Каабе. Встал перед храмом. Крик его ударился о стены храма: "О ты, пристанище сатаны!"

...Сговор вождей курайшей против изменников, свои против своих. Тех горстка единомышленников, эти - весь народ мекканский: грамоту на коже составили, подписав, поместили для хранения рядом с Хубалом, поклялись не вступать с ними в браки, не торговать, не позволять по городу передвигаться. Много ворот ведут в Каабу, но если паломники идут мимо дома Мухаммеда оскорбят их, мол, осквернили стопы. Вот и стоит в осаде квартал мутталибов, названный в честь деда Мухаммеда, где дом Хадиджи, и тайком посылаются к ним еда. Абу-Бакр ухитрился однажды привезти ночью к Хадидже выюк зерна. Нет, не восхитимся этим городом! Новая весть в Мекке: явление было Мухаммеду, договор о бойкоте волею Бога уничтожен! Точно: кожа с подписями съедена термитами! Если б не Омар и Хамза - побаивались их, да и Абу-Талиб держит ключи от Каабы, не считаться с ним не могут, - несдобровать Мухаммеду.

...Их было одиннадцать - сторонников Мухаммеда, которые решили покинуть Мекку, среди них две разведённые дочери Мухаммеда - Ругийа и Умм-Кюльсум: их мужья - сыновья Абу-Лахаба, Атаба и Атиба, доводящиеся им двоюродными дядьями, - выгнали их из дому, мол, ваш отец лишился рассудка и они не желают порчи собственному потомству.

Куда бежать, подсказала рабыня-абиссинка Умм-Айман, уже состарившаяся, оставленная в память об Амине-хатун: бежать на её родину, слышала она, будто новый абиссинский негус, исповедующий христианство, не допускает, в отличие от своего предшественника, никакой вражды между верами. Мнилось, пока опыт не опроверг, что

мекканцы веротерпимы. Разве таковыми не были они в общении с христианами, иудеями, проживающими здесь сабиями и ханифами? Двери Каабы для всех всегда открыты! Отчего новую веру не приняли? Хотя бы не враждовали с ним! Но Мухаммед дерзко заявил, что не переступит через порог осквернённой святыни, не войдёт, пока не очистят её от идолов.

...Ругийю спас от позорного изгнания из дома мужа Осман: накануне отъезда он женился на ней; и вера Мухаммеда настолько его увлекла, что ни на шаг не отступал от учителя и первым среди поверивших в ислам стал обращаться к Мухаммеду: Пророк. Среди одиннадцати - и Умм-Кюльсум с рабыней Умм-Айман, и самого Мухаммеда воспитавшей, и его детей; сын Абу-Талиба, Джафар, ему уже двадцать шесть, он возглавил переселенцев; а также молодые муж и жена, Шукран и юная Севда с успокаивающим именем Приносящая пользу, родственница Османа, мягкая, отзывчивая. "Покиньте Мекку, когда загорится на небе... - задумался Мухаммед, а потом, не поясняя, произнёс: - Звезда пронизывающая". И, провожая, скажет: - Эй, идущие ночью, помните: над всякой душой есть хранитель!

51. Краски полумесяца

Противники, узнав о беглецах, направили к негусу в Абессию своих людей Омара ибн Валида и Амр-Аса. Негус, выслушав странную, как ему показалось, просьбу послов мекканских старейшин изгнать из его благословенной Хабешии неких мухаммедианцев, пригласил явиться к нему главу переселенцев Джафара, чей титул был Тайяр, или Летящий - так ему перевели. Ступив на мраморные плиты дворца, Джафар Тайяр в нарушение - от растерянности - ритуала не преклонил пред абиссинским царём колен, а приветствовал его лишь долгим кивком головы, уставившись на узоры огромного ковра - такой он видел впервые, - устилавшего пространство перед тронном правителя. Знать зароптала, но негусу независимость гостя понравилась. - Летящий, что сие значит? - спросил. - За полёты во сне я так прозван. - Но летают дети, когда растут! - И вчера я летал по вашему небу, - показал рукой на высокие окна дворца, сооружённого будто из живого камня, отражающего, но не вбирающего лучи солнца, - и были мне крыльями мои руки. - Может, ещё каким умением отличен? - Я как все, а что летящий - себе в беспокойство: легко возгордиться. Негус, удовлетворённый ответом, изобразил на лице подобие улыбки, и вельможи тут же согласно кивнули.

- Ваши земляки, - негус показал на Омара и Амр-Аса, - явились с требованием обязать вас подчиниться им. - Могу ли я, сын Абу-Талиба, владеющего ключами от мекканского храма Кааба, - а известно: у кого ключи, тот и правитель, - подчиниться рядовым курайшам? - Верно это? - спросил негус. - И да, и нет, но... - Амр-Ас думал продолжить, но негус прервал: - Поговорите друг с другом, и я выслушаю доводы обеих сторон, благо курайшитское наречие мне частично ведомо, ибо в дальнем мы родстве, а что не пойму - переводчик мой разъяснит. - Я бы хотел, - это Джафар, - если позволите, - негус в знак согласия кивнул, - спросить у сородичей: есть ли среди нас, покинувших Мекку, обратился к Амр-Асу, - ваши беглые рабы? - Нет, - мгновенно ответил Амр-Ас. - Может, кто из нас ваш должник и решил скрыться? - Чего нет, того нет. - Или пролил кровь ваших близких, и вы жаждете мщения?

- Тоже нет.

- По какой же причине, если совесть наша чиста, нашей покорности желаете? - Кажется, это был вопрос, с которого стоило бы начать разговор.

- Вы вероотступники, проклятые Каабой! - прогремел Амр-Ас. Слова ударились о каменные стены, отозвавшись эхом. Мраморные колонны, как показалось Осману, будто вытянулись в изумлении. Ну нет, не толкнуть их на ссору здесь, во дворце негуса, где приём изысканно гостеприимен. - Но каждый, - не сдержался Осман, - исповедует веру по внутреннему влечению! Негус прервал их спор, разглядев в точке огня пожар:

- Вас, - спросил у Джафара, - обвиняют в отступлении от веры курайшей? - И в

приобщении к новой вере! - Но отличной от моисейства и месихизма, так? А какая новая вера может быть сегодня открыта, когда их столько на земле и можно выбрать любую, в том числе и Христову! - Мы чтим абиссинцев, из коих пророк Муса, как это нам известно, выбрал себе любимую жену. - Муса - это кто же, иудейский Моисей? - Мы не делим пророков, - ответил Джафар, - на иудейских или ещё каких, ибо для нас и первочеловек Адам - пророк. - Но он согрешил!

- На то была воля Божья! Вера наша, которую исповедуем, мусульманская, ее, по велению Бога, учредил Мухаммед. Донёс до нас божественные откровения. Но нашлись в Мекке люди, которые повели войну против Мухаммеда, что и вынудило нас искать убежища в краю, где царствует справедливый, веротерпимый и гостеприимный...

Негус прервал Джафара:

- Откуда сие ведомо? - Людская молва! - продолжил было Джафар речь во славу негуса, но тот его в нетерпении перебил, выпрашивая: - Что за божественное откровение ниспослано было Мухаммеду? - Не одно, не два!

- А сколько? В высоком окне звезда Джафару мигнула, пронизывающая!.. Но ведь ещё утро! Нет, ему кто-то, уже вечер, ваша беседа успела втянуть в себя время... говори! На сей раз не Джафар ответил, а Осман:

- Целая Книга! - Как? - удивился негус. - Книга?! - Есть, оказывается, Книга, а ему неизвестно! С укором, в нём гнев, бросил он взор на приближённых. Книга, которая не украшает его библиотеку! Конечно, с Александрийской не сравнится, но ведь её уже нет, а его библиотека существует! Дед внуку, а внук, ставший дедом, своему внуку рассказывал, какая она была, сокровищница знаний. Христиане, ведомые патриархом, уничтожили - мол, служит то ли вавилонскому, то ли египетско-эллинскому божку, мужчине с густой бородой, со скипетром в руках, орлом у ног, на голове корзина - символ изобилия, Серапис-Осирис - имя божества. Слуги зажгли свечи, и спрятались стены тронного зала в полумраке. Но высветились бледные лики Амр-Аса, а за ним - тёмная фигура Омара, удлинлись во множестве их тени.

- И вы можете показать нам эту Книгу? - Негус забыл, казалось, про спор и, не глядя на мекканцев-преследователей, обратил взор на Османа.

- Главы её - суры, как мы их называем, - хранятся лишь в памяти нашей, - ответил Осман. - Может, вы этому учились у иудеев? - У них, но не только! - У нас, христиан, может? - Наша вера, - Джафар заметил, - не начинается с начала... - Не имеет начала, хотите сказать? - Она существовала до нас, ибо Книга, о которой говорим, - вечная! - Могу ли я услышать суры, о которых вы упоминали? - Я прочту! Джафар, будто ожидая просьбы, выступил на шаг и поднял голову к небу. Прямо в проёме светил узкий, как меч, полумесяц. Вспомнил, как Мухаммед однажды рассказывал им, ему и младшему Али, о полумесяце, который всего лишь миг назад был белым, бледным и вдруг ярко-желтым светом засиял в вечернем мекканском небе. Не сводите с полумесяца глаз, вот-вот порозовеет, сказал, - а если не спешить и снова глянуть, раскраснеется, точно застенчивый... - и назвал его имя: - Джафар. Будто воспоминание придало смелость, распевный его голос, торжественность обрета, разлился по дворцу:

Мы отправили к ней Духа Нашего, и принял Он пред нею обличье совершенного человека. "Я, - сказал, - посланник Бога, и ты родишь чистейшего мальчика".

Она сказала: "Как может быть у меня мальчик? Меня никто не касался, и не была я блудницей!" Он сказал: "То воля Бога, так молвил Он: Это для Меня легко. И сделаем Мы его знаменем для людей". Дело было решено. И понесла она его, и удалилась с ним в далёкое место. И привели её муки к стволу пальмы. Сказала: "О если бы умерла я раньше этого и была бы забытою, забвенною!" И воззвал Он к ней: "Не печалься! Твой Бог сотворил ручей под тобою! Потряси над собою ствол пальмы, и уронит она к тебе свежие и спелые

плоды свои! Ешь и пей, и очи свои прохлади!.." И пришла она потом к своему народу, неся младенца. И сказали они: "О Марйам, ты совершила дело неслыханное! Не был твой отец дурным человеком, мать не была распутницей!" Указала она на младенца: "Поговорите с ним!" Удивились: "Как можем говорить с тем, кто ребёнок в колыбели?" Но молвил он вдруг, даром речи овладев: "Я - раб Бога, Он дал мне Писание, содеял пророком! И мир мне в тот день, когда родился, в день, когда умру, и в день, когда буду воскрешён живым из мертвых!" Это Иса, сын Марйам, по слову истины, в котором они сомневаются. Джафар умолк. Расскажет потом Мухаммеду, что негус прослезился: - Истинные они христиане!.. - молвил, обратясь к приближённым. И повернул лицо к Амр-Асу: - Чем ответите? И сказал тот: - Пусть читает дальше! У них постулаты, вашим противоречащие: не считают Ису сыном Божиим! Я прочту с того места, на каком остановился он, - рукой, будто копьём, на Джафара, - решив показать тут певческое своё умение! Сказано Мухаммедом: Не подобает Богу брать Себе детей! - Так ли это? - спросил негус у Джафара. - Но о том сказано не Мухаммедом! - возразил Джафар. - Неправда, я слышал из уст Мухаммеда! - Он лишь повторил ниспосланное повеление Божье! Да, Иса - пророк, достойнейший в ряду достойных, которые являлись миру прежде Мухаммеда. И я перечислю пророков стойких, Мухаммедом названных вслед за ангелом Джебраилом по велению Бога: Адам... - Стойкий пророк Адам?! - Доволен негус, что подловил Джафара на незнании Ветхого Завета, ведь сказано: И не нашли Мы в нём стойкости! - В Коране, новом Писании Бога, явленном вслед за Тавратом и Инджилем, пророки стойкие и Нух, и Ибрагим, и Муса... - Негус поднял руку, повелев остановиться:

- Уж не думаете ли вы, любезный Джафар, обратить нас, Мухаммеда восхваляя, в вашу - как называется? (с иронией) новую веру?

- Я лишь о том, что Иса, сын Марйам, поистине пророк и предсказал явление Мессии.

- Не есть ли сам Иисус Мессия? - Омар вторгся в разговор, дабы угодить негусу. - Если мой замляк посвящён в тонкости единобожия, - сказал Осман, довольный вдруг озарившей его находкой, - то отчего упорствует, за нами охотится, отстаивая идолопоклонство?! - Нет-нет! - Негус поспешил вмешаться, донести до сородичей, меж собой враждующих: - Мы не намерены никого обращать в свою веру, - это чтобы были довольны первые, - а тем более притеснять иноверцев! - А это, чтобы знали вторые. Повелел Амр-Асу и Омару не сеять семя раздора между верами, незамедлительно известить приславших их мекканцев, с коими у него добрые отношения, но которые прежде, как ему ведомо, отличались терпимостью ко всем верам.

52. Три ключа

В ту же ночь Османа, как утром поведал он Джафару, разбудили трое воинов негуса в железных шлемах с шишкой, гребнем и нащёчниками. Велели одеваться и следовать во дворец. Подвели к трону и оставили, велев ждать. Вдруг какой-то старец, легко спрыгнув с высокого окна на плиты каменные, предстал перед Османом, велев показать золотой ключ. "Но у меня нет никакого золотого ключа!" "А что в ковровой суме?" "Где вы видите, - хотел сказать, - ковровую суму?" - как вдруг... вот она, у его ног! Развязал тесёмки и увидел большой золотой ключ. Дворец тотчас озарился светом. "Ну вот, всего ключей три, - сказал старец, - и, лишь имея их все, можно открыть врата Бога". "А где первые два?" "Разве не обещал их подарить вам негус?" "Нет". Тут появляется негус, старец исчезает, испарился будто, и ключ остался у Османа. "Я велел, - говорит Осману, - призвать вас..."

Хочет подарить обещанные ключи! - подумал Осман, а тот спрашивает: сможет ли он, как летящий мекканец, влететь к нему во дворец? "Летящий не я, а Джафар", - сказал Осман. "Разве не вы, - спросил, - вчера рассказывали про ваше умение?" "А вы забыли подарить нам обещанные нам два ключа!" "Подарить? Вам?! - устрасяюще вскричал негус. - Чтоб могли в мой дворец проникнуть?!" - И так зловеще глянул, что дрожь пробежала по телу, и на миг

Осман впал в беспамятство. А когда очнулся - нет в руке ключа, негус исчез, дворец погружён во тьму. Раздался грохот шагов - к нему подошли трое с факелами и выпроводили из дворца, и когда вернулся к своим, дождался утра, чтобы поделиться приключившимся с Джафаром: - Что бы это значило - увидеть во сне ключ? - Я вчера говорил, что отец владеет ключами Каабы, вот тебе и приснилось. - Но три ключа, притом золотые! - Вот именно: были две веры, иудеев и христиан, и негус правил, давая им свободу, но появилась третья - наша! - И что же? - А то, что негусу, чтобы быть истинным правителем, надо признать и нашу веру - третий золотой ключ!

...Но раньше Омара и Амр-Аса, коих выпроводили из Абассии, дабы спешно доставили они в Мекку повеление негуса, прибудет туда Джафар: только что пришла от Мухаммеда весть о смерти Абу-Талиба.

Похоронят, не дождавшись сына-наследника. Даже к третьему поминальному дню не успеет. Ибо нельзя долее одного дня медлить с преданием умершего земле. Омыли тело, Мухаммед завернул его в белый саван - вспомнил, как Абу-Талиб говорил: У каждого путника всегда при себе должен быть под мышкой его саван!.. - положили на носилки и молча понесли на кладбище. И никаких громких причитаний над умершим, как случалось во времена джахильи [доисламские], а ныне Мухаммедом запрещено, как и царапанье и битьё себя по щекам, разрывание на себе в знак горя одежды, ибо покойный, - сказал Мухаммед, - подвергается мучениям в своей могиле, если по нему шумно причитают.

Похоронить и забыть дорогу к могиле, дабы не сердить богов, так заведено, покойный отныне принадлежит богам, по Мухаммеду - единому Аллаху. Запрет родился - не посещать могилы! Но ни слова о Боге - чтобы не вносить раздора в привычные традиции погребения. Тем более что покинул этот мир Абу-Талиб, так и не уверовав в Него!

(22) Здесь две неточности: первая "так заведено истари". В доисламские времена могилы навещались, там говорилось в духе идолопоклонства; вторая "и запрет родился", добавить: "впоследствии отменён Мухаммедом"; сослаться на Айшу: Мухаммед часто после проведённой у неё ночи навещал кладбище аль-Баки и говорил: "Мир вам, о лежащие в могилах! Да простит Бог нас и вас! Вы ушли раньше нас, но мы скоро последуем за вами, а за нами последуют те, которые придут после нас, ибо все вернёмся к Нему до Дня воскресения!"

После седьмого поминального дня совет храма собрался выбрать старейшину. Династический принцип, когда сын наследует отцу, отмела жизнь: сыновья Абу-Талиба, Джафар и Али, враждебны Каабе. Но есть другие достойные: сын Абдул-Мутталиба, Абу-Лахаб, а также Абу-Суфьян, чья родная сестра Умм-Джамиль - жена Абу-Лахаба. Голоса разделились, но, дабы избежать ссор, решили избрать обоих, и оба - враги Мухаммеда. ...Мекканские вожди снизились до Мухаммеда, направив ходатаев, попросили вечером, будто никакой вражды у них не было, пойти... к Джебраилу. Но у них в Мекке нет человека с таким именем. К ангелу?! И вожди удивили его, сказав, что Джебраил поселился в соседнем доме, и пусть Мухаммед как избранник Бога уговорит Джебраила, чтобы он согласился принять новых старейшин Каабы Абу-Лахаба и Абу-Суфьяна, есть у них к нему разговор. Даже назвали Мухаммеда... братцем (не по мекканской ли поговорке: "Если у тебя дело даже к псу, говори ему: Братец!"). "Уж не новые ли козни?" - подумал Мухаммед, но решил во имя мира пойти им навстречу: помочь рассудить, кто из них двоих главнее. У порога дома Мухаммед услышал голос Джебраила, - но с кем он говорит? "Да, это я, Джебраил... Не надо, оставьте вашу лесть!.." Неужто боги Каабы помогли вождям? Заходит Мухаммед, но Джебраил - это не он, а она! - седая женщина с двумя косами, ниспадающими на грудь!

И не успел Мухаммед слово вымолвить, как он/она, уловив, с какой просьбой явился, согласно кивает:

- Да, пусть придут, встречу с ними! Какой-то неведомый Мухаммеду арабский, каждое слово ясно по отдельности, а в соединении смысл туманный, улавливает он согласие по доброму женскому его облику, они уже здесь, новые вожди Каабы, рабыни вносят пиалы с мёдом, вином. Абу-Лахаб заискивающе на Мухаммеда смотрит:

"Да уберёжёт тебя Бог от напастей!"

"Но ты, - напоминает ему Мухаммед, - многобожник!"

"По недомыслию был!" Абу-Суфьян кивает ему.

"А ваше намерение убить меня?"

"Не наше, а её!" - отвечает, в глазах искреннее сожаление.

"Чьё её?" Уж не о ней ли, выдающей себя за Джебраила, - ангела в женском обличье! - они толкуют? А те: - Отныне мы твои друзья, пусть он попросит ангела, ведь только ты его понимаешь! Но там, за дверью, куда его силой втолкнули, - женщина, которую недавно видел, и они говорили о просьбе мекканцев: невзрачная на вид, съёжилась комком - неужто от её воли зависит жизнь Мухаммеда? И тут за дверью раздался истошный верблюжий, будто вели на убой, рёв, ему стал вторить рёв другого, третьего - целое стадо верблюдов ревело, и Мухаммед отчетливо различал человечесьи голоса в этом оглушающем рёве, и так странно было их смешение.

53. И дом их - пустыня

Новый удар: смерть Хадиджи! Даже смерть первенца-сына, Касыма незабвенного - тяжела была потеря, незаживающая рана, но горе с ним все годы делила Хадиджа; а тяжесть её ухода разделить не с кем, а одному не вынести. Начался новый отсчёт времени: до и после Хадиджи. И день первый, когда смерть, вчера казавшаяся неизбежной, и ждали все, что явится Азраил, чтобы душу Хадиджи забрать, отступила, - не богиня ли Манату, тайная вера в которую так и не оставляла жену, заступилась? Даже уверовав в избранничество Мухаммеда, она навещала храм богини и, дотронувшись до деревянного основания фигуры, глядела на зачёсанные её волосы, одежду, покрытую тонкими пластинами золота, дар её второго мужа храму. Костью инкрустированы глаза богини, открытые части лица, ног и рук, и по желтоватому цвету было впечатление живой человеческой кожи. Чтобы дерево не высыхало и не увлажнялось, что могло привести к порче пластинок, желобок в полу вокруг фигуры в храме наполнялся оливковым маслом.

Последний день перед её смертью - Хадиджа была ещё жива! Он говорил ей, веря в изрекаемое, что выздоровеет она. Но ты всего лишь простой смертный, не забывай о том, Мухаммед! И они соберут близких, как бы ни буйствовали недруги. Мы с тобой недавно подсчитывали, Хадиджа, ведь скоро исполнится ровно дважды по двенадцать лунных лет со дня свадьбы нашей! По мере того как Мухаммед говорил, румянец у неё на щеке выступил, губы порозовели, и она даже - особый взгляд такой, тёплый и завлекающий - поправила его, уточнив: Со дня нашего сватовства, а не свадьбы. Точнее... - порозовели щёки, стыдливая, почти девичья краска, - с того дня, как я влюбилась в тебя и решила, что непременно ты будешь мой, нестерпимо хотелось замуж за тебя! В тот день пришли её проводить, будто предчувствуя скорый конец, Осман и Ругийа, и Али здесь, дочери, подруга давняя Нафиса, с трудом передвигается, и с ходу: "Ты не торопись, - Хадидже говорит, - сначала меня проводи, а потом как богам угодно будет!"

Абу-Бакр со всей семьёй, такое случалось редко, пришёл; старший сын Абдулла показался и тотчас - на улицу, младший Мухаммед прилип к пророку, точно определил себе судьбу его телохранителя, с матерью рядом - дочь Асма, скоро выйдет замуж за двоюродного брата Мухаммеда Зубейра, купили в Бахрейне ткань в красную полоску на два свадебных платья: для Асмы и... Айши? - ещё мала! Принесли показать Хадидже, от болезни отвлечь; Айша, любимица Абу-Бахра, к отцу жмётся, не оторвать. Куда она пристально смотрит? На серыги Хадиджи!.. Больно было лежать, сняла, положила на подушку, золотые, с маленьким,

точно глазок, рубином. Заметила, как Айша, уши недавно проколоты, ниточка белая колечком, её серьги разглядывает. "Нравятся? - спросила. Айша молча кивнула. - Дарю тебе, носи на здоровье!" Хадиджа, как вспоминала потом Айша, была весела, шутила, не скажешь, что болеет. Помнит, увидев Хадиджу, решила, что та - мать Мухаммеду: Такая старая!

Столько людей пришло к ним, хотя жили бедно, не до гостей! Не скажешь о них: Много золы под их костром!.. Хадиджа попробовала есть: все эти дни ела лишь лепёшку, запивая кислым молоком, а тут попросила мяса. Ругийа вынула из принесенного глиняного котелка, ещё сохранял тепло очага, кусочек и подала матери на блюде.

И вдруг на рассвете, нет, он ещё не наступил, была самая тёмная пора неба, перед тем как ночи уйти, - смерть. А дальше как в тумане: день первый без Хадиджи. Двери настежь. Какие-то люди вокруг дома, внутри дома, много женщин, суета, его не пускают в комнату, где лежит Хадиджа. И невыносима боль, что больше никогда её не услышит, все говорят шёпотом, вдруг тишину нарушают громкие рыдания - это Фатима плачет, и чьи-то причитания. Сообщите Варге! - то ли подумал, то ли произнёс Мухаммед, - если даже знать, в каких краях путешествует, как известить? Труба подзорная, подаренная тому Абу-Бакром, вспоминается Мухаммеду.

И в день второй, если считать первым день, когда ещё была жива, похоронили: великий грех долее дня не предавать тело земле.

Когда хоронили... Тело Хадиджи, завернутое в белый саван, на дно вырытой могилы уложили, и тут у Мухаммеда затряслись губы, и перед глазами высветилось: Бисмиллахи рахмани рахим [Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!] ! Потом явились знаки, услышалось:

Хвала Ему, Бог миров,
Всемиловитому, Милосерднейшему,
Вершителю дня Судного!
Тебе мы поклоняемся, взывая о помощи!
Веди нас по дороге прямой,
по дороге тех, которых Ты милостью своей облагодетельствовал,
а не тех, которые под гневом Твоим, и не заблудших.

- Сура, которую надо помнить всем, стремясь быть первыми из трёх, о ком поведал Он, - показал Мухаммед рукой на небо, будто только что прибыл оттуда. - Первыми, кого Бог одарил Своею милостью, явил руководство к пути прямому, дабы не блуждать во тьме неверия!

И день третий. Ушёл в глубины себя - в мир, явленный ему. Знак Бога, но какой? Выстроилась череда потерь: отец, мать, Абдул-Мутталиб, Абу-Талиб. И его черёд придёт в свой срок. Сыновья, даже от служанки-христианки... - всех забрал Бог, оставив лишь дочерей. Здесь была какая-то тайна, но знать бы какая?! И Хадиджа, с которой столько прожито и пережито! Велико горе, к тому ж, кажется ему, не успела она сказать своё последнее слово. Но сказала бы слово своё!

Давно не было откровений, и вдруг точно вспышка - Фатиха. Впал в уныние: разочарован в родичах, кругом козни. Не испытание ли? Но кто, как не Джебраил, какой иной ангел передал ему одно за другим, в день четвёртый, а следом пятый, свыше ниспосланное? Я тебя создал! Тебя избрал!

Да будешь ведом умением вглядываться и вдумываться, шествуя, ибо Мне уподоблен поступью божественной. Если не божественной, то царственной. Если не царственной, то в пределах человеческих, памятуя о возвышающем избранничестве.

Разве ты в размышления погружён? Не есть ли сия поступь мысли подсказка чуткой прозорливости и вдохновенного ума, позволяющих отличить дурное от хорошего?

И подскажет путь: короткий и прямой, идя по которому, можно постичь желанную

мудрость, найти искомое счастье, обрести награду при последнем расчёте.

Да не уподобишься тем, кто запутывает, разбрасывая шипы на дорогах, как Мухаммеду - колючки под ноги, путь затрудняя.

Лжёт и скупится на советы.

Уповает на идола собственного, установленного в нише обрубок бревна или камня, и на нём нечто вроде глаз, которые незрячи, и наглухо замкнуты уста. И дом их - пустыня. Воздвигли, если власть им дана, железную стену пред теми, кто ищет мудрости, возлюбил истину, вглядывается в тайны мироздания. А иной немощен, и помыслы ослабевают, тяготеет к явному, а о сокрытом забывает, привязан к привычному, но чуждается озарения.

Чувствами бодрствует, а разумом дремлет.

Так что же?

Просвещать, не утомляя, и наставлять, развлекаая? Выдающееся и превосходное редко в этом бренном мире, как дурное и порочное отсутствует в мире божественном*.

* Эти строки ни в одной коранической суре не обнаружены.

Вот он, сундук дубовый, обручи железные, в котором её ларец, а в нём - украшения. Открыл - то был день шестой - ключиком, а там - два уровня, о втором он не знал. И записи на пергаменте и папирусе, даже три глиняные дощечки тут, аккуратно сложены. Прочтёт потом Зейд о Божьих ипостасях:

Знает о том, чего никто не знает.

Не любит престаупающих пределы дозволенного.

Прощает прегрешения.

Желает верующим облегчения...

Поверх записей ляжет потом новый папирус: записана сура, которая, ему кажется, была в последние дни жизни Хадиджи ниспослана. Она сидела на открытой веранде, закатное солнце бросало отсвет на её болезненно-бледное лицо, и Мухаммед повторил внушённое: Бисмиллахи рахмани-рахим! Или было это потом, дни перепутались?

...Закрыв крышку сундука. Ничего не трогать! Глянул на нишу - два кувшина стоят медные, читаемые узоры, нос - точно голова змеиная вытянулась и вогнулась. Оставил нетронутой комнату, никто отныне туда не заходил, названа Комнатой Хадиджи, там её сундук, и в нём - ларец. Вспомнил, как однажды Хадиджа сказала ему: Есть человек-сундук. Есть человек-шкатулка, или ларец. Есть человек-кувшин. Мухаммед тогда подумал, что Хадиджа обозначила три вещные ёмкости человеческих страстей, вожелений, но что за сказанным - не переспросил.

(23) Здесь же - написанный рукой Ибн Гасана листок, на котором выведены три буквы вроде шифра: К Л Б , а под ними - текст; долгое время это считалось суфийской игрой перетекающих одно в другое смыслов, из букв образуемых:

Всего лишь три начертания, соединённые, будто спицей вязальной, справа в сторону, где сердце, читай и уразумеешь: первичное КаЛБ - "душа", а в ней разум, ибо разумна душа, о чем было [когда?];

КаЛаБ - для кого означает "перевернуть вверх дном", и ноги болтаются наверху, а ходить - на голове; а для кого - "масло выжимать из пальмового дерева", масло - суть, а пальма - форма; а ещё - "покраснение", но не из чувства стыда или вдруг что-то вспомнилось, что привело в смятение, а всего лишь "финиковое созревание", вроде красного эликсира зрелости и жизнелюбия;

аКЛаБ - это "запечь хлеб", но лишь с одной стороны, и он остаётся недопечённым, комом застревая в горле;

и ещё таКаЛлаБ - "беспокойный во сне", когда нечто всплывает из глубин или проникает извне дух, будоражащий нечистую совесть возникающими картинками, и надо

непрерывно после пробуждения очиститься. На обороте листка - новое понятие, образованное из тех же букв, означает "веревку", может сойти за "аркан", "пути", от коих, как известно, наступают аллегорические смерти: белая - эмоциональное освобождение от нищеты, зеленая - свобода от телесной грязи, чёрная - независимость от материальных вещей. И продолжено: О, как важно содержать в узде [заарканить?] личностные страсти, вожделения, или нафс, чьи стадии развития восходят от низшего к высшим, и это достигается большим джихадом - борьбой человека с самим собой:

нафс испорченный, нафс-и-аммара, когда страсти командуют и диктуют, обращая в раба;

нафс обвиняющий, или нафс-и-лаввама, когда жаждешь пред сном покаяться, чтобы утром о том забыть;

а вершина вершин - нафс чистый и совершенный, нафс-и-сафийа ва камила, когда победил в себе дьявола, сатану. И зреют три новых начертания - вязь из Х Л Д, трёхбуквенные корни которой и облагородят слово, когда камень вдруг становится таким же благоуханным, как мускус; и объедают собой всё, что нужно человеку для совершенствования, дабы быть неизменным или верным себе:

ХаЛаД - увековечить имя и род свой;

аХЛаД - быть преданным Божественному в себе и не обмануться, приняв

ХуЛД за подземных в своём бытии крота, полевую мышку или надземного, взлетающего высоко-высоко жаворонка, хотя здесь содержится и то, и другое, и третье, ибо живущие эти существа даны и сами по себе, и в уподоблении человеку: прятаться, когда угроза, быть бережливым и хранить добро, а также не зарываться в низменные свои заботы, которые преходящи, и помнить о Небе, а оно - и вечность, и рай, что, в сущности, одно и то же, ибо нет рая вне вечного блаженства, а само блаженство и есть рай; а ещё ХаЛаД - мысль, ум, душа, даже

ХаваЛиД - горы, скалы как подпорка человеку, чтобы укрыться в тени от зноя, спрятаться от буйного ветра или вдохнуть прохладу высоты, но и метафора духовной опоры на заповеди Писания.

[Частичная разгадка К Л Б и Х Л Д пришла, когда обнаружилась в архиве Ибн Гасана тонкая папка с теми же на ней буквами, а внутри - первые суры, ниспосланные Мухаммеду, и... стихи (они приведены в свитках коранического повествования), записанные, очевидно, Хадиджой, - Мухаммед велел ей сжечь их, но она сохранила.]

И день седьмой, когда по исстари заведённому в Хиджазе обычаю собрались помянуть Хадиджу. Дом, большой и просторный, еле вместил пришедших. Даже Абу-Лахаб явился с женой Умм-Джамиль и сыновьями, прогнавшими жён - дочерей Мухаммеда, но о вражде - ни слова.

54. Тьма неведения

Дом с уходом Хадиджи сразу опустел. Все тайны раскрыл, кроме тайны смерти, и узкий серп луны - печали символ.

А в бездумье - сны с явлениями умерших: и мать снится, и сыновья, знает Мухаммед, что они лишь во сне живые. Вот и вчера, когда ушли поминавшие её, приснилось: приехала Хадиджа к нему откуда-то с первенцем-сыном Касымом, задумчивое личико, чистое и опрятное; Мухаммед их встречает у южных ворот Мекки, не хотят идти домой, чтобы враги не выследили. - Нам здесь так хорошо! - вздыхает, и радостно их общение. А уходя, говорит: - Нет, оставайся, одна пойду, не волнуйся. - Передаёт ему сына, чтобы пожил у него: - Я его после заберу. - Какая-то женщина помогает сына выкупать, а это и не сын вовсе - незнакомая девочка! Растерян Мухаммед: что скажет Хадидже, когда придёт за сыном? Явилась, но прежде услышал её голос: - Как ты там, Мухаммед? - Шёпотом ей, что плохо ему. - А сына сберёг? - Сына?! - но тут же, чтобы не расстраивалась: - Да, - говорит, - разве я позволю кому

его обидеть? А та: - Неправда! Разве у нас есть сын? - Забыла?! Хадиджа возразить хочет, но вдруг её вроде осенило, быстро-быстро закивала головой: - Ну конечно же есть, как могла я забыть? Шюкралла его имя! - И смотрит изучающе на Мухаммеда. Проверить хочет? Хорошее имя придумала! Но сомнение в его взгляде: ведь Шюкралла - не имя, а Благодарение Аллаху! Хадиджа, уловив его недоверие - покойная чутка была, тотчас схватывала на лету, у кого какая задумка, - быстро сказала: - Сын он тебе!* - Потом: Непременно женись, - говорит. - Без мужа женщина проживёт, а мужчина без жены - всё равно что сирота!

* Нельзя не подивиться таинственному совпадению: то ли сон с Хадиджей был увиден после того, как к нему пришла в Йатрибе, после бегства из Мекки, семья, а в ней - ученик, ставший впоследствии носителем сур, подросток Шюкралла, чьей уникальной памяти мы обязаны, как и Зейду, сохранностью многих сур, и тогда сон объясним; то ли приснилось это до бегства в Йатриб, и тогда сон воистину вещей.

- Но у меня есть ты!

- Поговорили с тобой - пойду. Где мой дом хочешь знать? Я живу внутри огромной полой жемчужины!

Такой Хадиджа осталась в памяти Мухаммеда: на губах - улыбка, во взгляде - недоверие. Мухаммед поймал себя на мысли, что, когда видел Хадиджу, смутные черты матери неизменно прояснялись, мать и Хадиджа в его представлении слились. Ново в их кругу, чтобы мужчина горевал о потере женщины, пусть и единственной в своём роде. Женщина... не почитается ли она существом низшим?

- Да запечатает Бог уста, изрекающие подобное! - сказал Мухаммед, и собеседник (сколько их было!) умолк, недоумевая, ведь повторил очевидное! Уразумей и запомни, что именно женщине доверил Бог носить во чреве своём каждого, кому суждено родиться! ...Абу-Лахаб, дядя, но и первейший враг Мухаммеда, старейшина Каабы, переступил порог его дома:

- Не угощаться пришёл, - сказал Фатиме, которая вышла его встречать, с отцом твоим, племянником родным поговорить! - Тут же, будто вчера виделись: - Да, Мухаммед, я искренне сочувствую твоему горю, две смерти разом обрушились: моего брата Абу-Талиба и Хадиджи, оба были тебе опорой! Умолк, дав понять, что Мухаммед отныне беззащитен; вспомнил, произнеся слово в слово, что говорил при избрании старейшиной Каабы: мол, жизнь продолжается, Мекке богатеть, Каабе процветать, родам крепнуть, племени курайшей славиться в мире! - Что ж, признаюсь, между нами много хорошего было, недоброго тоже, в роду и ссорятся, и мирятся! Забудем дурное! На моё покровительство положись! Мухаммед слушал безучастно, тот решил, что отныне племянник перестанет будоражить мекканцев бреднями, стыдить и укорять. "А ты пойдёшь к Мухаммеду, спроси, - велела Абу-Лахабу жена: не забыла, как Мухаммед прозвал её носильщицей дров для адского пламени, - желает ли он примирения? Если одумался, испытай вопросом, что уготовано нам, многобожникам, после смерти?" Прежде чем покинуть Мухаммеда, Абу-Лахаб решил подступиться к тому, что советовала жена, заговорил о бренности жизни: мол, пришли - уйдём, обратившись в прах, стоит ли отравлять жизнь, лишь однажды каждым из нас проживаемую?

- Жизнь, - ответил Мухаммед, - не одна, а две: ближняя - в этом мире, она коротка, и дальняя, в мире том, невидимом - она вечная. Смерти тоже две: до рождения и после жизни. И третья есть, временная, чтобы не забывали, сон! Четвёртая тоже, мёртвые среди живых! Даже пятая, физическая. А шестая ад!

Издевается?! - Абу-Лахаб подумал: - Но Хадиджа... - Мухаммед не дал договорить:

- Богобоязненные не вкусят смерти, лишь первую, физическую, а далее вечная жизнь в раю!

- Надеюсь, мой брат и твой отец, - уж тут Мухаммед отступит! удостоен вечной жизни?

- Увы, идолопоклонники горят в адском пламени, но я молюсь за них, чтобы Бог сжалился! Даже слышу треск горящих дров, - повторил сказанное про его жену, - приносимых на топку многобожниками!

Абу-Лахаб резко встал - жена права, зря старается:

- Ты неизлечим, безумец, и я ошибся, придя к тебе! Но учти: не будет тебе жизни в Мекке, и да познаешь ты правоту моих слов!

55. Тюки слов

С рассветными лучами, когда ночь ещё не ушла, покинул Мухаммед Мекку и в поисках возможного прибежища отправился с Зейдом в Таиф. В детстве, помнит, приезжали сюда, кормились стручками акаций, ягодами чёрной и белой шелковицы, сбиваемыми длинной палкой, и падали они на посланную синюю простыню. Обратиться к таифцам? Собралась толпа: - Но если ты пророк, яви чудо! И Мухаммед заговорил... Зейд впоследствии заметит, что, когда Мухаммед обратился к враждебной толпе, сияние исходило из лика его, на висках серебрилась седина, и он соткал из речи ткань, которая не истлеет со временем и не потонет в круговороте событий: - Неужто ещё чудеса являть к тем, что были прежде?! Что посох Мусы обернулся змеёй, море расступилось, рука, в пламени полыхающая, стала белой и осталась невредимой? Что сотворены из праха? Что может женщина родить, не познав мужчины? Что был брошен человек в жаркий огонь, который стал прохладой? Вода потекла из пальцев, напоив огромную армию, а многие насытились едой из котелка размером с куропатку? - Ничто не ново в твоих речениях!

- Мне было явлено, Бог молвил: Как человек нетерпелив, как будто из поспешности он создан! Дождётесь - покажу Я вам знамения, Меня не торопите! Впрошают: Когда угрозы сбудутся? О, если б знали кто не верует, какая ждёт их кара, - ни лика от огня не отвратить, ни спины! Мгновенно огонь охватит их - не спасется!

Не заметил Мухаммед, как в него полетел камень, точнее, ком песка затвердевшего. Но ясно: началось с комьев, завершится камнями.

...Голодные и усталые, покинули они Таиф, и неслась им вслед, обгоняя, молва: Привёз три тюка слов, на верблюда навьюченных, из коих два - от людей Писания услышаны, а третий... Недруги стараются уничтожить божков, коими все мы хранимы!

56. Запретные сроки

Зять Мухаммеда Осман и дочь Ругийа, оплакавшие Хадиджу, решили не оставлять Мухаммеда одного с горем, да и трудно мужчине, когда в доме нет женщины, - нашли ему новую жену (сон о женщине, помогающей мыть ребёнка, в руку?): Севда её имя, Приносящая пользу*.

* Кочующая фраза недругов Мухаммеда: Ложе Хадиджи пустовало недолго. Лучше умолчать, дабы злословие не укоренилось. Между тем присутствие Севды в доме однажды спасло Мухаммеда от гибели. Это случилось после просветления Омара, принявшего веру Мухаммеда: отыскался бедоголовый, вздумавший убить пророка. Он подошёл к дому и, заслышав мелодичный голос Севды - она грустно пела про раннее увядание, растрогался и отвратился от задуманного. Есть версия, что заговорила в нём утраченная ныне мужская честь: недостойно убивать врага в присутствии жены.

...Мухаммед спал плохо, болело сердце, часто просыпался, а под утро стал готовиться к намазу. И вдруг небо, вмиг вспыхнув, озарилось белым ярким светом, охватившим видимое пространство, вся комната разом осветилась, тут же погрузившись во тьму. Такого Мухаммед не помнит. "Что бы это значило?" - встревожился. Какое предзнаменование? Может, далеко в горах вспыхнула молния? Обычно спустя время после яркой вспышки доносятся раскаты грома. Точно небо свидетельствует на тайном языке своём о мощи, и да разумеют люди, сколь бессильны пред мощью Создателя. Подождал - тихо. Нет, то не молния. Или... что-то с глазами, чётко различали прежде близь и даль. Вспышка изнутри? Весть от Хадиджи! - вдруг

осенило. - Светлый облик Хадиджи на миг вспыхнул! Неужто привиделось лишь ему одному?! Утром выяснилось: многие видели! Утром же Абу-Бакр к нему явился.

(24) Свиток торопит события, что сказывается в скорописи, с какой каллиграф, кому поручено переписать текст, выполняет работу (не понятно: кто переписывает? чьё поручение?): Абу-Бакр посетил Мухаммеда не ранней весной, когда возник числовой знак женитьбы (что Мухаммед был моложе Хадиджи и на столько же старше Севды?), а много позже, когда деревья, отшумев своё, готовились к зиме.

Сама судьба, подумал Мухаммед, послала мне разгадчика знаков! Но и Абу-Бакр видел бесшумную вспышку в ночи: мол, видимый свет озаряет душу, переходя в дух, и дух рождает свет, лучи которого греют. Потом - неожиданность:

- Хочу, - говорит, - сблизиться с тобой, Мухаммед. - Ты и есть близкий мой друг, мы как братья. - Нет, ещё ближе стать - породниться. - Увы, нет свободной дочери, чтобы выдать за твоего сына. - Зато у меня есть лучезарная дочь Айша! - Я знаю, как она любит тебя! Когда я вижу её рядом с тобой, глаз не оторвать от вас. Не припомню, чтобы дочь хоть на шаг оставляла своего отца, удивлён, что одного тебя отпустила. А сколько в её взгляде гордости, такое ликование во всём её облике, когда ты рядом! Увы, ты знаешь: нет у меня сына, чтобы мог я осчастливить его таким сокровищем, как Айша!

- Мне нужен не сын твой, ты сам. - Готов быть ей вторым отцом, хотя вряд ли она захочет видеть рядом с истинным отцом кого бы то ни было. Айша полна твоей любовью!

- Мы с тобой говорили об этом, когда ты вышел нас проводить в тот вечер, последний для Хадиджи. Неужто не помнишь? - Много вытеснено думами о Хадидже.

- Ты сказал: Айша выросла в любви отца, ей будет недоставать любви, как покинет отчий дом, никакой другой не сможет заменить отца.

- Помню, смотрел вам вслед, Айша шла счастливая, её маленькая ручка с такой доверчивостью лежала, спрятанная, в твоей большой руке.

- Ты прав, Мухаммед, если есть такой мужчина, кому бы я доверил её, то это ты, Мухаммед!.. Но дослушай! Когда покойная Хадиджа сказала, что дочь моя будет с нами, решил, что придёт день... укоренился в этом, когда Хадиджа подарила Айше серьги, то было предзнаменование! И я вручу судьбу Айши тебе, чтобы со временем стала она твоей женой. - Айша? Дитя? Моей женой?!

Если Мухаммед скажет "нет", не посмеет Абу-Бакр настаивать, и потому торопливо произнёс, даже дрожь была в голосе:

- Заклинаю тебя именем Аллаха, - из новых формул, которые родились, не отвергай мою просьбу! Только если Айша будет с тобой, сердце отца успокоится, и уже ничто не сможет разорвать наш с тобой союз... - Говорить, не молчать!.. - Никто не торопит нас, Мухаммед!

Но отвергнуть дар! Абу-Бакр предложил, не приподнеся, а Мухаммед не отверг, приняв? Любовь к девочке-женщине? Учить любить, приучать и не отпугнуть? Обладать хрупким созданием!..

Абу-Бакр говорил долго, не давая вставить слово, а потом ушёл. Но недолго оставался Мухаммед в одиночестве: новая неожиданность - к нему йатрибец явился, первый из чужих - Амр, имя, распространённое на арабийских просторах, и пришёл не один - с Абу-Бакром и Билалом: как только вышли от Мухаммеда, наткнулись на йатрибца. Тот сошёл с верблюда, представился седельником, мол, наслышан о хашимите, который, как и он, разуверился в идолах, и решил взглянуть на этого удивительного человека, приехал в не посещаемую из-за идолов Мекку. А как вошли к Мухаммеду, тотчас спросил:

- Я седельник, а кто ты?

- Посланник Всевышнего Аллаха, - ответил Мухаммед.

- С чем же ты послан?

- Передать людям Его повеления, чтобы поклонялись Невидимому!
- И кто тебя в этом поддерживает?
- Свободный и раб, - ответил, показав на Абу-Бакра и Билала.
- Я буду третьим, кто последует за тобой!
- Ты не сможешь сейчас это сделать, видишь, как ведут себя мои сородичи, грозят убить меня. Возвращайся к семье в Йатриб, когда услышишь, что я победил с помощью Бога, приходи ко мне!

- Но поведай, чему мне следовать, дабы простились грехи мои?
- Скажу тебе, о седельник, да услышат все, кому услышанное передашь: дабы восторжествовал единый Бог, молись до восхода солнца, потом не молись, пока солнце не поднимется на высоту копья, ибо меж рогов шайтана восходит, и неверные в это время повинуются ему. И молись, пока тень от копья не исчезнет, ибо наступает время, когда в геенне разжигается пламя, третья молитва - когда тень от копья к восходу повернёт, а четвёртая послеполуденная, и снова не молись, пока не зайдёт солнце, ибо садится оно меж рогов шайтана, и снова неверные ему поклоняются. А как исчезнет солнце, пятую свершай молитву!

57.

Свиток опоясан фразой, она начальная и конечная:

Кривизна судьбы Свысока взирают мекканцы на арабов, прибывающих из Йатриба, ещё не ставшего Мединой, или Городом Пророка. Купеческая Мекка даже презирает их как земледельцев, рабов земли, уважая, однако, богатые там роды, прежде всего евреев-ростовщиков. А ведь в Мекке живёт человек, кому посылаются откровения, схожие с тем, что говорят, страшая, иудеи: "Явится Мессия, и отмститесь всем, кто не благоволит к нам!" Не Мухаммед ли - недаром редкое имя, прежде не слыхивали - и есть тот Мессия, о котором толкуют иудеи?! Но Мессия наш, арабов! И разом покончить с раздорами, обрета всеединство!

- ...Но каждый, кто жаждет встречи с Мухаммедом, - припугнули йатрибцев, - совершает грех пред богами Каабы.

Случай помог. Недаром о Йатрибе думал я! - приклеились буквы, и не оторвать. Нашёлся провожатый, который поздним вечером организовал встречу йатрибцев, их было шестеро, у узкой горной тропы Акабы меж скалами неподалёку от подножия горы Арафат, - Зейд. - Кто вы и с какой вестью ко мне? - спросил Мухаммед. - Прослышали о твоих откровениях.

- Не мои они, ниспосланы Богом! - поправил. Поинтересовался, однако, какие суры им ведомы?

- Пока шли, - ответил за них Зейд, - прочли мне суры Ночь и Утро. - Мы понесём, Мухаммед, сказанное тобой в Йатриб! И заключили на холме Акаба договор, даже слегка надрезали кожу на руке и слизали друг у друга выступившую кровь, дабы крепче был союз. Первая Акаба: встреча и клятва. Выстроилось десять условий, йатрибцы-хазраджи присягнули, как сказано, присягой женщин, которая зачастую почитается более надёжной, нежели мужская: Не почитать другого Бога, кроме Аллаха. Тем, кто принял новую веру, содержать дома свои в опрятности, избавиться от идолов, стремиться к чистоте помыслов, дел и поступков. Быть верным данному слову: сказал - не отказывайся, сказал - не думай иначе, сказал - не поступай противно. Не зариться на чужое добро. Не покушаться ни на чью честь. Запрет на убиение рождающихся в семье девочек.

Не лгать и не лжесвидетельствовать, измышляя клевету. Подавлять в себе гордыню.

Исполнять предназначения, данные свыше Мухаммеду, и потому: знать суры, не ослушаться посланника Бога, всячески помогать ему, поддерживать и защищать его. И последняя заповедь, десятая: Приветствовать друг друга при встречах без надменности и

кичливости. А то бывает: встретятся два араба в пустыне, никто никому не уступит дорогу, кидаются друг на друга, будто лютые звери, - кто кого убьёт. - Отныне, - поясняет, - встретятся два араба и приветствуют друг друга: кто раньше - тому Бог больше воздаст. Праотцы приветствовали друг друга: "Мир тебе!", или "Салам-алейкум!" Ответ: "Алейкум-салам!", или "Мир и тебе!" И сколько раз на дню случится встреча, утром или днём, на рассвете или вечером, опережать друг друга в приветствии. Из заповедей, особо не оговоренных, помнить всегда про аманат (или иначе: про доверенное как аманат): неписанный закон для купцов, кочевников и путешественников, выгодный всем и каждому: Храни тебе доверенное в неприкосновенности и невредимым верни хозяину по первому же его зову! Или: И не присваивайте доверенного вам!

58. Но почему ты, Мухаммед?

Йатриб! Только туда! И, не опасаясь за жизнь собственную и родичей, распространять, никому не причиняя вреда, своё учение! Но почему ты, Мухаммед? Ибо известно задолго, что будет именно так, не иначе! Ибо случилось! Или привиделось, что пророк? Так что же? Веруй во что желаешь и никого не тревожь, пусть пороки людские захлестывают мир? ...Вскоре оставили Мухаммеда равии, рабы. И Али почувствовал, что Мухаммед хочет остаться в одиночестве. Помнит, Мухаммед как-то сказал: - Человек должен хоть изредка остаться наедине с самим собой, вопрошая того, кто в тебе, постоянного собеседника, ибо он есть ты: каков твой вес на чаше добра и зла? И молиться, чтобы Бог защитил от зол, их пять: зло слуха, дабы уши не слышали; ложь зрения, дабы не глядели глаза надменно; уст, дабы непотребное не изрекали, поношению не подвергали покойных, ибо им уже воздано за свершённое прежде; зло сердца, сокрывающего алчность и гнев, питаемого вероломством и завистью, что пожирают добродетели, как огонь - дрова. - И умолк. - А пятое зло? Ты не сказал о нём. - Пятое зло - органов половых: прелюбодеяние! Обнажилось дно колодца, не увидишь, как прежде, в далёком детстве, отражения в воде, засох, иссякли подземные источники. И весь мысли путь, чтоб дойти до некоей черты, задаться вопросом: Кто ты? Богом избранный объединить? И чрез тебя Книга явлена? Писания были всегда, но каждое прочитывалось, дабы подтвердить правильность прежнего: не было б пророков не узнали б про Писания. И про Книгу Книг - Коран не узнали б, если б не Мухаммед. Не он, так другой? Верно. Но - Мухаммед! И пророки соберутся в день Воскресения, когда земля озарится светом, приведены будут в свидетели прегрешений человека. А потом, Мухаммед рассказывает, приведут людей моей общины. Скажу: "О мой Бог, это мои сподвижники!" А мне будет отвечено: "О, что они после тебя содеяли, чего натворили!.." - "Но пока я был среди них, - признаюсь Ему, - я им свидетель, а когда забрал меня, Ты чрез ангелов Своих наблюдатель за ними, ведь Ты всему Свидетель, Всемогущий и Мудрый!" Прервёт мой лепет: "Поистине не прекращали отступаться с тех пор, как ты с ними расстался!.." Объединить, но кого? Тех, кто в Мекке? Йатрибе? Только ли их? Людей Писания! Прибывали купцы из стран, где конец света, - Индостана, Чина. В тех землях боги свои! Чтобы все люди были как ты? Но разве желал бы ты стать ими, другим? Не хочешь разве остаться таким, каков ты есть? Быть вместе с другими - это не стать другим. Но другие... О чём ты, Мухаммед? Уцелеть бы! Из старых дум? Или поздних? Дум после-после, перенесённых в далёкое тогда и в завтрашнее теперь.

59. Тёмное нутро сундука

Встал, подошёл к сундуку, открыл крышку. Тяжёлый, с места не сдвинешь. Ты его видел, пронзив оком, с одного из кругов небесных. И услышал: сколочен из дерева небесного!.. Ларец Хадиджи, вот из-за чего открыл сундук! На месте ларец - осветил перламутровыми инкрустациями, белыми, точно светящиеся облака, тёмное нутро сундука.

...Как уехали йатрибцы, мухаммедианцы стали покидать город. На бегство похоже. И Осман, и Хамза... Но выпустить Мухаммеда?! Рискну подвергнуться, чтобы собрал

сторонников и двинулся на Мекку?! Община собралась для действий: может, объявить паломникам, что он поддержки общины лишён, обесславив, изгнать из Мекки? Нет, пока под присмотром - не опасен. А изгнание Мухаммеда за яркие, признаем, речи непременно обернется в его пользу! А если Мухамеда заковать в цепи, - предложил Абу-Джахл, - как проделывали в прошлом, ибо помогает обуздать одержимых? Помнят: так случилось с поэтическим судьёй на ярмарках Набигой за две язвительные строки против Каабы: Игрушечный дом, пристанище корысти, куда несут дары паломники одуроченные! Бросили всеумудрого Набигу в темницу, где поэт и погиб. Но прежде на волю выпустили почувствовать, сколь сладка жизнь: глаза, привыкшие к малому пространству темноты, при ярком свете тотчас ослепли, залила кровь зрачки. А ведь был почитаем при евфратско-хирском дворе покойного Номана Пятого! Не зная забот, в роскоши кочевал с ними по живописным долинам. Стгноили в темнице - но сказанное и поныне живёт в памяти!

"Но найдётся ли в Мекке кузнец, - отвечает Абу-Джахл самому себе, который возьмётся заковать Мухаммеда в цепи?" И где темница, чтобы упрятать его? Может, похитить и вывезти в безжизненную пустыню, пусть станет добычей хищников! Но первые же бедуины-кочевники, помнящие о покровительстве Абдул-Мутталиба, благоволящие к Мухаммеду, спасут! Самое надёжное - это к первоначально задуманному вернуться: "Забыли, что Абу-Суфьян предлагал?" Если ясно, что выпускать из Мекки нельзя, то мёртвый никуда не сбежит. Остаются обещанные красношёрстные верблюды тому, кто приведёт Мухаммеда на суд общины живым или мёртвым. А мёртвого как судить? Поплачут, торжественно предав земле. Но возродить кровную месть! Абу-Джахл не наивен: "Можно избежать кровной мести - в убийстве участвуют все роды курайшей!" "Что ж, сказал Абу-Лахаб, - я, как хашимит, отдаю обоих сыновей в исполнение воли богов! Но как может множество убить одного?"

- Вижу, - представился старец из Неджда защитником богов Каабы, - это вас волнует: каждый курайшский род выделяет одного человека для участия в приговоре, и тогда кровопролитие, совершённое всеми, смывает преступление, мстить будет некому и не за кого!

(25) Никакой не старец, - дописано уверенно, - а переодетый Иблис! Шайтан, который вдохнул в курайшей зловерный дух!*

_____ * Ясно, - добавляет Ибн Гасан, - что вставка поздняя: мол, родичи, даже будучи врагами, не могли без подсказки нечистой силы додуматься до такого! Здесь проглядывается попытка омеядов выгородить жену Абу-Суфьяна Хинду, ибо это именно она (это версия шиитов) предложила изошрённую хитрость.

- О да, - дружно поддержали старца за хитрость, почитаемую как знак ума, ведь она сродни мужеству: расставить ловушку и с выгодой для себя обмануть недруга, а то и простачка - и тебя признают умелым!

Старца, как стали расточать ему хвалу, будто толкнул кто резко: часто задышал, лоя ртом воздух, услышалось многократно повторенное, волна за волной накатывало: Алиф! Лям! Мим! *

_____ * Частое сочетание арабских букв - тайный смысл их соединений нескончаем.

Вынесли и оставили лежать на паласе одного, чтобы отдышался. И тут на звёздном небе вдруг что-то вспыхнуло, луч, подобный молнии, сверкнул над Каабой! Предзнаменование удачи? Но когда, договорившись о казни, вернулись к старцу обрадовать, - нет на месте старца! Мелькнула у Абу-Джахла: может, луч испепелил?

60. Выводили вас младенцами, достигается ваша зрелость

(26) В тюркских записях Ибн Гасана (подписано Гасаноглу) - двенадцать возрастных характеристик, частично могущих быть отнесёнными к Мухаммеду:

1. Дух витающий, коль скоро явился, на крыльях любви [?! - Ч.Г.].

2. Утробный период.

3. Младенчество - до 5 лет.
4. Детство - до 10 лет: грудь! [очищенное сердце?]
5. Отрочество - до 14 лет: пастушество и война [в которой участвовал?].
6. Юность - с 14 до 25.
7. Молодость - до 40 лет. Пояснено: Женитьба. Рождение сына.

8. Первая зрелость - с 40 до 60 лет: творческий взлёт [пророчество?]; смерть жены; побег [хиджра?]; новая женитьба [судя по нижеследующему, имеется в виду Айша]. Перед смертью Мухаммеда Айша говорила с ним. "Ты не заметил, - сказала ему, - как изменился. Дело не в совпадениях, что почти в одно время случились смерть Хадиджи и наша близость [?!- Ч.Г.], а в небесных, с помощью Аллаха [написано поверх Бога, будто не синонимы] изменениях, которые тебя открыли самому себе и миру. Если бы по-старому осталось, тебя тяготила бы открытость и устраивала скрытность. И тайна собственного бытия, в том числе наших с тобой отношений". Такой разговор, хотя Айша после смерти пророка стала его биографом, никем не зафиксирован, но кое-что можно почерпнуть из её суждений: что последний год был тяжёлый; все дети, кроме Фатимы, к тому времени умерли; расстраивали гаремные сплетни*, не случайно ниспослано было, цитирует Айша: Не верь ничьим наветам, о Мухаммед! Это сатана приказывает гнусность и неодобряемое!** Мухаммед накануне совершил прощальное паломничество в Мекку; обратился с проповедью, что

* Айша была грамотна, есть её записи о Мухаммеде, при халифстве Османа работала с ним по составлению текста Корана.

** В Коране иначе: О вы, которые уверовали, не следуйте по стопам шайтана, ибо зовёт он к мерзости и нечестию (Свет, 24/21).

осознаёт выполненной миссию, трогательно попрощался с молящимися; "В чем трогательность?!" - спросили Айшу. Уловив в вопросе подвох, заметила: "Гореть в аду неверующим!" Посетил кладбище Баки, глянул на еле видимый при дневном свете полумесяц, вспомнив, как глядел на него с небесных высей во время небошества, приветствовал переселившихся в рай.

У Гасаноглу читаем: По версии шиитов, не любящих Айшу, Мухаммед высказал ей претензии и не мог изречь [мол, Айша сама сочинила]: "Да будут мекканские курайши послушны умнице Айше", - это он проговорил скороговоркой до сватовства, когда Айша молвила: Как же Аллах не накажет курайшей, преследующих Его пророка?

Далее меж попадающимися афоризмами*: Мухаммед вспомнил Джебраила, как явился тот с белой розой в руке - символом непорочности Айши; но даже это не уняло ревности Мухаммеда, допытывался: была или не была измена? Но главное, что она - его биограф, не надо сеять между нею и Хадиджой рознь. Не тот конфликт**.

* Приведу некоторые, могущие быть отнесены к свиткам: (1) Совершать паломничества не внешние, а внутренние: в заповедные края собственной души. (2) Дух в большей степени, чем благими делами, очищается грехом, который понят, это самое трудное, и преодолён - а это ещё труднее. (3) О дурных качествах лучше выслушать суждения от самого себя, а не от других: те ранят, ты излечишь. (4) Течение жизни - как течение песка в пустыне: не заметно. (5) Люби врага - он твоё зеркало. Люби и друга: без него зеркало прозрачное стекло, ничего не отражает.

** Далее вроде авторского: Попробовать - всё, что касается Айши, дать вставкой, может, даже женской рукой. Ведь были женщины-поэтессы!

9. Вторая зрелость, возраст аксакала [тюркское слово!], до 80 лет [но Мухаммед умер в шестьдесят два года, а Гасаноглу - едва перевалив за семьдесят].

10. Третья зрелость [возрастные показатели не указаны, можно предположить, что годы

старости, хотя Гасаноглу избегает этого слова].

11. Младенчество.

12. Возвращение тела в утробу земли, а души - кому куда: в ад или рай.

И явлено было Мухаммеду в те же дни: Ухищряются против тебя те, которые не веруют, чтобы задержать и остановить тебя, или умертвить, или изгнать. Они ухищряются, но ухищряется и Бог. А ведь Он - лучший из ухищряющихся! ... Убийцы ночью явились к Мухаммеду, горел светильник. Глянули в щель: лежит, своим плащом зеленым укрытый! Ворвались, бросились на спящего пронзить клинком, но увидели: Али!.. Мухаммед был тут же, его видели, но комната вдруг наполнилась густой пылью, пыль стала въедаться в глаза, чешут и чешут, ослепли будто, выскочили и бежали, пока боль не унялась. В другой раз допытывались у Али: где Мухаммед? Племянник не приставлен стражем к дяде своему! - сказал им Али.

А однажды... небо звёздное вдруг прочертилось: след Ангела?!

Свиток на этом обрывается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: НЕБОШЕСТВИЕ*

* Рукописи были собраны в потрёпанной папке с полусгнившими нитями тесёмок, заказанной, очевидно, специально, чтобы уместить обширный текст как часть некоего целого. Заголовок был покрыт каким-то слоем, прочитывался лишь при свете луны, еле улавливаясь, словно уходя в тень, под лучами солнца.

Поэтическая хроника чудодейственного перенесения из Мекки в Иерусалим Мухаммеда, да будет его имя сиять на небесах, и его вознесения с Храмовой горы к Престолу Бога*.

* Далее - пояснение, вводящее в новое пространство: исра, или перенесение Мухаммеда из Мекки в Иерусалим, и мирадж - восхождение в пределы семи небес, где предстал перед тронem Всевышнего, и это случилось за год до хиджры в начале 12-го года пророчества в седьмом лунном месяце раджаб в ночь на двадцать седьмое. Здесь же отмечу, что я позволил себе вольность, убрав в нижний этаж текста, дабы его не утяжелять, доморощенное философское обобщение неведомого автора: Ухватить за хвост мгновение, и о нём, мгновении Мухаммедовом [так в самом тексте. - Ч.Г.], поведать, лишив время скоротечности, и, цепляя буковки, любоваться вязью.

б1. След ангела молниеносный в звёздном небе

Было так, как повествуют - и далее длинный список имён, среди которых непререкаемые авторитеты из числа высокочтимых и благороднейших. Назову хотя бы пятерых, да будет доволен ими Бог: Джахм ибн Аби Джахм, о ком уже было, прозванный Многоречивым; Абу Мас'уд, или Правдивейший, чей псевдоним аль-Бадри, в честь победы мусульман над многобожцами-мекканцами при Бадре, благодаря кому сохранилось многое из сказанного Мухаммедом, в частности: Человеку, который укажет другому путь к благому делу, предназначена такая же награда, как и тому, кто совершит его; Абу Хурайра, Беспристрастный, он ту же мысль выразил иначе: Тот, кто призывает других к заблуждению, взваливает на плечи бремя греха, равное по тяжести грехам тех, кто последовал его совету, но облегчив при этом ни на песчинку собственных грехов;

ибн Аббас, Точнозапоминающий (точнее: С хорошей памятью);

Абис бин Раби'а, или Ясноокий, который изрёк: Я слышал, как Омар бин аль-Хаттаб, целовавший Чёрный камень, сказал, дабы не подумали, что это то же, что и идолы, которым прежде поклонялись: "Поистине я знаю, что ты всего лишь камень и не можешь ни принести пользу, ни нанести ущерба, и если бы я не видел, как целовал тебя Посланник Аллаха, то не стал бы и сам делать этого!" И все были очевидцами происшедшего, видели, слышали и

поделились; а эти, кому поведали, сообщили другим; те, по цепочке, третьим; и дошли, нанизанные на волшебную нить, вести, или хадисы, до наших времён. ...Мухаммед в один из дней тревожных, часто меняя места своего проживания, гостил у двоюродной сестры Умм-Хани. Вечером она постелила ему в дальней части дома, чтобы никто не беспокоил, а сама удалилась на женскую половину.

(27) Слова от тревожных до проживания были зачёркнуты, но прочитывались чётко; первоначально написанные стойкими чернилами, позднее вычёркивались, видимо, слабыми, иссохли и поблекли, обнажив первооснову. Буквы в словах гостил и не беспокоил были пригнаны друг к другу с изяществом, достойным восхищения, и вязь долго не поддавалась разгадке: о каком гостевании речь, когда мекканцы пытались убить Мухаммеда? Это восточные красоты стиля, которому чужды резкости.

Когда ночь шла к концу, Мухаммед проснулся, дивясь, что проспал ранний намаз: петухи в это время начинают петь - уснули непробудным сном? Собаки вымерли будто, не перекликаются... Даже сова притихла. В такую тишину услышишь, как журчит ручей... Ни звука! Выглянул наружу: на чистом светлеющем небе ярко горела крупная звезда, полыхая изнутри живым огнём. Нет, не проспал. Готовясь к предрассветной молитве, наполнил при сиянии звезды, дабы совершить омовение, медный кувшин из большого глиняного чана, в нём вода всегда свежая и холодная (ему нравился этот кувшин с ручкой замысловатой, особым отгибом для большого пальца). Вырезанные на меди изображения скорее угадывались, чувствуемые пальцами, нежели виделись в предрассветной темени. Уподобил однажды кувшин фигурке женщины: плавные и округлые изгибы, суживающиеся в талии, будто девичий стан, и ширящиеся у основания, как раздавшиеся бедра у зрелой женщины, - эти сравнения, возникшие некстати, смутили дух, и он укорил себя, что явились они пред молитвой. Пригнул кувшин, подставив под тонкую струю ладонь, но тут прогремел, казалось, на всю Мекку, нечеловечески оглушительный и властный окрик такой силы, что даже свет звезды погас: - Эй, Мухаммед, выходи! От неожиданности он вздрогнул, и кувшин выскользнул из рук. Ухватить его! Чтобы вода не пролилась, капли её драгоценные!.. Темнее тёмной ночи стало. И странная тишина: ни шелеста, ни шороха, ни движения, ни звуков. Вдруг предстал пред ним громадного роста Джебраил. Ослепительно яркие крылья его горели лёгким светом, то был даже не свет, а свечение, которое у свечи бывает перед тем, как потухнуть. Конь возник - стоял у калитки так, будто Мухаммед сам туда привязал, терпеливо ждал седока.

Разве то был конь?!

Нет, такого видит впервые: некое блестящее белизной существо, весь искрится, глаза горят. Крупнее осла, но меньше мула, а морда... Красивой женщины лик! И этот изгиб, который всегда волнует более всего. О чём это он?! Spина была у коня длинная, удобная для сиденья. И уши большие, на ногах - белые крылья.

- Разглядывать некогда, воссядь! - повелел Джебраил. - Час пришёл!

Молнией сверкнул у коня взгляд. Искры посыпались из ноздрей: не то что сесть - к нему не подступиться! Внезапно конь опустил на передние ноги, чтобы помочь всаднику взобраться: ноги - в стремяна, и впору седло, сразу обхватившее его. И крылья коня точно стрелы огненные. Не обжигают и глазам не больно от их света, щадят их, освещая всё вокруг.

Но он уже летит в небе высоко, дух захватывает. Под копытами коня невидимая твердь. Взмах крыльев столь быстр, что незаметен. Заря на небе, а там, где Мекка... - нет, уже не Мекка! Лишь красный краешек, как ломоть спелого арбуза, на небе, осветивший кромку пустыни. И отчётливо проступили очертания земли, выпрямились неровные изгибы на ней, очистились небеса. Взгляду открылись дальние дали - высились белокаменные дворцы, окружённые крепостными стенами, с изумрудными куполами и гладкими мраморными колоннами, и свет струился водопадами по ступеням.

Караванный путь верблюжий простирался - вмятины на оранжевом песке от стоп верблюжьих и копыт коней - к Красному морю. Хиджаз с зелёными оазисами, одинокими, как стражи, пальмами - точно барьер, похожий на белёсый кинжальный шрам, грубо заживший на смуглой щеке деда, - шрам на челе земли, разделяющий в Аравии мёртвую пустыню и полную жизни Мекку, зной прибрежной полосы и прохладу плоскогорья, и главные горные цепи - родные места, где обитает племя курайшей. Моё и твоё!

Наслышанные про небошество Мухаммеда...

(28) Тут же поясняется: а) да не забудется чередование в повествовании Небесной и Земной частей; б) да запомнится, что происходящее на земле, видимое с небес, зачастую даётся для удобства восприятия с отступом; в) да привыкнут к тому, что Земное зачастую не поспевает за Небесным, а то и опережает его.

... мекканцы явились на площадь:

- Эй, мекканцы, послушайте меня! Я расскажу вам! Глупцы, хотят убить, а он... под ним конь необычный, и он летал на нём, живой, жаркий!

Видит внизу большой караван, движущийся в сторону Мекки. Ярко вспыхнул меж двух горбов верблюда розовый шёлк паланкина. Что может быть достойнее верблюда? И поступь, схожая с женской, несущей сосуд с водой на голове. Сосуд и походил на горб.

Звезда, с сиянием крыльев слившись, осталась сбоку внизу. Потом и вовсе скрылась, вместе с нею и земля. Но был спокоен Мухаммед, чувствовал, что сзади - Джебраил. - Не оглядываться! - Голос прогремел предупреждающе: не должно человеку ангела летающего видеть!

- Остановись! - крикнул вдруг. Вмиг сменились ощущения жары и холода. Затих шелест крыльев коня. - Сойди на землю и помолись! Как с высоты пасть на землю?! Но конь копытом бьёт по тверди.

- Молиться здесь? - Гора Синай, где Бог явился Мусе из горящего куста! Верхушка светла, а склон... Катится по нему свет, будто существо живое. Стремительно уносится тень облака, высвобождая лучи солнца, и больно бьют они по глазам. Пламя огня, когда горел, не стгорая, терновый куст!

- Святая земля! - услышал Джебраила. - Прежде сними обувь твою с ног твоих! - приказал.

И я молился там, где воззвал Бог к Мусе!

Мухаммед ощутил под ногами идущий из глубин жар. И снова стремительный взлёт на небо.

И видел, как горит там куст терновый?!

Тот куст не мне привиделся - Мусе! А гора дымилась, ибо Бог сошёл на неё в огне.

- Обманывает нас! - Горожане, паломники, даже иудея мекканского разглядел, ростовщика, и христиане - кто любопытствует, кто злобой обуян:

- По губам ударить, чтоб умолк!

Окрик Джебраила:

- Остановись! Конь устремился вниз, разрывая в клочья облака. Земля громадой всей летит ему навстречу. - Я должен помолиться здесь? - Вифлеем, где Иса родился! - Иса?! - Молись и больше не спрашивай! ...Стремительный взлёт в небо. До ушей Мухаммеда донёсся окрик, не Джебраила, чужой:

- Стой, Мухаммед!

Но конь спешит, не слышит. Вскоре новый окрик, голос незнаком:

- Эй, погоди!

Снова конь не убавляет бег стремительный. Вдруг видит пред собой девушку красивую, она к нему мчится, зазывающе приветлива:

- Не спеши, поговорим! - В шёпот, как в туман, обволокла.

А конь летит, рядом - Джебраил. - Чьи голоса я слышал? - спросил. - Голос первый - иудея! - И что же? - Если б сошёл, стали б иудеями! - А второй? - Голос христианина! - И стали б христианами?.. А третий голос чей?

- Земных утех то голос! Но думать некогда, и конь... такое скорое падение! Стремительность их будто нагоняет - или они её: вот-вот в землю врежутся!..

Но плавно ступил на возникший перед ними холм. Остановился у самого краешка плоскогорья. Эль-Кудс! - мелькнуло. - Храмовая гора! - Сойди и привяжи коня! - Куда? - Ох, неуч! Легко спрыгнул с коня, держа в руках поводья. Камень, на который ступил, показался... мягким? И отпечатались ступни Мухаммеда!

При свете, который излучал конь, увидел вделанное в скалу кольцо. - Не слышал о нём разве?! Привязал поводья коня. Утренняя прохлада коснулась чела. Возвышенность, и храм на ней.

- Но разве не разрушен храм?!

- И не единожды!

- Дважды!.. - Называют имена:

- Навуходоносор! Нимруд! Нимврод! - одно и то же имя, но на новый лад.

- Тит, полководец императора Адриана! - голос ростовщика-иудея: знает!

Бурак застыл, не шелохнётся даже.

(29) Наконец-то названо имя: Бурак, или Летящий молниеносный конь! Служил и другим пророкам, привязывали его к кольцу йерусалаимской скалы. Камень тот сохранился, известен как "Седло Бурака". - Ибн Гасан.

62. И предстали предо мной пророки,

прежде меня бывшие, - мекканцам говорит.

- Внушить нам хочешь, что ждали тебя?!

- Чтоб со мною вместе помолиться!

- Ну да, - чей-то смех: - Явился новый к ним пророк!

А другой язвительно: - Надеемся, последний!

- И все, как только ты явился, к молитве приступили?

- Но где? - вновь вопрошают. - Неужто в храме Исы?!

- И под ним - краеугольный камень?

- Но разве я о том, где камень? Я о молитве вам толкую!

- Так где ж тот камень? - Не унимался араб-иудей, а может, араб-христианин?

И новые вопросы, точно стрелы с ядовитыми наконечниками:

(30) Задан был однажды Мухаммеду вопрос: Под чьим храмом краеугольный камень земли - под иудейским на Храмовой горе или под христианским на Масличной горе? Возник спор. И Мухаммед ответил: Для Бога эти расстояния (между Храмовой и Масличной горой) не столь значительны, чтоб это нам оспаривать.

- Кто ж они, пророки, для молитвы ждавшие тебя?

- Стойкие!

- Что за стойкие пророки? Впервые слышу!

- Ещё не то от меня услышите!

- От стойкого тебя?

- Не мной так названы пророки! Божье то слово: Стойкие, или Улу-л-азм!

- Там был Адам? Но разве он пророк?! Нух?!

Недоумения полетели в Мухаммеда.

- Ибрагим и сын его Исмаил. И брат Мусы Гарун.

- Нельзя ли их назвать по-нашему?

- Зачем за иудеями повторять? Уста привычны к этим именам!

- Но в нашей Книге...

Не дал ему договорить:

- Услышьте все: и вы, многобожники, и вы, люди Писания!..

Но тотчас перебили:

- Кого ещё с собою рядом в темноте приметил?

- Во тьме - мы с вами, хоть и светит солнце, а там - сиянье ликов!

Мухаммед называл пророков, с которыми молился, и крики мекканцев усиливались.

- Наш Моисей? - возмущён еврей-иудей, у него деньги Абу-Галиб ссуживал.

- Йунус-Иона?!

- Иисус?! Не смей называть имя Господа всуе! - вскричал из соседнего квартала христианин.

И другой возражает - не Мухаммеду, соседу:

- Иисус - пророк?! Самозванец! - Вот-вот передерутся.

- Своих называй пророков, наших не трогай!

- Как можно их забыть? Твои слова: мол, четверо нас, из арабов, пророков было!

- К арабам - да, я послан, а трое - прежде меня!

- Увещевал, стращал, пугал!

- Назвал я тех, с кем молился!

- А Худ, правнук Нуха? А Салих? Шуайб, тесть Мусы?

Или они тебя вниманием своим не удостоили?!

- Бескрайни в небесах Божьи просторы!

Шум, гул, выкрики.

- Да будут все пророки, - бросил Мухаммед в толпу, пророками всех!

(31) Приписано: Не все пророки названы! Выстроены столбцом, заметны контуры отдельных букв*. Ещё страница, неясно, куда вставка, отклеилась: Бог, Хозяин судеб и Владыка миров, терпит все веры, все наречия: тех, кто многобожец, тех, кто иудей, тех, кто верует в Ису. Далее почерк отличный, как если бы могли назвать его курсивом, - лёгкий изящный наклон: И Мною явлен он (Мухаммед?)! А прежде явлены были другие - все сто двадцать четыре тысячи пророков! Один был удвоен, удвоен второй, и все учетверены верой, меж ними Я не делаю различий. Сказано: Тарикил мустакин + Сиратал мустакин, или: Идите дорогой прямой! Идите дорогой правды! И с честью пройдете по острому, как лезвие, и тонкому, как волос, мосту Сират из жизни этой временной в жизнь ту, вечную.

* Помещу в нижнем этаже текста имена двадцати пяти пророков, названных в Коране: Адам, Енох (Идрис), Ной (Нух), Авраам (Ибрагим), Измаил (Исмаил), Исаак (Исхак), Иаков (Йакуб), Иосиф (Йусиф), Елисей (Ал-Йаса), Иона (Йунус), Лот (Лут), Худ, Салих (Салех), Шуайб, Давид (Давуд), Соломон (Сулейман), Иезекииль (Кифл? Зуль -

Джиль?), Илия (Илийас), Захарийа (Закарийа), Иоанн Креститель (Йахйа), Иова (Аййуб), Моисей (Муса), Аарон (Гарун), Иисус (Иса) и двадцать пятый - Мухаммед.

Конь Бурак как изваяние стоит, сиянием освещая Храмовую гору, а Джебраил... Но где он, занесший его в такую немыслимую даль?! - То повеление Его! - Голос Джебраила. - Но что оно - то? - Должен сам постичь! Мухаммед скорее почувствовал, нежели увидел, как Джебраил стремительно отдалился от него, исчез, уйдя ввысь. И тут же к ногам опустилась уходящая в небо лестница, и, легкая, колыхалась она в невесомости, начала не разглядеть, исчезало в ночном тумане. Влекомый зовом, не успел занести ногу на ступень, ощутив её прочность, как стремительно унёсся вверх, и свет разлился вокруг. Тотчас всплыло детское: верёвка к небу! Рвётся! Падение! Хищная птица хватает!.. И уже внизу - глянул, лестница изогнулась - рогами вонзённый в землю месяц, близкий и не светит! Боясь упасть, крепко ухватился за верёвку. Вдруг взору предстал гигантский петух, точно висящий меж недосыгаемой высью и землёй: ноги покрыты золотящейся чешуёй, уходят вниз, гребень опирается в туманную синь неба.

- Путь в пятьсот лет надобно пройти, чтоб дотронуться до петуха! подсказал Джебраил.

- Пятьсот?!

- Ай да петух! Похожий на мекканского? Драчун?

- А день у Бога моего - как тысяча лет!..

- Согнать со скалы!.. Нет, пусть расскажет!

Увидал в толпе Абу-Бакра, уловил его недоумение. Не предупредил, что у сестры прячется. Айша рядом с отцом. Не надо было брать её! Слышит и запоминает.

- Сон вещей! Там витал лишь дух его! Телесно в Мекке оставался! - голос Абу-Бакра. Как смеет так думать?!

- И ты, кого чтим трезвым!

- Чтили! Такой же лжец, как Мухаммед!

- Не дух, а весь я, каким предстаю пред вами, и да раскается шепчущий в неверии своём!

(32) Из поверивших в Мухаммеда нашлись толкователи, - поясняет Ибн Гасан, - которые приняли рассказ Мухаммеда за быль, чудодейственную: мол, лишь духовно, некоей присущей избранным мощью вознёсся к престолу Бога. Абу-Бакр тоже так полагал, высказав однажды подобное в кругу семьи, и Айша запомнила [как ни пытался Абу-Бакр, отказавшийся позднее от подобного греховного предположения, внушить Айше, что исра и мирадж - быль, ничто не смогло в ней поколебать версию духовного лишь вознесения Мухаммеда к престолу Бога].

- А что с петухом?

- Он пением каждое утро приветствует Бога, давая знак птицам его породы на земле, чтобы пробуждали всё живое.

- Чем удивишь ещё?

- Да будет вам известно, о мои мекканцы: три голоса Богу желанны!

- Среди них и наш?

- Увы, не ваш, а голос человека, произносящего слова ниспосланной Им Книги!

- Та книга иудеев! Христиан!

- Книга есть ещё, ниспосланная людям, - Коран!

- Но голос чей второй желанен Богу твоему, Мухаммед? Неужто петуха?! А может быть, осла?!

- Нет, голос раздаётся петуха, когда увидит ангела, а

осёл кричит, когда видит дьявола!

- Так чей угоден голос?

- Голос покаяния, товба! *

* Богом была ниспослана сура Покаяние (Товба) - немало аятов в Коране, связанных с товбой: У Бога прощения просили (за грехи), а потом приносили Ему покаяние (Худ, 11/3); И обратитесь, о верующие, с покаянием к Богу, быть может, преуспеете! (Свет, 24/31); О те, которые уверовали! Обращайтесь к Богу с покаянием искренним! (Запрещение, 66/8).

- Нам не в чем каяться, покайся ты!

- Да, грешен, признаюсь! Мой первый грех...- перебили:

- В Каабу позабыл дорогу!

- Нет, первый грех, что мало поклоняюсь Богу единому. А грех второй... - снова перебили:

- Не чтишь богов курайшей!

- Да, каюсь я, что вам, курайшам, родич! И каюсь, что упорствующих вас не отвратить!

- И третий грех, что не внимал доселе петуху, не так ли?

- Да, угадали, о живущие во тьме мои мекканцы: ведь петух приветствует даруемый Им, Богом, рассвет!

- Неужто в небо надо было взобраться, чтобы про то проведать?!

63. Небо первое,

- услышал Мухаммед Джебраила: - Держись!

"Вот оно какое, первое небо!" - слышал о небесах ещё в детстве, что множество их, невидимых глазу... Взгляд не оторвать от лучезарного, из чистого серебра, свода, с него свисали на золотых цепях яркие звёзды. Навстречу Мухаммеду вышел... - такое знакомое лицо! Ну да: Адам! - Как не узнать мне праотца? - сказал Мухаммед - С ним только что молились на земле, и вот уж в круг небесный свой вернулся! Но что за существа, парящие вокруг Адама? И отчего то хмурится он, то весел? - Души детей его, - ответил Джебраил. - Их столько было, не перечать! - Лишь близнецов одних - сто пар! - Но первенцы... - Не договорил: Кабил, чья ветвь вскоре оборвётся, Абил, так и не познавший отцовства, и Шис, посланный Адаму и Еве как замена убитому Абилу, вознаграждение им *.

* Арабские имена Каина, Авеля и Сифа.

- ... По правую кто руку от Адама - блаженны те, алчущие были - насытились, плачущие были - возликовали, и, видя их, радуется Адам: им райские улады суждены. А кто по левую руку - несчастны, им уготован ад, при виде их печалится Адам.

- Но отчего они толпятся здесь?! Ведь Шис... * - Джебраил не дал Мухаммеду договорить:

* Шис, по исламу, избранник Всевышнего, кому было ниспослано из ста четырёх находящихся у Него свитков пятьдесят. От Шиса пошли также бородастые.

- Здесь всё иное, время и пространство, молчи и наблюдай!.. - Тут же: - Я на Адама со стороны гляжу. Не вздрогнул чтоб, меня увидев. - ? - Не знаешь разве?! Высок Адам был, головой касался неба, мы были смущены, ангелы высшие. И послал Бог меня к Адаму, ударил по голове, стал ростом шестидесяти локтей. Хоть высшие, подумал Мухаммед, но ангелы земные! Джебраил уловил, пиками столкнулись, выбив искры, мысль одного о мысль другого: Небесные есть ангелы ещё! Есть Рух - то Дух! Ещё - Калам, или Перо, в сан ангела небесного введённый, чтоб Бога восславил. И Нун, который Кит, поддерживающий землю, и Вода - опора Кита, что Воздухом окружена, за нею Мрак, за ним - Ничто, вот где предел

познания смертных! Адам обнял Мухаммеда: - Добро пожаловать, о праведный пророк! Давно Адама облик Мухаммеду ведом, не понаслышке: встречались с ним ещё до молитвы! Так ли важно знать, где и когда, в каком таком из множества миров и с чьей помощью, но что виделись - точно! - Добавь: и грешили! - сказал тогда Адам Мухаммеду, ввергнув в замешательство. А тот, как потом узналось, печалился о людской судьбе. - Но в чём мой грех? - невольно вырвалось у Мухаммеда. - Коль скоро избран ты, дабы искоренить грехи! - Но если грешен я... - Адам перебил его: - Грех в каждом! Нескончаемы грехи! Был безволос: ни усов, ни бороды, кожа как одежда. С гладкой головой, чуть заострённой книзу, круглой и тоже без волос, уши к ней почти прилипли, и глаза чёрные-чёрные. А на самом доньшке взгляда - обострённая чуткость, готовность услужить и раскаяние, будто в чём провинился именно перед ним. Разве не он поведал Мухаммеду, и речь его звучала странно, будто недавно говорить выучился? Задумался, сказать ли, что Бог, оживив лицо парой глаз, обозначил нос меж ними как преграду, чтобы глаза от зависти не перецарапались? Что язык защищён рядами крепких зубов и губами, чтоб не вылетали необдуманно слова?*

* Адам - прах, замешенный на воде пресной, следы её во рту, горькой, следы её в ушах, солёной, что в глазах, и зловонной, что в ноздрях, а посему у потомков Адама разные нравы и характеры. В течение тридцати девяти лет на него падал дождь горестей, и лишь год - дождь радостей.

Дитя Всевышнего!.. Столько уже говорено о нём: прах... прах... А вы? Всевышнего дитя! И впредь чтобы рождались люди не иначе, как духом сотворённые Его! А вы? Что ж вы! Ах, чтоб вы сами?! И далее, и снова, и потом, и после... - разорванная с Богом нить, покуда...

Ещё! Ещё!

Опять нить порвана, покуда... Но когда? Уж было! И ушло? И никого, кто б молвил: "Отче!" Ах да: вы сами, сами по себе, как твари все: бегущие, бредущие, летящие, парящие! Когда наедине. Без ничьего пригляда. Она и он. Он и она. Короче - пара! Что ж: ведомо то нам, что страстью рождено и в муках. Но - чтоб и с Ним?! Но... - как?!

64. Звучащая глина

И рассказал Адам... - не о том ли некогда сочинилось? - про дерзость горделивую Иблиса, из джиннов он и совратился с пути Создателя:

"Я порождён Тобой из яркого огня, нет, всепожирающего пламени, - бросил Иблис Богу, - не стану поклоняться человеку, Тобой из праха сотворённому, его почтил Ты предо мной!"

"Не из праха!"

"Ну так из глины!"

"Ты глух и не расслышал: Адама создал Я из глины звучащей, облечённой в совершенную форму!"

Но глух и Ты, - подумал сатана о Боге, и тут же, удивить Его решив, сказал: "Ведомо ль Тебе, что Ты Своим созданием иные твари всполошил, Тобою сотворённые?" И, не дав Богу опомниться, продолжил: "Да, над землёй летающего высоко орла и рыбу, что в глубинах водных плавает? Я слышал, как орёл, Адама увидав, напуган видом был его, и поспешил о том поведать рыбе:

"О, горе нам, какое страшное увидел на Земле я существо о двух ногах, но две руки хватающие, и на каждой - пять зловещих пальцев!"

"О да, - согласилась рыба, - его на берегу я тоже видела! Не даст он покоя ни тебе в заоблачных высотах, ни мне в морских глубинах!" "Так знай! - сказал Иблис кичливо. - Я Тобою создан вечным, отныне Ты не в силах превратить меня в ничто, клянусь, побиваемый камнями: засяду я против людей на Твоём прямом пути, к ним стану приходить и спереди, и сзади, справа и слева, и не найдешь Ты в них благодарности, погублю Твоё детище - Адамово

племя, украшу им всё то, что на земле. Собью их всех!" - Но началось с моих сынов, и брат пошёл на брата!

- Что ж, Иблис сдержал слово! - О, голова моя! - Адам держал её руками, казалось, в ней была вся боль, которую забыть нельзя. - Кто хоть одну погубит душу - погубит всех людей. Кто оживит хоть одну душу - тот людей всех оживит. ... Пыль, грохот. Птица, измазанная кровью земных недр. А рядом - человек, похожий на Адама, адам и есть: Адам-Человек*,

* Обыгрывается Адам, означающее в языках тюркских и персидских Человек, в отличие от арабского - Смуглый, Темнокожий.

в копоты лицо, но улыбка белых зубов, и держит в руке... - это ж голова соседа, и он - тоже Адам!

Адам спросил у Мухаммеда: - Пророк - это кто? Может, пояснишь?

- Я?! Это странно! - Мухаммед не нашелся, что сказать, а после, когда шли вместе и каждый был погружён в думы свои, Мухаммеда вдруг осенило: Пророк не тот ли, с кем Бог?.. - Нет, не тот, но вспомнил: От Меня к вам придёт руководство! Слова в листве прошелестели.

- Прости нас, о собеседник первоотца Адама!

- А это снова ты, Абу-Джахл!

- Торговые заботы замутили разум, будь добр, повтори!

- Сыны Адама! Пусть сатана не искусит вас, как извёл родителей из рая, совлекши с них одежду, им мерзость показав их! Обнажить нутро людское низменное!

- Но какие тогда одежды? - спрашивает Абу-Джахл, и домотканое длиннополное одеяние на груди расправляет.

- Адамовы сыны! Мы одеяние ниспослали вам, которое прикрыло б вашу мерзость, и перья. Но одеяние богобоязненности - лучше. А это - из Моих знамений*.

* Подобное прочитывается у кого с улыбкой взрослого над наивностью ребёнка, у кого с недоумением, возникающим на лице при виде диковинки.

И повёл Мухаммеда Адам... - на первом небесном круге обозначилась под ногами твердь, и никого на земле, лишь они двое. А потом - вокруг никого, Мухаммед один на свете, и взор его объёмлет... ещё ничего и никого: лишь горы, море, небо и земля. - Всё надо испытать. - Поди попробуй! - Удержать от истребления. - А ты невидим будь. И слышит, как горная вершина взывает к Богу: "Вот я, гора могучая, из меня твори, что сотворить задумал!" Но море зашумело: "Нет, из меня - огромно я и величественно!" Тут небо вскрикнуло, подав свой голос: "Возвышенно я!" А земля... чем ей гордиться, ногами тварей попираемой? "Ничтожна я..." - едва лишь прошептала. "Вот из тебя и сотворю Адама!" - сказал Бог. И пятикратное чтоб: чтоб не возгордился человек - пусть знает: создан он из грубой изменной земли, и часто припадает к ней, не задираясь; смирен был, терпим и снисходителен; привязался к земле: здесь жить ему и от неё кормиться; чтоб не воспламенился в нём огонь вожделья, алчности огонь, что гасится землёй, и не возгрохотал в нём гнев, землёй утихомиранный, и не взбурлила страсть, что поглощаема землёй; чтоб был силён, но крепостью надёжной, как земля: гора крошится, море сохнет, а небо... - оно бесплотно!

И когда Адам был сотворён, земля обратился к нему: "Ты пришёл ко мне, когда я уже утратила свежесть и молодость, и с тобою я воспряла!" Адам берёт Мухаммеда за руку и водит по райскому саду. И Хавва издали за ними наблюдает. В лице её, стремительно

меняющемся, Мухаммед замечает: мать! Хадиджа! Увидеть их! Но здесь ли все они? Где, как не здесь, им быть - в раю?! Но никто ещё на земле не родился: лишь Адам и Хавва!

То оставляет Джебраил его одного, витая неведомо где в этих бездонных и широких просторах, то вдруг появляется - вот он, рядом, и рассказывает про свадьбу Адама и Хаввы в пятницу: - Сватом был я, Бог - опекуном невесты, ангелы - свидетели. Далее о том, что восседал жених на белом скакуне Маймун, что значит Благословенный, о двух крылах - жемчужном и коралловом: - ... И я вёл под узцы, справа - Микаил, слева - Исафил, и Хавва в окруженье ангельского сонма - в жемчужном паланкине, водружённом на спину райского верблюда. - И сожаление в голосе, что создана женщина из плоти Адамова ребра. Прах-де очищается, а ребро - стареет. Потому женщины ущербны? Но, вспомнив про Хадиджу, Мухаммед спорит (?!): - Ребро кривое? Да! Но выпрямить захочешь - сломаешь!

- Что ж, завет свой выскажи мекканцам! - Тут же Джебраил себя поправил: - Нет! Выскажи йатрибцам! Тебя уж в Мекке нет!

- Как нет?! - Уж изгнан ты!

65. Разговор мужчин

- Эль-Кудс! Храмовая гора! Первое небо! И никаких неясностей?

- Вам что же, доказательства нужны?

- И при тебе, поведай нам, о Мухаммед, если убедить нас хочешь, Адам и Хавва любовь познали?.. Не хмурься, разговор мужчин, не явлен ведь ещё тобой запрет: мужчинам-де сокрыть от взглядов всё, что ниже пупка и выше колен, а женщинам - всё тело, кроме кистей рук и лунного лика!

Тут встрял мекканец, себя поэтом мнит, в беседу... ну да, не спор ведь, мирная беседа: - И слышал, как в любви изъяснялись прародители? - другой вторит Абу-Джахлу.

- Кого ещё довелось увидеть, когда Адам был ввергнут в грех любви, и Хавва ему внимала, нежной страстию полна. Там, сказывают, были лев, павлин, змея... - и с ними ты? Быть может, смысл нам пояснишь преданья? А нет, не сможешь если, - помогу!

- Что спрашивать Мухаммеда о том, что ясно всем?

заметил Абу-Джахл: - Лев - символ силы, столь нужной при любви. Павлин - то красота, что ж, быть должна любовь красивой! А змея...

- Павлин, конечно ж, - уточнил поэт, - хвост развернул, покрасоваться чтоб многоцветьем перьев перламутровых.

- Не только! - молвил Абу-Джахл.

- А для чего ещё? - удивлён поэт.

- Чтоб научить влюблённых!

- Но чему?

- Поэт, а не сообразишь!

- Неужто для того, - заметил кто-то новый из толпы, - чтобы прикрыть от глаз чужих влюблённых?

- Но от кого? Кто ж там чужак?! Ах да, - сообразил, взглянув на Мухаммеда. - Ведь он там был, наш Мухаммед, и мог бы подглядеть!

- Нет, не сообразил! - всё тот же Абу-Джахл.

- Ему простительно, он молод, - старик заметил, придя

на подмогу поэту, и сладострастная улыбка, полная зависти, заиграла на его губах: - Эх, юность, юность, что ж ты меня покинула, оставив на съедение смерти?

- Не причитай прежде времени, а скажи, чтоб знал я, чтобы все узнали, и он, Мухаммед, тоже!

Но был уже Мухаммед на небе Адама, и пусть мужчины, все тайны тайн постигшие любви, доспорят без него.

- ... Развёрнутый во всей красе павлиний хвост - то был намёк влюблённым!

- Какой? - поэт не унимался.

- Раскрытый символ чувств! А змея... - и снова перебил поэт, незнанием уязвлённый:

- Змея - тут тайны никакой: знак мудрости!..

- Опять ты оплошал! Любви, как вижу, не изведаль!

- Ты поясни, чем укорять!

- Но что краснеть - случается такое!

- Так не тяни, скажи!

- Урок змеи - переплетенье тел влюблённых!.. О бог Хубал, как непонятливы мекканцы, мнящие себя поэтами!..

повернулся к собеседнику: - Змея, чьё тело в неге извивалось, не поучение ли для влюблённых? *

* Не послужило ли это подсказкой поэту Средневековья Ибн Зульфикару сочинить поэму на сей сюжет: "... был львом, он символ мощи, вдохновлён Адам, во грех любви повергнутый, и Хавва, нежной страстию полна, ему внимала, и яркокрасочный павлиний хвост, напоминание чувств её, - любви Адамовой раскрыты, и тел влюблённых переплетение, точно змия научение, чьё тело в неге извивалось..." И так далее.

- ... Оставайся с нами! - говорит Адам. И Хавва, согласная, кивает. - Но как могу я?! - Всё было. Были все! - Но я ещё... - И ты уж был, хотя и есть - вот он ты! - Но должен я успеть! Я призван!.. - И призван, и успел! - Но у меня... - но что сказать?! - Да, и твоё изгнание из Мекки! - Но я... - и вновь умолк. - И ты бежал, спасаясь от мекканцев! (И собранные новые листы.)

66.

В мгновение ока подхватил Мухаммед, удержав, кувшин, наполненный водой для омовения, - свиток, подсказано текстом, назван:

Удержанный от падения кувшин,

задетый, когда взлетали, крылом Джебраила, и не успело из кувшина вылиться ни капли воды *.

* Заглавие Удержанный от падения кувшин придумал я, позволив себе дерзость по-авторски проявиться в столь ответственный момент сочинения. И прежде пытался вмешаться в текст - с учётом названия коранического повествования Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина озаглавить первый свиток второй части как Падающий кувшин; тогда не осмелился, теперь решил название оставить, тем более что оно сродни заголовкам, чисто внешне, конечно, коранических сур. В уподоблении этом нет сомнений, название соответствует тексту, во-первых, по смыслу, во-вторых, созвучно с другими заглавиями, а в-третьих, оправдано чередующимися небесными и земными частями, их взаимопереходами.

Впервые, будто приглашая восхититься им, кувшин ожил, высокий, с широким горлышком, словно в жажде раскрытая пасть, и выступает острый язычок. И ни одного на

поверхности его свободного от орнамента места. Весь в волнистых и прерывистых линиях, кругах и полукружиях, квадратах и ромбиках, напоминающих вязь мудрости.

Если долго всматриваться в узоры, начинает казаться, что все его фигуры, линии, зигзаги движутся. Каждый раз Мухаммед, помнит, находил для себя на его поверхности новый узор, другой орнамент, не замеченный прежде. Вот и сейчас: взгляделся и увидел на нём... - точно был слепцом, у которого лишь пальцы зрячи, узоры по памяти рисует, обрёл вдруг ясновидение: ребристая насечка кругов! Их множество, на первом наружном - резьба кружевная; на втором - вытянутые к центру крупные продолговатые капли; затем - круг узкий; третий - цепочка, внутри каждого кольца вырезан цветок; в центре круга - новый, четвёртый, лицо, образ солнца с глазами, ртом, бровями; и новые круги внутри солнца, которых не счесть, а там, где носик кувшина соединяется с горловиной, сидит танцовщица с изящно изогнутыми тонкими руками, в одной - гранат, в другой - яблоко, на плече восседает длиннохвостая птица, у ног - волчица, убегающая от неё, оглядываясь. И обилие мелких и крупных птиц, спрятанных в зарослях орнамента.

... На рассвете двоюродная сестра застала Мухаммеда рассматривающим её кувшин:

- Узоры разглядываешь?
- Сколько тайн таит кувшин, не постичь.
- А райскую птицу разглядел? - спросила Хани.
- Райскую? - В кругах небесных мне открылся рай!
- Ну да, птицу Симург, на плече Билкис сидит!
- Откуда известно, что это Билкис?
- Дед сказал, когда из Эль-Кудса кувшин привёз. Нравится - забирай.

Хани удивило, что у Мухаммеда уставший вид, точно не спал.

Сестра! Как спал ты? - спросит. Спал? Успел прожить я жизнь. Всю до конца. И видел...- нет! ещё не прожил, но увидел в кругах небесных, как меня хоронят!

- ... У тебя утомлённое лицо. - Сразу поправилась: Мухаммед, как все мужчины, мнителен, что с того, что пророк?! - Но взгляд у тебя сегодня такой особенный!.. Как в молодости! - Убрала постель, а потом:

- Совершим вместе утренний намаз, - предложила.
- Помолись одна.
- А ты?
- Я уже молился, - сказал Мухаммед. - Днём вместе помолимся.
- Но когда ты успел? Твоя постель...
- Хочешь сказать, постель моя не успела остыть?
- Ну да! Выходит, не молился?!
- Спроси лучше, не когда, а где я молился!
- Так где же?

- Не здесь. - И после паузы: - Я был у трона Бога!

Застыла, в глазах растерянность. Не выдать изумления!

- И там ты молился?!

- С пророками.

- И Бог... - вымолвив, тут же умолкла, не осмелилась спросить: "Неужто и Бог молился с вами?"

- Нет, Бога навестил потом.

"Во сне приснилось!" - подумала. И тут же: - Я тебе верю! - Что-то ещё сказать, но что? Мухаммед будто ждал. - Да, милость Бога велика! - тут же вышла поделиться новостью! Не смеют преследовать!

И вскоре мекканцы... - Абу-Джахл к Абу-Лахабу явился:

- Слышал, что племянник твой придумал? У единого своего Бога побывал! Хохочет.

- Чему смеёшься?!
- Неисчерпаемость его придумок умиляет!
- Больного бред воображения!
- Но зато дерзость-то какая!
- Отправить бы его туда навечно!
- Успеем! Пусть прежде позабавит нас!
- Узнать бы, первый кто о том поведал!
- Племянница твоя, он у неё скрывался!

И вышел к мекканцам Мухаммед.

- ... Но если возможно чудо перенесения на Храмовую гору, вознесения к престолу Бога, то опиши хотя бы увиденное тобой в пути!
- Сверхъестественной тьмой покрыто было небо!
- Храм хоть увиденный в Эль-Кудсе опиши!
- Я ж говорю - разрушен!
- А город?

Тут вдруг высветился пред Мухаммедом уменьшенный до размеров ладони Эль-Кудс, и он описал его, окружённого высокой крепостной стеной.

И Абу-Бакр, ещё в юности посетивший Эль-Кудс, подтвердил точность картины.

- Но твой шёпот про сон вещей!
- Каюсь, верую и свидетельствую!
- Есть ещё сомневающиеся? - спросил.
- Есть!

- А, это ты, Атаба!.. - Имя, для Мухаммеда не из любимых, напоминает о вероломном зяте. Но этот - поэт Атаба - известен по касыде про бег верблюдицы, написана виртуозной скороговоркой, имитирующей скорость, и вошла в число семи особо отмеченных, висит на стенах Каабы.

- Что ж, - сказал ему Мухаммед, - дозволенное очевидно, запретное тоже, меж ними - сомнительное. Кто остерегается сомнительного, очищается верой, чтоб свершать поступки дозволенные, а кто не желает расставаться с сомнительным, совершает дела запретные, уподобляясь пастуху, который пасёт стадо

в заповедном месте. Если обуян неверием, подойди со мной к крепостной стене Мекки.

- Чтобы потрогать изъеденные временем камни? На ров поглядеть?

- Чтоб оставил сомнение. - Вышел из толпы, взобрался с Мухаммедом на ограду стены. - Хочу, чтоб взгляделся в даль!.. Видишь верблюжий караван?

- Нет, не вижу.

- Я тоже не вижу, но сейчас, а пролетая, видел: большой караван, и я опишу его, а ты проверишь, когда он прибудет сюда через неделю. Запомни: шёлковый паланкин на двугорбом верблюде! (Сбудется!)

- ... А ещё ты увидишь на той стороне горы Харра, не

поленись, отправься туда: на открытом поле, когда я пролетал, стояли корова, верблюд и лошадь. Тут молния блеснула, точно копытом Бурака выбитая, всё кругом высветилось, ударила по лошади, тотчас убив её!

(33) И вправду: молния в поле убьёт непременно не спокойного верблюда, хоть и ростом высок, не мирную корову, что вровень с конём, а именно коня, неугомонного, горячего, быстрого, искры мечущего из глаз. Так что в грозу стой рядом с коровой или верблюдом, подальше от коня.

Если тотчас пойдёшь, увидишь падаль, пойдёшь завтра увидишь кости!

- Пойду, так уж и быть (и белели конские кости!), но ответь: одну из сур своих... - Мухаммед перебил: - Те суры не мои, Богом явлены!

- Пусть так, неужто Он назвал одну из сур Коровой?

- Мир объясняя, с любого слова можно начинать: назвали б верблюдом, спросил: Почему не лошадь? *

* Названия сурам давались Мухаммедом, но этот диалог в Мекке не мог состояться: сура Корова явлена не в Мекке, а в Йатрибе-Медине!

... Ещё недавно, когда можно было не опасаться за жизнь, именно Атаба был послан толпой, что внимала Мухаммеду у крепостной стены, к нему домой то случилось в месяц священный рамазан*. Чтоб перестал смущать предсказаниями мекканцев. Взывал к разуму, даже страшал и

* Или, по-арабски, рамадан. Рамазан - написание персидское (на фарси), тюркское, точнее, огузско-тюркское.

грозил. Мухаммед терпеливо ждал, когда тот выдохнется.

- А теперь послушай, ещё какое мне было ниспослано повеление из Книги, строки которой, предчувствующие сомнения твои, коими умножаешь заблуждения толпы, разъяснены вестником и увещателем для людей, знающих арабский.

(34) Здесь в свитке была изображена, с оперением на кончике, изогнутая стрелка, выводящая за текст. Но куда устремлена или куда летит она, коль стрела? Ответ был получен не сразу, ибо ничто не указывало, никаких примет, на присутствие здесь иного листа, оторванного или отклеившегося. Но если изначально задано было слово "арабский", или "язык", поиск облегчался. И вскоре в той же папке, где хранились материалы и откуда были извлечены листы, отыскалось остриё выпущенной стрелы. Точь-в-точь как та, что была, и даже оперение похожее! И вонзена стрела в искомое - новые листы:

... Но прежде о другом, коль речь о языке: не спросил никто, на языке каком изъяснялись пророки. Или ведом им арабский, Адаму, Нуху? Нелеп вопрос! Но отчего?! Ещё про Джебраила скажи! Что откровения переданы Им через Джебраила на чистейшем арабском? И разговор пророков на арабском? С Мусой? Исой? Спросили и не поверившие, и поверившие. Абу-Бакр? Он подумал о том, но не спросил. Но кто из соратников? Лишь Омар.

"Так было!" - сказал ему Мухаммед. И тот: "Да, так было!" - повторил, не раздумывая, и грозно оглядел присутствующих: посмей кто не поверить!

А другие? Те, кто высмеял? Дескать, ясно что: бредни, ложь, сказки! Тыща их было - ещё одна родилась! Есть непостижимые сферы, где слышится не только проговоренное или произнесённое, но и сказанное не вслух - лишь дуновение мысли, и она постигается, улавливаясь, и слышится. Бог-де знает все наречия, тем более - языки своих посланников? Говори лишь то, во что веруешь! И никого бездумно не повторяй в согласие или в отрицание!

Я добр, но ироничен без издёвки! Удел обычный сочинителя! Хотя... - что ж, готов принять и то, и это, и другое! Что то? То - исра и мирадж.

А это?

Это - непостижимое. А что другое? Только что, в сей миг рождённое. Как у бедуина, коими были мои предки? Летит на верблюде, и всё, что взору предстаёт, мимо проносясь, выстроившись в линию, нанизывает строка за строкою. И ты, как он, спешишь выговориться? Другое - тоже тайна.

Но о ней молчок!*

* Невыговоренным осталось наиглавнейшее бедуинское двустишие: Из какого племени ты, бедуин? / Я из тех, кто умирает, если полюбит.

(35) О том, что имеется в виду некий язык, размышляет Ибн Гасан, на котором могли говорить, понимая друг друга, пророки, в данном случае араб Мухаммед с евреями Авраамом, Моисеем и Иисусом, высказано немало суждений. Самое простое - что язык и у тех и у Мухаммеда был семитский. А что до языка других пророков, о том, наряду с общераспространённым (что наличествует некая не постижимая для живущих на этом свете тайна), существует и множество иных суждений [знаток древних языков Ибн Фахм (как выявлено в новейших изысканиях, Ибн Гасан часто раскавыченно его цитирует, не всегда давая ссылку, полагая, что и тот у кого-то заимствовал) утверждает, что пророкам достаточно было, вовсе не встречаясь, постичь истину: в каждом жил каждый, а во всех - Бог, избравший их].

... Не довольно ль отвернувшихся? И они не слушают, не ведают, что сердца их в покровах, уши глухи, а в очах завеса между посланцем и всеми, и явился, чтобы не поклонялись никому, кроме Бога единого, но сказали они: "Если бы пожелал Он, чтобы уверовали в Него, то послал бы ангелов, а мы в то, с чем ты послан, не верим!"

И возгордились, глядя на семь небес, разукрашенных светильниками, забыли о мощи молний: "Кто может нас осилить?! Никто!"

(36) В архиве Ибн Гасана отыскалась запись, где говорится о хронике, точно зафиксировавшей ночное посещение Мухаммедом Эль-Кудса. Авторство приписывается историку Ахмеду бин Йусифу, который со слов посланника Бога Мухаммеда поведал о том своему внуку, тот - ещё кому-то, следует длинный ряд имён. Хроника впоследствии была обнаружена, но не целиком, а двумя частями: первая лишь констатирует: В то время когда Мухаммед отправил посла в Константинополь к румскому [византийскому] императору Ираклию, предлагая ему, а заодно и всем христианам принять ислам [об этом ещё будет], в присутствии императора находился их патриарх [более ни слова!]. Вторая часть, обнаруженная позже, является продолжением первой*.

* Вслед за рассказом посла о чудодейственном ночном путешествии Мухаммеда патриарх не без изумления поведал императору об обстоятельстве, имеющем тесную связь с только что услышанным: "Я имею обыкновение никогда не удаляться на ночь, не затворив всех дверей храма. В ночь, о которой идёт речь, я вознамерился запереть их, но сколь ни старался, а главная дверь никак не поддавалась, и тогда я послал за плотниками, которые, осмотрев дверь, заявили, что притолоки над нею и само здание так сильно осели, что им не по силам сдвинуть её с места. Я был, таким образом, принуждён оставить её отпертой. Рано утром на рассвете я пошёл туда и увидел, что камень, лежащий в углу храма, просверлен и что, кроме того, остались свежие следы на том месте, где был, очевидно, привязан, по рассказу посла, конь Мухаммеда по имени Бурак. "Видите, заметил я присутствующим, главные двери не оставались бы неподвижными, если бы сюда не являлся какой-нибудь из избранных Богом, а таковым, без сомнения, может быть только лишь пророк"".

- ...Ну что? Убедил тебя Мухаммед? - спросили у Атаба, когда он вернулся на площадь, где его ждали.

- Я такое из уст его услышал!

- Говори же! - Молчит. - Стихи?

- Божественное повеление!

- И ты поддался колдовским его чарам?! - Растерян. - Он что же, и впрямь пророк?

- Но что услышанное мной - божественная поэзия, в том убежден.

- И что же?

- Попробуй явить нечто похожее!

- Не довольно ли того, что явил Мухаммед?

- И я о том же!

- Я имею в виду иное: радуйся, что никто не способен создать второе такое: иначе была бы ещё одна бредовая поэзия!

(37) О, как впоследствии, - восклицает Ибн Гасан, - переживал Абузар за эти свои слова, когда уверовал в Мухаммеда!

- Ты поступай как хочешь, а я сниму свою касыду!

Однажды увидели: вчерашний хулиган Мухаммеда, услышав его строки, стал молиться.

- Кому молишься? - спросили.

- Не кому, а чему: неземным словам!

- А что скажешь ты, Анис? - спросили у автора одной из семи касыд.

- Я посоветуюсь с Абузаром.

Старший брат более знаменит, и он посылал его послушать, что говорит Мухаммед, и рассказать о чуде, как толкует строки Атаба.

- Поэт ли Мухаммед, ясновидец ли, обладает ли какой тайной, не знаю, но слово его не людское творение.

- Повторяешься!

- Увы! Нет на свете подобного тому, что довелось услышать мне.

- И это скажешь Абузару?

- Прежде сниму свою касыду, надеюсь, он последует моему примеру.

(38) {Всё это, одно в другом, заключено в фигурные {}, квадратные, а также обыкновенные, словно новолуние (?), скобки. И семь касыд, чьи строки выведены золотыми буквами, снимаются со стен Каабы. Но тогда или прежде, когда ветер ещё колышет семь не снятых лент... - закрыть скобку обыкновенную), вернувшись в прошлое той земной древности, когда вожди курайшей устали держать осаду дома Мухаммеда. И здесь скобка квадратная].

Время священное, паломническое, воспрещено кровопролитие, за жизнь можно не опасаться; вышел Мухаммед на базар в местечке Аказ послушать состязающихся поэтов. Нет, иначе: прислали поэты гонца к Мухаммеду, просили явиться. И он согласился пойти: чем новым удивят поэты слух - обо всем ведь сказано прежде нас!

(39) Тут, кажется, можно поместить фигурную скобку, закрывающую текст. }

[Стилистические выкрутасы со скобками производят странное впечатление: не могу опустить, коль взялся переводить, и оставлять неловко; ничего не поделаешь, профессиональная этика обязывает!]

... Слушал-слушал про охоту за дичью, но с любовной символикой, и смешались: тард, требующий игры слов, хаджв - развенчание недруга или чужеземника. Что может быть прекрасней фазаньего глаза и что уродливей? не расслышал, о чём. И тут же о совершенстве и красоте полной луны. А в ответ - другой поэт о грёзах новолуния - сколько стихов о нём, нарождающемся полумесяце! Так и состязались. Потом - кто лучше восславит своего вожда-

шейха, жанр древний и бессмертный, мадх называется. И убыли нет восхвалениям идолов. Вдруг Мухаммеду стало плохо, закружилась голова, упал, над ним столпились поэты... - вскоре пришёл в себя, еле поднялся. Был бледен. Рождалось что-то, складываясь в строки, прогремело услышанное: Не рождалось - в тебя Мной вложено! И он произнёс - сначала тихо, а потом всё более разгораясь: Нет, не восхитимся этим городом! Новый вызов мекканцам?! Отпрянули: - Как смеешь?! Одумайся! Это Мать городов! - Знает, что Мекка уммль-гура!

Нет, не восхитимся! И ты живёшь здесь, и я живу, и Он, невидимый Который, сюда порой глядится. И те, кто родили тебя, и кто родил их.

Разве Мы не сделали вам пару глаз, чтоб видели? И пару губ - неужто чтоб только изрекали? Не обладатели вы разве рук и зрения?!

И повели его на две высоты, но разве не устремился он по крутизне, за которой - пропасть?

Сказав, медленно побрёл, поддерживаемый рабом, к стоящим поодаль верблюдам, на которых приехали он, Абу-Бакр и Али.

- Постой! - крикнули ему вслед, чтоб пояснил, что значит обладатели рук и зрения?!

- Рука - что да будет полна благодеяний? - спросил другой.

- И да, и нет! Да - если уверовали. Нет - ибо есть обладатель могущества: Бог!

- А зрение - да будет оно полно проницательности?

- Но и око достоверности! И да не будете обманывающими глазами, украдкой взирающими на запретное!

- Прочти еще!

- Не достаточно ли того, что сказано? А если в сомнении вы относительно ниспосланного Им, то принесите суру, подобную только что услышанному! Если же вы этого не сделаете - а вы никогда этого не сделаете! - то побойтесь уготованного неверующим огня, топливом для которого - люди и камни! Неверующие прозвучало как сомневающиеся.

...За верблюдами, которые увозили в Мекку Мухаммеда и его близких, шли верблюды поэтов, и в Каабе, куда вскоре прибыли, можно было наблюдать странную картину: поэты, состязавшиеся, чтоб чести удостоиться повесить победившие строки на стенах Каабы, наблюдали за тем первым, который признал победу Мухаммеда. И, будто прощаясь с чем-то дорогим, тот бережно снимал со стены свиток - свое принесшее ему некогда славу стихотворение. Вскоре, как свидетельствуют очевидцы, его примеру последовали другие, и на стенах Каабы отныне поэтических свитков не вывешивали. Последней лентой трепыхались на стене стихи, точнее - касыда, чуть ли не поэма, популярного в Хиджазе поэта, чьё имя Имр-уль-Гейс, или Имрулькайс, входившая в семёрку или, по другой версии, девятку отборнейших поэтических произведений Аравии, известных как моаллак, означает привешанный.

(40) Другое название подобных стихов - "мозеххеб", или "позолоченный", ибо строки начертались золотом на плотной материи.

Стихи поэта (никто, сказывают, не превзошёл в сочинительстве его) знал почти каждый арабинец - о глазах любимой и тяжких днях разлуки возлюбленных, которая нескончаема, и встрече, столь скоротечной: Глаза как в зиму морозящий дождик, как дождь весенний, как летний ливень, как бурная осенняя гроза. И её, самую ценную касыду, сорвала сестра поэта.

(41) На отдельном листке: Касыда сохранилась! Далее - изложение содержания:

Тяжкая и горше смерти разлука выпала на долю.

Спешит поэт с возлюбленной на встречу и гонит своего коня.

И вдохновляет, восхваляя, быстрые его ноги, звенящие в беге, словно струна, взгляд, полный пламени, - путь через горы и ущелья.

И ничто поэту не помеха, не отвлечёт, не заманит: ни зов журчащих родников, ни

аромат полей, ни встреченные на пути газелеокие красавицы, и даже рифмы погоняют друг друга, чтобы финал ускорить.

И вот уже бежит ему навстречу его возлюбленная!

... И ты, Имрулькайс, счёл ложью ниспосланный Коран!

(42) Хронологическое несоответствие: не мог он обратиться напрямую к царственному Имрулькайсу, о ком сохранилось якобы высказывание Мухаммеда: "Вождь арабских поэтов, говорите? Да: истинный их предводитель - знаменосец по дороге в ад!" С большим на то основанием можно было бы назвать не Имрулькайса, якобы отвергнувшего нерукотворность Корана, а других поэтов. К примеру, Тааббата Шаррана, который сказал про злую игру джинна, вселившегося в сочинителя сур, про смеющуюся, хохочущую смерть в явленных пророку откровениях, и что ликует она, широко оскалив зубы. Или упомянуть Алькама, оставившего нам описание костей верблюжьих и человеческих каравана, сгинувшего в пустыне и погубленного богами, ибо последовал за мнимым пророком, - имелся в виду Мухаммед. Поэт умер задолго до рождения Мухаммеда в Византии, куда бежал из Аравии*.

* Из-за любовных походов Имрулькайс постоянно спасался от разъяренных мужей, отцов, братьев своих возлюбленных, от политических недругов, завистников своего таланта. Объявив себя врагом язычества, истинным христианином, Имрулькайс нашёл в Константинополе доступ во дворец императора Юстиниана, который, сменив Юстина, царствовал почти сорок лет и умер за пять лет до рождения Мухаммеда; увлёкся принцессой, которую подстерёг купающейся с подругами, была страстная любовь, приобретшая скандальную известность... То ли умер собственной смертью, то ли убит императором за соблазнение дочери: дал ему в подарок отравленную рубашку, надев которую, поэт покрывался нарывами и умер возле Ангоры.

Кому ты говоришь, Мухаммед?

67.

И поспешил Мухаммед на второе небо, да будет - вставка в свиток - всему небесному свитку названием: Небо второе. Свод неба отливал белизной стали. И украшен был драгоценными камнями яркостью слепили глаза. Но прежде красный рубин, чьим светом озарилось небо, покровительствуемый Марсом, увиден, где-то внизу обитающий. У порога был встречен, узанный... - Нух?! Вдруг возникло нечто доселе невиданное, выплывающая будто гора из тумана, реальное и точно мираж - громада ковчега! И на нём... но уже сошёл с него - сам Нух! Идёт не спеша к Мухаммеду. - Мир тебе, Нух, в миру!

И тот приветствует Мухаммеда: - Дождались, - говорит, воздев руки к небу, - нового пророка!.. Запомни этот день! - День этой нашей встречи? - День Ашура, десятое число и месяц мухаррам, когда мы вышли из ковчега, сойдя на землю! - То день, - ему Мухаммед, - когда Адам и Хавва встретились на склонах Арафата! - Немало славного в тот день: Бог Мусе явился из-за горящего куста, и он закрыл лицо, ибо боялся на Него воззреться. И было много лет спустя в тот день исполнено предначертание Его: Муса от фирауна спасся!*

* Но и горестное было в этот день: убит - обезглавлен был внук Мухаммеда Гусейн, и с тех пор известно шиитское траурное шествие Шахсей-вахсей.

- И я... - Но что? - Не станем говорить о том, что будет: я возжелал, чтоб ты чрез нас воочию свою судьбу постиг! - Что было и что есть? - И то, что будет! - А разве знает кто? - Но вот он я, тебя приветствующий! - Твой пройден путь, а я... То тайна! - Там! - А здесь? - И здесь мы, но и там. Уж явлен ты, но разве не при тебе ступили мы на землю? А что до тайны, то она останется, исчезнув. Вот мой ковчег, его ты видишь, но тайна тайн история моя, покуда сомневающихся тьма! Мухаммед с Нухом уже стоят на корабле, корма вздымается к небу:

- ... И ты со мной в блужданиях, покуда люди не преступят чрез божков своих, чрез истуканов, идиолов! И будешь ты гоним! Нет-нет, не будешь, точнее - был гоним! И более ни слова, Мухаммед!

- Нух? Тысячу лет пребывал у своего народа?!

- Без пятидесяти годов.

- Точность, достойная мекканского купца!

- Бывшего! - добавил кто-то.

- Но что в том удивительного: приблизился миг, и раскололся век!

Отвратились... - но кто? мекканцы? они тоже! да ещё камень ему вслед бросили:

- Колдовство!

- До вас и народ Нуха неправдой счёл увещевание мудрости конечной. И лжецом объявил посланного Богом к народу, чтоб не поддавался соблазну и не понёс чтоб наказание мучительное!

- Нух поведал? И бородой своей седую тряс?

- Не было её у него!

- Бороды?!

- Седой!

- Тыщу лет прожить и ни одной седины не нажить?

- Если возможно столько жить, что в том удивительного, что лишь проседь в бороде?

И не раз Нух говорил, и не два. Просил и увещевал. Умолял. "Если тяжело для вас, - говорил, - моё пребывание среди вас..." "Тяжко!" - кричали. Сказали те из народа, которые не веровали: "Всего лишь человек он, подобный вам, и хочет получить над вами власть! Если б возжелал Бог, послал бы ангелов, а этот?! Человек, в котором безумие, и не спешите поддаваться, выждите!.." И сказала мне знать, угрожая: "Если не умолкнешь! не удержишься если! побит камнями будешь!"

- Устами Нуха о себе молвишь! - бросили Мухаммеду мекканцы.

- Но разве не молвил прежде я вам, что я не ангел?

Тут Бога услышал я...

Крики лицемеров: - Ты услышал или Нух?!

- И Нух, и я!

" - ...Велико развращение человека на земле! И раскаялся Я, восскорбев в сердце Своём, что создал человека на земле!

Сделать ковчег, но из чего? Дуб Индостана крепок, но край далёк. И посадил я семя дерева гофер, что с кедром схож, рос целый век. Ещё сто лет строгал, сушил я доски, и молот мой стучал, и в дерево пила впивалась. Корабль всё выше рос, вид птицы принимая, - с головой павлина, глазами орла, грудью голубя и хвостом, как у петуха. И много лет ушло на колесо, желтизною светится подобно солнцу в полдень, и чтоб был крепок, и рулить им мог, и удержать ковчег. И всякий раз, как проходила мимо знать народа моего, задрав вверх головы, глумилась: "Ни рек вблизи, ни моря нет... корабль для суши?!" И сын любимый среди неверующих, и жена. А был ковчег длиною в тыщу локтей, шириною шестьсот, высоту тридцать, просмоленный изнутри и снаружи, с местом для пресной воды. И перенёс в ковчег всего, что летает, имея крылья, и ходит, имея ноги, пресмыкается, и растёт, и плодоносит, - всего по паре. И мы вошли в ковчег, но прежде внёс тела я прародителей наших Адама и Хаввы, чтоб не поглотила их пучина, и стали границей меж мужской и женской половинами ковчега. Но вот веление Бога свершилось: разверзлась великая бездна, врата отворились небесные. Забили из расселин земли выше высоких древ источники, точно столбы водяные.

А за бортом хохочет сын, грудь ливням подставив, и, глядя на него, вина напившегося, огнём глаза полыхают, зря черенок виноградный, подумал я, взял в ковчег! Заметался я по кораблю - ведь сын родной! - чтоб длинный шест протянуть ему, не смеет отец сына в беде покинуть! Тут глянул я за борт: крик исступлённый! стон запоздалый! и всхлипы! нет сына, волнами поглочен.

А вода, не переставая, прибывала. Но всему ведь конец уготован: успокоилось небо. Вверху - светлая синь, внизу - бездна вод. Свершилось повеление - ковчег на горе ал-Джуди утвердился, рассек её надвое. Но отчего рассёк? Ослабла вершина от кипящих в бурлении вод. Мне ведомо иное: гора возгордилась, что самая высокая, возомнила, что спасла род людской, пристанище ему дала, и Бог в гневе придал силу ковчегу, и корабль срезал её вершину, образовав из одной горы высоченной две *.

* В который раз проглядывает тюркское, точнее, кавказско-тюркское происхождение автора-переводчика, ибо расколотых надвое гор, образовавших впоследствии горы Большую и Малую, на Кавказе две: одна на юге, это Агры-даг, или Гора-боль, известная более как Арарат, а также Эльбрус Большой и Малый.

- А что с Каабой, нашею святыней? С камнем что священным?

Тоже под воду ушли?

- Обойдены потопом!

- Как?!

- Джебраилом были подняты на небо и там сбережены: и храм, и белый-белый камень, от ваших почерневший прикосновений!

Но не вняли укору.

- Свершилось повеление: да погибнет народ неправедный!

- Не нас ли так назвать измыслил ты?!

- Бог... - Не дали мекканцы договорить Мухаммеду:

- Раскаялся как будто твой Бог!

- О том не ведаю!

- В Писании прочти!

- Умми! Умми!..

- Ну да, когда неведомо тебе, уста молвят: "Я, мол, не разумею!" - хохочет, точно погубленный сын Нуха.

И срок пришёл - явился ангел смерти Азраил за моей душою. Дрогнул я. "Но отчего, - был ангел удивлён, - я вижу страх в глазах твоих, неужто не насытился ты жизнью, долее других на свете пребывающий?!" "Сладка, признался, - жизнь, и тыща лет не много!" И тело моё на земле покоится мекканской. - Но ты... вот оно, тело твоё! - Лишь отсвет!

- Теперь послушай, Мухаммед, - другой говорит, - что тебе скажем про твоего Единого: сокрушался от Своей жестокости!

И нам отныне кара не грозит. Сказал Он, в грудь бия:

"Отныне проклинать не стану ни землю, ни человека, ибо помышление его сердца, что именуя злом, - от юности людей!"

Клятву дал: "Знамение завета моего, - сказал, - радуга меж Мною и землёю, Мне будет о Моём завете напоминать!"

- Но более всего терзался Нух!

- Поболее Бога?!

68. По вам Он о людях судил, о мои земляки, и ужаснулся!

Да, виноградная лоза, одурманивающая человека вином! Нух забыть не может, как хотел, о сыне вспомнив, выбросить за борт взятый черенок, но не нашёл: сатана выкрал, пробравшись на ковчег, и упрятал, потом втайне посадил на земле после потопа. А принял

черенок - окропил его кровью павлина. Листья на лозе распустились - оросил кровью обезьяны. Плоды завязались - кровь льва пролил на лозу. Ягоды наливаясь начали соком - под лозу кровь свиньи вылил, и виноград её впитал. Вот и человек, пьющий вино, испытывает воздействия кровей этих: сначала, как павлин, хорохорится, потом кривляется по-обезьянью, затем свирепеет, как лев, а, напившись, валяется, точно свинья, в грязи, и храп его хрюканью подобен!

...Громада ковчега вдруг уменьшилась до размеров... с чем бы сравнить? Или возгордилась подобно башне, которая рухнула, ковчегом на землю легла та башня, которая вздумала покорить небо?! И ковчег оказался в раскрытой ладони Нуха; оба, он и корабль, стали стремительно отходить от Мухаммеда. Но чем более, отдаляясь, мельчал Нух, тем величественнее возникал на горизонте ковчег: тайну превращений подобных, когда великое делается крохотным, мелкое - огромным, никак не мог Мухаммед уразуметь.

Другое пространство? Нет, ещё не новое небо! - услышал голос Джебраила. Здесь восседал огромного роста ангел. И книги две огромные пред ним лежали, два калама, два пера, и пишет неустанно. Так это ж Азраил, ангел смерти! Ну да, именно здесь пребывать ему, ангелу смерти, ибо легче было начинать после потопа, когда все люди в одночасье исчезли и спаслись лишь Нух и его семья, кроме жены и сына. А книги две - рождений и смертей! Но ангелом лишь смерти наречён. Рождений ангел?! Нет ангела такого - за все рождения в ответе лишь Бог. Но и за смерти тоже! Лишь ведомы Ему людские судьбы: кому когда покинуть мир. И срок кончины каждого лишь знает Он - то ангелу неизвестно и, к счастью, людям тоже! По древу, что растёт у трона Бога... - о древо то, под кроною которого проскачешь век, меняя лошадей, и тени от его ветвей ни разу не пересечёшь! по древу этому Азраил о смерти узнаёт: слетает лист, и имя знак на нём, кто должен умереть. Не видя вошедших, Азраил еле успевал вписывать в книги имена родившихся и вычёркивал только что умерших. Зато весь мир ему открыт и видим, ибо расстояние между глазами его, слышит Мухаммед, что говорит ему Джебраил: что-то было ведомо, о чём-то узнаёт впервые, - равняется семидесяти семи тысячам дней пути! Когда возникают цифры, память Мухаммеда - закваска купеческая! удерживает. И многоног, и многокрыл Азраил, чтоб всюду мог поспеть. И многоязык. Чтобы каждого, кто населяет мир, понять он мог. Всюду, куда ни повернутся люди, - его лицо, и оттого у ангела четыре лика.

- Ему в подмогу три тыщи ангелов, и тыща, и пять ещё? О

купечество!.. Славное занятие! А пророк?! Мекканцам позор!

Что? Взмолились ангелы, что поклоняться не желают человеку,

кто будет на земле производить несчастья, кровь проливать?

Откуда знать могли, сколь дурен человек?

- А вы?

- Что мы?

- Вы были прежде всех людей, о мои мекканцы! Ангелы по вам судили, каков он, человек. И ужаснулись!

(43) Далее рассказ о других, помимо Джебраила и Азраила, главных ангелах, он сдерживает действие, и я - да простится мне дерзость вторжения в авторский текст! - убираю это в нижний этаж: А после Джебраил назвать хотел другого ангела, но Мухаммед перебил: он знает - ангел Исрафил, сокрытый на Храмовой горе, и срок придёт - возвестит о Страшном суде. Ангел столь велик, что ноги его упираются в нижние слои земли, а голова - у престола Бога, четыре крыла, тело покрыто волосами, ртами и языками.

- А Микаила, - молвит Джебраил, - ты видел в детстве, помнить должен: к тебе спустился в людском обличье исполнить Божье предназначение: разрезав грудь, вынуть сердце и очистить от чёрных сгустков!

И удивлён, что Мухаммед о том узнал лишь здесь, в кругах небесных *.

* Дурные примеры заразительны: да будет и мне доволена дерзость убрать сюда то, что Ибн Гасан сохранил по робости (устрашился гнева ангелов?), хотя и это тормозит развитие действия:

- Но где ангел, на голове у которого утверждены... - выговорить Мухаммеду страшно, - твердь неба и твердь земли? - Молчи! - вскричал Джебраил. - О нём ни слова! Вне нас, вне прочих ангелов он, мы - в движении, ему ж стоять, не шелохнувшись, на рубине хрупком!

- Но в основании рубина - бык! - Не тревожь покой быка болтливостью земного языка!

Явственно представилось непредставимое: рога быка! расстояние меж рогами как от земли до неба! где лопатки - ковчег длиной в полтыщи лет пути! и тот ковчег возлёт на спине рыбы! во вселенском море рыба та плывёт! ниже моря - новое воздушное пространство! Однажды бык, устав держать твердь неба и земли, вздохнул - тотчас треснул рог: когда другой преломится, конец наступит мира - впрочем, то во власти Бога.

- Не здесь ли, где пространство Азраила, рай?

- И ад заметишь, но прежде... - Глянул вниз Мухаммед, а там...

... пыль! крики! топот коней! летают копыта! сверканье

мечей! и стрелы, оперённые пером коршуна, над головою пролетают!

и даже лук свой ощутил в руках, был лёгок, гибок и удобен!

победа!.. нет, она лишь мнится, победа над

сородичами-нечестивцами!

Мухаммеду вдруг показалось, что услышал Зейнаб, кольнуло в сердце: дочь!

Но Зейнаб ещё жива!

Уж умерла! - кто-то ему.

И Книга вдруг пред ним - та, что была у Азраила, - раскрылась. Мухаммед глянул: Записано уж имя! Но где? И там, - рукой на Книгу одну, - и там! - рукой на Книгу другую. Как может это быть, чтоб ещё не случившееся уже случилось?! Не смотреть на Азраила! Посмотришь - тотчас умрёшь! И сонмище ангелов, несть числа им, помощникам Азраила, за ними ангелы ещё, их множество, взглядом не объять:

- Не ангелы, - Джебраил ему, - а стократно сотня тысяч воинов, пред Азраилом предстать тотчас готовы! И разделяют душу с телом, чтоб в небо воспарила, а прах вернуть земле, откуда взят.

... Вырывающие с силой, извлекающие стремительно, плавающие плавно, опережающие быстро, приказ распространяющие!

- О ком ты, Мухаммед?

- Об Азраиле! Ангелах - помощниках его! Срок придёт, и ангела из войска своего - у Азраила их стократно сотня тысяч - пошлёт, чтоб душу у неверного нещадно отрывал от тела! А души верующих...

- Ну да, коль с силой Азраил отрывает души тех, неверных, то бишь наши, то души верующих, ясно, отрывает нежно и без боли!

- Нет, ласково!

- И не заметишь, оторвалась как душа от тела! О том умершие поведали тебе, Мухаммед?!

- О, времена невежества, джахильи!

- Готовься! - Джебраил Мухаммеду.

- Ещё ступенька?

- Ты думаешь одна? Или две?

Не успел ступить, как... нет, не он к небу стремился, оно к нему с невиданною быстротой несло - новое небо! И резко стал.

69. Небо третье

Мир озарился жёлтым топазом - камнем, покровительствуемым Меркурием, и небо вокруг него, внизу светящегося, кружилось. Множество теней, но не видать, от кого или каких существ, или от чего, от древ каких отброшены: ломались тени, уходили вниз, пропадали в небесах других. Вдруг кто-то громко окликнул Мухаммеда: - О наилучший из людей! Оглянулся - никого. Но ответил, дабы быть услышанным: - Таков лишь Ибрагим! - и заученно: - Ибо десять свитков ему ниспослано было!

- А тебе, - на сей раз это был Джебраил, будто именно он чужим голосом испытывал Мухаммеда, - Коран ниспослан! - И тут же добавил: - Здесь Ибрагим! - Мухаммед услышал тотчас: - Добро пожаловать, о праведный пророк! Лишь потом праотца увидел, прислонившегося к стене Небесного храма, наполненного божественным сиянием. И праотец пошёл ему навстречу - идёт и держит руки, вытянув вперёд, и распротёр навстречу, желает будто всех обнять руками, - подобны руки праотца ветвям широким родового дерева, оно сбоку, растёт и разрастается, отбрасывая ветвями тени. Увидел - не узнал. Трижды Ибрагим привиделся, и каждый раз тот был другой: во сне перед Каабой - в чалме и невысок, похожий на деда Абдул-Мутталиба, когда сердится, губы сжаты и невидимы; когда на Храмовой горе с ним молились - незаметен и чуть сгорблен, выделялся среди всех ростом и плечами широкими лишь Муса. А тут Ибрагим высок, гордо держит седую голову, строгий взгляд. Мухаммед, приглашённый Ибрагимом, вошёл за ним в храм. - Ну вот, - сказал ему праотец, - борода твоя, как ступил сюда, на мою похожа стала! Глянул Мухаммед - была борода с проседью, а тут вся вдруг побелела, сединой ярко засверкав. И - расстроился. - Я тоже, помню, - говорит Ибрагим, - был расстроен, когда первая у меня седина появилась. "О Боже! - воскликнул. - Что это такое?" - "Знак почтенности!" - ответил мне Бог. "Что ж, - говорю Ему, - приумножь, о Боже, почтенность мою!" И борода моя в одночасье побелела.

- Да, Ибрагим!

- Но каков он, опиши нам!

- Хотите праотца себе представить?

- А как же!

- Взгляните на меня!

Вытаращили глаза, такие вдруг круглые и большие на лице, ещё бы: услышать такое!.. Возгордился-то как наш одержимый!

- На бороду, может, твою? Неужто, - с издёвкой, - такая же, выщипана будто?

- Вот именно!

- Но видел ли, чем к Храму подойти небесному, на небе ангела? - Азраила? - Он что же, поместил тебя со мною здесь?! - Нет, я лишь посетил его и возвращусь туда, - рукою вниз, где Меркурий, показывает, - к себе на землю. Ибрагим недоверчиво глянул на Мухаммеда: - Не человек к Азраилу приходит, а Азраил к человеку является, чтоб душу его взять! - Я волею Бога... - Не дал ему договорить: - И даже ко мне, когда пробил час, явился! - Вспомнить бы, никому прежде не рассказывал: придя однажды домой, незнакомца у себя застал, не удивился, когда тот представился Азраилом, ангелом смерти, де, пришёл с благовестью. Какою? Велено забрать некоего Друга Бога. "Кто сей счастливец? - воскликнул Ибрагим. - Богом клянусь, живи он даже на краю земли, поспешил бы немедля к нему, чтоб неотлучно быть с ним рядом до самой смерти!" - "Ты и есть тот Друг Божий!" - ответил Азраил. Ибрагима охватило волнение, сердце забилося, точно хлопали крыльями двести птиц. И забрал Ибрагима на Небо. - Но если, - говорит, всё ещё не веря, что Мухаммеду

удалось, увидев Азраила, спастись, - ты мне соврал, что воротиться!.. Что ж, и пророку иногда неправду сказать приходится. Врал ли я? Увы! И не раз - трижды! Общине, когда притворился больным, чтоб не идти на поклон к идолам; отцу, когда приписал главному идолу, вложив ему в руку топор, всех идолов разрушение; фирауну, когда представил сестрой жену мою Сару. - Со мною рядом Джебраил был, иного ангела не видел. - Ты невнимателен: выйди и посмотри - потом ко мне явишься!

И тут Мухаммед в клубах чёрного дыма, язычков пламени в шипящем паре разглядел некое гигантское существо. Огромная голова! Глаза красные и вспухшие! Со лба и макушки кипящим ручьём льётся пот!

А тело... - сначала ничего не понял и, лишь приглядевшись, заметил, что оно, шипящее и источающее угарные запахи, состоит наполовину из льда, наполовину из огня! Огонь постоянно возгорался, а лёд, оттаивая стремительно, тщетно пытался погасить пламя. Так и сражались они, огонь и лёд, не в силах победить друг друга. Но что сие значит?! Оторвав взгляд от устрашающего видения, которое, однако, завораживало необычностью, Мухаммед поспешил к Ибрагиму: - Объясни, что предстало моему взору?

70. Ледопламенный ангел

- Пророк ты если, нам наследующий, - уразумей!

- В ответе ангел... - Весы! - подумал. - Во всём, и в вере тоже, должна быть мера!

- За равновесие воды струящейся холодной и жарких обжигающих пустынь?

Молчал Ибрагим.

- ...За тепло земное, не иссякало чтоб, за холод, свои пределы знало чтоб? Чтоб ум и сердце. - Нет, не то!

- Ума, быть может, чтобы был расчётливый, как лёд, и сердца, чтоб горело неустанно? Вулканов... - Перебил его Ибрагим:

- Я вижу, продолжать ты можешь долго. Что ж, ты прав: и то, и это, и другое - всё может стать огнём и льдом в их общей неслиянности.

(44) Вставка, будто мастер учит подмастерье: Почему с Нухом нет диалога, подобного диалогу, не совсем, правда, удачному, Мухаммеда с Ибрагимом?

Есть диалог с Нухом! Читай внимательно! - отвечает Ибн Гасан, но кому?

Мухаммед вздохнул облегчённо.

- Но радуешься рано! Не там ищешь, Мухаммед! Вокруг да около! Подумай, кто я?

- Свитки первые - у тебя!

- Вот именно!

- Гасить вражду?

- Но чью?!

Мухаммед молчал, лихорадочно думая, будто держит экзамен на пророчество, хотя... - но свыше ведь ему пророком быть predetermined!

- Ты не сказал, кто я!

- Свитки...

- О том уже промолвил!

- Могу и заповеди перечить твои - про тела чистоту, их пять, и чистоту души, их тоже пять! - И начал было, стремительно проговорив, - даже про чистку зубов, очищение носа водой и подстригание усов...

- О чём ты, Мухаммед?!

А он спешит: и повеление добра, и запрещение зла!

Ещё сказать... - вспомнил, к ранее ниспосланному Богом про Лута дополнилось, как Ибрагим спасти людей от кары Бога пытался, когда к нему Его посланцы явились. "Мир тебе!" - сказали, "Мир!" - отвечив им и не замедлил выйти с жареным телёнком. Увидав, что к еде не притронулись, понял - не гости, стало боязно. "Не бойся!" - сказали. - Мы

посланцы к народу Лута!"

"Неужто, - спросил их Ибрагим, - погубите поселение, в котором двести верующих в Бога Единого?" "Нет!" - ответили.

"А если верующих сорок? Или девятнадцать, цифра ведь у нас священная!"

"Нет!"

"А семь, священна тоже цифра?"

И снова: "Нет!" - ответили.

"А если проживает там всего лишь Лут?"

"Ты вывел из терпения нас! Мы лучше знаем, кто там проживает!"

- Остановись! О главном не сказал!

- Ты праотец! - вдруг осенило Мухаммеда.

- Вот так-то!

- Ты множества отец!

- Да, прав ты, ну а дальше что?!

- Две ветви от тебя пошли - ветвь Исаила...

- Да, - и назвал вторым Исхака, но двуименно, как Исаак-Исхак, и впредь, называя имена, говорил двузначно, - ветви славных сыновей моих, две или поболее. Что ж, разумения твои похвальны.

- А из Исхака ветви, - похвала вдохновила Мухаммеда, но мысль свою отчего-то не завершил, уловив во взгляде праотца нетерпение: хотел сказать об Исе. - Я выслушать готов!

- Но выслушать не подвиг! - строг, как в давнем сне, когда Мухаммеду являлся с Исаилом. - Не про заповеди тела и души, о них так много на земле говорено, услышать я желаю!

- Но разве лишь слова они: и обрезание, и стрижка ногтей!

- Ещё про подмывание скажи!

- И целомудрие, и Богу преданность, и верность...

- Умолкни! - не дал договорить. - Я о вражде, что постоянна в моих ветвях! То пламя вы, и негасим ваш гнев, то ожесточение огнём бесплодным полыхает, то холодны, как лёд!

- О чём ты, праотец?!

- Возгордились, каждый полагает, именно он избран Им! Первый и единственный, а если так, то отчего б не возвыситься до Него?

И говорил о тех, кто прежде был: Ной и Нух, трёхзначно даже: царь Вавилонский Нимруд - Нимврод - Навуходносор, вскормленный будто бы тигрицей, а кто - волчицею или орлицей.

Конец его печален: ел траву, как вол, и волосом, как лев, покрылся, и когти как у птицы хищной. Но даже и ковчег!.. - Тут вдруг Мухаммед вспомнил... нет, потом! сначала мысль иная: почему ни первочеловек Адам, ни Ной-Нух - и на земле мне думалось порою двуименно, не ведал я, что это мне передалось от праотца, - коль скоро спас его Бог в ковчеге, не стали началом земных начал? Его единственным посланником?! Не стал почему праотец?! Не стал Зуль-Карнейн, или Двурогий, а ведь прожил три тыщи лет! Ступила его нога на конечный и начальный пределы земли! Достиг двух концов мира, восход и закат! Миродержатель, познавший тайны видимого и скрытого! И ни Соломон-Сулейман, чья мудрость и чьи богатства... - но что толковать об известном? Неужто потому... - додумать такое! - что Ибрагим посмел (свисающая с неба лестница задёргалась) уподобить спасительный ковчег, чей вздыблен к небу нос, башне, которая несла погибель? За мыслью Ибрагима трудно уследить.

- За мыслью ль только?! Впрочем... увы, уж не успеть!

- За кем я не поспею?

- Услышать, чтоб успеть предотвратить! - Но я...

- Нет, поздно, ибо пройден путь уже тобою!

О чём ты, праотец?!

- Гордыней обуяны, а возгордившись - возомнить, чтоб утвердиться! Мнится каждому, что избран Им лишь он, единственный и первый на земле! Но знай: поочередно явлены три ветви праотца. Сначала утвердилась ветвь одна, Мусы. Потом другая ветвь, Исы, который... - лестница снова вздрогнула в нетерпении, и Мухаммед не успел, почуяв её тревожную дрожь, зацепиться за ступеньку, чтоб взобраться, - то ли проём, то ли, сразу за обрывом, куда ушла твоя тень, переход в новое небо: неужто четвёртое?! И тут, когда переступал через ступень, чтоб оказаться в ином пространстве, пролегла длинная тень от него, будто за спиной вспыхнул яркий свет. Голос Ибрагима услышал - вдогонку ему:

- И ты, Мухаммед, будешь изгнан!

(45) На полях вставка-вопрос, поучающий упрёк, но чей - не установлено: Кто еще был изгнан, кроме Адама? Преследуемые, да, были - все пророки, но изгнанные?!

- Взгляд мой пал на лестницу, чьи невидимы ни начало, ни конец, - Мухаммед рассказывает Абу-Бакру, у кого на дальнем пастбище, где верблюды, прячется, спасаясь от мекканцев.

И каждая ступенька была первопоследняя.

Бежать из Мекки, покуда не убит!

(46) Снова скобки, закрывающиеся, точно раковина, а внутри - жемчуг; вроде текста в свитке, но по характеру - вставка.

{Много лет спустя после победоносного въезда Мухаммеда в Мекку подсказано было решение, явившееся Мухаммеду во сне (прежде ему давний спор с иудеем вспомнился, в пору мира; отвечая на уверенность Мухаммеда, что непременно вернётся победителем в Мекку и будет встречен всем народом, иудей заметил: Есть города, в которые нет возврата, - очевидно, думая об Йерушалайме, но имея в виду Мекку).

Вернётся, дабы признать святость Каабы [но прежде всех идолов разрушив (фигурка Богоматери с младенцем исчезла: была - и нет её)].

И тогда Мухаммед, вернувшись в Йатриб, велел открыть в мечети ворота на север, молиться, обратив лик к Каабе, отныне наиглавнейшей святыне Мекки города, признанного Богом, ибо именно здесь Он избрал Мухаммеда, объял его Своим взором, ниспослал на него Дух Святой.

(47). Дух Святой трактуется однозначно - как Джебраил. Так выстраивали свои толкования первые. К сожалению, о чём будет сказано не раз... - фраза не завершена Ибн Гасаном, но, предполагая, о чём он мог сказать, добавлю, выйдя за черту текста*.

* Трактовки первых в меньшей, а дальнейшие в большей степени были не всегда достоверными, порой диктовались сиюминутными обстоятельствами: зачастую упрощали сложное, дабы отличиться от Писаний, ранее явленных авраамическим религиям, будто те Книги ниспосланы не Богом единым; не рассматривали новую веру как развитие традиций, на отрицание ислама иудеями и христианами отвечали отрицанием их. То есть, - и это утвердилось на многие века, увы, продолжается и поныне, - отношения преемственности заменяются враждой и неприятием.

В ветхозаветной традиции Святой дух - это Дух Яхве, Дух Элохима, который, ниспосылаясь на человека, делает его иным, он получает иное сердце, обретает дар пророческий; короче, это признание и призывание пророческое. В традиции новозаветной Святой Дух - одна из ипостасей Святой Троицы, с ним явлен Иисус. В исламе... но о том уже сказано, однако сошлёмся на Коран: И вопрошают: Что есть Дух Святой? Ответ им: Дух Святой есть повеление Божье! (аль-Исра, или Ночное путешествие, 17/85).

И благословил на отвержение идолов. На их уничтожение. С тех пор сменилась

иерархия святых городов мусульман: первые два, но оба первые, Мекка и Медина, а уже потом - Эль-Кудс *.

* Есть в свитке подчёркнутые слова: святость, святыни, святой, святых, - по всей вероятности, к ним относятся суждения про жемчуг, находящиеся вне скобок.

Но куда бежать? Ведомо, о том договорённость есть: к йатрибцам! Кругом мекканцы расставили ловушки: не дать уйти Мухаммеду из Мекки. И соглядатаи, чтоб глаз да глаз был за Мухаммедом, но какой мекканец достоин положенное на дозоре? Охота ему время терять, глянет раз-другой да пойдёт по своим делам, чаще - торговым: купить-продать, перехитрит кого, а то и просто походить по базару, авось что перепадёт?

Как миновать засады, чтобы в руки врагам не попасться? И случится, ибо уже случилось. Подсказано и увидено было. Прожито и пережито.

Абу-Бакр предложил: вызвать стычку у южных ворот Мекки, которые на ночь запираются, между стражей и бедуинами, заплатить им - желают-де немедленно покинуть Мекку, не дожидаясь рассвета.

Начнётся ссора, и тогда... Так и случилось: прибыл на подмогу стражам ближний отряд, оголились западные ворота, через которые Мухаммед с Абу-Бакром бежали, оставив в Мекке семьи: Абу-Бакр - жену, сына и дочерей (Айшу!), а Мухаммед - Севду, третий год жена ему, тиха, смирна и послушна, но холодна - не то что Хадиджа; а также дочь Фатиму, она повзрослому серьёзна, но и горяча, как мать: не стерпит обиду. И Али остался: охранять дом и быть опорой женщинам.

Небо розовело, когда достигли горы Севр, в одной из её пещер и укрылись. Запоздала весть лазутчика: когда Абу-Джахл и трое его людей на рассвете ворвались в дом Абу-Бакра, там уже не было ни его самого, ни Мухаммеда. А сын Абу-Бакра Абдулла на крыше дома прятался. Лишь жена Умм-Руман и дочери Асма и Айша. Разгневанный Абу-Джахл дал Асме пощечину, ибо была дерзка, и ушёл, пригрозив расправой, о чём и сообщил явившийся в пещеру Абдулла: еду беглецам принёс.

Мухаммед просил Абдуллу передать сёстрам и Фатиме, чтобы хоть как-то развеселить их, что непременно подарит каждой пару расшитых узором поясов, они у него спрятаны в надёжном месте; одним поясом прикрепят к седлу верблюда кувшин с водой, а другим сами привяжутся, чтоб не упасть.

Мекканцам удалось выследить, куда идёт сын Абу-Бакра, и направили своих людей к горе Севр: поймать беглецов и доставить в Мекку. Сыщики, обследовав окрестности, подошли даже к пещере, где прятались Мухаммед и Абу-Бакр. Однако поленились заглянуть внутрь, тем более войти в неё: заметили, что на деревце (это была акация, и за ночь она - чудо такое свершилось! разрослась и даже расщепилась) у самого входа в пещеру на ветвях голубица свила гнездо и высиживает яйца. К тому же вход в пещеру укрыт густой паутиной, и в самом её центре восседает большой паук - он и заткал паутиной вход. И ни одна нить не дрогнула, не порвана! Как, не вспугнув птицу и не разрушив паутину, тут спрятаться можно было бы?!

Абу-Бакр, когда стражники приблизились к пещере, - изнутри они их голоса услышали - хотел, как потом рассказывал, выскочить из пещеры, в бой вступить, но его удержал от безрассудства Мухаммед: "Бог с нами!" *

* По другой версии, очевидно, шиитской, неустрашимый, сказано с иронией, Абу-Бакр затрясся от страха: "Погибнем! Их много, а нас двое!" "Нет, с нами Третий", - ответил Мухаммед. "Кто? Я вижу только нас!" - " Сам Бог!"

Три дня прятались в пещере Мухаммед и Абу-Бакр. Но ещё за неделю до того йатрибцы, со дня на день ожидающие прибытия пророка, выходили на мекканскую дорогу:

Омар, туда с семьёй перебравшись, заявил, что Мухаммед с Абу-Бакром вот-вот покинут Мекку.

А они осторожно вышли из пещеры, стараясь не помешать голубице, и стали ждать слугу Абу-Бакра, вольноотпущенника его, чьё имя Амир бин Фухайр, - они отправили его на единственном их верблюде в Йатриб, чтобы подготовил прибытие туда Мухаммеда с Абу-Бакром.

Слуга явился лишь на третью ночь, приведя проводника - молодого бедуина, чьё имя Абдулла бин Урайкит ад-Дили, с двумя - для Мухаммеда и Абу-Бакра - верблюдами. Провожатый, чутьём признавший, кто здесь главный, хотел посадить Мухаммеда на смиренного верблюда, но Мухаммед воспротивился, заметив: мол, тихий верблюд даже у бедуинов редкость. "Ну да, ведь боги, потешаясь над природой, из буйного ветра создали верблюда, оттого кривой и нескладный!.." - мол, знает.

"К хвосту верблюда, - сказал Абу-Бакр, - Бог привязал счастье, к ногам - заботы, к бокам - богатство, что-то, забыл, к шее". - "Увы, кривизну судьбы!" - подсказал Мухаммед, только что придумав, в духе притчи бытующей. Спросили у верблюда: "Отчего у тебя шея кривая?" - "А что у меня прямое?" ответил. Притчами о верблюдах полна аравийская земля.

...Мухаммед, задержав шаг, оглянулся на Мекку. Абу-Бакр торопил: надо спешить, может настичь погоня. Мухаммед словно не слышал. Что нам может грозить, - сказал однажды Мухаммеду Абу-Бакр, - если спасение предопределено свыше, должна исполниться на земле твоя миссия?"

Печать пророков? Богу виднее: не станет вмешиваться в Его промысел. Он прощался с родным.. - родным ли? - враждебным ему городом! Когда ещё вернётся вновь сюда? И проговорил почти вслух, обращаясь к городу (Абу-Бакру показалось, когда Мухаммед произнёс первые слова, что они - к нему): "Ты для меня - любимейшее создание Бога...- Нет, ни к нему! - И, если бы меня не изгнали... хотел сказать: родичи мои, но сказалось - жители твои, никогда б тебя не покинул!"

Вдруг, точно кто ему ответил, Мухаммед вздрогнул, поначалу ему показалось, что это город обрёл дар речи, и отчётливо произнёс:

Эй, Мухаммед!

Глянул на Абу-Бакра - тот стоял, никак не отзываясь на раздавшийся громовой возглас, ни удивления на лице, ни волнения. Нет, слышит лишь он, Мухаммед: Забыл, сколько городов, более могущественных, нежели твой, который изгнал тебя, Мы разрушили? И никто им не помог!

Неужто, - мысль внутри клокочет, слова подступили к горлу, но не могут слететь с языка, и немота душит, - участь быть разрушенным уготована и городу его родному?

Будет Мухаммеду казаться порой, когда разлука затянется, будто он выдумал этот город, существующий лишь в его воображении, населил множеством удивительных людей, любующихся храмами в нём, мысленно рассказывает паломникам, что надобно сорок дней идти каравану, чтобы увидеть храм, и столько же идти, чтоб до него добраться. И даже слышит, как странствующие возражают: "Кто его видел, этот город!? Ни я не видел, ни человека не встретил, который бы видел!"

В Мекке остаются Севда и дочь Фатима, просил Мухаммед Абу-Бакра, чтоб у них пожил. Пусть с Айшой сдружатся, особенно Фатима. Но разница в годах: Фатиме - двенадцать, Айше - семь. "Мы ненадолго расстанемся", - успокоил Фатиму, а та вдруг: "Я видела недавно Айшу, в ушах были мамины серьги". "Мама их сама, ты помнишь, подарила. Тебе жалко? - Фатима промолчала. - Вы с Севдой поживите пока у них". И снова неожиданно для Мухаммеда: "Я тогда всё слышала, - сказала Фатима. И тут же: - Ты женишься на ней?" - "Но если слышала..." - Умолк, дав ей возможность выговориться. "Да, ты не ответил согласием, но и не захотел обидеть Абу-Бакра". Умница! "Я хочу подарить вам, тебе и Айше,

каждой по паре расшитых узором ремней, одним сами к седлу привяжете, чтоб не упасть, а другим прикрепите к седлу верблюда ты -кувшин, тот медный, тётей подаренный, а она - деревянную лошадку Сулеймана, которую с тобой - помнишь? - ей подарили". При жизни мамы Айша поразила Фатиму находчивостью, сказав: "Была лошадка Сулеймана, стала моей, называться ей отныне лошадкой Билкис!" [так звали жену Сулеймана-Соломона]. И тут же умилила всех, воссев на лошадь, чтобы помчаться, говорит, с дарами к Сулейману.

Долго Мухаммед не сможет забыть... - нет, не всё он успел сказать мекканцам. Не смог убедить. Те слова, что им предназначались, теперь вот с ним одним, перебирает их, в уме переставляет, как будто сыплется сквозь пальцы песок.

И скажешь слово - гнев, не скажешь - гнев вдесятеро разрастается. Но гневаться - отдаться власти тьмы и вожделения! Незнания и ревности!

И мудрость затмевается яростью! Ведь у Бога есть для каждого Своё Слово. И Мухаммеду все их надобно узнать, постичь. Уходят в новую жизнь. В Йатриб, который Мединой станет, Городом пророка. И бегства день обозначит начало летосчисления нового: хиджра.

(48) Сбоку на свитке: Случилось в понедельник 20 сентября - и римскими цифрами - DCXXII года, за четыре дня до нового лунного года, который наступил 12 раби-авваль, или 24 сентября; по другим источникам - 16 июля того же года [добавить, пояснив, что с этого времени начинается первый год исламского летосчисления - лунной хиджры. Но сам хиджранский календарь был введен позже халифом Омаром, спустя несколько лет после смерти Мухаммеда].

Верблюды сидели в ожидании, когда их хозяева, а было их четверо, взберутся на них, и тогда они встанут в полный свой рост, обозначив высоту нового обзора. Чувствовали спешку, но, спокойные, даже равнодушные, не подавали виду, повернув, однако, свои крупные гордые головы в направлении предстоящего пути. Жар песка, на котором вскоре останутся недолговечные их следы, и пустыня их укроет, утаит, коснулся верблюжьих ступней. Тёплая волна пошла по телу, взбодрил горбы, и они слегка качнулись, полные живительной силы.

Опасаясь засады и дабы запутать следы, беглецы изменили привычный маршрут: сначала они отправились на юг по йеменской дороге, затем свернули к Красному морю и лишь оттуда, неподалёку от ал-Усфана, выехали на главный йатрибский путь.

Не успели на него ступить, как их догнал конный отряд мекканцев, предводительствуемый... - но так ли важно, кем?

Быть может, о другом хотел услышать? Как страх обуял Абу-Бакра?

О том уж было, но не знал он трусости, Абу-Бакр!

Но страх... - Прервал: Не страх то был - растерянность!

Ну да: увидеть страшного верзилу - не человек, а зверь!

Лицо, и грудь, и шея, даже рук запястья покрыты были волосами. Густой щетинистой шерстью! И гневом налиты глаза.

Случилось чудо?

Был вспомнят конь.

Но окрик всадника!

Пусть даже бич, как меч, в руках хозяйских!

И назван в Книге именем своим?

Произнесён!

Как идол?

Но идола ещё!

И лев Йагус - Мазхидж, и Наср - орел, Химйар. И Сува рода женского Хамдан, или Хузайл. И Вадд - мужчина Калб, что в надписях запечатлён самудских и лихийанских. И конь Йаук - Мурад!

Молвили мекканцы беглецам: "Что ж покидаете ваши божества: и Вадда, Суву, и Йагуса, Йаука, Насра!"

Но молвил Он: "Поистине они с дороги сбили многих, суждено было коим заблуждение".

И был услышан?

Не Он ли сотворил коня?

Но ездить чтоб на нём!

И красоваться чтобы!

Но и гнать - ведь создан для погони конь!

Погублен был, заблудший, совращённый, - стал конь перед верблюдом на дыбы и навзничь опрокинут! Пали смертью конь и всадник!

71. Иудейских разрез твоих глаз

Путников-мужчин и верблюдов, расположившихся отдохнуть у крепостной стены в тени финикового дерева и впервые за долгое время пути насладиться живописными холмами, это было местечко Куба, в часе скорой ходьбы от Йатриба, увидела девочка-еврейка. Стояла на крепостной стене, и Абу-Бакр её окликнул, приняв за арабку:

- Эй, ты чья? - Поняла, но не ответила, глядя на незнакомцев испуганно. - Далеко до Йатриба? Не сбились с пути?

Опять не проронив ни слова, девочка скрылась за стеной, но не прошло и минуты, как из ворот поспешил к ним человек, в глазах светилась радость: посыльный от йатрибца Абу Имамэ! Уже несколько дней дожидается, чтоб сопроводить пророка их в Йатриб.

- Что ж, - заметил Абу-Бакр, - верблюды готовы в путь.

- Нет, - возразил Мухаммед, - мы ещё тут поживём.

- Но нас ждут. И верблюды готовы в путь, отдохнули.

- Мой, нетрудно заметить, не спешит.

- Тому есть причина? - в вопросе Абу-Бакра слышалось возражение.

- Ничто не беспричинно, ты знаешь, - сказал Мухаммед и, заметив, что тот намерен настаивать на скорейшем отъезде, молвил: - Мне по нраву твоё стремление не следовать мне слепо, а понять меня.

- Это и тебе на пользу, Мухаммед! - по имени к нему обращается из соратников лишь Абу-Бакр.

...Омар, чья дочь Хафса, - это не скоро, но случится, - жена Мухаммеда, величает его, подобно другим приближённым пророка, как установилось с некоторых пор, учителем. Осман, зять Мухаммеда, женатый на его дочери, говорит ему пророк, - именно он первым так обратился к Мухаммеду, и его примеру последовали многие. Али... - Мухаммед выстраивает соратников, это установилось в канун хиджры, исходя то ли из их возраста, то ли чего другого, ведомого лишь ему, в таком порядке: Абу-Бакр, Омар, Осман и Али.

(49) Последующее опрокинуто в прошлое! - чья-то заметка на полях [о том уже было в одном из свитков: очевидно, имеется в виду, что первые четыре халифа впоследствии выстроились именно в таком порядке - Ч.Г.].

Так вот, Али обращается к Мухаммеду как ему захочется, очевидно, по праву родства, но, разумеется, сообразно обстоятельствам, - и братом, когда они одни, и отцом, особенно как умер подлинный его отец Абу-Талиб, и чаще при Фатиме, которая, не успела она родиться, но уже определена ему, то было намерение Хадиджи, в жёны. Но случается, Али называет Мухаммеда как другие, особенно - учителем, тем более что впрямь является учеником пророка, о чём уже было.

Абу-Бакр, как сказано, до конца дней Мухаммеда всегда обращался к нему по имени.

Прожили они в Кубе с понедельника по пятницу - отдохнуть и набраться сил, собраться с думами. Просыпаясь на рассвете, Мухаммед уединялся до полуденного солнца. Как и что

будет? Что их ждёт впереди?

Облюбовал небольшое возвышение, почти холм над низиной, откуда виднелась уходящая в сторону Йатриба дорога, по которой в обе стороны шли и шли конные и пешие, караваны большие и малые. Именно здесь, на видимом отовсюду месте, где совершал Мухаммед рассветную молитву, и взялись соорудить наспех, всего за три дня, нечто вроде молитвенного строения первую мечеть, или Дом Бога.

Но прежде заметил:

- Велено мне: там, где узнаю, что прислан гонец с вестью и меня ждут, а это случилось в Кубе, к тому же верблюд именно здесь опустился на землю, не желая идти дальше, я исполню волю Бога: построю Его дом, глядящий на восток, где Эль-Кудс.

- Это потребует много времени.

- Пусть дом не такой, о котором мечтаю, а всего лишь запечатлеть его облик, какой я видел, когда совершал исра и мирадж.

- Ты как-то говорил нам об этом.

- Он привиделся, когда конь Бурак мчал меня, скорый, как молния: купол, а рядом минарет, стрелой устремлённый в небо.

(50) Зейд, который обладал талантом воспроизведения увиденного, главным образом углем, - отмечает Ибн Гасан, основываясь, очевидно, на известных ему источниках, - о чём сказано было в одном из свитков [имеется в виду свиток Картина читаемая. - Ч.Г.], слышал рассказ Мухаммеда и воспроизвёл пророка, чей лик закрыт, летающим на коне Бураке в сопровождении сонма ангелов, а внизу высится мечеть с минаретом, сбоку светит луна, и назвал картину Мирадж, хотя точнее было бы назвать Исра, ибо изображено не столько вознесение на семь небес, сколько перелёт из Мекки в Эль-Кудс.

Мухаммед участвовал в закладке фундамента. Как-то, набирая воды из глубокого колодца, чтобы помыть руки, уронил туда кольцо с печаткой, и чёрное дно осветилось. Отсюда, дабы живительная вода пришла в Йатриб, проведут туда через подземные трубы воду. Когда возвели мечеть, Мухаммед и Абу-Бакр помолились в пятницу в ней и - в путь, сменив дорожные одежды, облачившись в белые плащи.

Народ был собран на площади - Куба провожала их в Йатриб, куда и направились в сопровождении прибывшего оттуда конного отряда. Оглянувшись Мухаммед, покидая Кубу, на крепостную стену, и взгляд его пал на ту юную еврейку, которая первой их заметила. Он замечал её, неотрывно следящую за ним, и когда уединился на холме, и когда участвовал в постройке мечети - в её взгляде остром и жарком было детское лукавство, девичье любопытство, искорка женского испуга. И непонятную строку навевала поступь верблюда, витала над Мухаммедом, тревожа, но и успокаивая: Иудейских разрез твоих глаз... - повторена заглавная строка свитка.

Но так и не узнал Мухаммед, что она - дочь того самого еврея, чьё имя Абдулла бин Салама, который столь же внимательно, как и дочь на крепостной стене, наблюдал за пророком при закладке фундамента мечети, а потом...

(51) Фраза осталась незаконченной. Очевидно, - отмечает Ибн Гасан, здесь предполагалось рассказать о том, о чём поведал один из первых биографов пророка Мухаммеда Ибн Исхак со слов родственника Абдуллы бин Салама, его племянника, с которым тому довелось учить алифы и беи [так в тексте: то есть учить азы, по аналогии - альфа и бета]. Приводим здесь этот рассказ:

Абдулла бин Салама был раввином, учёным человеком, сведущим в вопросах веры. Он сказал: "Когда я услышал о пророке, о Боже, благослови его и одари покоем [Именно так! - Ч.Г.], я понял по его описанию, а также редкому, необычному имени, данному ему, и месту, где он родился, что наконец-то явился тот, кого мы давно ждали! Но держал свои думы в тайне, молчал, пока посланник Бога не прибыл в Медину [Йатриб].

Когда он сошёл с верблюда в Кубе, дочь моя увидала его и поспешила сообщить мне о том. В это время я работал на верхушке одной из моих пальм, а моя тётя Халида бинт аль-Харита сидела внизу. Когда я узнал новость, то воскликнул:

"Бог более чем велик!"

Услышав мои слова, тётя промолвила: "Клянусь Богом, если б тебе сказали, что явился Моисей, отпрыск Авраама, ты б не был так возбуждён, как сейчас!"

Ответил ей: "О тётя, ты права: прибывший к нам человек на самом деле брат Моисея и следует по его стопам, а также прислан с Писанием".

Она спросила: "О племянник, он ли есть тот пророк, о приходе которого нам говорили, что он явится?"

"Да", - ответил.

"Что ж, - заметила, - тогда мне понятно твоё возбуждение".

Вскоре я предстал перед самим посланником Бога и укрепился в убеждении, что он есть тот, кого мы ждали, и принял ислам. А потом вернулся домой и просил членов семьи последовать мне, что они и сделали, перейдя в ислам. Но некоторое время я скрывал от еврейской общины, что стал мусульманином, потом пошёл к посланнику и сказал ему:

"О пророк Божий, я не верю в искренность евреев, прошу встретиться с моей общиной и спросить, что они обо мне думают, а потом я сообщу им о своём переходе в ислам". Так и поступил посланник Бога, вскоре собрав у себя еврейскую общину, чтобы поговорить с ними о мире и союзе. Много вопросов задали они ему, а потом он спросил их:

"Что за человек Абдулла бин Салама?"

"Он наш вождь и сын нашего вождя, - ответили они, - наш раввин и учёный муж". И тут появился , - предстал перед ними и сказал:

"О евреи! Если искренни в вашем суждении обо мне, послушайте, что вам скажу: человек, с которым вы говорите, - посланец Бога единого! Вы найдёте о нём в Торе! Я свидетельствую, что он - истинный пророк! Я верю в него! Объявляю его правым и призываю вас признать его посланником Всевышнего Бога нашего!" О, что тут началось: "Ты лжёшь! Ты изменник, лицемер и предатель!" - кричали мне, забыв, что обо мне говорили.

"Ну вот, - сказал я тогда посланнику Бога, - разве я не говорил тебе, что они люди неискренние, клеветники?!" И тотчас объявил общине, что я и вся моя семья перешли в ислам. Моя тётя Халида, уважаемая в общине, тоже перешла в ислам, и это было важно, посеяло сомнение в общине: может, подумали, бин Салама прав?

...Мухаммед дал волю верблуду направить стопы по своему усмотрению, тот остановился в долине вади Рануна, краю бану-салим. Здесь Мухаммед совершил по пути в Йатриб первое пятничное моление, а потом с высокого сиденья, к которому вели две ступени, произнёс первую свою проповедь, или хутбу, обращённую к народу.

Да, первая моя хутба!

Но разве мекканские обращения не хутба?

То было повеление свыше, когда уста повторяют ниспосланное: явился некто, избранный Богом, но не явлено с ним чудо. Чудо - слово? Но произнёс улетело. И не зерно, чтоб стало видимым, лишь дуновение. И оно не приемлется. А здесь - внутренняя потребность выговориться. Но о чём, как не о призыве к щедрости и благорасположению?

(52) Ниже следовал, - заявляет Ибн Гасан, - иронический комментарий безымянного учёного мужа: Призыв Мухаммеда к щедрости и благорасположению был как нельзя кстати, единственно возможный и самозащитный в тяжкие его дни, когда порвал со своим племенем, покинул родной город.

А единобожие воспринимается как измена роду. Призыв примкнуть к чужим чуждым! - иудеям и христианам.

Но разве Бог не един и для них, и для тебя?

Мне Бог открыл новое единобожие, ибо прежнее, чистое и незамутнённое, искажено! Потому обратил Свой лик к отверженным - ничем не примечательным для иудеев, христиан, Бизанса и Персии арабам, а среди арабов - к самым незаметным, хашимитам!

И обрёк того, кто о том возглашатайствует, потворяя ниспосланные откровения, на скитания?

Ему виднее!

А для тебя - неизвестность.

Но пора произнести хутбу: И кто может оградить свой лик от жаркого огня геенны хотя бы половинкой финика - да сделает так!

А не найдёт ничего, да спасётся добрым словом, воздастся за него вознаграждение наипрекраснейшее от десятикратного до семисот раз!

Свернув с дороги к виднеющемуся поодаль оазису, верблюд, коему доверился Мухаммед, вывел к поселению бану-наджар, родственникам хашимитов по женской линии; здесь закладывается мечеть. На подступах к городу предводитель отряда, дабы придать торжественность шествию, выразил желание, чтобы Мухаммед входил в город со знаменем.

- Но где его взять? - спросил Абу-Бакр. Тот развернул свою зелёную чалму и прикрепил ее к острию копья:

- Вот оно!.. - сказал, понеся знамя впереди, и зелёный цвет чалмы стал отныне цветом ислама.

Вот если бы тогда всё это рассказать Ибрагиму!

Но разве то случилось после, не привиделось на небе

Ибрагима: равнодушные верблюды, жар песка, погоня?

И девочка-иудейка? И её отец ибн Салама?

Сказал праотец: "Гляди, они - из веры моей, не забудь, о чём с тобою говорили!" *

* Видно, что вырван лист, но так аккуратно, что сразу и не заметишь. Дан всего лишь фрагмент текста, по всей видимости, разговор Мухаммеда. Но с кем?

- ...Ты хочешь знать, сколь долог твой выбор? Но нуждается ли в совете имеющий чуткий слух, пронизательные глаза, рассудительное сердце? Вера укореняется в душе! Ты искал, но не стяжал. Кружил, но не сыскал. Ткал, но оборвана нить. Причёсывал волосы, но растрепал бороду.

- А исчезнет ли когда почему? Унесётся ли ветром как быть? Окажется ли погребённой под песками что делать?

- Твои сомнения и робость похвальны! Однако первое разъедает душу. Второе ослабляет волю. А третье... Ты не преодолел собственной неуверенности, оттого тебя могут подстеречь новые разочарования и поражения. У тебя острый ум, и ты поймёшь из сказанного мной, какие приверженцы нужны исламу.

(53) Ибн Гасан высказывает предположение: Не является ли это отрывком из обширной беседы Мухаммеда то ли по пути в Йатриб, то ли в Кубе или самом Йатрибе с неким бин Салама, о чём пишет Ибн... - имя стёрто, угадывается лишь фа и отчётливы мим с и, но между ними то ли х, и можно прочесть Фахми, Разумный, Понятливый, то ли h - Фаhми, Величественный, Грандиозный [очевидно, речь об Ибн Исхаке, одном из первых биографов Мухаммеда. В полном виде текст беседы отыскан позже, в бумагах... самого Ибн Гасана и приводится здесь].

Ничего о бин Салама не сказано! - размашисто написано на полях свитка, очевидно, нетерпеливым читателем. На следующей странице... - вырван лист *, новый приклеен, на нём, бумага более светлая, убористое письмо, точно бисер, нанизанный на нить, уступило место размашистому и оттого неэкономному почерку. Добавлено, очевидно, после того как

текст был прочитан. И прозвучала вышеотмеченная неудовлетворённость знающего (и оказались опущенными две другие версии этой воистину запутанной истории: глумливая и соавторская).

* Снова вырванный лист! Речь, очевидно, о другом бин Салама, не иудее, а, как выяснится позже, персе.

Но в опровержение версии, условно говоря, объективной, можно привести двадцать шестую суру Корана, в которой сказано: "Воистину идолопоклонники говорят, что некий человек участвовал в составлении Корана. Но язык этого человека - аджами (персидский), а Коран ниспослан на чистом арабском языке".

(54) Такой суры - тут же помещено восклицание Ибн Гасана - в Коране нет! Есть похожая. Но по ней видно, сколь груб, неточен и упрощён перевод, хоть и дан во имя благородного доказательства абсурдности какого бы то ни было соавторства. А точный перевод [вернее сказать: смысл, ибо переводится не содержание, которое непереводаемо, а именно смысл Корана!] суры таков: Послание явилось, - говорится в суре, - с ним снизошёл дух праведный на сердце твоё, чтоб стал увещевающим, - на языке арабском, ясен он (Поэты, 56 (26)/192-195).

Ни слова о языке ином, хотя упоминаются иноплеменники, как учёные из сынов Исраила трактуемые. Далее следует: А если бы Мы ниспослали Писание на кого-нибудь из иноплеменников и он прочитал бы его им, они бы в него не уверовали.

Но прежде к Мухаммеду явился некто, представился бин Салама. Поговору определил: перс, Ибн Фарси, с каковым именем и запечатлён в свитке, но известен и как бин Салама.

(55) Из трёх версий о бин Салама приводится одна, а именно: панегирическая, и опущены две другие, которые можно охарактеризовать, опять-таки условно, как версии глумливая и соавторская.

Глумливая с элементами наглости, или, если по-современному, эпатажная, отказывала Мухаммеду в пророчестве, о чём якобы и решил громогласно заявить бин Салама, придя (сказывают - во сне) к Мухаммеду: мол, прошёл через увлечения зороастризмом, иудейством, христианством, даже буддизмом был, а потом и мусульманином, но, поняв, что одно нелепее другого, вернулся к идолопоклонству (сказав, правда, что мой идол, дескать, это я сам). Соавторская версия иная: дескать, никакого Джебраила не было и в помине, именно он, бин Салама, будучи персидским (Но о том ли человеке повествуется у Ибн Исхака?) иудеем, помогал Мухаммеду сочинять откровения.

Бин Салама говорил долго, Мухаммед терпеливо молчал: "Я слышал прежде о тебе, Мухаммед, но лишь теперь поверил в твою миссию. Не скрою: был я огнепоклонником и тело умершего отца отвёз к башне на холме, предав, по нашему обычаю, на растерзание коршунам. Но, испытав за содеянное отвращение к себе, отвратился от язычества, стал единобожником-иудеем, не раз бил поклоны в синагоге, но вскоре почувствовал, что и они не по нраву. Тяжко было без веры, и однажды, очарованный торжественностью молитвы в церкви, красотой пения во время службы, признал истинность Исы как Богочеловека, стал христианином. Но иудеи объявили вероотступником, с недоверием встречен был и христианами, отдалился от всех, решив совершить путешествие, двигаясь в направлении восходящего солнца.

Судьба забрасывала меня и в Индостан, увлёкся буддистами, но, побывав в Мекке и услышав твои откровения, поверил в истинность твоего пророчества. Но могу ли я, метавшийся всю жизнь в поисках веры, да так и не угомонившийся, стать, произнеся известную формулу ислама, приверженцем твоей веры?"

Мухаммед воспринял вопрос более как попытку выговориться, излить душу, а не испросить совета.

- Ты не ответил мне, Учитель.
- Но нуждается ли в совете тот, у кого внимательные уши, пронизательные глаза и рассудительное сердце?

- Но вера укореняется в душе.

- Тем более!

- Хочешь знать, сколь продолжительным будет мой новый выбор?

- Ты искал, но не стяжал. Кружил, но не сыскал. Ткал, но оборвана нить. Причёсывал волосы, но растрепал бороду.

- Но настанет разве день, когда исчезнет "почему"? Унесется ветром "как быть"? Окажется погребённой под песками "что делать"?

- Такое спрашивали и те, у кого клыки были острее, ум быстрее, положение выше, влияние больше, силы мощнее, вера прочнее, и - потерпели поражение, уделом их были брань и поношение, позор и осуждение, плевки и удары, бремя тягот и кара одиночества. Ибо сомнение сомневающих вредно, а доверие доверяющих полезно. - Но есть сведущие в дозволенном и запретном, есть недоступное пытливому уму, есть опыт звездочётов о влиянии светил и движении небесных сфер, - об их дурных и благих предзнаменованиях, заходе и восходе, и какие небесные тела, объединённые по четыре, по три, по шесть и так далее, сулят удачу, а какие - беды. - Разве я отрицаю иносказательное толкование? - Есть и заклинатели! Изготовители талисманов! Толкователи снов! И чародеи, и маги! - Но сказано: тот, кто привел прорицателя, гадателя на камнях, по полёту птиц, ведуна или астролога, вопрошая о том, что Бог сокрыл от него, тот тем самым дерзнул усомниться в Нём... а противостоящий Ему будет сражён и сокрушён! - Да, но... - перебил: - Бог явил полноту веры в пророке, а потому изъяснённое в откровении не нуждается в изъяснении с помощью рассуждения. - Но были и другие пророки, которым даровано откровение, избраны для тайного собеседования, возвышены до посланцев, совершенством и знаками пророчества наделены, хоть степени их различаются. - Разве что указывает в сказанном выше на подобное противоречие? - Но раз такое различие допустимо по отношению к откровению и не умаляет его достоинства, то оно возможно и в отношении тех, к чьим свидетельствам на основе увиденного и услышанного, постигнутого разумом и наблюдениями прибегают, дабы постичь очевидное и неясное, дозволенное и запретное, комментарии и толкования. - Как можно сравнить данное в ниспосланном откровении с тем, что добыто в приводящем рассуждении? Пророк - посланник, а все те, к чьей помощи ты прибегаешь, это именно те, к кому пророк послан!

- Скажу так: вера - лекарство для больных, разум - для здоровых. Первое лечит больных, чтоб вернуть им здоровье, второе стремится предупредить болезнь, чтоб не коснулась здоровых. Вера предназначена для простого народа, разум - для избранных, а ядро народа - избранные, подобно тому как народ дополнение к избранным, они необходимы друг другу, как изнанке - лицевая сторона.

- В твоём противопоставлении избранных и простого люда нет и проблеска света. Мол, веру усваивает одна чернь, а разум - избранные. Тем самым ты молвишь: Кто хочет быть причисленным к черни, пусть усваивает веру, - и отказываешь ей, или толпе, или простому люду, в постижении тонкостей разума, разъединяя то, что не разъять, или, говоря иначе, скрыв похлёбку под пеной, а то и взяв воду из колодца без ведра и верёвки. Веру я отношу, говоришь ты, к закону, который неукоснителен, и отказываешь ему в духовности, а разум - к сфере мудрости, которая доступна лишь избранным. Что закон основан на предположении и дан в откровении, а разум опирается на истинное знание, в то время как он всего лишь плод человеческого суждения. Но именно закон духовен, ибо - глас откровения, данного Богом, тогда как разум телесен, создан людьми в результате рассмотрения видимого и ближе к телу, но дальше от духа. И твои слова, что разум не отрицает веру, а вера, мол, пренебрегает разумом, на здравом опыте основанном, ведут к противоречию, отрывая душу от тела,

разъединяя сердце и голову*.

* Текст обрывается, но есть фраза, которая может относиться к диалогу: О чём еще говорили, не вспомню теперь, стёрлось из памяти, но некоторые пришли и записывали, так как у них были с собой дощечки и чернильницы. Имя бин Салама, а тем более Ибн Фарси более нигде в свитках не встречается.

72. Изгнание

(56) Свиток, - поясняет Ибн Гасан, - причислен к земным и входит в небесную часть, в которой, как известно (пора к этому привыкнуть), чередуются события в кругах небесных и - пока Мухаммед на небе - протекающие на земле. Имеется в виду, по всей вероятности (значит, не автор, если сомневается? или - пиитический ход, чтоб запутать следы?), хиджра, хотя точный её смысл - переселение. Но хиджра была вынужденной, и потому её можно считать изгнанием. И ещё: в описаниях могут быть приблизительности (говорит за автора?), но да не усомнится придирчивый и да поверит простодушный: точность зачастую дальше от истины, нежели предположение, шествующее рука об руку с интуицией [снова меж строк дата римскими цифрами: DCXXII, или 622 год, чтоб, как сказано, соответствовать общепринятому (!) христианскому календарю - мол, изгнание случилось именно тогда, хотя в те годы уже арабы изобрели иные цифры, искажённое от арабского сыфыр, или нуль, откуда и пошло: что предшествует цифири, относится к разряду минуса, тоже, кстати, изобретённого арабами].

Йатриб открылся пальмовыми рощами и опрятными домами. Мухаммеда ждали. И, как только прошли первые конники и йатрибцы увидели верблюдов, все ринулись к ним. "О посланник Аллаха, узнаешь ли меня?" - спросил его седельник Амр. "Да, узнаю, - ответил Мухаммед, - ты тот, кто первым йатрибцем явился ко мне в Мекке!"

"О посланник Аллаха, ты сказал тогда: возвращайся к своей семье, а когда услышишь, что я победил, приходи ко мне. И вот я пришёл!"

Мухаммед вздохнул: "Я всего лишь спасся от земляков, которые хотели меня убить, и нашёл прибежище у вас в Йатрибе, так что встретимся, когда услышишь, что я победил!"

"Да оседлается твой конь, ведущий к победе, моим седлом!" - Вскоре седельник действительно украсил коня Мухаммеда искусным седлом.

(57) Существует легенда, что в образе седельника к Мухаммеду явился с волшебным седлом ангел, оседлав коня Мухаммеда после победы при Бадре.

И снова, как в Кубе, Мухаммед заметил: "Исполню волю Бога, на клочке земли, давшей пристанище, построю Его дом!" Чтобы не был похож на шестигранную Каабу, храм многобожников, на синагогу и церковь: новой вере новый дом. Быть сооружением простым, не отвлекать изображениями, за исключением коранических букв. Быть вместительным, как синагога и церковь, чтоб могли прийти все, даже не муслимы, но - с добрыми намерениями. Чтятся мирные беседы - не воинственные призывы, размышления о славном и дурном, смысле жизни.

Уподобил Мухаммед совместную молитву ожерелью, где каждая жемчужина самоценна, но, собранные вместе, создают гармонию порядка и красоты. И всем, кто намерен переступить порог, снять обувь, не мешать никому, кто, уединившись, погружён в молитву.

Построена была мечеть, названная Мечетью Пророка, из обожжённой глины с земляным полом, а опоры воздвигли из стволов финиковых пальм кафедру, чтоб пророка видели все в мечети. Ось михраба - ниши молитвенной в стене, камнем обрамлённая, показывала киблу - сторону, куда обращают при молитве взор, она оставалась прежней - Йерушалаим. Первое, что сказал собравшимся, когда на три ступеньки поднялся вверх, опершись о пальмовый столб, почувствовал живое тепло дерева, лицо освещала пальмовая лучина, - притча о милосердии, и её запомнят.

...Сотворив горы, Бог воздвигнул их на груди земли, чтоб не колебалась и не дрожала. "Но есть ли что крепче гор?" - спросили ангелы. "Железо крепче, - Он ответил, - ибо разбивает горы". - "А есть ли что сильнее железа?" - спросили. "Огонь, ибо расплавляет железо!" - "А что сильнее огня?" - "Вода, ибо гасит огонь". "А сильнее воды?" - "Ветер, ибо движет водами". "А сильнее ветра что?" - "Милосердный человек". "Но что милосердие?" - вопрошали ангелы. "Улыбка брату - но да не узрят её, возгордившись, твои очи! Доброе слово нуждающемуся в нём - да не услышат его, возгордившись, твои уши, рука, указывающая дорогу заблудшему, помогающая слепцу, очищающая от камней и терний дорогу. Подающая милостыню... - но да не знает левая его рука, сколько тратит правая!"

(58) Мухаммед вдруг услышал стон покинутой им пальмы и, дабы её утешить, предоставил ей на выбор: быть перенесённой в сад, чтобы там зацвести, или, после того как иссохнет, ожить в раю, снабжая сочными плодами истинно верующих. Пальма выбрала второе, осталась стоять под кафедрой.

- ...Отныне, - сказал, - у нас две святыни: Йерушалаим* и Йатриб.

* Именно так и написано, не Эль-Кудс!

- Три! - заметил Абу-Бакр. - Еще Мекка, где родился пророк!

Абу-Бакр его так назвал впервые.

- Но Мекка его изгнала!

- Не ты первый, не ты последний!

Потом Мухаммед рассказывал о небошестве.

- Я видел в раю не только людей, но и зверей, даже птиц! И белую ослицу, на которой в Йерушалаим въезжал пророк Иса! И волка!

- Ладит с ослицей?

- Волк особенный, кому велел однажды: "Ты у богатого хватай овцу, у бедного овцу не трогай!" И волк не ослушался! И пёс там, который семь снов проспал с хозяином, верный ему, не оставил одного! И голубица, которая, улетев с ковчега, воротилась с пальмовую ветвью в клюве, и Нух узнал, что близка земля. Овен, кого Ибрагим вместо сына в жертву принёс Богу. И птица дивная Худ-Худ, удод-красавец со шлемом из перьев на головке, - летал с вестями к Билкис от Сулеймана и от Сулеймана к Билкис.

- А кот Абу Хурайры, которого ты любил гладить, тоже в раю?

- Не кот, а кошечка!

(59) Абу Хурайра неизменно приходил в Совет старейшин с любимой кошкой, и она, никого не признавая, вспрыгивала Мухаммеду на колени.

- Да, угадал, хоть ирония в голосе твоём!

- И даже твой верблюд?

- Но жив он, мой верблюд: вот он, голову к тебе повернул, слышав своё имя, смотрит на тебя недоумённо!..

- Прости меня за мои сомнения!

И явлено Богом в Йатрибе о близости мухаджиров и ансаров - тех, кто уверовал и выселился из Мекки, борясь имуществом и душами на Его пути, и тех, кто дал убежище в Йатрибе, помог, - эти близки друг другу. И для них обязательством - прощение и щедрый удел.

Сказано о тех, кто уверовал, но не выселился: нет к ним близости, пока не выселятся. А если попросят помощи в вере - не откажите им, если только ваша помощь не против тех, с которыми у вас есть договор.

О тех, кто не уверовал и преследует, - от них смута и великая порча.

Но будут и те, кто уверует потом и выселится, борясь вместе с вами; они - из вас самих: поистине Бог обо всём сведущ!

... Врата, как в храме Кааба, открывались в сторону Йерушалайма, на юг, куда с незапамятных времён, ещё будучи идолопоклонниками, и по день, о котором речь, мухаммедианцы, даже после того, как стали мусульманами, обращали взор при молитве.

73.

Текст размыт, лишь под лупой прочтёшь заголовок: Экономить папирус! а глаза... они устали! плохо видят!

(60) Не случайно теперь появился этот призыв: увлечённые земным, забыли о небесном - небошествии Мухаммеда! Свитки здесь - малые островки словесной вязи? те, небесные, нескончаемы, а эти конечны, - оазисы в пустыне, увиденные с кругов неба, посетил и отдохнул, двигаясь дальше, - ты торопишь годы, а годы торопят тебя.

Вот он, день реальный, чувствуешь кожей сухость воздуха, нутро горит, пьёшь, утоляя жажду, колодезную воду. Но путаешь, где прежде побывал, где позже, где никогда, но кажется, что был. Зримы в видимости наблюдения, даже пальма, чей ранен ствол, будто мечом кто ударил, запечатлелась в памяти.

74. Конечные круги

Отрывочные сведения, бегло очерченные, о кругах (конечных?) земной жизни Мухаммеда в Йатрибе, - скорей бы их пройти!

Первый оазис: Прибыл гостем - стал хозяином.

Братание гостей - мухаджиров, или переселенцев, которые бежали, ибо каждый следующий день, прожитый в Мекке, хуже предыдущего, и ансаров, или помощников Мухаммеда, которые - хозяева в своем доме. Не здесь ли кроется разгадка заголовка, столь грубо выраженного, про гостя и хозяина? Но разве ансары, они же хазраджиты и ауситы, горящиеся тем, что являются помощниками Пророка, не хозяева в своём родном городе?!

Второй оазис: Осеннее разлитие желчи.

Соединены мечеть и дом посланца Бога: большая, многолюдная семья у Мухаммеда: переселились в Йатриб дочь Фатима и жена Севда, Али, дочери: Ругийа с мужем Османом и Зейнаб - нет, муж не отпустил, велел передать: Не изменю никогда богам Каабы! - ученики, которые запоминают проповеди, а секретари записывают, телохранители, слуги. Зейд поведал с ходу, что не успели они оставить их с Хадиджей дом, как он подвергся разрушению: разграбили, унесли два ковра, и тот, что с сотканной газелью, растащили двери, окна, сожгли шкатулку с записями.

(61) Но дом уцелел, рукописи в ларце сохранились.

Мухаммед замкнулся, никого не желает видеть, печаль во всём его облике, - подавленность духа связана, как сказала многоопытная... - имя зачёркнуто, не прочтёшь, - с осенним разлитием желчи. Перебрались в Йатриб Хамза и Осман, а также семья Абу-Бакра: дочь Айша, сосватанная, как известно... - о том уже было, кто переселился: экономить папирус!

(62) Причины повторов: множественность авторов, писцов и переписчиков, короче - перьев, коими выводились буквы, они складывали слова, выстраивались строки, вырастающие во фразы. В конечном итоге страницы разматывались в свиток. [Увы, не менее многословен, никак не выговорится, Ибн Гасан!]

75. Свиток назван Схожесть несхожестей: впечатление, что пишущий (переводящий?) любит игру повторяющихся сочетаний букв.

Третий оазис: Нетерпение ожидания, будто живое оно существо.

На арбах, запряженных ослами и быками, завозились камни, глина месилась - работали без шума, чтобы не беспокоить пророка: обрастала мечеть новыми пристройками из необожжённого кирпича, простого по форме, ширился двор, и он уже может вместить множество молящихся.

Комнаты Мухаммеда, примыкающие к мечети, были крохотные, с глухими наружными

стенами: для Ругийи с Османом, Зейнаб и Фатимы, как выйдут замуж: первая - вторично, вторая - за Али (и родит двух сыновей - внуков Мухаммеда, Гасана и Гусейна); для каждой из жён Мухаммеда: Севды и Айши, - но разве Айша уже жена?!

Четвёртый оазис: Ожидание нетерпения, будто нетерпение - нечто одушевлённое.

Зейд привёз жену, молодой семье отвели в дальнем углу пристройки келью. Красивая у меня дочь, говорил о ней отец, знатный мекканец Джахш, отдавая в жены приёмному сыну пророка. Наставлял: "Прячь от посторонних глаз, чтоб не сглазили!" А ей советовал амулет пришить от сглаза к подолу платья: зуб лисицы или кошки, лучше - пятку зайца.

(63) Предупреждение тестя адресовано, в свете истории, о чём, если случай представится... - запись прервана: Не представится! Тут же поздняя вставка: Имеется в виду Мухаммед? Зейнаб-де испытывала к Мухаммеду сильное влечение, но уступила настоянию отца - мол, сын пророка священен святостью отца; Зейда оскорбляло её высокомерное отношение к нему, бывшему рабу, думал развестись*.

* Зейд отказался от Зейнаб, настоял, чтобы пророк, очарованный её красотой, женился на ней. "Как я могу, - возразил Мухаммед, - на жене усыновлённого сына жениться?" - "Расторгни, - взмолился Зейд, - договор усыновления!"

Явление было Мухаммеду: Не дал Бог человеку двух сердец, не определил вам в кровные сыновья приёмных. Это лишь ваше слово. Пророк к правоверным ближе, нежели они сами друг к другу, и жёны его - матери для них.

Для Айши, когда сыграют свадьбу, выстроят новую комнату. У Мухаммеда будут жены: старшая Севда и младшая Айша... - но не скоро! То слухи недругов, что-де не успела десятилетняя Айша прибыть к отцу в Йатриб, как Мухаммед вступил с ребенком, так и говорили, в брачные отношения. Не устоял, мол, против соблазна. Дескать, в Мухаммеде, давно прожившем мусульманский век, равный, известно, тридцати шести годам (плюс год в утробе, итого: тридцать семь), проснулась чувственность, долго сдерживаемая браком с Хадиджой, которая была стара. К тому же Айша была девственницей. Мухаммед запасётся терпением и, когда Айше исполнится двенадцать, возраст созревания девицы, сыграют свадьбу.

76. Молодость, обгоняющая старость

Пятый оазис:

Пусть кинет камень!

Усечено библейское изречение. Всего лишь фраза и несуразный комментарий к ней:

Разве б удержался ты? *

* Далее, - пишет Ибн Гасан, - нагромождение фраз, убираю вниз: "Я понимаю: это - самое трудное". - "Что?" - "И понять, и объяснить". - "Ты об Айше? Разве не об Айше твоя речь?" - "Нет, я не пойму, о чём ты?!"

(64) Тут - вмешательство неведомого автора: С Мухаммедом лучше избегать каких бы то ни было личных ассоциаций (?! - Ч.Г.), как бы ни были заманчивы.

Шестой оазис:

И бросил якорь,

будто придумано мореходом, для которого Йатриб - гавань.

Но надо жить, коль скоро плывущий корабль новой веры, прежде чем пуститься в большое плавание по морям, укрылся в тихой бухте. Пусть те, кто хочет обрести истинную веру, следуют в Йатриб, где поселился новый пророк, место сие называют Городом Пророка, или Мединой, - отныне и на все грядущие времена.

Седьмой оазис:

И тень от пальм, сады граната, финики и смоква, а поодаль холодный бьёт источник,

- заголовок более для запоминания, нежели раскрывающий смысл.

Вера верой, а купечество - дело, которому отданы и энергия, и время, и талант: Абу-Бакр продолжил, используя старые связи с Персией, Абиссинией, арабскими землями (прежде всего Йеменом), торговлю шерстью и одеждой. Осман торгует финиками, не обойтись без посредников, главным образом иудеев. Мухаммед прост и бережлив, не приемлет роскоши: прослышали, отверг совет Абу-Бакра выходить к людям в расшитой золотыми нитями одежде, предложена в дар, обязывает-де сан. "Мне моя лёгкая рубашка дорога, - сказал. - Не забывайте, что бедные раньше богатых попадут в рай!"

Передать мекканцам: не питает к ним вражды, ни на что иное, кроме приверженности к новой вере, не претендует. Рано или поздно правоту мою поймёте, и я вернусь в Мекку! Угроз не боится. Но если вздумают родичи, непонятно за что, перекрывать им торговые пути, упредят их козни. Новоприбывшие из Мекки - это мухаджиры, коренные - ансары, помощники пророка, выручившие его в трудную минуту. Не Бог ли обратился с милостью к ним? И был доволен, что поверили в Его пророка!

77.

Восьмой оазис:

С чего началось?

С главного базара в Йатрибе - им владели арабы-иудеи из племени кайнука. Платить дань за право торговать?! Возмутились: незаконная нажива! И мухаджиры объявили беспощинным свой рынок. Но вождь другого арабского племени иудеев бану-надир по наущению кайнука подрезал верёвки, на которых держался шатёр мухаджиров, и он рухнул. Думать лишь о себе, надеясь спастись за высокими стенами жилищ?.. Мухаммед сдержал гнев, выбрал другое место во владениях бану-саида, где вскоре установился главный базар Йатриба. Но не пора ли во имя мира заключить соглашение между обитающими здесь арабами-иудеями, иудеями-евреями и мусульманами? Мухаммед предложил новые принципы общинной жизни: сохранить прежние обязательства родов и племён, но солидарность всех против общих врагов. Это - письменное соглашение верующих мусульман-курайшей с жителями Йатриба, или теми, кто следует за ними, присоединяется к ним, живёт вместе с ними одними правилами, сражается вместе с ними за веру; соглашение о том, что они - одна община. Иудеи несут расходы вместе с мусульманами, они - одна община, но разные религии, и верность - лучшая защита от греха!

И повторено в начале и в конце: Одна община, разные религии!

78.

Девятый оазис:

Пятничный сбор.

Мухаммед учредил азан - призыв на молитву, и Билал, у кого был сильный, мягкий и сочный голос, стал первым азанчи; читая на память суры Корана, он их как бы выпевал.

(65) Человека, призывающего на молитву, называют муэдзином. В тюркском мире - персами тоже - принят титул азанчи. К сожалению, изложено скупо [не к самому ли себе адресует упрёк Ибн Гасан? Проявить самокритицизм?]: прежде сзывали на молитву, трубя в рог, стуча в деревянную трещотку. Но Джафару, брату Али, однажды приснился сон: "Скажи человеку, - молвил мужчина в зелёном, - чьё имя не назову, знаешь, кто он, о наилучшем способе сбора на молитву. Пусть слуга с сильным голосом, чуткий к слову и звуку, взбирается на высокое место и созывает людей, трижды возглашая: "Аллах велик, Он превыше любого добра! Свидетельствую: Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Его!"" Мухаммед глашатаем-муэдзином выбрал слугу Абу-Бакра Билала. Тот с крыши дома вздымая к небу руки, произносил с первыми лучами солнца вышесказанное и добавлял, как велел Мухаммед: "О Аллах, да образумятся курайши, признав Тебя Единого!"*

* Ибн Гасан не рассказал, как в кругах неба Муса похвалил Мухаммеда: "Ты замечательно придумал, как народ собрать на молитву, мной был трубный глас избран!" Омар, кстати, это и предлагал. Но кто возьмётся играть на трубе? Осман предложил сзывать людей струнным инструментом рубаб, ласкающим слух. Но зов струн, сказал Мухаммед, - знак чувственности! Абу-Бакр предложил звонить в колокол: наполнен-де небом его звон. Но колокол, как бубенцы на шее верблюда - свирели шайтана! Али предложил: "Зажжём факел!" Но разве виден, сказал Мухаммед, огонь при свете солнца? К тому же это знак огнепоклонников! А тут сон: пусть голос человеческий - он тёпл, дыханием согрет - сзывает на молитву.

Далее - аяты, отличные от общеизвестных, из суры Пятничный сбор (принятый коранический заголовок Сбор): О вы, кто уверовал! Когда на молитву возглашено, ибо пробил час, немедля устремляйтесь к поминанию Бога, оставьте торговлю! Но что вы делаете? Что делаете вы? Кто вас на то подвигнул? Увидали бойкую торговлю, можно поживиться, тотчас обо всём запамятовали! Забавами вас развлечь призвали, ринулись к шутам, точно стадо баранов, тигром гонимое, оставили призывающего к молитве стоять в недоумении и растерянности! Что есть забава? Что есть торговля? То, что у Бога, не лучше ль забавы, не богаче ль торговли? Он наилучший из удел дающих! *

_____ * На полях приписано: Как свидетельствуют очевидцы, - и длинная цепочка имен: от кого пошла весть, через кого и кому передавалась и как дошла до нас, - упрёк адресован некоему ал-Калби, который во время пятничной молитвы втянул йатрибцев в оживлённую куплю-продажу в связи с прибывшим туда большим караваном. И бойкая шла сделка, подогреваемая зазывалами - шутами, фокусниками, жонглёрами.

79. Десятый оазис:

Нет принуждения в вере!

Однажды отряд в дюжину сторонников Мухаммеда, возглавляемый сыном Абу-Бакра Абдуллой - избалован отцом, энергия кипит в нём, - вышел к узловому пункту на караванном пути меж Меккой и Таифом местечку Нахлейе, чтобы наказать мекканцев, которые недавно напали на караван Абу-Бакра. Именно здесь должны были пройти идущие в Сирию верблюды их родича курайша Ибн Надрама, благословившего грабителей. Но, неожиданно напав, Абдулла не ввязался в бой, угнав навьюченных изюмом и кожей двух верблюдов. И поспешили на базар при въезде в Йатриб, чтобы продать захваченное. В те же дни... случилось недавно: явился ночью с новым откровением Джебраил, Мухаммед проснулся. Тут же, почувствовав, что муж вышел на веранду, где обычно произносил суры, выскочила из своей комнаты Севда, разбудив прежде Шюкраллу.

(66) Опять это малоизвестное имя!

Сон отрока был чуток, и по первому зову готов к главной своей работе запомнить, что скажет Пророк. И Зейд (он недавно женился, но красавицу жену прячет от всех) это запишет:

Нет божества, кроме Него, Живого, Сущего, не овладевает Им ни дремота, ни сон. Он знает, что было до всех и будет после всех. И никто не постигнет из Его знания ничего, кроме того, что Он пожелает.

И принуждения нет в вере!

Молит Всевышнего, да прислушается Он к нему, если избрал его пророком: объединить в исламе враждующие арабские племена, и символ веры - мечеть. Но все равны: многобожники, арабы-иудеи, иудеи-евреи, христиане.

- Но отчего, - спрашивают Мухаммеда, - не призвать всех в новую веру, если провозглашена Богом истинной?

- Мы призываем, но вы требуете иного: принуждения!

(67) Здесь бы следовать важной фразе, сказанной Мухаммедом в полемике: "Прежде надо для новой религии обеспечить место рядом с другими верами" [но с кем, когда и где

была полемика - не сказано].

80. Одиннадцатый оазис:

Нет, не удалось!

Добавлено вроде пояснения: О Адам, что за природа такая у людей? Обыгрывается адам, человек: О Адам, что за природа у адамов?

Вы, иудаисты и христиане, - споры с ними часты, - верящие в единого Бога, отвергаете друг друга!

Молвят иудеи: - Христиане заблуждаются!

И христиане молвят: - Иудеи заблуждаются!

В Мекке говорил, хохотали: Ибрагим - предок иудеев и муслимов?!

Ибрагим жил до Мусы, когда не была ещё ведома людям Тора, и услышал Муса Бога: "Я Бог отца твоего, Ибрагима!" Неужто скажете, что Ибрагим, Исмаил и Исхак, Йакуб, потомки их были иудеями или христианами? Спроси: "Вы больше знаете или Бог?" Нет? Что ж, пусть иудеи живут по Пятикнижию! Пусть христиане следуют Евангелию! И пусть мусульмане, не отвращаясь от Писаний прежних, следуют Корану: на каждое время - своя священная Книга! Да будем состязаться друг с другом в добрых делах, надеясь и веря!

И тут стояваший рядом с Мухаммедом ансар спросил:

- Надеюсь? Но на что?!

- Обретёшь в вере достойную жизнь, дар Божий!

Заметив, что тот не удовлетворён, начертил прямоугольник на земле.

- Вот жизнь, - сказал, проведя посередине черту, и вывел её за пределы прямоугольника.

- А это надежды, - показал на черту, - в жизнь не вмещаются, она конечна, а надежды нескончаемы. Помехой им - превратности судьбы, вот они, маленькие чёрточки, которые мешают надежде, - прочертил к линии надежды множество мелких чёрточек. - Минует одна напасть, другая впивается зубами, минует она - новая хватает, и так до скончания дней. Их семь, побеждаются праведными делами. Первая напасть - бедность души, далее - развращающее богатство и болезнь, потому бери у здоровь, что пригодится для жизни! Старческая дряхлость делает бессмысленными речи, если за ними нет ничего из добродетелей прожитого; пятая - шайтаны уловки, шестая - скоропостижная смерть, потому бери из жизни что после смерти пригодится и чаще вспоминай о смерти, прерывающей наслаждения! А седьмая - Судный час, когда предстанешь перед Богом с делами, которые свершил, и можешь навлечь такие муки, пред которыми померкнут все напасти сего мира!

81.

Мостик к новым страницам - предыдущее кораническое, и оно становится заголовком двенадцатого оазиса:

Да будем состязаться в добрых делах!

Тут же, словно пытаясь неведомо для какой надобности выровнять весы, ибо чаша добрых призывов стала перевешивать, через запятую:

Не объясняются ли успехи Мухаммеда чарами волшебства?

(68) Но какие успехи? - восклицает, полемизируя с автором (!) Ибн Гасан. - Он гоним! Преследуем! Изгнан! Лицемеры слева и справа! Родичи враги!

Следом - два пронумерованных дьявольских высказывания, якобы побуждающие к полемике*:

* Почерпнуто из тюркского архива Ибн Гасана: очевидно, из опаски Гасаноглу (почерк - его!) записал их, как порой практиковалось в тюркском мире, армянскими буквами (знал армянский?), что и предопределило позднее с ними знакомство.

1. Вижу Мухаммеда в облике белого разъярённого быка с красными от гнева глазами, и с острых рогов его свитки с сурами Корана свисают, привязанные пальмовыми волокнами!

2. А что до белого голубя, который клевал на ушах Мухаммеда зёрна, то и это не что иное, как колдовство для простаков: приручил голубя, и тот садился на ухо. И вовсе не дух святой, а шайтан, который в облике голубя приносит Мухаммеду повеления Бога!

Опять кораническое, уводящее в ещё не прожитое Мухаммедом, пока он в кругах неба: никто не верил, что пророк может умереть. Но он такой же смертный, как все! Разве ж, когда умрёт или будет убит, и такое Богом предполагалось, вы обратитесь вспять? Ты смертен, и смертны они все.

(69) Откровения о смертности Мухаммеда не были известны: Зейд скрыл!

А следом... - снова накренились весы! - кратко изложено (списано из какого-то учёного трактата? Этим повсеместно увлекались книжники, гордясь повторением уже бытующего).

Противостоять засилью в Йатрибе иудеев. Иудеи - евреи и арабы, дабы укрепиться в Йатрибе, сеют вражду между племенами. К тому же вступили перед лицом нового их объединителя Мухаммеда - в тайный сговор с многобожниками, или мекканцами. То есть верующие в Единого Бога - в союзе с многобожниками против мусульман, также верующих в Единого: вам Писанием назначена война с многобожниками, а мекканцы не таковы ли, как вы? Обманутые надежды?

Мухаммед негодует на иудеев, на их упорство: вы извратили Священное Писание!

И уже другой рукой, чуть отступив от текста, будто относится к проживаемой Мухаммедом земной жизни, в стиле пожелания, совета, якобы воспринятого и претворённого.

Посоветовать Мухаммеду (но кто советчик?):

а) во-первых, прижать иудеев - неважно, араб он или еврей; те станут оказывать сопротивление; в ответ создать им невыносимые условия существования, чтобы покинули Йатриб; а потом тех, кто не покинул, изгнать; приманка - имущество неверных, оно в случае победы достанется победителям-правоверным *;

* Здесь знак восклицания, похожий на Алиф.

б) * в Мекке, во-вторых, уже не осталось родных, которым враги Мухаммеда могли бы мстить (?)**;

* Впечатление, что чуть ли не вчера вписано: не успели просохнуть чернила, коими обозначены латинские буквы, но можно было обойтись без них, ибо фразы разделены на во-первых, во-вторых и так далее.

** О чём знак вопроса (чуть темнее чернила): о сути фразы? вмешательстве в текст латинских букв? выражает удивление, иронию, недоумение, возмущение?

с) в Йатрибе, в-третьих, устойчивы позиции и потому,

d) в-четвёртых, пора начинать открытую борьбу с противниками;

e) укреплять, в-пятых, новыми победами сан пророка;

f) расширять, в-шестых, сферы влияния новой религии;

h) (пусто, никаких записей! или так искусно, что незаметно?). А Ибрагим спешит... Но разве не покинул Мухаммед пределы его неба? Иль путь земной, что пройден наяву, привиделся с небес? С какого круга? Следом позднейшее добавление, коранический аят, обрамляющий свиток композиционно: Да будем состязаться в добрых делах! Чуть ли не вчера написано: чернила, как говорится, не успели просохнуть, даже не без умысла смазано в добрых делах, ибо изречению сему противоречат неведомо кем данные наставления Мухаммеду, обозначенные латинскими буквами от а до f , даже по h, что осталось незаполненным.

(70) Можно высказать предположение, что автор, переписчик или переводчик [Ибн Гасан устраняется от возможных ролей, неясно, что оставляя себе: лишь роль собственника?

Кстати, фигура переписчика не менее важна, чем авторская, ибо запечатлевает слово, которое уносится ветром, ищи потом его в поле!], пытаясь уравновесить вышеизложенное, спешит [добавим: Ибн Гасан тоже спешит!], отталкиваясь от заявленного в тексте предыдущем состоянии праотца Ибрагима: А Ибрагим спешит! дать новую главу, выстроив из вороха бумаг, памятуя, что и Мухаммеда торопят пройти земную жизнь, пока он в кругах небесных.

Постоянен мотив бытия Мухаммеда: Нет, не успеет! Тут же: И потому торопится сразу и всем сказать, что было, есть и будет!

(71) Так завершается свиток, - комментирует безымянный сочинитель. - Но до сей поры остаётся непрояснённым смысл, вложенный в эти цифровые оазисы, особенно - в двенадцатый (Только ли непрояснённость?! - Ибн Гасан). И оттого беспокойство неразгаданности чего-то важного, существенного (Похвальная точность! - отмечает Ибн Гасан. - Отдадим должное находчивости автора, будь он, как я, тюрок [зачёркнуто, сверху добавлено: - араб, но тоже зачёркнуто, поверх ещё - перс и снова зачёркнуто, но так, чтобы все три слова прочитывались!], - не откажешь ему в исторической прозорливости, ибо... [фраза не завершена].

82.

Новый свиток, а заголовок... - каждое слово в отдельности понятно, но собранные вместе, соединённые в законченную фразу, вернее, две, разделённые лишь запятой, приобретают загадочный смысл:

Нити расползлись, и газель обезглавлена

(72) Резюмируя вызванные фразой догадки, - отмечает Ибн Гасан, - ибо каждый изошрялся в меру своего воображения, приведу вполне реальную и аллегорическую. Реальная - что речь о коврике Мухаммеда, сотканном и подаренном двоюродной сестрой, на котором изображена газель; его Мухаммед в пещере на горе Харра часто стелил под себя, - разрезали недруги, когда охотились за ним: нити расползлись, и газель была обезглавлена. Аллегорическая: нити - клубок, размотался, не собрать, газель - некая идеальная мысль, которая обессмыслилась. Можно полагать, что здесь не столько недоразумение или недопонимание, вызвавшее войну, а неостановимое трагическое (газель обезглавленная!) обстоятельство, связанное с разнослышимостью того, что явлено Мухаммеду: зачастую то, что говорил он, повторяя явленное, и то, как слышали, расходилось настолько, что слово убеждающее подменялось мечом покоряющим.

...И тут Зейд сообщил Мухаммеду о самоличном нападении Абдуллы на мекканский караван.

- Своим вероломством, - сказал Мухаммед Абу-Бакру, - твой сын положил начало войнам между Меккой и Йатрибом!

- Вот он, мой сын: казни или помилуй!

Пьянь в глазах: к вину пристрастился, как прибыл в Йатриб.

- Придёшь, - ему Мухаммед, - когда отоспишься!

- Но разве не дозволяется курайшам выпить кубок вина в честь одержанной победы над врагом?!

- В кубке спрятан лев!

- Я и пью, чтоб львом стать!

- Но льва добыча - разум пьющего!

- Кто кого успеет раньше выпить! - дерзко переиначил услышанное.

- ...На совести мекканцев, что первыми напали они, и ответят за вероломство пред Богом!

- Но не ты ли говорил: "Сражаться с теми, кто нападает, и упреждать нападение!?"

- Первое сказано во имя второго!

- Это каждого довод, - упорствовал Абдулла. - И ещё ты говорил: "Сражайтесь на пути

Аллаха!"

- Да, молвлено, но далее: "Но с теми лишь сражайтесь, кто в бой вступает с вами!" И ещё: "Но не преступайте!"

(73) Фраза повторена: Не преступайте, очевидно, претендует на роль заголовка - первый туманен.

- ...А вы преступили! Они напали - мы нападём, тут ума не требуется, выходит, мы такие, как все: арабы против арабов.

- Кровь за кровь.

- Но кровь кровью не смыть.

- А если чужие?

- Обороняться, а не нападать!

- Немыслимо одно без другого.

- Веру распространять!

- Словом?!

- Меч неподходящее оружие.

Усомнился в услышанном: против меча слово разве устоит?

Но быть начеку: их так мало, сторонников Мухаммеда, что, если война, истребится весь род, точнее - сообщество, в котором иные начала союза преобладают, не племенные, не родовые.

Но разве не охраняем Мухаммед Богом?!

Колеблется?! Да, посланник - но в мгновения, когда ниспосылаются откровения, в остальном как все. Задумался: что будет после? Не пойдёшь ли по стопам сына, Абу-Бакр? Сидит, опустив голову, точно провинился. На ковёр пала длинная тень, на стену взобралась; в дверях появился Омар, прошёл и сел, а пока двигался, тень металась по комнате. А ты, Омар? Когда меня не станет, как погасишь пыл воинственный, вспыльчивость умеришь? Хотел было напрямую спросить у них - Осман помешал! Стоит в дверях, тихий и молчаливый. Но до какой поры ты тих и робок, Осман? Не успел тот войти - Али! Неужто и ты будешь иным, когда уйду? Мысль недодумалась, не даёт сосредоточиться отшельник? Навестил пророка, сидит в углу, никем не замечаем, а сам ни с кого не сводит глаз. Уловил Мухаммед их волнение, ведь слышали - необычный человек объявился, гроза грешников: мол, до кого дотронется, земля под ним разверзнется. Но им-то бояться нечего! А вдруг?! Есть ли на земле безгрешный? "Не бойтесь, - успокоил, - отдохнёт, дальше пойдёт, велел не трогать вас!"

Пустыня: ни тени, ни воды.

83. И эхо задохнулось

Земное это слово: спешка.

Но кто спешит? Мухаммед, которому успеть вернуться? Или Ибрагим, хотя... - здесь круги небесные, без суеты, и некуда спешить! Спешит с Мухаммедом проститься? Быть может, досказать вдогонку про Ледопламенного ангела, пока Мухаммед не ступил в иные пространства, находится в пределах досягаемости гласа Ибрагима?

Забота новая у Ибрагима: земной свой опыт, небесными раздумьями умноженный, в Мухаммеда вложить! Голос вослед Мухаммеду раздался: "Исчезнет если на земле вражда...", - и эхом отзывается: "Исчезнет ли когда?" - будто с рифмами кто на небе балуется, - "угомонится ангел Ледопламенный", - и тут же новым искаженным эхом: "Разве?"

С него начать бы - пропущенное будто слово, и слов Ибрагимовых, разорванных на части, утрачен смысл. Но разве что невыговоренным осталось? И ангелу в небе Ибрагима судьба отныне не определена: есть холод льда - увы, не растопить, и полыхающий есть огонь - никак не погасить, и вечное боренье их! С него начать - пропущено будто слово или разорваны слова праотца на части, утрачен их смысл. И силишься понять, откуда здесь взялось: "...найдя успокоенье!"

Но что от ангела останется, подумал (кто?), исчезнут если обе его части, из коих состоит он: погаснет пламя, лёд водой прольётся и пепел унесёт в небытие, неведомо куда? И как непостижимое осмыслить, случится если исчезновение ангела, который вечен? Но снова Ибрагима голос: "Сжигаемое гневом пламенеющим, и голова дымится, и леденящей злобою кровь в жилах застывает, - пространство Ледопламенного ангела, тобой увиденное, земное отразив пространство иль отразившись в нём, станет..." - не дали досказать: обрубленное выкриками слово точно уши пса пастушьего, чтоб был свиреп. И эхо задохнулось. Утоплено водой? Иль сожжено в огне? Исчезло, обесмыслив опыт прожитого. Разведены далеко пространства меж небом и землей (а в ней, её нутре - ещё круги!): одно, другое, даже третье - и сказанного смысл блуждает, не услышан.

(74) Очевидно, имеется в виду отсутствующее завершение фразы: "...добра пространством станет!" Это - если следовать логике, правда, земной. Но, думается, нет расхождений между земным и небесным, если речь о пророках.

И буквенно запечатленное созвездие в том небе (а может, горная гряда земная?), что Мухаммедом покинуто, - Каф'ский и чужеродная нелепость: вариант (в хвосте созвездия - но сколько их, хвостов?!). Нет, возглас был земной - как вопль, как всплеск мольбы, как стон, идущий из глубин души, и, точно снежная лавина, прогрохотало, чтоб вздрогнули живущие вокруг гряды той горной, над головой завидя букву священную, она светилась светом огненным. И слово... - нет, то была всего лишь буква арабская: прямая линия с изгибом точно ковш! - обведена, подчёркнута на свитке и выставлена напоказ: Каф!

И вставка в свиток непонятная, поверх зачёркнутого, - Каф сокрыл сокровища, драконом оберегаемые, и мелким почерком, дабы уместить фразу-совет: найди язык! (с кем: Ибрагимом, Мусой?).

И хитрость применить?- вопрошается.

Стократно да!

Легко сказать - но как?!

И молвил Ибрагим: "Чему вы поклоняетесь?" - скажи им, мекканцам и йатрибцам! Да, уж там ты, в Йатрибе!

Молвит забывшим праотца: иудей ли, многобожник ли, христианин ли он. Самознания полны? Увлечены наживой?

Доблестью признали братоубийство? Вера их сомнительна! А у родичей нет даже веры в собственные божества: Кааба приманка для легковерных!

84. Сиротством чувства обострённые

- ...Постой! - спросил вдруг Ибрагим. - Разве здесь поселился навсегда?!

Что значит навсегда?! Страх обуял: как назад вернётся?!

- Я жив ещё! - Нежданно голос рядом, и вытеснен надеждой страх: Успеешь воротиться! И в ожидании встречи... - услышалось: Муса!

Вдруг, оболочку разорвав, возникла плоть, ожило видение:

- Внимаешь ли ты мне?- то голос Ибрагима был.

- Другой я голос слышу!

- Рассеян ты, а мне так много надобно сказать! - выговориться жаждет, и Мухаммед - благодарный слушатель.

- Как никогда внимателен я, о славный праотец! Знаю, - отвечает в нетерпении, ибо, если не скажет - обидит, а если смолчит - тот уловит лукавство, но и хитрить не смеет: - иудеи, христиан не принимающие... дальше что? - Христиане, мусульман отвергающие... - только ли они?! Многобожники... - но вторгся Ибрагим в речь Мухаммеда:

- Да, ведомы мне помыслы сородичей твоих!

Но разве он за них в ответе, хоть родичи его? И длинный ряд - имён иль вер?

Сравнимый... но с чем? Сказать бы надлежало, что точно жемчуга, нанизанные... - но веры или имена?! - на шёлковую нить.

Но как отвлечься от обидных слов, услышанных и там, где земля, и здесь, где небо, что лишь иудеи избраны Богом, Его родные дети? А мы?! Мы что же, пасынки Его?! Но разве Ибрагим, а не Муса, пророк и Боговидец, с ним о том толкует? Вдруг голос Джебраила - то нет его, а то он рядом, и незримо ангела присутствие, и речь его обидна: "Сиротством чувства обострённые? Ну да, конечно, пасынки!"

- О нет! - неволью вырвалось у Мухаммеда.

- Не по нутру мне, - Джебраил вскричал, - протест твой! Да, вы пасынки, и потому ты здесь! Чтоб с пасынством своим расстаться! Ужели даже здесь, в кругах небесных, ты этого ещё не разумеешь?

Мухаммед слышит вдруг: Иса! Подсказка?

- Ты вскоре с ним увидишься!

Но молвить, пусть услышится:

- А христиане, ставшие через Ису детьми Его родными?! Не потому ли, что иудейкою рождён?!

- То ваше заблуждение! Не спрашивай, а слушай! Самих себя лишь почитаете, неуёмны и горды, несговорчивость известна ваша!

- Но разве...

- Как будто вы и только вы, но более никто, есть истинные верующие в Бога Единого!

- Не тобою ли мне это внушено?..

Джебраил снова его прервал:

- Не спорить явлен! - Услышалось: - Небесный круг четвёртый!

85. Небо четвёртое

Глянул Мухаммед: земли клочок открылся, а там, где лестницы ступень земли касалась, - толпы:

- О Мусе расскажи! - кричат Мухаммеду.

- Мало ли говорил о нём?! Белое серебро осветило небо, покровительствуемое Зухрой, оно вокруг неё кружилось. По белому пламени чёрным огнём начертан завет!

- Огнём по пламени?!

- Добро пожаловать, о праведный... - сказал-таки Муса, точно выдохнул: ...пророк! - Тут же вздохнул: - О Боже! Ещё один пророк явился - несть им числа! - Я ни при чём, Муса высокочтимый. - Так мы о чём? Ах да: воля не твоя, что явлен в земном обличье! - Богу угодно было. - Чуть что - именем Его прикрыться?!

- Ведом я Джебраилом! - Муса прервал: - О, знает он, Джебраил, что я думаю о нём: злой дух он, провозвестник бедствий! - Мухаммед замер: ангел рядом! Молчать? Возразить? - Являлся ли ангел ко мне?

- Сказывают, что являлся раз четыреста! Двенадцать раз к Адаму, сорок два - к Ибрагиму, десять - к Исе... - прервал: - Умолкни! - Глянул на него насмешливо: - А сколько раз к тебе являлся? Без него ни шагу! Небось, двадцать четыре тыщи раз?* - Тут же всерьёз: - Меня обходит ангел Джебраил, пускай услышит: я без посредников общался с Богом! А впрочем, бойся, не то покинет посреди небес, застрянешь, обречённый на вечное блуждание: ни жив, ни мёртв. Так вот запомни: не лицезрел Бога, кроме меня, никто! - Мухаммед вспомнил - иудей хвастал: "Знал Бог Моисея лицом к лицу!" Тут кто-то сбил с того уверенность: "В спину лицезрел? Увидал, что Бог сидит над Торой? Трогательная картина: учит Своё создание!"

* По хадисам, Джебраил действительно являлся Мухаммеду двадцать четыре тысячи

раз.

- ...Нет, не удастся тебе, - говорит Муса, - узреть Его. Непонятна мне твоя уверенность!
- Но разве что сказал Мухаммед? Ироничен, чем-то недоволен, но чем? А тут и вовсе новый Муса, лик, усмешкой озарённый, в глазах хитрость вспыхнула: - Ты мне ответь, который век я бьюсь над тайной: мне часто видится летящая стрела.

- Уже вылетевшая! - От неожиданности услышанного ухмылка слетела с лица Мусы. - Ибо стрела, - поспешил заметить, дабы успеть выговориться, - уже вонзилась в цель, не будучи выпущенной из лука!

- Вот-вот! - обрадовался Муса. Но тут же сник: - Возможно ли, чтоб тайна разгадалась?!
- И неожиданно, будто пытаюсь вывести из равновесия Мухаммеда: - А что ты собственными руками недруга убил - что скажешь в оправдание?! - Я никого не убивал! - Испытывает?! - Сегодня не убил, завтра убьёшь! Чтоб человек не убил? - точно неотвязной думой терзается, не довершил задуманное, может, иначе б вышло, случись по-иному? - Некогда и я... участь наша такова: кто не убивал? Бог?! Но даже Он!.. А ты уж удивлён! Все наши поступки - с ведома Его, если случились! Не так ли? - Сам же ответил: - Нет, не так! Успокоение людское! На убиение, запомни впредь, согласия не даст Он никогда, кто б ни был убиенный! Кто-кто? Иисус?! Нет, не убивал, однако, пророк ли он?!

- Не ты ли с неба с Илйасом на землю по велению Бога спустился и лицеизреши Ису на расстоянии трёх стрел? Сиянием объятый, он на гору взошёл молиться, пред ним ученики предстали, и глас Божий услышали?

- Не стану спорить, - согласился, - но что Иса сын Бога?! - Умолк, задумался: о смерти ль там, куда Мухаммед воротится, о жизни ль здесь, куда Мухаммед прибыл лишь на миг? - О, тяжкий грех! Никто пусть не желает смерти, пока сама к нему не явится!

(75) Не беседа ли с Мусой подвигла Мухаммеда сказать человеку, пожелавшему с собой покончить: "Запретно верующему убивать себя из-за чего бы то ни было!"

Что ж, Мухаммед во плоти земного бытия явлен Мусе, наделённый и небесной жизнью, а потому и гость он, и хозяин. - Но явлен - и уйду! - И воротишься, чтобы дожить земную жизнь? Уж пройдена она!

Новость для мекканцев, что небо - твердь?

- О Боге твоём довольно мы слышали, поведай о Мусе, коль явлен нам твой лик!

- Муса... он смугл, и волосы кудрявы, высок и статен.

- Мы тоже можем, не повидав, обрисовать: голос точно гром, глаза сверкают молнией, плечист, и копта, чтоб сородича спасти, убил руки прикосновением.

- Раскаялся: "О Боже, мой тяжкий грех прости!" -сказал.

- И мы пытаемся!

- Убить?

- Тебя спасти от самого себя, убив в тебе другого!

86. Исчезнувшая могила

- ...и вызволил сородичей из плена фирауна. Шли и шли. Голодали, но напичал Бог небесный манной. "Надоела манна!" - кричали. Бог во множестве перепелов послал. Жажда мучила - посохом ударил по земле, родник забил, вода текла густая, сладкая. Но Богом спасённые сородичи тельца золотого богом выбрали, скрижали бросил я, негодуя, пламени предал тельца, пало по моему велению - без крови, видишь, обойтись не удалось - сородичей три тыщи! Снова сорок дней и ночей не ел хлеба, воды не пил, вымаливал народа и свои грехи! Чтоб голод заглушить, припадал к земле, к животу подвязывал камень. Снова мне скрижали были явлены. - Неожиданно спросил: - Испытывал когда ты голод? Вдруг... Мухаммед испытал голод, ведь сюда живым явился, тотчас вспомнил, что не успел... - ему

сестра оставила горсть ячменя! - Есть вещи поважнее, чем насытить брюхо! Сородичи закидали меня камнями: "Долой!.." Было искушение - ропот родился: "Куда ведёшь нас?!" Неверие и тоска. Тоска и страх. А с ним в обнимку - малодушие: "На гибель нас ведёшь!.." И в привычное возжелали вернуться: лучше рабство, но сытое, чем голод свободы! "Хотим мы к фирауну!" - кричали. Сорок лет по пустыне аравийской водил их, чтоб ни один не знал, не помнил, что значит быть рабом. Снова возроптали: "Хотим на Бога взглянуть!" И наказаны за дерзость! Змей ядовитых наслал на них Бог! Вновь тысячи погибли, убиты и повешены, но как иначе образумить?!

- Речь твоя гладка, Мухаммед, заслушались тебя!

- Речь Мусы!

- Ну да, язык развязан!

- Так слушайте, что дальше! Привёл в обетованную землю племя, где реки точно молоко, а берега медовые!

- Ах да: ведь чувство сытости не испытал ни разу!

- Спросить о чём-то, чувствую, желаешь. - Ты прав. Будто однажды, доведённый до отчаяния делами сородичей, ты воскликнул: "Сокрытый от взоров всех, прости меня, что, оглядываясь в хаосе быстротекущих дней в прошлое, которого, казалось бы, и не было, пытаюсь заглянуть в будущее, которое - небытие, обуреваем порой сомнениями в Твоём существовании, задаюсь, не находя ответа, греховным вопросом: А есть ли Ты, Вседержитель?"

- То Джебраил придумал, чтоб гнев Бога ко мне вызвать!

... За горизонтом открылась Мусе тонкая полоска, похожая на гладь темнеющей воды: конечное пристанище? Но... - был миг сомнения! Короче мига, чем успеют ресницы, сойдясь, открыться! И уловил Бог! Хотя, пока Он улавливал, ушло, исчезло сомнение! В вере твёрд как никогда: вот она, обетованная, всего шаг - и ступишь на неё!.. Вдруг слышит Бога: "Дам тебе её увидеть глазами земными! Но в неё не войдешь, ступить не суждено!" Не успел, достигнув с путниками Моафских гор, взглянуться в долину перед ним - о миг сомнения, который был, пришла смерть. Похоронили Мусу - и могила исчезла. У подножия спросили: "Где могила?" - "На вершине!" На гору взобрались, а там сказали: "В долине ищите!" Одни остались на вершине, другие спустились; верхние видели могилу наверху, а нижние - внизу. Тайна могилы Мусы: ни в долине, ни на вершине.

87. Ангел слёз

- Наслышаны о небесах немало, не пора ль спуститься?!

- А может быть, не возвращаться вовсе?

- Пусть про новые небеса расскажет! Ангел слёз?! Но отчего он плачет?

- Грехи оплакивает ваши!

- А плачущий Муса?

Вдруг точно вопль из груди Мусы:

- О, как тяжка твоя доля! И отчего Бог - слышит ли меня, хочу, чтоб услышал! - на муки обрекает Он тебя?! Не ясно ли Ему, что неисправима природа человека? - И Муса неожиданно для Мухаммеда... - да, он плакал!

- О пророк, куда текут твои слёзы, в какой океан неба или земли?

- Мне жаль тебя! Людей увещать, чтоб шли путём Бога!

- Но только ль обо мне ты слёзы льешь?!

(76) Неужто, - поздняя, судя по яркости чернил, запись, - имеются в виду (пророкам ведь известно) горести, грозящие евреям?

- Да, путь оплакиваю твой! - Могу ли разве не пройти предназначенный мне путь?

- Довольно и того, что мы тебя признали!

- Богом призван я!
 - Вот и узнаешь, допущен если будешь лицезреть, - усмехнулся сквозь слёзы, - про молитвы: сколько быть на дню, за тем ведь сюда явился?.. Ах да: твоё сиротство! Сравнима разве твоя участь с моей?! - Божья то воля! Им избраны вы, народ Израиля, и те, кто следом за Исой пошёл, Ему родные. А мы?! Кто мы Ему?
 - Ждёшь от меня ответа?
 - Но ведом ли тебе?
 - Он вас через тебя к Себе приблизит.
 - Милость велика Его!
 - За то ли Его благодарить, что возвысил нас до иудеев?
 - Бога любовь ко всем без исключенья чадам!
 - Не верим!
 ... Мухаммед ещё в Мекке, но уже давно в Йатрибе.
 - Слышу ваши голоса, сородичи мои!
 - ...Тебя я буду ждать! - сказал Муса Мухаммеду, чтоб, от Бога возвращаясь, непременно навестил его! Ждать после или ждать теперь?

88.

Свиток назван Небо пятое, под заголовком - три арабские буквы: Мим, подобная стустку чёрного сока, будто капнул с кончика пера, Те, схожая с ладьёй, а над нею - точка, которую издали можно принять, если развито воображение, за голову одинокого гребца, Нун, точно ковш, или чаша, - и да помолимся за учителей, научивших нас держать калам. Долго не удавалось слово из м + т + н, сложилось, когда в одной из папок Ибн Гасана обнаружилась тюркская запись*.

* Мтн, или арабское матн, означает текст, Матенадаран переводится как Книгохранилище.

(77) Свиток, относящийся, как уяснилось, к пророку Исе, был обнаружен во время экспедиции в честь спасения Нуха у горы Агрыдаг [название горы Арарат]. О, как я жаждал попасть в Книгохранилище, зная, что каждому достаётся то, что намеревался обрести, - искомое! Но дело должно быть совершено, чтобы судить о намерении: нет дела - не узнаешь о намерении. А удалось попасть потому, что нанялся к европейцам в переводчики с восточных языков, числясь Ибн Гасаном, представляясь порой как Пургасан: известно, что не каждому открыт туда доступ, тем более с именем оглу.

Одна рукопись, вторая... - зря, думал, столько динаров уплатил за листки с латинскими буквами, крепко зашнурованы, но подумал, что пергамент добротный, употреблю для важных записей или продаж. Вдруг в косых лучах солнца разглядел на листе скрытые контуры ангельских крыльев: три + три! Аллегория первейшей формулы мусульманской Бисмилла'. Бизанец-алхимик обнаружил запрятанный текст, прежде велел употребить старание к сохранению содержания текста, которое собираюсь стереть, - библейские отрывки о сотворении мира, происхождении дьявола по рассказам некоего великого учителя [тут же вставка некоего Джб (Джебраил?): Выявлено, что в полном виде перевод хранится в Вольфенбюттельской библиотеке. Ибн Гасан тут же отмечает: "На сей раз неведомый комментатор оставил свой след!"]. Бизанец осудил лжеалхимиков, которые-де соскабливают текст ножом или пемзой, и с помощью молочного цвета раствора выявил смытый арабский текст; первичный не исчез бесследно, хотя изменился внешний вид пергамента, мясная сторона чуть пожелтела. Текст потряс: о пророке Исе!* Пришлось немало провести дней, которые потянули месяцы, чтоб выстроить некое подобие связности, к тому же текст вскоре стал непрочитаемым, покрылся пятнами**.

* Сказано: За слоем арабским впоследствии обнаружилось ещё два: отрывок из Евангелия VII века, который, в свою очередь, был написан поверх фрагмента письма Тита Ливия к Сенеке о получении мужской тоги, обязывающей начать военную службу. Далее - палимпсест, ныне почти почерневший, пятна расползлись, хранится в САД'е [Суперфинском архиве древностей], добыт у потомков йеменского правителя, куда попал из Синая, оказался у хранителя древних рукописей Папандопуло в Византии, куда прекратился после захвата её арабами ввоз бумаги из Египта, далее перешёл к османским туркам (и нашёл последнее пристанище в Матенадаране?).

** По поздним свидетельствам, Ибн Гасан сам покрыл рукопись пятнами, чтобы скрыть-де неточности и ошибки, допущенные при расшифровке текста.

Земная поступь... - медленная там, где только что он был,

и под ногами - твердь,

и шли, таясь от недругов, тропой пустынной.

Но поступь быстрая, когда с кругов небесных, - был только что он здесь, уже он там, - за поступью земной оттуда наблюдаешь.

И не поймёт: то видимость иль явь, когда глядел с холма

на ставший вмиг чужим родной, но и враждебный город.

А на небе нет наступления тьмы, тогда как на земле торопят её завершить усталость тела, хождения дня бесплодные, и одолевает сон - а тут как будто только пробудился, и бодр, и полон сил, и лёгкость в теле, какая и забылась, что некогда была, но и теперь возможна.

... Уже недолго ждать, когда взойдёшь на новый круг небесный.

Но скоро или долго - знать не дано.

И час настал.

И состоялась встреча.

Купол неба был соткан из нитей золотых... Но отчего-то отсюда, где солнце свет разливает над миром, греет ласково, но и жжёт нещадно, был виден ад: огненные языки над ним вздымались, думы клубились, здесь пространство Ангела мести, который крылья распростёр, но мстительность его - людской природы ответ. Устрашающий облик, наказывающий грешников, - чело, изуродованное болью и страданиями, точно отражает мучения обитателей ада, покрыто крупными бородавками, красные глаза мечут молнии...

- Пугать нас вздумал?!

- Спустишь Ангел мести на землю, горы б от ужаса раскололись! В руке копьё, охваченное пламенем, трон горит в огне. При виде Ангела реки, от ужаса застыв, вмиг пересохла б. И роста необъятного, равняется пятистам дням ходьбы.

- Шагов верблюжьих сколько, нам не приличествует собственные отмерять!

Взор выхватил из пламени ада огромную женщину, распухшую точно, дабы заметили другие; по жирному, уродливому животу ползали чудища - хищные зверьки с острыми клыками, ноги у них были паучьи, совиный клюв, а голова одно лишь чёрное отверстие, напоминающее рот, искажённый гримасой.

- За что ей такие муки? - невольно вырвалось у Мухаммеда.

- Прелюбодействовала! - голос Джебраила.

(78) В упрёк автору, замечает Ибн Гасан [самокритичное заявление?], следует сказать, что, увы, он не воспользовался великолепной возможностью, описав ад, поместить туда всех, кто над ним измывался, как это сделано было впоследствии [имеется в виду Божественная комедия великого итальянца?].

Но прежде - видение золота червонного, сияет, точно солнца диск: тут Солнца

покровительство, и медленно вокруг него свод кружится неба - охвачен взором: Иса! Его пределы! Уловил или подсказка свыше, точнее - сбоку, где шелест крыльев ангела, хоть он невидим, но неотступно рядом?

(79) По другим версиям, пятое небо - власть Юпитера, покровительствующего гигантскому белому жемчугу; расписывая его, Мухаммед, как рассказывали очевидцы, вызвал зависть у мекканских купцов, которые зачарованно слушали его: ещё бы, такое несметное богатство в этом невиданных размеров жемчуге!

Слепящая блеснула молнь на кончике луча, ударившего с высей под ноги пришельцу, не разбираясь в том, кто он: как смеет размышлять о чём-то, когда вблизи - но долог путь к Нему - Божий престол!

И тут Мухаммед увидел Ису: сидел к нему спиной. Не почувствовал, как я к нему вошёл?!- впервые подумалось по-земному с обидой, сник впечатлительный Мухаммед, но тут же, как бывало там и повторилось здесь, услышал: С чего Исе, - глас из глубин, где разума владения, а не чувств, - приветствовать тебя?! Не возгордись, что при жизни сюда допущен! Иса был погружён в молитву. Но ведь молились только что на горе Храмовой! Успело столько произойти, пока ты здесь, всего лишь миг небесный! Как долго ждать? Что долго или скоро здесь? Сколько молитв? Сколько - то купеческий расчёт! Спросить у Исы? Никто Ису отвлечь, когда он молится, не в силах. Нехотя... другое б слово произнести! Иса к нему поворотил свой лик.

89. Явленная тайна*

* Палимпсестовый текст завершился. Далее - продолжение, существующее как бы вне текста, сочинённое, казалось, независимо от свитка.

Вспомнился давний сон, при Хадидже, долго не мог уснуть, а утром рассказал ей: С тобой во сне мы были дома у пророка Исы! На Храмовой горе Иса, последний из предшествующих пророков, стоял позади, а здесь при ярком свете... - Иса, увиденный во сне, был другой!

(80) В свитке - пробел. В одной из рукописей Ибн Гасана были обнаружены на тюркском листки с неприметным заголовком: Сон с И., прочитывалось лишь в лупу, что якобы описан сон Мухаммеда, но можно предположить по отдельным фразам, что приснилось... самому Ибн Гасану (такое в мире сочинителей случается)!

Увиденный ближе к рассвету после спора, когда люди Писания обвиняли Мухаммеда в незнании истории, сон отчётливо запомнился. Летний день. Сидим в большом, просторном доме за дастарханом*. Рядом слева И., крупное лицо, седые редкие волосы на голове, поначалу удивило, что он такой старый и очень высокий. Справа сидел Х.

* Слово более туркестанское, нежели кавказское, скатерть, чужеродное для уха арабского, лишний раз свидетельствует о тюркском происхождении Ибн Гасана, что оспаривается арабами и персами, желающими, очевидно, сделать достоянием его труды (вряд ли возжелают после издания!), хотя и сам он не был лишён тщеславия, желал прославиться по крайней мере в трёх мирах: арабском, тюркском, персидском.

(81) Как можно представить рост сидящего человека? Имеется в виду Хамза? Или кто другой? В тюркских языках родов нет, можно было бы перевести и как сидела. Может, это была Хадиджа? - Упрёк неведомого читателя (не Джб ли?).

"Я хотел бы сказать..." - смотрю, пятна багровые от вина на полотняном белом дастархане. И. делает знак, чтоб принесли поесть: гости хотят говорить, а еду убрали. "Ничего, не беспокойтесь", - мол, ещё успею высказаться. И. поднимается (когда сидел, казался высоким, а тут - невелик ростом), идём за ним, на веранде большой круглый хлеб, свежий, источает дразнящий запах, ну да, думаю, столько народу сюда приходит, всех надо

накормить. Множество закутков, везде люди, по ступенькам спускаемся, Х. успеваешь шепнуть, что И. приходил к ним однажды, и, видя моё удивление, замечает: "Ты что, забыл? Он к нашему отцу в гости приходил, с ним ещё А.Л. дерзко и грубо спорил, с его избранничеством не соглашался".

(82) Но отцы у Мухаммеда и Хамзы разные. А.Л. - Абу-Лахаб? Любил спорить!

С ужасом думаю: вдруг спросит И., чем занимаюсь? Сказать, пророк?! избран Богом? И кому! Нет, не спросил. Проходим по зелёному лугу, пахнет скошенной травой, смотрю - нет И., лишь я и моя мать, сидим под акацией, рассказываю о чуде - встрече с самим И. "Какое счастье лицезреть избранника Неба! - говорю... но уже не мать рядом, а Х. [Хадиджа?]: - Будто беседовал с Самим Богом!"

Разгадка сна?

(83) Запись обрывается, но есть ещё фраза, прочитывается лишь: "не вспомню".

- Он тебя признал, если во сне привиделся! - сказала тогда Хадиджа ему. И словно начертала: Явленная тайна! Спустя время заметила: - Но не всякий Иса - пророк. Может быть, то был двойник? Похожий, но не Иса? Тут Мухаммед вспомнил детское: Абдул-Мутталиб говорил, что у пророка Исы, об этом старец в Эль-Кудсе ему поведал, какое-то было свечение над левым ухом. "Почему над левым?" - спросил Мухаммед. Промолчал дед, как и тот старец, кому он задал такой же вопрос. Было ли во сне свечение - не запомнил. Лишь помнит, что Иса был светловолос и голубоглаз. Не похож на нынешнего, истинного, черноглазый и тёмен ликом, смотрит на Мухаммеда пристально: - Не зван мной, и молитву мою нарушил! - Укор?!

- Даже здесь, в кругах небесных, мнителен ты, Мухаммед, и в ясном взгляде, полном доброты, узрел, заботами земными полон, не то, что в вечном бытии Исы!

- Признаюсь, мне не избыть страстей земных.

- Переступи чрез них!

- Бог возжелал, чтоб я... - была смиренность в голосе Мухаммеда.

- Вознесены сюда по воле Бога! Отца Небесного то выбор.

Ждут ученики: запомнить, что скажет им Мухаммед.

Каждый - носитель одной из ниспосланных сур, и кому какую запомнить следующую. В голосе Исы... - Оглядел учеников, самый младший, с памятью отменной - Шюкрулла: от него и передастся потомкам рассказ Мухаммеда о пятом Небе, где встретился с Исой. Задумался: какое слово точное найти? Исы был голос тих, в глазах тревога. Не пояснил: тревога отчего?

- О тяжкой миссии твоей слышан я на Небе, - сказал Мухаммеду. Всерьёз? Может, ироничен? - Неистребима мнительность земная!

- Твоя была трудней.

- Иные времена, иное племя - мы и вы.

- Ты к избранному Богом народу шёл!

- Что с того, что избранный? Замкнулся он, Богом избранный.

- Но сказано: растворится твой народ в племенах земных.

- Наглухо закрылся, уйдя в себя!

- И всё ж из первых на земле народов, в единого уверовавший Бога!

Мой род и наше племя Его не знали, у каждого свой идол: обрубков камня, истукан, хранитель очага, кумир, спаситель!

- Увы, к призыву моему сородичи остались глухи: через народ мой возжелал всех приобщить к Отцу Небесному, исполнив Его волю. Но ворошить былое не станем: что говорить о том, что было?

- Твой крест...

- Но каждому нести свой крест! Тебе мой крест не угрожает.
(84) В одной из записей Ибн Гасана дан диалог на фоне нарисованного креста:
- Но отчего твой крест, который носишь на груди, усеян шипами?
- Для умерщвления плоти.
- Во имя собственного спасения?
- Но через боль!
- Не признак ли тщеславия забота о личном спасении? Что вернее: носить крест, пусть даже с шипами, или носить в себе суть креста?
- Отвечу притчей. Спросили у несущего свечу: "Откуда свет?" Тот вместо ответа задул свечу и спросил: "Скажи мне, куда девался свет, и я отвечу, откуда он появился". Так что не задавайся праздными вопросами!

Ученики притихли, ждут, что скажет им ещё Мухаммед.

"Ну да, - Иса мне молвил, - сородичей собрать ты вздумал, явив им Книгу Книг, но отвернулись. Увы, таков удел и мой, когда я начинал. И патриархов". Но все, с кем до Исы встречался, ждали моего явления.

Казалось, разговор с Исой - главное, из-за чего сюда явился. Может, и на свет родился, чтоб встречи этой удостоиться? Адам? Нух? С ними было проще, а Ибрагим не далёкий предок, а чуть ли не дед! Муса... - здесь, мнилось, он главный, единственный, кому удалось Бога лицезреть. Но и он понятен людской натурой, а Иса... Но сказано: Бог не родил и не рождён отчего сомнение в кругах неба не отпускает?

90. И эхом: Не успеешь!

А прежде не забыть спросить: почему ад помещён в пределах Его пространства? Иса ответил тотчас:

- Взял на себя я все грехи людские, чтобы впредь...
- А разве, - не дал Исе досказать, - грех искореним?
- Увы!
- Но если грех - земные его думы - неустраним, как избыться адским мукам?!
- В бесстрашии уметь взирать на грех. Быть открытым Богу. Терпением спасается душа.
- Сколь долог путь к спасению?
- Неизмеряем путь, открытый к Богу.
- А грешники в аду?
- За них молиться.
- Но как?
- Любовью. А чтоб любить - дано сердце, уста - чтоб молвить, руки врачевать, во всём есть воля Божья.

И неотвязна мысль: Он знает всё, Иса. И всех. Но если на лице моём прочёл мои думы... - ни словом не обмолвился о том, что сына Божиего не признал! Но разве это было выговорено в уме? Лишь откровение: Бог не рождён и не родил. В том, что услышал, как мне усомниться?!

- Я за тебя, - сказал ему Иса, - молился!
- За меня?!
- Твой путь тебе ещё пройти придётся! - И улыбнулся с горечью.

Бледное лицо, суров и озабочен с виду. Вдруг засиял: - Пришелец ты, явился и уйдёшь, чтоб жизнь пройти земную, а мы здесь навсегда.

- В том сожаление или отрада?
- Свершить задуманное, от будущих себя сберечь ошибок.
- Ведом Богом я!
- Но выбор - за тобой, чтоб каждый раз не начинать сначала.

- След в след?
- Путь свой у каждого, но он тобой ещё не пройден.
- Мне Богом ниспослано!.. - Не возомни, - сказал себе, - о себе лишнего, Мухаммед!
- Отец Он мой, Отец и ваш, и Бог Он мой, и Бог Он ваш!
- Но...
- Не смеешь досказать? Сомнениями мучим?
- Ты угадал!
- А может, меня жалеешь?
- О, если бы, - вскричал Мухаммед, вырвалась наружу боль, - счастье выпало мне увидеть мать Амину!.. Нет, не понять мне, прости, Иса, тебя, то выше разуменья моего!
- Но что, скажи, я выслушать готов!
- ...Пришли, когда говорил к народу, мать, братья и сёстры, они стояли вне дома, заметил их среди людей, в толпе стояли, кто-то молвил: "Вот мать, братья и сёстры!" Но ты...
- Готов я сказанное повторить: "Кто моя мать? Братья и сёстры кто мои?" Указал на учеников Своих. "Ибо, - молвил говорившему мне, - кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать!"
- Ушли ни с чем!.. - И горечь в голосе. - Нет, не пойму! И про умершего отца ученика, отверг его просьбу! "Позволь, - просил он, - отца умершего пойти похоронить, сыновний долг велит!" Ты воспротивился! "Предоставь, сказал ему, - мёртвым погребать своих мертвецов!"
- Ты можешь следом повторить за мной: не думайте, что Я пришёл принести мир на землю. Не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, а дочь с матерью её, и невестку со свекровью её! Сберегший душу от Меня, потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня, сбережёт её. Иго Моё благо, и бремя Моё легко!
- О, если б даже мёртвого увидеть довелось мне отца!
Но укорять пророка!.. И тут, не успел Мухаммед лишь подумать: А сон был такой... - как Иса в нетерпении произнёс:
- Сон?! - Чутки они, пророки, невыговоренное улавливают. Но ты и сам, случалось на земле, с дум собеседников покровы сбрасывал порою. При слове сон во взгляде Исы появилось нечто вроде изумления, земное в слове, здесь забытое, услышалось: - О сон!.. Даются сны в утешение вам!
- Живым?
- Но кто живее: вы иль мы?
Умолк, задумался: Живее вы!
- ...Игра воображения! Чувств высвобождение! И, оттолкнувшись от пригорка, летишь, а руки - точно крылья.
- Ума подсказка сон! - повторил Абу-Бакра.
- А то и упредить беду, когда всерьёз являемся во сне.
- А может, то не сон, а явь?
- Услышать хочешь о себе?
- Но разве я не волей Бога явлен в мир?!
- Все явлены... - И тут Мухаммед не дал Исе договорить:
- Быть может, о пророк славнейший, обуян сомнениями в моём избранничестве?!
- У каждого из нас своё сомнение. Но первому, - сказал, - тебе избыть сомнение, и тогда... - молвил вслух или дуновение мысли? - Нет, не успеешь!
И эхом прозвучало: Успеешь ли?
91. И снова эхом: Уж изгнан!
- ...Я сам в твой сон явился. А трапеза... что ж, много званых, мало избранных! Пришли

ученики и возлегли. И те, кто был со мной, меня не понимали. Покинули меня, уснули. А утром я ушёл в Йерушалайм.

- Ты был другой во сне.

- Светловолос для тех, кто светл власами. Но смуглый я, еврейкою рождённый! И даже посмуглей тебя!

- За вами, племенем евреев, следом избранны мы!

- Но кто вы?

- Мы родственны, арабы мы, семиты!

- Я слышал!.. Но если волею Отца Небесного, Отец Он мой, и твой Отец Он, нам всем Отец, ступил на миг кратчайший в круги неба... лишь мне дозволено такое!

(85) Иса, пребывая на земле, был категоричен, но не таков на небе. Есть иная версия сказанного Исой Мухаммеду: То, что Мне дозволено было на земле, тебе разрешено. И пояснил: Потому ты и здесь.

- Когда ты на земле, длинны день и ночь в делах, заботах, думах. Отсюда, где медленно течение времён, стремительную поступь на земле узришь. Храм Божий учредишь, но будешь, неузнанный, оттуда изгнан! ... Мужчины, женщины с открытыми лицами, одна - жена... Нет, не знал Иса семьи, пути родичей, как сеть для ловли рыб, не испытал*.

* Так чей же сон записан Ибн Гасаном? Неужто Мухаммеда?

- ... Да, твои жёны! - Иса вдруг сказал то ли в осуждение, то ли укоряя. - Их столько, что не счесть!

- Одна лишь!

- Одна?

- Лишь Севда! - Но тут же усомнился: одна ли?! И от увиденного внизу, где твердь земная, ибо уже случилось, устыдился, что сказал неправду: Но Айша!

- Влечение к девственности, никогда прежде не испытанное?

Вдвоём с Айшой остались, дотронулся до неё. Не спешить, вспугнув резким движением. И забыть, что пророк, такой, как все!

- Свадьбы ещё не было!

- Пока в кругах небесных, успел на земле жениться!

Слышит Айшу, но кому рассказывает? Мы приехали в Медину [Йатриб]. Однажды я на качелях качалась меж веток смоквы, мать меня остановила, погладила голову, причёску поправила, дала лицо сполоснуть, повела к дому. Много женщин было, одели меня в нарядную одежду, яркий платок на голову накинули, и я с мамой вошла в другую комнату, где сидел отец, и тут я посланника Аллаха увидела. Холодно было, Мухаммед подсел согреться к курси, возвышению, под которым тлели угли, отдавая дому жар. - Посадив меня рядом с посланником, мать сказала: "Вот, доченька, твоя семья, да осенит вас благословением Аллах!" Ради этого случая не закололи животное жертвенное, не зарезали овцу. Бин Убада прислал блюдо с простой едой. Севда вышла встречать Айшу, ни огорчения на лице, ни раздражения. Ночью вдруг Севда говорит Мухаммеду:

- Надо девочку готовить.

- К чему? - удивился.

- Стать женой!

- Разве она женой мне послана?
- А кем?! - Мухаммед промолчал, Севда, кажется, поняла:
Айша и жена, и не жена, дитя, а для неё как дочь.
- А следом третья жена!
- Четвёртая!
- Тебе виднее!
- После Хадиджи, Севды и Айши - Хафса.
Дочь Омара и Айша рады: отцы их, Омар и Абу-Бакр, дружбой
спаяны, к тому ж такая ревность к Севде!
- На дочерях соратников женитьба... - во имя крепкого союза?
- А разве нет? И прочен договор, когда скреплён узами семейными!
- И выдать дочерей во имя той же крепости? Ругийю - за Османа, Фатиму за Али?
- О, дочь любимая Ругийа!..
- Горечь смерти?
Но разве... уже случилось!
- О, знание потерь позднейших на земле, что с неба увидел! Переживания мне верного
Османа!
- И ссора - знает Иса! - меж соратниками!
Омар предложил Осману в жёны недавно овдовевшую
восемнадцатилетнюю дочь Хафсу. Осман, точно оскорбили его
чувства, резко ответил: - Нет!
Омар вспылал.
- Умерь свой гнев, Омар, - сказал Мухаммед, - не спеши его
осуждать! Ему судьбой предназначена женщина лучшая, нежели
дочь твоя Хафса! Нет, ты не ослышался, я сказал то, что
сказал, имей терпение и выслушай до конца, ибо и дочери
твоей Хафсе предназначен лучший, нежели Осман, муж! Омар
тотчас понял: он и сам думал предложить Мухаммеду дочь! Но
радость от лучшего мужа не вытеснила недоумения о лучшей,
нежели его дочь, жене для Османа: кто ж она?! Дочь
Мухаммеда Умм-Кюльсум!
- Надежная опора: дважды зять?!
- Но каждый - щит, и каждый - меч!
- Ждешь новую жену - она уже в могиле.
- То был не плоти зов!
- Что б ни было!
- Женился на вдове, муж был славный воин, влиятелен и род, с их помощью язычников
победил! Умерла - с почестями похоронил!
- И следом новая женитьба?
- Ты строг, Иса! Разброс родов, вражда племён, и я во имя...
- Уж слышал я о крепости семейных уз!
Не успели похоронить Зейнаб, совет был: жениться на
Умм-Сальме, сестре вождя мекканского рода максумов, дабы
внести раскол в ряды врагов.
Но я слышал, Абу-Бакр, что ты сватался к ней!
"Да, красива и умна... отказала мне!"
И ты сватался, Омар!
"И за меня не вышла".
Думаете, согласится выйти за меня?

Долго раздумывала: "Я уже не молода, к тому ж у меня характер завистливый, уживусь ли с жёнами?" Мухаммед уговаривал: "Если сама знаешь, что завистлива, Бог тебе поможет стать лучше".

- И даже жёны в дар преподнесены!

- Но женщина вольна не согласиться!

- О, горечь изумления земного!.. Просты разводы?

Бедуины, дабы отплатить Мухаммеду за щедрость при дележе трофеев, предложили ему в жёны красивую бедуинку Асму.

Когда та сняла одежду, увидел на её груди белое пятно:

проказа?! "Уходи к своей семье!" - велел ей. Предводитель,

дабы смыть с себя позор, привёл к Мухаммеду новую жену, но

Умра, когда Мухаммед к ней вошёл, сказала: "Да защитит меня Аллах от тебя!"

"Аллах защищает того, кто просит защиты, - уходи к

своей семье", - ответил Мухаммед. И тут спасла честь отца

дочь предводителя: Умм-Шарик сама предложила себя в жёны, и

Мухаммед принял её.

92. Расступившиеся облака

- Но есть ещё одна Зейнаб, о ней умолчал! Нет, не покойная, другая, красавица Зейнаб!

- Искал приёмного я сына, Зейда!

- Да, знаю, в дом к нему пошёл, смутился, застав её, - она купалась.

- Воскликнул, поражённый красотой: Благословен Бог, такое сотворивший чудо!

И он увидел... - очень давнее, а ведь вчера случилось!

Ты часто говорил: "Более всего на земле я люблю женщин и

ароматы". Однажды при Абу-Талибе сказал: "Божественны

женщины!", вызвав его удивление: "Уж не сделался ли

поэтом?" Но ты смутился и добавил, что полное наслаждение

находил лишь в молитве.

Молитва тут ни при чём!

Сначала Хадиджа, единственная, а после... - твои женитьбы,

не одна, даже не семь! Чем больше жён - тем более почитаем,

не так ли?

Хочешь услышать "да" или "нет"?

Определённость красит мужчину.

Не с нас пошло. И первые люди Писания полагали подобное...

Мне было довольно одной, ты знаешь.

О, как ты оживляешься в присутствии женщин!

Не отказываюсь: всю жизнь восхищался совершенством женских

тел. Плавные линии плеч! Гладкие руки!

Про брови не забудь, и губы, углём будто нарисованные.

Изящество и гибкость стана, мягкий взгляд. - я прав?

Но прежде - незаменимость женщины в семье, в жизни мужчины,

и каждая - другая.

А ревность жён? Неужто утаишь?!

Ниспослано: Великий грех - ревность жён!

Жёнам ведомо, и что же?!

Лишь ревность Айши, юна и несмышлёна.

К умершей даже Хадидже!

Спор с самим собой? С Исою тоже: Не ты ль, Мухаммед, в том повинен? Что часто, сравнивая жён, вспоминал Хадиджу?

Им в назидание!

А Хафса?

Ни слова более!

(86) Очевидно, - пояснено, - речь о событии, вызвавшем толки о сластолюбии пророка; Хафса как-то застала его с невольницей Марией: "В моём доме! Я считала невольниц недостойными тебя!"

Запретна она для меня, я не прикоснусь к ней более!

"Но как запретишь, что уже дозволил Бог?"

Да услышит Он: никогда не приближусь к ней, но и ты не рассказывай никому!

Хафса, однако, проболталась Айше, Мухаммед объявил Хафсе, что разводится с нею. Омар допытывался, в чём провинилась дочь, а узнав, повелел: "Умерь ревность!"

О случившемся - сура, к свитку приложенная: О пророк, почему дозволенное Богом себе запрещаешь, домогаясь жён расположения?

Не смог, то было выше сил, оставить Марию, тем более, что родила мне сына.

(87) Ибн Гасан прерывает, давая пояснение: Сказанному противоречат суждения некоторых благочестивых учёных, что Мухаммеда женщины мало интересовали, длительное время ему достаточно было одной Хадиджи, и последующее многожёнство было вызвано высокими соображениями.

Назван был в честь праотца Ибрагимом.

И очень на тебя похож?

Ни тени сомнения!

Но отчего, взяв сына на руки, спросил однажды у Айши: "Как думаешь, похож он на меня? Мизинец как мой, пухлый! А румянец на щёке?" - "У любого, кого кормят козьим молоком, - ответила, - будут пухлые руки и румяные щёки!" Но, дабы не расстраивался, добавила: "Пока мал, может, со временем станет на тебя похожим".

Счастлив, когда оставался с внуками, которые были старше сына: Гасану и Гусейну семь и шесть, Ибрагиму год, последний его год, поочерёдно сажал их себе на спину, изображая то верблюда, то коня.

Вспомнил: в небе Ибрагима... - было в сей миг! - сказал праотец: "И сына именем моим наречёшь". - "Но выживет?" Ибрагим глянул печально.

Последыш повторил судьбу сыновей: "Что ж, и мне недолго ждать: увидимся на том свете!"

Пред тем замешательство было в гареме, когда Мария осталась жить в доме. Дочь Фатима негодовала: "Сам Пророк клятву нарушил!"

(88) Автор умолчал про явленные откровения до рождения сына и после его смерти. Для вас установил Бог разрешение ваших клятв, позволив отступление от них! Или: С вас не взыскивает Бог за легкомыслие в пустословных клятвах, но взыщет за преднамеренные клятвы.

93. Чтоб к имени привыкнуть: Мухаммед

- В глазах твоих... растерян ты, Мухаммед! - И назван он Исой, как будто к имени его привыкнуть возжелал: - Отягощена голова твоя тем, что было, но более - тем, что случится!.. - Мухаммед лишь шевеление губ Исы ухватывает взором: сура новая Мухаммеду

ниспослана!

(89) Перескоки, - отмечает Ибн Гасан, - свидетельствуют, что автор не сумел добиться стройности в изложении. Напомню, что, не вынеся гаремных интриг, Мухаммед заявил, что отныне будет жить один, на весь день, ночь и последующий день уединился на крышу дома, не принимал пищи, не желал никого видеть. Толпа возле мечети говорила о неслыханной гордыне жён, обрехших пророка на страдания, и вдруг увидели, как Мухаммед сошёл вниз...*

* Фраза не окончена, добавлю: сошёл вниз не для встречи с общиной, а чтоб в одну из келий уединиться, где, возлежа на верблюжьей шкуре, пробыл ночь вторую и третий день. Омар, когда удалось проникнуть к нему, вдруг испытал голод, к которому был нетерпелив, и воскликнул: "Доколе пророку голодать и жить в нищете? Победим мекканцев! Завоюем Бизанс! Персию! Будем жить в роскоши!" И Мухаммед: - Вот что нас погубит, сказал, - роскошь в будущем, нетерпеливость сегодня! До нас дошла лишь фраза об их беседе: Омар рассказывал живо о многом таком в повадках женщин, которые непредсказуемы, чем вызвал улыбку Мухаммеда, убедил отказаться от задуманного: мол, невозможно удержать женщин от ревности друг к другу, когда каждая мечтает быть самой любимой, самой желанной женой пророка.

... слышали ученики, как вслед за Джебраилом повторяя,

Мухаммед сокрушался: О, если б Я захотел наказывать людей за их бесчестия, то не осталось бы на земле ни одного живого, - но даю отсрочку всем! Когда ж наступит их черёд никто не сможет ни на миг срок, определённый Мной, отдалить, - воздастся им!

- Ты удивлённо брови вскинул, - а уж пучок седых волос в твоих бровях заметен, и борода всего лишь миг назад была лишь с проседью!

- Неужто вся седая?

- Готовишься к войне победной...

- Была ли хоть одна?

- О стольких войнах твоих дошли до нас стенания! И пролитая кровь, её не счесть!

- Но войны и твои!

- Мои?!

- Да, именем Твоим! - Не успев услышанное осознать, Иса ответил знанием позднейшим, что ведаёт о том! - И чёрные кресты на белых одеяньях! Явлением твоим пугали мир!

- Как и твоим, Мухаммед! Услышал грохот пик кровавых в день твоего рождения, и небо озарилось адским пламенем!

- Но воинов ислама встречали с объятиями, ликовали все, куда вступали мы! Бизанс, иные земли!

- О да, им мнилось, с именем твоим несут освобождение от тиранствующих моих приверженцев! Но проходило время, и тираны новые, уже твои... - что говорить о том, как тобой грозили, и ты им верил, как и я ученикам своим.

- И солнца луч играл на латах! И ленты трепыхались многоцветные! И уши глохли от людского рёва: "Освободим Святую землю от племени поганых!" * И красные, точно окрашенные кровью, кресты матерчатые нашиты на одежды - плечи и спины. Шли с именем Твоим на Эль-Кудс, чтоб гроб Господень Твой освободить! Там реки, - обещали воинам, - молочные текут и берега медовые! Прельщали златом, коего не счесть. И со словами: Слёзы льёт Йерушалаим, о помощи взывая, - шли мусульман громить. Жарили детей, точно ягнят, на огне! Поедали их! Обещали: Кто погибнет за Крест Святой, их не успеет кровь остынуть, как окажутся под сению Бога! И что же? Обезумевшие кони, озверевшие люди заполонили

все дороги. То были воины и шли с именем Твоим!**

* Точнее - от племени персидских турок, как называли крестоносцы мусульман.

** Далее шла фраза, которая была вынесена в нижний этаж текста: До сей поры не угасает гнев: моих - к Твоим, но и Твоих - к моим!

Часто в кругах небесных: как будто не было ещё ни войн, ни крови, но... - были, были!
Не в силах изменить веков грядущих поступь ни тот, но видел ты! ни тот, и видел ты!

- Но погляди: отсюда кровь узришь в родном краю!
мечеть, в которой он молится всегда! но почему
пятничную молитву ведёт не Абу-Бакр? умер?! в мечети
главной молится отныне Омар! но кто к нему спешит, сквозь
ряды молящихся пробиваясь? кинжал двуострый блеснул в руке,
был такой у Мухаммеда, с рукоятью посередине, и... - но
никто не держит за руку! даже взмах руки... - поздно!
клинок вонзён в Омара! кровь льётся в мечети, но куда ведёт
ручеек крови? к Осману?! о, как постарел зять, не узнал
сначала: стоит, прижав к груди книгу, это же Коран! к стене
оттеснили, дальше идти некуда, среди нападающих сын
Абу-Бахра! тёзка его, Мухаммед! гневом искажено лицо!
злость в глазах!

"Одумайся, сын брата моего!" - увещевает его Осман, но
тот... - как смеет?! хватает Османа за седую бороду!

"Увидел бы, - кричит ему Осман, - отец твой поступки!"
выкрики: "Убить!" но что сделал зять любимый? знал
Мухаммед: испытание богатством! властью! точно ждали
нападающие, когда схватят за бороду, и, осмелев, бросаются
на старика. Защити меня, Аллах, молю Тебя, помоги! почему
никто не заступится? где Али? отчего зять не поможет зятю?!
меч сверкнул над Османом, лишь женщина одна, жена Османа
помнит её имя, Наила, -пытается отразить меч, кровь из
отрубленных её пальцев брызнула! кровь хлещет из
разрезанного горла Османа! залит кровью Коран! выпал из рук
Османа, топчут ногами страницы!

Али! Али! где ж ты?! вот он, брат любимый, зять, отец его
внуков Гасана и Гусейна! воин! силён, как лев, кроток, как
аскет, мягок, как ягнёнок!.. идёт в окружении свиты, все в
мечеть устремляются - на пятничную молитву, которую
проведёт Али, вождь правоверных, опора и надежда Мухаммеда!
вдруг Али оставлен один, трое чужих сзади бросаются на
него, напавший ударяет его по голове кинжалом, стук слышен
здесь! и залита тропа, ведущая к мечети, кровью Али!

- Нет, не в силах более видеть!

- Смотри!

- Нет, не могу!

а уже слышен стон - так плачет внук любимый Гусейн: стонет,
беззвучно текут слёзы. быть того не может! отрубленная
голова Гусейна! от тела отделена, отброшена!

(90) О том, что случилось на земле после смерти Мухаммеда и увидено было им с неба
Исы, узнается в своё время. [Что нового может узнать после кровавых видений

Мухаммеда, которые действительно случились? А детали убийств кому нужны?]

Умолкли оба - что ещё сказать после увиденного ими?

А впереди - война (уж позади!).

И войны впереди (уже случились!).

- ... Ещё о них расскажешь, о войнах!

- И горек поражений вкус!

- Но сладок вкус победы!

- Была - прошла!

- Но ведь была!

- И снова пораженья!

- Я знаю о войне твоей победной!

- И зреет новая война!

Собрать воедино: что есть война? что есть мир? и пусть

ученики заучивают! когда? в сей миг! не откладывая! что

война есть пожарище, которое должно потушить! что дозволено

сражаться лишь с теми, которые сражаются с вами! лишь с

теми, кто изгоняет вас из ваших домов!

И слышит на небе, как кричат: Джихад! Джихад!

Разрывается земля: Джихад! Джихад!

Но да услышите! Запомните, о почитающие меня, вбейте в свои головы, не говорите, что не слышали!

Три вида есть джихада!

Малый джихад - война в защиту! нет, к джихаду вас не призываю, если не напали! а напали если - лишь тут война нужна! недопустимо на войне преступление, если даже враг ненавистен! закончена должна быть не из боязливости, а если противник склонен к миру! да не будут уши глухи к словам моим! Шахиды, или мученики*, лишь те, кто погиб на войне, защищаясь! но те, кто, убив себя, погубил неповинных, которые не воюют с тобой, - не шахиды, они убийцы! какой вождь-злодей обещал им рай? гореть им в огненной геенне! если сражаются два отряда верующих - отбросьте сомнения, примирите их! если один несправедлив против другого, сражайтесь с тем, который несправедлив, пока не взмолится о мире! а если готов к миру - примирите по справедливости и будьте беспристрастны!

* Шахид - не всегда мученик, погибающий на путях веры. Омар приравнивал к шахидам тех, кто не только заучивает наизусть аяты Корана, но и проявляет рвение в понимании прочитанного, осмыслении заученного, разумно, а не слепо следует кораническим заповедям, в том числе по части джихада.

Средний джихад есть важнейший! когда говоришь правду правителю, ничего не утаивая, никого не страшась! ибо правитель не желает слышать правду! может тебя погубить!

Большой джихад есть! война постоянная! неистребимая! не прекращается ни на миг! война внутри тебя! во всём твоём существе! между дьявольским в тебе и божественным! да не закончится эта война никогда! торжествующая! ликующая! начать и не завершить!

И вслед Мухаммеду... - не разобрать, чей голос: "В реальном..."

но грохот! рёв воинов-верблюдов! топот конских ног! свист

стрел! копьев скрежет о щиты! крики, вопль: верх взяло

дьявольское! кинжалом окончание фразы:

"В реальном..." обезглавлено: "... много тяжести".

но чья голова - не разберёшь, лучше б хвост коня: и, гриву

не задев, скользнул кинжал, хвост тугой отрезав. всадник

чудом спасся, чтоб пасть на бойне новой*.

_____ * В полном виде фраза отыскалась в одной из тюркских записей Гасаноглу, точнее - среди его афоризмов: "В реальном много тяжести - очистить надобно его".

94. Словесный клубок

Свиток с диалогами (разговор с самим собой?), в которых значимые слова коранических фраз выделены красным.

(91) Далее следует такое, что я решил - да будет мне это позволено! изъять его из текста. - Ибн Гасан*.

_____ * Однако забыл это сделать! Текст такой: А красное - не отсвет ли цвета рубахи, в которую облачён палач, дабы на ней не выделялась кровь казнённого?

...Были ли у тебя грехи, которых ты страшился?

Спроси о том, Кем избран я, Кем явлен и отмечен!

Тупое упрямство мекканцев?

Они первыми объявили войну!

Но мекканцы и вы!

Казалось: вот путь, открытый Единым и Всевластным на земле, и всем идти по нему!

Но отвортились!

Войны против лицемеров, против... как назвать их?

Моё племя! Мой народ!.. Преследовали, желая уничтожить!

Всего лишь зачин?

Войн, когда проливается кровь! Кровоточит душа!

Но измена друга или козни родича разве война?

А угроза убить? Но войны и против иудеев!

Вероломных! Вчера они ещё клялись в дружбе! Заключали союз, скрепляя его кровью!

Но сегодня предадут?

Разве нет?!

И войны против христиан?

Воевали все!

Так что же: от войны одной - к войне другой?

Но только что молвлено!

Что воевали все?

Мы увидим их, эти войны!

По возвращении с небес?

С небес и увидим!

Но поведать о прежних не значит ли вызвать будущие?

Видит Бог - не желал ни одной.

Но кто - укажите нам его! - молвит иначе?

Я!

А далее... - разодран свиток, будто тело, всего мгновение назад ещё живое, отброшено перо... - копьём ли, пикой ли его уподобить? Чернила разлились, красное пятно, как кровь, на свитке. Ворох бумаг, истрёпанные и новые, со съеденными временем краями... - тронешь, рассыплется, как иссохший, но ещё тёмно-зелёный ["Какое значение имеет цвет?" - Ибн Гасан] лист инжирового дерева [Ибн Гасан поясняет, что листья инжирового дерева особенные на ощупь, точно наждачная бумага]. И сомнение (кого? автора?) [так в тексте] в виде большого знака вопроса над текстом: впечатление, что место обрывкам не найдено, оставлено на усмотрение читателя ["Но кто читатель?"]. Листки, однако, пронумерованы для удобства, а если дата известна, указывается арабскими цифрами ["В пику, - заключает Ибн Гасан, - латинице, чьё присутствие в свитках остаётся тайной?"]

1.

Первый шаг на пути войны!

(92) Эти и последующие отрывки, - отмечает Ибн Гасан, - относятся к земной части и потому графически даются в тексте с отступом [ни слова об экономии папируса или пергамента].

Или испытания братского союза между йатрибцами?

Поход самозащиты! Или лев в кубке вина?

2.

Неудачи с первого набега: напали ведомые Хамзой тридцать мухаджиров на мекканский караван Абу-Джахля, который шёл в Сирию. Но - перевес мекканцев!

Потом второй и третий набеги: сам Мухаммед выступил с отрядом в канун самума, чтоб наказать угнавших скот у йатрибцев, но вождь племени ад-дамра не дал им пройти далее ал-Абвы. Лицемеры нагнетают недовольство: "Если Мухаммед и впрямь пророк, то отчего Бог не помогает Своему посланнику?"

3.

А месяц спустя Мухаммед...

(93) В фигурных скобках: {Ни слова об Айше}. Очевидно, по хронологии, пишет Ибн Гасан, - должно было здесь сказать, что в год хиджры Мухаммед ввёл в свой дом Айшу, а через девять месяцев и десять дней вошёл к ней, прежде выдав замуж любимейшую дочь Фатиму [здесь к знаку вопроса дан комментарий-вопрос: Сначала женился отец, а потом вышла замуж дочь? Или иная последовательность: сначала дочь, а потом отец?] за Али. "Сделай ей к свадьбе подарок", - сказал ему Мухаммед. "Но ты знаешь, - ответил Али, - мне нечем её одарить!" "Что ж, тогда продай кольчугу, которую тебе подарил, и купи будущей жене шёлковую накидку на голову", - предложил Мухаммед... Беден Али, всего лишь кожаная у него подстилка дома: на одном её конце они с Фатимой спят, на другом Фатима месит лепёшки.

4.

Ослушание обузданных дикостью!

Одним кровопролитием меньше, одним больше - какая печаль:

ведь жаждали победы хоть какой!

Напасть в запретный месяц! Худшее из худших деяний

пролить кровь в месяцы запрета! К тому же были безоружные:

четверо защитников каравана.

(94) Имеется в виду, что в начале первого года хиджры дюжина мусульман, возглавляемая Абдуллой ибн Джахш*, добралась до Нахлы на дороге между Меккой и Таифом, напала на караван, везший изюм из Таифа. И был успех: груз захвачен, убит мекканец Раби'а, постоянно призывавший мекканцев уничтожить беглецов - сторонников Мухаммеда. Мухаммед осудил разбой.

* Якобы это был не Абдулла ибн Джахш, а Абдулла ибн Абу-Бакр.

5.

И явлено в кругах неба пятиглавое, точна горная гряда, откровение:

Спрашивают тебя, будто не ведают, о запретном месяце, сражении в нём. Скажи - и да запомнят: "Сражение в нём есть грех великий!.. А соблазн - грех более тяжкий, нежели убиение".

6.

Присутствующий да растолкует отсутствующему смысл греха, да постигнут ученики откровение в целости: грех сражения в дни паломничества; но и грех отказа от сражения, если напали, чтоб изгнать, посягнув на веру; грех неверия в Него, Единого; грех соблазна.

Впрочем, - заметил Мухаммед, - тот, кто высказал мнение о явленном мне откровении и был прав - даже я сам! - всё равно ошибся: невозможно раскрыть тайну ниспосланного! Ибо у каждого аята сто шестьдесят тысяч пониманий, так что не утверждай - даже я сам! - что достиг центра дома, хотя ещё не вошёл в дверь!

И третье хотел молвить, скажет как-нибудь в другой раз:

Никогда не будь категоричен, всегда говори: возможно.

7.

А спустя год, восемь месяцев, семнадцать дней после хиджры, в месяц рамазан, Мухаммед совершил поход к колодцам Бадр, победный и предопределённый.

(95) {И опять ни слова об Айше, молчание!}. Но что имеется в виду, когда во второй раз вспоминается Айша? Может, - советует Ибн Гасан автору, будто тот рядом и прислушивается, - рассказать, что Мухаммед продолжал, как прежде, играть с нею в её детские игры? Катал, усадив на некогда подаренную ей любимую деревянную игрушку - лошадку Сулеймана? А может... - тут Ибн Гасан и вовсе расщедрился: предлагает (автору?) поместить здесь диалогичный текст:

- Коль сосватали, запретно появляться на людях с непокрытой головой?!

- Но и до ислама, в пору язычества, женщины закрывали платком головы.

- А что при молитве им надлежит стоять сзади мужчин - не потому ли, что вера почитает их существами низшими?

- Нет! Не потому!

- Но кричать-то зачем?

- Чтоб женщин вид, очертания их стана, изгибы тела не вызывали в мужчинах - слаб их род! - греховные чувства, отвлекая от молитвы!

- Не ты ли говорил, что с каждой новой женитьбой рождались обряды бракосочетания, точнее - дополнения к обрядам, уже существовавшим?

- Предначертания свыше!

95. День различения

А далее ал-Фуркан, или День различения, - рассказ устами Мухаммеда:

- ... В* тот пятничный день семнадцатого рамадана у нас было всего три лошади и семьдесят лёгких верблюдов, а воинов восемьдесят три мухаджира, сто семьдесят хазраджитов, шестьдесят один аусит, трижды меньше, чем многобожников-мекканцев. Об этом слова, явленные мне:

* В нарушение изначального замысла, рассказ о случившемся на земле, пока Мухаммед на небе, дан здесь из-за экономии папируса сплошным текстом, а не с отступом. Этим объясняется и отсутствие, пора об этом сказать, обязательных восклицаний при упоминании имени как Мухаммеда, так и других пророков: Да благословит его Аллах и приветствует! То же - с соратниками, родными, почтенными лицами итд, к чьим именам непременно добавляется: Да будет доволен им Аллах!

И утром ты ушёл от семьи своей, выстроив верующих в ряды для сражения, а Бог - Он Слышащ, Всезнающ! Услышал глас, обращённый ко мне: Если будете терпеливы и стойки,

боговерны и богобоязненны, то ангелы к вам придут стремительно, пошлёт Бог в подмогу пять тысяч ангелов, доблестями отмеченных. Мысль текла, и не слышно слов. Не убьешь ты - убьют тебя, так было, так есть. И вот уже готовится новый поход! Так будет, пока... - слаб в силе своей человек.

Войны мои, где побеждал я, это, по мнению других, было чаще, а по мнению моему - реже, ибо не раз терпел позор поражения.

Вот и теперь, когда надо идти войной против... - разве одним словом скажешь, против кого? Но рассказ ослабляет волю, ряды воинов поколеблет растерянность.

Бадр! С неё и начать, с бадрской битвы! Пройти немало иных начал с преследованиями, угрозой расправы. Но какое из начал - первое, прежде чем наступит победный Бадр?

...Большой мекканский караван в тысячу* верблюдов с грузом на сумму, подсчитано, полсотни тысяч динаров, во главе с Абу-Суфьяном шел в Сирию. Везли кожу, вино, изюм - все мекканцы вложили в караван средства, а по пути велели дать знать Мухаммеду, что повернут к Йатрибу по возвращении вооружённые отряды, дабы наказать его.

* Тысяча как много?

На подмогу им собирался выступить еще отряд, его возглавит, передали Мухаммеду, твой дядя Абу-Лахаб!

Мухаммед вышел с отрядом мухаджиров и ансаров (три коня и семьдесят верблюдов) на торговую дорогу к колодезной стоянке Бадр.

Бадр - это полная луна, так назван бедуинами, исполненными возвышенной фантазии, полноводный источник. Луна именно в полнолуние светла по-особенному, играет в живой воде бликами, двоясь и троясь, красотой подобна, сказано поэтом-бедуином, золотой монете, брошенной на парчу чёрную, если речь о земле, и на парчу синюю, если речь о небе.

Абу-Суфьян обнаружил след отряда Мухаммеда по разбросанным на дороге мелким финиковым - это йатрибские! - косточкам, поняв, что враг малочислен, и потому послал нового гонца навстречу мекканцам, что помощь их не требуется: "О боги! - молвил. - Победу пошлите рати наилучшей из двух - а это наша рать, отряду, стоящему на более верном пути - а это отряд наш, общине более почитаемой - а это община наша, вере лучшей на земле, а что может быть лучше, чем вера в вас, о наши боги! Победят те, кто грозен, а кто грознее нас? Погублены будут те, кто лишён милосердия, а это, клянусь богами Каабы, наши враги!"

Посланный Мухаммедом дозорный явился с вестью, что мекканцы захватили колодец, их видимо-невидимо, не сосчитать ни коней, ни верблюдов - облепили источник, словно саранча. Стояла жара, на небе ни облачка. Нет сил вернуться назад: ушли слишком далеко, нет сил напасть: кони и верблюды лягут, мучимые жаждой. Мухаммед глянул на небо, словно ожидая подмоги, и тут Али предложил, пока не расслабились, идти в бой. Конь под ним, как он сам, нетерпелив, готов пуститься вскачь, струною вытянувшись в беге. "Будь осторожен!" говорила ему Фатима. Недавно, перед тем как выступить, Мухаммед выдал любимейшую дочь за Али, двоюродного брата, ему не брат даже - сын, надёжная опора и защита; чуть было не рассорился с Абу-Бакром и Омаром: сначала первый, потом второй, будто сговорились, стали просить руки Фатимы. Но и тому и другому Мухаммед сказал, оправдываясь, что дочь при рождении была определена в жёны Али, такова воля Хадиджи!

... Нет, быть должен знак!

Знак?

Вот это облачко на небе, оно уже давно зависло над горною грядой.

Но так мало это облачко - о чём ты, Мухаммед?! А оно стало вдруг стремительно раздвигаться вширь. Отряд зрит глазами чудо, а разумом не верит, а облачко меж тем сползает на низину с гор невысоких. И не одно уже, их много, облаков. И в тучи, влагой полнясь, собираются. И скоро щедрый дождь польёт с небес. Напоит коней и верблюдов!..

Так и случилось: то был знак - переждать, не начинать первыми войны. Но откуда ни возьмись - бедуины, идущие к источнику, чтобы наполнить водой мехи. Узнали, что неподалёку отряд Мухаммеда, о ком наслышаны и благоволят к нему, а путь к источнику закрыт, там - вооруженные отряды мекканцев, преследующие Мухаммеда! И восприняли захват наглецами принадлежащего всем источника как оскорбление. Коварны бедуины, но и простодушны - вольные сыны пустынь. Умеренные в пище и еде - было б только верблюжье молоко да пресный хлеб и финики. И утварь бедуина не то что дворцы у мекканцев: палатка, седло, мехи для воды, шерстяная рубашка и плащ, ну и копьё и сабля. Но храбр и щедр до расточительности бедуин, когда надо принять гостя. Горд и отважен, а любовь к свободе превыше всего. И неумолимая мстительность за малейшее поругание - смывается лишь кровью обидчика, но не грех напасть, ограбить не то что наживы ради, а - удали, и лихость показать свою (скоро проедят и раздарят захваченное).

Мухаммед занял удобную позицию на возвышенности, восходящее солнце било в глаза мекканцам. "Под сенью мечей, - взбодрил воинов, - находятся врата рая, и падшему уготована дорога в рай!" И бросил в сторону курайшей горсть песка: Да сгинет враг! Тут же, как поведал пастух, разглядывавший бой с вершины холма, где пас овец, тысячи ангелов в белых и жёлтых чалмах и длинных сверкающих одеяниях, на белых и чёрных своих конях обрушились на курайшей, смяли их, издавая трубные звуки, и тем приблизили победу Мухаммеда.

Бой на рассвете. Началось, как всегда, рассказывает современник, с поединков. Мекканцы выставили Утба бин Рабиа, тестя Абу-Суфьяна, со старшим его братом Шайбой и сыном Валидом. Их вызов приняли Али, Хамза и Убайда бин ал-Харис. Младший с младшим - Али с Валидом, старый со старым - Убайда с Шайбой, обоим за семьдесят, а Хамза с Утбой. Али и Хамза справились с соперниками легко, но Шайба отрезал Убайде ногу до колена. Хамза и Али подоспели, зарубили Шайбу и унесли с поля боя раненого Убайду.

Мухаммед выстроил пехоту неподвижным строем с плотно сомкнутыми щитами, - мекканская конница в стремительном натиске уткнулась в щиты и была сбита пиками. Все видели, как Абу-Джахл, мчавшийся впереди, пал с коня! И тут бедуины, легкие, худые, быстрые на своих конях и верблюдах, ударили в тыл... Разрешено будет поживиться добычей, ибо - изрек говорящий устами Того Единого, Кому подвластны небеса и земли, Луна и Солнце - захват добра нечестивцев (имелись в виду мекканцы) угоден Богу! И мекканцы были смяты.

Предсказана была победа в откровении: Возрадуются верующие победе над курайшами, в бегство обратится сборище язычников, повернут они тыл! Да, тот час - их назначение, и тот час ужаснее и горше! Мухаммед предупредил сородичей: "О мекканцы! Лучше для вас удержаться, уйти! Не начнёте войну вы, мы тоже уйдём. Но не говорите потом, что не слышали! Глухие - худшие из скотов пред Богом!"

Добычу йатрибцев и бедуинов - множество пленных, обуза для бедуинов оставили Мухаммеду. Оружие, кольчуги, десятки коней, сто с лишним верблюдов. Захваченное добро отдали бедуинам, которые как возникли, так и исчезли в пустыне, обещав, благодарные за щедрость, появиться там и тогда, когда Мухаммед о том лишь подумает: непременно услышат его мысленный зов. Пленные... - многодетные пусть уходят, дабы дети не остались сиротами и без кормильца. Таковой отыскался и здесь, поэт Абу-Иzza. Трое у него дочерей уже пятеро? - пусть спешит домой, излечится от вражды! Отпустить женщин, но если кто пожелает стать чьей-либо женой... мало ли сказано о них?

Не о женщине речь - о матери: спроси у Зейда, носитель он суры, ниспосланной в канун мираджа! "Ночью перенёс"? Но у суры иное название: "Сыны Исраила"! Отчего-то его упрямо избегают? Тем умножая вражду! И в суре той... "Не поклоняйтесь никому, кроме Него, но и к родителям - благодеяние!"

"О пророк, кто из людей более всего достоин уважения?" - спросили Мухаммеда. "Родители твои!" - ответил. "А из родителей?" "Твоя мать". "Кто следующий?" "Мать". "Но следующий после матери кто?" "Снова мать, сказал. - А вот теперь, молвив про мать троекратно, назову тебе следующего после неё, к кому - благодеяние: отец твой!" "Так что же? Мать превознесена перед отцом?" "Узри в моих речах иные смыслы, ищи в своём вопросе, когда делить неразделимое замыслил".

96.

Мост к новому свитку:

Всевышний разделил истину и ложь

Поистине Мухаммед посланник Божий, если с малыми силами одолел в три раза превосходившее войско, и слава витала в небе, разлилась над пустыней. И пленные - вот они, со связанными на затылке руками уныло шагают по Йатрибу. "Убить их!" - сказал Омар. "Взять выкуп за них!" - Абу-Бакр предложил. Мухаммед передаст их во власть йатрибцев, вспомнив напутствие Божье: О Пророк! Скажи тем, в руках которых пленные: "Если Бог узнает про добро в ваших сердцах, Он дарует вам лучшее, чем взятое у вас, и простит вам!" Либо милость, либо выкуп, пока война не сложит своих нош, и полученное - на благо общины, в пользу мечети; кто не в состоянии откупиться, но образован, пусть учит мусульман грамоте, выкупая свободу. Добыча - всем поровну, даже воину, сломавшему ногу по пути в Бадр и не сумевшему воевать. И тем доля, чьё отсутствие небеспричинно: Осман не поехал, остался с женой Ругиёй, дочерью Мухаммеда, - умирала от лихорадки.

В память о победоносной битве - доставшийся Мухаммеду меч Зульфикар, или Обладатель позвонков вражьих, дабы срезать их, точно трав стебельки. А ещё подарок, кажется, перса: щит с изображением орла; взгляд хищной птицы был дерзок, закрыл рукой, ощутив будто жесткий его хохолок, а когда отнял руку, орла не стало, изображение исчезло.

И рыжий верблюд-скороход Абу-Джахля достался мне!

Равный раздел вызвал недовольство старейшин родов, роптали и особо отличившиеся в бою воины. Но на рассвете было ниспослано: Спрашивают тебя о добыче, скажи: "Принадлежит Богу и посланнику, бойтесь же Бога, разберитесь меж собой, повинуйтесь Богу и Его посланнику, если веруете!"

А вы, кто притворился больным? Кто изуродовал лицо гримасой недоверия? Вожди племён, не пожелавшие помочь? Будто собрались в странствие в поисках милостей, а сами позапрятались в домах!

(96) Не намёк ли на иудеев из числа арабов и евреев, которые, как потом узнал Мухаммед, подвергли насмешкам его видения ангелов в канун битвы при Бадре, которые помогли воинству Мухаммеда одержать победу?

Посрамлены те, кто воздержался от похода: мол, думали, что набег на караван, а не борьба за веру!

97. Палац, облачённый в красное

Главное среди мирных дел - всё распределить по справедливости. Какая война без поощрений? То - награды. Какая война без наказаний, высшее из которых - казнь!

...Али по приказу Мухаммеда обезглавил в ущелье ас-Сафра ан-Надра ал-Хариса, который позволял себе язвительные, а то и преступные насмешки против... Самого Бога, называя Его... зловредным. А также - против сводника Джебраила, бездельника. Заодно против пророка тоже! Разве называл он его по имени? Но трудно ли понять, кто он, разрушитель из рода хашимитов? Казнённый поэт употреблял, кажется, характеризуя Мухаммеда, два ха: "хадим хашимит"?* Речь о разрушаемых божках Каабы, коим поклонялись: Мухаммед, будучи в Йатрибе, не раз, известно, грозился сокрушить всех идолов в Каабе.

* В арабском две буквы х: одна похожа на ладью, другая вроде сгустка; здесь употреблено второе начертание.

"Уж лучше, - говорил поэт, - поклоняться молчаливым, послушным и безвредным, даже сатане, нежели тому, кто Единый!"

Что именно его стихи, узнали по начальным буквам восьмистишия: отчётливо просматривалось: н, д, р, х, а, р, и, с.

- Иблис подвигнул тебя к дерзости!
- К правдивости! - возразил.
- Правда Иблиса преступна!
- Лучше суд Иблиса, нежели суд людской!
- Мухаммеду нашёптывает Бог, а тебе - Иблис!
- Хочу говорить с самим Мухаммедом!
- Не ты ли предлагал поймать его и отрезать ему язык?!

... То была казнь первая. В Ирк аз-Зубья прятался мекканский враг Мухаммеда, Укба бин Абу Муайта, который покушался на жизнь Мухаммеда, объявил это убийство целью отпущенной ему жизни, что голову бросит у врат Каабы... Нашли, где прячется, и Хамза обезглавил его. Была казнь ещё: ночью убита в доме Асма бинт Марван - потому что сочиняла насмешливые стихи про Мухаммеда: что якобы смерть Ругийи - наказание богов Каабы? Ещё казнь старейшины рода амр бин ауф Абу Афака, за то, что не поддержал Мухаммеда?

(97) Смысл вопросов неясен: оспаривается причинность?*

* Ибн Гасан не уточняет, что имеется в виду.

Казни были приостановлены, ибо радостная весть пришла: у Мухаммеда первенец-внук родился, это случилось в последних числах месяца рамазан, семимесячный? Гасаном назвали, Красивым.

А далее... - Но вижу - пленных ведут! Как?! Родичи Мухаммеда взяты в плен, и узнаёт о том только теперь?! Дядя его Аббас, двое братьев двоюродных - Науфал бин ал-Харис и родной брат Али - Агил, также муж дочери Зейнаб Абул-Ас, который не захотел покинуть Мекку, пошёл воевать против Мухаммеда! Да ещё бывший деверь Севды, жены Мухаммеда, Сухайль бин Амр ал-Джумахи!.. Может, зять уверует в пророчество своего тестя? Нет, упорен в верности богам Каабы. И тут Мухаммеду сообщили, что дочь Зейнаб прислала выкуп за мужа - ожерелье, подаренное ей Хадиджой, и, растроганный великодушием дочери, отпустил зятя безвозмездно. И за дарованную ему свободу он согласился отпустить к отцу его дочь, и Зейнаб вскоре прибыла в Йатриб.

Из последующего рассказа сына Аббаса - Абдуллы: "Отца пленил мужчина по имени Абуль-Йасар Каб бин Амр, человек неприметный".

Привели воина, пленившего дядю его Аббаса, дерзок:

- По закону пленный, говорит, достаётся тому, кто пленил.
- Но как такой щуплый пленил крупного и сильного Аббаса?
- Мне помогли... Я не видел его ни прежде, ни потом: помог, исчез.
- Это пречистый ангел, принявший облик человека! И помог в назидание: пленить и тем не дать моему дяде погибнуть в битве!

- ...Оставьте меня с моим дядей Аббасом, - повелел Мухаммед. - И ты оставайся, - сказал Али, - свидетелем будешь! Ниспосланные свыше законы ислама, - сказал Аббасу, - отменить не в силах даже я и потому изволь, человек ты богатый, уплатить выкуп.

- Я тайный приверженец ислама и вовсе не воевать пошёл, а чтоб тайна моя не раскрылась!

- Если твои слова правда, Бог наградит тебя, но все видели, что ты воевал против нас,

так что выкупи себя!

- Не есть ли выкуп отобранное у меня золото, почти тысяча динаров!
- Что ж, то дал нам от тебя Великий и Всещедрый!

98. Священная пятерица

Явлено после Бадра, что Бог дал человеку: голову - по справедливости мыслить; сердце - ближнего возлюбить, как самого себя; руки - в молитве возносить к Богу, одаривать, не отгонять просителя, помня, что и ты можешь стать просителем; ноги - идти по пути Истины, спешить на зов, не бежать пред злом; глаза - восторгаться совершенством Им сотворённого.

(98) Священны и семь, добавить: спина тащит груз забот о ближнем, гнётся пред Богом в поклоне; желудок... - да не станет человек его рабом! [И девять священны, добавить: шея умная хранит голову, глупая её теряет; грудь - выставить щитом на пути Бога].

И под знаком пятерицы утверждается пять столпов веры:

саят - многократно повторяемая формула о единстве Бога и посланника, и повтор угоден Богу: Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк Его; закят (десятая часть доходов и пятая, или хумс, добытая в войне, - в пользу Бога, мечети, пророка и его семьи, на нужды паломников и иных путешествующих мусульман - всем и на всё, что служит исламу); и обязательны подаяния бедным; пост мусульманский (прежде язычники постились в одно время с иудеями), или саум, орудж, ураза в месяц рамазан, по-арабски рамадан; хадж, или, как заявлено было Мухаммедом в победные дни Бадра: "Мы непременно придём в Мекку и впредь будем посещать святыню!" Намаз, или пятикратная молитва. О том, сколь кратна молитва, поведано пророку, когда, покинув пятый круг небесный, где Иса, но и шестой, и даже побывав в пространствах Бога.

И очи ты возвёл к Богу?! - не унимается мушрик-лицемер: якобы уверовал, но в душе глумится, туда вернулся вновь по настоянию Мусы, чтоб сокровенную узнать ту цифру.

Встал Муса в кругу своём неба на пути Мухаммеда по возвращении его с вышних высей, где Божий престол:

- Стой, не спеши! Ты должен был спросить, за тем ведь явлен: узнать, сколь кратно правоверному молиться?

- Узнал!

- И что же?

- Но прежде девяносто девять тысяч арабских слов я произнёс, чтобы узнать, сколь кратно возноситься в молитве к Богу. Повелел Он: На дню пятьсот раз молиться! - Ушам Муса не верит, ослышался?

- Несчастен ты! - От возгласа Мусы качнулся купол неба: - Веление Бога невыполнимо! Вернись, пока на землю не сошёл, умоли Его убавить! Иначе люди только то и будут делать, что молиться! (а вывела рука писца: смолиться.)

- Что в том дурного?

- Безделье распространится в мире! Вернись, переспроси!

Вернулся: убавил Он по просьбе своего посланника до пятидесяти.

- О несчастный! - глас Мусы. - Сынов Израиля, как ни старался, не сумел заставить,

ждёт и тебя неудача: упроси, чтоб сбавил!

И сократил Он число молитв до пяти. Но выразил сомнение Муса и тут: невыполнима пятикратная молитва!

- Вернись и упроси!

Быть может, с именем Исы к Нему явиться, упросив? Но разве Иса выделен Им среди других пророков?! Отчего тогда возревновал к пророку? Земное это, ревность, небу чуждая! И Богу Мухаммед скажет... - нет, не рискнул к Нему явиться вновь!

- Да будет так, как повелел Он!

99.

В порядке состязательности (кого с кем?) два заголовка: Мимолётная жалость? или Гнев растаявший? Сомнение, будто прежде кто другой их придумывал, - о Боже! к чему хвальба?- то лишь однажды было!

Женщины Мекки оделись в синее и белое - цвета траура. У Абу-Лахаба, когда пришла весть о поражении (и потрясении, что сгнуло его богатство), что-то оборвалось внутри, точно верёвка, успел подумать, унося эту думу с собой: сорвалось ведро, полное воды, и с глухим стуком ушло на дно колодца обмяк, испустив дух. Но какому божеству понадобилась его душа?

Душа! Душа! - чей-то вопль раздался, смешанный с хохотом, когда Мухаммеду с пятого небесного круга открылся ад, и круча горная, как будто на земле - не на небе, и спуск в геенну адову по узким тропкам.

А там, где ад... - будто не кричавшего душа испытывала муки. Голос очень знакомый, грубый, с хрипотцой - это ж Абу-Лахаб! Неужто голос дяди услышал? А вот и сам: от злобы тело вздулось! И души - вложено кем-то знание в Мухаммеда - погубленных дочерей! грудь женская! капает с сосков не молоко, которою не вскормлены, а кровь! Вот и мать дочерей своих Умм-Джамиль! Но в чём моя вина?! И прокликает мужа.

Вспомнилось земное. Однажды...

случилось задолго до хиджры, были живы и Абу-Талиб, и Хадиджа. Мухаммед слышал спор своих дядей.

- Душа!.. Душа!.. - захохотал Абу-Лахаб. - Христиане придумали! А еще прежде - иудеи и персы! Кто видел душу? На что похожа? Сколько весит? Я должен увидеть и оценить!

А уж услышаны в кругах небесных, откуда виден ад, и вопль, и вскрики, и проклятья:

- О, худшее жилище! - Запомнил от меня услышанное! - Рёв адского огня не перекричать! Эй, кто ты? Господь! Аллах! Спаси! Искры точно жёлтые верблюды! Пить!.. - задохнулся в кипящем, булькающем гное.

Я говорил глумящимся: в геенне сгорите! пить вам из источника кипящего! А вы, лицемеры и фарисеи, кричали: "Вздор! Неправда!"

В ад переместилась будто Мекка, полная зависти и злоязычья, алчности неуёмной, - чревоугодники, сладострастники!..

Сойти с тропы, ведущей вниз! "Я здесь! - услышал Джебраила. - А ты держись, чтобы с лестницы не пасть".

Новые головы в кипящем вареве: Абу-Джахл! Валид! красавица Хинда, жена Абу-Суфьяна, - грозилась в трупе верблюда его похоронить! Взгляд сверкнул Абу-Суфьяна из-под густых бровей, тянется к нему рука жены: "Спаси!" Кто б самому помог! Исчезли, захлебнувшись. И Хинды зов, мольба - удивлён чувству жалости, растаял гнев: ведь родичи они, к единому восходят предку - могучему Аднану! И Хинда...

- То не тела их видны, на земле истлели, - подсказка Джебраила, - а души, нет смерти

им, хотели б умереть, не могут!

Смыто сострадание страстей земных живою кровью: "Будь проклят!" - крик Хинды. Но проклят ею кто?

Нутро Хамзы, клянусь богинями Каабы, я разорву! И съем живьём его кровотокающую тёплую печень!

Абу-Суфьян затевает новый поход и, сколотив наспех отряд... - то его голос, обращённый к всадникам, коих поведёт в бой, земной, услышанный Мухаммедом на небе: Нет, не корысти ради - начало популярного призыва тогда, и на времена последующие - идём войной против Мухаммеда! И двинулся с отрядом в четыре сотни воинов к горе Сайб, вошёл в сговор с арабами-иудеями бану-надир, совершил набег на ал-Урайд, разорил поселение, поджёг пальмы и посева.

... Воины Мухаммеда, готовые к походу, выстроились на площади Йатриба, чернели кольчуги, блистали острия копий, ряды лучников с колчанами, набитыми стрелами, но тут произошло непредвиденное - Айша!..*

* Наконец-то! - возникло б непременно восклицание читателя, чьё нетерпение - мол, когда появится Айша? - не раз пробивалось на полях рукописи. Ибн Гасан не упустил бы возможности немедленно откликнуться: Радоваться рано! Ибо ему ведомо нечто такое, что... - но пока умолчит, лишь заметив: Всему своё время!

100. Невыносима боль земных страстей

Айша преградила путь Мухаммеду: - И я с вами! - в глазах мольба; и свирепость от неслыханной её выходки - посмела остановить Мухаммеда! - сошла с его лица, не исчезнув, однако, о чём говорили сдвинутые брови.

Но прежде надобно сказать (пора, и время подоспело): молился Мухаммед, и пред глазами - Хадиджа.

"О Хадиджа!" - вздохнул, завершая молитву, и вдруг

Айша с обидой: "Ты часто произносишь её имя!"

И назвала Хадиджу беззубой старой женщиной.

- Запомни: её никто не сможет заменить мне!

- А я?

- О, великая наивность!

- Но ты говорил... - Мухаммед ласково сказал ей однажды:

Моя несравненная!

- ...И все вы вместе, мои жёны, её не замените!

Растерялась: - Зачем тогда тебе я? Ночи проводить?

- Ты возгордилась, Айша, а гордыня - величайший грех!

Как соты - тайнопись, не подступиться к ним, и пересуды точно рой пчелиный: кого-то жалят, но кому-то - всласть. И сплетни... - когда? о ком? распущены кем?

Но разве завершилось пребывание Мухаммеда в небе Исы?

Засилие земных страстей в нём?

И Айша просится на войну: признание вины за выпад против Хадиджи?

А на возвратном пути...

(99) Тут нечто авторское в форме восклицаний: О, параллельность земной и небесной частей, графически показанная! Возвраты из настоящего в будущее, которое уже прошлое, и в прошлое, которое настоящее, сиюминутное?! [А сбоку чужой рукой: Не жди подмоги

ниоткуда - надейся на себя.]

Мухаммед обиделся, а утром, уходя, промолвил:

- Увы, умерших место пусто навсегда.

Не успел Мухаммед выйти к войску - жест раскаяния Айши.

Вынесли её паланкин, она в него воссела, задрнули занавески, четыре раба подняли его и укрепили на спине верблюда, меж двух горбов.

...Короткая стычка: разве могли каменные и деревянные изваяния, названные богами, одолеть Единого Бога, Который благоволит к Мухаммеду?

И отряд Абу-Суфьяна, предчувствуя поражение, к тому ж услышано было: Прощайся с жизнью! - бежал, бросив, чтоб груз не обременял, мешки с мучным пропитанием севик - это высушенные, жареные, из пшеничной или ячменной крупы, шарики, медовые или финиковые, долго не портятся, сохраняя вкус. И Мухаммед съел горсть, не пробовал давно вкусной еды, даже ячменного хлеба вкус забыл. Вспомнил, как удивил йатрибцев, когда они в его честь зарезали ягнёнка.

Мухаммед, не притрагиваясь к еде и недоумённо глядя на угощение, признался, что не видел никогда целиком зажаренного ягнёнка. И заметил: "Худший сосуд, который человек наполняет жадно, - его собственное чрево! А сыну Адама для поддержания сил достаточно малой пищи: треть чрева для еды, треть для питья, треть для лёгкости дыхания".

...А войну прозвали Севикской.

Битва без сражения! Такая редкость в наши времена!

Но времена какие - те иль эти? И голос чей? И сказанный кому и кем в кругах земных услышан?.. Нет, то не на земле - в кругах небесных!

В пределах чьих? Мусы?

Но, кажется, Мухаммед уже ступил в пространства, где Иса, и разговор их, пока он там, не прерывался?..

И голос: - Кровь не пролита?!

Нет, не услышан, хотя они и рядом: и тот, кто молвит, и кому внимать. Не слышит, ибо оглушён биением в висках горячей крови.

Ахнул Иса при виде Мухаммеда: бледное чело, в глазах... - неведомо такое в высях: - Очнись! О чём ты?! - Мол, не пристало избранным пророкам в земную суетность ввергаться.

- Легко сказать и укорить легко, когда глядишь с небес!

- Невыносима боль земных страстей?

- В себе её попробуй подавить!

А на пути возвратном,

(100) Нежданная, прервав повествование, возникла тушью чёрной запись:

Отсутствует f i n a l ! Именно это слово, отмечает Ибн Гасан, и было в тексте, написанное латинскими буквами (значит, оригинал - латинский?).

101. Срезаемые стебельки

- ...Потом в ал-Кудре - но кто внимает Мухаммеду? - совершил поход на бану-кайнука.

Дабы изгнать из Йатриба иудеев?

Но лишь бану-кайнука! Доселе был с ними мир, но возжаждали они поражения моего в Бадре!

Изгнание в ответ на их вероломство?

Ушли, позапрыгались в своих крепостях, когда вернулись мы победителями, и никто не вышел поздравить нас - траур лёг на их чело! И молвили, дабы подразнить, для передачи мне, и дерзостная угроза была в их словах: "Эй, Мухаммед! Не обольщайся тем, что случилось у тебя, ибо ты одолел людей, не искушённых в войне, а мы - дети войны, если вздумаешь сразиться с нами, познаешь горечь поражения!" И мечами кичились: мол, у тебя лишь Зульфикар, Обладатель позвонков (достался мне в битве при Бадре, и я добавил: да, вражки позвонки срезать, точно стебельки трав!), а у нас таких мечей не счесть, - и вызвали, забыв про красное и чёрное, гнев у вспыльчивых моих мусульман.

А что это - красное и что - чёрное?

Красное - это кровь, а чёрное - это могила!

Но только ли слово дразнящее?

Но и глумления!

Ах да, любимицу твою, одну из девяти сестёр верного ученика Шюкраллы, на посмешище выставили!

Прежде им кричали: Безымянные! Зная, что мною им даны имена. И зная, что выданы мной за достойных мужей, особенно отличился в Бадре муж Айши, тёзки моей Айши, над нею насмехались! Пришла на базар бану-кайнука, стали вынуждать лицо открыть, прикололи подол платья к сиденью, когда встала, тело заголилось! Это возмутило мусульман, драка переросла в убийство. Боясь наказания, бану-кайнука бежали, спрятались в укрепленном квартале, и базар вмиг опустел.

Однако не выпустили ни одной стрелы, ни одного камня в вас!

В упрямстве признать вины не хотели! Надеялись, придёт подмога племён по вере, одержат верх! Но явлено мне было в те дни Богом: "А если опасаясь от кого измены, то и ты точно так же по справедливости отбрось договор с ними. Воистину Бог не любит изменников! Пусть не думают неверующие, что упредили, - они ведь не ослабят тебя!"

Поголовное выселение! Конфискация всего имущества!

"Их вождя спросите, как поступить с ними? - ответил ходатаю за изменников. - Как скажет, так и поступлю!" И потрясённый коварством сородичей, он молвил: "Мужчин казнить, жён и детей отдать в рабы!" И первым пал под тяжестью собственных слов!

Утешение, что ни вещицы не взял из захваченного, кроме оружия?

Наградой за наказание изменников - меч, изготовленный в Кала'а, знаменитом городе, мечи, которыми хвастали: ал-Баттар Разрубающий, ал-Хатф Несущий смерть, и стало их у меня восемь! Три копыя досталось, стало их у меня четыре, первое - ал-Мунсани Гнущееся, слышит мой зов, чтобы вонзиться во врага. Ещё обретения: две в тонких кольцах кольчуги, одна - Са'дитская, отныне буду облачаться в неё, а прежняя да украсит дом мой, от деда, купленная у бедуинов, дошла от времен Давида, была на нём, защитила от смертельного удара, и он убил Джалута, или Голиафа.

...Нет, о другом финале речь! И след поспешный оставлен: мол, Кружение по замкнутому кругу! Обременила взваленная ноша? Духа не хватило завершить, ибо увлёкся поеданием пахучего севика? Разбухли животы, обленились воины? А поодаль - верблюды, кони...

102. Уползающий змеёй свиток

Странное ощущение от чтения свитка: край его, ниспадая, коснулся земли, стал стелиться по ней, точно змея, найдя на полу щель, уполз, затем, разворачиваясь, из щели появился, пополз к читающему, сначала обвился вокруг ног, затем стал их заматывать, коснулся тела, легко и незаметно намотался на шее, вот и подбородок с глубокой впадиной посередине - одну его половину спрятал, другую, затем уста закрыл, глаза и всю голову... И точно столб огромный, как статуя высокая, как идол - пал колонной.

(101) Что за свиток? кем сочинён? кто читал? где происходило? И это смешение трёх фигур, кстати, подчёркнутых в тексте и могущих определить его заглавие, к тому же все - языческие: столб, статуя, колонна, идол!

А на пути возвратном... Мухаммед дал команду устроить привал, чтобы воины при въезде в Йатриб не выглядели усталыми. Коней расседлали. Верблюды уселись. Сняли рабы со спины двугорбого верблюда паланкин, в котором была Айша, поставили на землю. Поступь верблюжья утомила, Айша, выйдя из паланкина, чуть удалилась в пустыню, но по скором

возвращении

обнаружила, что нет на шее ожерелья, которым дорожила: только что трогала руками и - потеряла!

Пошла искать, а в это время команда отправляться, и приставленные к верблюду рабы, думая, что Айша вернулась, ведь видели! - подняли паланкин, не обратив внимания, что стал легче, - впрочем, какой вес у Айши? хрупкое создание! - и установили на спине верблюда.

... Не найдя пропажу, Айша вернулась - нет каравана!

Вначале, расскажет потом отцу, не особенно волновалась: скоро, убеждена, хватятся, что её нет, пошлют за нею. Но время шло - никого!

- Но прежде иль потом ты шёл по следу Ибрагима?- спросил Иса.

- Разве я шёл?!

- В кругах небесных - не земных.

- Когда?

- Неужто позабыл?!

- Был огорчён, узнав о пасынстве народа моего.

- Кто молвить смел такое?!

- Но молвлено!

- Не ведаю о том!

- Иль после войн?

- Но разве войны все завершены?

- Ещё не начались!

...Идёт, идёт Мухаммед по следу Ибрагима - Сара, родившая ему сына законного, так повелела: сын - не первенец, ибо есть Исмаил. Но от кого рождён? От рабыни! Уводит Ибрагим, изгоняет Хаджар с сыном своим Исмаилом в неведомое. И вот Хаджар оставлена одна с малолетним сыном, они брошены Ибрагимом. А Бог обетовал ему благословение Исмаила, сказав: "И об Исмаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма-весьма размножу; двенадцать родятся от него предводителей; и Я произведу от него народ великий".

Но сказанное Богом воспомянуто потом. Укор? Упрёк? Нет, не смеет Мухаммед осуждать прародителя! А ныне, в сей миг, вот же она - Хаджар, брошенная Ибрагимом, но и она не смеет осуждать, как и Мухаммед, прародителя, господина своего, и... как будто ни о чём не ведающая, держит за руку сына. И оба, мать и дитя, от жажды изнывают.

Кровоточат уши Хаджар: видела Сара, как Ибрагим целует мягкие, нежные и красивые мочки ушей Хаджар, и, сгорая от ревности, велела двум рабам повалить её наземь и, закалив на огне шило, вонзила в мочки ушей рабыни, изуродовав её облик. И уши её, продырявленные Сарой, пред тем как с младенцем изгнать, болят, ноют.

(102) Бог, не терпевший тогда несправедливости [слово тогда подчёркнуто: выходит, с

несправедливостями Он сегодня примирился?], пожалел Хаджар: придумал серьги ей - ведь Он Величайший из Величайших Поэтов, - чтоб не расстраивалась. И ангел во исполнение Божьей воли чудесно преобразовал продырявленные уши Хаджар, повесил на них серьги, придав тем самым её облику красоту, и личико Хаджар засияло.

Жаркая знойная пустыня. Мухаммед рядом, но Хаджар его не видит.

Но ведь знаешь, - говорит себе, - что спасены будут!

И вместе они здесь, в великом пространстве пустыни, и меж ними, разделяет их, время! Мечется она в поисках воды меж холмами аравийскими Сафа и Марва - семь раз пробежала меж ними. Вот и совершать паломникам, - подумал Мухаммед, - семикратный пробег меж холмами во время хаджа!

Дабы не видеть, как будет умирать сын, Хаджар оставляет плачущего Исмаила одного и уходит. Но как уйти?! Отойдёт и оглянется. Прислонилась к скале отдохнуть в тени*. Подождать чуток - и случится чудо? Ударил Исмаил в нетерпении ногой по тверди земной, забил чистый источник, вода льётся и льётся. И уже ничего не страшно. Спаслись! Не дал Бог погибнуть Хаджар и Исмаилу, которому заповедано было стать началом начал двенадцати колен арабских.

* Названа впоследствии Скалой Хаджар.

...Ибрагим вернулся к себе домой, сокрушается, что не было сил возразить жене, определённой ему волею Бога, и обрёл первенца на мучительную смерть. Но в глубинах живёт у Ибрагима надежда, что коль скоро Он дал ему сына, не позволит, чтобы погублен был сын. И слышит вдруг: "Ты сына навестишь и в жертву принесёшь Мне!"

Идёт Мухаммед по следу отца, который должен исполнить волю Бога, и сына, который несет в руках верёвку и нож и не знает, что предназначены именно ему, и держат путь к горе Мина. Навстречу им старец, ведомо Мухаммеду, что это сатана, принявший облик старца.

- Куда путь держишь, Исмаил? - спрашивает.

- Жертву идём принести с отцом Богу, - отвечает.

- Но знаешь ли, что жертва эта - ты сам! Воротись назад!

- По чьей воле, - спрашивает Исмаил, - жертва, отца или Бога?

- Бога!

- Смею ли послушаться Его?

Трижды тот подступал к Исмаилу, но он отгонял его камнями.

- Я никого не вижу, - сказал Ибрагим сыну, - в кого ты кидаешь камни?

- В сатану! - ответил Исмаил.

Осенило Мухаммеда: вот и кидать паломникам, совершающим хадж, камни в сатану у горы Мина!

Идёт, идёт Мухаммед по пустыне, отчётливые на песке следы расплылись, стёрлись, еле уловимы, а он идёт, нет конца пути, и... - вот свежие, только что оставлены, от очень маленьких ног!.. - следы Айши!

Айшу обуял ужас: одна! в пустыне! Вдруг мимо путник случайный на верблюде. Заметил её, а она... Сначала был испуг: друг или недруг? А он... - это ж Сафван ибн

Ал-Муаттал!.. Тотчас узнал Айшу, видел однажды, до хиджаба: платок на голову не успела накинуть, на миг обнажила лицо,

тотчас платком накрылась. Посадил её на верблюда и помчался догонять ушедший караван.

(103) Следовало бы пояснить, что "хиджаб" (накидка на голову, платок, чадра, паранджа), введённый первоначально лишь для жён пророка и впоследствии, в уподобление им, принятый всеми мусульманками, - это образ целомудрия, знак замужества, символ не

унижения, как принято считать, а особой власти над мужчинами [сбоку - чужой рукой: Это что же: ирония? шутка?].

... В Йатрибе хватились: нет Айши.

103. Разверзлись облака

С кругов неба Мухаммед увидал себя на земле,
даже биение сердца коня от езды быстрой услышал под собой!
скачет к её паланкину - занавески задвинуты! спешит её
увидеть! Но ведь знаешь, её нет в паланкине!

Рабы стоят бледные: потерять жену Пророка! за такое
им грозит суровая кара. И знаешь ещё о том, что на
рассвете, когда солнце только-только появится на небосклоне
из-за высоких барханов, ступит на площадь бедуин, знакомый
тебе!

Статный молодой бедуин важно, как показалось, на
верблюде восседал, гордый - ведь спас жену пророка: за
спиной его, все видели, сидела Айша!

(104) Нашлись злопыхатели, наговорили немало непотребного об Айше, даже преданные Мухаммеду мухаджире засомневались!* Среди них - двоюродный брат

* С какой изобретательностью, достойной подражания, отвоёвывается для манёвров пространство. Но кем? Автором? Переводчиком?.. Пусть определяют те, кто возьмётся от скуки исследовать проблему авторства в кораническом повествовании.

Айши Мистаг ибн Усасат; Абу-Бакр поклялся, что отныне не станет оказывать помощь ему - сыну любимой тётки со стороны матери; а Хамна, двоюродная сестра покойной жены Мухаммеда Зейнаб, распространяла слухи о неверности Айши, мстя любимице пророка за сестру, которую та невзлюбила. "Ничего нового добавлять не станем, - замечает Ибн Гасан, - достаточно сослаться на известные в мусульманском мире от Красного моря до Индостана три письма индийского принца из династии моголов, чья жизнь трагически оборвалась, явившись итогом его богохульства, своему другу персидскому принцу: "Вот Айша, молодая, красивая, выданная за старика, отстаёт от каравана, на целую ночь остаётся с молодым красивым парнем - как не подозревать любовной связи? Сафван якобы следовал за отрядом и, найдя Айшу в пустыне, на верблюде доставил в отряд. Пророк в порыве ревности выпросил у Бога заклинание для затворничества женщин. А какова Айша! Вышла-де из носилок, даже погонщик не заметил, пошла искать оторвавшееся от шеи ожерелье из сердоликов, подарок самого пророка! А ведь знала, что отряду дан приказ сняться!"*

* Подлинность писем учёными оспаривается, но нашёлся грамотей, который поверил в их реальность, доказывая, что письма сочинены в подражание франкским фарисеям. "Как тут не подивиться, - спрашивает грамотей, фортелям фортуны? Оспорить фатумных фанатиков? Фимиамы как облачко, фуфф!"

104. Перо птицы Симург

Айша заболела и, заметив в глазах Мухаммеда замешательство,
замкнулась, а вечером, оскорблённая недоверием к ней,
попросилась к родителям. Мухаммед впал в уныние: не ест, не
пьёт, - с кем посоветоваться? С Абу-Бакром, её отцом? С
Омаром? Строг, посоветует из сердца выкинуть! Али
согласился с Омаром: "Стоит ли убиваться? Столько женщин
мечтают стать женами пророка!" И вдруг Мухаммед услышал
голос: - Эй, Мухаммед! Услышь аяты, светом озарённые!

В них - ясные знамения: быть может, призадумаетесь? Кто навет на целомудренных возводит - да приведёт четырёх свидетелей!

Что ж до тех, кто жён своих подозревает и неверности свидетель лишь сам, да осмелится Богу четырежды дать слово в том, что он воистину правдив, также слово пятое он даст, что, если лжёт, да проклянёт его Бог!

И вопрошает Джебраил Мухаммеда:

- Ответь, готов ли дать такую клятву, эй, Мухаммед!

- Нет, не готов!

- Так слушай, что велит услышать Он, Который Милосерд,

Прощающ, Мудр!

Снято будет наказание с невинно обвинённой, когда четырежды: И да услышит слово моё Бог, скажет, что солгал воистину мой муж! И также клятва пятая пусть прозвучит в её устах: Да покарает меня гнев Божий, если правду говорит мой муж!

- Ответь, клялась иль нет?!

- Клялась, и пятикратно! - Айша впрямь с такою убеждённостью

клялась, что он прервал её: "Да, ты права, я верю!" И

молвил: "Не подобает сплетням повода давать: ни словом, ни

жестом, ни взглядом, ни делами". И Айша от услышанного

расстроилась, покинув дом.

Воистину великую возведшие ложь - из вас самих!

Но отчего, скажи им, о, верующие мужчины и женщины, услышав ложь, не обратились душой к благому, не сказали: "Это явная ложь!" Не призвали для подтверждения, правда это или навет, свидетелей числом четыре? Подхватывая ложь устами своими, передаёте то, чего не знаете, и мнитесь вам, что ваш проступок незначителен пред Богом?!

О, ложь - грех великий! Отчего не сказали злорадствующим: "Не подобает болтать вздор - великий то навет!" Бог Ведающ и Мудр, разъясняет вам знамения!

Воистину тем, кто возжелал, чтоб мерзостная ложь распространилась об уверовавших, уготовано мучительное наказание в мирах обоих - том и этом!

Джебраил исчез, оставив Мухаммеду розу белую в том месте,

где стоял, - что бы это значило? Был белый голубь, и с

белой лилией, то символ непорочности Марйам - к ней спешил

с вестью чудодейственной ангел Джебраил, предсказав

рождение сына, чтобы назвала его Исой.

...Мухаммед направился к Абу-Бакру. Айша вышла не

сразу, а, увидав Мухаммеда, расплакалась. Вне подозрений

жёны избранных Богом! И жён пророков подозревать - грех

тягчайший!

В руках у Айши - крыло райской птицы, некогда купцом ей

подаренное; уронила птица перо, решили отыскать, но соловью

некогда - не отпускает любовь к розе, попугай из-за красоты

помещён в клетку, куропатка не желает покидать холмы,

цапля - родное болото, сова - милые сердцу развалины...

вот с каким пером вышла к

Мухаммеду Айша! Я - твоё перо!

...С детства у Айши было заведено: отец утром будил её,

любимицу, и спрашивал: "А что моей Айше сегодня

приснилось?" Она рассказывала свой сон, Абу-Бакр поражался

красочности её видений, - сон её был началом сказки, а

разгадка отца - продолжением.

И это стало у них постоянной игрой. Айша так привыкла видеть при пробуждении отца, что в первое время, как пришла жить в дом мужа, было невмоготу, долго не могла привыкнуть. Однажды спросонья отцом назвала Мухаммеда. И сны как будто стали посещать её реже.

...Рассказать или нет о том страшном, что ей сегодня приснилось? Может, сначала отцу? Мухаммед утром уловил её беспокойство: Что-то хочешь сказать? Решилась: "Мне приснилось, что ты умер". Я такой, как все, и смерть никого не минует. "Ты дежал в гробу, а гроб - на огромном ковре посреди большого каменного дома". Ковёр - символ царства, большой ковёр - большое государство. "Я горько плачу, хочу подойти к тебе, не пускают, вокруг гроба - мужчины, и отца не вижу, чтоб помог, жёны другие оттесняют меня. Убеждена: лягу к тебе, чтоб меня приласкал, непременно оживёшь. Вдруг всё исчезает. Лишь ковёр, рядом - печь, жарко горят дрова. Потом оказалась одна в пустыне, белое облачко, как дым печи или туман с гор, быстро приближается, за ним возникает твоя фигура, ты огромен, говоришь: "Не плачь, не убивайся, а то мне придётся здесь тяжело!" "А разве ты не у престола Бога?" - спрашиваю. Не слышишь будто меня. "Если будешь сильно горевать, мы не сможем, - говоришь, - здесь встретиться с тобой".

105. Нежданно в небе клич

Крик убиенного!

Хамза иль кто другой?

Качнулась на небесном своде золотая нить.

И Солнца свет померк.

Но прежде... - реальность бытия земного?

Пронзила сердце Мухаммеда боль.

А вместе с криком - клич вероломный Хинды, жены Абу-Суфьяна: Мухаммеда убить!

Жена Абу-Суфьяна Хинда, выплакав все слёзы по отцу и брату, решила участвовать в войнах против Мухаммеда - Охудской и Хандакской, или окопной. В знак траура женщины договорились не подпускать к себе мужей, пока не отомстят Мухаммеду. День начинался с проклятий: могилу разрыть, где мать Мухаммеда Амина похоронена, кости её разбросать! Сколотила женский отряд, обучаются владеть копьём: одно - для метания, другое - для рукопашного боя, древко из бамбука, чтоб легко было нести, метать, орудовать... Глядит на сильного мужчину с восхищением - чёрный раб, принадлежит всецело ей. Убить? Что ж, он готов! Мухаммеда? - нет, его не тронет, очарованно слушал, как тот на ярмарке состязался с поэтами. Али? - нет, молод, пусть поживёт! А Хамзу запросто прикончит!.. И час настал - сражение у горы Охуд.

Ранним утром отряды Мухаммеда выступили из города, фланговым движением двинулись мимо врага к нагорью, чтоб разместиться в узкой седловине, упирающейся на вершину горы. На левом неприкрытом фланге оставлены лучшие стрелки. И встало войско, чтоб ни одно плечо не выступало из рядов.

- Эй, - крикнули мекканцы, - выходи на единоборство!

Вышел Али. И не успел знаменосец мекканцев настроиться на бой, как Али тотчас сразил его. Отряды Мухаммеда теснили мекканцев. Тщетно искусный полководец мекканцев Халид пытался конницей пробраться на левый фланг, но тучи стрел лучников посыпались на

них. Йатрибцы вдруг оказались в логове врага - лагерь с несметными богатствами, глаза разгорелись, и, думая, что мекканцы сломлены и бегут, стали забирать добычу. Это заметили и стрелки бросились за наживой, оголив левый фланг, куда устремилась конница Халида.

...Вахши, применив хитрость, упал на спину, заманив на себя воина, и вонзил ему в грудь свой короткий африканский дротик; и не успел покончить с нападающим, как увидел бегущего к нему Хамзу, увернулся от удара копья и проворно прыгнул, точно зверь, тому на спину, пронзил насквозь дротиком. И, смертельно ранив Льва ислама, взвалил его на себя и, уже бездыханного, бросил в ноги Хинде. При свете костра, дабы вдохновить воительниц неслыханным бесстрашием, ловко рассекла ножом грудь Хамзы, вырезала печень и, кровавую, дымящуюся, не успевшую остыть, стала рвать зубами, - пусть эта весть потрясёт душу Мухаммеда: женщина, съевшая печень своего врага!

...Вдруг Мухаммед с телохранителями, которые отчаянно его защищали, оказался в толпе врагов-мекканцев, в челюсть угодил камень, разбив передний зуб, кольца бармицы - чешуи шлема, впились в щеку, кровь залила лицо. В то же мгновение удар сабли по кольчуге свалил его в яму, и, падая, услышал: Пророк убит! А следом - голос Абу-Суфьяна: Этот день - за Бадр! Сыновья Абу-Бакра Абдулла и Мухамм были рядом, когда исчез из виду пророк, первый вмиг свалил с ног убийцу, вонзив меч в шею; второй видел падающего Мухаммеда и тотчас закрыл собой его тело. Йатрибцы, обезумев от ужаса, с воплем: "Пророка убили!" - кинулись вверх по горе. "Жив пророк! - бросил Абдулла, ударив беглеца мечом, тот замертво рухнул. - Так будет с каждым, кто покажет спину врагу!"

Тем временем Абу-Суфьян повернул воинов к лагерю, который грабили йатрибцы, а Мухаммед, придя в себя, с горсткой верных воинов поспешил по ущелью вверх. Только тут Абу-Суфьян понял, что Мухаммед жив! Помчал коня, попирающего копытами трупы, к горе. Видя, что тот надёжно защищён, повернул к лагерю. Что ж, отмщение состоялось, воины пересели на верблюдов с коней, ведя их на поводу: битве конец.

... Мухаммеда излечила весть: любимая дочь Фатима внуком вторым его одарила, имя ему - Гусейн. О, как любезны с Мухаммедом старейшины арабского племени иудеев бану-надир, клянутся в верности, и он принял приглашение посетить синагогу, их Божий храм. Подали сладкий напиток, подождать, пока соберутся, и Мухаммед присел в тени соседнего дома.

Но задумал старейшина Амр бин Джахш сбросить с крыши на голову Мухаммеда жернов. И тут... - Эй, Мухаммед! - будто на ухо шепнул Джебраил. Очнись! Мухаммед вскочил и в окружении сторонников быстро покинул квартал бану-надир*. И сказал собравшимся в мечети: Передайте мекканцам! Арабам и евреям! Всем, кто кровью не насытился! Бизанцам и персам! Не довольно ли Таифской и Колодезной, Севикской и Охудской войн?.. Но зрела новая битва, Хандакская, Окопная, ибо мстью полыхает душа Абу-Суфьяна: близится с десятью тысячами воинов к Йатрибу. Мухаммед... Но как обороняться? Перебежчик, уверовавший в него, подсказал хитрость: вырыть ров, укрепиться окопами. Разделили участки меж племенами, сам Мухаммед от зари до позднего вечера копал ров... "Предательство! - кричали в негодовании мекканцы, застигнутые врасплох рвами. - Война не по правилам! Арабы так не воюют! Трусливо спрятаться за рвом!"

* Существует версия, что, когда Амр бин Джахш подошёл к жернову, чтобы сбросить на Мухаммеда, Всевышний схватил его руку и с такой силой сжал её, что тот вскричал, и вероломство открылось.

Евреи Йатриба, поддерживающие Абу-Суфьяна, выжидали, а предводитель племени бану-надир Нуййаб ибн Ахтаб, живший в Хайбаре, специально прибыл с отрядом в лагерь Абу-Суфьяна, чтобы помочь ему: ещё в Каабе они поклялись быть вместе, пока не падёт община Мухаммеда. "Вы, единобожники, люди Писания, - обратился к евреям-йатрибцам, -

выжидающие, кто победит, не заодно ли тем самым с язычниками?"

Битва у рва случилось через четыре года, десять месяцев и пять дней после хиджры. Поведать - строки достаточно, описать - страницы, но когда войско держит долгу в бездействии осаду города, время зверем становится, с которым начинаешь воевать! Ропот в войске - недуг, ниспосланный свыше на тех, кто вздумал воевать с избранником Бога!

Абу-Суфьян вдруг неожиданно снял осаду Йатриба: отныне каждый разумеющий поймёт, что Мухаммеда не одолеть, ибо поддерживаем Богом!.. Мухаммед, преследуя по пятам Абу-Суфьяна, стал свежими силами наносить ему удары, пока те не взмолились о пощаде.

Уступили родичи-мекканцы моему натиску, заключили со мной Худайбийский договор, первая строка которого: Во имя Твоё, Аллах!

Соглашение сроком на десять лет с тремя условиями: (1) право на паломничество в Мекку и посещение Каабы, обязуются разрешить, записал писарь-раб, с будущего года Мухаммеду трёхдневный хадж для поклонения; (2) арабы Аравии - свободные люди, и каждый, кто желает, может переходить в новую веру, за исключением, сказано, зависимых рабов, которые без разрешения и согласия своих господ или покровителей примкнули к Мухаммеду, и если таковые есть, должны быть возвращены, отосланы; и (3) я, Мухаммед, обязуюсь пропускать без препятствий мекканские караваны - да пребудет меж нами нелицемерная прямота, не будет места ни тайной неприязни, ни хитрости.

...Свитки написаны для отправления чужестранным правителям с приглашением принять ислам, соединиться в единую веру, почитающую всех пророков Бога. Рисковали купцы в долгих путях к императору Бизанса Гераклиусу, шаху Персии Хосров Парвизу*, Мукавкысу - правителю Египта, гассаниду Харису VII - вассалу Бизанса, абиссинскому негусу Умману, эмирам Йемамы и Бахрейна, Базану - вассалу Персии в Йемене.

* Неточность: Хосрова Парвиза тогда не было в живых.

(105) Тут вставка: Многие века спустя, ближе к нашим дням - не указывается, когда - приглашение в новую веру, не допускающее принуждения, оформилось в чуждую духу Корана концепцию, по которой - раскроем её суть предшествующие исламу религии объявляются не только утратившими смысл, но и не имеющими права на существование. Ибо по-Богу, что якобы фиксируется в Коране, иудеи и христиане исказили смысл Его учения, и потому Он ниспослал через Мухаммеда Коран. А раз так, то быть не может, чтобы Бог, доселе посылавший в мир пророков, - дерзостно позволяет себе человек вмешиваться в Божий промысел - явил человечеству вслед за Мухаммедом кого бы то ни было ещё из пророков. Случись такое, новая Книга и новый пророк отменили бы ислам, а это невозможно! И потому... - фраза не завершена: вырван лист; текст, хоть подписано: Ибн Гасан, - не его, ибо смущает свежесть чернил. Впрочем, и тогда осмеливались договаривать за Бога, и сегодня не перевелись воинствующие невежды, мнящие себя и никого больше приверженцами Единого Бога.

"...Если бы всем удалось понять истинный смысл исламского правления, толмач добавил: в захолустном Йатрибе пастух пророком себя объявил, - то основа дурных течений (уж не христианства ли?! подумал Гераклиус) была бы изведена; и убеждение, что к исламу примкнут все здравомыслящие; что пред пророком трепещет весь мир!"* Послание поучает: не стремиться к материальному преуспеянию; обязать торговцев (!) продавать беднякам дешевле. "Ну да, - пояснял толмач, - сам беден, к тому ж сиротская доля, не преуспел в богатствах!" (запечатлел летописец). Кажется, но о том умалчивают свитки, никто Мухаммеду не ответил, а византийский император, причисленный к ищущим знания, - мол, лучше говорить им, ищущим знания, нежели, зная, сохранять молчание, - впрочем, Мухаммед при этом всегда добавлял (не включено в послание), что лучше молчать, нежели

вести пустой разговор.

* Перевод с пояснениями обнаружен был в летописи времён Гераклиуса (Ираклия), превращенной после захвата турками Константинополя в рукопись торговых сделок стамбульского купца; записи из-за нехватки бумаги велись поверх смытой греческой; подобное уже встречалось, текст на пергаменте был даже четырёхслойный. Части хроники с переводом послания оказались спрятанными под слоем иноязычного текста - арабских букв, это случайно выявил собиратель древних манускриптов.

Хохотал император над посланием о создании на земле идеального общества рабов Бога, перевели: тварей, мол, смысл ниспосланных Мухаммеду откровений утвердить основу уразумений жизни, главные из которых: пятикратная молитва, полезная для души и тела; омовение даже песком, если нет воды (ну да, дикие безводные пустыни, не то что у нас: царский град окружён бирюзовыми водами!*); взнос в пользу бедных и общественную (!) казну (но где ей храниться, казне?!); пост, это у них самих тоже; ну и паломничество в священные города... Константинополь? Иерусалим? Нет, в Мекку и... нет, не в Йатриб, переименован в Медину, - на карте Бизанса название старое. И о вере - пятикратно повторено слово вера: в Единого Бога, Его пророка Мухаммеда; в предопределение судьбы, ибо и впрямь случится то, что должно случиться, коль скоро случилось; в тот мир, куда все переселятся, в воздаяние за добрые и злые дела, воскресение мёртвых, когда наступит Страшный суд. "Впрочем, сказывают, - заметил Гераклиус от кого-то услышанное, выдав за своё, - что мышь приняла ислам, но число мусульман не увеличилось" (добавить бы: но и число христиан не убавилось!).

* Описание омовения умилило императора: Если молящийся, свершая омовение, прополоскает рот и нос, то стекнут вместе с водой совершённые им прегрешения злоязычия и гордыни; омоет лицо - стекнут с кончиков волос бороды прегрешения от недоброты лица и завистливости взгляда; омоет руки до локтей, а ноги до щиколоток - стекнут с кончиков пальцев рук и ног прегрешения рук его, если зарились на чужое, и ног, если вели к преступному; и станет чистым и безгрешным, каким был в тот день, когда родила его мать.

А шах персидский заявил такое, что стыдно повторять - гореть ему в адском огне! - и тронный зал затрясся от хохота... А что до правителей других, то известно, что египетский послал Мухаммеду, напуганный его успехами, вместо письма двух рабынь, красивых месопотамок, но они, не покинув пределов Египта, были перепроданы. А персидский ставленник в Йемене, понимая, что Персия далека и не сможет спасти от вожделий близкого соседа абиссинцев, обитающих по ту сторону моря, принял ислам и покровительство Йатриба, и Мухаммед назначил его своим наместником не только в Йемене, но и в Неджране.

106. Небо шестое!

- то был голос Джебраила, и взору предстал сияющий свет, такой камень Мухаммед видел впервые; ясно различим покровительствующий Сатурн (в скобках: Кейван у персов и Зохаль у арабов), и кружится небо шестое вокруг него. Взору Мухаммеда открылось бескрайнее пространство, населенное похожими на людей гигантскими существами. Защищающие Бога ангелы? Каждый больше земли, имел семьдесят тысяч голов, каждая голова - семьдесят тысяч ртов, каждый рот семьдесят тысяч языков, и каждый язык изъяснялся на всех семидесяти тысячах наречий, известных миру, - языки воспевали Бога.

Вдруг неведомая сила перенесла Мухаммеда на дерево, цветущее справа от невидимого престола Бога, ветви широко раскиданы, объёмля небосвод. И ангелы числом более, нежели песчинки пустынь или капли морских вод, веселились под сенью охватного лишь мыслью древа. Брали из-под корней древа начало пять рек - две протекали в рай, три - на землю: Нил,

Евфрат и Тигр. Отсюда Мухаммед ступил в Дом поклонения, окружённый мириадами негасимых лампад. Джебраил предложил три кубка на выбор: с вином, чья терпкость ощущалась в багровом цвете, прозрачным мёдом, блистающим желтизной, а третий наполнен молоком, чья белизна светилась. Каждый кубок манил, чтоб именно он был испит. Не раздумывая, Мухаммед взял кубок с молоком и вмиг осушил его.

- Что минует твоя рука вино, я знал, - молвил Джебраил, - хотя не прочь был некогда в Мекке припасть к кубку с вином!

- Ты говорил, я повторял Его слова: Вино - из благ, дарованных Богом человеку! А далее: Из пальмовых плодов и виноградных лоз берите напиток жаркий и пьянящий!

- Но в том, - напомнил Джебраил, - воистину знамение для разумеющих! И добавил: - Но явлен был Им и запрет!

- Лишь пред молитвою не пить вино! - Тотчас повторил Мухаммед услышанное: О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите!

Не слышит будто Джебраил: - ...Испей вино, весь народ твой сбился бы с дороги, не ведая, куда идти. И благо, что запрещено Им винопитие!

взгляд озарило видение: осада крепости! упорство арабского племени иудеев! и сподвижники, долгим стоянием

утомлённые... пьяны! жаркий спор в игре майсир: кому какая доля верблюжьей туши достанется! храп воинов, сражённых вином! явлено: Спросят о вине и майсире, кубок протягивая.

"Грех в обоих великий!" - скажи. Но в опьянении молвят, что некая есть польза! Скажи: "Больше греха, нежели пользы!"

... Когда Мухаммед после недолгой осады проник в крепость Камус аль-Низар, то увидел раненую иудейку - уж не засада ли, а приманкой на пути - красавица?

Поражённый её красотой (напомнила кого-то... но бой, не до раздумий), Мухаммед бросил свой плащ, чтобы укрылась, велел воину стеречь её. Из-за угла ринулись на Мухаммеда двое защитников крепости, воин, оставив женщину, бросился защищать пророка, с ходу вонзив кинжал в нападавшего, а второго убил другой воин, оказавшийся рядом, и тут женщина, ожив, с криком: О, мои братья!.. - кинулась к рухнувшему, но воин стал на пути: сделай шаг, убьёт! "Пусти!" - крикнул Мухаммед, и она склонилась над убитыми, зарыдала. Вспыхнула строка: Иудейских разрез твоих глаз... - неужто та, что им с Абу-Бакром на крепостной стене встретилась, девочка, красавицей ставшая, Сафийа её имя? Тут же вспомнил, как в небе Ибрагима, будто было вчера, нет, в сей миг, сказал ему праотец: "Из иудеев она, и не забудь, о чём мы с тобою говорили!" Мухаммед велел стражнику немедля доставить её к нему. Нет, лишь очень похожа на ту! Узнал, что вся её семья сражалась против него: два убитых брата, муж пленённый ждёт своей участи.

(106) Далее у Зейда скороговорка:

Казнили братьев за убийство сподвижников Мухаммеда.

Сафии было предложено стать женой Мухаммеда, но воспротивились отец и дядя. "Предать их казни!" - Омар повелел. Мухаммед распорядился не трогать, пусть живут в

оазисе, где уцелел их дом.

- Но могу ли я, о пророк, - осмелилась спросить Сафийа, чувствуя неодолимую тягу к ней Мухаммеда, - приняв ислам, оставаться верной пророку Мусе?

Сговорились с Марией?! И та просила остаться верной Исе.

Мухаммед промолчал, Мария к своей просьбе больше не возвращалась. Но как могли договориться? Мухаммед и на сей раз промолчал: разве он сам не верен Мусе? Исе? Возвращался к просьбам, не найдя решения: как можно, приняв ислам, оставаться верным... - ведь о верности не иудейству или христианству просили, а пророкам! Но разве верность Мусе не верность иудейству, а Исе - не верность христианству? Но, призывая в ислам, разве он имеет в виду верность себе? Нет - Богу! Будто кто возразил: Но и тебе, Его посланцу! На свадебном пиру Мухаммед, чувствуя, что по пятам враг гонится, не стал есть предложенное мясо: бросил собаке тут же околела.

...Спросил у Айши, что она думает о Сафийи? Не ожидая такого вопроса, побагровела: "Иудейка и христианка!" - "Не говори так! Они приняли ислам!"

(107) Пояснить, что неперемное условие женитьбы на иноверке - принятие ею ислама.

Но как это сообразуется с вышеприведённым?

Жёны трёх вер - нечто вроде заголовка: вслед за иудейкой Сафией, христианкой Марией мусульманка Джувайрийа, дочь ал-Хариса, вождя арабского племени хилал, во имя укрепления союза с ним.

Однажды Сафийа пришла к Мухаммеду в слезах: её обидели, назвав дочерью врага, тайной иудейкой.

Ответь каждому, кто обижает: "Мой отец Муса! "

Потом Айша сдружилась с нею, и сёстры, как все три молодые жены, Айша, Хафса и Сафийа, себя именовали, заключили негласный союз против остальных, старых жён Мухаммеда: Севды, Умм-Сальмы, Умм-Шарик, дочери бедуина, и Зейнаб, бывшей жены Зейда.

(108) Сочинитель пересказал запись Зейда о жёнах трёх вер, выученную Шюкраллой: он повторял услышанное, каждый раз опасаясь, что упустил важное, и задумывался над произносимым, соединяя порой несоединимое. "А теперь, будто Ибн Гасан обращается к самому себе, - поведай о Шюкралле [получается, Ибн Гасан знал историю Шюкраллы, хотя прежде выражал недоумение, не ведает-де о нём. А может, пытается создать иллюзию неучастия в сочинении и сгущает таинственность, окутывающую свитки?], прежде получив Божье благословение, сказав: Иншалла! - Да поможет мне Аллах!""*.

* Здесь бы рассказать притчу о Ходже (Молле) Насреддине - якобы услышана Ибн Гасаном из уст самого любимца Востока: решил Ходжа на базар пойти, говорит жене: Посижу в чайхане, людей послушаю, вернусь к вечернему намазу. А жена ему: Бисмилла! скажи! Ходжа вскричал: Что ты мне Бисмилла! да Бисмилла?! Аллаху делать нечего, как в пустяшном деле мне помогать: пойду и вернусь! Заезавшись на безлюдной улице, он угодил в яму, ушиб ногу, идти не может. Лежать бы долго, если б не путник: увидел несчастного, вытащил из ямы, взвалил на осла и привёз до дому. Стучит Ходжа в калитку. Кто там? жена

спрашивает. Это я, Бисмилла! Ходжа, Бисмилла! Насреддин, Бисмилла! Пришёл, Бисмилла!
Открой мне дверь, Бисмилла!

107. Как разнятся ваши помыслы!

Утром, перед полуденным намазом, женщина пришла к Мухаммеду, с нею девять девочек, а самый младший, десятый, - мальчик.

Лицезреть пророка? Стоят похожие, черноглазые, густые ресницы, черные курчавые волосы, а мальчик, что стоит рядом с матерью, - круглолицый, широкоскулый.

- Кто вы и откуда? - спросил.

- Из Йемамы, а это мои дети.

- Вижу. Как тебя зовут, женщина?

- Как незабвенную жену твою, Хадиджа я. - Изумлённо слушал: что ещё она скажет? - Пришли послужить тебе.

- Как детей твоих зовут?

- Вот первая, вторая... девятая, а десятый - мальчик.

- Не сколько их, спросил, а имена.

- Это и есть имена, назвал отец их. Дал обет: девочки получают имена, когда родится мальчик. Не дождался, бросил меня, беременную десятым младенцем, боясь, что опять будет девочка. Взмолилась я Единому твоему Аллаху, чтоб родился мальчик, мольба была услышана, тогда решила дать сыну имя Бисмилла!

- Но Бисмилла, Во имя Аллаха, - первое слово молитвы,. Назови Шюкралла, Благодарение Аллаху...Объявился ли муж, узнав о рождении сына?

- Исчез и не отыскался.

- Прежде надо дать имена дочерям. Не подобает человеку, кому Бог даровал жизнь, без имени быть.

- Дал имя сыну, дай и дочерям.

- Имя старшей дочери - Лейли.

- Потому что как ночь черна [Лейли - ночь]? - Потому что красива! Не знаешь разве, что ночь сменяет жаркий день, когда солнце жжёт нещадно и кипят пески пустыни? Ночь яркие звёзды на небе. В ночи рождается юный месяц! А чернявая дочь у тебя - самая младшая, пусть будет Асмар, Чернявая. Ну вот, назвал старшую и младшую, остальных назовёшь сама.

- Если не возражаешь, дам имена твоих дочерей.

- Но их у меня четыре, а у тебя дочерей девять.

- Дам имена жён твоих!

- Имя первой моей жены носишь сама, остальные... Что ж, будь по-твоему!

- О Мухаммед, ещё я обет дала: родится мальчик, отдам тебе в услужение.

- Но у меня уже есть слуги.

- Такого второго на земле не сыщешь!

- Чем же успел прославиться Шюкралла?

- Удивительной памятью. Стоило мне произнести вслух суру, как слово в слово повторил. Сам убедись!

Мухаммед велел Зейду прочесть мальчику новую суру. Какую?

Первую йатрибскую!

Алиф, Лям, Мим. Это аяты книги мудрой.

...Есть такие, уста которых молвят: Уверовали в Бога мы Единого и в день последний! Но - лицемеры, не веруют! Пытаются Бога обмануть и тех, которые уверовали, но лишь самих себя обманывают! В их сердцах - болезнь! Им уготовано мучительное наказание за то, что лгут. Не раз то было: сеющие на земле нечестие в том разве признаются?

...Они подобны туче дождевой, в ней - мрак, и громыхание, и молний огненных сверкание. И в страхе смерти затыкают уши, - Бог Своё могущество являет нечестивцам!..

Не успел Зейд прочесть, как Шюкралла (что ж, послушаем!) слово в слово повторил.

- Но понял ли ты, - спросил Мухаммед, - произнесённое?

- Что-то понял, а что-то нет, - ответил Шюкралла.

- Что ж понял ты?

И тот нашелся с ответом: - Пойдешь не своей дорогой, угодишь в пропасть.

...Арабская речь! Вспомнил, как укоряли его, мол, так и скажи, что твой Бог - араб, чуть ли не курайш, и говорил с тобой на известном тебе наречии!

- О поучающие меня! - не стерпел Мухаммед, ввергнув сказанным далее в изумление укоряющих его. - Язык Бога слышится каждым пророком в его собственном наречии, в котором он родился.

В ту ночь Мухаммеда трясло, как никогда прежде, глаза запали так глубоко, что ушли, казалось, в небытие. Забескоились родные: неужто?.. И вдруг заговорил, все тотчас собрались, чтобы запомнить:

Но вся ли Его Книга явлена тебе? Узри: Я о Себе как о Нём! Как может весь Он явлен быть кому-то? Так и Его до дна исчерпанное Слово не может быть ниспослано! К тому ж Творение Творцом Творится постоянно, - но и тебе, последнему из явленных пророков, лишь список с той Единой Книги дан.

А разночтения людьми Писания Божественного Слова Его... - что ж, ведомо то Мне, но ни Бог в том, ни Джебраил, ни тот, кто первый услышал, и ни другой, к кому являлся Он, ни ты, никто из тех, кто был, и тех, кто будет, не повинны! Повинен кто? Или повинно что? Ушей несовершенство! Первогреха непослушание! Вина Моя?! Ну да, за всё в ответе! И тут - несовершенство слуха: Я сотворил, но волю дал, наказывать устав! И не желая, жалостью тревожим, творение Своих разрушить рук! А может, в том неведомая даже Мне есть тайна! И тайна - вершить кружение помыслов и дел, дню днём являться, ночи - в ночь, и течь ручью, и быть дождю, питающему землю, и чтобы чаша ни одна не перевешивала, - купечество в пределах собственного разумения! *

* Ни в одной из сур Корана эти аяты не обнаружены.

Зейд, как это ему всегда удавалось, уловил пожелание Мухаммеда - еще не раз придется улавливать, однажды коснется его самого, и он решится! *

* Имеется в виду, что Зейд, уловив желание Мухаммеда, подарил ему свою жену Зейнаб?

И назвал любимую пророком и им самим суру Ночь.

- Я знаю эту суру! - сказал Шюкралла. И тут же, не успели Мухаммед с Зейдом настроиться на слух, в одно дыхание произнёс, спеша и без пауз, ибо волновался: "Нами путь прямой открывается, в Нашей власти две жизни: в начале одна, другая - в конце. - И, отдышавшись, на сей раз выразительно: Сокрывающей ночью да восхитимся, и днём сияющим, и Тем, что мужчину и женщину создал, - да восхитимся! О, как разнятся ваши помыслы!"

...А на небе шестом Мухаммед никак не отведёт взгляда от кубка с мёдом, который манит:

- Что если бы, - спросил у Джебраила, - ведь возжелал он! до дна испил я кубок мёда?

- Вкуси ты мёд, - ответил Джебраил, - его бы сладость тотчас обратилась в горечь! И услада безделья вас сразила б!

А далее... - к удивлению Мухаммеда, туда, куда вела небесная дорога, маня и зазывая, Джебраилу не было ходу.

108. Небо седьмое

Мухаммед один перенесён невидимой силой через пять необъятных пространств; два из них - пространства света бледного, предутреннего, он нежен; и предвечерний - в нём тревога, потом мрак глубокий, и в нём увяз Мухаммед, то ли двигается, то ли недвижим, застыл, вдруг... - скорее почувствовал, нежели увидел себя в пространствах, которые описанию словами не поддаются: свет разлит во тьме, не узришь ничего, и тьма растворена в свете, но ясен взор - Храм Небесный возник вдали, и тут же будто знание кем вложено в него: Здесь ежедневно молятся по семьдесят тысяч ангелов и больше сюда не возвращаются, уступая место следующим тысячам ангелов, и сонмище их неисчислимо!

Божьи пределы! Его престол! Он отстоял от Мухаммеда на расстоянии двух полётов стрелы! И лицезрел Бога с небес высоких?

Нет, Божественный лик закрыт семижды семьюдесятью тысячами покрывал, дабы человек вмиг не уничтожился при взгляде на Его чело. Протянул к Мухаммеду... да, это руки! слегка коснулись его груди, его плеча. Мухаммеда охватил леденящий страх, тут же сменившийся неизъяснимой радостью. Но более блажен, - вдруг мысль зажглась, - кто существовал до того, как появился! А может, нет ещё меня?! А за престолом что? Сокрытые владения Божьи?

Звёзд небо неподвижное, за ним - беззвёздный небосклон.

А там - тьма, за которой - тьма, темнее темени.

Я видел!

Позволь, но сказывают...

Кто сказывает, если я - свидетель?

Что путь твой далее семи небес не простирался.

Я проник!

Что ангелы-защитники, тьма-тьмущая их было, тебе дорогу преградили, не допустив к Его престолу.

Преодолею я!

И лицезрел Бога?

Туманны были очертания Его!

Он Дух иль Человек, а если Дух, то как объять и лицезреть? Может, Нечто Он, и обликом Своим никак непредставимо? Упрятано от взоров?

Лишь покинув пределы Божьи, Мухаммед вспомнил про молитвы: сколько ж раз на дню молиться? Но так ли важно, сколько: чем больше, тем лучше! Но прежде... - и мысль, как те пространства, через которые прошёл он, то страх в ней и тревога, то нежность в ней, как

будто и не мысль - сердечное движение, и тайна: сын или не сын? Но молвлено Джебраилом внушённое ему: Он не рождён и не родил Он! По воле ли своей поведал Джебраил? Не в исполнение ль Его, Бога, предначертания? Однако... - но что? Как сметь ему, Мухаммеду, в том усомниться, что, вспыхнув, жаром разлилось в груди, и болью голова от мысли сей пронзилась?!

И думу, что тревожила, ангел Джебраил... - нет, не прочёл и не услышал: она светилась, дума Мухаммеда, и Джебраил её постиг!

О дерзостная мысль!

Но разве...

Как смеешь ты, Мухаммед?! Есть истина, а если есть она...

Лишь ангел он и не допущен был в Его пределы!

Нет, Мухаммед не успеет!

Но что? Спросить и постичь? Узнать и поведать? Лишь молвлено: Вернешься в Мекку!

109. Всепрошение побеждённых

И вот долгожданный поход на Мекку десятого числа месяца рамадан, признанного священным, - сколько событий именно в этом месяце: и ниспослание Корана, и победный Бадр!.. Но и смерть Хадиджи! Убиение... - не случилось ещё, но непременно случится, увиденное с одного из небес Мухаммедом, - соратников тоже в месяц рамадан! И с войском в десять тысяч - пока Мухаммед шёл, новые племена примыкали к нему, бедуины... - без единого пролития крови овладел Меккой! Случилось через семь лет, восемь месяцев и одиннадцать дней после хиджры.

Дядя его Аббас просил, умолял мекканцев не сопротивляться: иначе - гибель всех курайшей, такова воля Единого Бога, чтоб пророк ступил на мекканскую землю. Аббас вышел из города ночью, чтоб примкнуть к Мухаммеду, уговорив пойти с ним Абу-Суфьяна; тот согласился признать, что Аллах един, но что Мухаммед - посланец Аллаха, долго не соглашался.

"Так унизиться, - кричала ему в ярости жена (но примет ислам, дабы избежать гонений), когда Аббас его уломал, а затем схватила мужа за усы и стала кричать: - Эй, люди, чего вы смотрите, как овцы, убейте этого старого жирного труса!"

Въехав победителем, Мухаммед раскинул шатёр у кладбища, где похоронены дед, Абу-Талиб, Хадиджа, дети... - со сладостью победы горечь утрат смешалась. "Нет у меня дома в Мекке!" сказал.

В Каабу! Очистить от скверны идолов! Смыть изображения на стенах водами священного Замзама.

И невежды вопрос Мухаммеду: Как быть с фигуркой Аллаха брата Хубала?

Но разве это Аллах Всевышний Бог, чьим пророком является?!

Сохранить... оглянулся Мухаммед - нет фигурки Девы Марьям с младенцем, исчезла!

Лишь после уничтожения идолов вошел в Каабу. Собираясь молиться, задумался: в других мечетях велел обращать взор к Мекке, а здесь, в Каабе, куда обратиться при молитве?

Расположился между Чёрным камнем и южным углом лицом на север - не в сторону ли Эль-Кудса?! Да, только туда! Так угодно Богу!

И тем предрешил судьбу Храмовой горы и скалы Мория, ас-Сахры, откуда совершил мирадж: Да будет там возведена мечеть! Мухаммед стоял на пороге Каабы, говорил: Бог покончил с родовой, племенной, всякой иной сегодня и навсегда гордостью, ибо все происходим от Адама, сотворённого из праха, посему кто благочестивей, тот и благородней!

Приняли присягу верности Богу: каждый в отдельности мужчина, каждая в отдельности женщина. Всепрощение побеждённых! И ласковое обхождение с теми, кто принял ислам, и первый - Абу-Суфьян, который выдал любимую дочь Умм-Хабиба от третьей жены за Мухаммеда сразу после битвы у рва и в знак завершения всех войн; и якобы просил дочь накануне свадьбы повлиять на мужа, чтоб помиловал, а она наутро после свадьбы, уже став женой пророка, не позволила отцу - ведь он ещё многобожник! - сесть на ковёр в её доме! Абу-Суфьян поклялся: Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк его!

Кто покался, - сказал Мухаммед, - тот прощён! Я пришёл не казнить курайшей, а открыть им дорогу в новую веру!

И вдруг... Хинда, жена Абу-Суфьяна, предстала перед ним:

"Да, я Хинда, - сказала, - можешь меня казнить за Хамзу! Но и ты убил в Бадре моих детей, которых я родила и вырастила! Простим друг друга за прошлое!"

"Знаю, что приняла ислам, - ответил Мухаммед, - не смею потому тебя преследовать, ибо ты отныне Божий человек!"

Джебраил был явлен Мухаммеду с новым повелением от Бога, слышали мекканцы:

Даровали Мы тебе, Мухаммед, явную победу, и Я простил тебе, что из твоих грехов предшествовало и что было позже.

- Но какие грехи у меня, о Боже?- Сам о том знаешь!

Так и не узнал - ни тогда, ни потом. Впрочем, что-то всегда, постоянно беспокоило: Так ли я слышу Его?

- Вот-вот!

Не ошибиться б!..

Аллах - Он Бог Единый, Творец всех Писаний, и потому не может Он... нет, мысль важная, тревожащая, трудно уловимая недодумывалась никак, улетучивалась, возникая снова: Но можешь ли Ты, о Боже правый, высказывать то, что я, раб Твой ничтожный, до конца не разумею? (а в глубинах глубин лишь дуновение мысли: не приемлю!). Нет, - поспешил оправдаться, - то не ропот, то - согласие, смею ли? Но тут же следом невольно продолжилось: да-да, согласие несогласия! Каюсь! В том не вина моя, в том... О Боже, как разобраться в тексте, исчеркан, местами стёрт, что-то важное кроется, прячется в этом согласии несогласия, впечатление такое, что тот, кто вяжет фразы (так в свитке! - Ч.Г.), и хочет, чтоб прочиталось написанное, и явно противится обнаружить сокровенное; такая вот странная, прямо-таки загадочная стилистика*.

* Домыслилось (логика + интуиция?) после завершения перевода со среднетюркского свитков и - забегая вперёд, скажу - сур Корана. Отталкивался от фразы, приведённой в свитке: Аллах - Он Бог Единый, Творец всех Писаний, и потому не может Он... Но что? А вот что: не может Он высказывать мысли, которые хоть в малой степени противоречат нормам нравственности, морали, образу жизни на все времена, и для Него не существуют заповеди к случаю, для временного пользования! А если Он всё же, судя по Писаниям, в том числе составленному Корану - не забудем, что это делали люди, - высказывает таковое, то это не что иное, как приписанное Ему людьми, пророками, включая и Мухаммеда, которые, очевидно, не сумели адекватно расшифровать, озвучить на своих родных языках Его символы и знаки, зачастую или порой шли по пути очевидному, разумели в пределах своего известного, связанного с их временем, традициями, обычаями, им знакомыми, ибо так было легче понять явленное. И Мухаммед в озарении, вдруг вспыхнувшем в нём, кается, что мог не так Его понять, Всемудрого и Всезнающего.

...И чтобы милостью Своей Я одарил тебя, повёл прямым путём, помог великой помощью. И да наказаны будут мушрики, лицемеры и лицемерки, думающие о Едином Боге думами зла: против них - поворот зла. Воистину тот, кто присягает, - присягает Богу. Рука Его - над их руками. А кто нарушит - разве тот против Меня? Нет - против себя!

...Лишь Фатима одна у меня осталась! (И года не пройдёт после смерти Мухаммеда, как умрёт и она.)

- Спросите у Зейда, сколько я совершил походов, - он вам ответит, и не надо переспрашивать меня, точен ли он.

- Уже спросили.

- И что он ответил?

- "Девятнадцать: в семнадцати я был вместе с ним, а в двух походах - каких, не уточнил - Мухаммед был без меня".

- Но это - потом, я ещё не начал ни одного!

...Вдохновлённый успехами, Мухаммед отправил в Сирию три тысячи воинов, не ведая о том, что там солдаты императора Ираклия, их сто тысяч, только что изгнали персов, которые туда вторглись, - первое сражение с византийцами и первое поражение. Вскоре второй поход в Сирию - в летний зной, и новая неудача: не помогли ни увещания, ни угрозы, что зной ада будет жечь сильнее. И бедуины подвели, разбрелись по кочевьям. Вернулся хворый, и в том году паломничество в Мекку возглавил Абу-Бакр. "И проповедь, - сказал Абу-Бакру, - прочтёшь!" Айша уговорила не поручать это отцу: суры так сильно на него действовали, что, заслышав их, Абу-Бакр не мог сдержать слёз. Тогда Мухаммед велел Али прочитать их. В те же дни явлено было: О посланник! Что тебе низведено от твоего Бога, передай, пусть поведает он, через Али!* А если ты этого не сделаешь, то как иначе передашь Его послания? Бог защитит тебя от людей!

* Сунниты сказывают, что ссылка в Коране на Али - позднейшая шиитская добавка, хотя и в ранних списках подобный аят значился.

И тут Абу-Бакр сказал Мухаммеду: в Мекке стычка между племенами мусульманскими, пролилась кровь!

- И что же ты?

- Взял огонь от священного очага, положил меж живыми и

мёртвыми и прекратил рознь! - ...Да, завершил походы,
изведал поражения и победы, но знаешь, о чём я умолчал? Эта
боль всегда при мне и не избыть её: изгнание из мечети!

(109) Ибн Гасан: Пусть запасётся читатель терпением, ибо мною руководит стремление
ничего не утаить: "Пророк, - рассказывает Айша, - однажды явился домой расстроенный.
Сколько ни допытывалась, не сказал о причине. Лишь спустя неделю признался: "Айша,
случилось невероятное! Меня прогнали из мечети! Нож мне в спину вонзили набожные
невежды!" Это случилось в канун смерти. Но о том... - не успелось о том сказать, как в
свитке - хотите верьте, хотите нет! - взволнованный голос раздался, и носитель его,
обладающий говорящим каламом, опустим эпитеты из пиитических сочинений, попытался
вырваться из комментария, куда был загнан, точно в ловушку. Заглянем туда, в кем-то
названный нижним этаж текста, дабы...*

* ...и он - продолжено в свитке, - человек с взрывчатым темпераментом, возжелал, по
всей вероятности, не столько начать новую страницу, оказавшись на воле и предоставленный
самому себе, сколько разъяснить дразнящее правдоподобное недоразумение о неслыханном
святотатстве. Сказать такое о пророке: Изгнание из мечети! И тем самым размотав словесный
клубок... - хотя, вторгнувшись в старый текст, он его ещё более запутал.

110. Очищение

- Вот что скажу, Абу-Бакр, вернее, повторю, что мне явилось. Те, которые придут после
нас, а может, и те, которые придут после-после, будут лучше нас, а далее... - Помолчал. Абу-
Бакр терпеливо ждал. И вдруг взгляд Мухаммеда стал жёстче: А далее явятся те, которые
станут давать обеты, но не исполнять, множество расплодится тучных, сытых. Искушением
моей общины будет жажда власти и богатств! Но ничто и никто вам не грозит, защищены
рядами выстроившихся ангелов, пока жив посланник Бога!

- И даже... - Абу-Бакр сделал паузу: недавно в общине Мухаммед, и повода не было,
стал рассказывать об... Антихристе, да, это слово произнёс, а не привычное аль-Масих ад-
Даджжаль, или Лжемессия: что будет сеять зло; поразит людей засуха, рассыплются в прах
скот и дома; самых красивых юношей сразит мечом, дабы род человеческий прервался,
каждый в расцвете сил будет разрублен на две части, которые разлетятся друг от друга на
расстояние полёта стрелы; не останется на земле ни одного человека, имеющего в сердце
благо или веру хотя б с пылинку, которого ветер не унесёт, и спрятаться никому даже внутри
горы не удастся - и туда проникнет ветер. И наихудшие останутся, не признающие ни
доброе, ни дурное.

- Ты имеешь в виду Антихриста? Увы, Абу-Бакр, с ним, - ответил Мухаммед, - не
справится никто, ибо явится после меня, и продлится его царство не сорок дней, как я
говорил в умме - общине, а все сорок лет! И знаешь, кто спасёт мир от него?

- Очевидно, Аллах?

- Да, Он Всевластен надо всем, но кого Он пошлёт погубить Антихриста?

- Не тебя ли?

- Нет, не меня, я простой смертный, сила моя - пока я жив.

- Но не ты ли рассказывал, что слышал, как люди, оказавшиеся меж раем и адом, когда
солнце приблизилось к ним и нещадно жгло, взмолились к первому пророку Адаму, чтоб
заступился за них пред Богом? Адам сказал: Бог на меня разгневан, что некогда ослушался
Его, - сам я, сам я нуждаюсь в Его защите: просите Нуха! Молвил Нух: Бог на меня
разгневан, заступался пред Ним за жену и сына, - сам я, сам я в Его защите нуждаюсь:
просите Ибрагима! Горестно вздохнул Ибрагим: Бог на меня разгневан, ибо трижды я солгал,
- сам я, сам я нуждаюсь в Его защите: просите Мусу! Муса покачал головой: Нет, - сказал,
как могу заступиться за вас, когда я убил человека и когда на миг шевельнулось в душе моей

сомнение в обещанной Богом земле обетованной, - сам я, сам я нуждаюсь в Его защите: просите Ису! Молвили: О Иса ибн Марйам! Ты Слово Его, дух от Него, заступись за нас! Сказал Иса: Бог сегодня на меня разгневался, как не гневался никогда прежде и не будет гневаться никогда впредь, ибо...но умолчал, за какие его грехи разгневался на него Бог, это осталось тайной. - Сам я нуждаюсь в Его защите: просите Мухаммеда! Сказали: но Мухаммед пребывает на земле, он не слышит нас!

- Ну вот, ты сам себе ответил! Он не пошлёт на схватку с Антихристом ни Адама, ни Нуха, ни праотца Ибрагима, ни Мусу, ни меня. Да разве сравнится с явлением Антихриста просьба ожидающих участи своей меж раем и адом? Знай: не будет ничего более значительного во времени между сотворением Адама и наступлением часа Судного, когда дети сделаются седыми, чем появление Антихриста.

- Но если так, кто ж справится с Антихристом? Может... - Абу-Бакра вдруг осенило: - Неужто пророк Иса?

- Да, Бог именно пророка Ису пошлёт, чтоб победил!

- Так христиане правы?!

- Воистину Иса ибн Марйам волею Бога возложит руки на крылья двух ангелов, опустится на землю у белого минарета в восточной части Дамаска в одежде, окрашенной в шафранный цвет. И каждый неверный, ощутив его дыхание, которое распространится на сколько хватит глаз, тотчас умрёт. Всего лишь взглядом Иса убьёт Антихриста. Но после семи дней земля снова расплодит лицемеров и неверных, бросаться будут при виде богатства друг на друга подобно диким зверям, возбуждаться при виде женщин подобно ослам. Будут праведные уходить один за другим, останутся подобные плевелам ячменным или отросточку от финика. Наихудших будет девятьсот девяносто девять из каждой тысячи. Живой, проходя мимо могилы, скажет: "О, если б оказаться мне в этой могиле!" Среди мусульман будут такие, кто, выдавая себя за правоверного, возжелает построить мечеть. Но не из-за почитания Бога, а ради собственной выгоды, из соперничества, кто кого затмит богатством, это - лицемерие и неверие. Не стой никогда в подобной мечети, ибо она - постройка на краю осыпающегося берега. И с ними сокрушится мечеть в огонь геенны. Лишь мечеть, возведённая из богопоклонения, на любви к Богу основанная, достойна, чтоб в ней стояли. - И выстроились те, кому открыты врата мечети:

кающиеся,

поклоняющиеся,

прославляющие,

странствующие,

кланяющиеся,

очищающиеся,

падающие ниц,

приказывающие добро,

удерживающие от зла,

охраняющие заповеданное - только это, ничего более: так обрадуй верующих!

(110) Так в тексте. - Ибн Гасан.

111. Рухнувшая мечеть*

* Стёрто, но можно прочесть: (версия первая). Свиток, как выявилось по мере погружения в текст, первоначально состоял из трёх частей, точнее - трёх версий, и каждая составляла законченную историю.

(111) Судя по расположению текста с отступом, можно предположить, что это - земная часть Небесной книги и помещена после встречи с Мусой; по содержанию свиток связан с изгнанием Мухаммеда, но не в хиджранском смысле, а... из мечети!

- ...Я, я, Мухаммед, - шумел, - и есть телохранитель Мухаммеда!

- Сам себя охраняешь?

- Вы что же, не узнаете меня?!

- Много Мухаммедов стало с тех пор, как был объявлен Богом пророк с редким именем, почитаемый нами.

- Но я... - и тут кто-то узнал его:

- Это ж младший сын Абу-Бакра, вырос как, не узнаешь!

- Да, я телохранитель пророка!

- Что с того? - бросил бедуин, пригнавший пару овец на йатрибский базар, и они вздрагивали от резких голосов кричавших. - Что сказать хочешь, смущая покупателей?.

- Чтоб знали! - Круглое большое лицо, волосы курчавые, глаза из-под густых бровей точно совиные, круглые, всегда удивление в них, будто диковинное видит.

- Откуда прибыл к нам и с какою целью?

- Из Хейме прибыл!

- Но где твой шатёр?

(112) В свитке обыгрывается слово "хейме", означающее "шатёр".

- Сгнуло поселение, а с ним и обитатели его!

- За что им такое наказание?

- Потому что изгнали пророка! Вошёл он в только что сооружённую мечеть без меня, повелел оставить его одного, дабы послушал, о чём говорят. Потом смотрю, когда солнце чуть с зенита сошло, выходит Мухаммед, а следом: Вон отсюда! - ему кричат. Лица на нём не было, бледный, руки трясутся, подхватил его на руки и понёс. Вдруг стал тяжёлый. "Уложи меня на землю", - говорит мне. Я постелил плащ, он лёг, встал над ним, прикрывая телом солнечные лучи, чтобы тень ему, будто я пальма

среди пустыни, создать, и вдруг он: "Не стой, - говорит мне, - эй, Абу-Бакр, - не моё имя называет! - в подобной мечети никогда!" Говорю: "Я не Абу-Бакр, я сын его!"

Не слышит. "С виду, - говорит мне, - мечеть, а нутро - дом дьявола, сотворённого из дыма и огня!" И что же с той мечетью? - спросите вы меня. Не успел Мухаммед произнести проклятие, как над мечетью собрались тучи, молния сверкнула, я пал, прикрыв телом Мухаммеда. Гроза прошла, смотрю ровная пустыня, нет мечети, рухнула она!

(113) Свиток обрывается. Породил множество толкований. Был даже учёный [Ибн Гасан называл его мой тёзка, известен как Ибн Гасан-2], который нашёл продолжение*, но со ссылкой не на телохранителя, а на Шюкраллу:

* Это был, как о том сказано выше, самостоятельный свиток с тем же названием - стёрто, но читается: Рухнувшая мечеть (версия вторая).

Пророк с отчаянием, растерянный, говорил Айше, когда та спросила: "Отчего огорчён, о пророк, ведь вышел из дому в добром расположении духа?"

А в добром потому, что Айша рассказала, как в сон её

явилась мама Мухаммеда. И он всю дорогу думал об удаче, что выпала на долю с первой и последней женой, - Хадиджа и Айша для него отчего-то, сам не объяснит, как первая и последняя жёны. Мухаммед удивился совпадению снов: некогда Амина-хатун приснилась и Хадидже. Но та знала его маму, "помню, - говорила Хадиджа, - её густые чёрные волосы, а тут вся голова белая-белая, поседела, но глаза молодые".

Айша - нет.

"Как же ты могла её видеть во сне? - спросил у Айши. - Она умерла, ты ещё не родилась!"

"Она меня узнала: "Ты Айша, жена моего сына", - сказала. И я сразу поняла, что она - твоя мама. Тут ты появляешься, идём по Йатрибу, она говорит тебе: "Сын мой, у Айши нежные щёки, а у тебя такая колючая, жёсткая борода, и ты больно колешься, когда целуешь жену!" Хочу возразить, "Мне приятно!" сказать, но не смею её прервать".

...Шёл к ученикам...Вдруг слышу Джебраила: Ученики твои подождут, эй, Мухаммед! Встань и направь свои стопы в новую мечеть, что в Хейме! Поспеш, и да услышишь, о чём говорят там, ссылаясь на тебя! Как рьяны и неистовы проповедники в невежестве своём, будто не боятся ада и не желают рая, как искажают они смысл и дух слов, в тебя вложенных Аллахом! "Но меня могут узнать!"

Скройся, чтоб не признали!

...Некий, выдававший себя за мусульманина, выступал с проповедью, и... - ни слова я не понимал, какой-то чужой, другой, неведомый мне был язык. Выступая, то переводил дух, и тогда казалось, переживает сказанное. В очаровании услышанным забылось предостережение Джебраила, такое было впечатление от непонимания слышанного, что ах как жаль, не знаю, о чём речь! Много полезного и умного слышится в незнакомых словах. И так умело держит внимание собравшихся в мечети, что, даже не зная, о чем проповедь, невольно вовлекаешься, втягиваешься в ход его размышлений, и тебе уже кажется, что понимаешь, всё тебе ясно. Изредка и, как мне думалось, с почтением называл он порой моё имя, но часто - Аллаха. Не выдержав, спросил у соседа: "На каком языке он говорит?" Тот удивлённо глянул на меня: "Как на каком?! На арабском!" Но... - вдруг кто-то на ухо: Не спорь и поймёшь! И тут же речь перестала быть неведомой, и, как только уловил, о чём говорит, такая нелепица обнажилась в прежде неведомых и оттого казавшихся мудрыми словах, что я обомлел: "Не слушайте, говорил, учёных мужей, не нужны нам их знания, ибо в знаниях - грех, наказание от Аллаха страшное, если внемлем призыву постигать знания. Так учит нас пророк Мухаммед!"

"Неправда!" - выкрикнул я с места.

"Кто сей наглец, меня прервавший?!"

"Не говорил так Мухаммед, ибо..." - но сдержался, чтобы не

сказать: Ибо я сам Мухаммед! Народ зашумел. "Со знанием человек не лучше ли того, кто лишён знания? И разве сравниются те, которые знают, с теми, которые не знают?" "Стремитесь, говорил Мухаммед, получать знания, начиная с колыбели и до могилы", и мне довелось это слышать из его уст!"

"Как мог ты его услышать, лжец, когда Мухаммед давно умер?!" Но вот он я, Мухаммед! - хотел сказать, сдержался: "Не противна, - продолжил я, - вера знаниям! О том слова Мухаммеда в записанных сурах!"

"Кто их записал?! Вроде тебя выдумщики!"

"Знаете ли вы... - Но меня прервали: "Шайтанские это листки, сатанинские строки!" Но я успел изречь, пока тот завершал сказанное, стараясь перекрыть меня, что "мы уничтожаем эти листки!" - Знаете, сколько слов в Коране? Затихли на миг. - Семьдесят восемь тысяч сто тридцать три слова в Коране!"

"Что с того?"

"А то, что семьсот восемьдесят слов из них, или одно из каждых ста - это слово "знание".

И тут произошло чудо: цифры белокрылыми голубями разлетелись по мечети: Смотрите да не усомнитесь!

Увы, птиц видел лишь я! Двое из толпы, точно услышав повеление шайтана, схватили меня. В глазах их, будто лично были оскорблены, светился гнев. "Не смеете, - крикнул, гнать верующего из Божьего дома!"

"Но приходящий сюда тоже не смеет оспаривать меня! Ибо преданным мечети правоверным говорю".

"... которых призываешь быть невеждами!"

"Лучше один незнающий, но покорный воле Аллаха, чем сто таких, как ты, дерзких знатоков!"

"Ибо незнающих легко превратить в стадо баранов!"

"Я говорю от имени и именем Мухаммеда!"

"Не творите из пророка идола! Истинно лишь "Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного!"

"Мухаммеда отрицаешь?!" - проповедник что-то ещё говорил, но речь вдруг снова непонятной стала, язык чужеродный, ужасающий. Меня потащили из мечети. Толпа гудела, заглушая мой голос. На губах кричавших выступила пена, требовали, руками размахивая и указывая на выход, моего изгнания; вскоре ни толпа себя не слышала, ни я не слышал себя, как во сне порой случается, но чувствовал, что силой защищён неведомой. И бросил в толпу, готовую растерзать меня: "Вы изгоняете человека, который даже в сей миг общается с пророком Мухаммедом! - Продолжал говорить, за воротами мечети оказавшись: - Аллах поднимает весомость тех, кто обладает знанием!" Мне казалось, слова через забор перелетают, будто стрелы, из лука выпущенные. И мечеть шаталась от слов моих, рухнула.

И вдруг...я оказался в пределах чужой земли, и сердце моё, точно горячее солнце над выжженной пустыней, проникшее в меня, стало изнутри жечь, и я чувствовал, как иссушается тело моё, превращаясь в великое сухое ничто. А может, и точно нет меня в живых... - лишь кожа истончившаяся, сквозь которую, разорвав её, вышло в зенит солнце, не различишь на земле, где я и где на мой похожий след на песке, точно тень от холма, чьи тёмные линии изгиба и есть то, что от меня осталось.

О чём ты? Но ведь твой дух!

Мой дух, покуда живы, витать над вами будет, неистребимый, невесомый, меж мирами с лёгкостью летающий, как птица... усилий не затратив, воспарила, небесное пространство поперёк окна острым прочертив крылом и оцарапав стекло, промчалась.

(114) В скобках: Превыше богобоязненности любовь. Спор с Мухаммедом в одной из новых мечетей, который мог завершиться, ибо был острым, изгнанием. Но никто никого не изгонял, ибо известно: когда спорят знающие - обе стороны правы *.

* Очевидно, все тексты имели общее название Рухнувшая мечеть, но различались версиями - здесь после заголовка следовало: (версия третья).

- Ты не сказал о богобоязни!

- Что любви она превыше?

- Но ведь её превыше не любовь!

- Превыше! Ибо сказано: Отдай себя Богу с любовью, отдай себя любви, тогда постигнешь Его, Всещедрого. Любовь поможет путь преодолеть к Нему!

И тут было названо второе, равноценное любви, что угодно Ему: тяготение к знаниям - чем больше знаний, тем ближе к Нему. И произнесено третье, после любви и знаний, в ряду ценностей, коими должен быть

наделён человек, идущий навстречу Богу: душевное состояние, вдохновенное и несуетное служение Ему. Ведь первейшее качество Бога, а у Него прекрасные имена! - любовь Его к чадам Своим. Любовь как ипостась Бога, а также богобоязнь как заповедь правоверным, это как две чаши весов, и одна Превыше любви богобоязнь! - не может перевесить, а тем более заменить вторую: Превыше богобоязни любовь! Так бы мирно спорили, называя ипостаси Бога, кто какие вспомнит, Его девяносто девять имён, а сотое, или первое, - Аллах, Всевышний *, и выстроились, будто свисая с неба, мелкой вязью начертанные на шёлковых лентах:

* Напомню, что девяносто девять или сто - метафора множества, и потому невозможно счесть все ипостаси Всевышнего, к примеру: "Не овладевает Им дремота и сон" или "Исполняется Его слово", не включённые в предложенный перечень.

Аввал и Ахир - Первый и Последний, Авфу - Великодушный, Всепрощающий, Адил - Справедливый, Азиз - Могущественный [тюрок-огуз Гасаноглу тут уточнил бы: Азиз - Дорогой],

Азим - Недостигаемый в величии, Али - Вышний, Алим
Знающий, Ахад - Единственный, Ахмед - Благоразумный [не
одного ли корня с именем Мухаммед, означает Достойный
восхваления],
Бади - Творец, Зачинающий, Баис - Воскрешающий, Баки
Вечный, Бари - Зиждитель, Барр - Всеблагостный, Басир
Всевидающий, Басит - Расстилающий, Наделяющий, Батин
Сокрытый,
Ваджид - Самодостаточный, Ни в чём не нуждающийся,
Вадуд - Любвеобильный, Вакил - Опекающий, Вали - Друг, но и
Вали - Властитель, Варис - Наследующий, Васи - Вездесущий,
Вахид - Единый, Ваххаб - Дарующий,
Гаффар - Всепрощающий, Гафур - Снисходительный, Гани
Богатый в самодостаточности,
Дарр - Вредящий, Джаббар - Всевеличественный, Джалил
Всевеликий, Джами - Собиратель (всех в Судный день),
Захир - Видимый, Зуль-джалали ва-л-икрами - Владелец,
или Держатель, или Владыка Величия, Славы, Щедрости,
Кабид - Сжимающий, Кабир - Великий, Кави - Всесильный,
Кадир - Могущественный, Каййум - Присносуший, Карим
Великодушный, Каххар - Всепобеждающий, Куддус - Всесвятой,
Латиф - Всеблагий, Проницательный, Тонкий в разумении,
Маджид - Преславный, Благородный, Досточтимый, но и
Маджид - Внимающий просьбам, Малик - Всецарствующий,
Вседержатель, Малик ал-мулк - Владыка царств, Мани
Лишающий, Предотвращающий, Матин - Крепкий, Надёжный,
Несокрушимый, Муаххир - Отодвигающий, Мубди - Начинаящий
творение, Мугни - Одаривающий богатством, Муджиб
Отзывающийся, Музилл - Принижающий, Муид - Повторяющий
творение, Воскрешающий, Муизз - Дающий силу, Мукит
Свидетельствующий о тайном, Муккаддим - Выдвигающий вперёд,
Муксит - Справедливо воздающий, Муктадир - Всемогущий,
Муним - Благодетель, Мунтаким - Отмщающий, Мумин
Всеверный, Мумит - Умерщвляющий, Мусаввир - Придающий образ,
Наделяющий образом, Мути - Одаривающий, Мутаали - Высший,
Мутакаббир - Превосходящий, Мухаймин - Охраняющий, Мухйи
Дарующий жизнь, Мухси - Постигающий исчисляемое,
Учитывающий,
Нафи - Благоволящий, Нур - Светоносный, Раззак - Дающий
пропитание, Ракиб - Опекающий, Рауф - Всемилюющий, Рафи
Возвышающий, Рахим - Милосердный, Рахман - Милостивый,
Рашид - Наставляющий на правильный путь, Правящий по
справедливости,
Садиг - Истинный, Салам - Дарующий мир, Самад - Вечный,
Никем не рождённый, никого не родивший, Сами - Всеслышащий,
Сабир - Терпеливый, Саттар - Покрывающий,
Тавваб - Принимающий покаяние, Благосклонный к кающемуся,
Фаттах - Даритель победы,
Хабир - Сведущий, Хади - Ведущий верным путём, Хайй

Вечно живущий, Хакам - Судящий, Хаким - Господствующий,
Мудрый, Хакк - Истинный (Истина), Халик - Творец, Халим
Кроткий, Хамид - Достохвальный, Хасиб (корень - счёт)
Считающий, Требующий отчёта о деяниях, Хафид - Унижающий,
Хафиз - Хранящий, Оберегающий, Хафу - Прощающий,
Шакур - Благодарный, Шахид - Свидетельствующий.

Но тут кто-то призвал к взаимотерпению, именно Мухаммед
сказал: "Бог не только Терпелив, но и Многотерпелив!"

"Быть надлежит терпеливым человеку, а не Богу!" - возразил
кто-то. "Чуждо Ему многотерпение!" - сказал другой. Что ещё
последует? "Богу - наказывать и карать, и Он быстр в
расплате, из твоих мы уст это слышали, Мухаммед:

Сари-уль-Хасаб, а нам - терпеливо сносить удары!" И

посыпалось: "Слова из Корана, мы их слышали из твоих уст:

Бог - Владыка возмездия, Строгий в наказании

Шахид-аль-Акаб! Сказано Богом: "Казнь Моя крепка!" И кого

настигает Его гнев, тому не скрыться в горах, не зарыться в

земле, не залечь в глубинах вод. И потому сказано: "Бойся

наказаний Бога и помни: у грешников правая рука привязана к

затылку, а левая - к спине, и потому они не могут взять

книгу своих деяний, чтобы оправдаться пред Богом, но и

нечем оправдаться, и она приносится им из-за спины, а у

правозерных руки свободны, и они берут книгу своих деяний

в правую руку".

- Но кораническая строка: "Разве не Он устремляет на людей
Свою неиссякаемую любовь, или Махабба?" И ещё: "Нет такой
мудрости, как мудрость Бога! Нет большего наслаждения, чем
исполнение заповедей Божьих! Нет лучшего деяния, нежели
добродетель! Нет опаснее врага, чем искушение! Лучший
страх - страх пред Богом и ни пред кем другим!"

[Кстати, подсчитано, что слово кара употреблено в Коране

117 раз, а слова, образованные от глагола прощать,

антиподные каре, употреблено ровно вдвое больше - 334 раза,

то есть опять-таки подавляюще доминирует не столько мотив

наказания, сколько - прощения.]

112. Доколе?!

И в небе услышано: - Наказывая... - неужто стал бы Я страшать, наказывать тем более?
О, сколько прежде Я являл чудес, знамений! Адам? Что создан он из праха - разве то не чудо?
И Нух.

- Но разве стал предупреждением урок его?

- Ты не поймёшь!

- Но понято ли кем?

- И даже Мною до конца не понято! Был явлен Ибрагим, Муса и Сын мой... - промолвил
Сын? или ослышался? Настроившись на имя, ждал, спешил узнать, чтоб прозвучал Иса в Его
устах, и по тому, как назовётся имя и как услышится в Его пределах, постигнется ответ -
обрести, чтоб утратить, как не раз случалось? И в том признаться? Но когда?! Пред кем?
Спросить как перебить!

- Однако ж дерзок ты! Но и похвальна дерзость: в ней твёрдость есть и стойкость,
достигнуть чтобы цели. И есть надежда, дерзостью питаемая!.. Потом тебе послал Я

откровения.

- Сочли, что одержим нечистым духом!

- Но одержимость - чистый дух, который огонь озарения, и в нём сгорая, сжигаешь, разорвав на клочья, собственную кожу, чтоб тело брэнное, физическую плоть преодолев, к небу вознеслось. А что до чуда... - то были чудеса природы нелюдской: и волны, и змея, и посох. И были чудеса, творимые людьми: умерших оживить и бесноватых, дух дьявольский изгнав, умиротворить. Но чудеса людских сомнений не изжили - чем удивить ещё Мной созданное племя?

- О том, что явлен я, Тобою избранный, кто знает? Лишь Джебраил!

- В храм отдалённейший ступил - не чудо разве? Все семь небес пройдя, взошёл к престолу Моему, - разве не чудо? Но... - в голосе Его прозвучало огорчение: - Пока ты здесь, проходит... уж прошла твоя земная жизнь!

- Кто мне поверит?

- Есть духа чудеса: с тобой явил Я Книгу! И чтоб в тебя уверовали, Её слышав. Она парила над тобой - страницами раскрылась, точно крыльями. Та Книга, знаю, поначалу отвергает, что это так, Мне ведомо, Я терпеливо ждал! И вызывает неприятие, потом как будто зазывает.

- И привлекает!

- И радость удивления!

Но как спросить: "Твои ль все те слова, которые я слышал, и они как эхо..." - не отвлекаться!

- Я каждому на языке его ниспосылал той Книги части, не вся она вам явлена: в скрижалях на небе хранима! И назван вами Я по-разному: в той Книге Книг все имена Мои, имён Моих не счесть, но Дух и Мысль едины.

...Спустя десять лет после хиджры, точнее - без трех недель
десять лет, совершил, понимая, что прощальное,
паломничество в Мекку*.

* И точная - день, месяц и год - дата, особо выделенная латинскими цифрами: DCXXXII, 632, сентября четвертого числа.

И откровение явилось в Муздалифской долине: Сегодня завершил Я для вас вашу веру и закончил для вас Мою милость...Люди, совершавшие с ним хадж, ждали, что он им скажет. Не знаю, придётся ли мне опять стоять перед вами и обращаться к вам, как обращаюсь сейчас.

Но ответьте: какой сейчас месяц, какой день и где мы находимся?

На священной земле, - ответили, - а месяц - хаджа.

Но как священны и земля и месяц, - продолжил, - и каждый человек священен, лишать его жизни, в раба его превращать великий грех. Все вы, предавшие Единому Аллаху, - братья, и каждый - лишь раб Его!

А в Каабе... - народ ждал, что им скажет Мухаммед. И тут он сказал: "Настал день, когда Аллах, предоставил Своему рабу выбор между этим временным, - обвёл рукой вокруг, - и тем вечным, что у Него, - показал рукой на небо. Да не забудется услышанное от меня:

(115) Есть иные версии продолжения прощальных слов Мухаммеда в Каабе после "Все мусульмане - братья"; текст опущен в свитке: "Запрещается мщение за кровь. Брак

нерасторжим. Жёнам приличествует целомудрие и послушание, а мужьям - обходиться с жёнами кротко и заботиться о благоденствии их. Щадить рабов, не убивать их за прегрешения, продавать в крайнем лишь случае".

Вера в Бога - память моя. Молитва - свет моих очей. - И добавил: При молитве не ты приближаешься к Господу Богу, а Он приближается к тебе! Надежда... - время стёрло, съело написанное. Любовь - опора моя".

Вскоре смерть? И вспыхивает в памяти, что говорили древние, частые думы: смерть неосознанная - просто смерть, осознанная... когда? во имя чего? - бессмертие.

Не слышит, ибо ещё на небе! Но тут будто ступенька под ногами дрогнула, зашаталась.

...Мухаммед обвёл взглядом всех, кто был в мечети, и, не говоря ни слова, вернулся в дом Айши. А дома потребовал, чтобы принесли бумагу и калам. "Хочу, - сказал, - последнюю волю продиктовать". Услышал Омар: "Рано, пророк, - сказал ему, - о том думать". Мухаммед не стал возражать. А наутро... - открыл дверь из комнаты Айши и тут же оказался в мечети, отодвинул занавес и возник на пороге. Молящиеся повернули к нему головы и замерли. "Не прерывайте молитвы!" - сказал им и почувствовал, как лицо озарилось светом и головная боль отступила... - нет, боль, возникшая в небе Исы, возобновилась с новой силой и, как тогда, билась о висок. Вернулся к Айше, и точно ей передалась его боль: "О моя голова! - стонала, лицо её исказилось. Вот-вот расколется!.." - попыталась улыбнуться. Мухаммед стал гладить её голову, казалось, собственная боль приутихла.

"Не умирай раньше меня", - пошутил.

"Если умру позже, - промолвила Айша, - кто ж меня достойно похоронит?"

"Возьму тебя на руки и понесу со слезами на кладбище".

"Чтобы тут же, - ответила Айша, - после похорон пойти спать к дочери Абу-Суфьяна, бывшего своего врага? Кстати, где он будет после смерти, в раю или в аду?"

"Если вера его истинна и раскаялся - будет в раю. - А потом уже всерьёз: - Не страдай, если я умру. Не то изменишься и станешь другой, не сможем с тобой встретиться там".

"В раю?" - спросила Айша. Мухаммед не ответил.

...Вышел от Айши, прошёл во двор подышать и воротиться в мечеть, но... - плохо себя почувствовал и, теряя сознание, - вспыхнуло: домик Маймуны! - упал.

Очнулся когда, увидел себя лежащим на коврике, в окружении жён - даже Севда, которой давно дал развод, пришла. Где ж Фатима? - Точно уловив его вопрос, чуткая Севда - о, она всегда читала его мысли, родной человек, - тихо сказала: "Фатима скоро будет".

Айша бледна и растеряна, Хафса, дочь Омара, смотрит испуганно, Умм-Сальма, Зейнаб, бывшая жена Зейда, быстро, увы, поблекла её красота, и глаза погасшие, Сафийа,

жена-еврейка, Иудейских разрез твоих глаз! Мария, христианка-коптка, и обе, Сафийа и Мария, впервые рядом и вместе со всеми жёнами. Нет лишь Умм-Шарик: поехала навестить отца, вождя бедуинского. Обводит глазами жён, частая в последние дни мысль - более покаяние, нежели раздумье: Сумел ли, Мухаммед, поровну разделить свои чувства между ними? Нет, - отвечает самому себе, - не сумел! Давно у Маймуны не был, притащили сюда в беспомощности. "Где же я буду завтра?" - спросил, взглянув на Айшу. Вопрос поняли так, будто просит, чтобы перенесли спать в комнату Айши, где жил последние дни. Вскоре после часа полуденного... - слышит Айшу, но кому рассказывает? Мухаммед почувствовал себя плохо, прилёт, я подседа к нему, взяла за руку и стала гладить её, беспорядочно следовали тяжкие вздохи, а потом вдруг рука стала тяжёлой, взор заметался, и я услышала: "Мои товарищи в раю, Айша!"

Да, Мухаммед их видел в раю, даже... - вот же он, Хамза! И на небе... рядом я, всё вижу на земле и слышу!

...вдруг рука Мухаммеда стала тяжёлой и повисла. Айша побледнела: нет, этого быть не может! не должно случиться! "Но я такой же, - услышала Мухаммеда, как все!" Сообщить отцу! нет, Омару! отцу и Омару, они подскажут! Фатиме? Али? Нет, потом!.. Не иначе как чутьё подсказало Омару, что пришла беда: тотчас явился к Айше, следом - отец. Но как узнали люди? Абу-Бакр вышел к ним. Расходитесь по домам, но знайте: бессмертен лишь Аллах, и Он явил нам пророка, который вывел нас из тьмы неверия к свету истинной веры, возвестил нам путь к спасению! Да благословит и приветствует его Аллах!*

* С той поры упоминание имени пророка сопровождается вышесказанным: "Да благословит..." итд. С Абу-Бакром связана традиция отмечать день смерти пророка, когда он родился для жизни вечной. День рождения, или мовлуд, стал отмечаться много позже, приуроченный, однако, ко дню смерти.

... Столько народу вокруг дома! А на прилегающих улицах... - движутся будто улицы! Даже тропки, скрытые за поворотом, пришли в движение. Он в доме, никем не видимый. Прижат к стене! От тесноты не шелохнуться! А народ, вливаясь в дом, прощается... - с ним, с небес спустившимся? Нет, лежащим в гробу. Глядит, замерев, Мухаммед на того, кто окутан в белый саван, и ужасается... - нет, то был не ужас, а недоумение, что лежащий - он! Даже знает про саван - три куса белой йеменской хлопчатой ткани, из Сахуля ему когда-то привезли! Чалму свою чёрную видит на подоконнике, рядом висит чёрная шерстяная одежда, узорами в виде верблюжьих сёдел расшитая! И джубба из Шама с узкими рукавами!.. Люди входят и, не задерживаясь, выходят, уступая место другим, идут, и нет конца шествию. Но более удивлён не тому, что видит себя

завёрнутым в саван: здесь же в доме могила вырыта! И никуда хоронить не понесут, ни на какое кладбище: "Здесь жил, слышит чей-то голос, но не различит, чей, - и здесь покоиться будет!" Забыли повеление его?! Ведь говорил им: "Не следует пророков в Божьем доме хоронить!" Но то жилище Айши! Нет, не жилище - часть мечети!

И заменятся могилы пышными гробницами, которые разрушат, чтоб заново отстроить - для новых разрушений! Склонились над ним, приподняли чуть-чуть, подвели к краю могилы, осторожно опускают, даже чувствует, как крепко держат его за ноги и руки. У Абу-Бакра красные от слёз глаза, и Али тут, брат надёжный, с Фатимой - давно их не видел, дочь и брата... Ах да, обижены на него, а из-за чего... вспомнил! Ссора с Айшей! История с ожерельем! Али сказал о ней: её коснулось дыхание чужого мужчины! И Осман тут, зять, голову - Мухаммед чувствует её тяжесть - бережно держат сильные руки Омара... - опустили в могилу.

(116) Впоследствии рядом похоронят первого и второго халифов, Абу-Бакра и Омара. Против могилы Мухаммеда оставлено свободное место для Исы, здесь ему якобы суждено окончить свои дни (после второго пришествия на землю).

Где Айша? Плач её детский - ну да, ещё ребёнок, ей только восемнадцать! И слышат, как Омар уже присягает Абу-Бакру, да, именно ему - первому после Мухаммеда халифу, а за Омаром Абу-Бакру присягают... Осман?

Но хмур Али: не ему ли доверено было общую возглавить молитву? Случилось: присягают Абу-Бакру. И не успел стать халифом... только то и делает, чтоб, явив силу, не дать распасться крошечному государству двух городов: Мекки и уже Медины, халифату, как промолвил однажды. И великий, по словам Мухаммеда, полководец правоверных Халид присягнул, после колебаний, Абу-Бакру, с десятитысячным войском вышел к устью Евфрата, не встретив сопротивления, прошёл в Вавилонию и Халдею. Но пред тем Абу-Бакр, копируя меня, наставлял воинов десятью заповедями:

первое - говорить всегда правду; второе - не красть; третье - вероломным не быть; четвертое - не увечить никого в бою; пятое - не умерщвлять детей, стариков, женщин; шестое - не сдирать для топки кору с пальм, ибо живые; седьмое - не срубать плодовые деревья; восьмое - не уничтожать посевы; но как воспретить, чтоб не начинали поход в пору созревания плодов, хлеба на полях, когда уничтожаются посевы, вырубаются деревья?... девятое - не умерщвлять без надобности овец, быков, верблюдов, помимо потребного для поддержания жизни; десятое - не трогать людей в кельях, узнаете их по одежде из верблюжьего волоса, питаются диким мёдом, это отшельники, пусть исполняют свои обеты.

...Войско пересекло низины Месопотамии, через Евфрат

переправилось в персидские владения. Было разгромлено в местечке Уллейс наспех собранное войско персов: люди ненавидели персов за то, что ограничивали их свободу, не допускали стада до низовий Евфрата; и Бизанс заносчивый с непосильными налогами, нетерпим, к иноверцам жесток. И река потекла кровью, как обещал Халид, прозванный Неустрасшимым под свистом стрел.

Пред тем пала Южная Палестина, без особого труда рассеялись воины-греки у Мёртвого моря, Дамаск оборонялся семьдесят дней и взят был штурмом!

...Абу-Бакра лихорадит, все одеяла в доме на него брошены, вспыхивают перед глазами круги, мелькают люди, и не отвязаться от слов: Счастлив ли ты, ответу после твоей смерти. И ловит ухом звуки свирели - идут, идут войска под эти звуки!.. И чувствует, как тают, тают силы. Поражение Фёдора, брата императора Византии Ираклия, неподалёку, всего лишь в трёх милях от Йерушалайма, Эль-Кудса!.. весть была последней радостью Абу-Бакра. Но успеваешь взять с соратников

клятву, чтоб присягнули Омару.

И был день Кадисии, когда воины Омара наголову разбили лучшую армию мира - персов, и старинное знамя сасанидов не помогло из леопардовой кожи, и конники, закованные в броню, и три десятка слонов боевых, и союзники, среди коих были испытанные в боях армянский князь Мушег и легендарный вождь агванцев, чьё войско не знало поражений, Джеваншир.

...Арабы расположили воинов по племенам, дабы состязались в битве за лучшую долю. Неделю бились войска, исход решила ночь грохота, как она была названа, когда поднялся, точно по велению Божьему, пришедшему на подмогу войску пророка, сильнейший вихрь и ветер бросал в лицо персам тучи песка. Даже слоны, точно их подучили, свирепо бросились на своих, арабы перерезали широкие подпруги, рухнули башенки, установленные на слонах, насмерть разбились сидящие в них воины.

Воцарились арабы в Междуречье, преодолев свирепые воды Тигра, - коль скоро река, как и сопутствующий ей Евфрат, берёт начало на небесах, разве мог не помочь им победить Бог? Белый дом царя царей неверных - Хосрова потряс детей пустынь арабов; бедуины зачарованно глядели, не веря, что такое возможно, на серебряного верблюда в настоящую величину с всадником из золота, на золотого коня с зубами из настоящего жемчуга и глазами из драгоценных камней; пыльными они ходили ногами в стёртых сандалиях по занимавшему огромный тронный зал знаменитому ковру, на котором выткан был, казалось, весь мир цветов... Собрали и перевезли ковёр в Медину, но где и как разостлать?! Разрезали на куски и поделили, достался кусок и Али - продал потом за двадцать тысяч дирхемов.

Одно за другим падают города и провинции, вот и Азербайджан, ведущий в Армению; но сначала арабы вторглись в Армению через долину верхнего Евфрата, обогнув озеро Ван с запада и севера, минуя Арарат и вступив в долину Аракса. А далее - в Грузию, на север, к горам Кафским, но были остановлены хазарами.

Между тем арабы осадили Йерушалаим. Мечта халифа - войти в сдавшийся святой град иудеев и христиан. И Омар, отныне новый повелитель, покинув покорённый Джабий, где в старинном замке гассанидских князей диктовал повеления сирийцам, ставшим подданными халифата, вошёл после трудного пути в Йерушалаим. Омар сидел на верблюде в потёртом плаще из верблюжьей шерсти, и скромная простота его шествия, по словам мусульман, изумила горожан.

(117) Ибо, поясняет Ибн Гасан, привыкли к торжественным въездам победоносного (и полного спеси) императора Ираклия в золотых облачениях и на богато убранном коне. Но радость во взгляде Омара при вхождении в Йерушалаим была расписана христианами как выражение на лице сатанинского лицемерия.

И возжелал Омар увидеть Храмовую гору, где некогда высился храм Сулеймана, откуда Мухаммед совершил небошествие здесь теперь место свалки, но воздвигнет мечеть! Патриарх Софроний уговорил переодеться в льняную рубаху, пока очистят одежду от пыли дорог (переоделся, потом вернул, облачившись в своё).

...Молится Омар в мечети, за спиной правоверные стоят; он вчера вернулся из паломничества в Мекку, в столицу Медину, а утром пошёл в мечеть молиться, и тут... спешит к нему раб, из персов военнопленных, в руке сверкнул кинжал о двух лезвиях с рукояткой посередине (неужто никто не видит?).

Идёт, расталкивая верующих, и все, занятые утренней молитвой, уступают ему дорогу, всё ближе и ближе он, и вот пред ним ненавистный Омар, тут же вонзает ему в спину нож, и... - суматоха! паника! в мечети пролилась кровь!..

убийце удаётся скрыться. Нет, Омар ещё жив, но понимает много видел смертей, - что умрёт; всего лишь миг был, почувствовал облегчение, показалось, возвращается жизнь, когда узнал, что нет, не правоверный на него покушался, а нечестивец - видели перса! Даже имя назвали: Фируз!

(118) Ибн Гасан поясняет: Омар не внял просьбе раба защитить его от хозяина, который взимает непосильную подать: - А сколько ты обязан выплачивать?- спросил он его. - Два дирхема ежедневно, - ответил тот. - Но чем ты их зарабатываешь? - Я плотник, каменщик и кузнец! - Слышал о тебе: для такого мастера, как ты, оброк невелик. К тому же, говорят, хвастал, что можешь построить мельницу, которая мелет с помощью ветра, так ли это? - Да, могу. - Построишь, тогда поговорим о твоих бедах! - Что ж, построю, прославит тебя моя мельница! - Ушёл с обидой, а утром следующего дня... - но о том уже было. Кстати, один из сыновей Омара Убайдулла, Нижайший раб Аллаха, вскоре отыскал Фируза, умертвил его, а заодно убил его жену и дочь.

Но успеваает Омар взять с Айши слово, что его похоронят в её доме рядом с пророком, и преемника называет - Абдуррахмана

бин Ауфа, воина бесстрашного, который, впрочем, тут же в страхе за ответственность, которая на него возлагается, отказывается. Омар собирает вокруг своего овра сподвижников Мухаммеда, среди которых - Осман и Али, и просит Абдуррахмана бин Ауфа, за кем окончательное решение, поговорить с каждым в отдельности, чтоб назвали имя нового халифа.

"Мне отпущено Аллахом, - сказал им, - всего три дня, и да узнают правоверные нового халифа!"

(119) Омар действительно прожил три дня, так и не узнав, кто третий халиф. Колебались между Османом и Али, тогда старейшина, наедине встретившись с каждым из них, предложил ответить на вопрос: Станет ли он, если будет выбран халифом, поступать со всеми правоверными согласно Корану, поведению пророка, словам и делам Абу-Бакра и Омара? Осман, не задумываясь, тут же ответил: "Да!"

Али ответил иначе: "Я готов, насколько в моих силах, исполнить всё, согласуясь с Божественной Книгой и по примеру пророка!" - умолчав об отце Айши и Омаре.

Абдуррахман бин Ауф настоял, чтобы Али в точности ответил на его вопрос, назвав при этом Абу-Бакра и Омара. "Есть ли надобность рядом с Кораном и образом действий пророка в чьих-то иных примерах? Но я вижу, тебя не устраивает мой ответ, хочешь отстранить меня. Но и я не желаю, чтоб уста изрекали противное моему сердцу!" И Осман был объявлен халифом.

Но прежде - собрать воедино Коран, ибо со смертью пророка ушёл главный источник знаний и толкований аятов и сур, и не будут они отныне ниспосылаться - но довольно и тех, что явлены! Собрать как свод законов на все случаи жизни: как поступать, чтобы быть истинным правоверным? Начал собирать Коран, но не успел, Абу-Бакр. Омара некогда было продолжить: защищаясь от недругов, напал, а нападая, ширил пространство халифата. Откладывать далее было нельзя: Осману - довершить начатое предшественниками, пока ещё живы хранители сур, знатоки, соратники, которые помнят. О, сколько тростниковых перьев надобно, чтоб весь Коран был записан почерком куфи на обработанных шкурах животных, и эти кожаные листы, воловьими сшитые жилами, хранились в особо отведённом для них помещении, названном Место, где хранится Коран. С образца затем сняли три списка, разослали в главные города халифата - Дамаск, Куфу и Басру с наставлением размножить, распространить среди мусульман. И особый Коран - для Омана, чтоб под рукой халифа была Священная книга.

...И кровью будут залиты страницы его Корана!

Потом халифом стал Али?.. Но сын Абу-Бакра Мухаммед не для того устранил Омана, чтоб халифом стал не сам, носитель имени пророка, брат любимой жены пророка!..

И собираются недруги Али в Мекке, вокруг матери правоверных Айши, куда прибыла она с паломниками.

Начались казни сторонников Али в Ираке, Сирии, Египте. Собрав войско, двинулись в Медину. Али, дабы защититься, собрал сторонников, присоединились к нему и куфийцы, где наместник - Гасан, внук пророка, сын Али. "Что вы затеяли?! - обратился Али к недругам. - Мусульмане против мусульман! Одумайтесь! Готовы встать под знамёна ислама Персия, Бизанс! А вы?!"

Сражения было не избежать, и тут - чудо: воины Али сели на верблюдов, стремительно понеслись на врага, вражьи кони, не выносящие вида и запаха верблюдов, повернули назад, войско омейядов не слышит, как взывает к ним из паланкина, водружённого на верблюда, Айша: "Остановитесь!" Даже некому ухватиться за поводья её верблюда, чтоб вытащить мать правоверных из боя. Окружавшая верблюда живая стена рухнула, пал верблюд, и Айша стала пленницей Али, осыпая проклятиями брата, который в бойню преступную, названную верблюжьей битвой, её втянул! Али тут же воспретил всякие грабежи, отпустил Айшу, вернув её в сопровождении охраны в Мекку для продолжения паломничества, откуда она вскоре вернулась в Медину.

Али перенёс резиденцию в Куф - город, верный ему. Всё тот же Мухаммед, не оставивший надежды стать халифом, столкнул их, Али и Муавию: стали войска одно против другого у Евфрата, где река образует большую дугу, в Сиффине. Не нападать первыми! Али приказал обороняться в надежде - о, детская наивность! - избежать кровопролития. Мелкими стычками Муавийя нащупывал слабости Али. Месяц стояния не дал никаких результатов. И на вопрос Али: "Неужто танец смерти предпочтительнее блеска владычества?" Муавийя ответил атакой. Али бросил врагу: "Эй, Муавийя, столько уже погибло, выходи, вызываю тебя на суд Божий, кто из нас победит - тому и править!" - Муавийя ответил: "Эй, Али, не знаешь разве, кто сражается со мной - тому убиту быть!" Бой продолжился, поняв, что проигрывает, Муавийя вдруг пошёл на хитрость: на копьях его воинов запестрели страницы Корана - того самого, что залит был кровью Османа. Али тотчас остановил бой. "Да будет, - согласился, - суд Божий, почерпнём решение, кому быть халифом, из Корана!"

...Али шёл на пятничную молитву в мечеть, недавно сооружённую в Куфе, сопровождаемый приверженцами, и вдруг... - трое приблизились к нему, и не успели люди понять, что происходит, как один из нападающих ударил кинжалом Али по голове и рассёк ему череп.

Но Али успел, преодолевая боль, бросить в толпу: "О люди! Разбейте волны смут кораблями спасения! Сойдите с пути распрей, скиньте с голов ваших кичливости короны!"*

* Али завещал, как его похоронить, напомнив слова пророка: "Ни одной не оставляй возвышающейся над землёй могилы, не опустив её до уровня земли".

...Нет, этого ещё не случилось! Небошество не завершено! Живой Мухаммед только что предстоял пред Божьим престолом!

113. Суметь постичь возникшие виденья

Возвратный путь?

Но нет, ещё не скор он, путь возвратный! В пути, в пути... и не остановить.

Вся жизнь - но разве прожита она?! - искания, скитания, дороги,

но сколь они малы и сколь кратки в сравнении с небесными.

Здесь ли пролёг иль там его наиглавнейший путь?

Поняв, познать, но что?

Проникнув в замысел великий, но какой?

Всевышнего то замысел великий!

Адам?

Адама породил, начало всех начал, - не помогло!

И Нух?

Конец начала!

Но и конца грядущего начало?

Исчез Я, чтобы вам явились ваши боги,

Во имя нового начала?

Нет, не помогло!

Но помощь в чём, если в начале каждом - видимый конец?

Начало - Ибрагим!

А завершение?

Нет завершения - новое начало: Муса!

Но посланный...

Ты прав: не помогло!

И чей конец... - Не дал договорить, и по губам удар, чтоб столь поспешно изрекать подобное не смели!

То не конец - начало новой веры!

Иса?!

Направил к вам, чтоб смертию мучительной вобрал в себя, приняв грехи людские, - не помогло!

И чей конец, веры той и этой... - Снова по губам удар, прикусил язык больно - такое в детстве случалось не раз, почувствовал солоноватый привкус крови.

Нет им конца!

Обеим верам?!

Трём - не обеим, которые восходят к Ибрагиму! И на земле, забытой Мной, на сироту Мой выбор пал! Вот смысл его, - о нём! - путей Небесных: верам Ибрагимовым открытые дороги - Мусы, Исы, но также (опять он назван, без обращения к нему, но именем своим), Мухаммед! Как будто не о нём, стоящем здесь, у самого престола, а о неведомом другом, который здесь, но и там, от сородичей скрывается, чтоб спастись!

И наступила тишина. Такая, что услышишь шёпот. Но... - узналось из запечатлённого каламом: Он щедр, пославший Сына!

А следом: Наищедрейший Он: вослед послал Мухаммеда!

И в избранность вознёс Он неприметность!

Явив сюда, в круги небесные, живым, и чтоб живой на землю возвратился.

Вот почему по кругам неба Мухаммед ходит - за тем, чтобы в поток войти единый с

племенами - с теми, теми, теми, но и с другими тоже, которые не в тех, не в тех, не с теми. Успеет ли? Пророков след велик. Скитания небесные - прикосновение к Нему. И громом прогремело, небо расколол: "Нет, не успеет!"

И опять Мухаммед молился с пророками, пред тем как вернуться на землю. И знали про него пророки: что было, и что есть, и что случится. И он - то отзвук предвидения? - слышав про победный Бадр, увидел и другие свои войны, - но не было пока ни одной!

О, сколько крови пролито - и вами, но и вами! вами тоже!

Так что же?! Неужто нового являть Мне вам пророка?!

И уже стоит у начала лестницы, которая уходит, точно в пропасть, вниз, светлеет, но ещё темно, не видно, во что упирается.

Занёс ногу на ступеньку и... - не успел ступить, как уже на последней:

стремительно падал, чувствуя, однако, крепость ступеней. Холм... - но впечатление, что ещё не земля,

повис, невесомый, - вот он, конь его, Бурак!

Отвязал поводья, освободив от кольца, - или кому-то пригодится?

Воссел в седло... "Я здесь, Мухаммед!" - услышал, но не увидел Джебраила.

И уже сбоку - краснеющий краешек солнца, внизу - тьма, и крупная звезда так же ярко светит на небе,

слабо розовеющем небе.

Ощущение земли, на которую ступил, сойдя с коня и почувствовав под ногами твердь, было неизъяснимо радостное.

Пал на неё, обнял, усеянную травами, - мягка, благоуханна.

Поднялся, вздохнул полной грудью. К дому поспешил: поведать об увиденном на небе!.. Но тревога: где он? Незнакомое

место! Кто-то бежит к нему. Вдруг увидел... - это же отец, Абдулла! в рубаше холщовой, черты смутны, идёт домой!

Моложе меня нынешнего! Вышла встречать молодая - радостью светятся глаза - мать! Неуверенно ходит: Будь осторожна! носишь сына!

А потом... в кругу дядьёв, собрались у деда, запомнил с детства лица: каждый молод, но выглядит старым. И нынешний Мухаммед помнит: в нём тогдашнем было постоянное смешение дерзости и робости, превосходства подростка над сверстниками и обидчивости сироты, которому кажется, что невзначай укорят. Сорвался с места, побежал, старший знал, что младший спешит к пещере, трудно за ним угнаться, вот ручей, и старший подоспел, запыхавшись. Оба Мухаммеда, и обоим ведом каждый изгиб воды. Огромный камень всё так же стоит. И его острый край, о который ударился однажды, оцарапав колено. Берег ручейка песчаный, следы отчётливые верблюдов, конский след. Ящерица вынырнула из-за валуна, чья поверхность тепла от жарких лучей солнца, стремглав юркнула - возникла-исчезла живая зелёная нить - в щель. Не та ли тварь, с которой однажды, устав от одиночества, заговорил: "Ну что, служишь змее, своей покровительнице?" Ящерица остановилась, повернув головку. Светлый низ шейки задвигался, задышал, глаза удивлённые застыли. "Яд госпоже своей носишь?" Вмиг, будто кто проник в её тайну, исчезла.

Пригнулся к речке, воды её были чистые и холодные, с вершины горы стекают, стал пить, и зубы заныли.

- Эй, Мухаммед! - голос деда, стоял поодаль. Вздогнули оба, тот и этот, каким помнит себя; поначалу, когда окликали, испытывал испуг: спрятаться! не показываться на глаза!.. Из детских потребностей уединиться, забыться, чтоб не искали, стать не видимым никому, а если в доме спрятаться в нише, где сложены одеяла, в свой мир уйти, но старший - рядом*.

* В момент смерти, - афоризм Гасаноглу, - человек соединяет в себе все свои возрасты. Или иначе: Смерть наступает в результате соединения в человеке всех его возрастов. Добавлено, но потом зачёркнуто: его прошлого, настоящего и будущего, хотя представить реальное соединение всего этого вряд ли возможно.

Прилечь и отдохнуть,
закрыв глаза,
чтоб меж дрожащим веком и зрачком
суметь постичь возникшие виденья.

114. Сто тридцать три

(120) Увидав новый свиток, удивился, считал, что повествование завершено [тут наши с Ибн Гасаном впечатления совпадают: конец, думалось, не скрою, в нетерпении, можно обнародовать свитки - ан нет!], хотя, признаюсь, меня не оставляло ожидание чего-то сверхобычного, и вот - странное цифровое название! [Поистине странное, будто правша писал левой! Когда под особыми лучами просмотрели заглавие, высветилось прежнее: Дважды по сто четырнадцать, число свитков повествования + число сур Корана? А Сто тридцать три? И тут наступила разгадка: умножились священные цифры 19 и 7, составилось новое количество сур Корана? Или - возвращение к первоначальному количеству? Но если так было, то где доказательства? А если новое - то как посмели пойти на такое?!]

- ...Эй, презренный Ибн Гасан! - взорвался над головой окрик.

- Но я не Ибн Гасан!

- Мне знать, кто ты! Бог повелел тебе исполнить Его волю!

- Сумею ли я?!

- Всё собери, Он наказал, как было Мной ниспослано!

- Но что?

- Неуч! Восстановить тебе наказываю Мой порядок сур и их число, что дерзостно осмелились нарушить рабы Мои ничтожные!

- Но я... И даже... - как признаться? Вдруг и впрямь грех великий, что нарушен строжайший запрет, невесть чьими устами провозглашённый, переводить священный арабский текст на иной язык? В тот же миг с грохотом провалилась дверь в комнату... - вспомнил я, как ворвались! И тотчас вся простыня... ещё понимаю! но как Бог допустил? разве... - но вот же: суры Корана! пропиталась кровью.

Да, это была кровь.

Не вода, выкрашенная в красное.

Нет, не успеет!

(121) А на мою долю выпало простое: озаглавить свитки, а также по мере погружения в них давать пояснения, на большее я и не рассчитывал*.

* ... как и я, Ч.Г., доволен, что присутствую с комментариями в повествовании, которое ещё не завершено: на смену рукотворным свиткам грядут небесные суры, которые являлись

Мухаммеду и выстроены хронологически Ибн Гасаном.

Но прежде, коль скоро поставлена точка в жизни Ибн Гасана, следует вкратце рассказать о ней*, исполнить обещанное**:

* Чей это текст? Кто рассказывает? Ибн Гасан - о себе?! Может, литературный приём? Или чужая вставка, но почерк Ибн Гасана: искусная подделка?

** Но разве это кем-то было обещано? Как бы то ни было - текст в качестве основного наличествует в повествовании, а не является приложением к нему.

В течение многих веков Ибн Гасана никак не связывали с йеменским правителем Алазикрихи-Асселам'ом, чьим сыном он был. В "Летописи деяний царственного рода Великая Надежда" содержатся сведения, что одну из жён Алазикрихи-Асселам'а, рабыню-тюрчанку, из огузов, родившую ему первенца, но не наследника, звали редкостным именем Махфират. То же имя встречаем в записях Ибн Гасана, где к кораническому слову махфират, или благословение, приписано: "Так звали мою маму из огузов". Однажды будущий отец Ибн Гасана в отрочестве оспорил толкование учителем аята Корана о том, что пророк получил одобрение Аллаха жениться на жене приёмного сына Зейда. Разгневанный учитель сообщил о дерзости отцу, и тот, взбешённый поступком наследника, отдалил его от себя. После смерти Великой Надежды сын... "Знаешь ли ты, - вопрошает летописец, - что сделал он, заняв престол отца? Собрал знать на главную площадь и произнёс: "Я, ваш царь, по внушению разума считаю себя обязанным указать вам, что полезно и что вредно. Посвятите дни и труды наукам и познаниям, наслаждайтесь благами жизни, старайтесь возвыситься во мнении народов земли доблестными поступками, а не войнами. Знайте также: затворничество женщин - величайшее тиранство!" И, сойдя с трибуны, прошёл с царицей Дурретуд-Тадж, или Жемчужина Короны, по главной улице, и жена его была с открытым лицом. Стерпеть такое, - продолжает летописец, - народ не смог, и шурин царя убил его во имя веры и Аллаха. Сын и преемник (сводный брат нашего Ибн Гасана), ступив на престол и объявив отца заблудшим, решил искоренить всех его детей, в том числе Ибн Гасана, но тот исчез и вскоре объявился при дворе сирийского правителя, враждовавшего с Йеменом, а потом... тут как нельзя применима по части еретизма поговорка про яблоко и яблоню. Кстати, сохранилось портретное описание Ибн Гасана: худощав и высок ростом, с чистым смуглым лицом, острым подбородком, чуть кривым носом, но как это красит мужчину, не слишком длинным, но и не скажешь - средний. Ясный взгляд чёрных доверчивых глаз, могущих загореться гневом и отвратить беду, светить мягкостью и нежностью. Чёрные усы, ниспадающие кончиками вниз, губы по-детски припухлые; рядом со зрелым мужем он выглядел умудрённым опытом и крепким в кости мужчиной, а увидишь среди юнцов - не отличишь от них, подумаешь только, что Бог был щедр и не пожалел для него роста.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ПОТАЙНОЕ ДНО

Поэтическая хроника аятов - вдохновенных откровений Всевышнего, которые составили суры Корана, в точности воспроизведённые пророком Мухаммедом, да сохранится его имя в памяти людской.

Предпосланное

Здесь мы, продираясь сквозь путаную вязь земных и небесных свитков, авторство которых с достоверностью не прояснено по сию пору,

вдруг оказались - неожиданно для нас самих, что поначалу встревожило, но такова воля Бога! - в пространстве

Ста тридцати трёх,

хоть и не подвластном постижению смертными,

но влекущем к себе в надежде приоткрыть завесу с его тайн:

и это ... неужто суры Корана? *

* Структура текста сохранена по оригиналу.

которые Ибн Гасан * во исполнение наказа Бога, успел, пока жизнь трагически не оборвалась, выстроить, но не в общепринятом порядке, как даны в Коране, а так, как являл Он их Мухаммеду, то есть хронологически.

* Выходит, автор данного текста не Ибн Гасан? Может, на восточный манер, о себе - как бы со стороны?

Это не помешало, однако, возникнуть версии, что суры по времени их ниспосылания изначально лежали в потайном дне сундука, как некогда в шкатулке Хадиджи хранились первые суры, явленные Мухаммеду при её жизни (так сказано в хадисах - воспоминаниях о пророке).

Известно, что в годы правления третьего - после Абу Бакра (632-634) и Омара (634-644) - халифа Османа (644-656), которого называли дважды зятем пророка Мухаммеда, свершилось великое: спустя двадцать с лишним лет после смерти пророка были собраны воедино суры Корана, тогда же объявленного каноническим, и тем самым покончено с расплывшимися многочисленными списками и разночтениями.

Но... Но кто и когда руководствуется тайной Неба? Составители, не очень сообразуясь с нею, меряя всё бытием земным, из общинных исходя интересов, совершили недопустимое:

нарушили (и никто не уловил толчков землетрясения?!) хронологию сур, явленных Мухаммеду!

вторглись в замысел Бога!

не побоялись Его гнева!

И тем самым затруднилось восприятие Корана, рассчитанного, как можно было бы предположить, на постепенное в него вхождение, к тому же сура означает ряды, или камни в стене, и их следует укладывать так, чтобы в гармонии, красе и великолепии выстроился Дом! Храм! Мечеть!

сложилось легко объяснимое, но лишённое истинного величия и тайны Божественное знание!

другая книга получилась!

а ведь Бог - величайший из творцов, и Ему знать, как, в каком порядке и почему являть именно эти аяты, именно эти суры!

(122) Но почему никто не скажет, почему умолчали, что Али был против объявления османовского Корана единственно непогрешимым и предлагал свой порядок сур? [Суждение это спорно. - Ч.Г.] Не это ли явилось одной из причин последующего раскола между халифами? Раскола, от которого мусульманский мир, страдает по сей день? И раскол этот вылился в борьбу между суннитами и шиитами [Он поясняет после того, как уже сказано о его смерти?]

Иначе говоря, люди совершили грех, вторглись в текст Бога, исказили * неподвластный нашему разумению сокрытый в Коране сакральный [и художественный!] замысел Того, Кто есть

* Чем дальше, тем всё более поражает в суждениях автора, будь он Ибн Гасан или кто другой, безапелляционность. А ведь в свитках приводились слова Мухаммеда: "Тот, кто высказал о Коране собственное мнение и был прав, тот всё равно ошибся! И потому никогда не будь категоричным, а часто сказанное предваряй словом "возможно"". Созвучно с вышеизложенным и суждение Ибн Аббаса: Толкование имеет четыре уровня: первый известен всем, кто владеет речью, второй понятен даже невеждам, третий знают лишь учёные, а четвёртый не знает никто, кроме Бога, и тот, кто претендует на знание его, помимо

Бога, тот лжец.

Начало всех начал и Конец всего и вся,
Вычисляет судьбы и Открывает истину,
Вездесущ и Всеобъемлющ,
Многотерпелив и Проницателен,
Великодушен и Возбуждает раскаяние,

и с Чьим именем дерзнул, преодолевая страх [кто? Ибн Гасан?] не только восстановить порядок сур, но и перевести их.

(123) Случайно ли ипостаси Бога завершаются раскаянием? Думается, нет!

[Почему - не пояснено. Тут можно высказать догадку, что автором предпослания является всё же Ибн Гасан, а ссылка на смерть - литературный приём. Каяться было за что, ибо дерзостно нарушил строжайший запрет, отменённый лишь в новейшее время, переводить Коран (коль скоро арабский священный) на какие бы то ни было языки даже народов, исповедующих ислам, фарси и тюркские (заметим, однако, в оправдание Ибн Гасана, что запрет этот надолго придал Корану характер закрытый, тем самым человечество на многие века лишилось возможности знакомиться с Кораном, постигать Божественные его смыслы на своих родных языках*), и воспроизвёл Коран на среднетюркском, или *ortag türk*, можно сказать, на тюрки, а точнее - на языке

* Однако опыт показывает, что ни один из переводов не оказался в состоянии передать тонкости оригинала в полной мере. Чудо-аяты (аят, или строка суры, и означает чудесное свидетельство) полны тайн, и рождённый в исламе да проявит усердие в постижении Корана на изначально услышанном Мухаммедом, ибо он обладал пророческим даром перевести язык символов и шифров Бога на арабский.

огузов *].

* ...с которого я, огуз Ч.Г., перевожу на русский, прибегая к ранним переводам, за что моя благодарность множеству мудрых - и тем, кого уж нет, да упокоит их душу Бог, и тем, кто здравствует поныне, да продлит им жизнь Бог:

М. Верёвкину, чей перевод Книги аравитянина Магомета, который выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих, подвинул А. Пушкина на Подражания Корану; Г. Саблукову, чей перевод Законодательной книги мохаммеданского вероучения в далёкие годы безбожия попался мне случайно в руки в университетской библиотеке, и я вовсе не предполагал, что прибегну когда-нибудь к его штудированию; Д. Богуславскому, с которым, молодым полковником, не помышлявшим в те годы о переводе Корана, встречался герой моего романа Фатальный Фатали М.-Ф. Ахундов в русском посольстве в Стамбуле и подарил ему свои Комедии, - я держал эту книгу в руках; И. Крачковскому, чей перевод Корана стал для меня путеводителем по исламу; В. Пороховой, русской мусульманке, переведшей Смыслы коранических сур; неведомому переводчику Корана, изданного лондонской мечетью под покровительством четвёртого халифа обетованного мессии (неужто явился?) главы Ахмадийского движения в исламе хазрата Мирзы Тахира Ахмада; земляку-шемахинцу Т. Шумовскому, переведшему Коран двустигиями-бейтами, для кого ислам означал исцеление; М.-Н. Османову, с кем мне выпал счастливый случай постигать востоковедческие науки, но понимание чьего подвига по переводу Корана пришло много позже... Сколько ещё имён: М. Казембек (он же Александр Касимович), издавший Полный конкорданс Корана, или Ключ ко всем словам и выражениям его текстов для руководства к исследованию религиозных, юридических, исторических и литературных начал сей книги; А. Мюллер, автор Истории ислама в 4-х томах, А. Крымский, В. Бартольд, П. Грязневич, О. Большаков, автор Истории халифата в 3-х томах, М.

Пиотровский, Г. Э. фон Грюнебаум, И. Фильштинский, С. Прозоров, Т. Ибрагим и Н. Ефремова, Гасым Керимов, Е. Резван, А. Вейраух, В. Ушаков, Д. Фролов, Р. Ланда, С. Кямилев, З. Масленикова, О. Брушлинская, Мотабар Алиев, Ф. Абдуллаева, Абдуллахи Ахмед Ан-Наим, Абдулазиз Байандыр, В. Нирша, он же Абдуллах, переведший несчётное число хадисов, юный арабист Саша Овсянников. Как не сказать здесь о тех, кто помогал мне, - родных, друзьях-земляках из Международного сообщества азербайджанских диаспор стран СНГ?.. Нет, всех не перечесть!

О Коран! Как бы развил он, будучи переведён на другие языки, многообразие речевых фигур, интонаций, декламационные приёмы с инверсией, риторическими вопросами, стилистическими отступлениями и возвращениями [добавлю: применяемыми в художественной практике дистантными и контактными повторами, приёмом потока сознания, открытым лишь в XX веке, но уже тогда демонстрируемым в Коране]!

Как свидетельствует Ибн Гасан [снова о себе со стороны?], язык арабский надо знать и почитать вовсе не потому, что он священный, а потому, что арабский - родной язык пророка Мухаммеда. Язык Корана, хранящегося у Бога, как и самой Книги Книг, нам неведом, это язык знаков, символов, шифров, и лишь пророки вычитывают их, слышат и разгадывают, как бы переводя на свои родные языки, в данном случае с Мухаммедом - на арабский. Ибо для Бога священны все языки, на которых

говорят люди, созданные по Его образу и подобию *.

* Опровергается издавна принятое? Есть ведь священные языки санскрит, иврит, или древнееврейский, арабский, тибетский, язык Христа арамейский, близкий к сирийскому, и буквы этих языков как бы являются строительными камнями Творения.

Вот и получается, что выбор Богом Мухаммеда, явленного всем, следует рассматривать на уровне не только родо-племенном, этническом, хотя доказательно стало ясно, что существует понятие богоизбранности, относимое к семитским народам, каковыми являются евреи и арабы, восходящие к Аврааму-Ибрагиму. А может, прежде всего речь должна идти об общечеловеческом уровне - личностном, индивидуальном, а не племенном?

И ещё: причины ниспослания Богом сур всегда объяснялись земными обстоятельствами жизни Мухаммеда, что также лишало священную Книгу небесного смысла, которым Он руководствовался.

(124) В тюркских записях Ибн Гасана, или Гасаноглу, могущих помочь в ориентации порядка сур, дана хронология ниспосланных Богом откровений:

Этапов пять, из коих четыре мекканских, а один мединский:

1-й этап тайный, 610 - 613, проповеди в кругу близких, три подэтапа: а) явления в пещере; б) дома при Хадидже, близких; в) в доме Аркама.

2-й этап открытый, 614 - 619, три подэтапа в связи с отношением к Мухаммеду мекканцев: а) насмешки и глумления; б) физические действия; в) угроза расправы.

3-й этап 620 - 622, три подэтапа: а) в пору первой встречи в Мекке йатрибцев [мединцев], с Мухаммедом; б) во время небесного путешествия, или Небошества (исра и мирадж); в) в связи со второй встречей в Мекке с йатрибцами.

4-й этап, 622, связанный с бегством в Йатриб, началом нового летосчисления хиджры, три подэтапа: а) прячется в канун бегства в пещере; б) остановки в пути; в) вступление в Йатриб.

5-й этап, 622 - 632, мединский, три подэтапа: а) до вхождения в Мекку; б) после первого паломничества в Мекку; в) после завоевания Мекки.

Продумать хронологию с уточнениями, основанными, помимо всего прочего [что это, прочее?! - Ч.Г.], на подсказках свыше, с некоторых пор слышимых [когда и кем?], а также интуиции. [И тут же Ибн Гасан поясняет: Интуиция одна из наук толкования наряду с

грамматикой, стилистикой, знанием основ веры и законовещения, обстоятельств ниспослания сур, ораторством итд (может, это и означает прочее?), и обретается через труд и подвижничество, её лишены те, в чьём сердце спесь и гордыня, кто погряз в сетях земных страстей, упорствует в грехах, признавая лишь собственное разумение.]

МЕККАНСКИЕ СУРЫ

1 (96) *. Сгусток

* Первая цифра - порядок суры в так называемом бременском, или ибн гасановском Коране, цифра в скобках - порядок суры Корана канонического, османовского.

1. Читай! *

* Первая ниспосланная сура, когда Джебраил развернул перед Мухаммедом блестящий шёлковый свиток со знаками-шифрами Бога, и повелел: Читай! Поначалу Мухаммед не разобрался в увиденном и произнёс: "Я не могу прочесть!", что породило суждение о неграмотности Мухаммеда и закрепило прозвище умми (или уммий) - не умеющий писать и читать (иные смыслы: простец, наивный; умми означает также принадлежащий к Умм ал-Кура, или мекканец). Ключ к разгадке - в категориях веры: неграмотный в смысле язычник, не знающий (прежде не знавший - в случае с Мухаммедом) Писаний единобожия. И вдруг в Мухаммед-пророк стал распознавать знаки-шифры в очертаниях букв родного арабского языка. Божественные знаки, как в случае с шёлковым свитком, или Мухаммеду показывались, или же произносились вслух, и лишь он один, Мухаммед, обладая пророческим даром, их видел, их слышал и распознавал, повторяя на своём родном арабском языке.

(125) Да не подумает читатель, что я по забывчивости опустил в самом начале суры молитвенную формулу Бисмиллахи-рахмани-рахим, Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного! Дело в том, что она появилась позже, и я включил её, следуя хронологии ниспослания, в суру 50-ю, Фатиха, о чём ещё будет сказано.

Во имя Создателя твоего воззови!

(126) В приложенной тут же записи сказано: Когда в сурах появляется Аллах как Единый Бог? Сначала Мухаммед произносит Создатель, Бог, и это можно, очевидно, объяснить, имея в виду, что в Каабе почитался идол по имени Аллах, чьи три дочери-богини были жёнами главного идола Каабы Хубала. Аллах в устах Мухаммеда появляется позже, поначалу удивлён: мекканский идол?! Но Хадиджа обрадовалась, услышав Аллах: думала, что это отец почитаемой ею богини Манату.

И с именем Аллаха рождается формула: Бисмилла' *.

* При переводе я употребляю не только Аллах или Создатель, но зачастую Бог, дабы не создалось впечатления, будто у мусульман другой Бог, отличный от Бога иудеев и христиан. Напомню из суры Паук (29/46): Не препирайтесь с людьми Писания [ахля-ль-Китаб - иудеи и христиане] иначе, как им доводы разумные являя, и не оспаривайте тех из них, которые неправедны [упрямы]. Скажите им: Уверовали мы в ниспосланное и нам [Коран], но и в то, что было прежде ниспослано вам [в Библию]! И наш Бог, и ваш Бог - Господь один и тот же, и Ему мы предаёмся! [Прибегая к внутрискобковым толкованиям, принятым в богословии, с благодарностью поминаю неведомого первого, с кого это началось.]

2. Который сотворил человека из сгустка кровавого!

3. Воззови, и да услышат! Ибо Создатель твой Наищедрейший,

4. Который словом, что начертано каламом *,

* Имеется в виду Божественное перо, коим записываются происходящие на земле

события, озаряется всё, что воспринято и освоено из ниспосланного Богом..

5. человеку осветил познание прежде неведомого.

(127) Первые пять аятов, первоначально составлявшие отдельную суру Читай!, были ниспосланы в пещере. Далее - дома при Хадидже, затем - в храме Кааба, куда Мухаммед зашёл помолиться по пути домой, и дома; и впоследствии они были собраны воедино, но кем? Мухаммедом? Очевидно, не только им: важно тут, помимо всего прочего, кто как запомнил и запечатлел. Не это ли явилось причиной последующего нарушения хронологии и числа сур? Можно предположить, что суры, особенно объёмные семь, произносились по частям. Не это ли имел в виду Али, когда говорил, что он, как никто другой, досконально знает, какая сура ниспослана по частям, а какая - целиком? Не вытекает ли из этого, что Али как бы не соглашался с порядком и числом сур канонического османовского Корана? [Ибн Гасан, очевидно, основываясь на вышезаявленном, а также суннах, попытался восстановить замысел Бога, ибо Ему Одному было известно, в каком порядке их ниспосылать; части - не только части, а целостные суры, и негоже человеку объединять то, что Бог не объединял.]

6. Но нет! Гордыней обуян человек,

7. в неблагодарности он преступает, нажитым упиваясь.

8. А ведь возвратно бытие его к Создателю!

9. Узрел ли того, кто воспрепятствует

10. рабу * Моему [Мухаммеду], когда в молитве ко Мне взывает?

* Якобы речь об Абу-Джахле, враге Мухаммеда. Заметим, что аяты являлись Мухаммеду не только как реакция на реально случившееся, а и как упреждение, предсказание или как некая тайна, не всегда поддающаяся разгадке.

11. Когда на праведном пути,

12. смирен, благочестив и гнева Бога страшится?

13. А тот - он обвинил его во лжи, лик отвратив надменно!

14. Не ведает неужто, что Создатель зрит?!

15. Но нет! Разнуздан он - за вихры его схватим,

16. греховны, лживы нечестивца вихры.

17. И пусть сообщников он кличет на подмогу - сборище невежд,

18. Мы призовём Своих стражей!

19. Но нет! Не уступай ему, противься и, ниц упав, стремись ко Мне, ко Мне приблизься!

2 (74). Завернувшийся *

* Судя по хадисам, сура эта первая из ниспосланных Мухаммеду. Когда пророка спросили, какая сура первая, он ответил: "Кто-то меня окликнул. Вперёд посмотрел, назад, направо, налево - никого! Меня ещё раз окликнули, снова оглянулся - никого! Потом окликнули в третий раз, и я не увидел никого, окликнули опять, вдруг вижу: ангел Джебраил в воздухе! Меня охватила сильная дрожь, я поспешил к Хадидже, попросил: - Закутай меня! - Но прежде меня облили водой, а уже потом закутали. И ниспослано мне было: О завернувшийся!"

1. О завернувшийся, в себя ушедший!

2. Сбрось дрёму, встань!

3. И возглашатайствуи, Создателя восславив!

4. Очисти одежды

5. и от скверн беги,

6. и не одаривай, чтоб выгоду из милости извлечь!

7. В терпенье, ниспосланном Создателем, крепись!

8. И день придёт, и затрубит труба,
9. о день тяжёлый,
10. тяжкий для неверных.
11. Оставь его со Мной, кого Я сотворил,
12. богатством наделил,
13. дал сыновей, что рядом,
14. и щедрости пред ним дорогу распротёр.
15. А он? Ему б ещё, ещё... - он ненасытен.
16. Но нет! Неверием в Мои знамения обуян,
17. не страшится казней ада * [возложу на него подъём, тяжесть].

* Здесь впервые появляется ад. Его образ - как геенны огненной - в отличие от рая, увиденного в категориях земных чувств, наслаждений и удовольствий, дан в картинах, отсутствующих на земле: ад - это как бы опыт внеземной жизни.

18. Мнит, точен его расчёт,
19. погибели не чует: скажет - взвесит.
20. Но быть ему убиту! Ах, как размерен в речи!
21. И повернул чело, взглянул,
22. хмур и насуплен, важность в позе,
23. и отвернулся - нагл, высокомерен:
24. "Всё это - колдовство и знакомому подражание!
25. Услышанное - слово человечесь!"
26. О!.. В адском Я его сожгу огне, сакаре!
27. Вообразишь ли, что такое адский огонь?!
28. В тебе он и вокруг тебя - везде,
29. и вспыхивает кожа, схваченная вмиг!
30. И девятнадцать ангелов над ним,

(128) Недопустимо прерывая Божественное откровение, Ибн Гасан поясняет: Абу-Джахл, услышав о "девятнадцати ангелах", хранящих огонь ада, якобы воскликнул: "О сонмище курайшей, да потеряют вас матери ваши! Неужели не справятся сто мужей из вас со стражем одним? Да я сам, если напуганы словами [Мухаммеда] сына отца горсточки сыновей, отгоню от вас десять ангелов правой рукой, и девять - левой!"

31. лишь ангелы и более никто - властители огня, неверующим в разумение - да познают кару. А обладателям Книги - чтоб удостоверились. Им, верующим, - укрепление в вере, никаких сомнений ни для тех, кто Книгой одарён, ни для тех, кто верует.

32. Впрошают те, в чьём сердце хворь и заражён неверием: "Что замыслил Создатель притчей подобной?"

Знать лишь Ему: кому заблуждение, кому дорога веры. И воинства Создателя не счесть, притча - лишь в напоминание людям.

33. Но да восхитимся Мы [и все] луной! *

* Сакральный смысл Уксиму переводят Клянусь. Но при этом возникают необратимые просчёты, искажающие природу текста: Бог не может клясться Своими созданиями, клятва чем-то и кем-то - удел язычников. Известно, что в скрижалях, явленных Мусе, одна из десяти заповедей гласит: Не приноси клятву именем Господа! В Новом завете читаем: Ещё слышали вы, что сказано древним: "Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои". А Я говорю вам: не клянитесь вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землёю, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или

чёрным (Мф., 5/33-36). И не случайно в Коране именем Бога клянётся сатана: Клянись Твоим величием! (что соблазнит людей, 57/82). К тому же в самом Коране определённо сказано: И не клянитесь именем Бога! Или иначе: Не превращайте имя Бога в предмет ваших клятв! [98 (2)/224]. А в одном из хадисов говорится даже о запрете клясться пророком, Каабой, ангелами, небом, предками, жизнью, духом, головой, милостью правителя, могилой кого бы то ни было. Очевидно, лишь Сам Бог, как сказано в Коране, может Себе позволить клясться Собственным Именем, Самим Собой: Богом твоим клянись [38 (15)/92]. Выскажу предположение, что Бог может, однако, восторгаться сотворённым Им, радоваться всему, что Он создал. Поэтому осмеливаюсь, следуя Писанию, частью которого является Коран, клятву заменить восторгом: не Клянись! а Да восхитимся!

34. И ночью уходящей!

35. Выглядывающей зарёй!

36. Что в молвленном - громада яви

37. в увещевание живущим,

38. тем, кто идёт прямой дорогой, и тем, кто топчется, отстав.

39. Душа, и всякая, - заложница того, что заслужила,

40. помимо тех - правосторонних,

41. и обитатели Садов выпрашивают

42. грешников,

43. дабы постичь их: -Что вас в сакар загнало, в пламя ада?

44. И молвят грешники: - Мы отвратились от молитвы,

45. и бедствующих не кормили,

46. и в нечисти погрязли с нечестивцами,

47. и ложью объявили Судный день,

48. и вот - пришла к нам достоверность [смерть]!

49. Увещевания отныне тщетны - заступников им не сыскать,

50. к напоминаниям глухи,

51. и, как ослы напуганные львом всесокрушающим,

52. бегут, копытами друг друга побивая.

53. Что проще: знать, получив заранее, свитки своих прегрешний.

54. Так нет же, нет! Не страшатся жизни дальней!

55. А притча - тем напоминание,

56. кто ждет напоминаний,

57. но и не вспомнят - если Он того не пожелает - Его наполненные страхом, достойные

Его прощения!

3 (105). Слон

1. Не видел разве, как Богом наказаны хозяева слона?

2. Злоумыслы их Он развеял в прах!

3. И стаи птиц на них наслал!

4. И пали камни на головы их,

5. И нивой сделались, чьи зёрна саранчой изъедены.

4 (106). Курайши

1. Да соединятся племена курайшей

2. на путях караванных зимою и летом!

3. И да падут ниц пред Единым Владыкою Дома сего!

4. Во дни голода Он их утолил и, страх изгнав, обезопасил.

(129) Не могу не выразить смущения по поводу самоуверенных утверждений учёных мужей, что в словах Дома сего имеется в виду Кааба. Но позвольте: когда сура ниспосылалась, Кааба была домом идолов, а не Единого Владыки! Я бы согласился с

учёными мужами, если б добавили при этом, что при толковании сур непременно надо учитывать - чего, увы, они не делают - разность двух логик: земной (как разумеют или как поняли услышанное люди) и небесной (всеобщий смысл, вложенный в ниспосланное Аллахом, и мы можем лишь приближаться к его постижению): о Каабе как Доме Единого Владыки можно говорить, основываясь на логике небесной.

5 (108). Изобилие

1. Облием щедрот тебя Мы одарили
2. так помолись Создателю и жертву принеси!
3. А тот, он враг твой, куций - Я семя изведу его!

6 (111). Пальмовые волокна

1. Да отсохнут руки Абу-Лахаба, да сокрушит его погибель!
2. Богатством не откупится и всем, что приобрёл!
3. Гореть ему в огне пылающем,
4. а жена его - дров носильщица, для растопки понесёт их,
5. и будут ей удавкой на шее - волокна пальмовые!

7 (112). Искренность *

* Сура ниспослана, если следовать земной логике, как ответ Мухаммеда на вопрос, заданный ему, в котором сквозила ирония, мол, "да, согласны, что Аллах тебя среди нас пророком воздвиг, сотворив прежде из дыма небо, из пены морской землю, из света, что сокрыт за завесой Божественной, ангелов, из пламени Сатану, или Иблиса, а потом из глины звучащей Адама. Но ответ: каков Он, твой Аллах? Воспой нам Его!" Мухаммед, застигнутый врасплох, растерялся, и тогда явлена была сура.

1. Скажи: Он, Бог, Един,
2. Вечен Бог,
3. не родил Он и не был Он рождён,
4. нет никого, кто был бы Ему равен!

(130) "И это всё, что тебе внушено? Всего лишь четыре строки?!" спросил мекканец. "Но зато какие весомые и яркие! - молвил Мухаммед. Четверти Корана равны эти строки!" - воскликнул.

8 (113). Рассвет

1. Скажи: Прибегаю к Богу рассвета,
2. уходя из небытия в бытие, - от зло творящего,
3. от зла мрака ночного, когда луна затмевается,
4. от зла хвори во множестве узлов,
5. от зла завистника, когда он полон зависти!

(131) Ибн Гасан с уверенностью, достойной почитания, замечает: Имеется в виду, что при произнесении вслух или про себя ниспосланных сур с каждой новой строкой развязывается один узелок хвори.

9 (114). Люди

1. Скажи: Прибегаю к Богу людей,
2. Властелину человека,
3. Богу Единому всего и вся,
4. от зла наущателя [искусителя] сокрываясь,
5. души сокрушающего,
6. от злокозней джиннов*, злобы людской!

* Бог, согласно мусульманским представлениям, создал три вида разумных существ: ангелов, людей и джиннов; и Мухаммед - Его посланец к людям и джиннам, часть которых

уверовала в Него, - это добрые духи, а часть была соблазнена падшим ангелом Сатаной - Дьяволом-Иблисом, Шайтаном, это духи злые.

10 (2, 3). Предрешённое*

* Здесь - аяты сур Корова и Семейство Имрана.

1. Скажи, и да не устанешь говорить*: Бог - Единый Бог, и нет, кроме Него, Всемилостивого и Милосердного, иного божества!

* Ни в одной из сур не обнаружен аят И да не устанешь говорить.

2. Сотворённые небо и земля,
3. и дни, и ночи, сменяющие друг друга,
4. и корабль, который плавает по морю с пользой для людей,
5. дождь, низведённый Богом с небес, чтоб семя, умерев, ожило,
6. и на земле рассеянная живность всякая,
7. и переменчивость движения ветров,
8. и облако, меж небом и землей Им ведомое, - во всём, что явлено, знамения для разумеющих!

9. Есть среди людей, кто, помимо Бога, иных приравнивает Ему,
10. возлюбил их, как Бога Единого!
11. А кто уверовал, избрав путь прямой, Бога Единого возлюбит.
12. Но увидят те, кто нечестив, когда их наказание суровое постигнет, что карающая мощь - у Бога лишь одного!

13. О да, силён Бог твой в наказании!
14. И те [идолы], за кем, уверовав, пошли в неведение, их покинут,
15. и вкусят кару, и у них все связи оборвутся,
16. скажут те, которые в неведении пребывали:
17. "О если бы возможен был возврат, тогда б от них мы отреклись, как отреклись они от нас!"

18. Покажет им Бог деяния их, не спасутся от геенны!
19. Просят люди: "О Боже! Даруй нам благо в жизни ближней!"
20. Но о жизни дальней не помышляют!
21. А есть такие, кто говорит: "О Боже! Даруй нам блага жизни ближней, но и не лишай благ жизни дальней, отведи от нас огонь геенны!"

22. Воздастся всем по их заслугам - Бог твой быстр в расчёте!
23. Скажи, да не устанешь говорить: О Боже, Ты - Владыка всех владычеств!
24. Даруешь власть, кому желаешь, отнимаешь, у кого желаешь.
25. Возвеличиваешь и унижаешь, кого желаешь.
26. В Твоей руке - благо, Ты ведь над каждой вещью Мощен!
27. Ты вводишь ночь в день и вводишь день в ночь,
28. выводим живое из мёртвого, и выводим мёртвое из живого,
29. и питаешь, кого желаешь, без счёта!
30. Ждут, что в сени облаков Бог к ним с ангелами явится?
31. Предрешено: предстанут деяния Им сотворённых пред Богом!

11 (104). Хулитель

1. Горе злобствующему, чьи уста измышляют хулу!
2. Богатством кичится, алчность его неуёмна!
3. И мнит, что златом добудет бессмертие.
4. Но нет! Я ввергну его в Мое сокрушилище!
5. Вообразишь ли, что это такое - сокрушилище?

6. Огнь Создателя разожженный
7. неистово над сердцами полыхает,
8. куполом вверху смыкаясь
9. столбами клубящимися.

12 (107). Милостыня

1. Приметил ли того, кто веру объявляет ложью?
2. Он тот, кто гонит сироту
3. и не накормит бедняка.
4. Но горе тем, которые, молясь,
5. молитвою своею небрегут
6. и, в лицемерии живя,
7. отказывают нищим в подавании!

13 (102). Страсть к приумножению

1. Увлечены приумножения страстью, отвращены,
2. и вдруг - могила!
3. Но нет! Узнаете вы скоро,
4. узнаете наверняка,
5. к вам достоверность явится,
6. и огонь увидите пылающий,
7. и ваши очи не обманут вас:
8. в тот день припомнят вам - и спросят об утехах!

14 (92). Сокрывающая ночь

1. Да восхитимся Мы ночью сокрывающей,
2. рождающимся в сиянии днём да восхитимся,
3. и Тем, Который мужчину и женщину создал, да восхитимся!
4. Как разнятся ваши помыслы!
5. Но не скупится кто и праведен,
6. кто Слово явленное счёл прекраснейшим,
7. тому Мы путь к легчайшему облегчим.
8. А кто алчен и ненасытен,
9. ложью объявил Прекраснейшее [аяты],

10. тому уготовим тягчайшее. Кто щедр в воздаяниях, чтоб очиститься, не в долгу ни пред кем он и не ищет награды, устремлён к Богу Высочайшему, будет доволен, Им замеченный.

11. Нет, нажитое не спасёт, когда стремглав низвергнется [в геенну]!
12. Нами путь прямой открывается,
13. в Нашей власти жизни две: одна - в начале, в конце - другая.
14. Заклинаю вас огнём жарким,
15. в нём несчастнейший,
16. кто ложью назвал услышанное и отвратился,
17. спасётся тот лишь, кто благочестив и убоющийся Меня,
18. кто щедр в воздаяниях и очищается,
19. кто не в долгу ни пред кем и не ищет награды,
20. его устремление - лишь к Богу своему Высочайшему.
21. И будет он доволен, Им замеченный.

15 (94). Рассечение

1. Разве не Мы рассекли тебе грудь, очистив сердце?
2. И не сняли с тебя тяжкую ношу, которую нёс,
3. и гнулась под нею твоя спина?

4. И не возвысили разве Мы поминанием тебя?
5. Воистину с тягостью - лёгкость [где тяготы - там и облегчение],
6. воистину легкость - с тягостью!
7. И когда высвободишься - без устали труждайся,
8. к Богу твоему в молитве устремляясь!

16 (93). Утро

1. Да восхитимся розовеющей зарёй!
2. И тьмой ночи, когда она густеет, восхитимся!
3. Нет, Богом своим ты не оставлен, не забыт, не гневается Он на тебя.
4. Ведь дальше [жизнь будущая] лучше для тебя, чем ближнее.
5. Одарит тебя вскоре твой Бог, доволен будешь.
6. Разве не нашёл Он сиротой тебя, не приютил?
7. И не нашёл тебя заблудшим, по пути направив праведному?
8. И не нашёл тебя бедствующим, от нужды избавив?
9. Но сироту и ты не обижай!
10. Просящего не отгоняй!
11. И Бога возблагодари за милости Его.

17 (80). Нахмурился

1. Нахмурился, взор отвратив,
2. ах да: ведь подошёл к нему слепой!
3. Но знать тебе откуда - быть может, чище стать он возжелал, прозреть, быть может?
4. Или хотел из уст твоих услышать нечто, чтоб помогло оно ему?
5. Ну да, со знатным говорил,
6. поворотив к нему охотно лик, и тут тебя прервали!
7. Что ж, утешение и в том, что мнишь, оправдываясь: вдруг, с тобой поговорив, очистится богатый? И в том, что грешен он, винишь себя?
8. Что б ни было, но пренебрёг ты тем,
9. кто, уповая на Меня,
10. со тщанием к тебе стопы направил, - от него ты отвратился!
11. В Мной молвленном - напоминание всем,
12. и да услышат те, кто пожелает слышать!
13. Хранимо слово [Моё, Коран] в свитках почитаемых,
14. вознесены, возвышены, чисты,
15. начертаны писцами [ангелами]
16. досточтимыми, благими, коих Я к себе приблизил!
17. О, кара ждёт того, кто обуян неверием, неблагодарен,
18. в бездумии забыв, что Им из капли создан,
19. из семени малого, ничтожного сотворил и соразмерил в чреве,
20. и облегчил дорогу, чтоб был явлен,
21. и умертвил потом, и погребению предал.
22. А срок пришёл, определённый Им, и воскресил.
23. Так нет же, нет! В бездумии он глух к Его велениям!
24. Пусть человек узрит, дано какое пропитание ему,
25. разве не Бог нивы щедро оросил?
26. И стеблями не Он прорезал землю,
27. и взрастил зерно,
28. и вывел виноградную лозу, поля усеял травами,
29. маслины дал и пальмы,
30. сады густые,

31. и плоды, луга и пастбища
32. на пользу вам и вашему скоту?
33. А ведь раздастся, грянет оглушительный [глас трубный],
34. и день обещанный настанет - в бегство обратится человек, о брате позабыв родном,
35. о матери, отце, жене и детях позабудет,
36. ведь каждому своих тревог не счесть!
37. Но лица воссияют у одних [кто был благочестив],
38. веселья, ликования полны,
39. а у других чело черно,
40. покрыто прахом,
41. то нечестивцы, им - погибель!

18 (97). Ночь могущества

1. Воистину Мы ниспослали [Коран] в ночь могущества!
2. Но знаешь ли, что это, ночь могущества?
3. О, ночь могущества весомей тысяч месяцев, о ней не ведающих.
4. И в эту ночь нисходят ангелы и Дух с дозволения их Бога, чтоб возгласились Его

повеления,

5. и длится ночь до наступления зари!

19 (51). Рассеивающие

1. Да восхитимся рассеяние рассеивающими [ветрами],
 2. и несущими ношу [тучами],
 3. и плывущими с легкостью [кораблями],
 4. и разделяющими повеления [ангелами]!
 5. Ведь то, что Им поведено вам, - истинно,
 6. ведь грянет суд, вас настигая.
 7. Да восхитимся небом, обладателем путей [звёздных],
 8. о, как в речах [о Мухаммеде?] разноголосны вы!
 9. И отвращённые отвращены
 10. да сгинут лжеязычные,
 11. пучиною невежества захлестнутые!
 12. Чуть что, и вопрошают: "Когда ж наступит день Суда?"
 13. Огнь пламенеющий в тот день их испытает, и они услышат:
 14. Вкусите уготованную кару вам - не вы ли день сей торопили?
 15. Воистину богобоязненные среди садов и родников чистейших 16.
- вкушают то, что даровал им Бог за их добродетели!
17. Они лишь малую часть ночи предавались сну,
 18. а на заре [в молитвах] о прощении зывали [за грехи],
 19. всегда готовые своим достатком с просящим поделиться.
 20. И на земле знамения узрит, кто стоек в вере,
 21. и в ваших душах есть [знамения] - неужто слепы?!
 22. И на небе - удел ваш и обещанное вам [что сбудется].
 23. Да восхитимся Господом и неба, и земли - обещанное истинно, как истинно и то, что даром речи вы наделены!

- 24 (47*). Не Мы ли разве мощью рук Своих воздвигли небеса и вширь раздвигли?

* Пропущены аяты 24-46 суры 38 (15), очевидно потому, что явлены позже.

25 (48). Под вами землю разостлали - узрите, сколь прекрасно Нами сотворённое!

26 (49). По паре сотворили тварей всяких - быть может, призадумаетесь?

27 (50). Спешите к Богу вззвать, я от Него для вас увещатель явный.

- 28 (51). И не пристраивайте к Богу других богов - увещавателю внимлите явному!
- 29 (52). Скажи: И до меня Его посланцы к их народам приходили, но молвили о каждом: Чародей он или одержимый!
- 30 (53). И передавалось заповеданное от одних к другим, от тех к этим, доколе пребывать в неведении им?
- 31 (54). Так отворотись от них, и Мной не будешь порицаем!
- 32 (55). Без устали их наставляй: и да уразумеет верующий пользу!
- 33 (56). Сотворил Я джиннов и людей, чтоб поклонялись Мне.
- 34 (57). Не надобно от них Мне ничего: ни пищи, ни богатств, и никакой заботы,
- 35 (58). ибо Он, Бог, и пропитание дарует, одаряет всем и воздаёт Он, полный мощи и всесильный!
- 36 (59). А тем, которые тиранили, нечестия творя, - всем им и им подобным, кто являлся прежде, полной мерою воздастся! И да не смеют торопить Меня!
- 37 (60). И горе всем неверующим, коим наказание Моё обещано!
- 20 (68). Калам, или Письменная трость
1. Нун. Да восхитимся Мы каламом, всем им начертанным да восхитимся!
- (132) Впервые появляется, точно шифр, в отдельном написании арабская буква, как бы открывающая врата суры. Подобное не раз встречается в Коране, небесное его значение - тайна. Есть несколько земных объяснений, что буквы инициалы имён сподвижников или учеников Мухаммеда, со слов или записей которых составлена сура. Объяснение для данной суры - что аяты оканчиваются на эН - Нун или схожее по звучанию эМ. Нун, кроме того, означает рыбу-кит, во чреве которого пребывал библейский Иона, пророк Йунус.
2. Нет, ты по милости Бога твоего не одержимый, не меджнун,
3. и воистину для тебя - награда неистошима,
4. и воистину возвышенного нрава ты.
5. И ты увидишь, и они узрят,
6. кого испытывает Он безумием!
7. Воистину Бог твой знает неопровержимо всех с Его пути сошедших, но и тех, кто праведной Его идёт дорогой!
8. Не поддавайся обвиняющим [тебя] во лжи!
9. Они хотели б, чтоб ты стал уступчив - мол, тогда они уступят,
10. не верь, не поддавайся всякому, кто клянётся часто, презренному,
11. сплетнику, злословящему и хулителю,
12. добродейный враг, и грешник, и преступник,
13. груб и сквернослов, к тому ж безроден,
14. если даже родовит несметным достоянием, вознаграждён сынами.
15. Ведь он, когда глаголешь Наши откровения, исходит злобой: "О том наслышаны, - кричит, - то сказки первых [древних]!"
16. Хватим Мы его за хобот [нос?] надменный и обесславим!
17. А ведь Мы прежде испытали наказанием хозяев сада, когда клялись кичливо, что непременно утром соберут плоды,
18. не сделав оговорки Иншалла! [Если угодно будет Богу!].
19. И наутро срезаны [деревья] ниспосланным Богом смерчем,
20. сад почернел, как ночь.
21. И утром, пробуждаясь, стали звать друг друга:
22. Пойдёмте в сад и соберём плоды!
23. И пошли, вполголоса переговариваясь:
24. "Сады свои сегодня оградим от бедняков!"
25. Расчёт их был не добр!

26. И ахнули, сады погибшие увидев: "Сюда ли мы пришли?"
27. Воистину с пути мы сбились, садов утрата нас постигла!"
28. И молвил благоразумный: "Разве ж я вам не говорил, не предупреждал [об оговорке]?"
29. Тотчас: "Богу хвала! - воскликнули. - Пренебрегли мы Им, Его обидев!"
30. И посыпались упрёки отчаяния:
31. "О, горе нам! Воистину мы нечестивцы!
32. Господь, быть может, нам простит? Иным одарит, лучшим садом? Раскаялись мы, к Богу взывая!"
33. Вот наказание! Да запомните: дальней жизни наказание страшнее!
34. Воистину тем, кто богобоязнен, у Бога их - райские сады!
35. Нет, разве Мы сравним муслимов* с теми [мекканцами], кто нечестив и грешен?

* Впервые употреблено муслим, или мусульманин, предавшийся Единому Богу.

36. О чём вы? Как такое вы могли помыслить?!
37. Быть может, есть у вас Писание и им научены?
38. И есть вам из него что выбрать?
39. Или Мы с вами клятвой скреплены до дня Суда, когда воскрешены Мной будете? Случится так, как рассудили вы?
40. Спроси, есть ли кто среди них, чтоб подтверждение предоставил?
41. Или на тех, кого Мне в сотворцы придали, уповают? Пусть приведут их, соучастников своих, если и впрямь глаголят истину,
42. в тот день, как обнажатся голени и призовут пасть пред Богом на колени, согнуться в поясице не сумеют [утратив гибкость].
(133) Обнажение голени употреблено в суре Муравьи применительно к царице Савской - Билкис, принявшей хрустальный пол во дворце Сулеймана-Соломона за водоём, и, дабы пройти, обнажила ноги до колен.
43. Потупятся их взоры, унижение их поразит - а ведь Мы призывали, чтобы поклонялись Богу, что ж удержало, отвратились отчего?
44. Так предоставь их Мне - тех, кто считает ложью Откровения, и Мы позволим заблуждаться им, потом изведуют сполна [наказание].
45. И Я отсрочу им, но казнь Моя крепка.
46. От них вознаграждения ждёшь, забыв: отягчены они долгами!
47. Быть может, сокровенным обладают, что их калам запечатлел?
48. Будь терпелив, жди решения Бога, не будь похожим на того [Йунуса], кто был китом проглочен и в утеснении [во чреве] возопил.
49. И если бы не милость Бога, он, выброшенный на пустынный берег, там бы пребывал с позором.
50. Но, Богом к Себе приближенный...

(134) Сколько о том было в прежних Писаниях, что люди должны знать! Однако, выходит, запомывали, если снова Он старается увещевать их ими же пережитым! Неизвлечённый опыт как пустая жизнь!

... был Им в собратство праведников вознесён *.

* Здесь картина Богоявления - говорится об Ионе-Йунусе, как и других посланцах, обрела характер притчи. Через них, свидетельствующих о Божьей истине, Бог усиливает Своё присутствие и увещевание.

51. Воистину, неверные готовы, когда им истину глаголешь, тебя очами опрокинуть прочь, кричат: " Он одержимый, он меджнун!"

52. Ниспосланное воистину напоминание мирам!

21 (87). Высочайший

1. И да восславится тобой Бог твой Высочайший,
2. Который сотворил и соразмерил,
3. predetermined и напутствовал,
4. выстелил пастбища
5. и, нивы иссушив, очернил.
6. Даём тебе прочесть [Коран] - не предавай его забвению,
7. помимо того, что не пожелал Он, - ведомо Ему явное и сокрытое!
8. И Мы облегчим тебе путь к легчайшему [запоминанию].
9. Увещивай - полезно увещание,
10. запомнит тот, который праведен и гнева Моего страшится,
11. и отвратится [не воспримет] несчастнейший,
12. кому гореть в огне полыхающем, всежигающем.
13. И умереть не может, но и жить невмочь.
14. И преуспел [прибыль заимел] тот, кто очистился,
15. помянув Бога своего и молитву творя.
16. Так нет же - вы предпочитаете жизнь ближнюю,
17. а дальняя ведь лучше, длительней!
18. Воистину о том начертано и в свитках первых
19. в свитках Ибрагима и Мусы.

22 (95). Смоковница

1. Да восхитимся Мы смоковницей и деревом масличным,
2. и горой Синайской восхитимся!
3. И городом обезопасенным [хранимым]!

(135) В ниспосланном присутствуют три пророка: Иса проповедовал среди плодоносных деревьев на холмах Иерусалимском и Дамасском, Муса лицезрел Бога на горе Синайской, город - это Мекка, где родился Мухаммед*.

* Два первых предположения известны. Ибн Гасан не без оснований добавляет к ним собственное, третье.

4. Породили Мы человека в прекраснейшем сложении,
5. затем повергли в состояние нижайшее из низших (в дряхлость),
6. а тем, кто уверовал, творя добро, - награда неисчислимая!
7. Что же [о неверный] побуждает тебя отрицать день Судный?
8. Разве твой Бог не Наилучший из вычисляющих [судьбы]?

23 (103). Предвечернее время

1. Да восхитимся Мы предвечерним временем,
2. воистину всегда несут убытки люди,
3. помимо тех, которые уверовали и добродетели, и заповедали между собою истину, терпение!

24 (90). Город

1. Нет, да восхитимся Мы этим городом *

* В 50-м свитке коранического повествования аят приведен как "Нет, не восхитимся этим городом!", чем Мухаммед вызвал гнев мекканцев. Точная датировка суры затруднена, Ибн Гасан помещает её здесь, ибо могла явиться в разгар попыток мекканцев убить Мухаммеда, и тогда его неприятие Мекки понятно, или при изгнании пророка из Мекки. Можно также предположить, что вопреки козням мекканцев Мухаммед восхищается родным

городом, и отрицание Нет дано здесь во имя усиления Да. Впрочем, сура может быть ниспослана в канун завоевания Мекки, и тогда естествен восторг Мухаммеда.

2. здесь и твоё пребывание!
3. Да восхитимся прародителем [Адамом], потомками его!
4. Воистину Мы сотворили человека на тяготы земные,
5. неужто думает, никто над ним не властен?
6. Говорит он: "Мной растрчено несметное богатство!"
7. Неужто думает, никто его не зрит?
8. Не Мной он разве парой глаз наделён?
9. И языком, устами?
10. И не Мы пред ним две высоты воздвигли [добра и зла]?
11. А он [не одолел преграду] устремился вниз по крутизне [зла]!
12. А что такое крутизну преодолеть, ты знаешь?
13. Сначала отпусти раба на волю,
14. и накорми того, кто голоден,
15. и сироту пригрей из рода-племени твоего,
16. бедняка оскудевшего!
17. А сверх того уверуй, запасись терпением, будь из тех, кто заповедует милосердие.
18. Эти - владыки правой стороны!
19. А те, кто не уверовал в знамения Мои, - владыки левой стороны.
20. Над ними - сводчатый огонь пламенеющий.
- 25 (73). Упорствующие*

* Суры ниспосылались безымянно, составители назвали её Завернувшийся, но подобное название уже есть, поэтому Ибн Гасан предложил иное, дабы избежать путаницы.

1. О завернувшийся!
2. Встань и молись всю ночь, а может, и не всю,
3. чуть меньше, иль половину ночи, а может, и чуть меньше,
4. или чуть более того - и ясным чтением Коран читай.
5. Слова [произноси] весомые, что ниспослали Мы.
6. Ночное бдение за молитвой действенной, неотразимей.
7. Ведь день твой полон суеты житейской.
8. И, поминая Бога, к нему всем устремлением стремись.
9. Бог востока Он и запада Бог, нет иного божества, помимо Него, - и в покровители возьми Его!
10. И проявляй терпение к тому, что слышишь от других, - но и уйди от них, достоинство храня!
11. Оставь их Мне - тех, кто молвленное [Коран] объявляет ложью и удали роскошества предался, и дай немного им отсрочки.
12. Воистину у Нас для них - оковы, огонь жаркий им уготован!
13. Яства давяющие, наказание мучительное
14. в тот день, когда охватит землю тряска, дрогнут горы, в холм сыпучий превратятся!
15. Посланника Мы к вам явили, и он свидетельствует против вас, как некогда посланца направляли к Фирауну [фараон как имя собственное].
16. Ослушался посланца Фираун, схватили Мы его хваткою мучительной.
17. Вам, кто в безверии упорен, не спастись в тот день, в который дети поседеют!
18. И небо, расколовшись, рухнет во исполнение обещанного Им!
19. И это - всем напоминанье. И если пожелает кто - он к Богу направит путь прямой.
20. Бог твой ведаёт: в молитве ты простаиваешь меньше, чем две трети ночи, и

половину ее, даже треть - и ты, и те, которые с тобой!

21. Ведь Богом размерены ночь и день. И ведает Он, что вам не под силу это уразуметь, и обратился Он к вам, прощающий.

22. Читайте же, что вам легко, доступно из Корана.

23. Ведомо Ему, что будут среди вас больные

24. и те, кто в странствии и суете земной у Бога выискивает блага,

25. другие будут, коим суждено сражаться на пути Божьем,

26. читайте то, что вам легко, доступно из Корана,

27. молитвы, вам определённые, простаивайте,

28. и приносите подать очистительную,

29. и одоляйте Богу - воздастся вам сполна от щедрот Божьих, из награждающих Он наилучший!

30. У Бога прощения просите, Он Всепрощающ и Всемилоостив!

26 (85). Созвездия [Зодиака]

1. Да восхитимся небом - обладателем созвездий [Зодиака].

2. И днём обещанным [Судным],

3. Свидетельствующим да восхитимся, и тем, о чём он свидетельствует!

4. Да сгинут, проклятые Им, рва огненного хозяева,

5. полыхающего и сжигающего.

6. Расселись они над ним

7. и муки верующих созерцали,

8. злобою полны к тем, кто в Бога уверовал, Он Всемогущ и Достохвален,

9. Властвует над небом и землёй - ведь обо всём Он сведущ!

10. А тем, кто заживо сожжению подверг в Меня уверовавших мужчин и женщин и за содеянное не покаялся, - им геенны кара уготована, им наказание огнём.

11. Воистину тем, кто уверовал, творил добро, - сады, текут под ними реки чистые, и в этом - воздаяние великое!

12. Воистину, сурова кара Бога Всесильного!

13. Начало Он начал, Он - возвращающий [вторично к жизни]!

14. И Он - Прощающ, Он Всеобъемлющ любовью!

15. Владыка трона, достославный,

16. Творит Он всё, что возжелает.

17. Не слышал разве - несть числа им, воинству неверных,

18. о Фирауне и о самудитах?

19. Но нет! Те, кто не верует, живёт во лжи.

20. Ведает Бог о всех деяниях их!

21. Да, явлен Нами Коран славный,

22. в скрижалях он храним небесных!

27 (101). Сокрушающее

1. Сокрушающее [день Суда?]

2. Что есть сокрушающее?

3. Откуда знать тебе, каково оно - сокрушающее?

4. О, в тот день люди рассеются, точно мотыльки разогнанные,

5. и будут горы мягкими, утратив твёрдость, точно шерсть взбитая.

6. Но тот, у кого на весах [судьбы] тяжела чаша [добрых деяний],

7. в жизни блаженной.

8. А тому, у кого легка чаша на весах [перевешивают грехи],

9. в пропасть падь бездонную.

10. Откуда знать тебе, что в этой пропасти?

11. Огнь полыхающий!

28 (99). Землетрясение

1. Когда дрогнет земля, сотрясётся сотрясением,

2. когда из чрева свою ношу тяжкую извергнет,

3. возопит человек в отчаянии: "Что с землёй?"

4. И поведает она горести свои,

5. Ей Богом твоим внушённые.

6. И люди, из могил исторгнутые в тот день, собьются толпами, и явлены им будут их деяния;

7. и тот, кто сделал доброе весом с пылинку, - увидит его,

8. и тот, кто сделал злое весом с пылинку, - увидит его.

29 (82). Раскалывание

1. Когда небо расколется,

2. и когда звёзды осыплются,

3. когда моря перельются,

4. когда могилы отверзнутся,

5. узнает тогда душа, что ею наперёд уготовано было и отложено.

6. О человек! Что ввергло в соблазн, отвратив от Бога щедро?

7. Не Он ли сотворил тебя, выровнял и соразмерил,

8. в облике, тобой желаемом, воплотил?

9. Но нет! Сочли вы ложью день Судный!

10. А ведь над вами - Его хранители,

11. писцы благородные,

12. им ведомо, что вы творите.

13. Воистину праведникам - в блаженстве пребывание!

14. А грешникам - огонь геенны уготован,

15. где гореть им в день Судный,

16. и не сокрыться, не избежать его!

17. Откуда знать тебе, каков он, Судный день?

18. И снова: знать тебе откуда, он каков - день Судный?

19. О, в тот день ничья душа ничьей душе помочь не в силах будет всевластен в день тот лишь Бог Повелевающий!

30 (81). Свёртывание

1. Когда солнце будет свёрнуто,

2. когда звёзды отлетят,

3. когда горы сдвинутся с мест,

4. когда на десятом месяце беременные верблюдицы будут без присмотра,

5. и когда все животные соберутся,

6. и когда моря перельются,

7. и когда души соединятся [с телами],

8. и когда зарытая заживо будет спрошена,

9. за какой грех она убита,

10. когда свитки развернутся,

11. когда небо будет сдёрнуто,

12. когда геенна разожжётся,

13. когда рай приблизится,

14. узнает тогда душа, что наперёд себе самой уготовила она.

15. Но нет! Да восхитимся движущимися [планетами],

16. текущими и сокрывающимися,

17. и ночью, когда она темнеет, восхитимся,
18. и зарёй, когда лишь задышала!
19. Воистину посланником достойным услышано
20. от обладающего силою всемогущей Владыки трона,
21. и Кому верны в покорности [ангелы], доверием Его одарены,
22. беседующий с вами не одержимый:
23. он ведь лицезрел его [Джебраила?] на ясном небосклоне
24. и не скупится всем сокрытое поведать.
25. Не речь то Сатаны, побиваемого камнями.
26. Так стойте же - куда уходите?
27. Ведь это - увещевание мирам,
28. тем из вас, кто возжелал быть праведным.
29. Этого не возжелаете, если Бог не пожелает, Владыка миров.
- 31 (84). Разверзнется
1. Когда небо разверзнется,
2. послушное воле Бога своего,
3. и когда земля изгладится,
4. исторгнув, что в ней, и опустошится,
5. послушная воле Бога своего,
6. ты к Богу устремись, о человек, и перед Ним предстанешь!
7. Тот, кому будет дана книга [деяний] в правую руку,
8. лёгким рассчитается расчётом
9. и вернётся, возликовав, к своим.
10. А кому будет принесена его книга из-за спины,
11. взмолится о погибели скорой
12. ведь гореть ему, не сгорая, в огне геенны!
13. А как он предавался усладам праздным,
14. думая, нет к Нему возвращения,
15. Вевидящ Бог - никому не сокрыться!
16. Да восхитимся закатом угасающим!
17. И ночью, и тем, что объёмлет она!
18. И месяцем, к полнолунию спешащим, да восхитимся!
19. Говорю же - вам спуск уготован, все ступени пройти [ада].
20. Так отчего не веруют они,
21. когда Коран им возвещается, и колен не преклоняют?
22. Ниспосланное смеют ложью объявлять!
23. Ведомо Богу, что они таят, что замышляют,
24. вот уж обрадуются, узнав о суровой каре, что ждёт их!
25. А тем, кто уверовал, творя благое, - награда неисчислимая!
- 32 (100). Мчащиеся
1. Да возрадуемся мчащимся коням - от бега они запыхались!
2. Высекают искры из-под копыт*,

* В одной из тюркских записей Гасаноглу есть замечание, могущее быть отнесено к мчащимся: "За реальностью земной - скачущий конь, запыхающийся от быстрого бега, искры из-под копыт итд - сокрыто, как представляется, небесное, в пространство которого, о чём Богу известно, но Мухаммед ещё не ведаёт, ему предстоит попасть на молниеносном коне".

3. и на заре налетают [на врага],
4. и пыль до облаков вздымается,

5. и ворвались, нахлынули стремительно...
 6. Воистину неблагодарен человек к Тому, кем сотворён,
 7. и сам - тому свидетель!
 8. И, к богатству падкий, алчности своей никак избыть не может!
 9. Неужто он не ведает, что день придёт - разверзнутся могилы,
 10. и обнажится то, что в помыслах людских запрятано.
 11. Воистину в тот день ничто от Него не скроется, Он Всесведущий!
- 33 (77). Посылаемые
1. Да восхитимся поочередно посылаемыми*,

* Что имеется в виду: суры и аяты? пророки? ангелы? ветры земные? грешники или неверные, посылаемые в ад? или что-то ещё - явления, события, люди? Очевидно, приемлема любая версия.

2. и веяниями, веющими сильно,
3. и бурями бурными [ветрами, что гонят облака] восхитимся!
4. И [аятами] разно различающими [добро и зло?] восхитимся!
5. И грозно передающими напоминание [ангелами],
6. прощающими, увещающими восхитимся!
7. Обещанное неотвратимо, сбудется оно!
8. И звёзды померкнут,
9. и небо расколется,
10. и горы в прах развеются,
11. и посланнику будет указано,
12. до какого срока отложено
13. до дня различения!
14. Но откуда знать тебе, что такое день различения?
15. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
16. Разве не Мы погубили первых [прежние народы]?
17. А за ними вослед Мы отправили позднейших
18. так с грешниками Мы поступаем.
19. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
20. Разве не Мы творим вас из влаги презренной,
21. помещая её в укрытие надёжное
22. до срока определённого? *

* Зародыш, образованный до рождения в лоне матери из смеси мужской и женской семенной жидкости?

23. Мы ведь предопределили - о, как прекрасно предопределённое!
24. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
25. Разве не Мы обратили землю в обитель
26. для живых и мёртвых?
27. И не воздвигли на ней прочно высящиеся и гордые [горы]? И не напоили вас водой пресной?
28. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
29. "Ступайте - и да познаете [наказание], что ложью объявили!
30. Во тьму, три ветви у неё, ступайте,
31. которая не затеняет и не спасает от огня!*

* Имеется в виду ад, где от горящего пламени образуется обильный дым, от которого

темно, и он вздымается? А три ветви оттого, что, помимо адовой ветви, дым отгоняется от рая и чистилища, что за преградой?

32. Бросает искры величиной с огромный замок,
 33. Точно они рыжие [жёлтые] верблюды".
 34. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
 35. Это день, когда не вымолвишь и слово!
 36. И оправдаться не дозволено!
 37. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
 38. Это день разделения: собрали Мы вас и тех, кто был их прежде,
 39. И если хитры, что ж, попробуйте против Меня исхитриться!
 40. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
 41. Богобоязненные - в тени средь чистых родников,
 42. и спелые плоды, какие пожелают.
 43. [Им скажут]: "Ешьте и пейте во здравие, ибо творили благое!
 44. Воистину так Мы вознаграждаем добродееющих!"
 45. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
 46. [Скажет им Бог]: "Что ж, ешьте вволю, наслаждаясь, ведь время на земле недолгое, и кто не во грехе?"
 47. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
 48. Когда им говорят: "Творите поклоны в молитве!" - не внемлют!
 49. Горе в тот день во лжи обвиняющим!
 50. Что ещё [сверх того] вам молвить, чтобы вы уверовали?
- 34 (78). Весть великая
1. О чём они вопрошают друг друга?
 2. О вести великой!
 3. И никак им не достичь согласия.
 4. Но нет - узнают скоро!
 5. И снова нет - постигнут, что их ждёт!
 6. Разве Мы не расстелили землю перед ними?
 7. И горы разве Мы опорой небу не воздвигли?
 8. И парами не сотворили вас?
 9. И даровали сон в отдохновение вам!
 10. И ночь покровом сделали для вас!
 11. Дню светлому придали время жизни
 12. и неба семь твердей над вами Мы воздвигли,
 13. в них поместив блистающий светильник!
 14. И выжимаем дождь из облаков над вами,
 15. чтоб воду ниспослать обильную и ею плод для вас произрастить,
 16. зерно и травы, сады густые...
 17. неотвратимое предопределено - он грянет, различия день,
 18. и протрубит труба, и толпами придёте [на Суд],
 19. и небеса разверзнутся, будто врата кто распахнул им,
 20. и горы задвигаются, станут миражом.
 21. Воистину геенна - засада для преступивших,
 22. здесь - их обитель,
 23. где пребудут вечно,
 24. не вкушая прохлады, изнывая от жажды,
 25. кипятки здесь да гной
 26. воздаяние подобающее!

27. А что грянет расплата, не брали в расчёт,
28. сочли, что знамения Наши - ложь!
29. Но Нами записано, подсчёт Наш точен,
30. [и скажем]: "Вкусите, что вы заслужили, - наказание!"
31. Воистину Мы спасли тех, кто уверовал, богобоязнен,
32. ждут их сады, ждут виноградники,
33. сверстницы-гурии пышногрудые ждут,
34. и кубок, полный напитка, ждёт!
35. И там не услышат они ни злословий, ни лжи,
36. сполна от щедрот им Бога воздастся
37. Он Многомилостив, Владыка неба и земли, но и всего, что меж ними! И никто не посмеет пред Ним глаголать

38. в тот день, когда дух и ангелы выстроятся в ряд, - никто, кроме тех, кому позволяет молвить Милосердный, и скажет истину Он.

39. День этот грянет истинно, и пожелает кто, тот может уготовить путь возврата к своему Богу.

40. Вас о наказании близком и дальнем Мы предостерегли,

41. в тот день, как узрит человек, что уготовали его деяния. И вырвутся из уст неверного: "О, лучше бы мне оставаться прахом!"

35 (109). Неверные

1. Скажи: О вы, неверные!
2. Не стану поклоняться я тому, чему вы поклоняетесь,
3. и вы не поклоняйтесь - неволить вас не буду - Тому, Кому я поклоняюсь.
4. Нет, никогда не поклонюсь тому, чему вы кланяетесь,
5. и вы не поклоняйтесь, Кому я буду поклоняться впредь!
6. У вас - вера своя, а у меня - вера моя!

36 (83). Обвешивающие

1. Горе обвешивающим
2. о, сам берёт сполна, и даже больше,
3. а меряя другим иль взвешивая - недодаст, убавит!
4. И не подумают, что ждёт их воскрешение
5. в тот день великий.
6. День, когда пред Богом миров предстанут люди.
7. Так нет же! Пусть знают: книга их деяний плутовских - в сиджине.
8. Откуда знать тебе, что значит он, сиджин?

(136) Знатоки [ирония Ибн Гасана?] утверждают, что таинственный сиджин, или низменное, находится на седьмом, последнем круге земли, месте обитания Сатаны и его воинства.

9. Начертанная и сокрытая [книга деяний греховных]!

10. Горе в тот день во лжи обвиняющим [Мухаммеда],

11. и ложью - день Суда!

12. Преступник грешный тот, кто так считает!

13. Он слышит про знамения Наши, смея изрекать: Сказки первых!

14. Так нет же! Сердца их ржавчиной неверия покрыты!

15. И нет, и нет! От Бога их отдалят в тот день,

16. гореть в огне им!

17. И скажут им пред тем: "Узрите то, что вы считали ложью!"

18. Так нет же! Есть праведников книга в иллийун'е!

19. Откуда знать тебе, что значит иллийун?

20. Там начертана сокрытая знаками тайными [книга праведников]!

(137) Знатоки говорят, что иллийун, или возвышенное, находится на седьмом небе под тронем Бога. Не о нем ли говорится в Новом Завете: И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями? [Откровение Иоанна Богослова, 5/1].

21. И приближёнными [ангелами] оберегаема!

22. Воистину праведники - в благоденствии,

23. на ложах созерцают [сады райские]!

24. Узришь сверкание довольства в их глазах,

25. их поят там вином, печатью необыкновенною отмеченным,

26. а в завершение - мускус. Стремящийся да устремится!

(138) Вино ещё не запрещено, не является грехом, - отмечает Ибн Гасан. Далее поясняет: - Печать - это завершение. Мускус - вкус вина. Стремящийся возможны синонимы, вроде: Желаящие да возжелают! Соревнующиеся да соревнуются!

27. Смесь из таснима

28. родника чистого для приближённых.

(139) Тасним, или вышний источник, - на его водах был замешен прах, из которого сотворён Адам. Здесь - о вине, разбавленном водой таснима.

29. О, как глумились грешники над теми, кто уверовал!

30. Когда мимо них проходили, перемигивались [с издёвкой],

31. а когда возвращались в свои семьи, злорадствовали,

32. встречая их, показывали на них, говоря: "Вот они, обманутые!"

33. А они ведь не приставлены к ним стражами.

34. Но в день Суда уверовавшие посмеются над неверными,

35. на ложах созерцая их,

36. разве ж не воздастся нечестивцам за деяния свершённые?

37 (88). Покрывающее

1. Уразумел ли покрывающее?

2. Лица в тот день униженные,

3. непосильна ноша, цепи тяжкие волочат,

4. горят в огне пылающем,

5. поятся из источника кипящего.

6. И пищи нет у них иной, кроме дари [колючки?],

7. не утучняет и от голода не избавляет.

8. Лица в день тот благостные,

9. благоустремлениями довольные,

10. в садах вышних [наслаждаются].

11. Не услышишь там злословий,

12. родниковые воды проточные,

13. седалища высятся,

14. и чаши поставлены,

15. и подушки разложены,

16. ковры разостланы.

17. Хотя бы на верблюдов глянули - в каком облике они созданы,

18. и на небо - как оно возвышено!

19. на горы - водружены как крепко!

20. на землю - распростёрта как!

21. Наставляй, и да услышат, ведь ты - повторяющий!

22. Но не властитель ты над ними, не повелевающий,

23. А кто отвратился, не уверовал, отвергая,
24. подвергнутся Им наказанию великому,
25. [неужто не ведают] - ведь к Нам их возврат,
26. держать им пред Нами ответ - рассчитаемся!
- 38 (15). ал-Хиджр
1. Алиф, Лям, Ра. Это знамения Откровения, ясного Корана.
2. А ведь случится: и пожелают те, кто не уверовал, стать муслимами.
3. [А пока] оставь их, пусть вкушают радость бытия, отпущенной им жизнью упиваясь, утехам предаваясь, надеждой обольщаясь суетной, - потом узнают, что творили!
4. Мы не сгубили [беспричинно] ни единого людского поселения упреждено предначертанием Нашим!
5. И племя ни одно не упредит предела, не отсрочит.
6. Сказали: "О ты, кому ниспослано, ведь впрямь безумец ты и одержимый!
7. Но если явлен наставляль, истину вещая, - пусть ангелы с тобой придут к нам!"
8. Мы ангелов пошлём, но с истиной конечной - карой Божьей, и тогда не будет никому отсрочки!
9. Воистину Коран ниспослан Нами, и Нами он оберегаем!
10. И до тебя являли Мы посланников к народам,
11. и каждый раз над ними, кто б ни был тот посланник, насмехались.
12. Да познают испытание, что Мы вложили в грешные сердца!
13. Не веруют, хоть ведомо о наших карах тем, кто был прежде их.
14. А если бы небесные врата открыли Мы пред ними и сюда б они взбирались, воскликнули б:- 15. "О, виденное ослепило нас, очарование наше беспредельно!"
- 16. Созвездиями небо Мы усеяли во удовольствие глядящего на них
- 17. и охраняем их от Сатаны, камнями побиваемого.
- 18. А если кто подслушает украдкой - светоч поразит его слепящий!
- 19. Мы землю разостлали, горы прочные на ней воздвигнув, и в меру всякого всего на ней взрастили
- 20. во пропитание вам и тем, кто корм отыщет и без вашего участия.
- 21. Нет ничего из благ, что вам необходимо, что б не было припасено у Нас, - но в меру Мы низводим их на землю.
- 22. Мы ветры шлём, что гонят облака, и с неба воды льём плодотворящие, и щедро поят вас, и за сохранность их не вы в ответе!
- 23. Воистину и оживляем Мы, и умерщвляем Мы, и Вседержатель Мы, всего владыка - Мы!
- 24. И тех Мы знаем, кто позади оставил вас, и Мы отставших знаем!
- 25. И, собранные, явятся ко Мне все те, кто были, есть и будут, воистину Бог твой - Он Премудр и Многознающ!
- 26. Из глины Мы звучащей сотворили человека и в форму облекли.
- 27. А прежде джиннов из огня - чистого горения Мы сотворили.
- 28. И молвил ангелам Бог твой: - Я человека сотворю из глины из звучащей и в форму облеку,
- 29. Когда ж его я соразмерю [выровню] и вдуну в него от духа Моего падите ниц пред ним, ему вы поклонитесь.
- 30. И вняли ангелы наказу Моему, и преклонились все,
- 31. кроме Иблиса. Сказал он дерзко: - Нет, не стану преклоняться!
- 32. Сказал Я: - Одумайся, Иблис! Что сделалось с тобой?!
- 33. Сказал он: - Нет не стану поклоняться перед тем, кого Ты сотворил из звучащей

глины и в форму облёк!

34. Сказал Я: - Сгинь с глаз Моих! Будешь побиваем впредь камнями.
35. Воистину ты проклят Мною до дней скончания!
36. Сказал он: - Мой Бог! Отсрочь до дня до воскресения!
37. Сказал Я: - Воистину тебя причислю к тем, кому дана отсрочка
38. до дня назначенных времён!
39. Сказал он: - Мой Бог! За то, что проклял Ты меня, всем, кто на земле, украшу их деяния, прельстив соблазнами, собью с пути их всех,
40. помимо тех рабов Твоих, которые чисты [в вере].
41. Сказал Я: - То путь прямой, всех ко Мне ведущий!
42. Воистину не властен над рабами ты Моими - помимо тех заблудших, кто за тобой последует,
43. геенна - место, им назначенное Мною.
44. Семь врат там [в аду], чрез каждые из них пройдёт, кто кару заслужил.
45. А всем, кто чист, - обитель среди садов и родников.
46. И молвят им: - Вам вход сюда, где есть покой и мир!
47. И Мы исторгнем гнев и злобу из сердец, воссядут все как братья, друг от друга лиц не отвращая.
48. Избавлены от забот - никто не смеет их изгнать оттуда!
49. Рабов оповести Моих, что Я Прощающ, Наимилосерд,
50. но и караю Я мучительною карой!
51. Поведай также им про Ибрагима - про гостей его,
52. пришли, сказав: - Мир тебе!
- Спросил их: - К добру ли ваш приход?
53. Сказали: - Радуйся, с вестью явлены к тебе о сыне многомудром!
54. Неужто, - им Ибрагим, - радость для того, кто стар и дряхл?
55. Они сказали: - Истинная весть, не будь отчаявшимся!
56. Ответил: - Разве что отчаётся заблудший в милости Божьей!
57. И спросил: - У вас какое дело, о посланцы?
58. Молвили: - К народу грешному мы посланы,
59. семейство Лута исключая, - их мы спасём,
60. кроме жены его!
- Решили Мы: она - оставшая [нарушила завет].
61. И вот посланцы перед Лутом,
62. спросил он их: - С чем прибыли ко мне, о незнакомцы?
63. Сказали: - Явились с тем, в чём [нечестивцы] сомневались!
64. И вот мы здесь! Свершится то, что будет, наша речь правда!
65. Среди ночи выведи семью, иди за ними, и пусть никто не обернётся куда вам повеление идти, туда идите!
66. Ему внушили Мы, что их тылы к утру постигнет отсечение.
67. А пока пришли к нему [Луту] горожане в предвкушении утех.
68. Сказал он: - Это мои гости, не обесславьте вы меня!
69. Бога побойтесь и меня бесчестьем своим не позорьте!
70. Сказали: - Разве ж мы тебе что запретили?
71. Сказал он: - Вот дочери мои, если невмочь вам, совершайте [грех].
72. Клянусь твоей жизнью [Мухаммед], опьянением они упоены, блуждают слепо.
73. И с восходом солнца вопль [трубный глас?] оглушил,
74. и верх Мы обратили в низ, и пролили на них Мы дождь, посыпались куски окаменевшей глины.

75. Воистину знамение для тех, кто в явленном прочитывает знаки!

76. В развалинах лежат - заметны на дорогах!*

* Речь о Содоме и Гоморре, развалины которых на большой сирийской дороге близ Мёртвого моря могли наблюдать мекканские купцы.

77. Знамена в том ясные для верующих!

78. И обитатели аль-Айки* тоже были нечестивцами!

* Оазис близ Мадйана, в котором обитали сородичи пророка Шуайба, назван в смысловом ряду с Содомом и Гоморрой.

79. Мы им воздали, следы обоих - тех и этих на своём узришь пути.

80. И обитатели аль-Хиджра лжецами посланцев объявили.

81. И привели Мы им знамена Наши, но отвратились они надменно.

82. Высекли они в горах дома и мнили - недоступны, мол,

83. но на рассвете вопль схватил их устрашающий,

84. и не спасло их ими наработанное!

85. Сотворили Мы и небо, и землю, и то, что меж ними по Истине Высшей, воистину день тот [Судный] настанет - прости ж великодушно [отвернись красивым оборотом] свой народ [многобожный].

86. Ведь Бог твой - Он в творении Премудр, Всевидящ!

87. Ниспослали тебе Мы семь повторяющихся. И Коран великий ниспослали.

(140) Семь - цифра священная, символ исполненного благословения. Семь повторяющихся: а) семь аятов суры ал-Фатиха; б) семь объёмных сур Корана, в них - законы, правила жизни и притчи, рассказывающие о всемирных явлениях; в) семь притч в Коране о ранее явленных пророках, наказании, постигшем отвратившиеся народы; г) семь атрибутов Бога, с помощью которых Владычествует: Живущий, Знающий, Желаящий, Действующий, Видящий, Слышащий, Говорящий*; Коран великий - Джуами уль-Калим, или Собрание всех слов Бога [фраза далее зачёркнута, прочитывается лишь огузское *yanlis* (ошибочное) и *hesab* (счёт) с цифрами 19 и 7, что, думается, может подтвердить гипотезу Ибн Гасана, что (попытаюсь фразу реконструировать) произошла ошибка при подсчёте сур, их в Коране первоначально было 19, умноженное не на 6, а на 7, - 133, что, напомним, совпадает с заглавием свитка коранического повествования: Сто тридцать три].

* К цифре семь - слова двоюродных братьев Мухаммеда: Али - "Коран в семи харфах [харф - вариант канонического чтения] ниспослан" и Ибн Аббаса "Черета дней вращается по воле Бога вокруг семи; из семи веществ человек создан; над нами - семь небес; под нами семь кругов; совершаем семь обходов вокруг Каабы; семь раз проходим меж холмами Сафа и Марва, семь камней бросаем в Сатану.

88. Не простирай же взор свой к благам, что во искушение Мы дали, не печалься о них, и крыло преклони [голову?] пред уверовавшими.

89. Скажи: Воистину я лишь увещатель ясный!

90. Из тех, кого Мы ниспослали на делителей всяческих,

91. Коран расчленяющих на разные части.

(141) Да, множество развелось делителей, которые: а) выделяют в Коране части, совпадающие с Торой и Евангелием, и принимают лишь их, остальное как ложное отвергают; б) делят Коран по жанру, теме, сюжету; в) на поэтические строки, а также содержащие волшебство, ворожбу, заклинание; г) отрывают Коран от Писания, скрывая, что он является его частью; д) мекканцы разрезали папирус или пергамент с сурой на обрывки, даря клочья паломникам, как нечто никчемное.

92. Богом твоим клянусь, Мы непременно призовём людей к ответу
93. за всё, что натворили!
94. Воззови, о чём тебе наказано, и отвратись от многобожников!
95. Воистину Мы от глумящихся тебя избавили
96. от тех, кто божества другие Богу твоему придал, - потом они уразумеют!
97. Нам ведомо, как сердце содрогается твоё, когда хулу слышишь.
98. Я - твой Бог, восславь Меня и возноси хвалу
99. и с теми пребывай, кто кланяется Мне, пока несомненность [смерть] не явится к тебе!

39 (89). Заря

1. Да восхитимся зарёй,
2. восхитимся десятью ночами!

(142) Здесь, по версии земной, - десять ночей месяца зуль-хиджа, когда совершают хадж в Мекку. Этого ещё не случилось, но случится непременно. Небесный смысл - упреждающий!

3. И чётот, нечетот восхитимся,
4. ночью в её исходящем движении!
5. Для разумеющих неужто мало этого?
- 6 *. Дошел ли до тебя рассказ о гостях Ибрагима почтенных?

* Далее - аяты суры [72(18)/24 - 46], явленные ранее. А может, это сделано Ибн Гасаном по тематическому созвучию?

7. Вот вошли они к нему и сказали: - Мир!
- Ответил им: - Мир и вам, люди неведомые!
8. И вышел он к своей семье, и принес жирного телёнка,
9. и предложил поесть, сказав: - Угощайтесь!
10. Почувствовал к ним страх. Сказали они: - Не бойся! - и возвестили о мудром мальчике.
11. И пришла его жена, услышав эту весть, и закричала, ударяя по лицу и говоря: - Старуха я бесплодная!
12. Сказали: - Так поведано твоим Богом: ведь Он Мудр, Знающ!
13. Спросил: - Что скажете ещё, посланцы?
14. Ответили: - Мы явлены к народу грешному,
15. чтобы ниспослать на них камни из глины,
16. меченные Богом твоим для тех, кто вышел за пределы.
17. Оттуда тех Мы вывести решили, кто в Нас уверовал,
18. всего лишь дом единый оказался, кто предался Нам.
19. Оставили знамение для тех, кто праведен, наказания страшится Нашего.
20. И о Мусе поведаю: его направили с явной властью к Фирауну.
21. Но отвратился тот, сказав: "Колдун ты, одержимый!" И взяли Мы его, в пучину ввергли войско - достоин осуждения навеки!
22. И об адитах неужто позабыто,
- 23*. как наказали Мы их племя

* Далее вклиниваются аяты из начатой, но прерванной суры 58 (38).

24. из града многоколонного Ирама,
25. нигде не сыщешь ты домов подобных!*

* Дома снаружи и внутри были украшены золотом, серебром, драгоценными камнями.

За гордыню и безверие Бог наслал на город ураган, и он был засыпан песками. Извлекаемые из недр драгоценности тотчас превращались на свету в прах.

26. Послали ветер губительный на них - над чем пройдет он, превращает в прах, не оставляет ничего.

27. И самудитов, что жилища в скалах пробивали!

28. Неужто позабыто, как Мы им сказали: "Что ж, пользуйтесь какой-то срок!"

29. Но отвратились от заветов Бога, и видели, как поражающее настигает,

30. и не могли подняться, не найдя ни в ком подмоги.

31. А прежде племя Нуха наказали, - воистину народ беспутный!

32. И Фирауна всемогущего

33. творил бесчестия неисчислимые,

34. порчу умножая [на земле]!

35. Тяжка плеть Господней кары!

36. Воистину Бог твой Зорек, Наблюдающ.

37. Что ж человек? Он всякий раз, как щедро почестями его Бог испытывает, говорит: "Бог мой щедро одарил меня!"

38. А когда подаёт лишь в меру, испытывая, говорит: "О, как Бог меня унизил!"

39. Так нет же, нет! Щедры ли сами к доле вы сиротской?

40. И к бедствующему щедры ли?

41. Вы алчны - на чужое заритесь наследство!

42. И ненасытны в обожании богатства!

43. Так нет же, нет! Когда земля рассыплется и станет прахом,

44. и явится Бог твой, выстроятся ангелы рядами,

45. опомнитесь, когда пред геенной предстанете, но будет поздно!

46. И возопит [человек, вспомнив свои злодеяния]: "О, если бы смог начать сначала! И приготовиться заранее!"

47. И кара б не была Моя неотвратимой,

48. никто оковами его столь крепко б не опутал!

49. [И да услышишь:] "О душа, покой обретшая!

50. К Богу твоему, снискав Его радость и довольство, воротись!

51. Войди с рабами Божьими Моими!

52. Войди в сад [рай] Мой!"

40 (75). Воскресение

1. Нет, да восхитимся днём воскресения [Судным]!

2. И душой, самоё себя порицающей, да восхитимся!

(143) Душа рассматривается в четырёх земных смыслах: а) порицающая себя за прегрешения; б) незапятнанная, но полная самоукора; в) кающегося грешника при воскрешении; г) душа Адама, который утратил рай.

3. Неужто полагает человек, что Мы не соберём костей [истлевших]?

4. Способны даже [восстановить*] пальцы до косточки последней!

* Здесь, как в Божественном откровении, отыскивается, по свидетельству не только богословов, созвучие с современными изысканиями в области клонирования человека. К клонированию относят и создание Евы из ребра Адама, и слова Иова, что Бог в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою эту.

5. Нет, не желает человек избыть своё распутство!

6. Но хочет знать и вопрошает: - Когда же воскресение?

7. Когда?! Когда погаснет свет в глазах!

8. Когда луна затмится!

9. Когда сойдутся солнце и луна!
10. Тогда он возопит: "Куда бежать?"
11. Так нет же, нет! Укрыться негде!
12. У Бога прибежище в тот день!
13. И возвестится человеку, что свершил он, уклонился от чего.
14. И против самого себя свидетелем он сам
15. Ни извинений и ни просьб [в тот день]!
16. Да не спешит язык твой всуе повторять услышанное.
17. Воистину читаемое [Коран] предстоит собрать
18. когда ниспосланное Нами повторяешь, услышанному следуй строго!
19. Воистину на Нас лежит и разъяснение его!
20. Так нет! Вы возлюбили преходящее [жизнь земную, ближнюю]
21. и не желаете знать о последнем [пренебрегаете воскресением],
22. а лица [благочестивых], в тот день сияющие,
23. на Бога взирают,
24. и лица в тот день мрачные
25. ибо хребты переломятся.
26. Так нет! Когда уходящая [душа] доходит до ключицы,
27. с тревогой спрашивают [родичи]: "Как спасти?"
28. И узнается тогда, что пришла разлука [с жизнью],
29. и все горести [голень с голенью] сойдутся [жизни и смерти],
30. в тот день, когда погонят к Богу:
31. ведь не веровал он, не молился,
32. считал [услышанное] ложью, отверщался,
33. в гордыне шел к семье [уходя от Бога], был спеси полон
34. горе тебе! горе!
35. И ещё и ещё горе! горе!
36. Неужто полагает - оставлен самому себе?
37. Никем не наблюдаем?
38. Ведь был он каплей презренной, из семени источаем, стал сгустком потом, и Он сотворил его, придав облик!
39. Им содеялась пара - мужчина и женщина,
40. неужто Такой [Создатель] не в силах воскресить из мёртвых?
- 41 (86). Идущий ночью
 1. Да восхитимся небом и идущим ночью!
 2. Откуда знать тебе, что значит идущий ночью?
 (144) Словосочетание многозначно: Приходящий ночью? Поздний посетитель? Ночной гость? Или: Утренняя звезда? Закатная пора ночи? А может, Мысль, что приходит во сне? Очевидно, пригодны все версии.
 3. Звезда пронизывающая!
 4. Поистине над всякою душой её хранитель есть
 5. пусть же поразмыслит человек: он создан из чего?
 6. А сотворён из влаги он,
 7. что из хребта и чресел изливается.
 8. Воистину Он в силах возродить его [человека после смерти],
 9. в тот день, как обнажится тайное, став явью.
 10. И не сыскать ему в тот день заступника!
 11. Да восхитимся небом, что вершит круговращение.
 12. И землёй восхитимся, что вершит раскалывания*.

* Разложение плоти? Разрушение семени для произрастания?

13. Это воистину слово различающее [истину и ложь]

14. не суесловие, нет!

15. Они [мекканцы] замышляют хитрость

16. что ж, хитростей немало есть и у Меня!

17. А пока неверным дай отсрочку ненадолго [пусть помыслят]!

42 (91). Солнце

1. Да восхитимся солнцем и сиянием его,

2. луной, что следует за ним, да восхитимся,

3. восхитимся днём, мир озаряющим,

4. ночью да восхитимся, мир сокрывающей с закатом,

5. небом, Им воздвигнутым,

6. землёй, распростёртой Им,

7. всякою душой, Им сотворённой, соразмеренной,

8. и Им с Его веления в грехи погружённой и праведной!

9. Душой очистившейся - да преуспее она,

10. а кто скверну спрятал в ней - да понесёт убытки.

11. Самудиты в заблуждении сочли лжецом посланца,

12. отвергнут был злосчастнейшим, злонамеренным.

13. Говорил посланник Бога: "Вот Божья верблюдица - не гоните, пусть напьётся!"

14. Ослушались, неверием обуянные, - подрезали поджилки ей! Казнь Бога была сильна: всех уравнив, поверг Он их в погибель,

15. не страшась содеянного!*

* Притча упоминается в расчёте на знание её - самудиты требовали чуда: из скалы вывести верблюдицу, тогда уверуют в Единого Бога. Салих воззвал к Нему, и скала, точно роженица в схватках, стала корчиться, разверзлась, вышла из неё огромная верблюдица. Воды было мало, договорились день пить всему племени, день поить её - она выпивала всю воду, но давала столько молока, что хватало всем. Однажды Салиху явилось, что родится в этом месяце десять мальчиков и один станет причиной гибели всех. И точно: родилось десять мальчиков, и во имя спасения рода решили принести их в жертву: отцы заклали сыновей, но десятого отец его отказался умертвить. Ребёнок рос быстро и, возмужав, пристрастился к вину. Вода понадобилась разбавлять вино, но всю воду верблюдица выпила, что разозлило пьяную ораву, и они убили верблюдицу. И молвил Салих: "Знамение и наказание вам - завтра покраснеете, на другой день пожелтеете, на третий - почернеете". Так и случилось: за неверие Богу, слушание Его все подверглись каре, окаменели и рухнули.

43 (53). Звезда

1. Да восхитимся звездой, когда она закатывается!

2. С пути не сбился ваш товарищ, нет, не заблудился.

3. И в откровениях своих нет прихоти его,

4. лишь повторяет то, что внушено, ниспослано ему.

5. Научен силою великой обладающим

6. тем, кто огромной мощью наделён. Возник Он [вдруг]

7. на горизонте высочайшем.

(145) Нет, не Бог, - будто кому возражает Ибн Гасан, - а Джебраил, о ком уже было в суре 29 (81). Свёртывание: Обладающий силою великой у Владыки трона, то есть Бога. Впрочем, - тут же соглашается, - вполне предположимо, судя по последующим аятам, что речь, возможно, и о Боге.

8. И прямо стал, спустился и приблизился,
 9. и был на расстоянии двух луков, а то и ближе.
 10. И откровение ниспослано Им было Своему рабу, внушил то, что внушилось.
 11. Нет, не солгало сердце в том, что видел он и слышал!
 12. Как можете оспаривать, что видел он?
 13. И не однажды видел - тот возник при нисхождении другом,
 14. близ лотоса, у крайнего предела,
 15. за которым - сад прибежища Его [райские сады?].
 16. И покрывало лотос то, что покрывало.
 17. Ничто от взора не сокрылось - не более того, что дозволено Им.
 18. А ведь увидел Бога он своего знамения!
 19. А вы [мекканцы]? А вы ал-Лат видали? ал-Уззу вы видали?
 20. Иль третью - ту, которая Манату, видали [своих богинь]?
 21. Так что же, вы себе сынов возжаждали, а дочерей - Ему?
 22. Несправедлив раздел подобный!
 23. Всего лишь имена [идолы], и ими вы и ваши родичи их наделили, и Богом знамений никаких о том не послано! Догадки лишь да склонность душ незрелых! А ведь от Бога уже пришло к вам повеление, путь прямой указан вам отныне!
 24. Вообразили, что доступно человеку всё, что возжелает он?
 25. Над жизнями двумя - над дальнею, что предстоит, и ближнею, что есть, Бог лишь властен!
 26. И даже сонма ангелов, что в небесах, заступничество вас спасти не может без того, чтобы дозволил Он, но тем [спасение] суждено, кем Он доволен и к кому благоволит!
 27. Воистину лишь те, которые не веруют в жизнь дальнюю, ангелам могли придумать женщин имена.
 28. Ну да, о том нет знаний никаких, предположение лишь только, а оно сравнится разве с Истиной, быть заменой ей?
 29. Так отворачивайся от тех, кто отворачивается от наших откровений и упивается лишь жизнью ближней!
 30. Что ж, ограниченны их знания. Воистину Бог твой лучше знает тех, кто сбился и сошёл с Его пути, и тех, кто путь избрал прямой.
 31. Богу принадлежит всё, что на небе и на земле. Воздаёт Он всем по их делам - и тем, кто зло вершит, и тем, кто добрые дела свершает.
 32. [Прощение] тем, кто тяжких избегает прегрешений, мерзостей великих и чьи проступки мелки, ведь Бог твой - Всеобъемлющ Он в прощении Своём! И Наилучший из осведомлённых! Он знал и знает вас - и когда творил вас из земли, и когда зародышами были вы в утробе матери. Не мните, что вы лучше, чем Бог ваш, знаете себя и в помыслах чисты, - то ведомо Ему, кто истинно богобоязнен!
 33. Узри того, кто отворотился!
 34. Малым одарил и поскупился!
 35. Нет знаний у него о сокровенном, он разве ясновидец?
 36. А ведь не знать не может он, что есть в свитках Мусы
- (146) Речь, - поясняет Ибн Гасан, - о скрижалях, их было десять, на которых запечатлены были заповеди, или заветы, данные Богом Мусе:
- (1) лишь Богу Единому поклоняйся;
 - (2) не сотвори себе кумира;
 - (3) не приноси клятву именем Бога;
 - (4) соблюдай день субботный, посвящая его Богу;
 - (5) почитай родителей своих;
 - (6) не убий;
 - (7) не укради;
 - (8) не прелюбодействуй;
 - (9) не лжесвидетельствуй;
 - (10) не завидуй ближнему.
- Сказывают, что когда иудеи спросили у Мухаммеда, дабы испытать его или запутать, о

д е в я т и знамениях, явленных Мусе, и д е с я т и заповедях, на скрижалях запечатленных, Мухаммед, поведав, что скрижали были сотворены из райского дерева, длина каждой доски была в десять локтей и что заповеди были начертаны д е с н и ц е й Б о ж и е й, ответил: - Девять или десять не в счёт дело, важно, чтоб люди... - и тут Мухаммед назвал следующие заповеди, частично явленные ему в Коране, а частью повторяющие ранее ниспосланное Мусе, - соблюдали их!

И перечислил их: (1) не признавайте иные божества, кроме Бога; (2) не проливайте невинную кровь; (3) не прелюбодействуйте; (4) не воруйте; (5) не ростовщичествоуйте; (6) не занимайтесь колдовством; (7) не доносите; (8) не убегайте с поля боя; (9) не оговаривайте честных женщин. И умолк в ожидании нового вопроса.

- Ты не сказал о заповеди десятой! - молвили ему.

- Десятая - это то, что вы постоянно нарушаете: запреты субботнего дня!

37. и что молвлено Ибрагимом, заповедям верным,

38. о том, что (1) ни одна душа не понесёт чужую ношу,

39. что (2) каждому воздастся за усердие его,

40. и (3) незамеченным добродетелью не останется,

41. и (4) каждому уготовано что заслужил, и он наградой вознаградится,

42. что (5) к Богу Единому - исход конечный,

43. что (6) Он, и только Он дарует смех и слёзы,

44. что (7) властен Он назначить смерть и жизнь дарует Он,

45. что (8) сотворил супругов Он - и мужа, и жену,

46. что вы - из капли малой семени, что изливается,

47. и что (9) Ему принадлежит вторичное создание [воскрешение],

48. и что (10) лишь Он есть Тот, Кто от нужды избавил, дал достаток.

49. Бог - Он созвездий [Сириуса] Властелин,

50. Он Тот, Который погубил адитов древних,

51. и самудитов Кто не пощадил,

52. а прежде племя Нуха погубил - были несправеднее и беззаконнее,

53. и опрокинутых [народ Лута] Он ниспроверг,

54. и покрыло их то, что покрыло!

55. И смеешь в Боге своём, Его благодеяниях сомневаться?!

56. Увещатель он [Мухаммед] - из тех, которые являлись прежде.

57. И подоспеет то, что подоспеет [день Суда],

58. и никто, помимо Бога, его не отвратит.

59. Неужто и теперь услышанному будете дивиться?

60. К тому ж ещё хохочете, а впору б слёзы лить,

61. и в небрежении утехам предаётесь

62. пред Богом своим падите ниц и поклоняйтесь!

44 (20). Та Ха, или Муса

1. Та, Ха.

(147) Тут я услышал, как уже не раз случалось [когда? где?.. о том прежде - ни слова!], взорвавшийся над головой моей глас:

- Эй, Ибн Гасан, не пытайся постичь только что переписанное, а уразумей иное!

Что это - иное? И лишь завершив суру... О том - далее: ведь сура не завершена!

2. Коран тебе Мы ниспослали не в переживание, не для печали [что земляки противятся новой вере],

3. а в напоминание благочестивым, тем, кто страха Бога страшится!

4. Ниспослан Тем, Кто землю сотворил и небо вышнее,

5. Тем Всемилосердным, Кто утвердился на престоле.

6. Ему принадлежит, что на земле, и в небе, и меж ними, и то, что под землёй сокрыто.
7. О чём бы ты ни говорил и как бы ни утаивал, всё ведомо Ему - и явное, и сокровенное Он знает.
8. Бог, Аллах, Бог, Бог!.. - нет божества иного, помимо Него, и назван именами всеми Он чудесными!
9. Не слышал разве о Мусе рассказ?
10. Увидел пламенеющий он огонь, сказал своей семье: "Останьтесь ждать меня, я пламя вижу. Быть может, тем огнём мы разожжём костёр и верный путь отыщем".
11. Приблизился к огню, благословенное то место, что с правой стороны долины, и тут раздался голос, от куста идущий: - Эй, Муса!
12. Воистину Я есмь твой Бог, скинь обувь с ног, ведь ты - в святой долине Тува!
13. Ты избран Мной, так слушай, что тебе Я возвещу!
14. Воистину Я - Бог, и нет иного божества, Меня помимо! Поклоняйся ж Мне и верши молитву во имя Моё!
15. Воистину, настанет волею Моей тот день [Судный], когда - то ведомо лишь Мне - душе воздастся каждой по заслугам!
16. Да никто не отвратит тебя от дум о том дне - ни тот, кто не верует, ни тот, кто погнался за страстью, - иначе ждёт тебя погибель. 17. А это что ты держишь в правой руке, Муса?
18. Ответил: - Посох мой, я опираюсь на него, а также погоняю им овец, и всякая иная польза от него исходит.
19. Сказал: - Брось посох свой, Муса!
20. Бросил - посох стал змеей, и вот... уже ползёт!
21. Сказал: - Возьми её, не бойся, верну посох в состояние прежде!
22. [Теперь] за пазуху сунь руку - выйдет белой, без пятен,
- (148) Следов проказы? Или чтоб Муса удостоверился, что ему пророческий явлен сан? - прерывает текст вопросами Ибн Гасан. - Бог, очевидно, полагал, что Ему не следует повторять ранее ниспосланное и ускоренно рассказывает о Мусе, опустив в истории с жезлом и побелевшей рукой ряд моментов: в Библии жезл "превратился в змея", в Коране - "стал извиваться змеей"; Моисей побежал в страхе от змея, и сказал Господь: "И прости руку твою и возьми его за хвост". Он простёр руку свою и взял его (за хвост); и он стал жезлом в руке его. "Это для того, чтобы поверили, что явился тебе Господь". То же с рукой: "Положи руку твою к себе за пазуху". И он положил руку свою к себе за пазуху. Вынул её (из пазухи своей), и вот, рука его побелела от проказы*, как снег. Ещё сказал: "Положи опять руку твою к себе за пазуху". И вынул её из пазухи своей, и вот, она опять стала такою же, как тело его. "Если они не поверят тебе и не послушаются голоса первого знамения, то поверят голосу знамения другого... Если же не поверят и двум сим знамениям и не послушают голоса твоего, то возьми воды из реки и вылей на сушу; и вода, взятая из реки, делается кровью на суше" (Исх., Моисей - избавитель. Моисей получает дар чудотворения).
-
- * Проказа здесь болезнь не столько физическая, сколько духовная; кстати, и слово болезнь, или марад, в Коране зачастую выступает как недуг неверия. В побелении руки, таким образом, очищение души от проказы неверия.
23. в том явлен новый знак тебе - и да узришь ты их среди множества иных знамений величайших Наших!
24. Отправься поначалу к Фирауну, ибо вышел за пределы он дозволенного!
25. - О Боже, - Муса взмолился, - грудь мою разверзни, открой Себе навстречу
26. и помоги мне в том, что на меня Тобой возложено,
27. и развяжи язык мой [устрани заикание?],

28. чтоб поняли меня,
29. назначь мне из моей семьи в подмогу
30. брата моего Гаруна
31. и силу мою с помощью его умножь,
32. пусть будет соучастником в моём он деле,
33. и да восславим мы Тебя премного,
34. и да будем поминать Тебя непрестанно,
35. Ты зорек, всё ведомо Тебе о всех о нас.
36. Сказал Он: - Уж даровано тебе, исполнится просимое, Муса,
37. и прежде Нами оказана тебе была Наша милость,
38. когда явили матери твоей Мы откровение:
39. "Помести его в ковчег, брось в море, пусть прибьётся к берегу. Поднимет враг его - он враг Мой, враг его". Я обратил к тебе любовь Мою, чтоб ты взращён был на Моих глазах.
40. Явилась потом сестра твоя, сказала [Фирауну]: "Не указать ли вам на ту, которая б могла о нём заботиться?" Вот так вернули Мы тебя путём окольным к матери твоей, чтоб усладился глаз её и не печалилась она. Убил ты человека, и это было, но Мы тебя от ужаса спасли и ниспослали испытание. А потому ты оставался долгими годами среди обитателей Мадйана, и много позже, о Муса, ты возвратился в предписанный Нами срок!
41. И определил Я тебя избранником Своим.
42. Пребудьте ты и брат твой в знамениях Моих, и да не будете нестойкими в поминании Меня.
43. К Фирауну вам пора, переступил черту дозволенного он в бесчестии своём,
44. поговорите с ним, но словом мягким - может, он одумается или убоится.
45. Сказали братья: - О Боже наш! Его боимся гнева мы, нечестие преступит он и нас накажет.
46. Он тут сказал: - Не бойтесь, ибо с вами Я, и буду слышать всё и видеть.
47. Идите к Фирауну оба и молвите, не убоившись: "Посланники мы Бога твоего. С нами отпусти сынов Израила и не наказывай их более! Мы пришли к тебе со знамениями твоего Бога, и да спасётся тот, кто за водительством Его последует!
48. Отныне откровение дано нам - ведомо, что кара уготована тому, кто отвратится от Его знамений, их ложью почитая".
49. И спросил [Фираун]: - Кто ж он, ваш Бог, о Муса?
50. Ответил: - Бог наш Тот, Кто всякой вещи образ [облик] её даровал, на путь прямой наставил, поведя.
51. Спросил он: - Каково с первыми, кто прежде не ведали о Нём?
52. Ответил: - Ведомо о том Богу нашему, в Писании сказано, и ничего от Бога не утаится, Он внимателен, ни о чём не забывает!
53. Он Тот, Кто землю расстелил пред вами, и проторил дороги в ней для вас, и с неба воду ниспослал на землю, произрастил на ней по паре всякого множества.
54. "Вкушайте, - сказал Он, - и стада ваши пасите; воистину в этом знамение для разумеющих!
55. Мы из земли вас сотворили, и будете в неё погребены, но возвратитесь вы потом ко Мне!"
56. Так вот: показали Наши знамения, но счел их ложью, отвратился.
57. И сказал: - О Муса, и ты посмел прийти к нам, пугая колдовством, вывести нас из земли нашей?
58. Мы тоже можем явить тебе подобное колдовство; условимся с тобой заранее - срок назови, и пусть не нарушен он будет: ни мною, ни тобой, и место назначь срединное!
59. Ответил он: - Срок для вас - день Украшения [праздник Нового года?], и да будут

собраны люди в час утренний.

60. С тем Фираун ушёл, собрав колдунов, и потом явился.

61. Муса им говорит: - О горе вам, не измышляйте на Бога лжи, не то Он поразит вас жесточайшим наказанием! Не избежать клеветующим Божьей кары!

62. И обсуждали меж собой волхвы дела колдовские, друг с другом тайно изъясняясь.

63. Сказали [Фирауну]: - Эти двое - колдуны и возжелали чарами своими извести из вашей вас земли и погубить ваш достохвальный путь.

64. Объединимся в волшебстве и соберёмся, как один, в своём умении - да будет счастлив сегодня тот, кто ныне верх одержит!

65. Спросили волхвы: - О Муса, ты первым бросишь, нам начинать?

66. Ответил: - Бросайте вы! - И увидел он, что силою их колдовства веревки их и посохи, что бросили они, задвигались и поползли.

67. И страх в душе почувствовал Муса.

68. - Не бойся, - Мы ему внушили, - превыше ты в умении своём!

69. Брось, что в правой у тебя руке *, и созданное ими поглотится! Бессильны колдовские ухищрения, где б ни творились, ждёт их неудача.

* По мусульманской притче, посох превратился в волосатую змею, она раскрыла пасть, нижней челюстью оперлась о землю, верхнюю возложила на крепостную стену (расстояние между челюстями было восемьдесят локтей), и при виде чудища Фираун побежал, в страхе наложив в штаны. В давке, когда люди в панике бросились врассыпную, погибло двадцать пять тысяч человек.

70. И пали ниц волхвы, признались в поражении: - Мы в Бога воистину уверовали - в Бога Мусы и Гаруна!

71. И в гневе молвил Фираун: - Уверовали прежде дозволения моего?! Я вижу, вы Мусой околдованы! Велю вам руки, ноги накрест отрубить, распять на пальмовых стволах, тогда узнаете, чья казнь [моя иль Бога Мусы] страшней и долговечней!

72. Ответили волхвы: - Пришли к нам ясные знамения, и мы тебя не предпочтём Тому, Кто сотворил нас. Делай, что задумал. Но властен ты лишь над ближайшей нашей жизнью.

73. Воистину уверовали в нашего мы Бога, и Он простит нам наши прегрешения и колдовство, к которому ты нас принудил, нет лучшего в вознаграждении Владыки, чем наш Бог, Он Вечносущий!

74. Кто грешником предстанет перед Богом, тому достанется в удел геенна, в которой он не умирает, но и не живёт.

75. Кто верующим и добротворя пред Ним предстанет, - тому вознаграждения ступени наивысшие:

76. пуши райские с ручьями чистыми для вечного там пребывания. То воздаяние тем, кто от грехов очистился!

77. Мы откровение Мусе явили: "Ночной порой с рабами выйдешь ты Моими, проложишь им дорогу по морю, пройдя его как сушу. Погони не страшись и утонуть не бойся!"

78. Преследовал их с войском Фираун - оно покрыто было в море тем, что покрывает.

79. Вверг в заблуждение народ свой Фираун, с пути прямого отвратил.

80. - О вы, сыны Исраила, Мы вас спасли от вашего врага, назначив встречу вам [Мусе] у ската правого горы [Синайской], и манну низвели на вас, перепелов вам ниспослали.

81. Вкушайте ж от благих даров, что Нами наделено, но никогда не преступайте за черту дозволенных пределов, иначе вас Мой гнев настигнет, а тот, кого настиг Мой гнев, - тому гибель!

82. Воистину Прощающ Я: тех, кто покался, уверовал, творя добро, и путь избрал

прямой, - тех Я прощаю!

83. Но что, скажи, Муса, тебя ко Мне поторопило, и поспешил ты свой народ оставить?

84. Ответил он так: - Они все шествовали по моим следам, и я к Тебе, Бог, поторопился, чтоб был доволен Ты.

85. И молвил Он: - После ухода твоего Мы испытали твой народ - сбил самирит с пути их [ас-самири, злой дух?].

86. Муса к народу воротился своему, кипело возмущение в нём, но и был он огорчён. Сказал тогда: - О мой народ! Не обещал вам разве Бог дары прекрасные? Неужто был несбыточным для вас завет, или Божьей кары возжелали, нарушив обещание, данное вами?

87. Но молвили в ответ: - Нет, обещания, данного тебе по воле нашей, мы не нарушали, но украшения было велено нам принести, и вняли мы приказу в огонь их бросить, так поступил и самирит.

88. Он выплавил тельца [золотого], который звуки издавал, подобные мычанию*. И самирит сказал нам: "Вот кто ваш Бог, Он и Мусы Бог, Который им забывает!"

* Что золотой телец ожил, замычав, существуют версии небесная (самирит взял из-под следа коня Джебраила горсть земли, бросил в пасть идолу, и тот ожил) и земная (когда в полое нутро тельца задувал ветер, возникал звук, похожий на мычание).

89. Они, слепцы, не видели, что он [телец] речам их не внимает и никакой нет пользы от него?

90. Но прежде их Гарун предупреждал: - О мой народ! Не поддавайся искушению, Бог ваш - Милосердный, следуй за мной и моему велению повинуйся!

91. - Нет, - молвили они, - не перестанем чтить тельца, покуда не вернётся к нам Муса!

92. Сказал Муса: - О брат Гарун! Когда увидел, что с дороги сбились,

93. что помешало следовать тебе моим путём? И почему ослушался веления моего?

94. Сказал Гарун: - Сын матери моей! Ты не держи меня за бороду и не хватай за голову, да, убоюлся твоего укора я, что расколол сынов Ибраила, твои нарушив повеления.

95. Спросил [Муса]: - А ты, эй, самирит, тобою что задумано?

96. Ответил тот: - Я видел то, чего никто не видел: взял от следов [лошади] посланца горсть и бросил в тельца!* Тогда и мысль мне в голову пришла - угодно было то моей душе [явить тельца божеством]!

* Якобы самирит был свидетелем, как народ, встретив почитателей коровы, потребовал от Мусы сотворить им видимого бога-идола.

97. Сказал: - Прочь уходи! Блуждать тебе отныне в этой жизни одному, сражённому недугом, вопия всю жизнь: "Ко мне не прикасайтесь!" И кары ждать неотвратимой. А твоего божка, кому ты поклонялся, - он идол, мы сожжём его, предав огню, и пепел по морю развеем.

98. Ваш Бог - только Бог Единый, и нет, кроме Него, иного божества, Он Тот, Который знаниями Своими Всеобъемлющ!

99. Моим историям минувших дней внимай, ниспосланное Мной - вам в назидание!

100. Кто отвратился, тому в день Воскресения ношу тяжкую нести

101. навечно быть прикованным к той ноше, что мерзка!

102. И протрубит труба, и грешников Мы соберем голубоглазыми*.

* Имеется в виду, что глаза грешников от ужаса застывают, становясь бесцветными, как бы поглубевшими. Толкование, что грешники - голубоглазые христиане-византийцы, несостоятельно и навязано, порождённое земными распрями.

103. И будут перешёптываться, сокрушаясь: "Пожили-то всего лишь десять дней!"

104. Но ведомо Нам лучше них самих, о чём они толкуют, говоря, кто б ни был он, благоразумный даже: "Нет, прожили всего лишь день!"
105. Спрашивают тебя о горах, скажи: "Бог развеет горы в прах,
106. и ровною пустыней станут,
107. и не увидишь на земле ни возвышений, ни ущелий!"
108. Грешники последуют за тем, кто, протрубив, созвал их, пред Милостивым стихнут голоса, услышишь ты только шорох,
109. не поможет никому в тот день ничьё заступничество, кроме тех, к кому благоволит Милосердный, позволит слово произнести.
110. Объемлет знанием Он то, о чём они не ведают: что было прежде них и что случится после.
111. Поникнут лица пред Живым, пред Сущим, и горько сожаление тех, кто пребывал в нечестии и творил несправедливость.
112. А кто благодеял и верующим был, да ни обид не убоится, ни стеснений не познает.
113. Коран Мы ниспослали, в нём угроз не счесть - быть может, устрашитесь, образуясь и бывшее вспомняв?
114. Превыше всех Бог - Владыка истинный! Не торопись с Кораном прежде времени, пока не завершено послание, и говори: - О Боже! Умножь мои познания!
115. С Адамом прежде заключили Мы завет, да позабыл о нём он, Мы не нашли в нём стойкости.
116. Когда-то ангелам сказали Мы: - Адаму кланяйтесь! - и все повиновались, один лишь Сатана не согласился.
117. И сказали Мы Адаму: - Вот кто твой враг и враг твоей жены! Да не позволишь, чтобы он извёл из рая вас, иначе ждут тебя несчастья!
118. Ни голод не грозит тебе [в раю], ни нагота,
119. ни жаждою не мучим и ни зноим.
120. Но Сатана ему шепнул: - Адам, не показать ли древо вечности, дарующее тебе власть непреходящую?!
121. Поели от него, и обнаружилась пред ними скверна их, они и устыдились наготы своей, из райских листьев стали шить одежды - Бога ослушался Адам и заплутал.
122. Но, Богом своим прощённый, он избран был посланником Его, и путь ему прямой указан.
123. И сказано Им было прежде: - Низвергнитесь из рая, друг другу став врагами! Но от Меня придёт к вам руководство, и кто последует Моим путём, тот не собьётся, не познает бедствий!
124. А отвратится кто от поминания Меня, тому воистину жизнь тяготами утесним! И призовём в день Воскресения ослепших!
125. Он возопит: - О Боже, зачем призвал меня слепым, я раньше зрячим был!
126. Услышит: - Как ты внимал знамениям Моим, и отвратился, и забыл Меня, так ты сегодня позабыт и отвращён.
127. Вот воздаяние Наше тем, кто преступил, Бога отверг знамения, ведь кара жизни будущей сильней и долговечней!
128. Не стало им уроком, сколько Мы до них сгубили поколений, проходят мимо тех развалин, но то - для разумеющих знамения!
129. И если бы не Слово, явленное Богом твоим, погибель неминуемая им, и срок неотвратим.
130. В терпении сноси от них [мекканцев-многобожников] услышанное, славь Бога хвалою до восхода солнца, до заката и прославляй в ночи и среди дня, в начале его и конце - тебе воздастся!

131. И алчно взор не простирай на тех, кто Нами наделён во испытание довольством жизни преходящей, - он лучше, Богом даруемый удел, и долговечней!

132. Семье вели творить молитву, будь терпелив. Не просим у тебя удела Мы, сами пропитание дадим: богобоязненным воздастся.

133. Но требуют они в ответ: - Пусть явится к нам с ясными знаменами от Бога своего! Но разве явные свидетельства о первых Моих свитках, что ниспосланы к тем, кто был до вас, не приводились?

134. Когда б Мы покарали их, посланца не явив, о, как бы возроптали! "О Боже, - взмолились, - отчего Ты прежде, чем ныне испытать унижение и позор, посланника предупредить нас не направил к нам, чтоб мы, уверовав в знамения Твои, могли за ним последовать?"

135. Скажи: - Что ж, каждый выжидает, выжидайте и вы, - но вскорости узнаете, кто обладатель верного пути и шёл прямой дорогой!

(149) ...и лишь по завершении суры [продолжил комментарий Ибн Гасан] я вдруг неожиданно для себя подумал о том очевидном, что прежде не привлекало моего косного внимания: "Как же могло случиться, что ни одна из сур не названа именами Мусы и Исы? А ведь Мухаммеду о пророках-предшественниках столько явлено! Целые куски из предшествующих учений приводятся! Мне показалось, нет, я убедился в том, каков смысл иного в наказе Бога, что не удавалось уразуметь. Так вот: люди, собирая Коран в пору противостояния с иудеями и христианами, руководствовались не волей Неба, а земным диктатом и допустили недопустимое: изъяли из заглавия суры её название Муса! И потому суре - по наказу Свыше - впредь именоваться (и заглавие ушло в начало свитка):

44 (20). Муса.

(150) Подобное произошло не только ли с этой сурой! Была ещё одна, названная Мухаммедом Иса, но по тем же соображениям земного диктата переименованная составителями впоследствии, о чём прочтётся в своё время, если это кого-то заинтересует, - заключил Ибн Гасан, впадая в грусть*.

* Есть от чего печалиться!

45 (79). Вырывающие

1. Ангелами да восхитимся, с силой вырывающими [души грешников],
2. Ангелами да восхитимся, извлекающими стремительно [без боли души праведных],
3. Ангелами да восхитимся, незаметными в полёте,
4. Ангелами да восхитимся, опережающими быстро [спеша доставить души в ад и рай],
5. Ангелами да восхитимся, распространяющими Его повеления!
6. В тот день, как сотрясётся сотрясающий [первый трубный глас],
7. и последует новый всеслышимый [второй трубный глас],
8. сердца в тот день трепещущие,
9. взоры смиренные.
10. И возгласят: "Неужто возможно возвращение в прежнее?"
11. Когда уже костями истлевшими мы стали?"
12. И ещё скажут: "Нет, в возврате нам какая выгода?"
13. И только глас [трубы] раздастся сотрясающий
14. все тотчас окажутся бодрствующими [воскреснут].
15. Уж слышал о Мусе рассказ:
16. воззвал к нему Бог в долине священной Тува:
17. "Иди, - ему Он молвил, - к Фирауну, ибо преступил [уклонился],
18. и спроси: "Не надо ли тебе очиститься от скверны [неверия]?"
19. Пойди со мною к Богу - вот верный путь, да убоишься Его!"

20. И тут Муса явил знамения великие,
21. но Фираун отверг и Бога презрел,
22. усердствуя в непослушании,
23. собрал приближённых, провозгласив:
24. "Я есмь ваш Господь Всевышний!"
25. Кару ниспослал ему Бог в двух жизнях: первой и последней.
26. Воистину в рассказе - назидание для тех, кто гнева Бога страшится!
27. Нет для Него труда - что вас ли сотворить или воздвигнуть небо.
28. Вознёс Он свод небесный и его устроил,
29. и тьмой ночью утемнил его, и высветил зарёю,
30. и землю распростёр,
31. и вывел из её расщелин воду, и пастбищем устлал,
32. и горы, вознеся их, утвердил
33. на пользу вам и вашему скоту.
34. Когда ж беда нагрянет всеохватная и величайшее переполнение [воскресение мёртвых],
35. в тот день вспомнит человек: усердствовал он в чём?
36. Узрят геенну те, кому огонь ада уготован,
37. кто преступил и уклонился,
38. утечи жизни ближней предпочтя,
39. воистину прибежищем им уготована геенна!
40. А те, кто был благочестив, богобоязнен, от пагубных страстей удерживая душу,
41. воистину прибежищем им будет рай!
42. И вопрошают в нетерпенье, дабы узнать о дне: "Скажи, когда наступит?"
43. О том не можешь ведать
44. Богом твоим определён предел его конечный!
45. Увещателем лишь явлен ты для тех, кто праведен и в ком богобоязнь!
46. В тот день, как Он предстанет перед ними, - пробыли [в могилах, как им тогда покажется] всего лишь вечер или миг короткий.
- 46 (69). Неотвратимое
1. Неотвратимое!
2. Но что это, неотвратимое?
3. Откуда знать тебе неотвратимое?
4. И самудиты, и адиты считали ложью день неотвратимый.
5. Истреблены гудящим, запредельным самудиты,
6. погублены адиты ветром ураганным, буйным и ревушим.
7. [Стихии] дал Он власть над ними все восемь дней и семь ночей, узри поверженные племена - точно стволы пальм, вырванные с корнем!
8. И что от них осталось?
9. И Фираун, и те, кто был до него, и те, кто опрокинут был, творили похоть, зло и убиение,
10. и Божьего посланника ослушались, - и Он схватил их хваткою великой.
11. Когда из берегов все воды вышли, Мы поместили вас в плывущем [ковчеге],
12. и это - испытание для всех и чтоб внимающие вняли!
13. А когда дунут единым дуновением в трубу,
14. и дроблением единым раздробятся и земля, и горы,
15. и падающее падёт падением [случится то, что должно случиться],
16. и свод небесный, обессилев, разлетится,
17. ангелы когда слетятся, и восемь их Бога престол вознесут

18. и призовутся все в тот день, тайное ничто не утаится,
19. и тот, кому его книгу [запись деяний] в правую руку дадут, скажет [тем, кто рядом]:
- Вчитайтесь в мою книгу!

20. А ведь я знал, что предстоит расчёт!

21. Ему - жизнь благодатная

22. в саду вышнем,

23. где плоды - рукой подать.

24. "Ешьте, скажут им, во здравие и пейте - вам воздаяние за прожитое в прошлом!"

25. А тот, кому книгу его в левую руку дадут, скажет: - О, если бы свою не видеть книгу!

26. Не знал, что предстоит расчёт конечный!

27. Ведь мнил, что завершение жизни - смерть!

28. Нет, не спасло меня моё богатство,

29. и власти, что была, уж нет!

30. И слышит [повеление Бога]: "Сковать его всего цепями,

31. и, сбросив, ввергнуть в пламя ада!"

32. А цепь, в которую закован, в семьдесят локтей длиною,

33. то кара за неверие в Того, Кто Всемогущий, Всевеликий!

34. На кров и на еду скупился!

35. Здесь нет друзей!

36. И пища, угованная грешнику,

37. кровавый гной.

(151) Якобы от ран людей, к которым он был жесток и несправедлив. - Ибн [не дописано: Гасан; может, кто другой?].

38. Но да восхитимся тем, что предстало взору!

39. И тем, чего не зрите, да восхитимся!

40. Воистину, внимаете вы истины словам, нет в том сомнения, и переданы вам они Моим посланцем благородным!

41. Что говорит он,- не слова поэта! О, как вы слабы в вере!

42. Не прорицателя речения! О, как вы слабы памятью!

43. Ниспослано от Владыки миров.

44. Но если Нашим именем он что-то изречёт, своё присочинит,

45. Мы его накажем крепко, схватим за руку за правую,

46. вену рассечём, питающую сердце,

47. не найдётся никого средь вас, кто бы удар сумел Наш отвратить!

48. Воистину Им изречённое - послание для праведных, тех, кто страшится гнева Божьего!

49. И не сокроются от Нас, о них Мы точно знаем, те, кто слышимое нарекает ложью!

50. Ниспосланное - для неверных бедствие.

51. Ниспосланное - несомненность истины.

52. Бога твоего восславь, Он Всевелик в величии Своём!

47 (36).

(152) Не успел я вывести заглавие Йа, Син, как услышал:

- Эй, Ибн Гасан! Остановись!

Тотчас высветилось во мне затаённое, неким предчувствием жившее и жаждущее прорваться, что нет в Коране суры, названной именем Исы!

- Знай, что на верном ты пути!

Может, было, но опять-таки утратилось в силу земного вмешательства составителей в небесное послание, и две части, ниспосланные порознь, были соединены позже?

- Исполни, что задумал! - прогремело.

И я, опустив первые двенадцать аятов суры, название которой Йа, Син*, начал с тринадцатого новую суру, где изложена христианская история, связанная с Исой**, и потому истинное название суры

* Эта сура помещена Ибн Гасаном 66-й.

** История приключилась в Антиохии, куда прибыли ученики Иисуса апостолы Варнава и Павел, и к ним присоединился апостол Пётр, говорили слово Божье, дабы отверзнуть дверь веры язычникам: Благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных [божков] к Богу Живому, Который сотворил небо, и землю, и море, и всё, что в них, Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши (Деян., 14/15-17). В откровении, ниспосланном Мухаммеду, воистину говорится об апостолах, явленных в Антиохии к язычникам и иудеям: апостолы не только проповедовали единобожие среди язычников, но и оспаривали его понимание иудеями, утверждая что благодатию Господа Иисуса Христа спасутся и единобожники-иудеи, и многобожники (там же, 15/11)..

Иса

1 (13). Им притчу приведи про поселенцев города - как посланные к ним явились увещевать,

2 (14). их двое было - их сочли лжецами, Мы третьим их усилили, и молвили они: - Мы к вам - посланцы.

3 (15). Но те сказали: - Вы только люди, нам подобные, и Милосердный истины вам не открывал! Речения ваши лживы!

(153) В Новом Завете обвинение апостолов во лжи вложено в уста некоторых иудеев, которые убеждали язычников отстать от апостолов, говоря: "Они не изрекают ничего истинного, а все лгут". И, возбудив народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим (Деян.,14/19).

4 (16). Молвили: - Кто мы - Бог наш знает, мы Его посланцы,

5 (17). и с нами явлено откровение ясное!

(154) Может, здесь имеется в виду, если исходить из логики небесного текста, что явившиеся не столько ученики, сколько посланцы Исы как Божьего сына?

6 (18). Но те сказали: - Нет, предзнаменованием дурным вы явлены [с их приходом в Антиохии началась засуха], и, если не умолкнете, побиты будете камнями, и вас постигнет наказание мучительное!

7 (19). Молвили они: - Предзнаменование дурное - сами вы, в себе вину ищите, ибо увещеванию не вняли вы, переступив пределы!

8 (20). И тут с окраины к ним поспешил муж некий и, запыхавшись, молвил, обратясь к своим:

(155) С той же убежденностью, что есть "неоспоримое свидетельство" (было, а потом исчезло?), толкователи Корана утверждают, что имеется в виду "муж по имени Хабиб" (известно имя?), который жил в Антиохии у дальних ворот города, выделял недоуздки, человек набожный, не скупился на милостыни, по вечерам подсчитывал дневной заработок, делил на две части, одну оставляя на пропитание семьи, а другую раздавал вдовам, сиротам и бездомным. И что когда до него дошла весть об угрозе посланцам, побежал в город и... О том - в откровении, явленном Мухаммеду:

О люди, не упрямитесь и последуйте за Бога посланцами!

9 (21). За теми, кто у вас вознаграждения не просит и кто по праведной идет дороге!

10 (22). Отчего Тому не поклоняться, Кем сотворены, к Кому вернемся?

11 (23). Но не пристало брать божков помимо Бога! Если пожелает причинить мне Милосердный зло, божков заступничество не избавит, не спасёт меня

12 (24). явное то заблуждение [поклоняться идолам].

13 (25). В вашего уверовал я Бога [о, посланцы!], прислушайтесь к совету моему [о земляки мои!]

(156) Тут толкователи Корана свидетельствуют с убеждённой уверенностью, укрепляющей меня в мысли, что снова мы имеем дело с вмешательством людей в явленное откровение - как же иначе можно понять изъятие из суры аятов?! О, эта старая вражда между ветвями единого древа Авраамова! О вы, дети рода! Кто звал вас друг на друга как на врагов? Но если я не прав, тогда зачем в тексте Корана пропуск, обрыв (или, как говорят толкователи, лакуна)? Достойна изумления смелость, с которой предлагается п р о д о л ж е н и е как шаг через пропасть:

Когда Хабиб завершил советы народу своему, стали они забрасывать его камнями, - уж ранен, упал, кровью залито лицо, не дышит уж, а камни летят и летят, и остался погребённым под камнями.

14 (26). И молвил Он ему [праведнику убиенному]: - Войди в мой рай! - А тот воскликнул: - О, если б знали земляки мои,

15 (27). что Бог дал мне прощение, к почитаемым причислил!

16 (28). И на его народ не стали б в наказание Мы рать небесную насыпать - нет в том у Нас нужды:

17 (29). всего лишь всеохватный трубный звук раздался - погасли!

18 (30). О горе им, рабам Моим! К ним не приходит ни один посланник, чтоб не подвергся их глумлениям!

19 (31). Неужто не уразумеют, сколько Мы до них сгубили поколений, им не вернуться никогда! И что ко Мне конечный их возврат!

20 (32). Воистину все будут собраны у Нас [в день Судный].

21 (33). Знамение для них - земля иссохшая, которую Мы оживили. И злаки возрастили Мы на ней в пропитание вам.

22 (34). Сады устроили Мы на земле из пальм и виноградников, источники забили из неё по Нашей воле,

23 (35). чтобы вкушали их плоды и то, что сотворили руки, - так отчего ж Меня не возблагодарят?

24 (36). Хвала Тому, Кто пары создал [мужскую и женскую особи]: которые земля растит и из живых существ которые, а также из того, о чём и знать не знают люди!

25 (37). Знаменем для них и ночь: с дня снимаем кожу Мы, и вот они - во мраке!

26 (38). И солнце Нашей волей катится к себе в обитель, где пребывает до поры по предписанию Того, Кто Всемогущий, Всеведущий!

27 (39). Луне определили сроки Мы [стоянки], и вот она уже истончилась, как будто пальмовая ветвь стареющая.

28 (40). И солнцу не дано луны настичь, а ночи - день опережать, всему проплыть своим путём назначено по своду неба.

29 (41). Знаменем для них - что предков их спасли в нагруженном ковчеге.

30 (42). Соизволением Моим они суда, подобные тому ковчегу, себе во пользование сотворили.

31 (43). А если пожелаем, Мы потопим [их суда], подмоги ниоткуда не дождутся, не спасёт никто,

32 (44). по милости от Нас им блага и на срок, определённый Нами.

33 (45). Когда им говорят: - Да убоитесь, зная, что пред вами было [с праотцами], что будет после, быть может, вас помилуют, - не слышат!

- 34 (46). Когда является знамение им Бога их - отвращаются!
- 35 (47). Когда им говорят: - Пожертвуйте немногим из того, чем наделил вас Бог, неверующие молвят верующим: - Бог в помощь вам, пускай, кого захочет, Он Сам накормит - не заблуждайтесь!
- 36 (48). Вопросают: - Но когда, если ваша речь правдива, сбудется обещанное [день Суда]?
- 37 (49). Им ничего увидеть не удастся - трубный всеохватный глас препирательства прервёт.
- 38 (50). Не успеют завещание оставить, к семье вернуться,
- 39 (51). как возгласит труба, - восставши из могил, к Богу поспешат.
- 40 (52). И воззовут: - О, горе нам! Нас подняли из мест упокоения! Узрели то, что Милосердный обещал нам, истину посланцы изрекали!
- 41 (53). Лишь вопль один - и тотчас все предстали перед Нами.
- 42 (54). И ни единая душа в тот день обижена не будет: воздастся каждому по его деянию!
- 43 (55). Рая обитатели в сей день усладам предаются
- 44 (56). и с райскими супругами на ложах возлежат, укрытые в тени.
- 45 (57). В изобилии плоды, что душа возжелает вкусить, - для них!
- 46 (58). Их встретил Милосердный словом: "Мир! "
- 47 (59). [И скажет Он]: "Прочь грешники!
- 48 (60). Не Я ли заповедал вам, Адамовы сыны, чтоб Сатане не поклонялись? Ведь явный враг он вам!
- 49 (61). И чтоб Мне поклонялись, путь праведный обрета!
- 50 (62). Сбил многие народы с истинной дороги Сатана, - пора бы вам уразуметь!
- 51 (63). И вот - геенна, то, что вам обещано,
- 52 (64). гореть в сей день и на века за то, что не уверовали!"
- 53 (65). Наложена им на уста печать, но о свершённом говорят их руки, свидетельствуют ноги!
- 54 (66). Будь воля Наша - им засыпали б глаза, и устремятся, будучи слепыми, по сирату* , друг друга обгоняя, - что смогут разглядеть?

* Сират - мост тоньше волоса и острее лезвия, пролегает над адом, ведёт в рай; праведный легко преодолевает мост, а грешный падает в ад.

55 (67). Будь воля Наша - Мы б облик изменили их [превратив в обезьян, свиней и камни], и не смогли бы отыскать жилищ своих.

56 (68). А тот, кому Мы дали долголетие, согбен в сложении [немощен], пора б уразуметь!

57 (69). Нет, не учили Мы его слагать стихи, не подобающе это ему, а что дано в аятах - то явленное Нами откровение, Коран то светоясный!

(157) Неужели Бог самоустраняется? Совершенно очевидно, что Мухаммеду Он отказывает в предшествующем пророчестве поэтическом творчестве. А ведь стихами, что подтверждают свитки [не самим ли Ибн Гасаном сочинены?], Мухаммед прославился среди мекканцев! К тому же стихотворчество и суротворчество суть явления божественного происхождения, но разнятся качественно, что определено способом их явления: первое рождается изнутри, второе диктуется извне.

Чьей-то рукой выведено на полях: "Ужасный стиль! И проглядывает попытка проташить ложное: разве стихотворчество не есть сатанинское наваждение?"

58 (70). И дан он, чтобы тех, благоразумен кто, увещевать, и тех предостеречь Божьей карой, которая свершится, кто не верует!

59 (71). Да уразумеют: то, что в пользовании их и чем владеют - скот и прочее, не Нашими ли сотворено руками?

60 (72). Животных покорили им - ездят на одних, других едят.

61 (73). Им от скота и польза, и питьё - так отчего ж Меня не возблагодарят?

62 (74). Помимо Бога, других богов избрали, на помощь их надеясь.

63 (75). Но войско идолов помочь не в силах им, и сгинут [в геенну].

64 (76). Пусть речи их [многобожников] тебя не огорчают: Нам ведомо и то, что изрекают их уста, и то, что в их душе сокрыто.

65 (77). Неужто слеп, не видит человек, что Нами создан он из капли? А ведь дерзит и, не страшась, глумится!

66 (78). Болтает всякое, забыв, Кем сотворён, и как, и из чего, надменно вопрошает: - Кто ж кости оживит истлевшие?

67 (79). Скажи: Тот оживит, Кто создал изначально вас самих, - во всяком Он творении Сведущ!

68 (80). Он Тот, Кто огонь возжёт из дерева зелёного [живого], и ныне зажигаете вы от того огня!

69 (81). Подобных вам нетрудно сотворить Тому, Кто небеса и землю создал, Он воистину Всемудр, Всетворящ!

70 (82). Лишь скажет Он, если сотворить желает: "Будь!" - случается это тотчас же.

71 (83). Хвала Тому, Кто властвует над всеми и к Кому возврат конечный!

48 (52). Гора

(158) Сбоку короткая, в два слова, приписка: Гора - символ*.

* Можно было бы уточнить, что имеются в виду три горы: : Синайская, где Бог был явлен Мусе, Иерусалимская, где проповедовал Иса, Мекканская, где Мухаммеду явлены божественные откровения.

1. Да восхитимся Мы горой!

2. И Книгою начертанной,

3. развернутою свитком, да восхитимся!

4. И Храмом посещаемым,

5. и сводом, что над ним вознёсся,

6. и морем, что волною вздулось, да восхитимся!

7. Воистину никто Божьей кары не избегнет,

8. и отвратить её ничто не в силах

9. в день тот, когда небо сокрушится

10. и горы, дрогнув, с мест сойдут, задвигаются

11. и накажутся в тот день обвиняющие [тебя, о Мухаммед,] во лжи,

12. вздорные в своих забавах и речениях!

13. И ввергнутся, падут в геенну огненную.

14. Вот огонь, который вы, им скажут, объявляли ложью,

15. мол, колдовство, обман... - познаете сполна:

16. гореть вам в том огне! А стерпите иль нет - о том никто не спросит, за содеянное воздаётся вам!

17. Воистину кто праведен, богобоязнен - в садах блаженства пребыванье им,

18. среди услад и благодати, им от Бога награда, и волею Его избавлены от мук геенны!

19. Во здравие вкушайте, скажут им, добродетелями это заслужили,

20. на ложах, что стоят рядами, вам возлежать отныне. Мы с девами их сочетаем - с черноокими и большеглазыми!

21. А те, которые уверовали, и вослед им в вере их потомство укрепилось - Мы явим к

ним [в рай] потомство их, и да пребудут вместе, ведь каждый человек - деяний собственных заложник!

22. Одарим их плодами, кушанья отведают мясные - получают всё, что пожелают, ни в чём не будет им недостатка.

23. И кубки поднесут им, полные напитков, от которых не влечёт к греху и пустословию,

24. и юноши, красую точно жемчуг, в раковине сбережённый, им в услужение даны.

25. И сходятся они один с другим в беседе задушевной,

26. и говорят: - Воистину мы жили в беспокойстве за семью, страшась прогневить Бога,

27. и оказал Он милость нам, избавив от мучений вихря огненного.

28. В молитвах мы к Нему взывали о пощаде, воистину Он - Всеблагой, Милосерден!

29. Напоминай [мекканцам, о Мухаммед] неустанно! По милости Божьей, ты не прорицатель, нет, и ты не одержим, ты не меджнун!

30. А то говорят: "Ведь он поэт! Подождём, что рок ему готовит!"

31. Ответь им: "Что ж, я не спешу и с вами подожду!"

32. Не ведают, незнанием побуждаемые, или сбились, истинную потеряв дорогу!

33. А то и говорят: "Он сочинитель, откровения свои измыслил! " Как велико их заблуждение!

34. Но если так - пусть откровенья изрекут свои, хоть чуточку подобные тому, что слышат от тебя!

35. Неужто мнят, что созданы они из ничего? Себя творцами возомнили?

36. Быть может, ими небо и земля сотворены? О нет, такое разве представимо?

37. Или у них сокровищницы Бога? Сущее подвластно разве им?

38. Или у них есть лестница, поднявшись по которой, и подслушать могут? Что ж, явится пусть таковой и ясные представит подтверждения.

39. Придали Аллаху дочерей, а у самих у них лишь сыновья?

(159) Столько путаницы вокруг дочерей или вообще детей Бога!.. Позволю два объяснения: то ли речь о дочерях домусульманского языческого божества, которого называли Аллахом, - богинях Лат, Узза и Манату, почитаемых арабами, то ли имеются в виду ангелы, которые также считаются его дочерьми. Может, Аллах впервые упоминается здесь в качестве единственного Бога, у которого нет и быть не может детей?

40. Но ведь не просишь ты у них за то, чтобы уверовали, платы, а они отягчены долгами и уплатить тебе не в силах?

41. Быть может, тайной наделены и знают сокровенное, что в записях у них хранится?

42. Или хитрят, готовят козни? Но те, кто Бога отверг, запутались в своих хитросплетениях!

43. Или у них есть божество иное взамен Единого Аллаха? Хвала Ему превыше всех Он идолов, которых в сотворцы Ему придали!

44. И если даже небо в клочья разлетится, наземь рухнув, - скажут: "Облаков нагромождение! "

45. Оставь их, пусть упорствуют в неверии, пока им не явится их день и молнией не будут сражены,

46. о, в этот день сполна за их коварства отплатится им, и не найдут ни в ком защиты!

47. Воистину те, кто злодеяния творил [тиранил?], познают наказание и прежде, но многие из них не ведают о том!

48. В терпении крепись - жди Божьих предначертаний! И знай, что оком нашим сбережён. И, пробуждаясь, Бога восслав!

49. И ночью возноси Ему хвалу, и при движении закатном звёзд!

49 (56). Неизбежное

1. Когда неотвратимое, чего не избежать, нагрянет
2. кому под силу неизбежного избегнуть?
3. Оно одних унизит, а других возвысит.
4. Когда сотрясётся земля сотрясением,
5. когда сокрушатся горы сокрушением
6. и прахом рассыпающимся станут,
7. на три группы [воскрешённые] разделятся:
8. стоящие на правой стороне... Кто они, владыки правой стороны?
9. Стоящие на левой стороне... Кто они, владыки левой стороны?
10. А также впереди стоящие... Кто предстоящие?
11. Эти - те, которые приближены,
12. в садах благодати,
13. многие из народов первых
14. и немногие из последующих*.

* Первые - праведники, которым уготован рай, вторые - грешники, приговорённые к аду, а третьи - пророки, посланники и те, кто погиб за веру, шахиды. Многие первые - поколения людей с Адамовых времён, немногие вторые это современники Мухаммеда.

15. На ложах возлежат расшитых,
16. облокотились на них, друг против друга.
17. Обходят их отроки вечно юные
18. с чашами, кувшинами, кубками, полными напитка - из чистого источника,
19. от него - ни боли головной, ни хмеля ослабляющего [рассудок],
20. плоды из тех, что выберут,
21. и мясо птиц из тех, что пожелают.
22. И девы черноокие и большеглазые,
23. красою жемчугу сокрытому подобные, - для них [в услужении]:
24. им воздано за их добродейания.
25. И слух не омрачат здесь ни хула и ни укоры, ни пустословие,
26. услышат лишь: "Мир вам! Мир!"
27. А кто на правой стороне... кто они, владыки правой стороны?
28. Им пребывать в тени деревьев лотусовых, что без шипов,
29. и под акацией, усыпанной цветением,
30. в тени раскидистых ветвей,
31. среди чистых вод текущих и журчащих,
32. плодов обильных,
33. не истощаемых и каждому доступных,
34. ковры на ложах постланы,
35. а райских дев Мы создали творением искусным
36. девственницы вечные они
37. и любящие сверстницы мужей своих
38. всё это даровано тем, кто правой стороны владыки,
39. одни - из первых [племён прежних],
40. а другие - из последующих!
41. А те, левосторонние... что за владыки левой стороны?
42. Огонь уготован им, самум вихрящийся, кипенье в кипятке,
43. клубится чёрный дым над ними, точно тень,
44. но нет прохлады в нём и нет отдохновения.
45. Всё это - тем, кто благоденствием избалован, утехами

46. и кто в неверии упорствовал, свершая грех великий,
47. бывало, говорили: - Когда умрем и станем прахом и костями, как можем быть
воскрешены,
48. и мы, а с нами - наши праотцы воскреснут?
49. Скажи им, кто не верует: - Воистину и те, кто был, и кто придёт последним
50. все будут собраны в неотвратимый день, когда поспеет срок!
51. Тогда, о вы, заблудшие, неверием обуянные,
52. есть будете плоды, срывая с дерева закум,
53. их запивая жадно кипятком,
54. как жаждущие пьют,
55. и ваши животы распухнут.
56. Вот пища им какая уготована!
57. Признайтесь: Нами вы сотворены, и потому нам ведомо, что будет с вами, -
упорствовать в неверии доколе?!
58. То семя, что извергнуто, неужто невдомёк вам,
59. разве вами оно создано, - не Нами ли порождено?
60. Ваша смерть Нами предопределена, отвратить никто не в силах!
61. [Мы в силах] вас подобными вам заменить, и вновь вас сотворить иль воссоздать, и
в облике таком, какой и не представите себе!
62. Узрите, как вы созданы теперь - обличье ваше первое, и призадумайтесь, что с вами
станет!
63. Окиньте взором то, что вы посеяли,
64. вами ли семян произрастание совершено или по Нашей воле то свершилось?
65. Мы б если возжелали - иссохлись ваши нивы, став трухой ненужной,
66. и вы б дивились: - Бедствие какое!
67. Погрязли мы в долгах, и тут всего лишились!
68. А та вода, что пьёте, утоляя жажду,
69. разве вы, не Мы нагнали тучи, из которых излита она?
70. Если б возжелали Мы, была б горька вода - возблагодарите же Меня!
71. Видали ль вы огонь, который высекаете?
72. Кто, как не Мы, деревьям дал расти - дрова вам в поддержание огня?
73. Растут в напоминание и в помощь странствующим в пустыне!
74. Так возноси хвалу в честь Бога Великого!
75. И да восхитимся местом звёзд закатным!
76. А сей восторг... так знайте: он велик и значим!
77. Воистину Коран в скрижалях сокровенных
78. на небесах хранится!
79. Прикосновение к нему дозволено лишь тем, кто чище чистого,
80. ниспосланный от Владыки миров!
81. А вы... Как смеее пренебрегать вы этим откровением?
82. Неужто ваш удел - всеотрицание явленных вам истин?
83. Узрите: вот душа, готовая покинуть тело, к горлу подступилась,
84. и видят это все, кто рядом,
85. но ближе всех к нему [кто умирает] - Мы, а вам о том неведомо,
86. и душу вам не воротить обратно - то в Нашей власти,
87. а если так, то отчего ж не вырвется у вас признание, что вы клевете, услышанное
ложью объявляя?
88. Душа покинутого, если к Нам приближен и в вере пребывал,
89. блаженство вкусит, обретя покой, сад благодати уготован ей.

90. И если он из тех, которые на правой стороне,
 91. услышит: "Мир тебе!" - в ответ [на "Мир тебе!"].
 92. А если из числа считавших ложью, из заблудших,
 93. то угощение его - кипяток,
 94. геенны огонь пылающий.
 95. Истина вам явлена, и явлена вам несомненность!
 96. Так возноси хвалу в честь Бога Великого!
- 50 (1). Фатиха*, или Сура молитвы

* Ибн Гасан предполагал (передумал в последний момент?) в нарушение хронологии поместить 50-ю по времени ниспослания суру с традиционным названием Открывающая сура, первой, следуя каноническому Корану, и сомнения его можно понять: как 1-я, сура настолько укоренилась в сознании мусульман, что не открывать ею Коран нельзя было, и зря он этого не сделал - именно с Фатихой родилась молитвенная формула Бисмиллахи-рахмани-рахим, Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного, впоследствии включённая во все суры, кроме девятой Покаяние, частая в устах мусульманина, какое б дело он ни предпринимал. Сура имеет и названия Мать Книги, Сура мольбы, Семь славных, по числу аятов. "Без Фатихи, - говорил впоследствии Мухаммед, - молитва не услышится".

Бисмиллахи рахмани рахим. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

1. Хвала Ему, Богу миров,
2. Всемилостивому, Милосерднейшему,
3. Вершителю дня Судного!
4. Тебе мы поклоняемся, взывая к помощи!
5. Веди нас по дороге прямой,
6. по дороге тех, которых Ты милостью своей облагодетельствовал,
7. а не тех, которые под гневом Твоим, и не заблудших.

(160) Милостью Божьей наделены небожители и земляне: а) ангелы; б) пророки; в) праведники; г) мученики - мусульмане, иудеи и христиане, которые, защищаясь, отдали жизнь за веру; д) люди благочестивые, коими почитаются те, кто повинуется Богу, уверовал в проповеди Его посланцев;

Бог гневается: а) на поклонявшихся золотому тельцу иудеев; б) на убийц ни в чём не повинных людей и особенно самоубийц, независимо от их веры; в) на тех, кто не внимает проповедям пророков; г) на вероотступников; д) мусульман, которые проявили трусость в защите веры, когда на них напали;

заблудшие - это: а) люди Писания, иудеи и христиане; б) язычники до явления Корана; в) язычники после явления Корана; г) вероотступники; д) Мухаммед до ниспослания ему Откровений.

51 (70). Ступени

1. Вопрошающий спросил о наказании,
2. что падёт неотвратно на неверных,
3. от Бога, ступеней Обладателя*.

* Ступени, по которым восходят к Богу молитвы? Те, что ведут в рай или опускаются в ад? Ступени лестницы, привидевшейся во сне Иакову [Йакубу]? Или по которым Мухаммед, как о том заранее оповещает Бог, вскоре поднимется, совершая исра и мирадж, на семь небес?

4. Восходят ангелы и дух к Нему в тот день, который длится пятьдесят тысяч лет.
5. Терпи же все терпением неубывающим
6. лишь только кажется, что день далёк тот,

7. а Нам он виден близким.
8. Небо уподобится меди расплавленной,
9. и горы, точно шерсть, вздыбятся,
10. и не спросят родные друг о друге,
11. хоть и рядом, и видят. Грешник готов откупиться от кары сынами своими,
12. и от подруги отречься, и брата предать,
13. отступить от рода, который для него прибежище,
14. и всё, что на земле, отдать - лишь только б кто-то спас его!
15. Так нет же, нет! Ведь это - пламя всепожирающее,
16. кожу с головы сдирает,
17. объемя всех, кто отвратился, непокорный Богу, повернулся к истине спиной,
18. кто нажил добро, скопил и собрал [для себя и прячет].
19. О, сколько в человеке нетерпения:
20. когда его беда и зло коснутся - спешит пожаловаться, опечален,
21. а вот когда добро он заимеет - скупится, недоступен.
22. Но не таков кто праведен,
23. в молитве постоянный,
24. и в чьём достатке доля уготована
25. для тех, кто обездолен.
26. И верует в день Судный,
27. благочестив и гнева Бога страшится
28. и знает, что неотвратим!
29. Кто добродетелен и целомудрен,
30. довольствуется жёнами своими, теми из невольниц, что дозволены [которым дарована свобода].
31. А вне заветов этих кто - нечестие вершит, переступая.
32. Лишь верные договорам и клятвам, в целости хранящие добро чужое,
33. стойкие, правдивые в свидетельствах своих,
34. несуетные, строгие в молитвах
35. почтены в садах блаженства [райских]!
36. А с теми что толпятся пред тобой и справа, слева?
37. Снуют, волнуются, забыв, что не сыскать их было с верующими,
38. о, как они хотели в садах блаженства оказаться, средь благодати!
39. Нет, не бывать тому! Теперь-то знают, как Мы сотворили их!
40. Так нет же, нет! Клянусь Я Владыкой восходов и закатов, воистину Мы в силах
41. лучшими, чем есть они, их заменить, и в этом Нас никто опередить не сможет!
42. Оставь их, пусть в утехах пребывают и пустословят, улаждая плоть, пока не дождутся дня, который им обещан,
43. и выйдут суетливо из могил, и устремятся, словно торопясь скорей в молельни, к идолам своим припасть.
44. Но отчего потуплен взор их? Их унижение ждёт, позор постигнет в день, который им обещан!

52 (55). Всемилоостивый

1. Всемилоостивый Он
2. Корану научивший.
3. И человека сотворил,
4. дал речь ему и разумение,
5. явил в свой срок и солнце, и луну, пути им прочертив движения,
6. и травам колыхание дал, кланяются Творцу, и дереву - цветение,

7. воздвиг Он небо, и весы установил,
8. чтоб точности весов не нарушали!
9. Так будьте справедливыми в весах, пусть сгинут недовесы!
10. И землю Он простёр для тварей.
11. На ней - плодов произрастание, и пальм тугие грозди,
12. и злаки, стебли, цветов благоухание
13. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
14. Да, человека сотворил Он из звучащей глины,
15. и джиннов создал Он из чистого огня, свободного от дыма,
16. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
17. Бог обоих Он востоков, западов обоих Он Бог
18. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
19. Моря разъединил, готовые сомкнуться,
20. меж ними - берега, и водам через них не перелиться
21. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
22. Вылавливается коралл, и жемчуг малый, крупный из глубин
23. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
24. Корабли плывущие по волнам, высоко вздымаются, точно горы,
25. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
26. Всяк, кто рождён на ней, - он смертен,
27. лишь вечен Божий лик, Всеславный, Достохвальный,
28. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
29. В мольбах к Нему всяк сущий вознесён, будь он на небе или на земле, и каждое мгновение Бога в делах, заботах
30. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
31. И срок придёт, освободимся Мы для вас - обеих тварей [джиннов и людей], грехом утяжелённых,
32. ужель и эти ложны Бога благоволения?
33. О джиннов сонмище, о люди! Попробуйте, если сумеете, проникнуть за пределы неба и земли - нет, не пройдёте! А если и пройдёте, то не иначе как по велению Его,
34. ужель и эти ложны Бога благоволения?
35. Огонь будет послан [вам, о грешники], дым удушающий, и не найдете помощи ни в ком
36. ужель и эти ложны Бога благоволения?
37. И когда небо расколется, станет огненно-жёлтым, точно кожа обожжённая,
38. ужель и эти ложны Бога благоволения?
39. В тот день не будут спрошены об их грехах ни люди, и ни джинны
40. ужель и эти ложны Бога благоволения?
41. Узнается, кто грешен, по приметам, и схватят их за вихры, и схватят за ступни
42. ужель и эти ложны Бога благоволения?
43. Да, то - геенна, грешникам обещанная, тем, кто обуян неверием,
44. и меж огнём, что полыхает, и кипящим кипятком,
45. ужель и эти ложны Бога благоволения?
46. А всем благочестивым, кто страшится гнева Бога, смирения исполнен пред величием Его, - два сада благодати [для людей и джиннов] уготованы
47. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
48. Листва в ветвях раскидистых, густых
49. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
50. И два ключа прозрачных бьют

51. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
52. Плодов тут всяких по два вида
53. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
54. И ложе, на котором возлежат, подкладка из парчи, и до плодов рукой подать
55. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
56. И девы скромноокие, которых прежде не коснулись ни человек, ни джинн
57. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
58. И девы, точно яхонт, точно жемчуг и коралл,
59. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
60. И воздаянье за добро добром
61. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
62. Помимо двух ещё два сада
63. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
64. И полумрак теней
65. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
66. И родники ещё водой струятся
67. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
68. И пиршество плодов: и пальмы, и гранаты
69. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
70. И девы светлочиные, прекрасные
71. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
72. И черноокие, в шатрах сокрытые,
73. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
74. Нет, не коснулся их ни человек, ни джинн, не тронуты никем
75. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
76. Зеленые подушки в изголовье, и ковры цветастые расстелены
77. ужель и эти ложны Бога благодеяния?
78. Да будет имя Бога благословенно, - Преславен Он и Достохвален!

53 (54). Луна

1. Судилище уж близко - и расколется луна!
2. Но если они видят знамение, то отвращаются и говорят: - Это колдовство преходящее!
3. И сочли они ложью и последовали за своими страстями, а ведь всякое дело Нами зримо!
4. Пришли уже к ним вести о народах прежних, а в тех вестях предостережения,
5. и мудрость поучений в них - но нет, не помогло увещание!
6. Так отворотись от них в тот день, когда услышат клич, зовущий к предстоянию.
7. Поникнув взором, из могил, подобно саранче, что разлетается,
8. сойдутся, спеша к зовущему, вскричат неверные: О, тяжкий день!
9. Уж было прежде них, и ведают, как Нух отвергнут был своим народом. - Ты лжешь! - сказали Нашему рабу. - Ты одержимый! 10. И к Богу он своему воззвал: - Я побежден, нет сил народ мой убедить, жду помощи Твоей!
11. Разверзли Мы небес врата, и хлынула непрегражденная вода, обильно низвергаясь с высей,
12. из-под земли, её расселин и разломов, наружу воды вырвались, и встретились велению Нашему подвластные потоки,
13. и Нуха понесли Мы, поместив на плотах, что гвоздями скреплены,
14. плыл под Нашим оком, воздано было спасение тому, кого отвергли.
15. Не это ли знамение, ниспосланное Нами, - но есть ли хоть один припоминающий?

16. Моя неотвратима кара - увещанию внимлите!
17. Не для того ль Коран Мы облегчили в разумение вам - но есть ли хоть один припоминающий?
18. А вот адиты... и они сочли неправдой откровения Мои, и ведома Моей неотвратимость кары - увещанию внимлите!
19. На них Мы ветр обрушили свирепый, день злосчастия был долог,
20. валил людей, и падали, сражённые, подобно вырванным с корнями пальмовым стволам.
21. Моя неотвратима кара - увещанию внимлите!
22. Воистину Коран Мы облегчили в разумение вам, но есть ли хоть один припоминающий?
23. Вслед самудиты - и они сочли неправдой откровения Мои,
24. сказали: - Неужто в заблуждении последуем за кем-то, кто из нас [сочтя его пророком]? Нет, мы безумию не поддадимся!
25. Возможно ли, чтоб было откровение ниспослано кому из нас - ему единственному?! Да нет же - самозванец он, к тому же лгун!
26. О да, они узнают скоро, им Мы поведаем, кто лгун и кто высокомерен!
27. Мы верблюдицу им во испытание пошлём, а ты узри, что станет с ними, да будешь долготерпелив!
28. Поведай, что воду надо поровну делить, дни водопоя чередуя.
29. Но нет - меж ними некто отыскался, к нему они воззвали, и, вынув меч, подрезал он поджилки верблюдице.
30. Извели Моей неотвратимость кары - увещанию внимлите!
31. Такой Мы вопль им всеохватный ниспослали, что иссохлись тотчас, как сушняк, идущий на ограду [будто сухие ветки ограждений]!
32. Воистину Коран Мы облегчили в разумение вам, но есть ли хоть один припоминающий?
33. И племя Лута ложью увещание сочло - что ж,
34. всесотрясающий Мы им послали гул, и камни рухнули на них, но всю семью Мы Лута сберегли, спасли их на заре,
35. то Наша милость, ибо воздаём Мы тем, кто благодарен!
36. О, как увещевал их Лут о Нашем всемогуществе, но не поверили, отравленные самомнением, в увещания.
37. Гостей возжаждали, чтоб отдал им [удовлетворив их похоть], но погасили свет Мы в их очах! Сбылось увещание - Мою вкусите кару!
38. Неотвратимо наказание, что на рассвете поразило.
39. Сбылось увещание - Мою вкусите кару!
40. Воистину Коран Мы облегчили в разумение вам, но есть ли хоть один припоминающий?
41. И к роду Фирауна увещания Мои являлись,
42. сочли знамения Наши ложью, и хваткою Того, кто Всевелик и Всемогущ, Мы их схватили!
43. Не лучше вы в неверии своём, чем те, что были [наказанные] прежде. Или охранной грамотой от Бога вы запаслись?
44. Быть может, станете кичиться, хвастаясь: "Ряды сомкнём, друг другу став опорой, и одолеем?"
45. Но сонмище Мы в бегство обратим, и кажут спины нам!
46. Да, кара им предопределена, и час обещанный неотвратим - о, как ужасен, горек [для грешников] этот час!

47. И грешники, заблудшие в безумстве, в огонь угодят бушующий!
48. Вкусите ж муки адские, прикосновение сакара ощутите!
49. Воистину всё сущее Мы сотворили должно!
50. И что Мы начертали - свершится в мгновение ока.
51. О, скольких вам подобных погубили Мы - но есть ли хоть один припоминающий?
52. О всём содеянном, что было, приключилось, - в Писании:
53. там запись малых дел и дел великих!
54. Воистину, кто праведен и гнева Бога страшится - среди садов тенистых, среди чистых рек,
 55. где благодать царит - в обители они Властителя могучего!
- 54 (37). Выстроившиеся [ангелы]
 1. Да восхитимся выстроившимися,
 2. прогоняющими [грешников?] упорно,
 3. читающими ниспосланное,
 4. воистину ваш Бог Един,
 5. Владыка неба и земли и всего того, что между ними, и Владыка всех восходов [солнца]!
 6. Мы небо ближнее осыпали звездами, чтоб красило ваш взор,
 7. но чтоб и оградиться от шайтанов, козни сеющих во тьме ночной,
 8. чтоб не подслушали, о чём тут в высях вышних помышляется, - и поражаем, изгоняя их, звездой падучею.
 9. О, наказание им уготовано мучительное!
 10. А если исхитрится, подкрадётся близко кто из них - луч поразит всесокрушающий.
 11. Спроси их: - Что же Нам труднее было сотворить: всё то, что видят, или их самих, которых Мы создали - да не забудут! - из вязкой глины?
 12. Ты потрясён их недомыслием, они ж полны издёвок,
 13. их наставляют, а они - глухие,
 14. знамения им кажут - насмеваются
 15. и говорят: - То колдовство!
 16. Возможно ль воскрешение из мёртвых, когда умрём и станем прахом и костями?
 17. И возродятся наши праотцы?
 18. Ответь им: - Да! И вас тогда бесчестие постигнет!
 19. Лишь глас трубы раздастся и, возродясь, окрест оглянутся они,
 20. и - Горе нам! - возопиют. - День Судный наступил!
 21. - Да, скажут им тогда - то различенья день [добра и зла], который вы считали ложью!
 22. И будет выстроившимся [ангелам] повеление: - Сберите всех злодеющих с их сотоварищами, Иблисово отродье то, шайтаны, а также тех [божков], кому они, помимо Бога, поклонялись,
 23. направьте по пути в геенну!
 24. Но прежде будут спрошены:
 25. А ведь кичились, отчего ж не стали вы подмогою друг другу?
 26. О да, они сегодня робкие, покорные!
 27. В недоумении друг друга вопрошают,
 28. говоря: - Ввели нас в заблуждение!
 29. А им в ответ: - Нет, сами вы неверие избрали,
 30. и не имели Мы над вами власти, упрямылись, излишествуя в кознях.
 31. И согласятся: - Что ж, сбылось слово Божье, воистину мы вкусим горечь ада!
 32. Мы, сбившиеся, вас от истины, - признаются, - желали отвратить!

33. В тот день Божья кара объединит всех, кто соучаствовал в неверии.
34. Воистину, Мы с грешниками поступаем так!
35. Когда им молвили: - Нет божества иного, помимо Бога Единого Аллаха! - надменно изрекали, обуянные гордыней:
 36. - Оставить наши божества из-за речений смутных одержимого поэта?
 37. О нет! Он явлен с истиной и в оправдание посланников, что прежде были явлены!
 38. И за неверие вкусите вы мучительную кару,
 39. воздастся за содеянное вам,
 40. но не рабам Моим, кто искренен и чист,
 41. особая им доля уготована:
 42. то - райские плоды!
 43. В садах им благодатных почитание!
 44. На ложах восседать друг против друга,
 45. и кубки, влаги полные
 46. живительной из родника чистейшего, поднесены им будут - услада пьющим!
 47. Ни буйства нет от влаги той, ни тяжести, ни утомления!
 48. И девы с ними непорочные, их взор потуплен, большеглазы,
 49. чисты, подобно жемчугу нетронутому.
 50. Беседа мирная ласкает слух, рассказывают о былом друг другу.
 51. - Был, молвит кто-то, у меня товарищ,
 52. и вопрошал: "Неужто ты из тех, кто в услышанное [от Мухаммеда] верит, почитая это правдой?"
 53. И что когда умрём и станем прахом и костями, мы возродимся и судимы будем?"
 54. И говорит другой: - Узнать бы, где он нынче обитает?
 55. Вниз оба глянули и, увидав того в геенне, воскликнул первый, обратясь к нему:
 56. - Я верю в Бога, а ведь пытался ты сгубить меня!
 57. О, если бы не милость Бога моего Милосердного, - гореть бы мне с тобой в геенне!
 58. Отныне нам нет смерти,
 59. лишь первая была, - уж не грозит нам Божья кара!
 60. Воистину в том благо, прибыль нам великая!
 61. И да трудятся, усталости не зная, во имя этой доли.
 62. Что лучше из даров - обитель райская иль есть плоды горчайшие дерева заккум?
 63. Взрастили Мы его для грешных в наказание,
 64. уходят корни дерева в глубь геенны.
 65. Плоды его [размером и отвратным видом] с шайтанью голову.
 66. Едят, отравой полня животы,
 67. и запивают, мучимые жаждой, водой кипя кипящей!
 68. Не отвратиться им: их путь - в геенну.
 69. И там нашли своих отцов заблудших,
 70. ведь погнаны они по их следам
 71. о, сколько из первых пребывали в заблуждении!
 72. А ведь Мы посылали к ним увещателей достойных!
 73. Узри, каков конец увещаемых,
 74. помимо рабов Бога пречистых!
 75. Воззвал к Нам Нух, а Мы - из внимлющих прекрасные!
 76. И Нами были от беды великой спасены и он, и род его,
 77. и спасено потомство,
 78. и род продолжился в грядущих поколениях,
 79. восславилось везде благословенно: "В мирах - мир Нуху!"

80. Так воздаём Мы добродееющим!
81. Воистину рабом он Нашим верующим был,
82. А грешных Мы под водами сокрыли.
83. Мной послан был его путём пошедший Ибрагим,
84. предстал пред Богом он с сердцем непорочным.
85. И спросил он своего отца и свой народ:
- Чему вы поклоняетесь?
86. Не в заблуждении ли вы, избравшие себе, помимо Бога, богов иных?
87. Что думаете вы о Нём - Владыке миров?
88. И молвил, бросив взгляд на звёзды [коим все они поклонялись]: 89.
Что ж, воистину я болен!
- (161) Среди множества интерпретаций мне близка нижеследующая: Я болен, я заразный! - чтобы многобожники оставили его в покое, отстали от него.
90. И спешно все покинули его [боясь заразиться*].
-
- * Зараза и в смысле духовном, как инакомыслие.
91. Пробрался он к божкам и говорит им: - Что ж вы ничего не едите?
92. И дара речи лишены вы отчего?
93. Приблизился к ним, стал их бить, чтобы разрушить, правою рукой,
94. сбежались к нему люди в страхе,
95. а он им говорит: - Что ж вы поклоняетесь тому, что сами вытесали?
96. Бог - Он сотворил и вас, и ваших рук дела: божков вот этих!
97. Ужаснулись и воскликнули: - Топку надо нам соорудить! И в пламя его [Ибрагима] бросить!
98. Козни против него замыслили, но Мы их сокрушили.
99. И молвил Ибрагим: - Иду я к Богу моему, чтобы на путь прямой меня он вывел.
100. О Боже! Даруй мне [сына] праведного!
101. И вестью Мы благой его обрадовали - кротким сыном [Исмаилом],
102. а возраста когда достиг он, став отцу подмогой, то молвленное им услышал слово:
- О сын, во сне мне велено тебя как жертву принести и заколоть, что скажешь мне на это?
- Ответил сын: - Ты мне отец и поступай, как велено тебе и Богу угодно, во мне найдёшь покорность и терпение.
103. И оба покорились воле Бога, и сына Ибрагим поверг,
104. но Мы к нему воззвали: - Стой, Ибрагим!
105. Ты оправдал видение [веление]! - Так воздаём Мы добродееющим!
106. Воистину то Наше испытание.
107. И жертвою иной Мы заменили.
108. Восславилось везде благословенно:
109. "В мирах - мир Ибрагиму!"
110. Так воздаём Мы добродееющим!
111. Воистину рабом он Нашим верующим был,
112. и Мы его возрадовали вестью - Исхаком, сыном, праведным пророком,
113. благословив обоих - Ибрагима и Исхака. Но в их потомках сыщешь и добро творящих, и узришь к самим себе несправедливых явно.
114. Издавна благодетельствованы Нами и Муса, Гарун [Аарон],
115. спасли Мы их самих и их народ от бедствия великого.
116. И помогли им, стали победившими.
117. И даровали им Мы Книгу ясную.
118. И на прямой их вывели Мы путь.

119. Восславилось везде благословенно:
120. "В мирах - и мир Мусе, и мир Гаруну!"
121. Так воздаём Мы добродееющим!
122. Воистину они были Нашими рабами верующими!
123. И воистину Илйас был посланником.
124. Сказал он своему народу: - Неужто страха лишены пред Богом,
125. что воззываете к Баалу, позабыв о лучшем из творцов
126. Боге, вашем Господе и Господе ваших праотцев?
127. И объявили они его лжецом. И воистину они будут собраны,
128. помимо Бога рабов пречистых!
129. И да восславится везде благословенно:
130. "В мирах - мир Илйасу!"
131. Так воздаём Мы добродееющим!
132. Воистину рабом он Нашим верующим был!
133. И воистину Лут был посланником,
134. и Мы спасли его, а также род его,
135. помимо жены старой, оставшейся.
136. И погубили остальных.
137. И каждый раз проходите вы мимо их развалин утром
138. и вечером - отчего ж не образумитесь?
139. Был и Йунус [Иона] воистину посланником.
140. Бежал он от своих и сел в корабль, перегруженный сверх меры,
141. и жребий кинули, и оказался он среди проигравших,
142. и, порицания достойный, брошен в море и китом проглочен.
143. Но если б не был он из тех, кто Мне хвалу возносит,
144. во чреве б пребывал до Воскресенья дня.
145. И на пустынный берег, хвор и слаб, был Нами выброшен.
146. И дерево тыквенное [йактин] Мы над ним взрастили [чтобы в тени укрылся].
147. Послали Мы его увещевать народ в сто тысяч душ или более того,
148. уверовали все, и даровали милость им Мы до поры, определённой Нами.
149. Спроси их [многобожников, Мухаммед]: - Так что же - вы себе сынов определили, а дочерей - Ему?
150. Разве ангелов Мы женщинами сотворили, и они [мекканцы] о том свидетельствовать смеют?
151. И говорят, упорствуя во лжи:
152. - Да, женщинами породил их Бог!
153. Мол, предпочёл Он дочерей перед сынами.
154. Скажи: - Что с вами, как можете вы утверждать такое!?
155. Опомнитесь вам не пора ли?
156. Или у вас есть доказательство какое?
157. Доставьте ж вашу Книгу, если говорите правду!
158. Родством они Его и джиннов воссоединили, но даже джиннам ведомо, что и они [как люди] перед Творцом предстанут.
159. Превыше Он, Бог, всего того, что смеют нечестивцы
160. помимо Бога рабов пречистых - приписывать Ему!
161. Ни вы, ни то, чему вы поклоняетесь,
162. не в силах сбить кого б то ни было с Его пути
163. разве что лишь тех, кому геенна уготована.
164. И нет ни одного среди выстроившихся [ангелов пред Богом], чтоб место не было

ему назначено достойное.

165. Воистину мы выстроились ряд за рядом,

166. чтобы воздать Ему хвалу.

167. Оправдывались нечестивцы:

168. - Вот если б даровано было прежде нам Писание,

169. мы были бы рабами Бога пречистыми!

170. Им явлено, но отвергают - сполна вкусят за неверие!

171. И прежде к вам посланники являлись с Нашим словом

172. и обещанием подмоги,

173. воистину неисчислимо Наше войско, всегда победоносное!

174. Так отвратись на время ты от тех, кто недоверием кичится,

175. понаблюдай, что станет с ними и что познают вскорости они.

176. О, как они торопятся, чтоб Нашу кару испытать!

177. Когда она падёт на головы... В то утро, что наступит, будет худо всем, кого увещевал ты тщетно!

178. Так отвратись на время ты от тех, кто недоверием кичится,

179. понаблюдай, что станет с ними и что они познают вскорости,

180. хвала же Богу твоему, Возвышен Он во Всевеличии Своём, превыше всех, кого Ему приписывают!

181. И мир в мирах посланникам Моим!

182. И Богу хвала - миров Владыке!

55 (50). Каф

1. Каф. Да восхитимся Кораном славным!

(162) Как было сказано и что случалось ранее, некоторые суры Корана начинаются одиночными, как здесь, или двумя, тремя, а то и пятью арабскими буквами. Что они выражают в отдельности или вместе, остаётся загадкой по сей день, хотя делались попытки их расшифровки, о чём уже говорилось.

2. Удивлены неверные? Да! Явлен к ним из них самих увещеватель. "Невообразимо!" - восклицают.

3. "Неужто, молвят, умерев и прахом став, возвращены мы будем? Поверить в это невозможно!"

4. Но ведомо Нам, что земля поглотит их, о том у Нас есть Книга, хранящая содеянное.

5. Да, ложью истину они сочли, о ней услышав, - длится их смятение!

6. Взглянули бы они на небо, что над ними, - узрят тогда, как Мы его воздвигли, звёздами украсив, и не сыскать на нём изъянов!

7. И землю распростёрли Мы пред ними, и крепкие на ней установили горы, и в изобилии на ней растений всяких произрастили, и дивных пар устроили немало

8. для созерцания и каждому в напоминание, кто Богу покорен своему.

9. И с неба низвели благословенную Мы воду, чтобы цвели сады и зрели зёрна нив,

10. и пальмы чтобы выросли, на них - плоды обильные

11. [хлеб насущный] для Божиих рабов - водой Мы оживили землю мёртвую. Да, предначертанному сбыться!

12. Сочли ниспосланное ложью прежде них и племя Нуха, обитатели ар-Расса, потомки Самуда,

13. адиты, народ Фирауна, собратья Лута,

14. и обитатели ал-Айки, и народ Тубба - они Моих посланников лжецами объявили, но сбылись Мои неотвратимые угрозы.

15. Неужто Мы изнемогли в твореньи первом? О нет! Так отчего тогда в сомнении они в Моём творении повторном?

16. Человека сотворив, Мы знаем, что душа ему шепнуть успела, - неужто невдомёк, что ближе Мы к нему, чем шейная его артерия?

17. У человека каждого - два ангела, два соглядатая, что восседают справа, слева и записи ведут его деяний.

18. Что ни скажет, что ни сотворит - недремлющий запишет соглядатай!

19. И смерти никому не миновать - явится она: - Вот от чего воистину ты уклонялся!

20. Трубит труба: то день обещанный, он грянет!

21. И всякая душа предстанет, а с нею [ангелы] - тот, кто пригнал её сюда, сопровождая, и тот, кто ей свидетель.

22. - Ты в небрежении пребывал об этом дне, но сняли Мы с тебя покров, и взор твой обострился.

23. А соглядатаи покажут: - Вот что у нас, промолвят, о тебе хранится!

24. Им повеление [Бога]: - Вдвоём в геенну ввергните того, кто был в неверии упрям!

25. Кто от добра удерживал, и козни порождал, и преступал, и отвращал от истины!

26. И Богу Единому кто придавал других богов - так ввергните его в пучину ада!

27. Его товарищ Сатана - и тот не устоит и взмолится: - О Боже, я ни при чём, я не сбивал его, он сам в своём повинен заблуждении!

28. - Не препирайтесь предо Мной, Бог промолвит, не Я ли вас предупреждал о каре о грозящей?

29. И неизменно слово у Меня, но не тиран Я, без вины рабов своих не подвергаю каре.

30. Стражей геенны спросим Мы в тот день: - Полна ль она? Ответят: - Вы желаете добавить? - О чрево ада, грешниками переполненное!

31. Но будет уготован рай, приблизится к богобоязненным

32. к тем, кто приучен каяться, блюдет наказы Наши,

33. к тем, кто страшится втайне гнева Милосердного и сердцем чистым кто открыт Ему.

34. И Бога услышат: - Войдите с миром в сад сей, этот день вам явлен в обретение вечной жизни!

35. И что ни пожелаете - от Нас сполна получите, с добавкой даже, есть она у Нас!

36. Сколько поколений Мы до них сгубили, что были их сильнее, не спаслись, не спрятались от кары, хоть были их убежища крепки!

37. Воистину в услышанном - предупрежденье всем, в ком сердце чувствует, слух чуток, зорек взгляд и сам он разуметь способен!

38. Неужто вы не ведаете, что сотворили небо Мы и землю, а также то, что между ними, за шесть всего лишь дней, и не коснулось утомленье Нас, не знали Мы изнеможения?

39. Терпи ж, что говорят [несогласные мекканцы], и неустанно Бога хвалою прославляй и пред восходом солнца, и пред заходом,

40. и ночью славь Его, и после каждого Ему поклона!

(163) Здесь имеется в виду повторение вслух каждого из трёх нижеследующих выражений 33 раза: Пречист Бог - Субхана-ллахи; Хвала Богу Ал-хамду ли-ллахи; Велик Бог - Аллаху акбар, - итого 99 раз, а в сотый произнести: Нет никакого иного божества, кроме Бога, нет у Него сотоварища, Он един, Ему принадлежит власть и Ему - слава, и над всем сущим Он властен Ла-иллаха илла-ллаху, вахдаху, ла шарика лаху, лаху-л-мулки ва лаху-л-хамду ва хува ала кулли шайин кадир.

41. И да узреть сумеешь, не упустить тот день, когда раздастся глас призывный [протрубит труба].

42. Взорвётся, будто всеохватный вопль, поистине то день исхода.

43. Да, оживляем Мы и умерщвляем, и к Нам - возврат конечный!

44. В тот день, когда земля расколется, все поспешат к Нам, из могил восстав, и это не составит Нам усилий никаких!

45. Их речи Нам слышны, помним всё, что говорят тебе, - да не будешь принуждать их к вере! Кораном наставляй, угроз Моих да убоятся!

56 (26). Поэты

1. Та, Син, Мин.

2. Вот знамения [аяты] Книги ясной.

3. Неужто ты готов с собой покончить, раз не хотят уверовать?

4. Лишь только пожелаем, Мы низведем с небес на них знамения, и выи их согнутся перед Нами!

5. От Милосердного к ним ни одно напоминание не приходило, и даже новое, что явлено, чтоб от него они не отвращались.

6. Неправдою сочли те вести, что ниспосланы им и над чем глумятся.

7. Хотя бы глянули вокруг - о, скольких на земле Мы благородных пар взрастили!

8. И в том - знамение, но многие упорствуют в неверии!

9. А ведь, воистину, Бог твой Славный, Милосердный!

10. Да услышишь - Он к Мусе воззвал: - Иди к тиранящему племени,

11. к народу Фирауна, да убоятся гнева Моего!

12. - О Боже, - Муса взмолился, - я боюсь, лжецом меня сочтут,

13. стеснится грудь и не развяжется язык. Пошли меня с Гаруном!

14. К тому ж есть грех за мной, убьют меня.

15. Молвил Он: - Вдвоём идите с Нашими знамениями - услышу вас,

16. скажите Фирауну: "Мы - Бога миров посланцы.

17. Позволь нам увести сынов Израила с собой!"

18. Удивлён был Фираун: - У нас воспитан ты ребёнком, и годы жизни здесь твои прошли,

19. и ведь тобой совершено то, что свершилось, так отчего такой неблагодарный?

20. Муса ему в ответ: - Да, преступил, заблудшим быв,

21. бежал, от наказания спасаясь, но даровал мне мудрость мой Бог, избрав Своим посланником.

22. А милости твои, в чём упрекаешь, - цена порабощения тобой сынов Израила!

23. Но Фираун спросил: - Скажи мне, кто Он, твой Владыка миров?

24. Муса ему: - Кто Он? Владыка неба и земли, а также всего, что есть меж ними, и да уверуете в истину!

25. Промолвил Фираун: - Вы слышите, о чём толкует он?! - и глянул на своих.

26. Муса изрёк: - Он есть и ваш Бог, и Бог ваших праотцев!

27. И Фираун сказал: - Нет, не посланник ты, а одержимый!

28. Муса же продолжал: - Бог востока Он и запада Бог, всего, что есть меж ними, да уразумеешь!

29. Фираун рассердился: - Но если мне, кому, как богу, прежде поклонялся, избрал в другом замену божу, то брошу я тебя в темницу!

30. Муса своё твердит: - А если явное тебе явлю, то что тогда?

31. И молвил Фираун: - Что ж, докажи, на что способен!

32. И кинул посох свой Муса - и он пополз змеёй.

33. И вынул руку из-за пазухи [была смугла]: и вот - она бела.

34. И молвил знати Фираун: - О да, он чародей искусный!

35. И возжелал из вашей он земли избыть вас колдовством. Что посоветуете мне?

36. Сказала знать: - Отсрочь им, брату и ему, и сборщиков отправь по городам,

37. пусть приведут к тебе всех колдунов искусных.

38. Созвали к сроку колдунов.

39. Спросил Фираун: - Все ли собрались?

40. Неужто, если победят, посланцев [веру] примем мы?
41. Сказали чародеи Фирауну: - А если победим мы, какое ждёт вознаграждение нас?
42. Великое, - ответил Фираун, - моими приближёнными вы станете!
43. И колдунам велел Муса: - Бросайте то, что бросить вы хотели!
44. Кинули, крича, верёвки, жезлы: - Во имя Фирауна явим победу!
45. Муса свой посох бросил, и тот, змеёю обернувшись, вмиг поглотил всё то, что те наколдовали.
46. И были колдуны повержены!
47. Сказали: - Мы уверовали в Бога миров
48. Бога Мусы, Гаруна!
49. И молвил Фираун: - Уверовали прежде, чем на то вам дал своё соизволение?! Воистину он покорил вас, чародейству научив! Велю вам руки, ноги накрест отрубить, распну вас всех!
50. Ответили: - Подмога нам - Бог,
51. Он прегрешения наши нам простит, из первых мы, кто в Него уверовал.
52. И Мы Мусе внушили: - Ночью уходи с рабами Нашими отсюда и помни: Фирауном будете преследуемы!
53. Вновь Фираун гонцов шлёт в города:
54. - Презренная, сказал, всего лишь кучка [сыны Исраила]!
55. И нас они разгневали,
56. быть надо осмотрительными нам!
57. Мы извели сады их и источники,
58. Сокровищ их лишили, благородства, положения.
59. Вот так! И даровали Мы сынам Исраила всё это.
60. А поутру в погоню Фираун по их пятам пустился.
61. И войско Фирауново узрев, [сыны Исраила] в страхе возроптали:
- Они настигли нас!
62. - Нет, молвил им Муса, со мной - Бог, мне явит Он путь!
63. Тогда Мусе внушили Мы: - Ударь по морю жезлом! - Оно разверзлось, путь открыв им, и волны расступились, вздыбившись горами по обе стороны.
64. И войско Фирауна Мы приблизили потом.
65. Спасли Мусу и всех, кто с ним бежал, - всех до единого!
66. Но тех, других, сомкнув над ними волны, потопили.
67. И в том - знамение, но многие упорствуют в неверии!
68. Воистину Бог твой, Он Велик, Всемилосерден!
69. Поведай им ещё рассказ об Ибрагиме,
70. как молвил он отцу и своему народу: - Чему вы поклоняетесь?
71. - Идолам, ответили, поклоняемся, ведомо тебе, их почитаем!
72. Спросил: - Мольбы и просьбы ваши слышат ли они?
73. Какая помощь вам от них, на вред какой способны?
74. Ответили: - Мы поступаем так, как наши поступали предки.
75. Сказал: - Задумались хоть раз над тем, чему поклоняетесь,
76. и вы, и ваши праотцы?
77. Божки - враги мне, поклоняюсь я Владыке всех миров,
78. меня Он создал, мне определил Он путь прямой,
79. Он Тот, Который кормит, поит,
80. а если заболею, исцеляет Он меня,
81. Он властен умерщвлять и оживлять,
82. и Он... Молюсь Ему, чтобы мои простил Он прегрешенья в Судный день.

83. О мой Бог, даруй мне мудрость, к праведникам причисли,
84. высокой правдою соделай мой язык в моих потомках,
85. наследующим благодати рай меня соделай,
86. и моему прости отцу, что он в числе заблудших,
87. и от позора за него меня избавь в тот день, когда воскрешены все будут,
88. в тот день, когда ничто не поможет - ни богатство, ни сыны
89. тем, кто пред Богом предстанет, - спасётся тот, кто с беспорочным сердцем!
90. И к праведным, богобоязненным рай приблизится!
91. И сбившимся показан будет ад!
- (164) Как должно было, размышляет Ибн Гасан, миру погрязть в грехах, если ад - реален, конкретен. И близко от нас.
92. Их спросят: - Где ж боги ваши, коим - помимо Бога Единого - вы поклонялись?
93. Они помочь ни вам не в силах, ни самим себе!
94. И ввергнуты заблудшие в геенну,
95. и воинство Иблиса с ними - все!
96. И говорят, друг с другом препираясь:
97. - Клянемся Богом, о, как мы заблуждались,
98. богов своих приравнивая к Богу миров!
99. С пути нас сбили нечестивцы,
100. нет ни заступников у нас,
101. ни друга преданного.
102. О, если б даровали нам возврат, средь верующих были б!
103. И в том - знамение, но многие упорствуют в неверии!
104. Воистину Бог твой, Он Велик, Милосерден!
105. И ведомо - посланников Моих сочло лжецами племя Нуха.
106. И молвил Нух, к народу обратясь: - Неужто вы не ведаете страха?
107. Богом явлен я посланцем к вам
108. да убоитесь Бога!
109. Прислушайтесь ко мне - я не прошу за то у вас награды: вознаграждён я Богом миров!
110. Побойтесь Бога и прислушайтесь ко мне!
111. Ответили: - Тебе, за кем пошли кто жалок, сир и наг, поверить?
112. И молвил Нух: - Не ведаю я о деяниях их,
113. Пред Богом они, как все, в ответе, сказанное мной уразумейте!
114. Я не стану верующих гнать от себя.
115. Всего лишь я - увещеватель явный.
116. - О Нух, и да удержишься от поучений, пригрозили, не то побит камнями будешь!
117. И он воззвал: - О мой Бог, во лжи я обвинён своим народом!
118. Нас рассуди! Спаси меня и тех, кто, как и я, в Тебя уверовал!
119. Его и тех, кто с ним в ковчеге, Мы спасли!
120. Потопили остальных!
121. Вот в чём знамение, но многие упорствуют в неверии!
122. Воистину Бог твой, Он Велик, Милосерден!
123. И ведомо - посланников Моих сочли лжецами и адиты.
124. Сказал им Худ: - Неужто вы не ведаете страха?
125. Богом явлен я посланцем к вам
126. да убоитесь Бога!
127. Прислушайтесь ко мне - я не прошу за то у вас награды: воистину вознаграждён я Владыкой миров!

128. Увлечены забавами, что ни пригорок - изваяния красуются на них, возведены как будто на века,
129. И водоёмы строите - так что же: полагаете, что вечны?
130. Ведь ваша власть - владычество тиранов!
131. Побойтесь Бога и прислушайтесь ко мне!
132. Страшитесь гнева Бога - Того, Кто всем и вам, о чём вы знаете, подмога!
133. Не Он ли вам помог стадами и сынами,
134. садами и ручьями?
135. О, как бы кара Божия вас не настигла в Судный день великий!
136. Сказали: - Увещеватель ты иль просто говорун - нам всё равно,
137. тобою молвленное - всего лишь древних выдумки, тех, кто прежде был,
138. и кара никакая не грозит нам.
139. Да, Нашего посланника они отвергли, и потому Мы погубили их! И в том - знамение, но многие упорствуют в неверии!
140. Воистину Бог твой, Он Велик, Милосерден!
141. Ведомо - посланников Моих сочли лжецами также самудиты.
142. Сказал Салих, к народу обратясь: - Неужто не ведаете страха?
143. Богом явлен я посланцем к вам, достойный Его доверия.
144. Побойтесь Бога и прислушайтесь ко мне!
145. Я не прошу у вас за то награды: воистину вознаграждён я Богом миров!
146. Неужто обезопасенными мните вы себя среди того, что здесь,
147. среди садов, источников,
148. посевов, пальм, плоды которых нежны?
149. И высекаете, кичась, в горах дома искусные.
150. Побойтесь Бога и прислушайтесь ко мне!
151. И не внимайте повелениям распутных,
152. тех, кто грехами порчу умножает на земле, не добродет.
153. Сказали: - О да, но ты из блаженных, чарами колдовскими опутан!
154. Ты только человек, такой, как мы, а если впрямь посланец, яви тогда знамение!
155. - Вот верблюдица Божия, сказал Салих, день - ей пить, день - вам, и пусть она напьётся!
156. Ей зла не причиняйте - иначе наказание Божье постигнет вас в великий день [Судный]!
157. Ослушались, неверием обуянны: подрезали поджилки ей, но - позднее раскаяние!
158. Казнь Бога была сильна, поверг Он их в погибель! И в том знамение, но многие упорствуют в неверии!
159. Воистину Бог твой, Он Велик, Милосерден!
160. И ведомо: посланников Моих сочло лжецами и племя Лута.
161. Сказал он, обратясь к народу: - Неужто вы не ведаете страха?
162. Богом явлен я посланцем к вам!
163. Побойтесь Бога и прислушайтесь ко мне!
164. Я не прошу за то у вас награды: воистину вознаграждён я Богом миров!
165. Избрали ложем для себя мужчин вы разных,
166. оставив ваших жён, которых вам явил Бог, - преступный вы народ!
167. - Молчи, сказали, пригрозив, не то тебя изгоним!
168. Сказал им Лут: - Деяния ваши ненавистны мне!
169. О мой Бог, дай мне, моей семье спасение от того, что здесь творится!
170. Но Лута Мы спасли, его семью - всех,
171. кроме [жены] старухи, - она среди отставших.

172. Другие себя сгубили,
173. дождь-камнепад на них обрушился - о, как ужасен он для тех, кто глух к увещеванию!
174. И в том - знамение, но многие упорствуют в неверии!
175. Воистину Бог твой, Он Велик, Милосерден!
176. Ведомо - посланников Моих сочли лжецами обитатели ал-Айки.
177. Сказал Шуайб, к народу обратясь: - Неужто не ведаете страха?
178. Богом явлен я посланцем к вам!
179. Побойтесь Его и прислушайтесь ко мне!
180. Я не прошу за то у вас награды: воистину вознаграждён я Богом миров!
181. Да будете среди тех, кто почитает меру, и да не будете среди тех, кто недомеривает!
182. И взвешивайте точными весами,
183. не убавляйте никому, кто б ни был, из того, что им по праву причитается, и не ступайте по земле, плодя бесчестие!
184. Да убоитесь Бога, Кто сотворил и вас, и прежде явленных!
185. Сказали: - О да, но ты ведь из блаженных, чарами опутан колдовскими!
186. Ты ж только человек, такой, как мы,
187. а если впрямь посланец, нам знамение яви - осколок неба пусть падёт на нас!
188. Сказал Шуайб: - Ведомы Богу все помыслы, проделки ваши!
189. Сочли его лжецом, и Божие постигло наказание их в день покровы* - о, Наша кара страшная была!

* Аят вызвал множество толкований и соответственно переводов: день покровы, день пелены, день сени... Имеется в виду, что Бог наказал народ ал-Айки недельным зноем, потом нагнал тучи, чтобы они обрели прохладу, - это и был день покровы, а затем низверг на них всеуничтожающее пламя, и они сгорели дотла. Какими ещё красками описать ужас, который люди себе уготовили? Все пределы давно они преступили - вот почему нагнетается страх ада.

190. И в том - знамение, но многие упорствуют в неверии!
191. Воистину Бог твой, Он Велик, Милосерден!
192. Воистину вам Бога миров послание явилось [Коран]
193. с ним снизошёл дух праведный
194. на сердце на твоё, чтоб стал увещающим
195. на языке арабском, ясен он и чист.
- (165) Земное вмешательство людей в Божественное откровение! восклицает Ибн Гасан. - Думается, что кораническая фраза: на языке арабском своеобразный перевод Мухаммедом языка Бога: услышано на языке родном. - Ибн Гасан далее повторяет то, о чём уже было: Священные писания ниспосланы Богом на некоем лишь Ему ведомом языке смыслов, символов и шифров, но слышатся они, разгадываются, очевидно, только пророками на их родных языках, как бы переводятся с языка Бога на язык земной. Затем в тексте повторяется библейское: "Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились, Парфяне, и Мидяне, и Еламцы, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринею, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, Критяне и Аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих?" (Деян., 2/8-11).
196. Воистину послание [то есть Коран] - в ряду Писаний первых!
197. Неужто не уверуют [мекканцы-многобожники] в знамения, о коих ведомо мужам учёным Ибраила?
198. А если б ниспослали Мы иноплеменнику,
199. и он бы Наше откровение явил им, и тогда они б не уверовали

200. в том испытание для грешников!
 201. И не уверуют, покуда не постигнет кара их мучительная!
 202. Обрушится внезапно, а они не ждали!
 203. И взмолятся: - О если б нам дана была отсрочка!
 204. Так отчего же хотят ускорить Наше наказание?
 205. Не видишь разве - многие Мы годы, чтоб они уразумели, дарим им мирские блага,
 206. и лишь затем их настигает Наша кара - ведь прежде обещали!
 207. От наказаний их ничто, что даровали им, спасти не сможет!
 208. Мы не сгубили никого, к ним прежде не послав увещателей
 209. во испытание, чтоб слово Наше донесли им. И своевольно без причин Мы не тиранили.
210. Нет, вам ниспосланное не Иблисом наушаемо, не шайтанами
 211. то не под силу им, в умении таком не преуспели,
 212. запретно им подслушивание [аятов].
 213. Не воззывай, помимо Бога, к другому божеству, чтобы среди наказываемых не оказаться.
214. Ближайшую родню увещевай.
 215. И крылья преклони пред теми, кто вослед тебе уверовал,
 216. а если кто ослушается, молви: - За деяния ваши не в ответе я!
 217. И уповай на Всемогущего, Всемилосердного,
 218. Который видит - и когда встаёшь [чтоб сотворить молитву],
 219. когда ты среди тех, кто предо Мной склонился,
 220. Ведь Он Всеслышащ, Он Всезнающ!
 221. Поведать, может, вам пора о тех, к кому благоволит Сатана?
 222. К лжецам благоволит он, к грешникам нисходит,
 223. подслушанное от него уста их извергают - как и он, они лжецы.
 224. За Сатаной следуют поэты - они ведь из заблудших!
 225. Не видишь разве, как они блуждают по путям-дорогам,
 226. уста их молвят то, чему они не следуют в деяниях своих,
 227. но есть такие, кто уверовал и добродееет, премного поминая Бога, и тем защиту обретают от притеснителей неправедных, - а тот, кто угнетать их вздумал, познает, какой им уготован поворот судьбы!

57 (19). Марйам

(166) Ибн Гасан, десятикратно (!) разрывает объёмными своими пояснениями Божественный текст - здесь впервые проявляется озабоченность, даже нервозность Ибн Гасана, природа которой загадочна лишь на поверхностный взгляд: им движет благородная идея, не находящая, увы, ни в ком поддержки, идея примирения, а не противостояния авраамических религий (с приглашением в союз и буддистов?), уточняя: Сура названа именем Пресвятой Девы Марии, о ней в Коране говорится 17 раз, в некоторых случаях - как о матери Иисуса-Исы, а также в составе имени Иисуса: Иса ибн Марйам, или Иса, сын Марйам. Применяются эпитеты Благочестивейшая, Праведница; воспроизведём, забегая вперёд, слова Корана: О Марйам, воистину избрал тебя Бог, очистил в вере и над женщинами мира возвысил! [106 (3)/42]*

* Марйам - единственная женщина, чьё имя приведено в Коране; о Еве-Хавве говорится безымянно; отметим также, что в Коране наряду с защитой её от напраслины великой признаётся факт непорочного зачатия [111 (4)/156].

1. Каф, Ха, Йа, Айн, Сад.

(167) Ибн Гасан, ссылаясь на авторитетную книгу Тафсир Кабир, или Великое

Толкование, приводит расшифровку некоторых арабских букв, предпосланных суре и якобы выражающих ипостаси Бога: Каф - это Кафи, Самодостаточный, Ха - хади, Направляющий, Йа - Йад, Рука Всевершащая, Сад саддик, Верный [это может быть принято условно - как одна из попыток разгадать Божественный замысел].

2. Да воспомянем о Божьей милости рабе Его Закарийа*.

* Библейский (новозаветный) Закарийа из Авиевой чреды, опекун и воспитатель Девы Марии в иудейском храме, и жена его из рода Аарона (Гаруна) Елисавета, по мусульманской традиции - Ишба.

3. Воззвал он к Богу своему сокрытым зовом.

4. Сказал: - О Боже, я ослабел костями, и голова сверкает сединой, мои мольбы не оставлял Ты прежде без ответа,

5. боюсь, когда меня не станет, козней близких, а жена бесплодна, даруй мне милостью Твоей [дословно: от Тебя] наследника,

6. и да наследует он мне, продолжит род Йакуба, и да угоден будет он Тебе!

7. [зов услышан был:] - Мы мальчиком обрадуем тебя, Закарийа, и имя дашь ему Йахйа!

* Не нарекали прежде этим именем Мы никого.

* Библейский Иоанн Креститель, Предтеча, чей отец - Закарийа.

8. Сказал: - О Боже, но как родится мальчик, ежели жена бесплодна и сам я старости достиг предела?

9. - То воля, слышит, Бога твоего, сказал Он: "Это для Меня нетрудно. Ведь ранее Я сотворил тебя, а был ничем ты".

10. Сказал: - О Боже, дай мне знамение!

- Знамение, услышал, для тебя такое: три дня, три ночи кряду онеметь не говорить с людьми, при том дар речи сохраняя!

(168) И да будет всем уроком: немота трёхдневная - в наказание за то, что Закарийа усомнился и попросил у Бога земных доказательств.

11. И вышел из святилища Закарийа, к народу обратился:

- И да восславится Он денно, ночью!

12. - О Йахйа, услышал, держись Писания всей силой!

И мудростью его Мы наделили, когда ещё ребёнком был,

13. он милосердие от Нас обрёл и чистоту и в праведности стал богобоязнен,

14. и благостью к родителям исполнен, ни ослушания не знал он, ни гордыни

15. мир ему в тот день, когда родился, в день, когда умрёт, и в день, когда живым он будет воскрешён!

(169) В мусульманских преданиях говорится о кипящей крови на блюде с головой Йахьи, казнённого царём Хирудусом (библейским Иродом) путём её усекновения, - кровь, вскипая, перелилась через край блюда, залив дворец, и на могиле не переставала бурлить и литься, успокоившись, по одной из версий, после призыва пророка Ирмии (Иеремии), а по другим - после того как вавилонский царь (или шах персидский?), якобы мстя за пророка, повелел убить на могиле Йахьи семьдесят тысяч израильтян, дабы свежей кровью остановить её кипение. По этим же преданиям, голова Йахьи захоронена в высокочтимой мусульманами Омейядской мечети Дамаска. По свидетельству христиан, трижды состоялось обретение главы Иоанна, в честь чего установлены церковные празднества.

16. И помяни в писании Марйам - как от родных она в уединённое к востоку место удалилась*,

* К востоку от храма, или на солнечную сторону, с чем связана ориентация

христианских церквей на Восток.

17. устроила себе завесу пред людьми. И послан Нами был к ней Дух Наш, предстал пред нею в облике мужчины.

18. - В защите от тебя, - воскликнула, - на Милостивого я уповаю, да убоишься Бога!

19. Молвил он: - Бога твоего посланник я, и дар тебе - пречистый сын.

20. - Как может, удивилась, у меня быть сын? Ко мне никто не прикасался, и не блудница я!

21. Сказал: - Мне молвить повелел Бог твой: "То для Меня нетрудно. И станет Он знаменем для людей и Нашей милостью". И да свершится!

22. И забеременела Им [Исой], и удалилась с Ним.

23. И муки начались, прислонилась к стволу иссохшей пальмы:

"Лучше умереть, - промолвила, - чтоб не знали, всеми стать забытой!"

24. И зов услышан ею был: - Не печалься, Бог твой ручей возле тебя устроил,

25. ствол пальмы оживил - пригни и потряси, плоды она уронит свежие и спелые.

26. И голод утоли, и жажду, и очи прохлади! Кого увидишь из людей, скажи: "Обет молчания дала я Милосердному, и говорить сегодня я не стану".

27. Пришла к родне, неся в руках младенца. Воскликнули:

- О, что ты натворила, позор неслыханный, Марйам!

28. О ты, сестра [из рода] Гаруна, твой отец не слыл дурным, и не была распутной мать твоя!

29. И указала на младенца - пусть послушают его. Но возмутились, молвив: - Как можем говорить мы с тем, кто в колыбели?

30. А Он [дар речи обрета] промолвил: - Я раб Всевышнего, мне Им дано Писание и в сан пророческий Он меня возвёл.

31. Где б ни был я, благословение Его нести мне, и заповедал мне молитву, и милостыню даровать до дней моих скончания,

32. и послушание к родительнице - дерзости не знать, не ведать и гордыни,

33. и мир [благодать] мне - в день, когда родился, в день, когда умру, и в день, когда из мёртвых буду воскрешён!

34. Был таковым Иса, сын Марйам [Иса ибн Марйам]. Он Словом Истины явился, однако в споре многие, в сомнении.

(170) Интересно отметить, что женское имя становится отчеством: ибн, как правило, предпосылается имени мужскому; Марйам, таким образом, приравнивается к мужчинам - существенный довод против последующего принижения в практике ислама женщин, что противоречит воле Божественной. Истина есть синоним Бога: Слово Истины, или Слово Божие, как назван в Коране Иса, дано Ему потому, что, по толкованию мусульманских богословов, Он не был рождён обычным путём, а был создан по Слову Божьему. В ниспосланном аяте о спорах имеются в виду, очевидно, не христиане, почитающие Ису Сыном Божьим, а иудеи, считающие Ису лжепророком, но также и - допущу предположение - мусульмане, которые считают Ису лишь пророком. Но если сказанное: Иса явился Словом Истины - принадлежит Богу и Мухаммед озвучил идею Слова Истины, воплощённого в человеческой плоти Исы, то не утверждается ли тем самым, что Богом послан в мир человек, оплодотворённый Его Духом, или иначе - Сын Божий, вслед за Кем явлен уравненный в пророчестве с богочеловеком Мухаммед, чего спорящие, увы, не поняли и возжелали трактовать уравнивание не как возвеличение Этого до уровня Того, а как принижение Того до уровня Этого. А коли речь о Сыне Божьем, то с вышесказанным не согласуется нижеследующее:*

* Ибн Гасан, переводя: Нет, брать Себе детей Богу не подобает, хвала Ему! уходит от

ответа: в чём же несогласованность, им заявленная? Следуя логике его размышлений, можно, однако, додумать за него: а) или Бог запаматовал (!), что Им было сказано, или б) люди вторглись в Божественный текст, дабы небесной Его логике противопоставить земную: если иудеи старшие братья христиан, в чём христиане после двух тысячелетий признались (а иудеи молчат! форма согласия?), то мусульмане - братья христиан младшие, с чем ещё предстоит согласиться, и тогда мир, смею надеяться, обретёт спокойствие. Явив Мухаммеда после Исы, Бог не возвысил ли человека-пророка до бога-человека: Но коварна, продолжу за Ибн Гасана, логика земная: возвысил... младшие-старшие... А то, может статься, отречёмся от прежних высот, отбросим камни, по которым, как по ступенькам, карабкались, и, распрямившись в рост, забудем про признательность и благодарность? Мир лежит перед нами, другого и не было!

35. Нет, брать Себе детей Богу не подобает, хвала Ему! Когда Им что задумано, то скажет: "Будь!" - оно в сей миг свершится.

36. - Воистину [продолжал Иса] Бог - мой Господь, Господь - Он и ваш Бог: так поклоняйтесь же Ему, вот путь прямой [праведная дорога]!

37. Разноголосят меж собой общины [о сущности Исы?], но горе тем, которые неверны, - узреют в день великий (Судный)!

38. Услышат и увидят в день, когда предстанут перед Нами! О, как они, неправедные, ныне заблуждаются!

39. Скажи, что не минует скорбный день никого - сполна воздастся им, которые не ведают о том, творя бесчестия.

40. Воистину наследуем Мы землю - всех обитателей её, и к Нам они вернуться и предстанут!

41. Об Ибрагиме воззови, напомнив им [мекканцам]: воистину он праведником был, пророком,

42. сказал однажды своему отцу: - Отец мой, почему ты кланяешься тем, которые не слышат и не видят, - нет пользы никакой тебе от них!

43. Отец мой, явлено мне знание, оно тебе неведомо, за мной последуй, поведу тебя путём я верным!

44. Отец мой, Сатане не поклоняйся, он Милостивому послушник!

45. Отец мой, я боюсь, наказан будешь Милосердным и породнишься с Сатаной!

46. Сказал отец: - О Ибрагим, как можешь отвращаться от богов ты наших? Одумайся, иначе прокляну тебя! Уйди, не попадайся на глаза!

47. И молвил Ибрагим: - Да будет над тобою мир! Просить я буду Бога моего тебе прощение ниспослать, воистину Он многомилостив ко мне.

48. Что ж, отделюсь от вас, от тех, кому вы поклоняетесь, помимо Бога моего. К Нему я воззову, чтоб внял моим молениям!

49. Когда от них он отдалился и от тех, кому, помимо Бога Единого, они молились, Ибрагима Мы Исхаком и Йакубом одарили, и каждый Нами возведён в пророческий был сан!

50. И Нашей милостью Мы одарили их, истины язык высокий в их уста вложили!

51. Ещё напомни о Мусе: воистину он праведником был, посланник Наш, пророк.

52. И Мы к нему воззвали с правой стороны горы [Синай], приблизили его к Себе беседой сокровенной с ним,

53. и милостью Нашею ему Мы даровали брата Гаруна, возведённого Нами в сан пророческий.

54. Об Исмаиле воззови, напомнив им: воистину он честен был в обещанном, посланник Наш, пророк.

55. Призвал он свой народ творить молитву, на милостыни не скупиться и был угоден Богу своему.

56. И об Идрисе воззови, напомнив им: воистину он праведником был, пророком,

57. и Нами вознесён высоко.

(171) Рукой Ибн Гасана вписана фраза, обрывающая текст: В одном из свитков рассказано о встрече Мухаммеда при его Небошестве с Идрисом, живым попавшим на небо. Идрис [библейский Енох] - благочестивый человек, верный Богу, первый, кто провёл пером по бумаге, постигнув тем самым сокровенные знания, преуспел в науках о звёздах и числах, гадании на песке, имя его означает "читающий", и он сумел обмануть ангела смерти Азраила, и Бог, восхищённый его находчивостью, вознёс его живым на место высокое, или в рай, где он и оставлен до Судного дня.

А находчивость вот в чём: Азраил попросил у Бога позволить ему навестить многомудрого Идриса и, приняв человеческий облик, явился к нему, и они настолько сдружились, что Идрис попросил у ангела исполнить, удовлетворив тем самым его потребность постичь непостижимое человеком, три его желания: дать понять, что такое смерть; посетить преисподнюю, чтобы испытать адские мучения; а также попасть в рай - познать райские наслаждения.

И все желания Идриса ангел с Божиего соизволения исполнил. Идрис, однако, попав в рай, отказался его покинуть, приведя хитроумные доводы: "Бог сказал, - заметил он Азраилу, - что всякая душа вкусит смерти [об этом многократно говорится в Коране, в частности, 106 (3)/185], и я её уже вкусил; Бог говорил, что среди людей нет ни одного, кто бы сначала не был ввергнут в ад [57 (19)/71], и я уже побывал там; Бог обещал обитателям рая, что они никогда не будут из него выведены [38 (15)/48], и вот я в раю, и более отсюда никуда не уйду".

А ключ ко встрече Мухаммеда с Идрисом - диалог с Джебраилом (На каком небе? - вопрошает Ибн Гасан - Может, первом, где Адам, ибо Идрис был первым из потомков Адама пророком?):

- Из живых рай прежде тебя посещал лишь пророк Идрис (и дать историю о хитроумной проделке Идриса, продиктованной его страстью к познаниям)!

- Могу ли я его увидеть?

- И даже... (увы, фраза не закончена) [Этот рассказ, как о том может судить читатель, не обнаружен ни в одном из свитков коранического повествования].

58. И все одарены милостью Божьей - пророки из потомства Адама, из тех, кого спасли Мы с Нухом, из потомства Ибрагима, Исраила, из тех, кого Мы повели прямым путём, кого избрали. Ниц падают они, пред Нами со слезами преклоняясь, и Наши чтят знамения, Писаниям внимают.

59. А их потомки? Сгубили веру и творить молитву перестали, помчались за страстями и утехами - о, ждёт погибель их,

60. помимо тех, которые покались, уверовали и творят добро, - им пребывать в раю, не будут знать ни от кого обид,

61. то вечности сады, рабам Своим обещанные Милосердным, воистину обещанное сбудется!

62. Нет пустословий там, услышат только: "Мир!" Удел счастливый уготован им все утра, вечера все.

63. То сад, которым одарили наших праведных рабов, кто был богобоязнен и благочестив.

64. Нисходят по велению Господа - Ему принадлежит всё, что пред нами, всё, что сзади нас, всё, что между ними [будущее, прошлое и настоящее]. Бог твой памятливы, Он не забывчив!

65. Он - Владыка неба и земли, всего, что между ними. Ему лишь поклоняйся: запасись терпением в поклонении Ему! И разве назовёшь кого, кто б соимённым был Ему?

66. Молвит человек: "Когда умру, неужто буду изведён живым?"
67. Не вспомнит он о том, что Нами прежде сотворён, когда ничем он не был!
68. И Богом твоим клянусь, Мы, воскресив, сберём людей, но и шайтанов тоже, а затем поставим на колени их вокруг геенны!
69. И выведем из каждой Мы общины из злейших злейшего ослушника Божьих повелений!
70. Деянья всех Нам ведомы, а потому Мы знаем и про тех, кому и как гореть в геенне!
71. Нет среди вас того из нечестивых, кто б не вошёл в неё; предрешено то Богом твоим!
72. Но будут Нами спасены все, кто был богобоязнен и благочестив, а нечестивцам - тем, которые глумятся над тобой, быть в унижении, стоять им на коленях!
73. Когда взываешь к многобожникам, про Наши им знамения поведав ясным слогом, они, кичась, уверовавшим молвят: "Признайтесь, кто ж из нас - вы или мы, и выше, и весомей, состоятельней?"
74. О, сколько Мы до них сгубили поколений - получше них и повесомей их!
75. Скажи: - Да будет Милостивым заблуждение заблудшим продлено! Пока обещанного им не узрят - познают в день неотвратимый кару! Узнают, лучше кто и хуже, кто силён войском, а кто слаб.
76. А тем, которые шли по пути прямому, их праведность Бог умножит им, воздав достойно за деяния благие!
77. Видал ли ты в неверии упорного, и он же про знамения Наши говорит: - О да, дожждёмся дня, когда одарят нас богатством и потомством!
78. Узнал про сокровенное? Иль Милосердным что ему обещано?
79. Так нет! Запишем речи Мы его и воздадим ему за них продлением кары!
80. Богатства унаследуем, и заберём детей, и одинокими предстанут перед нами, всего лишённые.
81. Таков удел всех, кто себе - помимо Бога Единого - богов во поклонение избрал, заступничество их восславив.
82. Так нет! Отвергнутые будут даже теми [идолами], чьим именем они клялись, - те им врагами станут.
83. Неужто позабыли, что к упорствующим посланы им во испытание шайтаны, подстрекающие к злодеяниям?
84. И не спешите с наказанием - Нами строгий счёт ведётся их деяниям!
85. В тот день, когда благочестивые высокочтимым шествием пройдут пред Милостивым,
86. [тогда же] грешников Мы в ад погоним, точно скот на водопой,
87. и не заступится никто - и в Милостивом обретёт защиту Его доверия исполненный.
88. Вот говорят: "Себе ребёнка Милостивый взял!"
89. Самонадеянность какая - несуразность изрекать!
90. От слов таких готово небо расколоться и разверзнуться земля, и горы в прах рассыпаться готовы
91. Ребёнка Милостивому приписывать!
92. Нет, Милостивому не подобает ребёнка брать Себе!
- (172) Здесь, поясняет Ибн Гасан, пытаясь спасти трудно спасаемое, имеются в виду не только христиане, Иса (о нём сказано было выше), но и многобожники тоже, придававшие своим божкам сыновей и дочерей, а также иудеи, которые утверждали, что Узайр (библейский Ездра) есть сын Божий.
93. Всяк, кто на небе, на земле, приходит к Милостивому как Божий раб и только!
94. Итог всему и всем Им подведён, подсчитан каждый миг,

95. и в воскресения день все явятся к Нему поодиночке.

96. Тем, кто уверовал, творя добро, любовь дарует Милостивый.

97. Тебе Мы облегчили восприятие Корана, явив его на языке твоём родном: благочестивым - в радость, богобоязненным - в напоминание, а тех, которые упрямятся в неверии, - предостеречь.

98. О, сколько Мы до них [нечестивцев] сгубили поколений, - кто ныне может хоть какой о ком из них услышать отзвук?

58 (38). Сад

(173) Сад - буква арабского алфавита, сокращённое от многоёмкого "саддик", или праведный, правдивый, верный. Сура ниспослана, по земному объяснению, когда курайши убеждали Абу-Талиба отказать Мухаммеду в поддержке.

1. Да восхитимся Кораном славным, увещеваний полным!

2. Те, кто не верует, гордыней обуян, не ведают смирения.

3. О, сколько Мы до них сгубили поколений! Они о помощи зывали, но не спасёшься бегством.

4. Дивились, что явился к ним из них самих увещеватель. Молвили неверные: - Ну да, колдует он, обманывает нас!

5. Множество богов возжаждал обратить в единственного Бога, - вот удивительное чародейство!

6. И удалились явленные из знатнейших, говоря своим: - Терпите, верность божествам храня! И будьте стойки - вот чего желаем!

7. Услышанное чуждо нашей вере - из вер оно последних!

8. Возможно ли поверить, то измышление явное, что откровение ниспослано из нас кому-то?! Да, сомневаются в Моём напоминании! Пока они Моей не испытали кары!

9. Иль есть у них сокровищница милостей Моих, ведь знают, вседержатель Я, всего податель славный!

10. Иль властвуют они над небом и землёй, над тем, что между ними? Что ж, пусть ко Мне по ступеням верёвочным взберутся!

11. Они всего лишь воинство из ранее разбитых Мною войск.

12. До них Мои считали откровения неправдою и племя Нуха, и адиты, и обладатель кольев [в жестоких казнях преуспевший] Фираун,

13. а также самудиты, племя Лута, обитатели ал-Айки - и все они во лжи Моих посланцев обвиняли,

14. за что сполна вкусили Мою кару!

15. И этим суждено: всего лишь клич единый - грянет без отсрочки!

16. И воззовут: "О Боже, лучше б Ты ускорил кару до дня расчёта!"

17. Будь многотерпелив к тому, что слышишь, вспомни Нашего раба могучего Давуда, воистину, он был из обращающихся к Нам!

18. Ему Мы горы подчинили, что возносили с ним хвалу Нам вечернею порой и при восходе,

19. и подчинили птиц, собрав их вместе стаями, - и хвалят Бога.

20. Власть укрепили Мы его, и мудростию одарили, и твёрдость дали в речи [чтоб различал он истину и ложь].

21. Дошёл ли до тебя рассказ о тяжбе двух, что перелезли через стену храма?

22. Вошли к Давуду [когда молился], вспугнув его. Молвили: - Не бойся! Мы - два врага, один злоумыслил на другого, рассуди по справедливости, не отступив от правды, выведи на верную дорогу.

23. Он мой собрат, и у него овец сто без одной [девяносто девять], а у меня одна. Но он велел, чтоб уступил её, и в споре одолел меня речами.

24. Сказал Давуд: - Он тебя обидел, прося твою овцу включить к своим. Немало сотоварищей злоумышляют друг на друга, помимо тех, которые уверовали и добро творили, - увы, но мало их.

И тут Давуд смекнул, что это Мы его решили испытать, раскаялся в содеянном, пал ниц, прося прощения.

(174) Овца - метафора жены; девяносто девять - множество. Имеется в виду напоминание Давуду, имевшему много жён, о его прелюбодеянии с Вирсавией - женой преданного ему полководца Урии: послал его на верную гибель, дабы жениться на его жене, и она родила ему Соломона (Сулеймана). Испытание с овцой есть в Библии, где говорится о богаче и бедном: у первого - много скота, у второго - лишь овечка, и когда пришёл к ним странник, богач пожалел свой скот, а позарился на единственную овечку бедняка, чтоб угостить пришельца. Поступок богача возмутил царя Давуда, но подсказано ему было, что в образе богача выведен он сам.

25. И Мы его простили, к Себе приблизив, - уготовили ему у Нас надёжное пристанище.

26. О Давуд, Мы сделали тебя Своим посланцем на земле, суди по справедливости, не следуй за страстями, - они тебя сведут с пути Бога!

А тем, кто покидает путь истинный Его, кара уготована Моя: неужто позабыли, что грядёт неотвратимо день расплаты?

27. Нет, создали не понапрасну Мы и небеса, и землю, и всё, что между ними пролегает. Так могут думать те, кто нечестив, - о горе тем, кто в адский огонь пылающий не верит!

28. Нет, Мы не уравнием тех, кто праведен и верует, благоддея, с теми, кто умножает порчу на земле, злодействуя, распутству предаваясь.

29. Тебе Писание ниспослано благословенное, - да подумает кто не лишён рассудка над знамениями Нашими и вспомнит обо всём, что было.

30. Давуда одарили Мы рабом прекрасным [сыном] - Сулейманом, воистину он был из обращающихся к Нам!

31. Представили ему легко стоящих, благородных [мастью коней],

32. воскликнул он: - Я полюбил их, в увлечении забыл о поминании Бога моего, когда солнце сокрылось!

33. Верните мне коней! - И, голени поглаживая их, подрезал им поджилки, и, шею тронув, головы им снёс!

34. И прежде, усадив на трон иное тело [джинна], его Мы испытали,

35. и он раскаялся, воззвал: - О Боже, прости и власть мою верни, которая приличествует мне, ведь Ты - всего податель!

36. И ветры лёгкие ему Мы подчинили, что веют по велению его, куда он пожелает,

37. и шайтанов - тех, которые искусные строители, и тех, которые отменные ныряльщики [за жемчугом],

38. и других [шайтанов], попарно скованных цепями.

(175) По приказу Сулеймана сверхсильные шайтаны воздвигли ему многие великие сооружения в его столице Иерусалиме, в том числе храм и мечеть ал-Акса, обогатили казну жемчугами и иными драгоценностями (ныряльщики!).

39. - То дар тебе от Нас, сказали Мы ему, так благодетельствуй или оставь себе, с тебя нет спроса!

40. И Мы его простили, к Себе приблизив, - уготовано ему у Нас надёжное пристанище.

(176) Обладая необыкновенной мужской силой, Сулейман хвастал, что у него будет тысяча сыновей от тысяч жён, за что был наказан: у него родился всего один сын, и то калека, которого Бог излечил лишь после долгих молитв Сулеймана.

41. И Нашего раба Айюба вспомни! Как воззвал он к Богу своему:

- Воистину повергнут Сатаной в страдания тяжкие и муки!

(177) Соответствует библейскому Иову. Здесь в свёрнутом виде даны три истории, приключившиеся с Айюбом, кого Бог подверг испытанию, отдав под власть Сатаны, и обрушил беды: он потерял семерых сыновей и трёх дочерей, тело его покрылось гнойными язвами...В награду за долготерпение ниспослан был ему источник, излечивший раны и утоливший жажду, возвращена была также семья.

Айюб поклялся, выздоровев, наказать жену, нанеся ей сто ударов прутьями за то (одна из версий), что усомнилась в помощи Бога, но стало жаль жены, и тогда, по подсказке Бога, он взял пучок из ста прутьев и всего лишь раз ударил жену, тем самым не нарушив клятвы: сто ударов прутьями заменил одним ударом ста прутьев.

42. Ударь ногой о землю - забьёт вода для омовения, и жажду утолишь!

43. И даровали Мы ему семью - то Наша милость в назидание ему - и да подумает, кто не лишён рассудка, над знаменьями Нашими:

44. - Возьми пучок из прутьев, услышал, единожды ударь, так не нарушишь клятвы ты своей! - Терпеливым Мы нашли его, простив, - раб прекрасный! Воистину он был из обращающихся к Нам!

45. И наших вспомяни рабов - среди них был Ибрагим, Исхак был и Йакуб, благодеяниями славны, пронизательны.

46. Их верой чистой Мы усилились, о небесной они ведают обители, 47. им уготовано у нас надёжное пристанище.

48. Ещё вспомянь ты Исмаила, и ал-Йаса, и Зуль-Кифла [сына Айюба, Поручителя за благочестивых пред Богом] - все из благих,

49. всем праведным, кто богобоязнен, Мы уготовили надёжное пристанище:

50. тут вечности сады, сюда врата для них открыты,

51. здесь будут, возлежа, вкушать плоды обильные, питьё отменное,

52. и рядом девы юные, которые скромны, и взор у них потуплен

53. обещанное вам во дни расчёта да получите!

54. То наш для вас удел, и он неисчерпаем [истощения не ведает].

55. Да будет так! А для ослушников - жилище наизлейшее,

56. геенна уготована для них, о, как мерзка [скверна] сия обитель!

57. Да будет так! И вкусят кипяток, и вкусят гной,

58. а также и другое в том же роде и того же свойства.

59. Толпа, что вслед ведомым устремляется, кричит: - Никто вас не приветит, и в полыхающем огне гореть вам суждено!

60. - О нет, - ответят тем, кто в грех их ввёл, - не привечают вас, из-за кого нам выпали страдания в обители сей страшной!

61. И молвят: - Боже, умножь им наказание огнём за то, что ввергли нас в геенну!

62. Кричат: - Где ж те, мы их не видим среди нас, - над ними мы глумились!

63. И забавлялись, измывались мы над ними!

64. Воистину то препирательства геенны обитателей, огнём охваченных.

65. Скажи: Ведь я лишь увещатель, но да услышите: "Нет божества иного, кроме Бога Единого,

66. Того, Кто властвует над небом и землёй, над всем, что между ними, Он Всеславный, Всемогущий Он, Прощающий!"

67. Скажи: Мной молвленное - весть великая,

68. вы ж отвращаетесь.

69. Не обладаю знаниями я о том Верховном сонме, где обитают ангелы, и споры их не слышал,

70. лишь ведомо, что я - увещатель ясный!

71. Сказал Бог ангелам: - Создам я человека из звучащей глины.
72. И, завершу когда, в него вдохну от духа Моего - падите ниц пред ним и кланяйтесь ему!
73. Все ангелы послушно пали ниц.
74. Все, только не Иблис! Он возгордился, став неверным.
75. Сказал тогда Бог: - О Иблис, что удержало тебя от поклонения тому, что Я создал Своими руками? Гордыней обуян иль возомнил себя сверхвысшим?!
76. Ответил: - Я его лучше! Меня ты создал из огня, его ж - из глины!
77. Сказал Он: - Уходи! Камнями будешь побиваем!
78. До дня Суда да будешь Мною проклят!
79. - О Боже, взмолился он, отсрочь мне наказание до дня, когда воскрешены все будут!
80. Сказал Он: -Что ж, да будешь ты из тех, кому отсрочено
81. до дня, назначенного Мной!
82. - Клянусь Твоим величием, сказал, соблазню всех, кто на земле,
83. помимо тех Твоих рабов, которые чисты перед Тобой!
84. Сказал Он: - Истинно глаголю Я
85. заполню ад пылающий тобой и всеми, кто последует тебе!
86. Скажи [Мухаммед] им [мекканцам]: За молвленное не прошу у вас награды я, и лишнего, помимо явленного мне, не измышляю.
87. Услышанное вами - в назидание для обитающих в мирах!
88. И в том вы убедитесь скоро, ждать недолго!
- 59 (72). Джинны
1. Скажи: Открылось мне, что джиннов сонм подслушал [мне ниспосланное], воскликнули: "Воистину Коран мы дивный слышали!
2. На праведную он зовёт дорогу, уверовали мы в него, и Богу мы иных божков вовек не придадим!
3. Бог, да возвеличится Его достоинство, жены Себе не брал и не имел ребёнка.
4. Глупец из нас [Сатана] был дерзок, взбунтовался против Бога.
5. Мы думали, ни люди и ни джинны никогда не станут говорить на Бога ложь.
6. Мужички среди людей к мужам среди джиннов прибегали [для постижения колдовства], безумие их только умножалось.
7. Казалось им, так думали и вы - никто и никогда не будет Богом воскрешён.
8. Мы тщились на небо подняться, но стражами могучими оно оберегаемо, и светочи пронзающие там.
9. Сидели мы в засаде, чтобы тайное изведать, - то тот, кто ныне вздумает подслушать, сражаем тотчас будет падающей звездой!
10. Не знаем мы, то наказание для обитателей земли или Бог им повелел [явив Коран] довериться Ему и на дорогу праведную стать.
11. Есть среди нас творящие благое, но есть и злотворящие - идём путями разными.
12. Мы ведаем о том, что никогда не обессилим Бога на земле и бегством от Него сокрыться не сумеем.
13. И мы, когда про путь прямой нам довелось услышать, его избрали уверовавший в Бога своего не ведает ни страха, ни ущерба, ни безумства.
14. Есть среди нас предавшиеся Богу, а есть и те, кто отступился. Предался Богу кто - пошли путём прямым,
15. а отступившие - растопка для огня геенны".
16. На праведную кто ступил дорогу - он будет Нами напоён водой обильной,
17. то им - во испытание. Кто Бога предал забвению, познает наказание Наше тяжкое.
18. Места моления - для Бога Единого, и в поклонение Ему иных божков не

призывайте!

19. Поднялся раб, к Нему взывая, и тотчас собрались [джинны].

20. Скажи: Взываю к Богу своему Единому и в сотоварищи Ему не придаю иных божков!

21. Скажи: Я ни над злом не властен, ни над благом, чтоб явить вам путь прямой!

22. Скажи: Меня никто от Бога моего [от кары Его] не защитит,

23. и не найду убежища нигде, кроме как у Бога, - дано мне волю Его лишь являть вам, откровения! А тем, кто Бога ослушается и Его посланника, им огонь геенны уготован и вечное там пребывание,

24. покуда не узрят обещанного им - тогда узнают, кто слабее и меньше по числу.

25. Скажи: Не знаю я, как скоро наступление обещанного Им, какой когда предел Им установлен.

26. Он Тот, Кто сведущ о сокрытом! И не дозволит никому проведать у Него про сокровенное,

27. помимо тех, к кому благоволит, посланников Своих, стражей [ангелов] к ним приставляя спереди и сзади,

28. чтоб убедиться в передаче ими вленных от Бога откровений. Он Тот, Кто всеобъемлющ знанием всего и вся [деяний и помыслов], и существу всему ведёт Он счёт!

60 (67). Владычество

1. Благословен Он - Вседержатель власти, над сущим всем Владыка,

2. над смертью Властелин, над жизнью, данной вам во испытание, Всевелик Он и Прощающ!

3. И семь рядов [слоёв] небесных сотворил Он друг над другом - в творении Всемилоостивого не узришь несоразмерности ни в чём: взгляни изъянов в совершенстве нет!

4. И снова глянь, - взор воротится, утомлён, - ни в чём изъяна нет.

5. Украсили светильниками небо Мы ближайшее, и звёздами падучими шайтанов поражаем Мы [которые норовят подслушать небесные разговоры] - им наказание уготовано огнём.

6. Тем, кто в Бога не верует, - мучение геенны, о, исход ужасен!

7. Когда в неё кидают их, - оглушены её свирепым рёвом, бурлит, вскипая, пламя

8. готовая от ярости взорваться. И каждый раз, когда в неё бросают нечестивых, их вопрошают [удивлённо] стражи ада: - Неужто не был явлен увещеватель к вам?

9. - Да, - признаются, - приходил, но мы сочли его лжецом, отвергли, говоря: "Как можно верить, чтоб Бог явил нам одержимого?"

И сокрушаются: - О, как мы заблуждались!

10. И молвят: - Если бы прислушались к нему, поверили в него - мы не были б тогда средь обитателей геенны!

11. Но запоздалое признание в грехе: прочь, брошены в геенны огонь!

12. А тем, кто праведен и гнева Бога страшится, - им всепрощение, великая награда.

13. Таите ли слова, говорите вслух, воистину сокрытое ведомо Ему!

14. Ему ль не знать, Кем сотворены, Всепроникающим и Сведущим!

15. Он Тот, Кто землю сделал вам покорной во странствие для вас и во вкушение уделами, дарованными Им. И ваш к Нему возврат конечный.

16. Неужто вы в сомнении, что Тот, Кто на небе, не в силах землю расколоть под вами и вас она поглотит? Уж сотрясается она!

17. Неужто вы в сомнении, что не в силах Тот, Кто на небе, вихрь ураганный на вас обрушить? Грядёт - увещеваний Моих цену вы узнаете!

18. И те, кто был до них, Моих посланников отвергли - изведуют сполна Моё негодование!

19. Не видят разве птиц - они над ними крылья расправляют, а затем смыкают. Поддерживает Милостивый их - всё сущее Он зрит!

20. Неужто вам не Милостивый - ваше воинство поможет? Какое заблуждение у тех, которые не веруют!

21. Кто вас накормит, если Он вас не станет пропитанием одаривать? О, как они, надменные, в своём неверии упорны!

22. Так кто ж по праведному шествует пути: тот, кто бредёт, главу понунив, или тот - с челом открытым?

23. Скажи: Не Он ли вас взрастил и даровал вам слух, и зрение, и сердце - как мало Милостивого благодарите!

24. Скажи: Не Он ли вас рассеял по земле - к Нему воротитесь вы!

25. Спрашивают: Если изрекаешь правду, когда исполнится обещанное Им?

26. Скажи: О том ведомо Ему, я - увещатель, ясно повторяющий.

27. Когда в тот день [обещанный] подступится к ним кара - о, как их лица исказятся, обезображенные [страхом], а ведь предупреждали: Узрите ж то, чего вы ждали!

28. Скажи: Вы станете свидетелями - погубит Милостивый нас, меня и кто со мной, или помилует Он нас, но кто от кары ужасающей неверных защитит?

29. Скажи: Он - Милостивый, мы в Него уверовали, на Него надеемся, недолго ждать, узнаете, кто в явном заблуждении из нас!

30. Скажи: Вы можете представить, если ваши воды вглубь уйдут и если более вода к вам не пробьётся?

61 (23) Верующие

1. И да восторжествует, кто уверовал,

2. они смирения полны в своих молитвах,

3. не суетны, не пустословят,

4. и податью [закят] очищаются,

5. и никого не возжелают,

6. помимо жён своих и тех [наложниц], кем овладела их десница, - не порицаемы за то,

7. иная похоть - выход за черту [дозволенного],

8. и что доверено им - хранят, и договора не нарушают,

9. молитвы соблюдают,

10. а потому они наследники [обещанного Богом]

11. рая, где пребывать им вечно.

12. Мы человека создали из глины

13. и поместили каплей семени в укрытии надёжном [во чреве матери],

14. та капля стала сгустком крови, а из него кусок создали мяса, из куса же - кости, их облекли Мы мясом, и в новое обличье воплотили, сотворив, - благословен Бог, Искуснейший из всех творцов!

15. А после умираете.

16. Затем, в день Воскресения, Им будете оживлены.

17. А выше вас [над вами] Мы семь путей воздвигли [слои небесные] и не были небрежны к тварям, Нами сотворённым.

18. Мы с неба воду низвели и ею землю напитали, но в Нашей власти удалить её в глубины.

19. Сады для вас из пальм и винограда Мы взрастили и всякие плоды - вы их едите,

20. и дерево [оливковое] взрастили, что с горы Синайской, - в нём масло и приправа для вкушающих.

21. Животные [домашний скот] - вам в назидание. И тем, что в их утробах, поим вас, в том польза вам великая - питание для вас,

22. на них вы переноситесь [по суше], [как по морю] на кораблях.

23. Посланцем Нашим Нух явился к своему народу, воззвав: - О мой народ! Милостивый - ваш Бог Единственный, нет помимо Него божества иного, да убоитесь вы Его!

24. И молвил сонм - те, кто не веровал: - Ведь он такой же человек, как вы, но стать над вами возжелал! Ведь если б то угодно было Богу, Он ангелов бы к нам послал, подобного от праотцев мы не слышали. 25. Всего лишь человек он и к тому ж - меджнун, безумец, так что подождём, что станет с ним.

26. - О Боже, - взмолился Нух, - мне помоги, они меня сочли лжецом!

27. И Мы ему внушили: - Построй ковчег пред Нашим взором и по Нашему наказу, и явится когда знамение от Нас - печь забурлит *, введи в ковчег всего по паре, и твою семью, помимо тех, о коих прежде Мною слово сказано, и не проси за них, неправедны которые - воистину потопленными будут!

* Ибн Гасан, к сожалению, не поясняет, что здесь имеется в виду всемирный потоп, но о нём сказано метафорически: вода хлынет отовсюду, даже из-под горячей печи - танура, или, на тюркский лад, из тендира.

28. Когда ж в ковчеге утвердишься - и ты, и кто с тобой, скажи: "Богу благодарение, Который нам спасение явил от зло творящих!"

29. Ещё скажи: "О Боже, дай нам остановиться в месте благословенном из поселяющих Ты наилучший!"

30. Воистину знамение то Наше вам во испытание!

31. И новые пошли от них по воле Нашей поколения.

32. Ещё, ещё посланцев Мы явили, и молвили они своим народам:

- Милостивый - ваш Бог Единственный, и нет кроме Него божества иного, да убоитесь вы Его!

(178) Как надо было убеждать людей, если Бог в Своих обращениях чуть ли не всех пророков вспомнил! И всех пророков, как и Мухаммеда, большинство не приняло. Идея ковчеге связана не только с Нухом, и здесь его пример важен для Мухаммеда, ибо и он строит своеобразный ковчег и выводит на нём людей для спасения их душ. Разумеется, многие повторы объясняются тем, что носителей сур было много и часто они повторяли одно и то же. Это важный объясняющий момент, и о нём надо сказать особо.

33. И молвил сонм - те, кто не веровал, считая ложью будущую жизнь, и коим дали Мы ближайшей жизнью насладиться: - Ведь он такой же человек, как вы! И ест он то, что вы едите, и пьёт - что пьёте вы,

34. и если покоритесь человеку, вам подобному, окажетесь в убытке [будете обречены].

35. Он обещает вам, когда умрёте, прахом и костями став, что будете воскрешены, - возможно ли такое?

36. Но то, что вам обещано, так далеко, что вряд ли это сбудется.

37. Есть только жизнь ближайшая, которую живём, и жизни нет другой! Живём и умираем, и никогда воскрешены не будем!

38. А он, кто обещает, - только человек, измысливший про Бога, и мы ему не верим!

39. - О Боже, - взмолился Худ, - меня сочли лжецом, Твоей поддержки жажду, помоги!

40. Сказал Он: - Потерпи немного, им придётся горько сожалеть!

41. И ужасающий настиг их вопль [истребительный небесный глас, обычно связываемый с Джебраилом], и стали точно сор, потоком уносимый. Да сгинут нечестивые [народ неправедный]!

42. И новые пошли от них по воле Нашей поколения.

43. Кто б ни был - ни один народ не сможет ни ускорить, ни замедлить срока своего [погибели].

44. И одного за другим посланников являли к их народам. И всякий раз, как приходил к народу своему из них посланник, отвергнут был и обвинён во лжи, - в небытие Мы отправляли их [на погибель], и делались они уроком, притчей для других. Да сгинет люд неправедный!

45. И Нами были посланы потом Муса и брат его Гарун

46. явились с Нашими знамениями, ясной властью к Фирауну, представ пред ним и знатью, но возгордились те, величием обуянны.

47. Сказали: - Как мы можем верить двум подобным нам обычным людям, чей народ к тому ж у нас в рабах?!

48. И обвинили их во лжи, и оказались из числа погубленных.

49. Мусе Мы дали Книгу, чтоб шли по верному пути.

(179) Всё чаще возникает вопрос: зачем так подробно, а главное, часто Бог напоминает о том, что люди знают из Библии? Должны знать! Однако, выходит, люди запамятовали, раз снова и снова Он увещевает их ими пережитым. Неизвлечённый опыт - как пустая жизнь.

50. Содеяли Мы сына Марйам [Ису] и мать его [её саму] знамениями Нашими, в прибежище надёжном у холма укрыли, где источники пречистые,

51. О вы, Мои посланники, вкушайте во здравие, добро творите, воистину Я ведаю, что делаете вы!

52. Воистину все люди есть народ единый, и Я есмь ваш Бог [Единый], да убоитесь милости Моей лишиться!

53. А люди разделили Книгу единую [Писание], разбили на куски, и каждый рад тому, что у него, ему досталось.

54. Оставь их, пусть до срока [Нами определённого] пребывают в пучине заблуждения.

55. Мнят, если есть у них богатства и сыны,

56. Мы поспешили их одарить благами, - нет, ни о чём они не ведают!

57. А те, которые пред Богом своим смиренны,

58. веруют в знамения Божьи,

59. сотоварищей не придают Ему Единому,

60. и подать подают как должно, и не страшатся чьи сердца, что к Богу - конечный их возврат,

61. им за их добродейния воздастся, блага обретут раньше всех.

62. На каждого Мы возлагаем столько, сколько может вынести.

У Нас хранится Книга [всех деяний], в ней истина заключена - обиду беспричинно испытать не придётся никому.

63. В сердцах неверующих - хворь, они в пучине заблуждений и что творят, не ведают.

64. А стоит покарать кого, кто ныне в благоденствии, - о, как завопит!

65. К чему ваш вопль? От Нас подмоги не дождётесь!

66. Возвещено вам про Мои знамения, но отвращаетесь,

67. надменны, горделивы, и столько вздорного болтаете вы по ночам!

68. Вам призадуматься б над откровениями, явленными вам, что прежде вашим праотцем не посылались, - но нет:

69. пророка, не признав, вы отвергаете!

70. И говорят о нём: "Он поражен безумием, меджнун он!" А он явился с истиной, но ненавистна большинству она!

71. А если б истина страстям их потакала, была б созвучна их желаниям тогда б и небо, и земля, и всё на ней живущее погрязли б во грехах! Да, откровение Мы им явили, но отвратились от напоминаний!

72. Разве просишь ты от них вознаграждений [за пророчество]? Что может быть награды Бога превыше? Он - лучший из дарующих удел!

73. Воистину призыв твой к ним - по праведному чтобы шли пути.
74. Чтоб знали те, кто в будущую жизнь не верит: с пути прямого уклоняются!
75. А если б милость проявили к ним, избавили от кары, то и тогда б упорствовали в заблуждении, скитаясь слепо.
76. Им наказание обещано, однако не склонились перед Богом Единым, не взмолились о пощаде.
77. Когда ж Мы им откроем кары ужасающей врата, - охватит вопль отчаяния их!
78. Он - Тот, Кто дал вам уши, дал глаза, дал сердце вам, - о, сколь неблагодарны вы!
79. Он - Тот, Кто по земле вас расселил, и будете собраны к Нему.
80. Он Тот, Кто оживляет и мертвит, Кто дни и ночи чередует, уразумейте!
81. Но нет! Упрямо повторяют первых [тех, кто был до них].
82. Говорят: - Когда умрём и станем прахом и костями, неужто будем мы воскрешены?
83. Ведь это обещали прежде нашим праотцем, и что же? То сказки древних!
84. Спроси: - Кому принадлежит земля и всё, что есть на ней, вам ведомо о том?
85. Ответят: - Богу.
- Скажи: - Так отчего ж не призадумаетесь вы?
86. Спроси: - Кто Вседержатель всех семи небес, великого престола Властелин?
87. Ответят: - Бог.
- Скажи ещё: - Так отчего ж Его не убоитесь?
88. Спроси: - Над сущим всем Владыка кто? Кто защитит способен, от Кого не защититься, вам ведомо о том?
89. Ответят: - Бог.
- Напомни: - Так отчего ж обольщены гордыней?
90. Да, с правдой Мы к ним, но на устах их - ложь!
91. Не брал Себе Бог ребёнка, нет иных богов рядом с Ним. Иначе б каждый уносил с собой им сотворённое, кто-то из них вознёсся бы над другими. Хвалите Бога: превыше Он того, что придают Ему,
92. Тому, Кто сокровенным ведаёт и явным, превыше всех, кого с Ним рядом почитают!
93. Скажи: - О Боже, если случится, явишь мне кару, им обещанную,
94. молю Тебя, не допусти, чтоб был среди неправедных!
95. О да, то в наших силах показать тебе, что обещаем им.
96. Зло сумей преодолеть добром, Мы знаем, что приписывают Нам!
97. Скажи: - Боже, к Твоей защите прибегаю от искушений Сатаны,
98. прошу, отврати их от меня!
99. Когда к кому приходит смерть, умоляет: "Боже, верни мне жизнь,
100. свершу немало дел я праведных, чем прежде я пренебрегал". Но нет! То лишь слова, и дню неотвратимому преградою не станут.
101. И затрубит труба, родство забудется, все узы оборвутся, никто и ни о ком заботиться не станет.
102. И у кого тяжелые весы [его добродетелей] - те счастливы,
103. а у кого легки его весы - те сами нанесли себе убыток: им пребыванье вечное в геенне.
104. Огонь жжёт их лица, болью искажённые.
105. Знамена Мои пред вами оглашались, но вы сочли их ложью!
106. И взмолятся: - О Боже, заблудились, рабами страстей стали!
107. Верни нас [снова в жизнь], о Боже, и если повторится прежнее, то пуще покараешь нас!
108. Скажет Он: - Прочь, возврата вам не будет, ваш удел - геенна!
109. Вы слышали других Моих рабов, что говорили: "О Боже, в Тебя уверовали мы,

прости нас и помилуй, Ты - наилучший из милующих!"

110. Над ними вы глумились, отворачившись от Моих напоминаний!

111. Сегодня им воздал Я за долготерпение: они среди преуспевших!

112. Спросил Он: - Сколько ж лет вы на земле пробыли?

113. Ответили: - Лишь день, иль часть его, но лучше вопросы у счёт ведущих дням [ангелов].

114. Так знайте, Он сказал им: - Вы даже меньше, чем вам кажется, пробыли!

115. Неужто полагаете, что создали Мы вас забавы ради и что не будете ко Мне возвращены?

116. Велик Господь, Бог истинный, и нет, кроме Него, иного бога, Владыки престола славного!

117. А тот, кто Богу равнит других богов, - тому держать пред Богом ответ придётся! Нет, не изведать счастья неверным!

118. Скажи: - Боже, прости, помилуй! Ты наилучший из милующих!

62 (32) Челобитие

1. Алиф, Лям, Мим.

2. Писание ниспослано, нет в том сомнения, от Владыки миров!

3. Но скажут, мол, измыслил он его! Нет! Явилась истина от Бога в увещание тем, к которым до тебя увещатель не приходил, - уверуют, быть может, и пойдут дорогой праведной?

4. Бог - Он Тот, Кто небо сотворил и землю, а также то, что между ними пролегает, за шесть всего лишь дней, потом [в день седьмой] на Троне утвердился. И нет помимо Бога защитника, и нет заступника, уразумейте!*

* Укрепился, воцарился, расположился на троне, воссел, взошёл на престол, овладел абсолютной властью... Это вызвало немало интерпретаций, сводимых к тому, что подобное - вне земных объяснений, трансцендентное, сакральное, не надо поддаваться искушению буквального истолкования: смысл ясен, а как реализуется - тайна, не постижимая разумом. Воссел и трон предметно осязаемы, пространственно конечны, а Бог неосязаем, бесконечен, в это следует уверовать, и любые вопросы - что, где и как - глубокое заблуждение, ибо бессмысленны.

5. И сходит повеление Его с небес на землю, потом к Нему оно восходит в некий день, который длится тыщу лет, - и да уразумеете!

6. Он - Тот, Кто о сокромом ведаёт и явном, Кто и Велик, и Многомилостив, и Всеславен,

7. всё сущее, что Им сотворено, - прекрасно, и первый человек, которого творить Он начал из [звучащей] глины,

8. а от него пошло потомство - из капель жалкой влаги,

9. и выровнял, поднял Он человека, вдунул в него от духа Своего, устроил слух, и зрение, и сердце - о, мало вы Его благодарите!

10. Спрашивают: - Как можем возродиться вновь, когда сокроемся, исчезнув под землёю? Они не верят, нет, во встречу с Богом своим!

11. Скажи: - Душу вашу Ангел смерти упокоит [Азраил], к вам представленный, и воротитесь к Богу своему!

12. О, если б увидеть тебе пришлось, как грешники пред Богом своим понуры! И умоляют: - О Боже, узрели наказание Твоё и убедились в истинности откровений - ворота нас, будем мы благодетель отныне!

13. Да, если б пожелали Мы, то душу каждую вели б путём прямым, но Нами истинное слово молвлено, и быть тому: "Наполню Я геенну джиннами, а с ними вместе и людьми!"

14. Вкусите кару вечную - днём Судным вы пренебрегли, и Мы за то предали вас забвению!"

15. В знамения Наши веруют лишь те, кто, откровения слышав, бьёт челом и славит Бога своего, - не превозносятся, смиренны.

16. И оставляют ложе, дабы сотворить молитву, взывая в страхе и надежде к Богу своему, на жертвы не скупясь из тех даров, которыми Мы наделили их.

17. Не ведает душа про вожделения очей - сокрыты для неё! Сполна воздастся каждому за то, что им содеяно!

18. Неужто тех, кто верует, Мы уподобим тем, кто раб страстей, распутен? Нет, не равны они!

19. Тем, которые уверовали и добро творили, пристанище им - райские сады, где пребыванье вечное, сполна воздастся каждому за то, что им содеяно! 20. А тем, кто предался грехам, зло умножая на земле, пристанище им - огонь геенны. И всякий раз, как норовят бежать оттуда, их вновь и вновь туда Мы возвращаем. И слышат: "Кару вечную вкусите - ведь вы её считали ложью!"

21. Помимо наказания величайшего [в той жизни] дадим Мы им вкусить и наказание ближайшее [в жизни этой] - одумаются, может, воротясь на правый путь?

22. Неправеднее тех не сыщешь, кому напомнили про Бога его знамения, а он от них надменно отвратился! Воистину воздастся карой страшной грешнику!

23. Писание Мусе Мы дали - о встрече с ним не будь в сомнении!

(180) Имеется в виду Небошествование - мирадж - Мухаммеда, встреча его на четвёртом небе с пророком Мусой: лишнее свидетельство того, что Коран указывает не только на то, что случилось, но и чему суждено случиться.

И Книгу, данную Мусе, мы руководством сделали для всех сынов Исраила.

24. Из них определили Мы имамов [предстоятелей], Нашим повелениям подвластных: долготерпеливы и в знамениях Божьих убеждены.

25. Воистину в день Воскресения сынов Исраила рассудит Бог, в чём они расходятся!

26. Поведано уж было: Мы сколько стубили поколения до них, - не лицезреют разве их руины ныне? Ясные знамения, пора б уразуметь!

27. Не видят разве - поим землю Мы бестравную [выжженную] дождём, растим на ней посевы для питания им всем и их животным - пора бы им уразуметь!

28. И вопрошают: - Молвленное, если это правда, сбудется когда?

29. Скажи: - В тот день, когда решится [разрешится в Судный день], неверующим не поможет вера их и кара им отсрочена не будет!

30. Так отвратись от них и жди - ждут и они [ждутся кары!].

63 (71). Нух

1. Воистину послали Нуха Мы к его народу: - Увещевай народ свой, чтобы избег мучительной он кары!

2. И молвил он: - О мой народ, увещеваниям моим внимайте ясным:

3. поклоняйтесь Богу, да убоитесь вы его, и повинуйтесь мне!

4. И Он простит грехи вам и отсрочит вам до Им определённого предела. Воистину пределы Бога, когда являются, не ведают отсрочки [неотвратимы] пора бы вам уразуметь!

5. И он сказал: - О Боже, я возывал к народу днём и ночью,

6. но мой призыв их бегство умножал.

7. Воистину, как только говорил, что Ты простишь им - уши затыкали пальцами, одеждой прикрывались [чтобы меня не слышать и не видеть], в неверии упорствуя, гордыней обуянные.

8. А я всё возывал открыто.

9. Всех призывал прилюдно, также тайные беседы вёл

10. и говорил: "Прощения у Бога своего просите, Он Прощающ!
 11. Он с неба ниспослёт вам дождь.
 12. Поддержит вас благами и детьми, устроит вам сады и течь для вас заставит реки.
 13. Отчего ж не чтите по достоинству Божьего величия?
 14. Не Он ли по периодам вас сотворил?
 15. Не Он ли сотворил рядами семь небес?
 16. И пролил свет луны на них, и сделал солнце им светильником?
 17. Словно растения, Бог взрастил вас из земли,
 18. потом в неё вас воротит и снова изведёт вас из неё.
 19. Простёр ковром Он землю перед вами,
 20. чтобы дорогами широкими по ней ходили вольно".
 21. Воскликнул Нух: - О мой Бог, они ослушались меня, за теми устремились, чьи достояния и дети лишь умножают их убытки.
 22. И хитростью великой исхитрились,
 23. призывая тех, кто отвратился: "Не оставляйте ни за что, им молвили, своих богов: ни Вадда, ни Сува, ни Йагуса, ни Йаука, ни Насра!"
 24. И многих сбили с пути истины - не умножай [о Боже] творящим злобу ничего, помимо заблуждений их!
 25. За прегрешения потоплены они и в огонь геенны брошены, ни для кого нет покровителя иного, кроме Бога.
 26. Молвил Нух: - О Боже, да не оставишь из неверных никому Ты крова на земле!
 27. Иначе, если их оставишь, рабов Твоих собьют они с пути и породят неверие, распутство и злокозни.
 28. О Боже, прости мне, моим родителям прости, тем, кто в дом вошёл мой верующим, мужчинам верующим, верующим женщинам, а тем, кто грешник и умножает злобу, да не прибавишь ничего, помимо гибели!
- 64 (76). Человек
1. Канули времена, когда не ведал никто о человеке.
 2. Воистину Мы создали человека из капли семени, смеси, подвергнув испытанию, слухом его одарили, зрячим его сотворили.
 3. Не Мы ли наставили его на путь истины, будь он благодарным или неверным?
 4. Воистину уготовили Мы неблагодарным цепи, оковы и огонь пылающий.
 5. И пьют праведники из чаши, в которой напиток на камфаре настоян,
 6. и для Божьих рабов источник льётся, через край переливается.
 7. Верны обетам и страшатся дня Судного, который всем обещан и неотвратим.
 8. Голодного накормят, хоть еда желанна и нужна самим, и не обидят сироту, и пленнику помогут, пощадят.
 9. И скажут: "Не ради ваших воздаяний, не чтоб услышать вашу благодарность [так поступаем], а ради Божьего благоволения!
 10. Казней Бога страшимся в день грозный и гневный".
 11. Избавление им Бога от бед того дня, одарение их радостью и благополучием.
 12. Сады райские им за многотерпение, одеяния шёлковые от Бога.
 13. И возлежать им на ложах, не ведая ни зноя солнца палящего, ни холода стужи морозной.
 14. Тень деревьев над ними близка, плоды покорны - низко склонились.
 15. И обходить их будут с кубками серебряными, из серебра посуда,
 16. и чаши подносить хрустальные, наполненные соразмерно,
 17. а напитки - на имбире настоянные,
 18. из родника райского, что зовётся Сальсабиль.

19. И обходят их отроки вечно юные, глянешь на них - точно жемчуг они рассыпанный,
 20. а присмотришься - блаженство всюду разлито, нет упоению пределов.
 21. Облачены в одеяния зелёные из атласа и парчи, ожерелья серебряные на них, и напоил их Бог напитками чистыми.
 22. Воистину это вам в награду, за усердие вам воздаяние.
 23. Воистину тебе частями разными Коран Мы ниспослали,
 24. будь долготерпеливым в ожидании наших повелений и грешнику не поддавайся, не потокай неверному!
 25. И Бога своего поминай на рассвете и вечером
 26. и ночью Ему поклоняйся, славу Ему воззывай долгой ночью!
 27. Воистину неверные днём преходящим упиваются, пренебрегая днём, который тяжёк и неотвратим.
 28. В целости их тел Мы сотворили всех, но если возжелаем, труда Нам никакого заменить их им подобными.
 29. Это - в назидание, путь к Богу своему изберёт, кто пожелает.
 30. Но вы не пожелаете, если Он не пожелает, Мудрый, Всеведущий!
 31. Осеняет милостью Он кого желает, а неверным уготовил кару мучительную!
- 65 (44). Дым
1. Ха, Мим.
 2. Ясным откровением восхитимся!
 3. Его Мы ниспослали в ночь благословенную - воистину то Наше увещевание!
 4. В ночь мудрых повелений,
 5. Нами явленных, - predetermined послания
 6. по милосердию от Бога твоего - воистину Всеслышащ Он, Всезнающ!
 7. Владыка неба и земли, всего, что между ними: да укрепитесь в вере!
 8. Нет божества, помимо Бога Единого. Живит и умерщвляет Он, Бог Он ваш и ваших праотцев.
 9. Но нет: жалки как [многобожники-мекканцы] в своих сомнениях!
 10. И явится тот день, и дым густой покроет небо,
 11. нависнет тяжко над людьми - кара мучительная!
 12. Взмолятся: "О, наш Бог! Нас пощади, уж веруем мы, избавь от кары!"
 13. Что ж прежде откровениям не вняли? Ведь к ним посланец Мой с увещеванием являлся!
 14. Но отвратились от него, сказав: "Подучили его, к тому ж он одержимый!"
 15. Что ж, Мы повременим наказывать, но к прежнему [неверию] вы снова воротитесь!
 16. А в день, который грянет, грешников Мы поражением великим поразим - Я Тот, Кто отмщает!
 17. До них Мы испытали Фирауна племя, явив к ним достославного посланника [Мусу], и он сказал:
 18. - Верните мне народ мой, Божьих рабов, надёжный к вам посланец я.
 19. Пред Богом не возносите, с властью явной явлен к вам я.
 20. И прибегаю к Богу - Бог Он мой и ваш, - чтоб вами не побитым быть камнями!
 21. А если мне не верите - что ж, но помех мне не чините.
 22. И к Богу своему воззвал: - Воистину народ сей грешен!
 23. [И Бога услышал] - С Моими ночью выходи рабами, за вами двинется погоня,
 24. И море остаётся пусть спокойным, они - потопленное войско!
 25. И множество они оставили садов, источников,
 26. и нив, убежищ славных,
 27. благ изобильных, и роскошеств.

28. И всё, что ими было нажито, другим народам даровали Мы!
29. И не были оплаканы ни небом, ни землёй, и не отсрочили Мы им [пребывание на земле]!
30. Сынов Исраила спасли от наказания Мы унижительного
31. рабства Фирауна, который возгордился, преступив пределы.
32. И Нами были избраны [сыны Исраила], возвышенные знаниями над народами другими [над мирами].
33. И Мы явили Наши им знамения во испытание!
34. И скажут [мекканцы, слышав откровения]:
35. "Да, нас постигнет смерть, но первая [единственная], и мы воскрешены не будем!
36. А если говорите правду, то докажите, к нам явив отцов!"
37. Нет, они не лучше ни народа Тубба, ни тех, кто был до них. А ведь Мы погубили их за то, что были грешны [пребывая в неверии].
38. Так пусть уразумеют: ведь сотворили небо Мы и землю, также то, что между ними, не забавы ради!
39. А ради истины Мы сотворили их, но многие о том не ведают!
40. Воистину день различения [истины от лжи] - срок, установленный для всех.
41. Тот день, когда ни от чего никто и никого избавить не сумеет и никому не будет помощи,
42. помимо тех, кого Бог одарит милостью, ведь Он Велик, Он Многомилостив!
43. Уж слышали, что древо горькое заккум
44. будет пищею для грешников.
45. Как медь расплавленная в животах кипит,
46. обжигает кипятком горячим.
47. [Повелит Бог:] "Схватите грешника, бросьте в пекло ада!
48. И на голову лейте огонь кипящий!
49. [Скажите грешнику:] "Как в благородство ты играл и важным мнил себя
50. узри же то, в чём сомневался!"
51. Воистину благочестивые - в надёжном месте,
52. среди садов и родников,
53. наряжены в атлас они, в парчу, друг против друга восседают.
54. Таков исход! И сопрягли Мы их с черноглазыми, большеокими.
55. И всякие плоды по их хотению, и никаких забот и беспокойств.
56. Не вкусят смерти, кроме смерти первой [земной], и Он избавил их от наказания геенны,
57. и радости им явлены по милости Божьей. Великая награда!
58. Мы облегчили откровения, на языке твоём родном, - пора б уразуметь им!
59. Ждут, не торопятся? Что ж, подожди и ты!
- 66 (36). Йа, Син

1. Йа, Син.

(181) Как случилось в суре 57 (19) Марйам, Ибн Гасан прерывает, и на сей раз десятикратно, текст: Первые двенадцать аятов суры (пророк её назвал "Сердцевиной Корана") читаются над покойником - молитва поминальная, панихидная, и у постели умирающего - отходная. Но когда эти же буквы, будто недостаточно, что ими названа сура, повторены в тексте, заглавие обесмысливается - подобное уже случалось в суре 44 (20) Та Ха, или Муса. Если учесть, что з а г л а в и я давались, дабы знать, о какой суре речь, и тем самым имеют земное происхождение, то... Тут я услышал явственно: "Эй, Ибн Гасан! Умолкни и прервись, ни слова более!"

2. Мудрым откровением да восхитимся!

3. Воистину ты в череде посланников
4. на праведном пути!
5. Им, Который Всемогущ и Милосерд,
6. явлено ниспосланное увещавать людей, чьих предков не увещевали, но пренебрегают!
7. Уж оправдалось молвленное Нами с многими из праотцев, и всё ж в неверии упорствуют!
8. Мы поместим на шее их колодки, упрутся в подбородок - чтоб головы держали прямо*.

* Здесь метафора: чтоб, во-первых, видели праведный путь и не могли воротить от него лик и чтоб, во-вторых, испытали, что значит быть упрямым, упорствовать в неприятии очевидного.

9. И возвели пред ликом их и за спиной у них высокие преграды и на глаза накиннули завесу, чтоб видеть впереди и сзади не смогли;
10. что то, что это - всё одно: увещеваешь или нет - не веруют они!
11. К тем воззывай, кто следует ниспосланному, праведен и втайне гнева Милосердного страшится, и вестью радостной его обрадуй о всепрощении Моём и щедром от Меня вознаграждении!
12. Воистину Мы оживляем мёртвых, есть записи у Нас деяний их, и след какой они оставили после себя, - всякую вещь сочли Мы в ясной записи [Книге]!

(182) И тут я услышал: "Эй, Ибн Гасан, остановись!" То было напоминание, ибо я прежде уже исполнил явленное - отпочковал от суры продолжение, и оно составило суру Иса [Ибн Гасан поместил эту суру 47-й].

67 (43). Украшения

1. Ха, Мим*.

* Позднее в попытках истолковать тайну букв было высказано предположение, что в них якобы сокрыты династии халифов: Мим - Марваниды, Айн - Аббасиды, Син - Суфьяниды, или спрятаны понятия: Ха - война (харб), Лям - порицатели, не верящие в Мухаммеда. Приводя подобные толкования, знаток Корана Тадж ал-Кура поясняет: Я хотел этим дать понять, что среди претендующих на учёность есть немало дураков.

2. Ясным откровением восхитимся!
3. Нашей волею содеяно, что ниспосланное Нами слышите на родном вам языке [на арабском], который разумеете [в уразумение вам]!
4. Вам явленный Коран находится у Нас, как часть Книги Книг [Небесной], - превознесён он, мудрости исполнен!
5. Неужто отвратим от вас ниспосланное из-за того, что вышли за пределы [дозволенного, будучи идолопоклонниками]?
6. О, скольких Мы посланников явили первым поколениям!
7. Но кто б к ним из пророков ни был Нами послан - над ним глумились!
8. И погубили многих Мы, кто мощнее был, чем вы, - уроки прежних в назиданье вам.
9. Но если спросишь их: - Кто небо сотворил и землю?
Признаются: - Их, говорят, сотворил Тот, Кто и Могуч, и Мудр!
10. Который сделал землю вашей колыбелью, дороги проложил [в надежде], что пойдете праведным путём.
11. Который с неба в меру дождь излил. И влагой мёртвую, иссохшуюся землю оживил. И так же оживит вас, вызволив из мёртвых!
12. Он пары сотворил. Плывущие вам покорил суда, животных - и на них вы ездите,

13. и восседая, и на спинах утверждаясь, чтобы о Божьей милости к вам помнили, Его благодаря: "Хвала Тому, Кто дал нам во владение всё то, чего достичь не в силах были мы!"

14. Воистину мы вернёмся к Богу нашему!"

15. Ему придали многобожники рабов Его ангелов в дочери - о, как неблагодарен человек!

16. Неужто Он, Творец всего и вся, взял дочерей Себе, вам даровав сынов?

17. Но отчего, когда вас радуют тем, что вы Милосердному придали [что дочь у вас родилась], мрачнеют ваши лица, вас огорчение одолевает?

18. Разве не ясно: кто в украшениях взращён, приучен к пересудам?

19. Ангелам, кто Божьи рабы, придали женское обличье - неужто видели, как создаём Мы их? Запишем все лживые свидетельства, спросится, когда к ответу [в день Суда] будут призваны!

20. Оправдываясь, скажут: "Если это было не угодно Милосердному, мы б вовсе им [богиням - дочерям Аллаха?] не поклонялись!"

(183) Неправомерно придавать, как это делают некоторые горе-толкователи, конкретному факту, относящемуся к многобожникам, почитающим богинь-идолов как дочерей идола-Аллаха, всеобщий смысл: мол, речь о детях вообще, сыновьях тоже; и что якобы Бог - хотя в Коране о том ни слова - судит о женщинах как о более низших существах, нежели мужчины: мол, п р и у ч е н н о с т ь к п е р е с у д а м означает, что девочки, вырастающие в семьях, заботятся лишь о н а р я д а х, проводя время в п у с т о п о р о ж н и х п р е п и р а т е л ь с т в а х. Словно предчувствуя подобные толкования, расходящиеся с духом Корана, Бог завершает двадцатый аят так:

Нет разумения у них о том - и всякое болтают, измышляя вздор!

21. Неужто дадена была им Нами прежде книга, за неё держатся они?

22. Нет! Твердят одно: "Какую веру предков мы застали, ей следуем, идя путями праотцев!"

23. Так было до тебя: Нам стоило явить увещателя в какое поселение старейшины отмахивались, говоря: "Отцов своих нашли мы в некоем учении и потому идём по их стопам!"

24. Сказал: - А если к вам кто с новою явился верой, истинной, отличной от веры ваших праотцев?

Ответили: - Нет, не уверуем мы в то, с чем послан к нам!

25. И Мы наказали их: узри, какой конец им уготован - тем, кто откровения считает ложью!

26. И вспомни молвленное Ибрагимом своему отцу, народу своему: "К тому, чему вы поклоняетесь, я не причастен,

27. я поклоняюсь лишь Тому, Кем сотворён. Воистину Он выведет меня на путь прямой [праведный]!"

28. Заветом стало слово, молвленное им, потомству прибывающему: быть может, обратятся к вере истинной!

29. Воистину Я дал им [мекканцам] и их отцам пользоваться благами, пока не явится к ним истина с посланником - увещанием ясным!

30. А истину слышав, отвратились: "Это колдовство, сказали, в молвленное верить не желаем!"

31. И ещё сказали: "А почему Коран не был ниспослан человеку знатному из городов обоих?"

32. Дана им разве власть щедроты Бога делить? Мы им распределили блага в жизни ближней, одних людей возвысив над другими, кому у кого в услужении быть. Но милость Бога превыше [лучше] благ, которые они скопили!

33. И если бы случилось так, что люди стали все одним народом, то Мы для тех, кто в Милосердного не верует, из серебра устроили бы крыши и лестницу впридачу, чтоб вверх могли подняться,

34. и двери домов, и ложа, на которых возлежат, - из серебра,

35. и украшения всякие: всё это - блага ближней [преходящей] жизни, а будущая [славная] - во власти Бога твоего, для тех, кто, пребывая в благочестии, страшится гнева Бога.

36. В сопутники тому, Кто уклоняется от поминания Милосердного, шайтана дадим,

37. и совращённые им будут мнить, что шествуют по праведному пути [дороге прямой].

38. А явятся когда [в день Судный] к Нам, воскликнет совращённый, к Сатане лик обратив: "О, если б отдалён был от меня на расстоянии между двумя востоками [как от востока запад], сопутник скверный ты!"

39. Ничто не отвратит от вас и ваших сотоварищей, которые нечестие творили, кару!

40. Глухих заставишь разве слышать, а слепых идти путём прямым - вот так и тех, кто в явном заблуждении!

41. А если упокоим Мы тебя [тебя убьют], то им Мы отомстим!

42. Или тебе при жизни при твоей покажем то, что обещали им, Мы Всемогущи!

(184) Ибн Гасан восклицает, прерывая Божественный текст: Предсказание мираджа, когда Мухаммеду покажут ад и рай!

43. Ниспосланному следуй - на пути ты верном!

44. Ниспосланным и ты, и твой народ отмечены и почтены. И обо всём с вас спросится [в день Судный]!

45. Посланников, которых до тебя являли Мы, вопрошай: "Велели разве Мы кому из них чтить божества другие, помимо Милосердного?"

46. Мусу Мы с Нашими знаменами к знати Фирауновой послали, и молвил он: - Я Бога миров посланник!

47. Когда ж явил знаменья, они над ним глумились.

48. Каждое знамение, которое ниспосылаем, превышает явленное прежде но отвратились, и за то Мы наказанью их подвергли, может быть, они теперь уразумеют?

49. Но молвили: - О чародей! Так призови же Бога твоего, и пусть исполнит прежде, чем пойдём Его путём, Он обещание Своё [что простит Фирауну грехи]!

50. От наказаний их, испытывая, Мы освобождали, но нарушали они тотчас клятву, ими данную.

51. И Фираун воззвал к народу своему: - О мой народ! Не я ли властен над Египтом? Не мне ль подвластны воды его, что подо мной текут? Величие и мощь мои не явны разве?

52. И лучше кто из нас - я или этот, кто ничтожен и слова толком произнести не может [косноязычен]?

53. На нём браслетов даже нет из золота! Ангела нет с ним!

54. Так ввёл народ в заблуждение, послушались его, ведь были нечестивы!

55. Прогневили Нас, и отмстилось им - Мы утопили всех!

56. И волей Нашей сделались примером для других!

57. И прежде в назидание был явлен Нами сын Марйам [Иса ибн Марйам] - и снова отвратились,

58. говоря: "Неужто наших лучше он богов?" О, как они охочи споры затевать и препираться - несговорчивый народ!

59. Он [Иса] - раб Божий и, Нашей милостию одарённый, сынам Исраила был явлен в назидание.

60. Мы если б возжелали, ангелов из вас создали б, разместив их на земле, пусть унаследуют её!

61. Он Нами явится, Иса, и возвестится тем о наступлении судилища, и да не будет

никаких сомнений о его приходе к вам! За Мною следуйте, то праведный есть путь!

62. И пусть не совратит вас Сатана, ведь он ваш явный враг.

63. Когда Иса явился со знаменами ясными, молвил им: "Я с мудростью к вам пришёл, и свыше велено вам разъяснить, в чём разногласите, - да убоитесь Бога! Меня да восприимите!

64. Воистину велик Бог - Он мой Бог, Бог и ваш! Да восприимите меня! И это праведный есть путь!"

65. И разногласили, и отвратились! Но горе им, неправедность творящим! Им кара в день, который грянет, уготована!

66. Дождутся часа, явится внезапно, когда о нём не помышляли!

67. Друзья в тот день врагами станут, но то не для благочестивых!

68. О Божьи рабы Мои! В тот день вам нечего страшиться, не о чем печалиться,

69. и в Наши кто уверовал знамения и был муслимом

70. войдёте в рай и вы, и ваши жены, будете ублажены!

71. И обнесут их блюдами из золота, кубками, - здесь всё, чего душа ни возжелает, и усладятся очи. И вы пребудете там вечно!

72. Унаследуете райские сады - досталось вам за ваши добрые дела.

73. И всяческих плодов вам во вкушение.

74. А грешники воистину в геенну угодят!

75. Не будет облегчений им - там вечное отчаяние.

76. Нет, их Мы не обидели - самим себе они содеялись обидчиками!

77. И воззовут [к надзирателю ада]: - О Малик! Пусть твой Бог покончит с нами!

Но тот ответит: - Нет, здесь вечно пребывать вам!

78. Мы с истиною к вам явились, но ненавистна многим истина!

79. Что ж, стройте козни, но и Мы карать готовы.

80. Неужто возомнили, что не ведаем о тайных их переговорах [против Мухаммеда], - записывают Наши ангелы злокозни их!

81. Скажи: Было если дитя у Милосердного, ему б я первый поклонился!

82. Бога восславь - Владыку неба и земли, и престол Его, - превыше Он того, что Ему приписывают!

83. Оставь их, всякий вздор болтающих, - пусть забавляются, пока не дождутся дня, который им обещан.

84. Он - Тот, Кто и на небе Бог, и на земле Бог, Мудрейший и Всеведущий!

85. Да будет Он благословен - Тот, у Кого над небом власть, и над землёй, и надо всем, что между ними! И знание о дне [Судном] - у Него, к Кому конечный ваш возврат.

86. И не заступятся за вас божки, которых, помимо Бога, вы почитаете, о том лишь знают те, кто Нами послан, чтоб истину провозгласить.

87. А если спросишь их: - Кто ж создал вас?

ответят непременно: - Бог!

Но как упорствуют в обмане!

88. "О, Боже, воистину не веруют они!"

89. Так отвратись от них, скажи лишь: Мир вам! Они потом узнают [им сполна воздастся].

(185) Спасибо, о Боже, что, придав дням моим смысл, дозволил мне перевести 67 сур в целостном виде, и я питаю надежду... - мысль не завершена, но можно понять (в свете того, что последующие суры переведены лишь частично), на что Ибн Гасан надеялся.

68 * (21). Пророки

* Далее у Ибн Гасана, о чём уже сказано, даны суры (в скобках, напомним, - номера

канонические), выстроенные хронологически, начиная с 68-й и по 133-ю, которые он, очевидно, не успел перевести, за исключением отдельных строк-аятов, и они помещены тут же с его комментариями.

44. Мы дали им и их праотцем пользоваться благами земными и оттянули жизненный предел им. Но разве не узрят: Мы их [неверующих] земли суживаем, сокращая по краям, - нет, не достанется победа им!

(186) Учёные мужи предлагают здесь три толкования, из коих два приемлемы, а одно ошибочно: частное (что мекканцы-язычники не одержат верх над пророком), конкретное (что пространство безверия будет уменьшаться), а всеобщее спорно, ибо додумывается за Бога: якобы Он предсказал мусульманам конечную победу на земле - это может породить чуждую исламу гордыню, что: а) мусульмане лучше всех; б) мусульмане всегда правы; в) мусульманам всё дозволено, коль скоро предопределено их повсеместное на земле торжество.

91. В Нашу милость деву [Марйам] Мы ввели, которая скромна и целомудренна, в неё от духа Нашего вдохнули, и мать [Марйам], и сына её [Ису] Мы содеяли знамениями Нашими для всех миров!

92. Воистину единый вы народ, и Я - Бог Единый ваш, так поклоняйтесь Мне!

93. Но разделились, раскололись!

(187) Здесь - протестующее восклицание Ибн Гасана: О, как странно, что всё ниспосланное - а ведь это Божественный текст! - люди стремятся привязать - зачем?! - к земным обстоятельствам, лишь к исламу, мусульманской общине: Бог-де озабочен расколом лишь среди мусульман, в то время как, если следовать небесной логике ниспосланного, Он тревожится даже не о том, что авраимическая, или Ибрагимова вера раскололась, а что верования всего человечества разделились!

71* (17). аль-Исра, или Ночное путешествие

* Предшествуют суры 69 (25) Различение и 70 (27) Муравьи.

1. Хвала Тому, Кто ночью перенёс из храма неприкосновенного в храм отдалённейший раба Своего, чтоб там, благословив его, знамения представить Наши*. Воистину Он Всеслышац и Всевидяц!

* Из Мекки, где храм Кааба, - в Иерусалим, где храм Соломона.

4. Предсказали Мы в Писании сынам Исраила: "Вы дважды на земле свершите беззаконие [ослушаетесь], в гордыне великой вознесётесь!"

5. Когда явился срок наказания за первое*, рабов Своих, которые владели сильной мощью, Мы на вас наслали [вавилонян], и грабили, и убивали, проникнув в святыни ваши, - Наше обещание исполнилось.

* Имеется в виду первое разрушение храма, построенного в 1004 г. до Р.Х., когда началось вавилонское пленение. Второе разрушение произошло при римлянах в 70 г. от Р.Х., - за слушание Закона Моисея и поклонение идолам.

6. Потом Мы вам над ними даровали победу, сынами помогли, обогатили и умножили вас множеством,

7. добро творя - творите для себя, и зло творя - творите для себя, и явлено вам было Нами наказание за второе, и ворвались, как прежние до них вторгались, - в храм проникли, пало то, что высылось, разрушилось до основания.

15. Кто путь избрал прямой - избрал его во благо для себя, а кто неверный путь избрал - себе во вред плурует, ничья душа не понесёт чужих деяний ношу, лишь свою, и никого Мы не наказываем, прежде не явив к ним Нашего посланца.

22. Не придавайте Богу иного божества, иначе порицаемы будете!

23. (1) И повелел Бог твой: никому не поклоняться, помимо Бога твоего*, (2) а к родителям твоим - благодеяние. Если же достигнет возраста преклонного кто из родителей или они оба, не говори им: "Тьфу!", на них сердясь, не кричи, не оскорбляй их, обращай с уважением.

* Заповеди Бога отмечены мной цифрами, первое перекликается с ранее ниспосланными Заветами: Ветхим - Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим, и Новым - Господь Бог наш есть Господь Единый.

24. И опусти крыло смирения пред ними, скажи: О Боже, прости и помилуй их, ведь они меня взрастили, воспитали маленького!

25. Бог ваш лучше знает, что таится в ваших душах, если добродетельны. И к кающимся - кто обращается к Нему, Всепрощающ!

26. (3) И родственнику должное воздай, и бедного одаривай, и путнику оказывай подмогу, но да не будешь безрассудно расточителем,

27. ведь расточители - собратья шайтана, который к Богу своему неблагодарен.

28. А если ты не в состоянии помочь, то, милости ища у Бога твоего, будь с ними ласков.

29. (4) Да не привяжешь руку к шее [не будешь скупым], (5) да не расширится рука твоя безмерно [в расточительстве], иначе порицаем будешь, опечалишься [став нищим].

30. Воистину Бог твой воздаёт уделы тем, кому Он пожелает, распределяя в меру, - Он о Божьих рабах Своих Всеведающий, Всезнающий!

31. (6) Детей своих не убивайте, опасаясь бедности, - даётся Нами пропитание и им, и вам, воистину, их убивать - тягчайший грех!

32. (7) Бегите прелюбодеяния, - это мерзость и отвратная дорога!

33. (8) Не убивайте душу вы живую - то Богом запрещено - иначе как по праву. А если кто убит несправедливо, Мы право дали близкому его, но пусть в отщениии он не излишествует! Воистину он удовлетворён.

34. (9) Не зарься на наследство [имущество] сироты [не растрачивай: трать лишь на нужды самого сироты], пока не достигнет зрелости, и верно исполняйте договоры [обещания], о них ведь спросится!

35. (10) Отмеривая, будьте верны в мере и взвешивайте точными весами, это лучше и благостно по результатам.

36. (11) Тому не следуй, в чём не сведущ, к ответу призовутся слух, и зрение, и сердце.

37. (12) И горделиво по земле не шествуй, ведь не пройдёшь сквозь землю и не достигнешь гор высотой!

38. Отвратно Богу твоему всё это!

72 (18). Пещера

23. Никогда не говори: "Я это непременно завтра сделаю!" ,

24. при этом не добавив: "Иншалла' [Если Бог дозволит!]" А если ты сказать забудешь, вспомни Бога твоего и молви: "Может статься, меня мой Бог направит более коротким и прямым путём".

73 (41). Разъяснённое

45. Мусе дали Мы Писание, но непрестанны споры о ниспосланном, и если б прежде не явили слово о дне предопределённом, давно б раздоры Мы прервали!

(188) Почему, - вопрошает Ибн Гасан, - так терпелив Бог? Ведь давно Он мог бы сурово наказать людей за дурные свершения. Но не делает этого. Может, потому, что предоставил человеку возможность самоопределиться? И если человек зачастую выбирает худшее из худших, то... - Свиток загнут так, что не отогнуть, может порваться, и потому текст не

прочитывается.

77 * (16). Пчёлы

* Предшествуют суры 74 (45) Коленопреклонённые, 75 (46) Пески, 76 (22) Предначертанное.

61. Если бы стал Бог наказывать людей за их дела несправедливые, на земле не осталось бы ни единого живого существа. Но до предела, Им определённого, Он всем даёт отсрочку!

(189) Ибн Гасан: Опять-таки - не навязана ли исламу идея предопределения? Разве здесь не ведётся речь о том, что Всевышний мог бы, но не желает вмешиваться в дела людские, оставляя человеку право выбора? См. также: 89 (34)/32. Ведущие ведомым скажут: Нет, не по наущению нашему, а сами в грех вы вверглись, хоть вам прямой указан путь! Как же можно, будто спорит с кем-то Ибн Гасан, упрямо настаивать после прочитанного, что случится то, что случится, и что человек бессилен что-либо изменить? Отметать звучащую в Коране идею ответственности каждого за содеянное? [Но кто тебя слышит, эй, Ибн Гасан?]

86* (29). Паук

* Предшествуют суры 78 (16) Обретение, 79 (30) Румы, 80 (11) Худ, 81 (14) Ибрагим, 82 (12) Йусуф, 83 (40) Прощающий, 84 (28) Повествование, 85 (39) Толпы.

46. Не препирайтесь с людьми Писания [ахля-ль-Китаб - иудеи и христиане], иначе как им доводы разумные являя, и не оспаривайте тех из них, которые несправедливы. Скажи: Уверовали мы и в нам ниспосланное [Коран], но также в то, что было прежде вам ниспослано [Библию]! И наш Бог, и ваш Бог один и тот же Бог, и предаёмся мы Ему!

47. Тебе Мы ниспослали новое Писание.

(190) "Сказал мне Господь: ...Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им всё, что Я повелю Ему. А кто не послушает слов Моих, которые (Пророк тот) будет говорить Моим именем, с того Я взыщу... И если скажешь в сердце твоём: "Как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?" Если пророк скажет именем Господа, но слово не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей...". [Второзаконие, 18/17-22].

48. Ты прежде никаких Писаний не знал, не чертила строки их твоя десница, будь иначе, усомнились бы в ниспосланном опровергатели.

(191) "Опровергатели" отрицали богоданность Корана, просто, мол, стихи, ритмизованная проза, сочинённая Мухаммедом наподобие проповедей мекканских жрецов. В Библии сказано, что будущий мессия будет неграмотен, не будет уметь ни читать, ни писать. Это метафора: "Всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать книгу и говорят: "Прочитай её", и тот отвечает: "Не могу, потому что она запечатана". И передают книгу тому, кто читать не умеет, и говорят: "Прочитай её", и тот отвечает: "Я не умею читать"" [Исайя, 29/11-12 итд].

87 (42). Совет

13. Для вас Он в вере узаконил то, что Нуху завещал, тебе - что завещал Ибрагиму, и Мусе, Исе: "Держитесь стойко веры, не разделяйтесь в ней!" Для многобожников призыв твой тяжёлый! К Себе Бог приближает кого желает, ведёт Своим путём, кто обращается к Нему.

14. Как только людям было Знание явлено, разделились по злобе. И если бы не срок, предопределённый Богом, то спор их Он давно бы решил. Но те, кто после них наследовал Писание, воистину в сомнении о том!

(192) Чрезвычайная важность уточнения вынуждает прервать текст - да простится мне моя дерзость! - возглашает Ибн Гасан. Если после Нуха и Ибрагима, то те - иудеи, если после Мусы, то те - христиане, если после Исы, то те - мусульмане. Может, речь ведётся о многобожниках, пребывающих в сомнении о ниспосланном Коране, подтверждением чему -

нижеследующий аят?

23. Скажи, что возвещает Божьим рабам Он, - тем, кто уверовал, творил добро: Я не прошу у вас награды никакой, а призываю, чтобы вы любили ближних! Кто доброе творит, тому Мы многократно воздадим добром. Воистину Бог на благодарности не скуп, Он Всепрощающий!

(193) Недопустима тут слепота! - восклицает Ибн Гасан, выделяя из аята слова: "призываю, чтоб любили ближних", и продолжает: - О вы, которые по неведению Божественного замысла или фанатичной рьяности, а то и по причине узко понятой воинствующей веры в Аллаха, пытаетесь сузить толкование Его великого завета любви к ближнему! Кошунственно прочитывать это как призыв Аллаха видеть в ближнем чуть ли не Самого Себя (!) или Мухаммеда (?), людей лишь мусульманской общины, жителей священной Мекки и даже... близких родственников пророка (?!). Увы, многими мусульманами это так прочитывается, и якобы тем они выказывают любовь к Аллаху и его посланнику Мухаммеду. Пророк, прочитывая знаки и символы Бога, надеется, что поймётся так, как говорится, - без кривотолков и переиначиваний явленного и переданного!

88 (10). Йунус

47. К народу каждому, чтобы решить по справедливости и никого обидеть не желая, является [из них самих] посланник *.

* Сбоку - кораническая строка из суры 81 (14)/4 Ибрагим в напоминание: И каждый говорит на языке своём.

91* (7). Преграда [между раем и адом]

* Предшествуют суры 89 (34) Саба [Царство Сабейское], 90 (35) Ангелы.

29. Скажи: Бог мой повелел быть справедливым, лица обращать к Нему в мечети.

(194) Важное восклицание Ибн Гасана: О, какие искажения вызвало нарушение хронологии сур - их следовало воспринимать постепенно, с оттенением сначала одной, потом другой грани. Да простится мне, беспокойному, назойливости: увы, узкоземная логика восторжествовала! Якобы тут сказано, что при молитве надо обращать лик в сторону Мекки. Но это интерпретация поздняя! Сура ниспослана в мекканский период, когда обращались при молитве в сторону Эль-Кудса, Йерушалайма. Аят следует трактовать в том смысле, что при молитве надо общаться с Богом напрямую, минуя посредников.

34. У каждого народа - свой предел. И час, когда настанет, никто не отвратит, но не дано и никому ускорить!

(195) Нет, не могу умолчать: не смеют толкователи Корана переводить в с е о б щ е в разряд о д н о й лишь веры, пусть даже она м о я, оправдывая тем самым раскольную мысль, что Бог, ниспослав Коран, а с ним явив ислам, как бы отменяет другие Свои Книги, а тем самым - и другие веры! Добавлю, что в основе нарушения хронологии ниспосланных Богом откровений лежит концепция преимущества позднее явленных сур над ранними, вылившаяся в формулу: Последующее отменяет предыдущее. При этом ссылаются на аят, ниспосланный Богом в одной из последних сур, а именно - Часть целого (121/106): Не отменяем Мы и не велим забыть ни один ниспосланный аят, если взамен ему не являем лучший или равнозначный, которым объясняются наличествующие в Коране противоречия, разрешаемые в пользу последующих, якобы имеющих большую ценность, нежели предыдущие. Но лучший и равнозначный следует понимать не в плане отменяющий сути явленного прежде, ибо Бог не может качественно противоречить Самому Себе, а как более чётко выраженный, уточняющий. С этой точки зрения справедливо и полемическое суждение, что предыдущее не может быть отменено последующим, формула: Предыдущее отменяет последующее. Думается, что обе точки зрения неприемлемы, ибо и в том и в другом случаях человек

совершает недопустимое - пытается оценивать Божье Слово. Ответственность за наличие противоречий в Коране несёт не Бог, а человек: или он - в данном случае пророк - не так услышал ниспосланное, или другие интерпретировали явленное в угоду земным своим интересам.

206. Воистину и те, кто к Нему приближен, не превозносятся в гордыне, и славу воздают Ему, в смирении пред Ним склоняясь!

(196) Это - трое ангелов, вторгается в текст Ибн Гасан, избрав форму как бы внешнего несогласия. Они возомнили, превозносясь, что человек греховен изначально, а они чисты. Бог упрекнул их: мол, не хвастайте, ещё не ясно, сумеете ли сохранить чистоту, окажись вы на месте человека среди земных соблазнов! "Нет, - возразили ангелы, - устоим!" Бог в испытание послал их на землю в облике человецѣм. Первый же ангел, почувствовав, что не устоит пред удовольствиями земными, вернулся на небо, а двое других, Харут и Марут, остались, но увлеклись вскоре красивой женщиной, вверглись в грех идолопоклонства, даже на убийство пошли. Бог предложил им на выбор: быть наказанными в жизни ближней или дальней. Избрали первое, и с тех пор в оковах заточены в темницу в Вавилоне, мучимы жаждой, к ним сюда приходят те, кто желает научиться колдовству.

92 (13). Гром

36. Те, кому Писание Мы даровали прежде, да возрадуются тебе, Нами ниспосланному! Но есть среди них такие, кто отрицает часть его. Скажи: Мне велено Богу моему повиноваться, Ему не придавая сотоварищей. Я взываю веровать в Него, к Нему - возврат конечный!

37. Ниспосланный Коран - установленный Книга на родном арабском. Если после того, как Откровение тебе явилось, последуешь за страстями неверующих, никакой тебе не будет ни поддержки, ни защитника!

38. И до тебя Своих посланцев Мы являли, давали жён им и потомство. И не творил никто знамения, иначе как с соизволения Бога. На каждое время своё Писание.

(197) Двоякая интерпретация! - восклицает Ибн Гасан, не поясняя. Очевидно, имеются в виду те, кто не согласен, что Коран - органическая часть прежних Писаний. В этом контексте прочитываются следующие аяты, в частности: На каждое время - своё Писание.

39. Господь стирает, что желает, и утверждает. У Него - Мать Книг.

(198) Устал восклицать! Но как иначе вразумить приверженцев однобоких толкований Корана в угоду сиюминутным потребностям? Бог-де что-то стирает или стёр в прежних Писаниях, являет или явил новое как окончательное. Так слепо рассматривать Коран, якобы отменяющий предыдущие Писания! Бог полагает, что прежние Писания известны, без них не понять Коран, который не повторяет, а напоминает. Аят, думается, следует толковать так, что явленные Писания не исчерпывают всего, что хранится у Него, мы не можем считать, что нам уже всё явлено, тем более отменять или стирать что бы то ни было в ниспосланном Им прежде, иначе дадим дорогу спекулятивным манипуляциям!

40. Быть может, Мы тебе покажем часть обещанного, а может быть, упокоим твою душу: передавать услышанное надлежит тебе, а Нам - производить конечные расчёты!

41. Неужто не узрят, как по земле Мы шествуем, укорачивая её по краям? Богу надлежит вершить Свой суд, и никому не задержать Его суда, Он скор и быстр в расчёте!

(199) И снова попытка толковать аят в угоду земным интересам: мол, Бог укорачивает земное пространство немусульман и увеличивает пространство мусульман. Тем самым оправдывается экспансия, якобы угодная Богу. Здесь, в аяте - метафора Всеволодичества Бога! К тому же в мекканский период ни о каком расширении пределов исламского единобожия речи быть не могло.

94* (6). Скот

* Предшествует сура 93 (6) Разъясняемое.

60 (115). И Бога твоего речения законченность обрели по истине и справедливости, никто не вправе изменить ниспосланное Им, - Всеслышащ Он, Всевидящ!*

* Это можно понять двояко: Коран - Книга завершённая, законченная, цельная; или Коран - Книга последняя, конечная, и тем самым Мухаммед, с кем послание явлено, - пророк последний. Но не людям судить о том, что есть в вечности последнее!

61 (116). И если ты последуешь совету большинства живущих, то будешь сбит с пути Бога, ведь большинство предположениям разным следуют, догадки измышляют всякие!

83 (151). Скажи: Придите, я скажу, что запретил Бог*: (1) не придавать Единому Богу иные божества, (2) почитать родителей своих; (3) не убивать детей от бедности - и вас, и ваших чад Мы найдём чем прокормить; (4) мерзостных поступков не свершать ни явно, ни скрытно; (5) живую душу не губить - иначе как по праву. Всё это заповедал вам Бог, быть может, образумитесь!

* Эти заповеди, как и другие в Коране, перекликаются с запечатлёнными на скрижалях Мусы. Для удобства восприятия они отмечены в тексте цифрами.

84 (152). (6) Сироты имущество неприкасаемо, иначе как ему во благо, пока не станет крепче; (7) меру соблюдайте, (8) взвешивайте без обмана! (9) ноши тяжелей, чем может понести душа, Мы не возложим. (10) Спорите когда будьте справедливы, если даже это ваших родичей касается. И заповедям следуйте Бога. Всё это завещал вам Он, быть может, образумитесь!

99 (154). Помимо прочего, Мусе Мы даровали Тору, как итог Нашего благоволения всем, кто свершил благое, в разъяснение сущего, в путеводительство, чтоб явить им милость, - уверуют, быть может, что неотвратима встреча с Богом!

100 (155). Но и Коран - Писание благословенное, которое Мы явили вам, его смиренно воспримите, чтоб Мы могли помирить вас.

101 (156). Чтоб не говорили: "Писания ниспосланы не нам - лишь двум народам [иудеям, христианам], и потому пренебрегли мы ими".

102 (157). Чтоб не говорили: "Если бы Писание ниспослано нам было прежде них, мы следовали бы ему вернее, чем они!"

104 (159). Воистину ты не из тех, кто веру разделяет, и каждый - сам по себе*.

* Здесь оттенки сакрального и земного характера о тех, кто: а) единобожную веру делит на разные религии; б) разделился внутри веры по сектам; в) берёт из Писаний то, что его устраивает; г) преследует в вере корысть; д) устанавливает между верами состязание, считая одни лучшими, другие - худшими; е) выборочно следует обрядам.

МЕДИНСКИЕ (ЙАТРИБСКИЕ) СУРЫ*

* Из первой мединской суры 96 (2) Корова отпочкованы суры 95 Алиф, Лям, Мим, 97 Комар, 98 Месяц рамадан, 99 Сыны Исраила, 100 Аль-Курси, или Престол, 121 Часть целого, 122 Кибла и частично - 123 Хадж, Иные в связи с этим могли бы заметить, что Ибн Гасан позволяет себе, мягко говоря, вольности (а то и дерзости, богохульство), коль скоро допускает вмешательство в канонизированный текст - суру Корова, хотя это объяснимо (и можно простить?), ибо тут главенствует хронологическая целесообразность, а тем самым - бережное отношение к ниспосланному Богом. В одной из бумаг Ибн Гасан после первого аята суры Комар: Воистину Бога не смущает, чтоб в притче говорить о комаре, даже о том, что его меньше [ничтожней], - ведь это для уверовавших истина, что явлена их Богом, определяется соотношение названий Корова и Комар как великое и малое.

98 (2). Месяц рамадан

39 (224). И не клянитесь именем Божиим в доказательство благочестивости, богобоязненности вашей, - являйте это собственными делами: воистину Бог Всеслышащий, Всеведающий!

40 (225). Богу важны не пустословие клятв ваших, а что ваши сердца замыслили: воистину Бог Прощающий, Терпеливый!

43 (228). Но женщины, которым дан развод, - им выждать надобно три срока месячных. И не дозволено утаивать им, если в Бога и в Судный день уверовали, то, что в их утробах сотворено с Бога соизволения. И могут в этот срок их воротить мужья, желают если примирения. И женщинам дано такое право, как и мужьям, хотя они по степени - над ними. Воистину Бог Велик и Разумеющ [Ему виднее]!

(200) В Коране дважды говорится (+ в суре 111 (4)/34 Женщины) о превосходстве мужей над жёнами по части прав, но... - да будет сказано, наивно восклицает Ибн Гасан, пытаюсь как бы оправдать... но кого? Бога? или Мухаммеда, что не так им услышано? - что именно мужчина ответствен за семью, её обеспечение!

104* (8). Добыча

* Предшествуют суры 101 (98) Знамение ясное, 102 (64) Самообманы, 103 (62) [Пятничный] сбор.

63. Знай: если богатства всей земли употребил бы, и тогда не смог бы объединить сердца людей, - то Богу под силу лишь, ведь Он Премудр и Всевелик!

64. О пророк! Тебе достаточно Бога Единого, а также тех, которые, уверовав, последовали за тобой.

65. О пророк! На битву с нечестивцами да не устанешь вдохновлять уверовавших! Если будет два десятка вас, но стойких, терпеливых, то победить сумеете две сотни! А если будет сотня вас, то победите тыщу нечестивцев неразумные они!

66. Бог вам нынче облегчил [бадрскую победу], но ведаёт Он и про ваши слабости, - и если будет сотня стойких среди вас, то двести одолеете, а будет тыща стойких - одолеете две тыщи, но это с дозволения Божьего: Его поддержка - стойким, терпеливым!

(201) Земное объяснение преобладает при трактовке, в частности, и этого аята - верующие-де малочисленны, но не слабы: ведь их поддержал Бог! Речь, стало быть, не о количестве, а о качестве, и не следует утрачивать такие, по крайней мере, три качества, как: а) сохранение чувства реальности; б) умение не упиваться бездумно победой, добытой с помощью Бога, в) быть самокритичными *.

* Да будет мне дозволено вторгнуться в высшую тайну явленного Богом, дабы разгадать сокрытый в нём смысл: правомерно ли употребление для того времени такого понятия, как самокритичность?

105 (47). Мухаммед

4. А если станут те, кто не уверовал, сражаться с вами - по шее им удар мечом! А если победите, в плен живых берите!

5. Либо милость к ним, либо выкуп, пока война не сложит бремени. Вот так-то! Если б возжелал Бог, Он покарал бы их, но Он испытывает одних другими. Те, кто убит на пути Бога, - деяния их не напрасны!

6. Пути праведными шли они, и участь их успешна,

7. и их обитель - рай, о коем в Откровениях вам явлено.

16. В который раз да будет вам представлена картина сада райского, который Мы благочестивым обещали: там реки вытекают из источников, не ведающих порчи, молочные ручьи текут, и вкус их неизменен, а также винные ручьи, приятные для пьющих,

17. и ручки прозрачные из мёда. И множество плодов для них разнообразных, и всепрощение от Бога даровано им.

(202) В жизни дальней вино приятно, ибо не пьянит, пишет Ибн Гасан, будто доподлинно ему известно, а в жизни ближней вино неприятно, ибо опьяняет.

106 (3 *). Семейство Имрана **

* Ибн Гасан разделил эту вторую объёмную суру в каноническом Коране (после Коровы) на три части: собственно Семейство Имрана, а также 107 Бадр и 108 Взывающий.

** Имран, по Корану, отец Мусы, Гаруна и их сестры Марйам [Марии]. Иудеи и христиане, спорившие с Мухаммедом, укоряли его в слабом знании Писания, что путает обеих Марий - Деву Марйам и сестру Мусы и Гаруна Марйам. Но что Марйам в Коране - сестра Мусы и Гаруна, а не Дева Мария, заблуждение с точки зрения истории, а здесь - метафора внутреннего родства пророков: Дева Мария - сестра в плане духовном.

13. Знамение вам явленное - схватка двух отрядов: один сражался на пути Божьем, другой был нечестив, привиделись им первые во множестве, но первых подкрепил Своею мощью Он, - в том назидание для зрящих!

(203) Конкретное объяснение - сражение при Бадре. Но здесь - метафора: бой правых с неправыми, верующих с неверующими, праведных с нечестивцами, и Бог обеспечивает победу первым.

55. Сказал Бог: "О Иса! Тебя Я упокою, и будешь вознесён ко Мне, очищу от нападок тех, которые не веруют в Тебя, а тех, кто за Тобой последует, возвышу над всеми, кто не верует, - и так до Воскресения дня, пока все ко Мне не воротятся! И рассужу тогда Я вас, в чём разногласили.

(204) Нет! Не могу смолчать! Не выразить того, что жаждет выговориться, наружу рвётся, иначе задохнусь! - восклицает Ибн Гасан, дерзко вторгаясь в текст, хотя в аяте нет ничего необычного, что могло бы породить трагические нотки в голосе. Да, много таинственного в аяте, но не могу согласиться с трактовками, суживающими его смысл: Бог-де решил защитить Ису от подозрений, что он родился без отца. Может, Он и есть Отец? Или что-то было сказано Им ещё, но потом исчезло? В аяте, может, речь вовсе не о защите Исы: не "тебя очищу от нападок", а "тобой очищу всех"? То есть Бог не отменяет истинности Библии, Корану её или Корана ей не противопоставляет, напротив: п о д т в е р ж д а е т богоявленность Исы и н о в о я в л е н н о с т ь Мухаммеда, в свете этого вновь напоминая историю Исы *.

* Далее - более тёмными чернилами, даже другим почерком, будто пишет левша: И да усвоят мусульмане: Коран явлен не потому, что были плохи Ветхий Завет и Новый Завет, а потому, что люди, уверовавшие в них, не стали жить по их заповедям. Мухаммед явлен не потому, что Муса или Иса были хуже. А потому новым напоминанием Бог надеялся - да возьму на душу грех, чтобы произнести: зря надеялся! [?! - Ч.Г.] - заставить людей образумиться. Да не возомнят люди, считающие себя мусульманами, что изначально освобождены [здесь больше подходит гарантированы! - Ч.Г.] от ошибок, греховных поступков, нарушений Его заповедей, как это случалось, в частности, с людьми Писания. Кто знает, не возжелает ли Бог явить нечто новое из Книги Книг, хранящейся у Него на небе? Не пошлёт ли нового пророка, коль скоро не очень желает род человеческий уподобиться Ему по образу мыслей и поступков?

59. Воистину Иса для Бога сродни Адаму, из праха созданному, молвил: "Будь!" - и стал он.

(205) Да простится мне, ничтожному рабу Божьему, новое вмешательство в текст, созвучное ранее высказанному: в уподоблении Исы Адаму - сродни - Бог имеет в виду не

столько то, что Иса-де не был сыном Божьим, сколько то, что оба они - Адам и Иса - совершенно отличны от всех иных людей, ибо все, кроме Адама и Исы, рождены, имея мать и отца, а рождение Адама и Исы исключительно и неповторимо: в первого вдунут Его дух, а второй, не имея р е а л ь н о г о о т ц а, порождён Духом Его! Неужто это делается для того, чтобы возвысить Мухаммеда? Но ведь он и так возвышен, выбранный пророком из людей!

60. Истина - от Бога твоего. И да не усомнишься!

61. Если станет кто препираться, когда с тобою знание Его, скажи: Давайте призовём сынов всех наших, и сынов всех ваших, и женщин наших, женщин ваших, нас самих и вас самих и сообща, все вместе воззовём в молитве к Богу, и Его проклятие направим на лжецов!

(206) Некоторые грамотеи самоуверенно, главное - настойчиво [не таков ли и он сам, Ибн Гасан? - Ч.Г.] добавляют, что вышесказанное, а именно: Истина и Знание Его, относится только лишь к Исе! Далее Ибн Гасан продолжает навязывать читателю свои восклицания [нужны ли они? - спрошу, чтоб тут же ответить и себе, а также в защиту Ибн Гасана: очень даже нужны!]. О, как неистребимо стремление всё тех же грамотеев к земному объяснению явленного Богом! Как можно небесное переводить в сугубо земное? Утверждать, что Бог, говоря о сынах и женщинах, имеет-де в виду к о н к р е т н о дочь Мухаммеда Фатиму и её сыновей - внуков Мухаммеда Гасана и Гусейна?!

63. Если отвратятся от тебя [не примут рассказа об Исе*], - то что ж: Бог - Он ведаёт о тех, кто множит порчу на земле!

* Странно, но Ибн Гасан на сей раз сдержался от восклицającego недоумения, что-де здесь вовсе не имеется в виду Иса: отвратятся от тебя понятие более широкое и объёмное, нежели не примут рассказа об Исе.

64. Скажи: О люди, коим явлено Писание! Да обратимся к Слову Бога Единого, Который нас делает равными друг с другом! И чтобы никому иному нам, кроме Него, не поклоняться! Сотоварищей Ему не придавать! Чтоб не были одни из нас над другими вознесены, для вас и нас один Владыка - Сам Бог Единый!

(207) Нельзя не заметить, - важное пояснение Ибн Гасана! - что этим обращением начиналось известное Послание Мухаммеда к властелинам ряда стран, так и не услышанное, более того - подвергнутое осмеянию, о чём говорится в одном из свитков коранического повествования.

107 (3). Бадр*

* Ибн Гасан не объясняет причину отсутствия в каноническом Коране суры под названием Бадр, но можно в свете его рассуждений о вмешательстве людей в структуру ниспосланного Богом Корана (изъятия, например, из сур названий Муса и Иса в ситуации конфронтации с иудеями и христианами) высказать предположение, что составители Корана в условиях принятия ислама бывшими врагами Мухаммеда - его сородичами-мекканцами, решили лишний раз не напоминать им об их позоре - войне с Мухаммедом.

25 (145). Не умирает человек иначе как с дозволения Бога, в свой срок установленный.

111* (4). Женщины

* Предшествующие суры - 108 (3) Взывающий, 109 (61) Выстроенные рядами и 110 (57) Железо.

34. Мужья - они по степени стоят над жёнами, поскольку дал Бог одним перед другими преимущество, и мужья из своего имущества расходуют. Добродетельные женщины и преданны, и честь семьи хранят, и берегут добро, и тайное, что Богом завещано, оберегают. А тех, чьей непокорности остерегаются, - поначалу их увещивайте, а если не поможет, ложе их покиньте, даже накажите, побейте! И если повинятся и раскаются, не обижайте их, и не

ищите поводов, чтоб наказать их! Воистину, Бог Возвышен и Велик!

(208) О, сколько, восклицает Ибн Гасан, было споров, недоумений: мол, как мог требовать такого для женщин Бог?! Но Мухаммед осуждал избиение жён! Он что же, выступал против Того, Кем явлен?! Впрочем, рекомендовал в случае супружеской измены "лёгкую форму" битья жён, не разъяснив, что это такое. Или... - не так были им расшифрованы и переведены на родной арабский язык тайные знаки Бога?

38 (129). Человек, хоть и старается, не сможет быть одинаково справедливым к своим жёнам, но помнить надлежит - не выделяйте одну перед другой, оставляя её висящей [в неясности, точно заброшенную, в подвешенном состоянии: не вдова - не мужняя жена]. В том благочестие, если по-доброму и равно будете вы к жёнам относиться, - воистину, Бог Прощающ, Милосерд!

113* (4). Финиковая плева

* Предшествует сура 112 (4) Вес пылинки.

6 (49). Узри тех, кто исключительностью хвастает своей! [Иудеи - что богоизбранны, а христиане - что Иса сын Божий]. Богу виднее, кто Им избран и кому воздать хвалу, - ни один не будет зря обижен и на финиковую плеву!

114 (4). Благословение

4 (74). Пусть на пути Бога сражаются те, кто жертвовать готов во имя жизни дальней! Всяк, кто сражается во имя Бога и побеждает или гибнет, ждёт его у Нас великая награда!

5 (75). Но почему вы на пути Божьем не сражаетесь за стариков, за женщин и детей, за всех, кто терпит гнёт, изнемогая? Неужто вы не слышите их зова, к вам обращённого? "О Боже! - молят. - Выведи нас, освободи от тиранов! Осени Твоим благословением! Будь нашим покровителем! Яви нам Свою помощь!

9 (79). Да, всё хорошее, что человеку явлено, - воистину от Бога, а за дурное, что случилось, сам человек ответствен, более никто!

120* (58). Пререкающаяся

* Предшествующие суры - 115 (59) Собранные, 116 (33) Сонмы, 117 (63) Лицемеры, 118 (24) Свет, 119 (24) Мираж в пустыне.

39. Дозволено тем, на кого напали, с насильником сражаться. Воистину Бог - помощник им [кто защищает поруганную честь],

40. тем, кого изгнали незаконно из своих домов за то лишь, что говорили: "Господь наш - Бог Единый!" И если б не заступничество Бога, давно б разрушились скиты и церкви, синагоги и мечети, места, в которых имя Господа во славу Его поминается премного.

130* (9). Покаяние

* Предшествующие суры - 121 (2) Часть целого, 122 (2) Кибла, 123 (22) Хадж, 124 (5) Клятва, 125 (48) Победа, 126 (66) Запрещение, 127 (60) Испытуемая, 128 (110) Помощь, 129 (49) Покои.

5. А завершатся месяцы запретные - бейте многобожников, где их найдёте, берите в плен и осаждайте в крепостях, устраивайте им, где сможете, засады!* А если явится кто с покаянием и будет совершать молитвы и очищающие подати давать, то дайте им дорогу, ведь Бог Прощающ, Милосерд!

* Эти строки вызвали немало толков по стилю и лексике: Божьи ли слова? Так ли услышано Мухаммедом? Не привнесено ли впоследствии?

6. Если многобожник у тебя прибежища попросит - приюти его, чтоб услышал слово Бога! И в место безопасное отведи его - многие ведь нечестивцы по невежеству.

131 (5). Трапеза

32. Сынам Исраила Мы предписали: Если кто убил кого не в отместку за другого и умножение порчи [в отместку за нечестие] на земле, тот убил всех людей [приравняется к убийству всех]. Если кто оживил кого - тот оживил всех людей.

132 (5). Печаль

8 (48). Мы ниспослали и тебе Писание, чтоб истинность Писаний прежде явленных подтвердить и для охраны... Общине каждой Мы устроили дорогу веры, праведный дав путь. Если бы захотел Бог, сделал бы Он вас народом единым, чтоб испытать на верность всему, что даровал Он вам. Старайтесь же опередить друг друга в деяниях праведных. К Богу ваш возврат конечный, воздаст сполна за то, что разногласили!

28 (68). Скажи: О люди Писания! Вы не добьётесь ничего, если не будете держать перед собою прямо Тору или Евангелие, то, что вам низведено от вашего Бога [Коран].

29 (69). Воистину все те, которые уверовали, иудейство исповедуют, и сабии, и христиане, кто в Бога и в День последний уверовал, и совершал дела благие, - они не испытают страха, не познают горестей!

48 (110). Бог молвит: "О Иса ибн Марйам! Вспомни милость Мою, явленную тебе и твоей родительнице, - подкрепил Я вас Духом Святым! Ты говорил с людьми, как взрослый, в колыбели. Я мудрость дал тебе, научил Писанию - Торе и Евангелию, из глины птиц ваял ты, дул на них, и они, по велению Моему, становились птицами, слепого делал зрячим, по воле Моей прокажённого исцелял и мёртвых оживлял с Моего соизволения. Но отвратились от тебя сыны Исраила, когда явился с ясными знаменами к ним. Неуверовавшие: "Колдовство очевидное!" - молвили".

133 (5). Завершение*

* На многих листах, в том числе здесь, сразу после заглавия - кочующая фраза: Текст обрывается! Не успел завершить! Почерк, хоть подделан под чужой, как ни странно, - Ибн Гасана! Он что же - заранее вписывал эту фразу после каждого фрагмента, боясь, что не сумеет или не дадут ему завершить задуманное? Предчувствия его не обманули.

1 (3). ... Сегодня те, кто не уверовал, отчаялись в надежде отклонить от веры вас - не надо их бояться, бойтесь Меня!

Сегодня завершил Я ниспослание вам веры, милость Свою явив к тем, кто поклоняется Богу Единому.

2 (7). Помните о благодеяниях Бога, чтите завет Его, с вами заключённый, когда молвили: "Слушаем и повинуемся!"

Да убоитесь Бога - Он Сведущ обо всём, что в вашем сердце скрыто!

3 (8). О вы, которые уверовали! Будьте стойки в вере в Бога вашего, справедливо обо всём свидетельствуйте!

И да не будете пристрастны к тем, к кому питаете неприязнь! Справедливость благочестию сродни.

Да убоитесь Бога: Он Сведущ обо всем, что в вашем сердце скрыто!

4 (9). Тем, которые уверовали и творят добро, Богом прощение обещано, великая их ждёт награда.

5 (10). А тем, кто не верует и ложью почитает ниспосланные Нами аяты, обителью огонь геенны уготован.

(209*) Кажется, поставлена последняя точка. Но не пора ли, завершив повествование, которое завершить невозможно, начать, не откладывая, снова, дабы по окончании прийти к тому, о чём только что сказано?

* Ч.Г.: Так вышло, будто в этом знамение какое, что количество комментариев Ибн

Гасана и моих сносок, во-первых, совпадает, а во-вторых, делится на священные девятнадцать.

Тут же на отдельном листке - текст молитвы:

Молюсь, благодарю Всевышнего Господа Аллаха за то, что Он дарует свет моим очам, чтобы я видел и сумел прочесть и постичь священную вязь; дарует силу рукам моим, чтобы пальцы крепко удерживали калам, коим записываю аяты Священной Книги, запечатлеваю думы; дарует терпение и мужество, чтобы исполнил волю Его. Но каждый раз... - текст обрывается, что-то ещё было начертано каламом, но тщательно замазано тушью и не прочитывается. Даже буква не просматривается! И оттого досада, которую не избыть, что сокрылось что-то очень важное, существенное, и этого, кажется, никогда не узнать.